

Хорошо, когда кто врет,
Весело и складно
А.Твардовский

Часть 1. СУХОПУТНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

*Три фрукта варятся в компоте, где плещет жизни кутерьма:
судьба души, фортуна плоти и приключения ума...*
Игорь Губерман

Предисловие

*И куда мы держим путь, это ведь не главное,
Главное – держать его, а не знать куда.
Топями, болотами много мы протопали,
Кровию ли, потом ли полита трава.*
А. Градский

Химией я занимаюсь с детства. С шести лет. Уже 70 лет. Конца пока нет. Мне нравится собирать какую-нибудь уникальную по замыслу аппаратуру, особенно из нержавеющей стали и разбираться, почему она не работает. Теории я тоже уважаю и уделяю ей много внимания: два десятка моих учебников и монографий посвящены математической химии, диффузии, информатике, нелинейной динамике. Много возжусь с программированием, моделированием и обработкой результатов экспериментов. Ну, и преподаю.



*К первой моей экспедиции ружьё
и патроны к нему в нашем доме в
Клязьме готовил отец.*

Это я к тому, что я – типичный учёный-химик, университетский профессор. Стандарт!

Всё это так. Но есть одно но! Любовь к путешествиям у меня проснулась ещё раньше, чем к химии. Мне ещё не было трёх лет, когда я ушёл из дома. Ушёл от мамы-папы, многочисленных нянек и приживалок,

обитающих в нашем разорившемся поместье и приставленных следить за мной. Начал знакомится с окружающей средой, расширять среду обитания. С тех пор много раз покидал свой дом, но всегда возвращался в него. Я был подвижен, а дом стоял на месте. Можно сказать, что я всю жизнь ходил в радиальные маршруты. Это были одиночные блуждания (иногда – с подругой), были школьные походы, университетские (в том числе – агитпоходы), командировки по стране и за рубеж, семейные путешествия. Но всё же главное – это экспедиции: их было 21! На начальном этапе я работал рабочим-коллектором в чужих экспедициях. Обычно – геофизической направленности: Якутия, Горный Алтай, Нижняя Тунгуска, Туруханский край, Камчатка. Потом я стал сам организовывать экспедиции, был их начальником и научным руководителем. (Обычно в трёх ипостасях сразу). Радоновая съёмка Камчатки, радиозоологические морские экспедиции: Чёрное, Азовское, Каспийское, Мраморное и Эгейское моря. Организовал морскую экологическую практику для студентов Химического факультета МГУ. Лет десять эта практика функционировала. Эти экспедиции финансово поддерживались государством: плановая работа Университета, гранты, хоздоговора. Но были и частные

экспедиции. Не подумайте только, что их спонсировал какой-то благотворитель. Нет! Каждый участник платил сам за себя. В сущности, это были походы. Обычные походы московских интеллигентов, любителей активного отдыха, но с параллельными научными интересами. Измерение радиоактивности на месте, отбор проб и их самостоятельный анализ в лаборатории. Бескорыстная любовь к науке. Чёрные (ториевые, монацитовые) пески Мариуполя-Бердянска, подводные вулканы и биогаз Азовского моря, экосистемы, природная и техногенная радиоактивность Белого моря, миграция природных радионуклидов в Тихоокеанских вулканических подводных разломах, динамика перемешивания вод Атлантического и Индийского океанов в районе мыса Доброй Надежды, последствия падения самого крупного в мире метеорита в районе Трансвааля, ЮАР.

Много чего интересного мне повстречалось.

Отправил по инстанциям я множество научных отчётов. Малохудожественных правда. Делал по ходу некоторые заметки, писал письма жене с описанием весёлых приключений и занятных происшествий, иногда - рассказы с привиранием (фантастикой). Старался их сделать художественными.

И, вот, заканчивая своё земное существование, разбирая и уничтожая архив, решил собрать относящиеся к путешествиям заметки в единый текст. Собрал. Прочитал с удовольствием. Молодость вспомнил. Эпоху, ставшую теперь исторической.

Слабая надежда, что представленные здесь отрывки будут интересны моим дальним потокам. Кто знает?

*Нам не дано предугадать.
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.
Ф.И. Тютчев*

ЯКУТИЯ

Яно-Адычанская экспедиция

Моя первая экспедиция.

Яно-Адычанская экспедиция от ИМГРЭ (Институт минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов) осуществлялась с 30.04.1961 по 10.09.1961. Экспедиция включала трёх москвичей: начальница в возрасте, техник средних лет и я - тогда студент МГУ, перешедший на третий курс, 19 лет (20 исполнилось в разгар экспедиции), на месте к нам присоединился пожилой каюр (якут). Восемь лошадей, 2 собаки и лодка. Цель экспедиции – отбор проб гранитов с целью дальнейшего определения содержания в них редких и рассеянных элементов. Район экспедиции: северо-восточный угол Якутии, в бассейн рек Яна (*Яна – река очень большая (якут.)*), её приток Адыча, и приток Адычи Туастах, Горная страна Черского, составляющие их хребты, верховья реки Индигирки, одинокая гора Кёстёр, посёлки Батагай, Бетенкёс, Депутатский, оловянные рудники и обоганительные комбинаты, месторождения олова, полиметаллов и золота. Маршруты по разрушенным лагерям и брошенным посёлкам, по тайге, тундре, лесотундре, горам и болотам. Охота и рыбалка. Знакомство с местной флорой и фауной, с аборигенами, с ссыльными и геологами, начальниками и бандитами.

Самая опасная и тяжёлая моя экспедиция.

Так закалялась сталь.



Батагай на карте Якутии.

Якутск

1961 год я встретил на втором курсе. То ли из-за нервного напряжения на летней целине, то ли из-за бурного роста организма при переходе от отрочества к юности, то ли из-за ненависти к аналитической химии, то ли от непривычной жизни в общежитии в отрыве от дома, но чувствовал я себя плохо: кружилась голова, периодически норовил упасть в обморок, немели руки и почему-то челюсть. Стало ясно, что с этим надо что-то делать. Не в поликлинику же идти. Но и не на целину. Хотя я на первом курсе и много сделал для участия химиков в этом, и мне понравилось это дело, но понравилось строительство, а не попытки взять под контроль стихийные поры, не стремление к аналогу военных лагерей, не введение института комиссаров, этих неумех и бездельников, призванных следить за моей нравственностью. С этим я как-нибудь без сопливых справлюсь. Короче, пора на волю в пампасы. В этом меня поддержал Валера Муравьев, с которым мы дружили со времён целины и с которым учились в одной группе радиохимиков.



Якутск демонстрировал себя сквозь туман.

Решили мы поехать вместе в одну экспедицию в какой-либо забытый богом угол Сибири. Я проявил инициативу и нашёл нечто подходящее. Вместо июня, стали досрочно сдавать сессию в конце апреля. Я — не очень удачно, но сдал, а Валера завалил и ему



пришлось остаться пересдавать. Потом он уже без меня отправился на Таймыр, что привело к драматическим, можно сказать — трагическим последствиям. Общения с гномами и Синильгой не пошли ему на пользу...

На многочисленных прилавках на хвостах стояла рыба. Едят сырой, как строганину.

В трудовую книжку внесли новую запись: коллектор Яно-Адычанской экспедиции. Временно стал я сотрудником Института редких и рассеянных элементов, ИМГРЭ.

Экспедиционный отряд наш был небольшим: начальник Анастасия Семёновна Семёнова,

рабочий Герман (мы его знали, как Анатолий) и я. На месте к нам присоединился якут Афонас Николаевич Мордовских (должность – каюр).

На майские праздники на большом самолёте вылетел в Красноярск. Там пересели на меньший самолёт и долго шли сначала над Енисеем, потом над Байкалом, а уж затем и долго – над Леной. Россия впечатляет своей величиной. И пустотой. Час за часом идём на бреющем полёте, но ни домов, ни селений, ни фабрик-заводов. Чёрная тайга, деревья в воде, озёра и реки, разлившиеся по случаю весеннего половодья. Если есть огонь и дым, то значит – горит тайга. По неизвестной причине. Самолёт трясло, он проваливался в воздушные ямы. Многие пассажиры страдали морской болезнью. Я – нет.

Впечатлили скалы на Лене. Я потом много видел (и лазил по ним) скал-останцов. Но, конечно, им до ленских далеко.



Ленские столбы: говорят, большее впечатление производит только Гранд-Каньон в США.



И нам тут гулять?! Под нами -Верхоянский хребет, а далеко впереди по курсу - хребет Черского.

Долго ли, коротко ли, с посадками и взлётами, всего за три дня, добрались мы до Якутска, где приземлились на бетонное поле в огромную лужу. Ночевали в гостинице для лётчиков, где общался с геологами, недавно открывшими и описавшими алмазные трубки. Много позже сравнил российский подход к алмазным делам с африканским и подивился.

Поскольку лётчик, который должен был вести нас дальше куда-то подевался, то немного побродили по городу. Много стоек за колючей проволокой, зеки, выпрашивающие сигарета, охрана с винтовками и собаками, трубы в завалинках, идущие поверх земли и деревянные лестницы - переходы через них, сильный запах туалетов, река Лена, куда-то исчезнувшая, набережной нет, а хотелось по ней прошвырнуться. Снег уже тает, сосульки. Красные флаги по случаю 1-го мая. Людей мало, якут почти не встречаются. Народ довольно приветлив. Туман скрывает город, придавая ему некоторую нереальность

Утром погрузились в небольшой грузо-пассажирский самолёт и влетели на Север. Верхоянский хребет сразу взять не удалось из-за сплошной облачности, было вернулись, но появились разрывы в облаках и мы-таки прорвались и достигли долины Яны. Я сидел в кабине лётчиков и пейзаж мне хорошо был виден. Яна – большая река – лежала ртутными кольцами. За ней вставала горная страна Черского. Впечатляла!

Прошли над Верхоянском. Покачали ему крыльями в знак приветствия. Тогда он был достопримечательностью – Полнос холода и этот микрогород, в реальности – центр колхоза – знала вся страна. Здесь располагалась метеостанция, данные которой по несколько раз в день сообщали в сводках погоды. Мы слышали: сегодня в Верхоянске минус 60 градус Цельсия и нам при нашей температуре -30° становилось теплее.

И вскоре сели на холме на правом берегу Яны близ посёлка Батагай – административного центра верхоянского района.

Везле лежал снег. Здесь, за Полярным Кругом, ещё продолжалась зима.



Летим, летим, а Яна всё мотает и мотает свои кольца.

Батагай

Батагай (а может Батыгай, ибо почтовый штемпель в аэропорту тискает именно так) расположен на правом берегу Яны в 5 км ниже впадения в Яну реки Батагай. в 90 км ниже Верхоянска От Якутска находится на расстоянии: наземным путём – 1068 км, водным – 2785 км, воздушным – 705 км. Почему он так называется – никто не знает. Разные версии гуляют.

Батагай – промышленный (рабочий) посёлок – очаг культуры и центр олово-добывающей промышленности. Основан в 1939 г. в связи с открытием и разработкой самых больших в СССР месторождений олова (19.03.1943 на полную мощность пущена обогатительная фабрика. Отнесён к категории рабочих посёлков в 1945. 6000 жителей (1968). В описываемое мной время здесь проживало порядка 6000 человек, потом число жителей сократилось в несколько раз. Оловянные руды, некогда весьма богатые, были выработаны, комбинат уже перерабатывал отвалы, обогатительная фабрика закрывалась, и через несколько лет прекратила работу. Посёлок стал вымирать. Однако, руд полиметаллов вокруг него много. И кто знает? Может о ещё возродится. Надеюсь - без лагерей.

Оловянную руду – касситерит – добывают не в Батагае, а в нескольких разбросанных по району рудниках, из которых основной – шахта в Эге-Хая (кажется, переводится как медведь-гора, посёлок ещё называют Эсэ-Хая и даже Эсэ-Хайа). Раньше всё это делалось руками заключённых. Верхоянский район был покрыт сетью лагерей (отнюдь не пионерских). Эти лагеря были не только горно-рудными, многие занимались лесоповалом и сельским хозяйством – обеспечивали город и предприятия дровами, молоком и мясом. В моё время заключённые ещё были, но их число заметно уменьшалось. Работали ссыльные и вольнонаёмные.

Основное назначение города – перевалочный пункт. Сюда свозят обогащённую руду, сортируют, складывают, а затем баржами сплавляют вниз по Яне, где большие корабли с ледоколами забирают богатство на материк. А на встречу идут пароходы – северный завоз – везут оборудование, стройматериалы и продукты – запасы на долгую (долгую!) зиму. И конечно солярку-бензин – в припортовой зоне большой склад нефтепродуктов, откуда их развозят по региону. С юга, с Колымской трассы, машинами завозят уголь.



Уже в аэропорту Батагай на нас пахнуло экзотикой.

Посёлок лежит на площадке между рекой и полукругом холмов. Жилые дома – довольно далеко от реки – всё что ближе, Яна во время наводнений (иногда три раза в год)

безжалостно сносит. От города отходит несколько дорог, некоторые с твёрдым покрытием. Зимой по ним ездить можно, а летом не всегда – мерзлота тает и дороги плывут. Есть два озера: одно внизу, старица, надо полагать, а второе (озеро-водохранилище) нависает над посёлком. Опасное дело! Улицы довольно широкие, асфальта практически нет, песок и гравий, видимо от переработанной горной породы. Весной и в начале таяния мерзлоты – грязь, труднопреодолимая, а летом – пыль, после проезда машины образуется мощный столб, который долго не спадает. Тротуары деревянные, покрытые то ином, то росой. Дворы огорожены низкими заборами, плетнями, переживающими не лучшие времена. На цепях – злые собаки неизвестной породы, на свободе бегает много бездомных дворняг – все в густой шерсти (малошерстные вымерзли). Столбы с проводами, трансформаторные будки, все с сильным наклоном в разные стороны, с угрозой на кого-нибудь упасть в ближайшее время. Улицы пустынные – ни людей, ни машин. Палисадники пустые, встречаются чудом уцелевшие лиственницы, пара тополей, возможны сами собой зарождающиеся кустарники. Навозные кучи обрамляли всходы крапивы. По утрам из труб большинства домов поднимались столбы дыма. Топили интенсивно, но чем – непонятно, судя по черноте – каменным углем. Но кто и как его сюда доставил?



Берег Яны не обустроен – гранитной набережной в мои времена ещё не было.



Дом культуры. Построен заключёнными. В одной из колонн замурован бригадир, несправедливо закрывший наряд.

Древних построек, типа каменных купеческих домов, церквей, монастырей и т.п. не наблюдалось - город молодой, индустриальный: спускающийся с сопки горно-обогатительный комбинат, теплоэлектростанция, скопления цистерн с соляркой, несколько каменных домов официального назначения, в больших количествах бараки, как одно-, так и двухэтажные, есть и частный сектор. Многие дома косили под старину, были в чёрных подтеках, с наклоненными стенами, поехавшими, местами провалившимися, крышами, осыпавшейся штукатуркой и краской. Поверхности деревянных построек были какими-то дряблыми, поросшими жёлтыми лишайниками на стенах и пегими на крышах.



Да, жизнь домов в местном климате трудна. Очень трудна!

Поселись мы в доме с балконами – самом красивом в Батагае.

Центральной канализации нет и это сказывается, не так, как в Якутске, но всё же. Кучи нечистот, помойки, свалки из консервных банок встречались повсеместно. Хотя руководство города боролась с этим, но силы были не равны...

Центральная улица Батагая – улица Ленина (жаль, что не проспект).

Сначала была школьная, потом повысили. На ней ядовито-малиновый Дом культуры с шестью колоннами (сталинский ампи́р). Его строили зеки-уголовники – в лагерях существовало строгое разделение труда: на тяжелых работах в рудниках трудились политические, на лёгких, в строительстве, на транспорте – "социально близкие" урки. В одну из этих колонн на фасаде здания уголовники закатали бригадира, который неправильно, по их мнению, закрыл наряды. В какую именно мне установить не удалось.

В условиях вечной мерзлоты в землю ничего не закопаешь. Поэтому трубы здесь, как, впрочем, во всех заполярных городах идут поверху. Они упакованы в деревянные короба, замотаны утеплителем и засыпаны землей. Похожим способом здесь выращивают картошку – в огородах стоят деревянные коробки с привезённой землей. Многоквартирные дома в Якутии строят обязательно на сваях, которые забиваются на 8-12 метров в грунт. Почва из-за годовой разности температур в сто градусов постоянно "плавает", поэтому обычный фундамент здесь не годится.

Есть пара магазинов. Цены кусаются – всё раза в два дороже, чем в Москве, особенно фрукты-овощи. Зато, если денег нет (как у нас в первое время), то дают в долг, записывая в специальную тетрадь.

В моё время в Батагае была почта, сберкасса, телефонная станция, амбулатория, больница, баня, хлебозавод, столовая, гостиница, средняя школа, музыкальная школа, Обком КПСС, Райисполком, геологическое управление", архив, отдел внутренних дел района, пожарной охране района, Управление ветеринарии, лесхоз, метеостанция - всё, как доктор прописал.

Обогатительная фабрика взбирается на горку. Остатки лагеря под названием стройгородок, за ним – нефтебаза и артели золотоискатели (Если есть золотоискатели, то и золото где-то поблизости?). Трубы большого диаметра идут от Яны к обогатительной фабрики, самих их не видно – они в завалинках с деревянными коробами. На дорожках при пересечениях с тепломагистралями – лесенки-мостики. Иначе их не форсируешь. На окраине посёлка – валы, можно сказать – горы, из пустых бочек и консервных банок, ржавеют на свежем воздухе.

Улицы пусты. Население – тысяч шесть, а где оно?! Прохожие редки, иногда проедет грузовик или начальственный газик, шагом проследует верховой якут. Скопления

аборигенов встречаются в магазинах, в бане, амбулатории, в клубе. А так, вроде нет никого.



Прииск Эге-Хая (Эсэ-Хайя).

В Батагае – мощное геолого-разведывательное управление, от работы геологов зависит судьба посёлка – найдут руду полезного минерала – будет посёлок, нет – прииски истощатся, придётся всё бросать и перебираться на новое место. Управление размещается в большом белом двухэтажном каменном доме, украшенном балконами, флагом и транспарантами. В нём мы и поселились.

Жизнь и приключения в Батагае и его окрестностям я описал в томе 3 данного собрания сочинений (Верхоянская сага). Здесь остановлюсь только на нескольких моментах.

Дело происходит в Якутии, но якутов в Батагае меньше, чем в Москве. Конечно они есть, но это либо начальники, сидящие в кабинетах с важным видом, но решения принимают и командуют всем и вся вовсе не они, либо – подсобные работники, типа посудомоек в столовой. В посёлке можно встретить азиатские лица но преобладают европейские. Если начать разбираться, то кого здесь только нет. Национальный зоопарк какой-то! Концентрация всех видов на небольшой площади. Русские, немцы (с Поволжья и из Германии), румыны (они-то откуда?!), украинцы, ингуши, чеченцы... Китайцы, Японцы, возможно, Корейцы. Как их различать прикажете? Проще назвать, кого не было. Как-то жили в одном теремке (бараке). Каждый верил в своего Бога. Дай им волю – немедля перегрызут друг другу горло. Но воли не было – кругом пустыня, ледяная и болотная. Хода нет! Приходится дружить. Как-то взаимодействовать. Как в Ноевом ковчеге при наводнении.

Ну, положим, разнообразием наций меня особо не удивишь. Поднимайся в московском метро на эскалаторе и смотри, кто спускается на встречном. Морды разнообразные. Да и у нас на курсе кого только нет.

Какая смесь одежд и лиц,

Племён, наречий, состояний!

Теперь о смеси состояний. Кто-то метёт двор, кто-то крутит баранку, моет пол, готовит обед в столовой, чинит кран, учит малышей правописанию... Кто это: дворник, шофёр, уборщица, повар, водопроводчик, учитель? И да и нет. Да, потому, что сейчас они зарабатывают этим на жизнь. Но ты поинтересуйся и узнаешь. Дворник в миру был профессором философии, шофёр – известным поэтом, чьи песни до сих пор поёт страна, уборщица – балериной в Большом театре (и по совместительству – женой врага народа, генерала и члена ЦК партии), повар – платным киллером, водопроводчик – главным конструктором, учительница – проституткой. Каждый встречный-поперечный прожил две

жизни: одну до тюрьмы и лагерей, другую – после. В обращении надо быть аккуратным: обидишь - нарвёшься на неприятности. Смертельные неприятности.

Хорошо, если кто в форме. Хотя как-то можно ориентироваться. Видно: это – геолог, это – милиционер, это – солдат, а этот, судя по отъевшейся роже - начальник продуктовой базы. Но обычно по одежде судить трудно. Легко ошибиться даже в современном статусе, не говоря уж о прошлом. А полезно угадать профессионального уголовника. Чтобы обойти его сторонкой...



Остатки лагерей в Верхоянском крае.

Вот бане, где по классике все голые и все равны, с информативностью намного лучше. У некоторых избыток ран и швов на теле, кто-то весь в татуировках, а у кого-то нет ни одной. Татуировки разные: надписи, купола, профили, кресты и звёзды. По ним можно судить, кто есть кто. Но важно быть образованным: портрет Сталина на груди, вовсе не означает, что мужик – коммунист. Это как раз беспартийный вор-карманник. Он рассчитывает, что чекисты не будут стрелять в Сталина и, следовательно, ему в сердце. Они, действительно так не делают: ставят на колени и стреляют в затылок. И свастика на плече вовсе не означает, что перед вами фашист, а звезда Давида не означает еврея. Тонкое дело, в символах надо разбираться.

Летел я дальний угол Сибири, думал буду общаться с аборигенами (якутами, эвенками, тунгусами, юкагирами, чукчами, не знаю кто тут ещё обитает). Чуть было русско-якутский словарь не приобрёл. И что?! Русского языка вполне хватило. Лучше бы эстонский выучил, здесь эстонцев больше, чем якутов и тунгусов вместе взятых. Много румын (почему румын?!). Евреи (а где их нет), немцы, поляки, ингуши и узбеки. Назови любую национальность, кто-то отзовётся.

Местные (т.е. родившиеся в Верхоянском крае) есть, но их мало. Тут приезжие: по комсомольским путевкам, по вербовке на Севера (за должностями, большой зарплатой и пенсией: вернёшься на материк – домик или квартиру купишь), наёмные рабочие, добровольцы, прибывшие по распределению, по воинской службе, протрафившиеся партийцы или цеховики, решившие в здешних краях отсидеться. Инженеры-строители, механики на фабрике, маркшейдеры на шахте, геологи, врачи, милиционеры и охранники. Но основной контингент – "химики", т.е. лица, находящиеся под надзором милиции, ссыльные, недавно освободившиеся из лагерей, которым некуда и не к кому ехать, ожидающие достижения пенсионного возраста. Были и осевшие здесь по семейным обстоятельствам.

Большинство – "бывшие": недобитые дворяне и капиталисты, православные священники и деятель других религиозных культов, сектанты, махновцы (!) и петлюровцы (!!), власовцы и бандеровцы, старые коммунисты, эсеры, кадеты, монархисты и меньшевики, военнопленные и наши прибалты и финны, воры и бандиты, философы, инженеры, журналисты, учёные, писатели, художники, актеры, каратели - пособники фашистов, бывшие чекисты, судьи и прокуроры, советские и партийные работники, чиновники всех рангов, масоны всех мастей.

Все промелькнули перед нами,

Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..

Взрывоопасная смесь. Но в Батагае взрыва не было. Спокойно гулял по улицам. Никто не приставал. Всё-таки здесь не Москва.

Конечно я удивлялся этому колориту. Но ещё больше удивился, когда пообщался с жителями и врубился в местную жизнь. Кем и как управляется Батагай и Верхоянский край в целом. Есть райисполком и райком. Всё как у нас. Они и правят? Нет. Точнее, не просто они. В таком регионе, где много лиц с разным менталитетом, где вряд ли вспыхнет мятеж или кто объявит забастовку, но в любой момент может настать голод, может кончиться топливо, погаснет свет или начнётся сплошной пожар. В Сибири много поселений погибли враз и полностью. Никаких землетрясений, цунами или извержений вулканов не надо. Само получится. Поэтому нужна команда тех, кто может что-то сделать. И не важно, кто ты и что ты, и кем ты был до создания марксизма-ленинизма. Чиновники, партийцы, военные, директора предприятий, воры в законе, (не все, конечно, а ссучившиеся), цеховики, милиционеры, особисты составляли некий конгломерат, некоторый сплав, можно сказать - эвтектику. Внутри его уже было невозможно было различить ху из ху.

Когда в России возникла новая власть, я ей не удивился. Это форма правления уже была в СССР. Я с ней имел дело в Батагае в 1961 году.

Ничто не ново под луною.

Таких домов я срубил в Сибири много.



По верхоянскому краю

Мы провели в Батагае три недели. Знакомился с аборигенами и местными

порядками. Слегка химичил. В основном - в плане самогонки и очистке антифриза и некоторых одеколонов от метилового спирта и сивухи Изучал минералы и руды, что в хранилище при Геологическом управлении, был на руднике в Эге-Хая, пристреливал своё ружьё и некоторые другие виды оружия, из свинцового кирпича изготавливал круглые пули, точил ножи и топоры, осваивал рацию, методы и правила радиосвязи.

Наконец, из Москвы пришли деньги. Нашли каюра и зачислили в свой штат, закупили лошадей, навьючили их и отправились в путь. Учился ездить верхом, ходить караваном, управлять лодкой-веточкой, охотиться и рыбачить, ставить палатку на крутом склоне, разжигать костёр под непрерывным дождём, ощипывать и потрошить дичь, ориентироваться в абсолютно неизвестной местности, плавать с лошадьми, варить похлёбку из сушёных овощей заваривать чэфир, обеспечивать радиосвязь, строить

зимники, собирать плоты, копать шурфы в мерзлоте (иной раз глубиной в три метра, делать расчистки и геологическим молотком крошить гранит на мелкие кусочки.

Форсировали большие и малые реки, преодолевали необъятные болота, обходили озера, забирались на перевалы и вершины, бродили по хребтам и хребтикам. Любовались многочисленными останцами-кигеляхами. Междуречье Яны и её притока Адычи, приток Адычи Туостах, прииск Кёстёр, горный массив Черского, притоки Индигирки, прииск Депутатский - крупнейшее месторождение олова.

Тайга, лесотундра, тундра, болота, болота, болота. Осыпи и обрывы, заросли кедрового стланика и карликовой берёзки, снежники и ледники. Узкие и широкие, медленные и бурные реки с порогами и водопадами. Горелый лес. Грозы, дожди, град и снег. И жара, жара, жара. Комары в немеренных количествах и мошка. Спасу нет. Полудикие лошади, несущиеся куда глаза глядят, не кованные и не приспособленные в форсированию гор.

А климат! Когда в Москве рассказываешь, что в Верхоянске вполне можно ходить голым (не замёрзнешь), тебе не верят. Ты что?! Там же мороз - 60оС, полюс холода. На счёт мороза не знаю, не испытывал, но что здесь летом +30, а то и больше это факт, подтверждаю официально. Причём не один день, а неделю. И если по моим фото видно, что я в двух штанах, так это потому, что местный комар одну пару штанов прокусывает! Мне жарко, пот градом, особенно когда шурф в вечной мерзлоте копаю. Что делать, таковы здесь условия.

Работа была тяжёлая в буквальном смысле – одна проба мелко наколотого гранита (а попробуйте его наколоть – он прочный) весила 24 кг. А сколько было таких проб – лошади шли на полусогнутых. Шурфы копать тут тяжело – семь потов сойдёт. Кайло и костёр, костёр и кайло. Рыбу мы с каюром ловили сетью. Она была хорошей: ленок и хариус, иногда попадалась и красная. Таймень сетью не ловился и я его однажды застрел из ружья – лежал он в ручье, как бревно. Много было грибов и ягод, а также рыбной икры. Охота в некоторых местах была хорошей: случалось мелкашкой я набивал по дюжине горных куропаток. Но основная охота шла на уток и гусей. Здесь я уж палил из отцовской двухстволки, с которой не расставался, наводя ужас на всё живое Сибири.

В тайге с голода не помрёшь! Но это – в тайге. А на вершинах, среди голых курумников и снегов - помрёшь. Запросто! Несколько раз оставались без продовольствия и голодали. Горела тайга и вертолёты не летали. Несколько раз чуть не погиб: при переправах через бурные, широкие и холодные реки, от взрывов горняков, от полудиких лошадей, да он крутых скользких обрывов и бесконечных болот оттаявшей мерзлоты. И с медведем не надо бы обниматься. Не то странно, что чуть не погиб, а то странно, что всё же выжил. Пожалуй, это была самая тяжёлая и опасная экспедиция, в которой я участвовал, а участвовал я в 21 экспедиции. В них тоже много чего было. Работали мы до холодов и глубокого снега (конец сентября). Так что на третий курс я опоздал, что вызвало недовольство полковников с военной кафедры.

Какую роль сыграла эта экспедиция в моей жизни? В научном или каком-то прикладном смысле – никакой. Отвезли пробы в Институт, получили деньги за работу, пожали друг другу руки и разошлись. Больше я своих спутников никогда не видел. Последствий нашей работы не знаю.

А для самосознания моего эта экспедиция оказалась крайне важна. До неё я не мог судить о себе объективно. Поздний и единственный ребёнок, я с детства был окружён любовью и заботой. Со мной нянчились, оберегая от любых неблагоприятных воздействий. Но я знал, что в этом коммунистическом мире выскочек из грязи в князи, я – дворянин, дворянин в тринадцатом поколении, аристократ. И мир мне принадлежит по праву. Мне не надо его завоёвывать, как какому-нибудь разночинцу, мещанину или интеллигенту – у меня всё получится само собой, мне всё дадут. Сами дадут. И сам я могу многое...

Перед экспедицией я беспокоился: как же я буду продираться сквозь тайгу, ездить верхом, выгребать на порогах, ориентироваться и готовить пищу. Пожалуй от каюра отстану, потеряюсь. Мне ведь ещё 19 лет, заматереть не успел. Зря опасался. Я получил типичное дворянское воспитание. И этим всё сказано. Ребёнок английского лорда в своём замке тоже барчуком растёт, а потом, смотришь, прёт через африканские джунгли, так, что пятки сверкают. И никакие змеи, москиты, львы и дикари его не берут. Так и я. Да, я был маменькиным сынком, но я рос в подмосковье, в семье разорившего помещика (по Бунину). Следовательно, непрерывно пилил и колол дрова, носил воду с колодца, копал грядки, ремонтировал дачу и электропроводку. Собирал детекторные приёмники. Химичил, химичил и снова химичил. Регулярно бродил по местным лесам в поисках земляники и грибов. Уходил далеко, но всегда возвращался. Был молод, силен и натренирован планомерной гимнастикой. У меня – хорошая генетика, отбор множества поколений. Здоровых поколений. Но не это главное. Главное – я морально готов к любым трудностям, я готов к преодолению любых препятствий. В Якутии я уже реально брал барье, удачно брал. Я шёл по тайге тогда без остановок, тогда как каюр периодически садился на пенёк отдохнуть, а спутники вообще отставали вдали. Я рубил просеки, разбивал гранитные глыбы. копал шурфы, седлал лошадей, вешал на вьючные кольца сорока килограммовые вьючные ящики. И нельзя сказать, что надорвался.

Это – физически. Но морально было тяжело и это отразилось на моём характере, на и на остальной жизни тоже.

По гороскопу я – рак, т.е. чувствителен, обидчив и мстителен. В экспедиции было чему обижаться. Начальница решила непрерывно меня воспитывать, давать советы и управлять моими поступками. Даже мыться заставляла. В холодной воде горных ручьёв! Анатолий попытался устроить нечто вроде дедовщины. Каюр, ругался, что я сижу на лошади, как в кресле. Но ни на такого напали! Я сильно переживал, но потом собрался и взял власть в свои руки. Стал фактическим начальником партии. И потом, во всех остальных своих экспедициях я всегда был начальником и только начальником. Ну, и научным руководителем по совместительству.

Оказалось, что геологов и вообще землепроходцев я сильно идеализировал. Думал, что преодоление трудностей делает человека лучше. По крайней мере в поле легко выяснить кто есть кто. Да, слабые и подлые быстро выявляются и отпадают. Но с честью выдержавшие все трудности люди отнюдь не являются идеалами. Они ради тебя рисковали жизнью, и ты ею рисковал ради них, пуд соли вместе съели. И что?! Спустились с гор и разодрались из-за пачки сигарет или пролитового на спальник кофе. Вот это тяжело. Разочарование в человеке, как таковом.

Некий поворот случился и в моём понимании общественно-политической обстановки. Я конечно дома воспитывался как антикоммунист с антибуржуазным уклоном. Но в умеренном смысле. Я был комсомольцем и с детства твёрдо усвоил: дома говорят одно, а в школе-универсиете совсем другое. Но это не страшно: два мира, два Шапира. Здесь же я понял, что мир один. Что певица должна петь в оперном театре, инженер строить мосты, реакторы и ракеты, режиссёр снимать фильмы, а актёр в нём сниматься. Не надо им в шахтах олово добывать, и погибать в лагерях. Не надо!

Так я стал диссидентом. Пассивным, но определённым. Основал движение монархоанархизм.

В экспедиции заматерел, не до конца, но существенно. Теперь я выбирал цель и шёл к ней. Никуда не сворачивая, не уклоняясь. Но и без возмущения окружающей среды, без драк и трупов. Я научился замирать и выжидать во время бури и двигаться дальше, как только она прошла. Некоторые подозрения о моей судьбе оказались правдой. Я получил всё, что хотел. Поучил просто так, без явных усилий.

Но даром ничего не даётся. Сердцем я огрубел



Мы упорно шли вперёд.



Лошадей через широкие реки я переправлял на лодке-веточке, держа их на буксире.



*По курумникам даже мне с рюкзаком скакать трудно. А как идти с караваном?
С некованными лошадьми?*



Кедрачи мешают проходу.



Продвижению нашего каравана сильно мешали камни меж деревьев. Плохо, когда нет тропы.



В Верхоянском крае тайги нет – есть редколесье.



Так цветёт багульник.



На вершинах гор путь нам преграждали скалы-кигиляхи



Мелкие реки мы форсировали на надувной лодке, которую я же накачивал.



Я, Сатэра и КоКо.



Со временем я стал профессором вьючки.

Якутские легенды

Я не филолог и в фольклорных экспедициях никогда не участвовал. Но всегда интересуюсь местными историями. Даже обзавёлся блокнотом, чтобы записать при случае какую-нибудь якутскую легенду. И что? Ничего! Не только никакой легенды не услышал, даже поговорить с типичным представителем этой нации не удалось. Каюр наш, хоть и был якутом и хорошо говорил по-русски, никаких бесед по душам с нами не вёл. Обсуждал только что и как делать по маршруту.

Зато от русскоязычных европеоидов я наслушался историй в таких количествах, что десятитомник можно издать.

С этим контингентом я активно общался. Некоторые сами подсаживались ко мне и начинали исповедь, некоторые разговаривали друг с другом при мне, полностью меня игнорируя, некоторые рассказы я невольно слушал, лёжа в Геологическом центре под бильярдом (меня беседующие не видели). Бывали

общения в трезвом виде, но обычно в сильно пьяном. Интересными они бывали редко (всё больше о бабах), но иногда бывали. Если их классифицировать, то можно выделить одну тему, важную для меня. Это отношение общества к репрессиям. Само место и народ, здесь проживающий, этому способствовали.

Надо сказать, что в Москве мой круг общения довольно ограничен. Крестьянина или там пролетария в жизни не встречал, равно как партийных бонз. А здесь они были! Общался со всеми слоями населения, которые есть в СССР. Везде: в клубе, столовой, бане, на завалинке, не говоря уж о самолёте. Начальница 20 лет проработала геологом в Батагае. Её здесь все знали, поэтому мы бывали на приёмах в культурном обществе и у правителей (культурных не шибко). На меня никто внимания не обращал: я охранник дамы. Да и я рта не раскрывал. Слушал. Иногда было что. Когда говорили откровенно.

К репрессиям у меня отношение однозначное: Нюрнбергский процесс по товарищам плачет. Такому представлению способствовала история семьи с её репрессированными членами, рассказы вернувшихся из лагерей, беседы с работягами на целине (Совхоз Советский, в котором мы работали, организован ссыльными, проводшими в лагерях не менее 20 лет), текстами Шаламова, Солженицына, Гинзбург на папиросной бумаге. Ужасы сталинизма в здешних краях представлены наглядно: и колючей проволокой с вышками, и рудниками, и рассказами окружающих, сравнительно недавно вышедших из местных лагерей. Никакого музея не надо. И историков с их трудами. Зачем нам историки? Её участники в местной бане моются: и кто сидел (политические, урки, хозяйственники) и кто сажал (потом сам сидел, затем снова сажал и снова сидел), и кто охранял и кто проскочил меж жерновами. Все тут. За шайку борются...

Люди они разные, но, надо полагать разделяют мои (московские) представления. Но нет. Оказалось, что это не так. Совсем не так.

То, что альтернативные взгляды высказывали служители Органов (бывшие и действующие) не удивительно. Кто-то из них действовал по убеждениям, с энтузиазмом, комсомольским задором, кто-то равнодушно, по долгу службы. Враги советской власти были? Кто спорит? Уничтожать их или перевоспитывать надо? Надо! А то, что меня, следователя 1-го ранга посадили, пытали, вели на расстрел, а потом сюда в лагерь послали, так это в Конторе борьба за власть случилась, Ежова кокнули, а нас - за одно. Никто не разбирался. Могло бы быть и наоборот, я бы кого кокнул, и отдыхал бы теперь на подмосковной даче. Не случилось, так карта легла.

С той точкой зрения я был знаком. Она мне не интересна.

Песня Джамбула о батыре Ежове и гимн ежовым рукавицам мне с детства не нравились.

Были партийцы, ругательски ругающие Сталина и его окружение, включая Хрущёва. Но были и коммунисты, обожающие Сталина, искренне считающие его гением всех времён и народов. Почему мы выиграли Великую отечественную войну? Потому что в 37-м уничтожили всех внутренних врагов, всю пятую колонну. Не будь этого, немец был бы в Москве через неделю. Гитлера бы встречали колокольным звоном. Придёт время и сталинские методы снова понадобятся. Если грядущую войну выиграть хотите. Ну, а мы? Что мы? Лес рубят – щепки летят. Перегибы! Всегда есть усердные без меры. Но скоро всех реабилитируют. И нас, и Сталина, и всю советскую власть. Тех кто сажал, простят. Памятник поставят и белым и красным, и жертвам и палачам. Примирение будет...

Такую точку зрения я тоже где-то слышал. Странно только, что её разделяют люди, чья судьба была полностью сломлена, неизвестно за что;

активные сторонники таких порядков. Это мнение никогда на меня впечатления не производило: *за что боролись, на то и напоролись*.

Удивило меня реакция интеллигенции, точнее тех, кто относит себя к этой прослойке.

Знакомые геологи, много работавшие с заключёнными, рассказывали истории, от которых кровь в жилах стынет. Ненависть к лагерниками у них была аномальна и искрення. Их не волновало, что среди заключённых были учёные, писатели, журналисты, банкиры... Они ненавидели всех. Подразделений не делали. Заключённый, кем бы он не был до этого, теперь – вор, убийца, в лучшем случае лодырь и попрошайка. Морально свихнутый тип. Инженеры с шахты и обогатительной фабрик агитировали меня, что работа по добычи полезных ископаемых – благородное дело. Всё это чиновничество, протирающее штаны в офисах, бездарные вредители (читай Гоголя и Салтыкова-Щедрина), журналисты всех мастей, прославлявшие сталинизм в своих газетёнках, учёные-недоучки и так сказать поэты получили возможность принести пользу стране и людям. У тебя есть приёмник? Пайку видишь? Олово для пайки добыто здесь, в Батагае, скажи спасибо бездарному композитору или литературоведу, который добыл его здесь, в Эге-Хая. Раз в жизни полезное дело сделал. Иначе всю жизнь коптил бы небо, пакостя ближнему.

Одна учительница объясняла мне, что оппозиционеры-диссиденты-революционеры, все эти борцы за свободу, равенство и братство, за социальную справедливость – все садисты. В здешних краях сидели Дзержинский, Сталин, Молотов, латыши, Кастро. Да и дедушка Ленин – редкий душегуб. Что они сделали придя к власти? Уничтожили миллионы людей. Да хотя бы Гитлера возьми: был художник-солдат, посадили его как оппозиционера – бунтовщика, вышел и кем стал? То-то. Диссидентов в строгости держать надо. Придут к власти – всю округу вырежут. Ради благих целей, естественно...

Удалось даже поговорить с бывшим директором оловянного рудника. Для начала он отверг мои предположения о борьбе заключённых за свои права. Какие голодовки?! Жрать всем нечего. Целые командировки зимой вымирали полностью. И зеки и охрана и вольнонаёмные. Продукты как завозить? Дорог нет, транспорт по Севморпути из Якутска сюда идёт два года. Аэродром принимает маленькие самолёты. Из лагерей направляли отряды грабить местных якутов: скот, рыбу, любые продукты – всё отбирали. Можешь представить, как аборигены любят европейцев. Любого беглого тут же властям выдадут, чтобы свои своего пристрелили на месте. Урки не ходящие на работу? Таких у меня не было. На работяг продуктов нет, охрана голодает, а я буду кормить дармоедов? На том свете покушают. Да и не брал я на рудник уголовников, пусть дорогу строят. Мы, директора предприятий, всегда требовали, чтобы к нам не присылали уголовников и политических. Политические – интеллигенты среднего и пожилого возраста – не приспособлены к труду, склонны к саботажу и даже вредительству. Мрут, как мухи. Ещё по дороге в Батагай, а потом и в шахте Эге-Хая. Работать некому. Нам нужны молодые крестьяне и рабочие. За них борьба...

Уголовники проигрывают работяг в карты и убивают? Да, однажды был такой случай, замочили одного взрывника. Добыча на месяц встала. Ну, пожаловался начальнику лагеря, собрали всех урок (разбираться не стали) в один сарай, да сожгли всех. Следующая партия в такие игры уже не играла. Расстрел заключённых? Я что больной? У меня план: 100 тонн руды к лету. Придёт караван (с огромным трудом, кстати), его следует загрузить. Сто тонн и не килограмма меньше! А как я план выполню, если половина работяг к новому году уже представилась, а вторая – на полном издыхании. Можно расстрелять, не жалко. Но кто руду добывать будет? Работяги с неба не падают. К весне ловим местных

якутов и отправляем в шахту. Но что это за работники? Они крепь нормально поставить не могут, при них сплошные сели и обвалы, врывают не столько руду, сколько самих себя, штрек в нужную сторону направить не могут. Не поверишь, к лету сами в шахту спускаемся, сами шахтёрами становимся. А что делать? План есть план. Как я стал начальником? Вакансия открылась. За год до этого пришёл караван, а руды 80 т непосильным трудом добытые. Прилетела комиссия. Начальника лагеря, директора, главного геолога, старшего инженера расстреляли на месте. Остальных вольнонаёмных, комсомольцев-добровольцев (всю контору, включая секретарш) спустили в забой. По десять лет лагерей впаяли каждому, один выжил. Голодовки, убийства урками, расстрелы заключённых? Есть у тебя на складе 100 тонн руды, тогда волю страстям давай. А так – береги каждого.

Их нравы. Я тащился.

Странными мне казались воззрения интеллигентных людей (геологов, учителей, инженеров, врачей). Причём тех, кто сидел и сидел невинно.

При подготовке этого сборника предо мной встала проблема: привести ли все разговоры, что я слышал в Якутии, все точки зрения, все альтернативы. Якутские легенды, а не легенды якутов.

Решил, что не стоит. Здесь я не учёный. Я тенденциозен. Ничего не поделать, так я воспитан. Имел точку зрения до приезда сюда, теперь она утвердилась.

Хочу сказать о другом. Приводимый текст – не мемуары и не отчёты. Это художественное произведение. Фантазии и выдумки (т.е. вранья) достаточно. "*Врёт, как очевидец*", – справедливо говорят следователи и историки. Но речь идёт не только о моём личном опыте. В своё повествование я включил некоторые мифы и легенды. Не стоит приписывать мне подвиги их героев. Я не сидел в тюрьме (тьфу, тьфу не сглазить) и в лагере, не общался с Синильгой и гномами, не летал на облаке. Даже с "телёнком" никуда не бегал. Известные истории о том как матрос, пришедший с северным завозом, умыкнул из лагеря в Батагае девуцу, спрятал её в тайге и они жили счастливо, или историю лагеря, который разнесли заключённые, и вышли на волю, а охрана, наоборот, окружила свой барак колючей проволокой, превратила его в крепость и отстреливалась от озверевшей с голодухи интеллигенции, приводить не буду. Вы их сами знаете.

Не стал я излагать смутные мифы. Например, о герое Очиченко, о котором, с одной стороны пишут: "Никогда не сотрется в памяти подвиг молодого бойца военизированной стрелковой роты Ивана Очиченко, вступившего 24.03.1952 в неравную схватку с вооружёнными бандитами, бежавшими из лагерей. Тяжело раненного, они схватили его, зверски пытали, выкололи глаза, но мольбы о пощаде из уст этого мужественного юноши они так и не услышали" (имя героя присвоено нескольким улицам), а с другой есть свидетельства, что 16 человек дорожной бригады заключённых, не выдержав издевательств садиста Очиченко, убили его. Потом бежали, их догнали и расстреляли.

Где тут правда, где ложь – не мне судить.

Прииск Кёстер

Странствовали мы в междуречье Яны и Адычи долго, бродили по хребтам горной страны Черского, перевалили даже в долину Индигирки. Экспедиция завершалась. На последок решили сделать рейс на прииск Кёстер. Где ещё искать редкие и рассеянные элементы, как ни в этом минералогическом музее на свежем воздухе?

Когда я увидел на карте название Кестер, то сразу вспомнил Ремарка и одного из трёх товарищей. Может Отто Кестер попал к нам в плен, был сослан сюда и в честь него гору назвали? Интересное было продолжение "Трёх товарищей". Но нет *кёстер* – якутски *вижу*, какой-то якут, что-то увидел. Так и осталось.

Выехали из Батагая налегке. АС, Анатолий, каюр и я. Одна выючная лошадь. Дорога гравийная, хорошая, говорят, она идеально прямая. Не заметил. Расстояние небольшое (65 км на Юго-Запад от Батагая), но за день не преодолеешь. Лошади не тянут, да и самому болтаться в седле надоест. Остановились в большом доме у дороги. Возможно, здесь была летняя командировка, но теперь от лагеря ничего не осталось. Просто дом и печка-буржуйка из бензиновой бочки. Заночевали. Ночью (а ночи стали тёмными) резко пробудился от неожиданного приступа страха. Какого-то животного страха. Никогда ничего подобного не испытывал: ни до, ни после, а приключений у меня было много. Все поджилки тряслись. И что странно? Никаких причин не было. Совершенно никаких! Я был в нормальном, можно сказать хорошем настроении. Вполне доволен собой и окружающей средой. И на тебе! Чудеса!

На следующий день форсировали речку Турогас. Мост был слегка разрушен, а лошади наши и нормальных мостов не терпят. Перешли в брод. Добрались к холму. Форма у него типична для здешних мест: пирамида со срезанной макушкой. Аэродром называется, хотя я и не советую самолётам садиться на него – кочек много. Останцовкигиляхов нет. Может были когда, да их взорвали. Необычайно крутой склон, курумник, навалы камней, не понятно почему не скатившихся до сих пор в ручей Агатовый. Зачем мы полезли в лоб не знаю, есть ведь дорога, петляющая вокруг сопки. Каюр и АС здесь уже бывали, правда в разных качествах. Им видней. Путь трудней, но короче.



Вагонетки с оловянной рудой по этим рельсам катились с горы вниз.

Я никогда не бывал на Луне, но, думаю, пейзаж там похож на здешний. Сплошной камень, ни кустика, ни деревца, ни травы. Даже мха-ягеля не заметно. Это, если говорить о природе. Но слева от нас пейзаж был индустриальным. Железная дорога! Откуда-то сверху сваливались рельсы. Почему-то три линии. Их скрепляли шпалы. Как по такому наклону могла двигаться вагонетка с рудой, и какую скорость она развивала, не понятно. Рельсы были покорежены, они не просто разваливались в стороны, но иногда торчали по прямым углом к склону. Кто это устроил? Зачем? Вот где Тарковскому Сталкер снимать надо! В гранитной скале есть ещё идущая зигзагами колея глубиной в полметра. Её выбили колёса тачек, которыми заключённые до строительства рельсовой дороги спускали руду к обогатительной фабрике.

Нашей тропы на первый взгляд не было. Но если приглядеться, то под тобой уложенные в определённом порядке камни. Кто-то старался и старался сильно. Тропа шла серпантинном, не покидая, однако, склон; повороты обозначены турами из камней. Туры небольшие, и не всегда их видно, но будь внимателен – не заблудишься. Лошади шли трудно, скользили, копыта повисали в воздухе. Седло мое сильно съехало на круп, оборвётся подпруга – отправлюсь в свободный полёт. Мешал туман, изредка его прогонял ветер. Необычно холодный и сырой.

Мерзопакостное место, доложу я вам.

Штурмовали подъём мы долго. Но поднялись на плато. Там на краю располагались ржавые подъёмники с вагонеткой (надписи на английском, видимо по ленд-лизу из США оборудование прибыло) и стоял домик, весьма экзотичный в своей ободранности. Спешились, вошли в дом (бывший штаб лагеря). Нас приветствовали местные геологи. Руда в Эге-Хая практически исчерпалась, прииск Кёстер раньше был заброшен, теперь его пытались реанимировать, велись взрывные работы. Мне и АС уступили два лежака в комнате, я бросил на свой спальник и отключился.



На горе Кёстер нас приютил бывший штаб лагеря.

Проснулся я от разговора. Кто-то, произнося букву г, как х, а з вообще пропуская с огромной частотой слов разъяснял что есть украинский борщ.

– Бульон – он говяжий, но можно и из свинины, потрохов, птицы любой. Свинина с гусем хорошо идёт. В него – буряк, картошка, капуста (кислая зимой, свежая летом), морковь, баклажаны, горошек, баклажаны, кабачки, лук, перец, петрушка, укроп. Лавровый лист, естественно.

– А косточки?

– Косточки от задних ног. Ты знаешь, чем мозговая от сахарной отличается. Не слышал, эх деревня! Мозговые – те, которые ниже от сустава (в них виден костный мозг), сахарные – выше. Годятся любые, но лучше мозговые. Намного лучше. Идеал – грудинка плюс голень. Крепкий аромат и вкус дают. Кости перерубить надо, чтобы костный мозг нашел «выход» и смешался с бульоном. Кипятишь воду с мясом, пенку снимаешь, соли сразу – соль способствует выделению соков. Добавь целую луковицу, прямо в чулке. Потом кидай в бульон овощи. Не жадничай, борщ должен быть густым. Картошечку клади дважды: сначала мелко нарезанную, чтобы она разварилась, дав бульону гущину, а потом покрупнее, чтобы она осталась уже в виде картофелин. Буряк варить будешь – добавь уксуса. Свёклу вари борщёвую, не вздумай винегретную взять. Пассируйте овощи в топленом масле: морковь – до оранжево-золотистого цвета, лук – до золотисто-коричневого. Свежие помидоры, обдай кипятком, сними шкурку и пропусти через мясорубку. Свежую капусту разомни скалкой, а квашеную – поддержи пару минут на горячей сковороде, помешивая. Но главное – не это. Главное – сало! Оно должно быть старым (жёлтым) и вонючим. Тухлым должно быть. Не сильно, слегка.

Я дремал, но при тухлом сале проснулся. Запомнил на всю жизнь: в настоящем украинском борще сало должно быть тухлым. Увы! Такого деликатеса так и не удалось попробовать.



а энергетика, душа повара.

– Не умеете вы ничего готовить в своей кацапии.

– Ну, куда нам до хохлов.

Мужик тяжело вздохнул и вышел.

– Он бы ещё про пампушки вспомнил.

На сопке Кёстер постоянно царит туман.

– Знаю! Круглые булочки из дрожжевого теста, облитые чесночной подливкой.

– У борща разные рецепты.

– Главное в борще — не рецепт,

– Кто как. а я свежей свёклы, кабачка или тыквы какой лет двадцать не видел. Жую вот резину, что сушёным картофелем называется.

Я сел. АС, Анатолий и геолог сидели за столом и пили чай.

Меня поразило как светло в комнате. Солнце било в окно. День, видимо хороший. На стене, прямо надо мной крест-накрест висел карабин и охотничье ружьё. У окна - радиостанция "Урожай" и обязательная керосиновая лампа при ней - источник энергии. Рядом ламповый приёмник, точнее – радиола. Пластинки есть? Тогда танцы устроим.

Но самым удивительным было яблоко. На стене. Я протёр глаза. Не уж-то настоящее? Подошёл ближе и потрогал пальцем. Оно было нарисовано на побелённой штукатурке. Нарисовано мастерски. Настоящим художником.

Яблоко, тухлое сало, борщ – мечты. Мечты о прошлой жизни, о жизни существующей где-то далеко – далеко. Мечты, которая никогда не осуществляется. С которыми придётся умереть.

– Достань полотенце, выйди на крыльцо и умойся, - сказала мне АС.

Без её указаний я не соображу, что делать... То же мне Мальвина!

Вышел. На выходе глазок с задвижкой. Интересно, зачем он здесь? Снаружи смотреть, что в комнате делается, или наоборот, из комнаты смотреть, кто пришёл. Не понял.



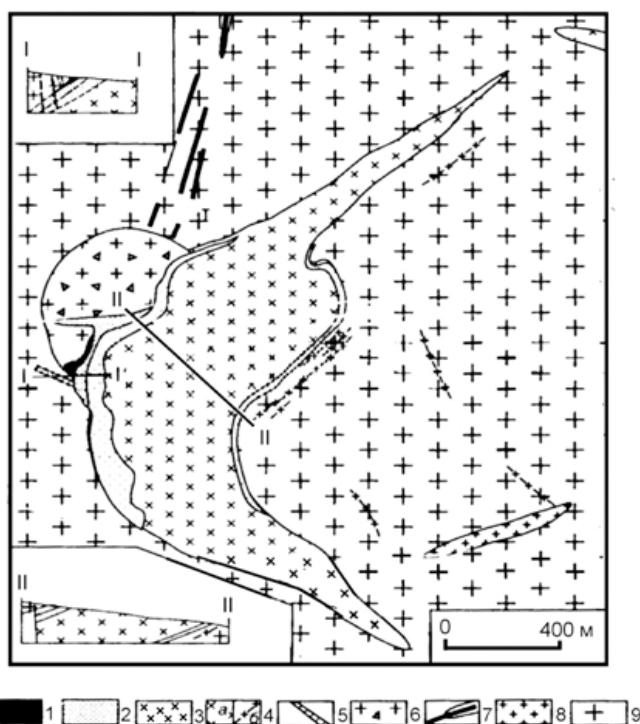
Посидели, попили чайку. Геолог долго переговаривался по рации с Батагаем.

– Не знаю, за что они сидели, но я бы ещё их на десять лет посадил, а кого-нибудь расстрелял. Опять толовых шашек не прислали! Вредители, враги народа.

Он стукнул кулаком по столу, так что геологический компас свалился на пол.

Мы пошли на экскурсию.

На развалах камней было много черепов и костей.



Геологическое строение Кестерского олово-редкометалльного месторождения.
1 – слюдяно-кварцевые грейзены; 2 – сильно грейзенизированные аляскинты; 3 – слабо грейзенизированные аляскинты; 4 – аляскинты (а – штот, б – дайки); 5 – дайки кварцевых порфиров; 6 – брекчия гранодиоритов и лейкократовых гранитов с турмалиновым цементом; 7 – дайки турмалинизированных лейкократовых гранитов; 8 – дайки гранит-порфиров; 9 – мезозойские гранодиориты и граниты

Месторождение Кёстер (первооткрыватель – Епифанов П.П.) известно с 1937 г., интенсивно изучалось в 40-50-х годах и изучается сейчас: с поверхности канавами, глубокими шурфами с рассечками, скважинами. Олово здесь концентрируется в аляскинтовых гранитах. Встречаются вкрапления касситерита, но в среднем руда бедная, вряд ли она спасёт фабрику в Батагае. Здесь в 50-х годах располагался филиал ГУ ИТ лагерей Дальстроя (Янлаг, центр – в Эге-Хая, мы там уже были). Строили и расширяли этот рудник, а также пускали обогатительную фабрику. Временами здесь трудилась тысяча заключённых. Они жили не в палатках, а в бараках, в двух лагерях: летний, рядом с карьером и зимний, с другой стороны горы.

Если смотреть на схему рудника, то увидим нечто вроде внутренностей человека: есть шея, плечи и два лёгких. Это карьеры. В одном голубая вода, в другом - остатки ржавой воды, взрывники вчера воду испарили. Если будут так стараться, то плато превратится в кратер. Воду в горных выработках пить нельзя из-за сульфатно-фосфатной минерализации. Но в болотистых седловинах её много и пить её можно.

На камнях валялось много черепов и костей, надо полагать - человеческих.

Мы довольно долго бродили по окрестностям, подбирали и рассматривали камни, отбирали образцы. Здесь минералогический рай. Некоторые я сам знал. Касситерит, бирюза, лазурит, флюорит, пирит, рутил, топаз, азурит, друзы кварца, хризолита, самородные висмут и медь. О других слышал (пример, деревянистое олово), но увидел здесь впервые. Показали мне фирменный минерал месторождения – зеленовато-чёрный кёстерит ($\text{Cu}_2\text{ZnSnS}_4$), в котором довольно много серебра (встречается и в Китае и в США, но открыт именно здесь). Изометрические кристаллы длиной в несколько сантиметров. Есть тут и феррокестерит, $\text{Cu}_2(\text{Fe,Zn})\text{SnS}_4$, но нам его не показали. Были и просто красивые камни. Что это такое никто не знал. Понятно, что это фосфатные минералы, но какие именно можно определить только в лаборатории. Различных минералов здесь больше сотни – уникальный случай. Есть редкие и весьма редкие. Есть жила амблигонита.



Касситерит (1), бирюза (2), деревянистое олово (3) и флюорит (4).



Кёстерит - минерал, встречающийся лишь на прииске Кёстер.

Несколько дней бродили мы по окрестностям, собирая камни. Однажды АС позвала меня посмотреть, что издаёт странный звук. Близоруко щурясь, она рассматривала змейку, проползающую меж камней. Я глянул и опознал. Эта змейка - бикфордов шнур, а шипение издаёт бегущий по ней огонёк. Такие шнуры я сам изготавливал и испытывал в своём беспутном отрочестве.

– Сейчас рванёт! – крикнул я.

С несвойственной мне резвостью, прыгнул вверх по склону, и залёг за вовремя подвернувшуюся скалу. К моему удивлению АС издала душераздирающий крик и бросилась вниз по склону. Это делать категорически нельзя. Раздался взрыв. Я отделался лёгким испугом и выглянул из-за скалы. Струя камней взлетела в воздух по прямым углом к склону. Как вода из дачного шланга. Камни пролетели над АС и начали падать вниз. АС изо всех сил бежала под их занавес. Я прикинул, что будем делать с трупом. Однако, ей повезло, она споткнулась и упала. В основном камни перелетели через неё, её слегка побил гравий.

Прибежали взрывники. АС устроила им истерику. А они-то причём? Кроме них двоих тут никого нет. Откуда они знали, что тут москвичи бродить будут, разинув рот и считая ворон? Под ноги смотреть надо...

Со взрывниками, Витей и Юрой мы подружились, хотя они уже были в возрасте. Начали готовиться к мощному взрыву. Я помогал, таскал мешки с аммоналом, укладывал их, перемешал их гексогеном (надо осторожно – сильнейший яд) и тротилом. Килограмм 100 набралось. Слегка покритиковал напарников, хотя профессиональным взрывником работал впервые, раньше любителем был.

Подготовили. Наш отряд в полном составе укрылся в сарае. Его передняя стена



куда-то делась, что позволяло обозревать окрестности. Раздался взрыв большой мощности. Аж в ушах заложило. Дым и камни выстроились в столб. Пара секунд, и на наш сарай пролился дождь камней. Не ужасно! Сарай покрыт слоем земли. Выдержит. Но надо такому случиться, что здоровый кусок гранита принял форму клина, каким-то образом пробил крышу, пролетел в 10 см мимо головы АС и вонзился в пол буквально в двух сантиметров от носка сапога. Чудеса! За один день камни два раза на жизнь АС покушались. Теперь будет жить долго.

Красивые камни, что собраны на горе Кёстёр.

Как-то вечером вышел по нужде и предо мной предстала картина, преследующая меня до сих пор. На фон фиолетового заката и солнца, сканирующего верхушки окрестных сопков, лежали, сидели и стояли мертвецы. С усами, бородами. Многие с хорошо сохранившимися лицами, но большинство уже тронутые тленом или обгрызенные песцами. Кто-то в одежде, кто голышом. Гнилые зубы наружу. У некоторых можно определить национальность и даже степень интеллигентности. К ним вела аллея из голов (где-то из черепов на высоких палках).

Приведения! Я рванул в дом.

Там на до мной посмеялись и успокоили. Никаких душ умерших. Однажды зимой лагерь почти весь вымер: цинга, холод, голод, но и ещё эпидемия какой-то болезни случилась. Пока были силы, взрывами прокладывали траншею, туда складывали трупы, направленным взрывом из покрывали камнем. Последних хоронили уж кое-как. А, что тела и головы, не черепа и кости, так у нас климат такой. Вечная мерзлота. Мамонт вон миллион лет хранится.

– Взрывы же идут, захоронения вскрываются. Вот взрывники и развлекаются. Шутки у них такие!

– За такие шутки морду бьют!



– Завтра всё соберём и захороним навечно.

Врыв у нас получился неплохим. Правда чуть начальницу не убили.

Когда окончательно стемнело, собрались все в Штабе. Забили комнату под завязку. Дышать трудно, накурено, ещё и печку растопили, чтобы ужин приготовить и чаёк заварить. Разговаривали. Раздавили пару пузырьков одеколona. Я не стал - запаха лаванды не терплю. Завели радиолу, поставили пластинку, вальс "На сопках Манчжурии". Заунывная музыка. И так настроения нет.

Тихо вокруг.

Сопки покрыты мглой.

Вот из-за туч блеснула луна,

Могила хранят покой.

Вовек не забыть нам

Этой ужасной картины,

*И то, что Россия могла пережить
Беды и позора години!*

Точно, но тоскливо. Я потянулся поискать другой пластинки. По-веселее.

Тут один гость (первый раз вижу) вонзил охотничий нож в стол и вскочил:

– Сука я! Жизнь просрал! Свою жизнь просрал! Я — гавно!

Он схватил мирно висевший на стене карабин и вылетел из хижины.

– Застрелится! – сказал Витя.

– Не застрелится! – сказал Юра.

– Спорим! На что?

– На пузырёк.

Геолог разбил им руки

Подождали. Раздался выстрел.

– Застрелился! – радостно вскричал Витя. Он схватил пузырёк тройного и начал отвинчивать крышку.

Раздались ещё два выстрела.

– Не застрелился! – констатировал Юра. – Салют устроил. Знаю я его – псих ненормальный.

Отобрал у Вити одеколон и вылил его себе к кружку.

Наутро мы начали спуск. Медленно и осторожно.

Хотя хотелось поскорей покинуть это место.

У Кёстер ждёт большое будущее. Лет через двести.

Копсе

Копсе – бич якутских экспедиций. Идешь караваном. Дождь, мошка, комарик. Навстречу всадник. Каюр издает радостный звук, и вот они спешили, сели на корточки, меж ними костерок с надеждой на чай. Неспешный разговор за жизнь. Копсе!

Хоть песни пой, хоть спать ложись.

Однажды мы долго шастали по горам, оголодали и потому, попав в долину Туастаха, я сразу отправился на охоту. Сатэра, как танк, таскал меня по плавням. Удалось настрелять полдюжины гусей, благо они в это время не летают - линяют. Одиночество меня не угнетало, заблудиться не боялся. Во-первых, у меня талант в ориентации на

незнакомой местности, а, во-вторых, конь мой обладал удивительной способностью возвращаться обратно, причем точно по своим следам. Предложение отойти хотя бы на метр в сторону, он воспринимал как личное оскорбление. Поэтому я рвал штаны в одном и том же месте: сначала при движении вперед, потом - обратно.

Солнце катилось вдоль горизонта, обещая кратковременные сумерки. Пора возвращаться.

От монотонной качки я задремал.

Вдруг из камыша метнулась тень. Сатэра заржал и поднялся на дыбы, оторвав от земли тщедушного якута. Я выхватил нож. Человек отскочил, и мы застыли: один с карабином в руках, другой с кинжалом.

– Здорово, однако, – сказал старик.

– Здравствуйте!?

– Копсе!

Он повернулся ко мне спиной и зашагал вперед. Мы последовали за ним. Двигались достаточно долго, чтобы я смог, не снимая висевшего за спиной ружья, засадить в оба ствола жаканы. Просто, на всякий случай.

Вышли на берег речки, поляна, юрта из вертикально установленных бревен. Столетняя лиственница толщиной в мою руку. Я спешился, привязал лошадь, поставил ружье у двери, вернее у люка, обитого заячьей шкурой. Полез в юрту. Да чуть не окочурился на месте. Запашок! Много гадости нанюхался я в свой химической жизни, но такого! Переднюю часть юрты занимали деревянные колоды с мочой. В них гнили (дубились) шкуры оленей: кожгалантерейное производство местного масштаба. В этой же части кудахтала какая-то живность. Полуголая баба с трубкой в зубах приподняла полог, и я поспешил на чистую половину.

Вот он, гарантированный час спокойного чаепития. Пока гость не накушался, с ним говорить нельзя. Только потом:

– Солнце, однако, высоко!

– Высоко, однако, – отвечал я минут через десять.

– Еще лето...

– Ну!!

Началось копсе.

Мы болтали не торопясь, и чем он лучше говорил по-русски, тем я хуже. Приходилось лишь удивляться скорости и точности таежного телеграфа. Можно поклясться: за время нашего путешествия мы никого не встречали, но старик знал о нас все: где были, что делали, куда идем.

Копсе затягивалось, но выпитое ведро чая тянуло на волю. Я поблагодарил за гостеприимство и от полноты чувства добавил:



Наш каюр.

– Какая хороша страна – Якутия, и какие хорошие люди – якуты!

Он бросился на меня. Нас разделял низкий столик, и я успел выбить нож. Мы покатались по земле, уминая шелуху кедровых орехов. Не понял! Убить его труда не составляло, но я лишь придушил. Он прохрипел:

– Я – эвенк!

Троцкист

В Яно-адычанской экспедиции я пахал в паре с каюром. Звали его Афонас Николаевич Мордовских – якут с польской кровью. Евроазиатский гибрид. Хребты между Яной и Индигиркой проходимы мало, и уродовались мы страшно. Еще и комары с гнусом досаждали. С каюром контактировали плохо: возраст, воспитание, язык сильно нас разделяли. В конце лета Яна вдруг разлилась на добрый десяток километров, лошади отказались от дальних заплывов, и мы застряли в брошенном зимнике. Топим печь, чай гоняем.

Мы молчали. Чавканье, чмоканье и монотонные удары. Каждый, расположив на ладони глыбу сахара, лупил по ней обратной стороной кинжала, пытаясь отбить кусок. Летели искры.

– Жарко, однако! – проворчал каюр.

Я поднял глаза и обомлел. Передо мной сидел голый якут, весь покрытый татуировкой. Весь буквально: даже на члене была краткая надпись. Центральный образ представлял собой портрет обнаженной женщины. Портрет был вписан в тело каюра таким образом, чтобы гениталии соединялись. На остальной части тела располагались фразы, газетные статьи с иллюстрациями, портреты, пейзажи, натюрморты и целые композиции. При малейшем напряжении мышц все приходило в движение. Сталин хмурился и шевелил усами, кочегар бросал в задницу уголь, дама подмигивала и качала бюстом. Тут были собраны лозунги всех партий России, начиная с декабристов. Были тексты из Евангелия, Талмуда и Корана, некоторые почему-то вверх ногами. Были афоризмы, причем на разных языках, в том числе – на санскрите. Пословицы и поговорки, графики и формулы. Стихи известные и доморощенные. Отрывки из рукописей со следами сильных правок. Бухгалтерские расчеты. Чертежи и карта окрестностей Алдана. Магические знаки. На спине Иван Грозный убивал своего сына.

Блатной еврей!!

???

– Курить люблю, однако, – пояснил каюр и потянулся за моими сигаретами.

– ???

– Троцкистом был!

– ???

– Молодым учился. Комсоргом стал. Взяли, троцкистом назвали, и повели с Лены пешком сюда в Эге-Хая касситерит добывать. Сначала 10 лет дали, потом еще 10, потом пустили – ходи. Вот хожу, вас вожу. Больших людей видел – шибко умных. Памятью их был, записной книжкой.

Но Троцкого так и не встретил!

Доцент – ковбой

Ковбои входят в нашу жизнь с детства из кинофильмов и книг. Сильные люди! Ну а мы, русские интеллигенты? Думаете, мы хуже? С ковбоями, то и дело, неприятные казусы случаются. Помните, как в романе «Всадник без головы» у одного фраера понесла лошадь, он треснулся башкой о сук и помер?

Так вот, только я стал доцентом, как в густом лесу ночью меня понесла лошадь. Она вынесла меня прямо на горизонтально простиравшийся сук. Настоящий шлагбаум! Я принял его головой. И что? Ель вырвалась с корнем, повисла у меня на плечах. Так мы и скакали дальше: Сатэра, ель и я.

Беспокойные ночи

По хребту Черского мы с Анастасией Семеновной бродили вдвоем. Рабочий Герман засадил себе в ногу топор, и его бросили в какой-то юрте. Каюр пас лошадей в долине Яны и сюда к курумникам не поднимался. Я был молод - силен, но выносливости не хватало. Таскать пробы по сорок килограммов было тяжело. В конце рабочего дня (отнюдь не вечером, ибо солнце здесь за горизонт не уходит; отличить день от ночи практически невозможно) я бросал всё и уползал в спальник. Хорошо, если успевал снять кирзовые сапоги. И тут же засыпал, причём крепко.



Горная страна Черского. Выглядит красиво, но ходить тяжело.



Кигиляхи бывают разными



Афонас Николаевич, Анастасия Семёновна, пёс Барон, глухарь, таймень и яранга Петра.



Анастасия Семёновна.

«Ночью» меня кто-то начинал, как бревно, катать по палатке.

– Игорь! Игорь!

Анастасия Семёновна - начальник экспедиции.

– Что стряслось ? – вопрошал я спросонок.

– Медведь!

– И что?!

– Пойди прогони его.

Тихо матерясь, я расстегивал три ряда пуговиц, развязывал какие-то тесемки, выпутывался из вкладыша, ватного спальника и чехла, долго боролся с марлевым пологом, расстегивал палатку и выбирался наружу. С горы видно хорошо. Никого, естественно, не было. Обойдя палатку, пописав и постреляв для остротки, возвращался в тепло и снова дрых.

– Ох, Игорь, – говорила на утро Анастасия Семеновна, – сегодня не спала ни минуты. Хищников боялась. Но поняла в чем дело: едим горох, вот в животе и урчит!

Надо сказать, что медведи вообще-то были. Однажды, вернувшись из похода, мы нашли палатку полностью снесенной. Все, что можно съесть, было съедено (даже в упаковке). Банки с тушенкой и сгущенкой оказались сплюсненными и скрученными гигантской силой. А их содержимое высосано. Остался лишь керосин для радиостанции



«Урожай». Так что пришлось нам малость поголодать. Но самих медведей мы никогда не встречали. Они себе не враги, чуяли нас на большом расстоянии и всегда уходили.

Есть захочешь, и кедровка - добыча.

Правда, когда в конце экспедиции, мы вернулись на базу, то узнали, что одного нашего коллегу медведь таки погубил. Геолог отправился в поле с женой (тоже геологом). Поднимались они по двум смежным распадкам. Она шла по левому, он - по правому. Она нашла медведя. Косолапый испугался первым и рванул в горку. Перевалив, столкнулся нос к носу с геологом. Тот шуганул его выстрелом вверх. Медведь бросился обратно и в левом распадке вновь нарвался на геологиню. Та завизжала, как резанная. Медведь обделался и кинулся вправо. Прямо на геолога. Тот принял боевую позу...

— Хватит, однако, — подумал Мишка, —

гоняют, как зайца. Пора кончать!

Он бросился на геолога и загрыз его насмерть.

Анастасия Семеновна не знала еще этой истории, но с медведями меня достала крепко.

Как-то мы разбили палатку прямо в зимнике. Она разбудила меня какими-то завываниями. Я приоткрыл один глаз. В раскрытую щель входа в палатку виднелся стол, на нем - кружка Анастасии Семеновны. Оперевшись на край кружки, на задних лапах стоял горноста́й и нагло хлебал остатки чая. Не вступая в дискуссии, я поднял одной рукой двухстволку, навел её в нужное место и спустил курки. Грохот, черный дым.

Когда прояснилось, на столе не было ни горностая, ни кружки, ни чайника.

Я заснул снова. Больше не будили.

Тщетная предосторожность

В сталинские времена на северах пребывали не только лагерники с охраной. Работали там и вольнонаемные, в частности, геологи. В районном центре Верхоянского района, городе Батыгай, располагалась горно-обогадательная фабрика по переработке оловянной руды. Ее директором был муж Анастасии Семеновны, а сама она работала в



местном Геологическом управлении. Деньги они получали большие, а девать их было некуда. Продукты - по карточкам, одежда — казенная, а в отпуск на материк отпускали один раз в три года, да и тот они игнорировали.

***Нас приветствовал
Пётр, не святой и не апостол.***

Сберкассам не доверяли и хранили деньги дома. Но это было опасным занятием. Зеки, отпущенные на поселение, шалили. Особенно плохо стало во

времена ворошиловской амнистии, когда с Черных земель поперли лагерники, грабя все на пути.

Анастасии Семеновна нашла блестящий выход. Она червонцами оклеивала стены дома, поверх них – газеты, а снаружи – репродукции из «Огонька». Никто не догадывался, что скромное жилище геологов таит в себе миллионные суммы. Они готовились к возвращению в Москву, когда случился пожар и все сгорело.

Вот так и вышло, что они проработали 15 лет на полюсе холода совершенно бесплатно.

Фото плохое, но видно, что рыба у нас была.



Забота

Зимой по Верхоянскому району еще можно путешествовать, но летом... Это песня! Мерзлота оттаивает, и леса превращаются в болота. Лошади проваливаются по брюхо, а то и с головой. Однажды мы форсировали какое-то урочище. Впереди ехал каюр, у него на аркане – четыре выючных лошади. Все это ухнуло в тину, забилося в истерику, а каюр вообще исчез с поверхности Мирового Болота. Мы с Гномом бросились на помощь. Но тут и мой мерин решил тонуть. Каким-то образом я оказался под ним. Седло с привьючкой съехало и, естественно, на меня. Нырять принудительно неприятно и в прозрачных водах Бискайского залива, а в болотной жиже – без кайфа. Понял я, что без акваланга долго не протяну. Пора было подумать о спасении своей молодой жизни. С трудом добравшись до ножа, я высвободил его из ножен и стал перерезать ремни - веревки, мешавшие всплытию. Запаса воздуха хватило, и я вынырнул на поверхность. На «берегу» восседала на Сатере Анастасия Семеновна и близоруко всматривалась в даль. Я снова нырнул и стал перерезать стремяна. Опять вынырнул.

– Олег! Олег!

– Что? – успел спросить я, польщенный заботой, и, как кит, выпустил фонтан.

– У тебя ноги мокрые?

Да! – отвечал я, – снова опускаясь на дно.

От судьбы не уйдешь

Никогда не знаешь, где тебя настигнет слава. Кирстена она застала в Верхоянском крае. Боги от него отказались, зато люди стали боготворить.

Каюр с Олегом долго кормили комаров в тайге, когда, наконец, вышли к Туастаху. Лето, в горах таял снег и Туастах имел вид широкой и бурной горной реки. Нужно переправляться. Пошли по берегу. В первый день ничего не нашли, но на второй, каюр шмыгнул в кусты и вылез с узкой длинной лодкой. «Веточкой» называется.

В тот момент, когда каюр начал спускать лодку, зашуршала осока и выскочила утка. Она пробежала пешком по воде и пошла на взлет. Кирстен мгновенно сбросил с плеча ружье и, не целясь, выстрелил. Та дала свечку и упала в воду по центру реки. Течение понесло ее вниз. Олег бросился к лодке, сильно оттолкнул ее от берега и прыгнул вслед. Акробатический этюд! Лодка с незадачливым охотником быстро удалялась от берега, стремясь к каменистому порогу. Веточка была узка и длинна. Изготовлена она из

трех досок: одна лежит плоско, а две других стоят вертикально. Вот между ними и заклинилась задница супермена. Но беда не в этом. Проблема – в весле. Длинное, двухлопастное весло (как у байдарки) лежало на дне лодки. Вот на него-то и уселся барон.

Порог приближался. Надо было что-то предпринимать. Кирстен завертелся, как уж на сковородке, пытаясь вытащить из-под себя весло. Веточка для таких маневров не предназначена. С третьей попытки она перевернулась. Олег оказался в воде. Был он в двух штанах, энцефалитке, свитере и телогрейке. За плечами висел запасной карабин, а грудь перепоясывали крест накрест патронташи. Как у матроса Железняка. Гранат на поясе, правда, не было. Но ножи-кинжалы были. Все это мешало плыть, да к тому же стало стремительно намокать и утяжеляться. Возникла реальная перспектива Ермака в Иртыше. Олега, однако, это не смутило, он одной рукой вцепился в лодку, другой – в весло. Развернувшись, он бешено заработал ногами. Сапоги оказались эффективным двигателем. Катамаран устремился к берегу. Скоро его вынесло на отмель. Кирстен подхватил транспортное средство и пошел обратно к каюру.

Все это время каюр молился своим богам. Якуты, родившись и прожив всю жизнь на берегах рек, плавать не умеют. Да и как тут научишься – вода-то холодная! Поэтому они рассчитывают только на потустороннюю силу. Если человек хороший и богу реки понравился, то тот его возьмет к себе. Ну и хорошо! У богов утопленник не пропадет, будет кайфовать на том свете. Но если человек богу не приглянулся, он выкинет его обратно. Это тоже хорошо, жалеть не надо.

От Кирстена боги отказались, удалили его из реки, но вернули и весло, и лодку, что указывало на их определенное сочувствие.

История эта получила широкую огласку в узких кругах якутского общества Верхоянского края. Долго еще рассказывали, как один голубоглазый схватил под одну мышку лодку, под другую - весло и со всем этим пошел по воде, яко посуху. И когда русский барон Олег фон Киртен через несколько лет опять попал в эти края, его почитали, как святого, передавали от юрты к юрте, от чума к чуму, от яранги к яранге, и везде он закусывал строганиной.

Воспитательница

В шестидесятые годы хрущевской оттепели в кругах интеллигенции Якутска было модно отдавать детей на воспитание в группу Эммы Гансовны. Умела она прививать подрастающему поколению основы нравственности. С каждым отрабатывала навыки освоения наук, искусства, культуры. Учила немецкому, знакомила с немецкой философской мыслью, с немецкой поэзией. Популярность Эммы Гансовны была велика, и к ней выстраивались очереди. Хотя все знали, что в молодости она служила в ГЕСТАПО, ставила медицинские опыты на детях, пытала их.

От расстрела ее спасла беременность.

Всю жизнь она была неравнодушна к детям...

Нервная обстановка

Лагерь на краю Верхоянска был суровым. Высокогорная тундра, камень, поросший мхом и ягелем, тучи комаров и мошки летом и лютый мороз зимой. Работа тоже была тяжелой: оловянный рудник. Все были озлоблены: ЗК мерли, как мухи, охрана голодала и зверела без спирта. Но начальник лагеря Иван Шнайдер был суров и держал дисциплину. Его жену Софию в течение года как-то не было видно (да и была ли она здесь?!). Но летом, как только наступал полярный день, Софья покрывала тело толстым слоем РЕПУДИНА, одевала яркий, откровенно открытый купальник, и начинала бродить по территории лагеря. За ней следовал солдат с кошмой. Она выбирала место и укладывалась на войлок загорать. Действия эти имели мощный общественный резонанс. Особенно у чекистов на вышках. Они уже не озирались по сторонам в поисках бегущих эзков, а

завороженно сквозь риски прицела смотрели на роскошные тела, с боку на бок перекатывающиеся. Как хотелось дать очередь! Особенно, когда дама вставала и начинала обходить лагерь по периметру. Подойди она к колючке ближе, чем на три метра – можно стрелять без предупреждения. Но, несмотря на сложный рельеф местности, она держала дистанцию. Тоскующая вохра иногда даже просила вольнонаемных пихнуть ее в трехметровую зону. Никто не решался.



Пора разбить лагерь.

Когда волнения всех слоев лагерного общества достигало критического уровня, шли с жалобой, и начальник порол жену багульником. Но на утро, скрывшись под солнечным зонтиком, она опять гуляла по лагерю.



Лагерь трясло до первых заморозков.

Анастасия Семёновна за работой.

Конфликт поколений

Пёс Верный плохо спал. Не нравилась ситуация. Тайга – это нормально: всегда знаешь, где находишься, всегда есть, что поесть. Даже на маршруте. А тут в горах, да еще на хребте Черского, дела хреновые и, надо правде в глаза смотреть, на глазах ухудшающиеся. Сначала кончился лес, а теперь и альпийские луга. Сплошные курумники, нагромождения камней, осыпи – не приведи господь. Вон лапы уже без когтей – все стесались по скалам лазучи. Он, чай, лайка, а не скалолаз. И летать не обучен. Но горные реки – сто крат хуже. Как их переплыть, если поток воды, как ртуть. Глазом не моргнешь – и ты километров на десять ниже по течению. Волна с головой накрывает. А камни, что несет речка? Даст по голове и поминай, как звали. Опять же лед со снегом. Под него затянет – мало не покажется. И обсохнуть негде. Мужики примус разведут, руки погреют, в себя кипяток вольют. А нам, что толку от того примуса, смотри, как бы шерсть не подпалили. Им-то хорошо, небось, в седле; коняги здоровые, вот и бредут от дресвы до дресвы. А что не брести, коли ноги длинные и сил немерено. Ты же должен скакать за ними, да еще на счет пожрать хлопотать. Хозяин наш – якут, а у

него закон известный: «Собака – животное умное, сама себе найдет пропитанье». Оно, конечно, так, но ведь не на ледниках-снежниках же, и не на маршруте. И в не моем возрасте, естественно. Староват я, между прочим, кости все ноют; со следа, бывает, сбиваюсь. На покой пора, а тут экспедиции водить приходится. Ладно бы по тайге, а то вон куда залезли! Брошу все – домой подамся.

Тут ещё молодой достаёт. Недаром его Пиратом кличут. Ему года еще нет, вот кровь и играет. Носится, как ошалелый, лает на каждый куст. Охотник, мать твою! Овчарка недоделанная. Как же, городской!! А прокормить себя не может. Как люди есть сядут – сразу подползает. Хвостом так и бьет, и, аж, повизгивает от вожделья. Подайте! Подайте! Три дня не жрамши! Попрошайка. Положим, каюр на это – ноль внятия, но молодой русский не выдерживает – от себя отрывает и кидает украдкой. Так нахал приспособился спать под палаткой. И за ночь чуть не к центру ее подбирается – дождя боится. Супердог! Со стороны посмотришь – куда там. Экспедиционный волк! Но все это не ужасно, конечно: растущий организм своего требует. Так эта зараза за счет стариков выехать норовит. Бежит впереди каравана, как самый главный. Вроде, дорогу указывает, а сам близко не соображает, где находимся. Утку или рябчика, кто подстрелит – стрелой летит, приносит подранков. Нате, берите, варите, кушайте, но косточки мои. Только заевайся – все миски вылизет. И рычит еще, сволочь. Не подходи! А вчера вообще полный абзац. Бреду среди вьючников, принимаюсь, все ли наше. Так Верный налетел и как тяпнет в плечо. До крови разодрал, сволочь! Небось подумал, что на тушенку зарюсь. По себе, гад, судит. Да больно надо! О края банки зубы рвать. И без нее не сдохнем, в отличие от некоторых. Хорошо, хозяин рядом случился, протянул камчей нахала. Будет знать, как стариков задевать.

Нет, определенно пора уходить. До дому верст триста, да ничего дорогу найду. Насильно мил не будешь. Не ценят – не надо.

Мимо промчался Пират, прорывав для острастки. Путаются тут под ногами божьи одуванчики. В чем душа держится, а туда же – в маршруты ходить. Пред каюром выделяется, чтоб не пристрелил по старости. Плетется сзади, того и гляди потеряется. Где-то что-то жрет, не поймешь что, а явно сыт. Да что ему надо? Пару евражек перехватил, и ладно. Из-за него вон камчей по спине схлопотал. Впрочем, черт с ним. Мы свое всегда возьмем.

Пират вырвался вперед и спугнул зайца. Тот рванул вдоль по склону. Пес, заливаясь лаем, понесся за ним. Верный тоже поддался охотничьему азарту. Он бежал молча, не спеша и не прямо по следу, а так, придерживаясь общего направления. Пират же летел сломя голову. Он практически настиг косого, но тот прыгнул в сторону. Собака, тормозя четырьмя лапами и иногда кувыркаясь через голову, попыталась остановиться. Это удалось метров через тридцать. В это время заяц был уже далеко. При движении он петлял, сбивая собак со следа. Развернувшись, Пират вновь пустился в погоню и вновь настиг зайца. Тот резко сменил направление, пес пролетал стрелой вперед, закувыркался по склону и слетел с обрыва. Ошалевший заяц описал немыслимую дугу, и влетел в пасть Верного. Старик захлопнул челюсти, по-волчьи перекинул тушу за спину и рванул подальше от каравана.

Он шел привычным экономным наметом. С него хватит! Домой!

– Пусть знают! – думал он, ощущая, как горячей кровью зайца заполняется пасть – Пусть знают!

Цивилизация

Туман и дождь тормознули нас на Черных Землях. Забились в палатки. Сидим день, другой, неделю. Курево-чай кончились. Ну, и сколько будет продолжаться?

– Пошли, якута спросим. Он приметы знает.

Пошли. У чума сидел старик. По классике - лицо в трещинах, в зубах трубка.

– Как думаешь: скоро дождь кончится? Когда туман уйдет?

– Трнзт, - отвечал он.

-- Что Трнзт, – не поняли мы.

– Транзтор, – повторил он разборчивее. И для убедительности постучал по батарейному приемнику, висевшему через плечо у одного из нас.

Цивилизация, блин! Дед слушал метеосводки по радио и свято им верил. Первым мы гршили тоже. Но отнюдь не вторым. Знаем мы эту науку – метеорологию, и ее точность. Нам бы лучше народные приметы: радикулит, старые раны, чайки на воде. Оно надежнее...

Стимул

Возвращались в Верхоянск, пересекая долину Туастаха. Осень, лиственницы полыхают из-под снега. Смотрю – трудяги. Один мазохист – по пояс в воде моет лоток. Другой на мерзлоте пялился в микроскоп на камень. Микроскоп уникальный: игральная карта, дурочка от иглы и капля воды на ней.

Поболтали, покурили.

– Как сезон?

– Херово!

– Покажи, не отниму.

– Это точно!

Добрейший взгляд без вариантов.

Достал мешочек с серо-желто-красным порошком. Так себе.

– А доход?

– На порох-чай хватит. Перезимуем.

– Так стоит уродоваться?! Приятель посинел!

– Не стоит, конечно.

И молния:

– А вдруг жила!!!

Теперь на вопрос, стоило ли возиться с такими опасными и трудными экспериментами, ради убожества результатов, я всегда соглашаюсь:

– Не стоило, конечно!

А про себя думаю: “А вдруг жила!”. И глаза загораются.



Семья каюра.

АЛТАЙ

Горноалтайская экспедиция

В раннем детстве мне отец много и весьма занимательно рассказывал об Алтае, на котором он воевал в Гражданскую войну против Колчака (красным бароном был). У нас на стене висела шкура огромного медведя убитого им в тех краях. Наглядная агитация. Под её влиянием я во втором классе написал рассказ о нашей жизни на Алтае. Целиком выдуманный, конечно. Отцу на работе машинистка напечатала это произведение искусства, был сделан картонный переплёт и наклеена картинка, специально нарисованная местным художником. Так что получилась книжка, маленькая, но почти, как настоящая.

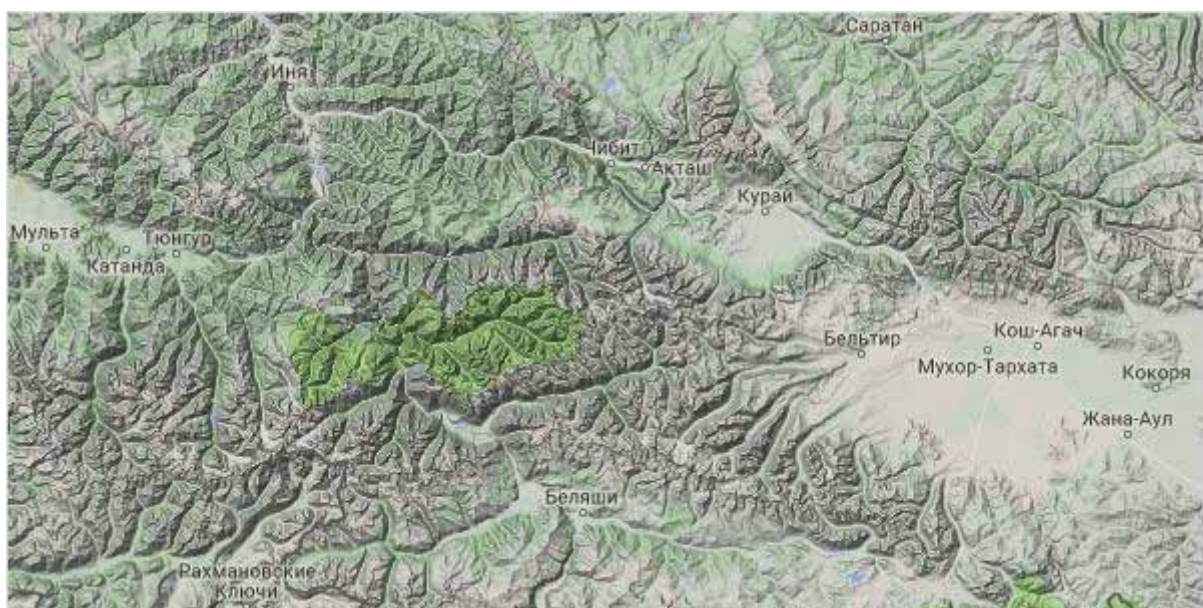
Теперь второй раз пишу об Алтае. Более реалистично.

В детстве, отрочестве и юности я мечтал об Алтае, постоянно мысленно путешествовал по нему, не обращая никакого внимания на то, что говорит учительница у доски или лектор со своими слайдами. Стремился туда попасть. И, как ни странно, попал! Причём не один раз, а пять. Одна экспедиция по районам, граничащим с Монголией и Китаем (Кош-Агач, Чуйская и Курайская степи, и горные хребты, их окаймляющие), и четыре похода: байдарочный поход пр Чулышману, Телецкому озеру и Бие, по горному маршруту Чибит-Балыкча, Телецком озеру и спуску на лодках по Бие, по горному маршруту Тюнгур, Аккемское и Кучерлинское озёра (эти походы с женой Идой) и поход к озёрам Шавло и Сумультинскому перевалу (второй: Я, Ида и дочь Наташа).

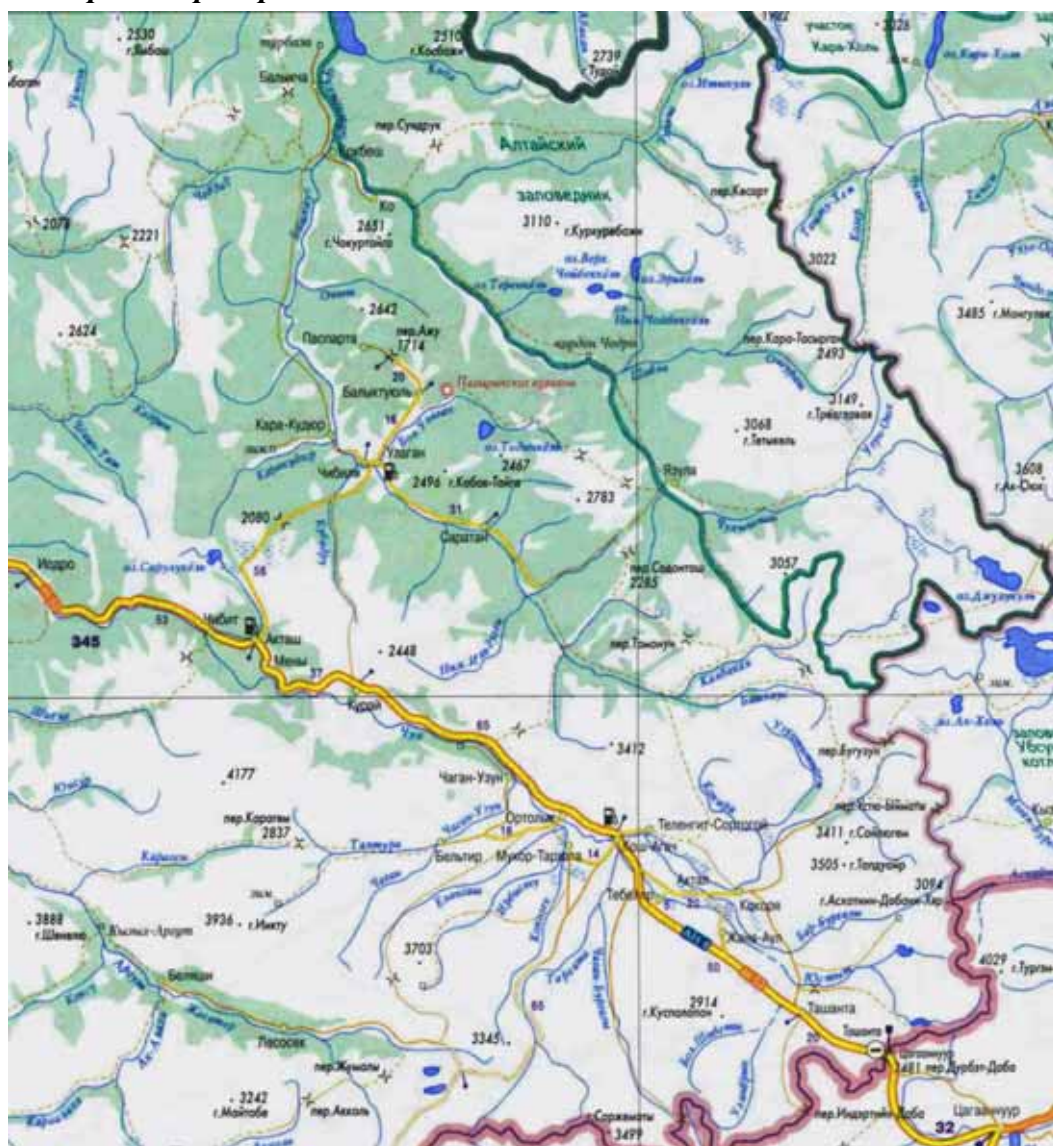
Здесь представлены только некоторые заметки по экспедиции (первая экспедиция на Алтай, но вторая в моей жизни: первая была в Верхоянском крае).



Маршрут Горноалтайской экспедиции: Кош-Агач, Ташанта, Беляши (Джазатюр), Курай, Акташ, Усть-Улаган, Саратан, Кош-Агач. Долины рек: Чуя, Аргут, Баикаус. Хребты: Северо- и Южные Чуйские хребты, Курайский хребет. Степи: Чуйская и Курайская.



Рельефная карта района исследований.



В окрестностях Кош-Агача много рек.



Пейзаж вблизи Кош-Агача довольно унылый.

Я долго катался по Москве, пытаюсь найти экспедицию на Алтай. И нашёл. В стыке ГУМа, напротив Кремля. Подбил на это дело приятелей, но Валера Муравьёв не стал досрочно сдавать сессию, а мы с Павлом Кукиным (учимся в одной группе радиохимиков и кончаем 4-ый курс Химфака МГУ) экзамены спихнули и поступили на работу коллекторами.

Экспедиция по Горному Алтаю 2-го ГГУ (Гидрогеологическое управление) работала с середины мая по середину сентября 1964 года. Формально мы должны были описать истоки рек Алтая и ледники, из которых они образуется. Но тогда СССР готовился к войне с Китаем и активизировались работы на границах. А Алтай как раз граничит и с Монголией и с Китаем. Поэтому неформально, но тщательно, мы характеризовали горные тропы и дороги (часто на глаз) с точки зрения проходимости их и мостов через реки для пехоты, кавалерии и танков. Никаких проб мы не отбирали, радиоактивность не мерили, но делали зачистки и шурфы, которые и описывали.

Отправил жену и дочь (полгода) на дачу в Рассудово, а сам начал собирать



экспедиционное оборудование и готовить отряд. В основном клеил бумажные карты Горного Алтая (различных районов и разных масштабов) на марлеву основу. Чтобы они не трепались и не рвались. Пяти километровки считались секретными и были на особом учёте. За потерю такой карты грозил реальный срок. 15-го мая отправились в путь.

В Чуйской степи

Страдающие морской болезнью и не переносящие самолёт, отправились на поезде, а мы вылетели на самолёте: ИЛ-18 до Барнаула, а от него на поезде до Бийска. В Бийске нас погрузили в автобус и повезли по Чуйскому тракту. Это было первое знакомство, потом я много раз катался по тракту и в кабине бензовоза и на машинах, как легковых, так и грузовых. Ближе к нему познакомился. Как-нибудь опишу красоты. Там есть на что

посмотреть (такт входит в десятку самых красивых автодорог мира). Проложен он по тропам древнего торгового пути. Современное шоссе проектировал писатель Вячеслав Шишков, автор Угрюм реки, т.е. Нижней Тунгуски, на которой я побывал в очередной своей экспедиции.

Чуйский тракт – длинная дорога: 962 км: Новосибирск-Новоалтайск-Бийск-граница с Монголией. У него есть непосредственное продолжение за границей: Ярантай, Урумчи-Исламабад-Крачи. Но я сейчас говорю об участке Бийск-Майма(Горноалтайск, раньше Ойрот-тура)-Онгудай--Белый Бом-Акташ-Курай-Чибит-Кош-Агач. То же не маленький: ~600 км. Некоторые водители бензовозов проходят его за один день. Но они нарушают: его следует преодолевать за два дня. Дорога необычайно трудна: непрерывные серпантины, крутые спуски и подъёмы, прижимы. Того и гляди улетишь или в Катунь, или в Чую. Падать долго, да и реки бурные.



Чтобы добраться до гор, нужно сначала продаться сквозь тайгу.

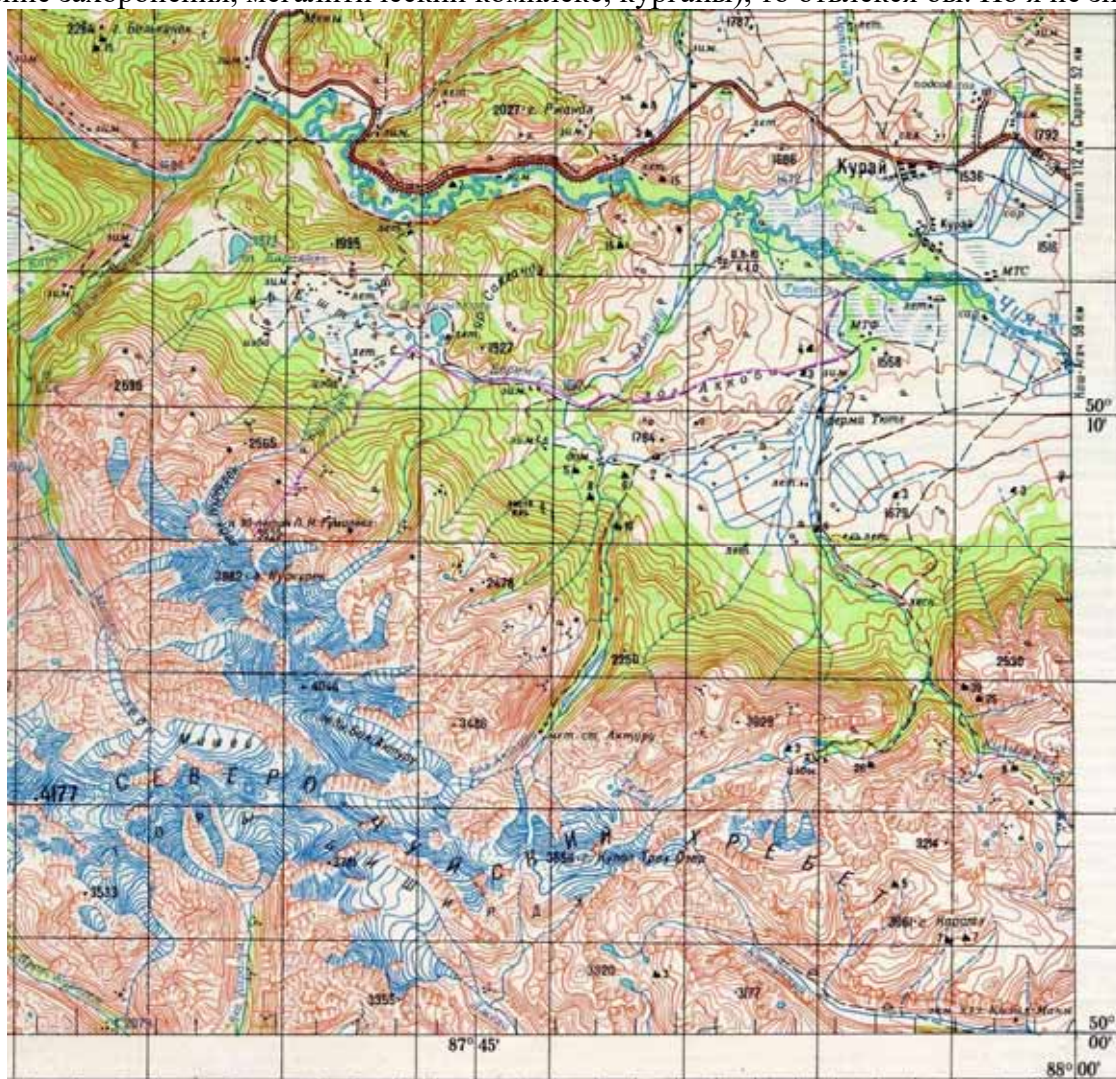
Мы ночевали в Онгудае (раньше Урсул), большое, старое село, основано аж в 1626 году. Две церкви. Завтракали в Чибите (охра – по-алтайски). Посёлок расположен в месте впадения реки Чибитка в Чую. Как раз там, где река Чуя вырывается из Мажойского каньона (Мажойский прорыв) и подходит к тракту. С этим Мажойским прорывом, с его 35 порогами на 12 км (один из них, Бегемот – редкая по силе сволочь) я потом имел дело. Посёлок находится на высоте 1134 м, над ним возвышается гора 2567 м (мы на неё через 2 месяца взобрались). Село старое, образовано русскими миссионерами в 1801 году. Ночевали в палатках турбазы. Запомнился родник с чистой водой, находящийся на окраине села.

В полдень прибыли в Кош-Агач. Вид заброшенного села в каменистой пустыне. Кто-то утверждает, что название в переводе: два дерева, а мне говорили - летящее дерево (может с разных языков?). Одно дерево есть, правда оно никуда не летит, но второго найти не удалось. Возможно оно когда-то было, но не выдержало местного климата... Я бы назвал посёлок – прощай деревья. Ибо они остались где-то внизу. Как-никак, а мы на границе с пустыней Гоби. А до границы (Ташанты) 65 км.

Село расположено на высоте 1780 м, что сказывается, когда в футбол играешь. На стыке рек Чаганки и Чуи. Речек и каких-то протоков здесь много, озерца, даже что-то вроде болота, что странно, так как вокруг нечто вроде пустыни. Сейчас они были частично покрыты льдом. Припой какой-то зернистый: лёд в виде палочек. При ударе эти

длинные шестигранные палочки сыпятся вниз. На воде утки, на них пикируют орлы-ястребы, которых здесь больше, чем кур. Дома разбросаны, хотя какие-то улицы есть. Пусто. Ни дерева, ни кустика, ни цветка. Даже заборов почти нет. Кругом Чуйская степь (площадь 70x40 км²). Степь не в нашем понимании, ковыля нет. Здесь степь каменистая полупустыня. Мелкий камень. Песка в смысле барханов нет. Почва твёрдая и довольно ровная. Можно ехать без всяких дорог в любую сторону хоть на машине, хоть на лошади. Или идти пешком, что, впрочем, нежелательно. Горы вблизи Кош-Агача невысокие, невыразительные и совершенно пустые. Где-то здесь пасутся стада овец, много коров, но что они едят, не понятно. В 15 км к северо-западу от села расположена вершина Табожок высотой 3201 м. Как-то от нечего делать на неё заехали. Ничего интересного не нашли. Вдали пейзаж гораздо интереснее: высокие горы, покрытые лесами, лугами и снегами. С одной стороны – Северо-Чуйский хребет (Чуйские белки), с другой - Курайский хребет. Издали красиво. Посмотрим, как ходить будем. И лошадей за собой таскать.

Чуйский тракт идёт на юг в Ташанту. Но от Кош-Агача ещё есть дорога в Джазатор и дорога на плоскогорье Укок. Ташанта и Укок - погранзона. Получил пропуск и однажды по делам смотался в Ташанту (наледь, гололедица). Он выше Кош-Агача (2000 м). Много улиц и все имеют русские названия. Есть таможня. По дороге ни на что не отвлекался. Если бы знал, какие в погранзоне археологические артефакты (наскальные рисунки, древние захоронения, мегалитический комплекс, курганы), то отвлёкся бы. Но я не знал.



Карта Северо-Чуйского хребта. Ледники – истоки рек.

Кош-Агач основан в 1801. История села связана с развитием культурных и экономических отношений между Россией и Монголией, входившей до 1911 года в состав империи Цин.

Есть пограничная комендатура, Исполком, застава, школа, почта и магазин, в котором я купил Квантовую механику Блохинцева (только тут и считаешь эту муть), небольшой аэродром для военных нужд. Памятник Ленину, естественно.

Народ пешком не ходит. На верблюдах и машинах мало. Все на лошадях. И мужики и тётки и дети. Иногда на одной лошади всё семейство. Но смешно смотрится на лошади чиновник в костюме и с портфелем. Население: половина алтайцев, половина казахов. Я их не различал. Русских почти нет (учителя, пограничники и т.п.). Но сейчас прислали из центра множество туенядцев. Видимо, на исправление. И по случаю приближающего лета понаехала толпа геологов, ну и мы со своей партией.

Климат тут суровый: минимальная температура -62°C (почти, как в Верхоянске), а максимальная $+38^{\circ}\text{C}$. Разница 100° ! Экстремалы тут живут. Мы тоже к местному климату приобшились, хотя и частично: дикие перепады температур за сутки и заморозки летом. Зато всегда солнце. 300 дней в году (чуть ли не самое солнечное место в России). Вот где надо любоваться солнечным затмением и строить солнечную электростанцию.

Поселились мы в большом казённом доме, к которому примыкал загон для лошадей а ля Техас. В нём мы объезжали одичавших лошадей - низкорослых, но резвых монголоков. Я изображал ковбоя. И если в Верхоянском крае неоднократно слетал с лошади, но здесь не упал ни разу. Хотя у монголоков есть дурная привычка вставать на дыбы, они не такие нервные как якутки, которые, заметив ленточку или бумажку несут закусив удила, сами не зная куда. Я, однако, слишком тяжёл для монголоков (75 кг, при весе жокея 45 кг). Скакать галопом долго они не могли и, все в пене, быстро останавливались. А некоторые падали от усталости (с якутскими лошадьми такого не происходило). Когда потом я пересекал верхом Чуйскую и Курайскую степи, то всегда имел две лошади. Пересаживался с одной на другую. В седле я мог находиться дольше Д'Артаньяна и местных каюров.

Экспедиция была большая – больше 50 человек. Она была разбита на партии, а партии – на отряды. Народ был разный. Начальник (Розенберг) - мужик по пятьдесят, с большим пузом (от голода!), но физически активный, начальник по меньше – Майя Влодавер, а непосредственный наш начальник Михаил Онищенко. Были здесь ИТР, недавно закончившие ВУЗы, студенты геологических институтов, студенты разные (я и Кукин – радиохимики, Бергер – филолог, Румянцев – журналист), были шофера с машинами (один разбил машину, сбежал в горы, его долго ловили), алтайцы – каюры, и туенядцы (мы дружили с Певцом и Поэтом). Было много лошадей.

Сначала мы описывали речки – левые притоки Чуи в районе Чаган-Узуна и Курая (их там много – текут с гор). Вдвоём с каюром многократно пересекали в разных направлениях и Чуйскую и Курайскую степи. Осмотрел рудник киновари (ртути). Он недалеко от Чаган-Узуна. Ночевали в юрте семьи каюра (родственники, включая четырёх его жён (одна русская) пасут там овец и коров). Потом всем отрядом поднялись в верх по одной из речек и полезли в горы. Облазили длинный Северо-Чуйский хребет, перевалили через него в долину Аргута (мощная речка, пропилила глубокое и практически недоступное ущелье), посетили Джазатор ("летняя стоянка", официально Беляши – "маленькая седловина в горах"), слегка чиркнули по Южно-Чуйскому хребту. Собрались было штурмовать сверкающий острыми черно-белыми гранями, треугольный пик Иикту (3936 м), но передумали. Перевалили обратно, пересекли Курайскую степь, по Чуйском тракту достигли пос. Акташ (белый камень, почему он белый - непонятно, кругом всё красное, ибо много киновари (сульфид ртути), тут ртутные рудники, раньше были ртутные озёра ("озеро горных духов"), но сейчас их вычерпали).



Северо-Чуйский хребет красив, но ездить по нему верхом неудобно.



Из Кош-Агача на Джазатор идёт дорога.



На вершины мы залезали редко. Но переваливать приходилось там, где нет нормальных перевалов. Один из них могли бы назвать перевалом Бекмана. Но не назвали.

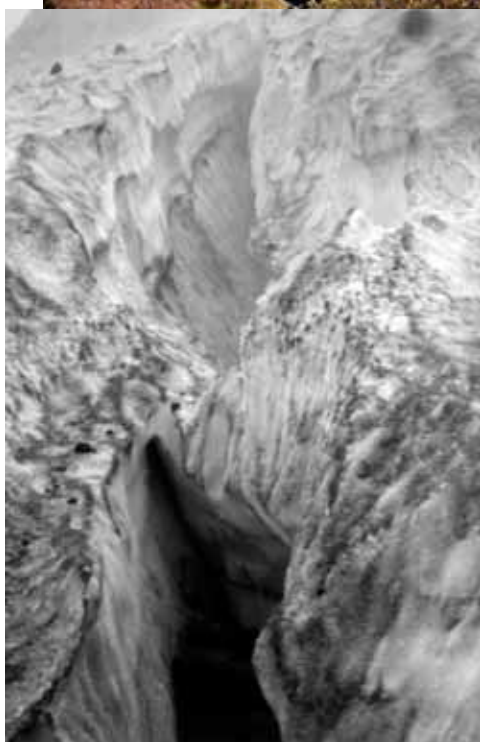


На этом леднике я исхитрился провалиться в трещину.

Месторождение ртути открыто давно: в 1842 году, но начало разрабатываться в 1942 году. Был построен металлургический завод. Ряды двухэтажных деревянных домов выстроены в прямые улицы. Недалеко от посёлка находится штольня. Вглубь штольни уходит километровый тоннель, освещённый фонарями, по нему тянется узкоколейка, по которой электровоз тянет вагонетки с рудой. Температура в шахте около 0 °С, дальше, в зоне вечной мерзлоты она. Стены и потолок обиты деревом, на полу деревянный настил. Через цех завода протянута огромная труба. С одной стороны в неё засыпается руда. Она нагревается до 1000 °С, при этом происходит возгонка ртути. Ртуть конденсируется и вытекает в виде металла. Это единственное в России предприятие по производству ртути.

Трещина ледника, в которую я провалился.

Достигли Усть-Улагана. Тут живут христиане (уже четвёртое поколение). Удивили необычайно красивые, большие, сильные лошади, с золотыми гривами и хвостами. Перевалили в долину реки Башкаус. Там сначала шли в низ по течению, кувыряясь по ущельям, непрерывно переправляясь через эту бурную реку с одного берега на другой. Достигли каньона Чулышмана, но спускаться не стали (Каньон, кстати, один из самых больших в мире - 1800 м, мы потом



пересекли его с Идой: в 7 утра начали спуск по хорошей тропе, в 7 вечера достигли реки). Пошли вверх по Башкаусу, описывая его притоки с обоих берегов, достигли Саратана и пошли ещё выше. Потом резко повернули на запад, перевалили Курайский хребет, и по тракту вернулись в Кош-Агач. Немного покамералили, и мы с Бергером уселись в бензовоз, шедший из Монголии, и он нас за день (!) доставил в Бийск, откуда мы сначала поездом добрались до Барнаула, а потом вылетели в Москву. Уже был сентябрь. Пора на занятия, а мне включиться в семейную жизнь, встретиться с женой и дочерью, которая (дочь, а не жена), как оказалось, начала уже ходить.



После вонючей лаборатории приятно прогуляться на свежем воздухе.



Речки, пересекающие Чуйскую степь, образуются при таянии ледников.

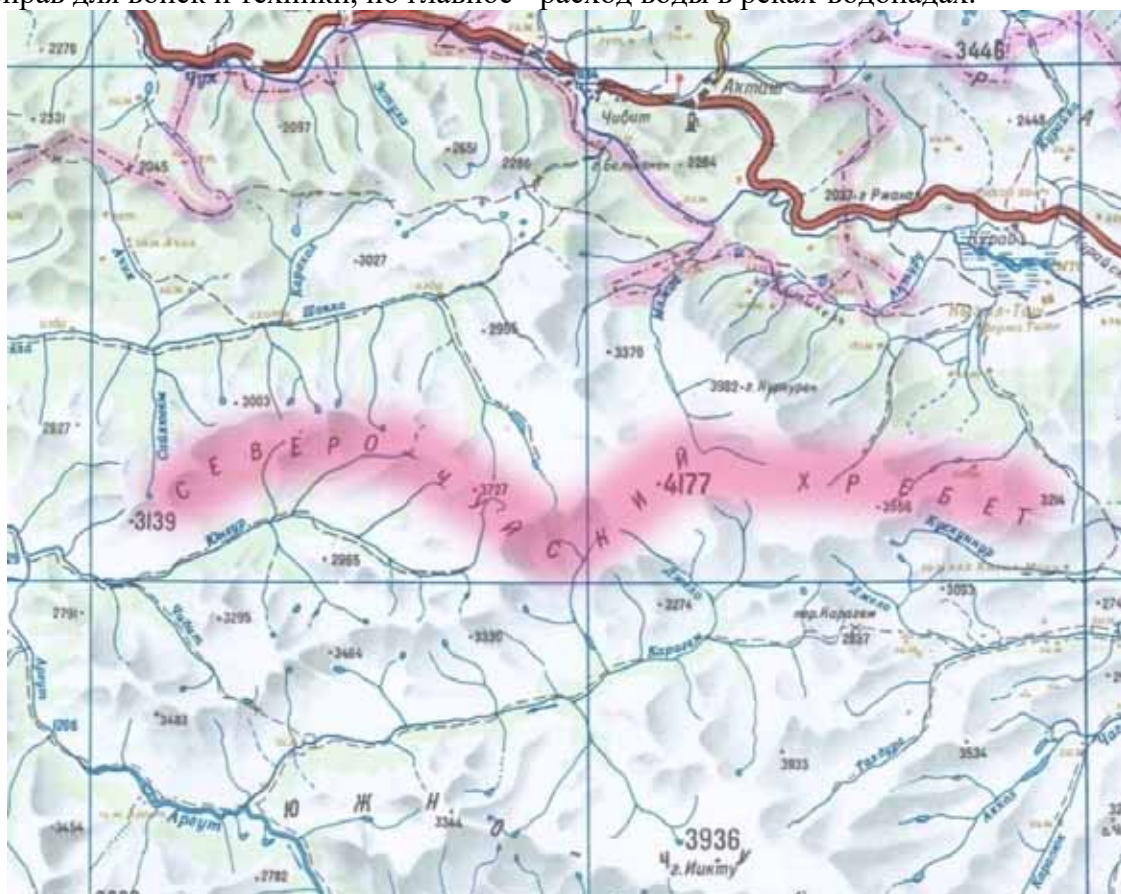


Путь нашему маленькому отряду (я, Валя и 3 лошади) часто преграждали скалы.

Приключений было много, меньше чем в моей первой, Яно-Адычанской экспедиции. Но тоже... Многим бы хватило на всю жизнь. Были и смертельно опасные: чуть не сгорел в пожаре тайги, которую сам же поджёг; ночью сорвался со скалы высотой

в 5-6 этажный дом, но упал на кедр и остался жив; сканируя склон ледника, провалился в трещину, застрял в ней благодаря рюкзаку (а то не писать мне эти строки, там было куда лететь дальше), напарница Валя меня из этой щели вытащила; на тропе лошадь моя рухнула в пропасть, я дремал в седле, но успел избавиться от стремян, вскочить на спину лошади и ухватиться за сук, на котором и висел, пока та же Валя меня не сняла; чуть с Бергером и Румянцевом не утонули в Башкаусе, когда вздумали перейти его без лошадей прямо на пороге; отогнал ружейным выстрелом рысь, которая вознамерилась прыгнуть мне а плечи. Опасным был переход через Катуньские белки, когда мы вдвоём с одним студентом перегнали 10 лошадей, степных лошадей, имевших дурную привычку в горах кубарем катиться в приглянувшуюся им пропасть. Однажды на себе (как чёрт у Пушкина), вынес на себе лошадь, завалившуюся в пенал из острых и высоких скал; когда один мерин попытался укусить Валю, я ударом кулака отправил его в нокаут, от которого он еле оправился (*я силён, чего скрывать, я пятаки могу ломать, а недавно головой быка убил*). Есть, что вспомнить.

Леса, медведи, рыси, гигантские кедры, альпийские луга, эдельвейсы, тюльпаны, кипрей, цветущие багульники и лиственницы, кедовые стланики и заросли карликовой берёзки, грибы, трава, скрывающая всадников, жимолость, облепиха, черника со сгущенкой, снежники, ледники, бурные реки, хариус, водопады, алтайцы, айран, гарем, староверы, туристы. Подготовка к войне с Китаем: проходимость троп, перевалов и переправ для войск и техники, но главное - расход воды в реках-водопадах.



Северо-чуйский хребет мы прошли от края и до края. Несколько раз его перевалили, сваливаясь, то к Аргуту, то к Чуе.



На Курайском хребте нет ледников.



За пробами камней на хребте я отправлялся один. Валя с лошадьми ждала меня на границе леса.

Поэтому в основном бродили по ледникам и снежникам. Обычно шли всем отрядом, но мы с Вале́й Рыбаковой в порядке исключения иной раз на десять дней отправлялись вдвоем в дальние путешествия. Секса не было, ни у меня, ни у друзей-



приятелей. Почему – непонятно. Плохов этом деле разбирались, видимо. Иногда мы на надувных лодках спускались по бурным алтайским рекам, но в основном всласть скакали верхом (по степи; в горах монголки кубарем катились в пропасть).

Кар – разрушенный вулкан.

Времена были суровые, не то что здесь, в Москве есть было нечего. Нас почти не кормили и мы превратились в дистрофиков. Объявили забастовку. Иногда на мушку

удавалось поймать хариуса. Один раз я из отцовского дроба застрелил большую глухарку (купалуху), один раз - зайца (прямо из палатки, косой неосторожно гремел посудой у костра). Ещё случились у меня две удачные охоты: на куропаток и на уток. С двумя каюрами отправился охотиться на горных козлов, но те нас на выстрел не допустили. Однажды чудом не застрелил телёнка, приняв его в кустах за олениху. Повезло: начальник из карабина убил маралиху и мы вволю отъелись. В первый раз обожрались так, что спать не могли. Вышли к Саратану, так накупили водки и устроили пир. Тем более, что по рации связался с базой и нам зачитали телеграммк жены начальника: "Поздравляю с победой Спартака, точк. Родила сына. тчк." Марал был съеден полностью и окончательно.

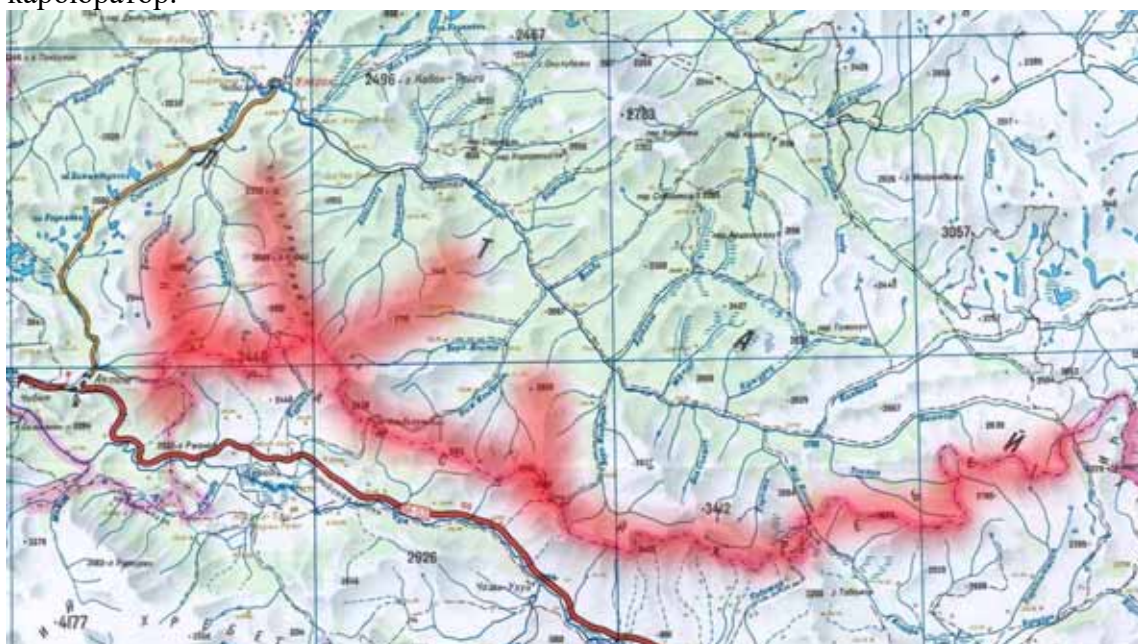
Для меня важным оказался моральный климат. В Верхоянской экспедиции, у меня было два спутника, много старше меня. Они пытались насадить дедовщину и пришлось отбить у них охоту к таким намерениям. Говорить с ними было не о чём и не за чем. Тут мы были погодки, коллеги по университету, было, что обсудить, множество причин для дискуссий. Мы этим активно пользовались. Я был уже опытным путешественником, хорошо сидел в седле, обладал навыками альпиниста, хорошо стрелял, был в хорошей физической форме. Обладал авторитетом. Валю назначили мне, как начальника (она была с третьего курса, но геолог, а я с четвёртого, но химик. При первом же мне замечании, я отобрал у нее карт и компасом и сообщил ей, что в поле начальником (авторитарного типа) буду я. Так и получилось.

Важно (и для экспедиции и дальнейшего куска жизни), что у нас сложилась крепкая сплочённая компания, потом в неё влились жёны и мы долго с удовольствием общались семьями, участвовали в совместных экспедициях, походах и пикниках. Морально поддерживали друга в эпоху роста и становления. Так продолжалось лет десять. Потом жизнь растащила нас в разные стороны. Мы на веки расстались. Увы!

А тогда, ещё в Кош-Агаче мы облачились в казённое обмундирование и стали похожи друг на друга, но не как солдаты, а как заключённые, как ЗК. Поэтому назвали себя Общество (команда) зэков. Конечно сказалось, что были времена оттепели, предки прибывали из лагерей, в моде были блатные песни. Мы составили устав (важный тезис - блюсти мурло), сочинили гимн, выпустили стенгазету, куда вставил свои тут же придуманные рассказы с оригинальной лексикой). Каждый получил прозвище. Я стал Кастылём, поскольку в моих длинных ногах (костылях по-народному) путались нападающие вражеской футбольной команды. Потом под этим термином понимали костыль, которым крепят рельсы к шпалам. Поскольку я олицетворял собой надёжность. А то что Кастыль, через "а", так это потому, что список составлял русский, а русские русским языком слабо владеют. По должности я был начальником 3-го отделения. Бергер стал по своей инициативе гинекологом (я – филолог-гинеколог), Румянцев - малыш

(диктатор по служебному положению), Онищенко – серым волком. Был у нас ещё Пупочек, Красная Шапочка, Ягодка и др.

Экспедицию, как я уже упоминал, мы заканчивали вдвоём с Бергером. Мы с максимальной возможностью мчались по Чуйскому тракту. Пожилой водитель бензовоза торопился к своей семье. Ехали мы быстро, но нас всё же обогнал другой бензовоз (в отличие от нашего он был с прицепом). "Молодой ещё", – зевая во всю пасть, сказал шеф, надолго закрывая глаза, но не выпуская баранку их рук и непрерывно крутя её в разные стороны. Молодость сказалась незамедлительно. Приблизились к Белому Бому, на крутом повороте и резком спуске завизжали тормоза, машина наша вильнула в сторону, собралась прыгнуть в Чую, но была остановлена столбиком ограждения. Оказалась, что обогнавший нас бензовоз врезался в стадо овец. Большое стадо, которое цыгане гнали из Монголии на Бийский мясокомбинат. Пришлось нам втроём оттащить погибших овец и складировать их в кювет. Потом уже машиной оттащили бензовоз молодого в сторону. Овцы пробили ему карбюратор.



Мы прошли по обоим склонам Курайского хребта.

Курайский хребет проходим для лошадей.

Далее всё прошло благополучно. К вечеру того же дня прибыли в Бийск, ночью на поезде в Барнаул, откуда утром вылетели в Москву. Проблем с билетами не было (В отличие от последующих моих поездок на Алтай). В Москве меня встретила Ида, а Бергера дома ждала милиция, которая его арестовала. Правда в тот же день отпустила (благодаря усилиям тестя).

Дело в том, что ему хватило ума явиться домой с заряженным пистолетом (Во времена были: я с ружьём и не израсходованным боезапасом, Женя с пистолетом. Никто не приставал с глупостями. И правильно: самолёт остался цел). Перед этим один из членов ЗК, Артур, в компании с приятелем в Горноалтайске избил милиционера и отобрал у него пистолет. Он вручил его Бергеру, чтобы он сдал его официально в милицию, как случайно



найденный под столом в вагоне. Бергер ничего не успел предпринять, как его повязали. Откуда милиция всё узнала – непонятно. Лично я ничего об этом не знал. Артур, однако, сел.

После экспедиции основная группа ЗК решила встретиться и от метить счастливое окончание. Я прихватил жену и, как было договорено, пришёл с ней к старому зданию МГУ. Там мы стали ходить вокруг памятника Ломоносову. Ждём, а никого. Уже 20 сверх срока и опять никого. То есть народ тоже у памятника толпиться, но не наш. И только, когда кто-то попросил у меня прикурить, я по голосу понял, что предо мной Бергер собственной персоной. Оказалось, что вокруг все наши. Просто побрились, постриглись, одели костюмы, галстуки, взяли жён под руки. Вот уж действительно преобразование господине! Обрадовались и направились на крышу гостиницы Москва, в ресторан с видом на Кремль. Где и просадили половину заработанных денег.



Это - мы (ЗК): М.Онищенко, Конопелько, Артур, Е.Бергер, Е.Румянцев, я и П.Кукин.

*__*__*

У нашей семьи много связано с Алтаем. Отец здесь воевал в Гражданскую, я совершил пять путешествий, здесь была жена и дочь, внук совершил два похода. Алтай я знаю хорошо. И по личному опыту и опыту семьи и знакомых. Много я читал по эту необычайную страну (а я ходил по горной стране Черского, по Верхоянскому хребту, по Байкалу, вулканам Камчатки, Кавказу, Хибинам, Карпатам, Татрам, Немецким Альпам, Драконовым горам ЮАР, холмам Дэлавера в США). Ответственно заявляю: мест красивей Алтай нигде нет. Рерих подтвердит. Я мог бы многое написать об Алтае. Думаю, интересное.

Но не случилось...

Предисловие Е. Бергера

Летом 1964-го года, после четвертого курса филфака МГУ, я отправился в составе геологической партии на Горный Алтай, где был маршрутным рабочим почти

четыре месяца. В то время еще были остры впечатления перемен, которые происходили в СССР после смерти Сталина. Реабилитированные заключенные были героями, которым поклонялась молодежь. В ходу были песни, сложенные или приписываемые заключенным. Мы, студенты, оказавшиеся в тайге и горах, постоянно евшие овсяную кашу, носившие казенную одежду в шутку называли себя зэка, т.е. заключенные красноармейцы. Было создано целое тайное общество, со своим уставом и гимном. В него вошел начальник отряда Боря Золотарев (по кличке Серый волк, он же министр иностранных дел), два химика: Олег Кирстен (Кастыль, начальник 3-го отделения) и Пал Палыч Дроздов (Пупочек), филолог Евгений Бергер (это – я) по кличке Гинеколог (врач-общественник), будущий журналист по кличке Малыш (Диктатор) и несколько студентов – геологов. Список членов было поручено составить активному комсомольскому активисту – Пупочку. Большой грамотей, москвич, акающий и в разговоре и письме, он записал Кастыля через «а». Всем понравилось, так и осталось. Тем более, что Кастыль и был бароном, прадед его был воеводой в Кричевском замке, а корень «кастл» и есть замок по-английски. Так что одно к одному...

Кастылем его прозвали за то, что он крайне нескладно двигался. Был какой-то недостаток в его фигуре, который мешал ему нормально бегать, но почти не был замечен при ходьбе. Однако поскольку он играл с нами в футбол, мы замечали его этот недостаток, достаточно ясно. Точно так же он несколько странными движениями рубил дрова, ставил палатку, словом, выполнял то, что и должен был делать как рабочий геологической партии.

Чем еще отличался он от нас, так это медлительностью, которую он афишировал. Прежде, чем сделать что-то, он долго сидел или лежал совершенно неподвижно, и когда мы спрашивали у него, почему он медлит, он отвечал: «Я привыкаю к мысли» (то есть к мысли о том, чтобы сделать что-то).

Весь первый месяц полевого сезона, который мы провели на базе партии в Кош-Агаче, в ожидании лошадей, он пролежал на спальном мешке в одном из классов школы, где размещалась база. Он читал роман Пушкина «Евгений Онегин», рассказ о человеке, эпиграфом к которому были следующие слова: «Проникнутый тщеславием, он обладал той особой гордостью, которая позволяет с одинаковым равнодушием признаваться как в своих хороших, так и дурных поступках – следствие превосходства, быть может, мнимого». Я не знаю, чем привлекал Кастыля роман Пушкина, однако в том, что этот эпиграф можно поставить и к рассказу о его жизни, я убедился очень скоро. Зэк Кастыль и в самом деле не делал ни от кого тайны как из своих хороших, так и дурных черт.

Кроме пушкинского романа, он читал еще книгу на английском языке, в котором желал усовершенствоваться.

На Горный Алтай его привела жажда приключений. Приключением он называл ситуацию, в которой нужно приложить максимум усилий, чтобы избежать гибели. Очевидно, таких ситуаций у него не было в Москве, где он учился в университете. К тому времени зэк Кастыль был уже женат, у него росла дочь. Тем не менее, он уже второе лето уезжал в экспедиции на несколько месяцев, оставляя жену и дочь в Москве.

Приключения он рассматривал, как необходимую для любого человека, занимающегося научной работой, встряску, без которой сделать что-либо ценное в науке человек не в силах.

В то лето нам пришлось лишь однажды испытать то, что зэк Кастыль называл приключением. Это случилось при переходе вброд одной горной реки, перехода, во время которого каждый из нас, в том числе и Кастыль, мог оказаться на дне. Нас было трое, и мы шли тушить таежный пожар. Несли с собой ведра и прочий инвентарь. Но течение в Башкаусе такое, что все смыло, в том числе и нас с Пупочком. Кастыль шел в центре и периодически вылавливал то меня, то его из бурного потока. Когда мы, в конце концов, оказались на другом берегу, лишь у Кастыля оказался в руке топор. На остальных были

одни плавки. Так и тушили. Тут мы вспомнили еще одно значение слова костыль: большой гвоздь, которым крепится рельса к шпале. Кастыль - символ устойчивости и надежности. Кличка пристала к нему навеки.

В Москве я познакомился с его семьей. Мы дружили много лет. Жизнь его казалась мне забавной. Я даже начал писать повесть «Жизнь и приключения зека Кастыля». Но...не судьба!



Я и героическая Валя.

Алтайские рассказы

Завтра лекция

Почти не коснувшись стремени, уже в седле и понеслись. Единая страсть седока и коня. Страсть преследования. Слаженный механизм летит по раскаленной долине, догоняя табун и отрезая его от распадка. Цокот копыт, столбы пыли, мелькающие кусты, канавы, камни, встречный ветер, развивающиеся хвосты-гривы, страх падения, радость намета. Неужто это моя собственная рука крутит бешено аркан над головой?! Бросок!

Теперь рассмотрим систему частиц с f степенями свободы, которую можно описать, задавая значения координат q_1, \dots, q_f и f сопряженных им импульсов p_1, \dots, p_f в данный момент времени t . Необходимы постулаты, которые не доказываются, но из которых будет следовать вся теория, и мы придем к выводам, которые могут быть экспериментально проверены. В зависимости от результатов этой проверки теория должна быть принята или отвергнута.

Если Олег и удержится от вопросов на самой лекции, то уж после нее – наверняка. Почему не доказываем постулаты? Отражают ли они реальную действительность или просто спекуляции ума? Позитивист стихийный. Придется что-нибудь плести о сложном пути приближения познания к абсолютной истине. Вечные вопросы. Как и звонки из комитета комсомола, с требованиями регулярного посещения общежития. Выяснить и доложить, что вечерами делают студенты: нет ли аморалки, пьянок, прослушиваний «Свободы» и т.п. Нашли осведомителя! Бесплатного к тому же.

Постулат 1: Любое состояние системы полностью описывается функцией $\Psi(q_1, \dots, q_f, t)$ класса \mathcal{Q} . Эта функция называется функцией состояния системы и обладает тем свойством, что переменные в момент времени t находятся в элементе объема $d\tau$, так что:

$$\int \Psi^*(q_1, \dots, q_f, t) \Psi(q_1, \dots, q_f, t) d\tau = 1$$

где интеграл берется по всем возможным значениям q .

Дроб качался и плясал в руках киргиза. Он был пьян и никак не мог прицелиться. Я иду к нему и не отрываю глаз от качающегося кружка. Абсолютно чёрное тело. Не так уж и страшно: вся жизнь не проходит пред глазами. Только нож кажется бесконечным, пока вытягиваешь его из бесконечных ножен. А вот и выстрел.

Постулат 2: Каждой динамической переменной M можно привести в соответствие линейный оператор μ . Так как мы интересуемся только величинами, доступными наблюдению, т.е. действительными, то можем ограничиться случаем, когда эти линейные операторы являются эрмитовыми.

А в общежитии на этой неделе побывать придется. Но до этого на Бюро – дела об отчислении. Опять с Пашкой подеремся. Любит при случае позверствовать. Как же, начальство! К тому же, гад, забрал свой редуктор с моей установки. Прямо в разгар работы.

Постулат 3: Функция состояния $\Psi(q, t)$ удовлетворяет уравнению:

$$\hat{H}\left(\mathbf{q}, \frac{\mathbf{h}}{2\pi i} \frac{\partial}{\partial \mathbf{y}}, t\right) \Psi(\mathbf{q}, t) = -\frac{\mathbf{h}}{2\pi i} \frac{\partial}{\partial t} \Psi(\mathbf{q}, t)$$

где $\hat{H}\left(\mathbf{q}, \frac{\mathbf{h}}{2\pi i} \frac{\partial}{\partial \mathbf{q}}, t\right)$ – оператор Гамильтона для данной системы. Это уравнение

Шредингера, включающее время.

А на Алтае нас называли братья-химики (Кастыль и Пупочек). В принципе, и сейчас дружим. Но в горах – активней.

Постулат 4: Если функция состояния $\Psi(q, t)$ является собственной функцией оператора μ , соответствующего динамической переменной M , т.е. если имеет место

$$\mu \Psi(\mathbf{q}, t) = m \Psi(\mathbf{q}, t),$$

то в этом состоянии переменная M имеет точно постоянное значение m .



Зимой лошади дичают, приходится их объезжать. Мужик с бородой – начальник партии Розенберг.

Из ЦЕРНа сообщение: получена плазма с температурой в 20 миллионов градусов. Если б подольше горела – был бы термояд. К концу года обещают управляемый термоядерный синтез. Как же! Не будет вам термояда в 20-ом веке, может быть – в 21-ом. Да и то – в конце. Не доживем.

А поясница-то болит. Нефрит. Отъездился я, похоже, по Тяньшаням – Алтаям. Примерный семьянин – летом на дачу.

Что-то никак не сосредоточусь. А ведь завтра – лекция.

Супермен

Кастыля я впервые увидел в славном поселке Кош-Агач. Это - в Чуйской степи, на границе с Монголией. Мы собирались на Катуньские белки и все были в сборе. Не хватало только Кастыля с Валея. Они должны были прибыть сюда лишь завтра, и то к вечеру. Однако когда радостный Пупочек, случившийся на рации, поведал о письмах и гостинцах с материка, Кастыль крикнул, почесал в затылке и пообещал явиться сегодня.

Ну, ну! Где гумно и где имение!

Под вечер, когда солнце заскользило по краю степи с целью бритвой срезать горы, вдали что-то запестрело, замелькало, запрыгало и стало ясно: едут! Караван двигался равномерно, той изматывающей рысью, что вынимает душу из всадника, но гарантирует цель. Даже сейчас, в виду конца пути, лошади не перешли в галоп, а продолжали придерживаться многочасового ритма.

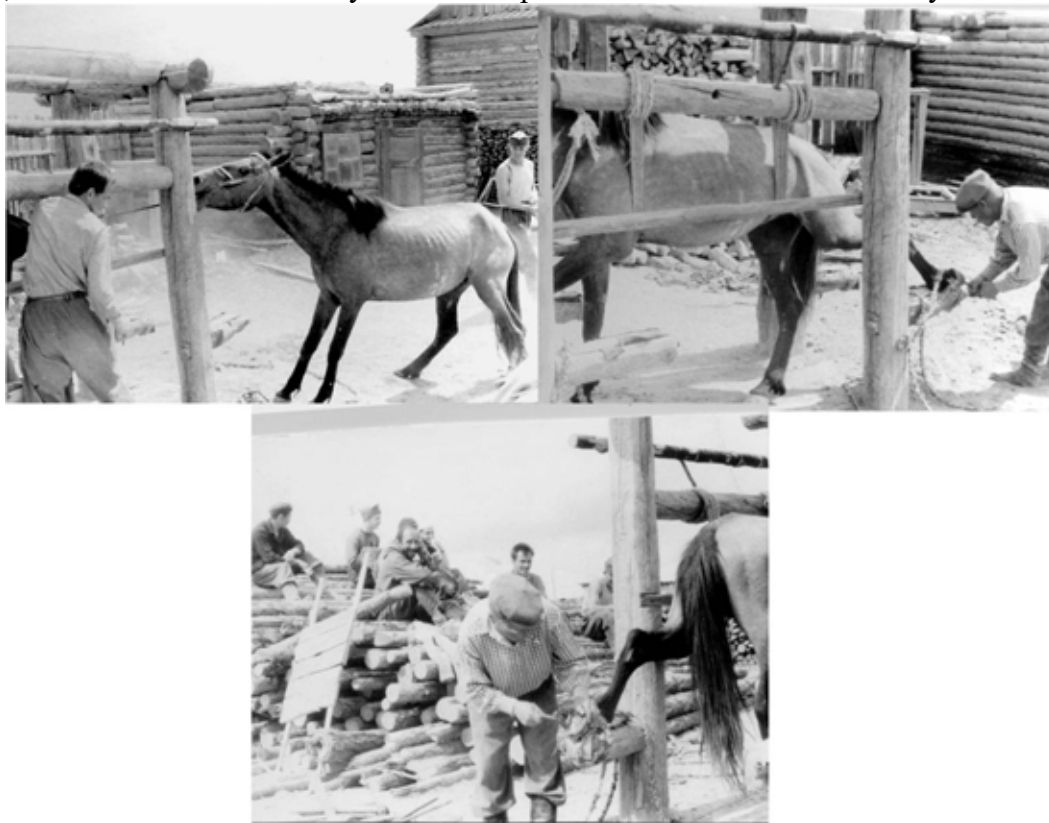
Валя прыгала, как мячик, но не всегда в такт Могола. Капюшон штормовки откинут, и волосы свободно развиваются на ветру. Прямо Жанна Д'Арк. На поводу она держала навьюченного Мышонка, который тщетно пытался попасть в ногу с Моголом.

Кастыль сидел в седле, развалиясь, как в кресле, и медленно поднимался и опускался в такт иноходца. Маркиз увлекал за собой на длинном аркане три выючных лошади.



Последний снимок: через час фотоаппарат у меня украли местные жители. Каюру лошадь оторвала палец арканом.

Сохраняя порядок в монотонном движении, караван вступил во двор школы. Я подхватил повод Сатэра и протянул руку Вале. Та прыгнула ласточкой. Кастыль соскочил с седла, одним движением затянул повод Маркиза на стойке загона и двинулся к нам.



Чтобы степная лошадь могла работать в горах, её следует хорошо подковать.



С лошады у меня всегда был контакт.



К походу готовы.



Кукин на коне.

Зрачки у Пупочка начали медленно расширяться. Он ойкнул и повалился на землю. Сначала он бился тихо, потом начались всхлипывания: "Не могу! Ой, не могу!" Я надел очки. Да, это надо было видеть!

Кастыль зарос, как панк. Борода начиналась с бровей. Вперед воинственно торчали рыжие усы. Большие ярко синие глаза, выделявшиеся на загорелом лице, смотрели твердо и жестко, отражая волю уставшего, идущего на нервах человека. Голубые глаза медведя. Из-за левого плеча торчала двустволка, в правой руке - боевой карабин с зачем-то примкнутым штыком, в левой - мелкашка, Тозовка. Поперек широкой груди шел патронташ. Сбоку болтался кавказский кинжал в деревянных ножнах, из-за пояса выступала короткая финка. Супермен! Таежный волк!

До пояса. Но ниже...

Ниже он был без штанов. Точнее имелась одна почти целая штанина, сшитая из карманов энцефалитки (Ручная работа!), но вместо другой - лишь черные лохмотья. Обут он был не в привычные для всадника кирзовые сапоги, а в шлепанцы без задников. Голову украшала салатовая полупрозрачная дамская шляпка с вуалью. Длинные ноги, изогнутые в дугу, придавали походке грацию рахитичного переростка. Длинная фигура Дон-Кихота раскачивалась на ходу, как мачта дрейфующей в зыби яхты.

– Здорово мужики! – прохрипел Кастыль.



Монголки хоть и небольшие, но выносливые.

Внешность обманчива

Плохо, когда одного принимают за другого. Вот Кастыль: ленив и добродушен. Займет угол и молчит. И, что важно, никого не трогает. Ну и полагают, что он труслив, слаб и нерешителен. Это, однако, не так. Совсем не так.

Сидим в камералке, травим по малой. Шутки, приколы. Какой-нибудь новичок начинает задирать Кастыля. Тот что-то мямлит, уходит от боя. Новичок надирается. Обидеть норовит. И вот порог преодолен, процесс пошел.

На физиономии Кастыля все еще добродушная улыбка, но глаза теряют синеву, сереют и становятся стальными. Самое время сваливать, причем с максимальной скоростью. Но у новичка реакция слабая, он в глаза не смотрит. Удар! Тело болезного взлетает в воздух, пролетает над столом и вылетает в окно вместе с рамой.

– Мудак ты, Кастыль! Дуть же будет!

Без ружья

Однажды Кастыль с Пупочком вышли из леса и гордо бросили к костру глухаря.

– О! – сказали мы, – кто добыл?

– Пупочек держал, я – стрелял, – отвечал Кастыль.

??

– Продираюсь я сквозь ельник. Слышу: Пупочек лает не своим голосом. Что за дела? Пошел навстречу, смотрю: Пупочек высунулся из шурфа, стоит на четвереньках и лает на ель. А сверху на него глядит глухарь: что за животное с длинным носом? Ну, я и стрельнул.

Мы заржали.

– А что? – заворчал Пупочек, – рою себе яму, а тут раз! и на суку – глухарь. И ни ружья, ни рогатки. Я и взвыл с досады.



Сначала надо даму обустроить. И добыть ей кедровых орешек.



Всегда при деле: или вьючишь лошадей, или развьючиваешь.

Надёжность

- Шеф! – ворвался в лабораторию Саня, Уф! Все сделал, завтра принесу...
- Что сделал?
- Все, что просили!

- А результат видел?
- Зачем!! Бросил на счет и сюда.
- А она посчитает?
- Куда денется? Я в систему кое-чего своего добавил. Для гарантии.

И вспомнил я долину Адычи. Шли караваном по кромке лес - плавни. Вдруг – стая уток налетела и в камыш на озеро села.

– Ужин! – воскликнул Пупочек, и мы ринулись в атаку. Первым же дуплетом я уложил двух уток, да потом добил подранка. Вернулся к Сатэре, завалился в седло, как в кресло, сижу, жду.

Казалось, где-то взвод штурмует Гуниб. Дробь сыпалась с неба. Пальба затихла, подождал полчасика, пошел выручать.

Вдали от берегов на кочке балансировал Пупочек. Упасть боялся. Хотя терять было нечего - из ушей торчала осока. Уже купался.

- Утку убил, обрадовал он меня, – запропастилась куда-то.

Мы принялись усердно искать, раздвигая камыши и осоку. В третий раз, нырнув с головой, я заинтересовался:

- Точно убил? Видел, куда падала?
- Точно! Стрельнул и аж повел!

Прям садовник со шлангом.

Плюнул я и пошел вылезать из болота.

Русская печь

Тропа петляла, петляла, но все же вывела на заимку. Большой сруб из кедра, пасека, загон для овец – все, как положено у потомков столыпинских переселенцев. Спешился, зашел в избу. Полдома занимала большая русская печь с лежанкой. Перед ней, уже по алтайскому обычаю, на полу расстелены шкуры и стол на низких ножках. Заглянул в печь. Угли горячие, по краям догорают головешки. Вынул я котел, похлебал борща и развалился на шкурах хозяев ждать.

Вечерело, темнело. Тихо, лишь урчит река.

Задремал и тут!

Железная дверца печи с грохотом упала и в дымке огня появилась старуха. Нагая, с длинными седыми волосами, нос крючком.

Баба Яга!

Вот тут-то волосы у меня и стали дыбом. Сердце обвалилось.

– Здорово, начальник, – сказала она, – спирт есть? Сейчас чайку попьем. Сегодня суббота, вот я и мылась, мылась, завтра отдохну.

Хозяйка выбралась из печи и стала готовить ужин.

Так вот, ребята, у меня за бортом 20 экспедиций, 30 походов. Работал водолазом, взрывником и химиком. Мастер спорта по альпинизму. Взрывался на всем, что можно и нельзя. Попадал во все виды аварий. Охотился и дрался.

Но страх испытал лишь однажды.

Советский гарем

К гарему я всегда относился положительно. Одна жена – это все же мало. То она больна, то устала, то рано вставать, то сериал по телику и вообще – ты плохо себя ведешь. Секс ущербный, без фантазии.

А в гареме? Оставил туфли у нужной двери, и ночью она у тебя. Конкурентный отбор придает ей прыгучесть: удача не повторится.

Умеют жить на Востоке.

Однако!

Однажды я с Виктором, каюром-алтайцем, гнал табун лошадей по Чуйской степи - каменистой высокогорной пустыне. Безрадостный вид утомлял. Сделали крюк к Катунскому хребту, где кочевала его семья.

Юрта, собаки, овцы, айран. Дамский квартет на седьмом небе: барана зарезали, шашлычок, чай с лепешками. Степенные разговоры. Кайф!

Ночь настала – пора спать. Улеглись на шкурах по периметру юрты. В центре костер, радио играет, светло, тепло и мухи не кусают. Расслаблены все члены. Дремота.

Тут и началось.

Сначала жены лишь глухо переговаривались. Потом вскочили и, в чем мать родила, бросились на Виктора. Тот не возражает, но ведь с кого-то надо начать. А тетки дерутся: волосы трещат, невымытые задницы мелькают, визг, писк. Мамаша советы дает.

Я прошел сквозь стену. Продрал кошму и в коконе спальника выкатился в степь. Там, положив голову на камень, и заночевал.

Утром на Виктора больно было смотреть. Без завтрака отправились в путь. Карабин уже не торчал над плечом – одна из жен его разрубила. Понял я, почему он с экспедициями ходит. Гарем по-советски – тяжело.

Бардак и никакого порядка!



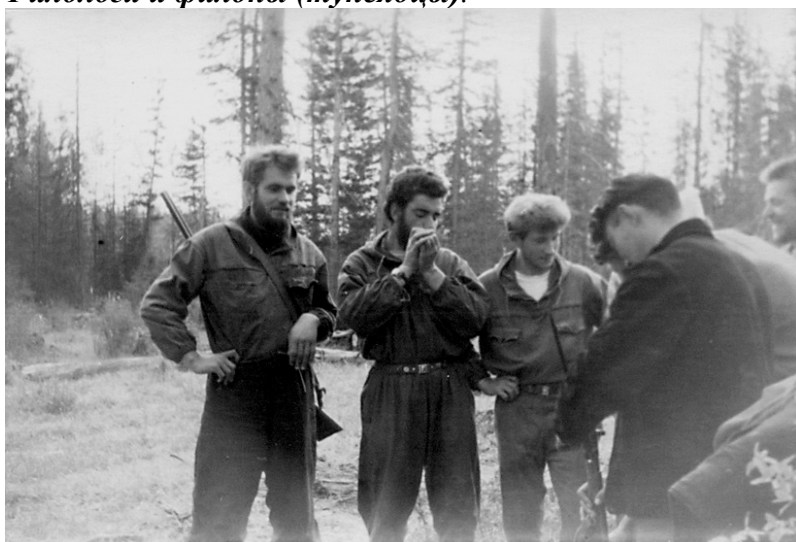
Дамы о нас заботились.



Kance.



Филологи и филоны (тунеядцы).



Примкнём штык к карабину и пойдём на медведя.



Впереди дальняя дорога.

Перекур

Ходим, ходим отрядом в экспедиции. Надо отдохнуть. Но нужно обоснование. Вот оно: команда ПЕРЕКУР. Ура! Рюкзаки скинули, легли, кайфуем. Дамы достали сигареты, дымят. Из десяти мужиков не курит ни один. Перекурили (не мы), встали, пошли дальше.

Цыганка с картами

Мы с Торопынько, долговязым и тощим сыном министра сельского хозяйства СССР (тогда он кончал десятый класс), сидели на Катуньских Белках и пасли лошадей. Сидели, сидели, все припасы съели, а приказа нет. О нас забыли. Начальник запил и отпал. Решили пробираться к базе самостоятельно. А Горный Алтай - не Варшавское шоссе. Тропы узкие, пропасти глубокие, перевалы высокие. Да и далеко - километров 150. А у нас ни карт, ни компаса. Куда идти? Как идти? Лошадей одиннадцать, все дикие, нас двое, а перевалов восемь (это если идти правильно). Арканов нет, скотина разбегается по лесистым склонам (Лови, как знаешь), шарахаются от любого лоскутка на дороге, дерутся друг с другом, как свора собак. Тихий ужас! Измаялись мы с ними изрядно, и обрадовались, когда вышли на некий шлях, текущий в сторону Чуйского тракта.

Едем мы себе, едем. Догоняем цыганский табор. Самый настоящий, с кибитками, детьми, лошадьми. И большим стадом овец в придачу. На одной телеге, вся в цветных юбках, лежит молодая цыганка:

– Ребята, закурить дайте!

Торопынько шарахнул нагайкой по мерину и рванул вперед. Он с незнакомками не водится. А я вынул последнюю пачку Беломора и отдал ей.

– Спасибо! Какой добрый! Я тебе судьбу предскажу...

Потасовала карты, раскинула, пошептала и говорит:

– Жалко мне тебя! Умрешь скоро. Очень скоро. До сегодняшней ночи не доживешь!

Ну, и каково такое слушать?! Тут и так еле жив, а тебе гадкие прогнозы лепят. Да за мою доброту, к тому же. Конечно, я окончил четвертый курс МГУ, т.е. уже человек образованный, к суевериям не склонный. Но все же! Едешь и оглядываешься: откуда смерть придет...

С тех пор прошло сорок лет. Я жив пока (Тьфу, тьфу, тьфу!).

Но терпеть не могу дилетантов!

Аморалка

Плевал туман на полдень, он и не думал рассеиваться. Мы не витали в облаках - парили в тучах. Дождило, ржавели кости. Где-то вокруг громоздились хребты, простиралось вздыбленное плато, прятались в засаде озера. Но, увы!

Ни хрена не было видно.

Изредка впереди вырастал завернутый во вьюки круп Ко-Ко. Тогда Сатэра возмущенно фыркал и щелкал зубами. Резкий и точный удар двух копыт отбрасывал нас назад. Балансирующая в качестве привьючки Валя летела вперед. Заминка. Женский мат. И:

Джим бала, бала, бала, Джим бала, бала

Джим бала, бала, бала, Джим бала, бала

Шёл один ишак

Джим бала, бала, бала, Джим бала, бала

Джим бала, бала, бала, Джим бала, бала

Шёл другой ишак

Наш караван, два человека и три лошади, перемещался во времени и пространстве.

Три дня лезли в небо навстречу падающим потокам воды. Можете поверить: мы заслужили засуху. Но нет! Плато, на которое мы в конце концов влезли, представляло собой сплошное болото. Вода и не думала скатываться вниз, хотя любой флюид на ее месте так бы и сделал. Все же 4000 м над уровнем моря - не шутка.

Каравану положено шагать мерно. Мы же прыгали с кочки на кочку, как блохи. Изредка лошадь промахивалась мимо тверди и проваливалась. То по колено, то - по брюхо. Полежав в воде секунду-другую и дождавшись пока мои сапоги полностью заполнятся водой, она вскидывала задом, и с оглушительным пердењем прыгала вперед. Иногда у Ко-ко рвалась подпруга, и съехавшие вьюки вынуждали его делать стойку на бровях. Валя катапультировалась в воду и плескалась, как в лягушатнике. Я подходил к ним, сбрасывал вьючники и спальники в болото. Полузадушенный Ко-Ко отчаянно матерился в душе. Вновь восстанавливали вьючную пирамиду, на вершину которой я забрасывал Ваю. Теперь можно: Джим бала, бала, бала, Джим бала, бала...

Ан нет!

Сатэра с Гномом время зря не теряли и надежно запутались в связывающем их аркане, образовав кучу-малу с деревьями. Пробраться между бьющимися копытами, развязать узлы разбухших веревок, развести осатаневших меринов, вновь построить караван, вот тогда действительно:

Джим бала, бала, бала, Джим бала, бала

После этих маневров мы созрели на роль леших, водяных, кикимор и прочей нежити. Можно было смешить детей, но шел дождь, и мы скучали.

Караван, несомненно, куда-то двигался и где-то находился. Не ясно было, куда и где.

Начали спускаться. Никаких признаков тому не было, но я знал точно. Ехали мы, как всегда, молча, окруженные молочной тишиной: ни пения птиц, ни писка комаров. И это прекрасно! Это я люблю. Потому я и хожу в маршруты с Валеј, что она молчалива. Молчит всю дорогу, не мешает думать великие думы. От других дам голова болит - трещат, как сороки. Именно поэтому наша пара (единственная во всей партии) уходит в маршруты на 7-10 дней. Остальные - больше двух дней не выдерживают. Главное, что Валя за мной, как за каменной стеној. И она сама, и начальство это знают. Старый я и опытный. В свои 21 год я хлебнул жизни, и рабочим был, и на целине строил, и по Якутии четыре месяца шастал, пять байдарочных походов, да и здесь на Алтае уже третий месяц. Учусь на 4-ом курсе химфака МГУ. Все умею делать. Все, что мне надо, во всяком случае.

В экспедициях открылись мои таланты. Я, например: прекрасно ориентируюсь на незнакомой местности. Вон я здесь никогда не был, ни хрена из-за тумана не вижу, карты нет, компаса нет, но уверяю вас - часа через три мы будем в ущелье Башкауса, и еще через час - на зимнике (какового я, кстати, ранее в глаза не видел). И тишину нарушаю, чтобы Вале крикнуть, когда вправо, а когда влево сворачивать. Начальница моя, даром, что с геофака, а в трех соснах заблудиться готова. Вот я и командую. Она - не возражает. Непонятно, зачем такой талант химику даден? Чтобы найти дорогу от лабораторного стола до тяги? Так спросить можно....

Другой талант у меня - умение вьючить лошадей. Бывает, в одиночку на всю партию лошадей вьючу. И как! Иди хоть галопом, хоть рысью - ничего не отвалится. Верхом хорошо ежy, костер с одной спички разжигаю, палатку один ставить могу. Да мало ли. Шурфы копаю, как крот, прилично стреляю и рыбу ловлю. Вынослив и неприхотлив. Можно сказать - идеальный путешественник.

Но есть и третий талант, из-за которого нас и отпускают спокойно вдвоем в длинные маршруты.

С бабами умею обращаться!



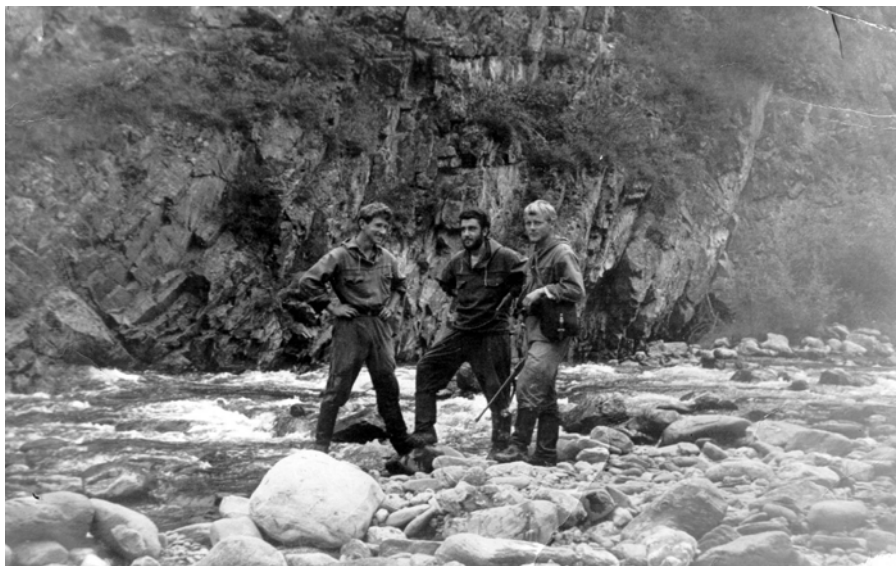
На маршруте.



Реки иногда форсировали на лошадях,



иногда с лошадьми,



а иногда и пёхом.

С ними просто: хочешь внимания моего – сразу отдавайся. А нет, так нет. Не хочешь сразу, так я на пушечный выстрел к тебе не подойду. По принципу: «Положи мне в постель королеву, я пошлю её на...». Валя на меня не реагирует. Прекрасно! Таким манером она не то что неделю, год со мной в одной палатке прожить сможет. И невинность сохранит, если она у нее еще осталась, конечно. Я - импотент из принципа. Стар я для шалостей, наука скорей доведет до оргазма. Но, а если сразу отдалась, так на последствия особенно не рассчитывай: я тебе не бык-производитель. В двадцатом веке можно и без последствий обойтись, ежели ты дама культурная. Сама должна об этом беспокоиться, коли в поле намылилась.

Но дуры они редкостные. Да и воспитанье у них неандертальское. Где не надо, они бойки без меры, а где надо, так тушуются. Тоже мне – эмансипация! Эмансипация – эмансипацией, а кавалер даму приглашает, а не наоборот. Та стоит у стенки мается, ждет, пока пригласят. Это ж пытка нечеловеческая. Я, например, как белый танец, так сразу в туалет сбегаяю, чтоб судьбу не испытывать. Никто не пригласит, так и буду колонну подпираю? Положим, я ее и все равно весь вечер подпираю. Но я свободен! Когда захочу, тогда и приглашу, а не приглашаю, так значит – не желаю. Дама ждет атаки со стороны мужчины. И зря: так в девках и останется... Эмансипация, это когда женщина приходит и говорит, так и так, я тебя хочу, давай жить вместе. Серьезно и просто. Потом уж - мое слово. Главное – вовремя и умело отдалиться! Вот чему нужно учить девочек с детства, а не каким-то там химиям-геологиям.

Болото стало суше, но появилась карликовая березка. Коняги засустились, пытаюсь найти хоть какую-то тропку, но куда там. Поперли напролом к некой щели в горах, которой не было видно, но которая, как я наверняка знал, вот-вот должна была предстать перед нами.

Лошади давно были недовольны судьбой. Пятый день брели они по горам, и это не доставляло им ни малейшего удовольствия. Не пригодны они к таким прогулкам. Низкорослые степные некованные монголки. Впереди (чтобы не потерялся вместе с начальством) двигался Ко-Ко. Пижон редкостный. Лишенный способностей, он, тем не менее, вечно выпендривался перед людьми и кобылами. Ужасно любил галоп, скачки, преследования и т.п. Тайно мечтал сняться в ковбойском фильме. Его любимой хохмой было встать на полном ходу, с поворотом на 90 градусов. Редкий кавалерист оставался при этом в седле. Правда, с женщинами он был благороден и сейчас униженно навьюченный четырьмя экспедиционными спальниками поверх кавалерийского седла и имея в качестве привьючки Валю, он двигался аккуратно и серьезно. Дело есть дело. Шутить не надо.

Мой Сатэра в душе матерился ужасно, но не выкобенивался. Хотя он и был впервые в горах, но пер, как танк. Я сидел в ленивой позе, хотя ноги волочились почти по земле, сшибая изредка камни. Коняга самолюбив был до крайности. Как же - иноходец! Вечно замкнут в себе, вечно одинок. Он глубоко страдал от кастрации, глухо презирая товарищей по несчастью. Те платили ему тем же, и в табуне он был изгоем. Если я утром находил табун на одном склоне горы, то знал: Сатэра - на противоположном. Стоит в высокой траве, ушами шевелит и надеется: авось не найдут. Горы ему не нравились, но он трудился, демонстрируя молодость и силу. Имел вид князя Волконского на рудниках.

Но кто на самом деле был обижен на судьбу, так это бредущий у меня на поводу Гном. Старый кавалерийский конь шел под вьюком! Такого унижения он не испытал ни



разу в жизни. Довольно бурной жизни. По утрам он устраивал нам настоящие истерики, кусался, брыкался, валялся по земле, не давая седлать. Ну, а кто виноват, что у него сбита спина, и он может идти только под вьючным седлом??! Старость – не радость! Впрочем, коняга опытный, он не был врагом себе и в караване чётко держал строй: вперед не забегал и не останавливался.

Так в нашем отряде установилась рабочая атмосфера.

По каньону просто так не пройдёшь.

Спуск стал круче, внизу зашумела река. Мы втягивались в заветную щель. Появилась тропка, сканирующая пропасть. Изредка одно, а то и два копыта Кокоти соскакивали с тропы, и он выбирался на передних. Мешали водопадики, пересекавшие путь. Однажды

Сатэра, решив, что он на конкуре, прыгнул через один такой. Я больно ударился яйцами о передний выступ седла. Какой идиот изобрел казачье седло? То ли дело – кавалерийское, плавно нисходящее спереди на нет. Как велосипедное, только больше. А в казачьем – вертикальный выступ, в самом непотребном месте. Хорошо дамам – им ударять нечего. Вот кто может скакать часами! Непонятно, правда, почему раньше они ездили в седле бочком? Из-за длинных юбок что ли?

Дело шло к вечеру. Туман, наконец, начал рассеиваться, готовясь к закату. Тропа стала шире, речка – ближе. Впереди внизу замаячили снежные вершины. Стало понятно, что наш каньон рано или поздно вольется в широкую долину. Будем надеяться, что Башкауса. Там слезем со стенки и загуляем на просторе. На воле!

Интересно, кстати, почему в русском языке два термина для обозначения примерно одного и того же понятия: воля и свобода? Или это совершенно разные вещи? Нас учат, что свобода – осознанная необходимость. Сказанул же Спиноза! Как в воду перднул! Свобода, ребята, это пространство доступных альтернатив! Одно дело – конь на горной тропе, другое – в степи, одно дело – трамвай, другое – птица. Свобода - возможность действовать по своей воле ("Главное, чтобы бы воля была к победе") или хотя бы не делать того, чего не хочешь. Для меня - это возможность не действовать вообще. Понятно: свобода – возможность осуществить свою волю и одновременно возможность выбора.

И сразу получим парадоксы свободы.

Свобода складывается из двух условий: внутреннего (воля) и внешнего (возможность ее осуществить). Кто-то ограничен выбором в среде существующих возможностей (пространстве доступных альтернатив), кто-то сам способен создать новые возможности (проложить автостраду по здешним горкам). Обе составляющие связаны неразрывно: воля не может осуществляться и даже исчезает, если существует только

одна возможность (как сейчас – одна тропа) или нет ни одной; наоборот, если нет воли (потребности), возможности размываются. (Какое мне дело до ваших доступных путей, если я вообще не хочу слезать с дивана?!)

Для определенности, связь между желаниями и возможностями назовем ценностью.

Легко различить пять уровней ценностей: элементарный (радость, удовольствие), жизненный (здоровье и жизнеспособность; сюда с одной стороны входит выносливость и сила, с другой – порода и изысканность), психосоциальный (мужество, характер, честь, достоинство, привлекательность), духовный (правда, добро, справедливость, красота) и уровень смысла. Ценности дают смысл всему, что мы встречаем в нашей жизни, и всем нашим действиям. Но только тогда, когда у самих ценностей есть смысл. Поэтому смысл – высшая ценность. Сами ценности часто теряют смысл. Например, наслаждение бессмысленно, если ухудшает нашу жизнеспособность («курить – здоровью вредить»), Сила бессмысленна, если уничтожает жизнь («сила есть – ума не надо»); честь бессмысленна, если отрицает справедливость.

Ценности и возможности их осуществления заставляют нас что-то хотеть, к чему-то стремиться; определяют содержание воли, способы действий, их смысл. Существование ценностей – основное условие свободы. Вот вам и парадокс. Любая из ценностей несет в себе ограничение гипотетических возможностей. Например, если надо мной властвует ценность правды, я не могу врать; если признаю ценность брака – не могу



бегать по бабам, конкретно, – приставать с глупостями к Вале. Получается, что основной компонент свободы сам в себе несет ее ограничение!! Но разве свобода не есть отсутствие каких-либо ограничений?! Ситуация напоминает процесс зарождения организма, в котором уже заложена его будущая смерть...

А хариус здесь есть?

– Зимник! – закричала Валя, как матрос с клотика каравеллы Колумба при виде суши.

Я выпрямился в седле, как телескопическая башня. Действительно. Объявилась,

наконец, долина Башкауса. На какой-то момент на склоне, высоко над рекой, как чешский замок, показался сруб с плоской крышей, накатом из бревен и трубой. Тропа спустилась к воде и исчезла. Намёк понял, надо переправляться. Кокотя заметался, делая вид, что страшно боится кипящей воды и камней. Я развернулся и что есть силы, огрел камчей выставленный зад (По Вале бы не попасть – неправильно поймёт). Это вернуло ему ясность мысли и ощущение реальности. Ко-ко взял барьер, поскользнулся и растянулся посреди потока, изображая порог. Валя натянула поводья, задрал голову коняги в небо. Тот устремился в высь, раз прыжок, два и на три – он на берегу. Столб брызг от трясущегося, как собака, Ко-ко ознаменовал успешную переправу ценнейшего груза.

Двинув всем корпусом, я направил Сатэра в воду. Пижон, он и в Африке пижон. Сатэра вошел по колено в воду, не обращая никакого внимания на грохот потока, и остановился попить. Выпив пару ведер и пописав туда же, он легко перешел на другой берег, не забыв заполнить мои сапоги водой. Гном потоптался, потоптался, но, перекрестясь, двинул за нами. Переправа совершена без потерь.

Тропа пошла круче, обогнула бом, и мы снова увидели зимник. Увы! Он был занят! К дому привязаны лошади, суетился народ. Вот так всегда: твоя свобода наталкивается на свободу другого. И тут уж право первого захвата. Радости мало - в тайге лучше с тиграми встретиться, чем с людьми. Сейчас начнется: в легком варианте – приставанья с вопросами, выпрашивание спирта, курева, тушенки и т.п., в худшем – потуги на насилие над дамой и мордобой. Придется изобразить броневик с круговым обстрелом. Хорошо хоть у меня шесть стволов (в сумме) и два ножа. Но ведь я, кажется, упоминал, что настоящая свобода - это когда ничего делать не надо. В том числе - убивать себе подобных.

– Наши! – завопила Валя, которую занимали схожие мысли. – Начальник с отрядом!

Действительно, кто-то бежал нам навстречу, размахивая руками, как мельница. По мере приближения стало ясно, что это – сам Пупочек. Его распирала информация:

– Боря Золотарев марала завалил, – радостно оповестил он нас. Жизнь снова повернула в сторону свободы. Число доступных альтернатив возросло. Времена сейчас хрущевские, голодные. Выглядели мы дистрофиками, ибо полагалась одна банка сгущенки и одна тушенки на день на двоих. Ну и чай – неограниченно. А это для растущего организма мало. Тем более – на свежем воздухе и при работе. И альтернатива в виде свежего мяса – вполне доступная альтернатива.

Как сказал верблюд: «То, что я могу не есть две недели, еще не значит, что меня не надо кормить ежедневно».

Спешившись, я включился в работу. Шкуру уже сняли, но дел много: разделать, рассортировать, что сразу кушать (мозги, печенка, требуха), что потом, что коптить про запас, отделить желчный пузырь, не раздавив его и т.д. и т.п. И рубить, рубить, рубить. Было уже темно, когда с маралом покончили, разбили в зимнике палатки (превратив залу в кооператив индивидуальных коттеджей) и уселись вокруг растопленной печи вечерять.

– Гинеколог копает шурф, – рассказывал возбужденный Золотарев, – я сижу, образцы рассматриваю. Вдруг краем глаза чувствую – движение: маралы. Семья - три штуки. Самец вылетел было из кустов, рогами повел и обратно. Людей почуял, смылся. А самка пошла по склону, уводя нас от теленка. Ну, я в шурф скатился, карабин схватил, об бруствер хорошо уперся и раз! по ней. Та дернулась и исчезла. Пошли искать – должно в Башкаус свалилась. Искали, искали. Исчезла! «Промазал», – говорит Жэка. Но я же видел, как дернулась. Так и ходили по берегу: пять километров вниз, пять – вверх. И по новой. Совсем отчаялись. Но нашли! Далеко вниз унесло и под завал затащило. Еле извлекли. Представляете: пуля вошла в зад, прошла насквозь все тело и застряла в голове. Хороший карабин. Тут я о зимнике вспомнил. Подались сюда, тем более что Кастыль с Валею здесь проходить должны. Вот теперь пару дней отдохнем, мясо покоптим, в радиальные маршруты сходим.

Фортуна повернулась к нам нужным боком.



Обед - дело святое.

В печи трещали поленья, по стенам и потолку плясали наши тени от свечек. Всем раздали тазы, для мытья шлихов предназначенные. Сейчас тазы дымились от груд мяса. Нежные мозги соседствовали с мослами. Кости с мясом напоминали дубины. Пир немецких баронов. Раздали и мисочки с голубикой, политой сгущенкой. Раздали толстые пресные лепешки, испеченные в золе. И, наконец, – кружки со спиртом.

Что еще нужно простому быдлу!

Нэлла взяла первые аккорды, из которых человек знающий понял: «Дымится разведенный спирт в химическом стекле!»

Ну, это у кого разведенный, а у кого и нет.

– Для начала, – начал Борис, – я предлагаю выпить за дерево, стоящее в воде и умирающее от жажды. Мы – нищие в богатой стране. Сейчас решается судьба Катуньской ГЭС, судьба Алтая. Наши судьбы переплетены. Сделаем, что должно, и пусть будет, что будет!

Мы сдвинули кружки, дружно выпили, крикнули и закусили. Раздалось громкое чавканье. Не скоро удалось перевести дух.

– У меня тоже тост! – заявил Женя Бергер, он же врач-общественник, наш гинеколог муз:

*О тропы Горного Алтая,
О юность страстная моя,
Меня томит печаль пустая
Вас скоро не увижу я.*

*О реки, рвущие каньоны,
О зелень трав среди долин,
О снеговые батальоны
Неописуемых вершин!*

*Там бродят робкие маралы,
Там кизяки для топки жгут,
Там на крутые перевалы
Овец и сарлыков ведут*

*Там жизнь на юный взгляд простая,
Над юртой дымная струя.
О тропы Горного Алтая,
О юность страстная моя.*

Выпили по второй. За Алтай выпить не грех. После третьей («За тех, кто в поле», не чокаясь) разговор стал общий, травили анекдоты, вспоминали недавние происшествия, обсуждали баб. По мере роста выпитого от женщин перешли к производственной тематике. Нэлла окончательно насытилась, взяла гитару фундаментально, и мы запели. И про сырую тяжесть в сапогах и про перекаты, и про дым костра, создающий уют. Потом взялись за блатные, типа "Была ты с фиксою, тебя я в парке встретил..." и, естественно:

*Свечерело, солнце село Да! ветерок слегка
Прогуляться девка вышла - все равно война.
Пели долго, глотки луженные. От выпитого и съеденного слипались глаза.
– Спутник!*

Мы выкатились из избы.

Черная ночь. Ни облачка. Ярко блестели звезды. Одна из них двигалась. Уж пять лет, как первый спутник запустили, казалось, и насмотрелись и привыкли, а все же интересно. Может, кто живой там сидит, о доме мечтает.

*Спутник, спутник, ты летаешь
Ты летаешь до небес!
И навеки прославляешь,
Мать твою,- КПСС*

Народ долго еще топтался на крыльце, а я полез в свою палатку, разбитую в дальнем углу зимника. Гинеколога где-то черти носили, но оно и хорошо. Растянулся на спальнике. Тепло и сухо! Пузцо сытое горой торчит вверх. Истوما пошла по всем членам, все же наломался сегодня не слабо. А уж крепко выпить и хорошо покушать, вообще два раза в сезон удастся. Отличный денек!



Опять бумажки на лагере?!

Философы предлагают разные способы разрешения первого парадокса свободы. Одни

вообще отрицают понятие свободы. Какая может быть свобода, если все под Богом ходим? Что запланировано в небесной канцелярии, то и будет. И воля, если надо, возникнет, и пути появятся. А нет, так нет. Другие, во имя свободы, ослабляют понятие ценности. Скрытый корень этого проглядывает уже у Гегеля, но проявляется у двух его главных наследников: Ницше и Маркса. Неслучайно, что два движения, использующие некоторые их идеи для своих идеологий — нацизм и коммунизм — дошли до полного унижения свободы. А все потому, что высшая ценность у каждого из них примитивна: у Ницше — воля к власти, у Маркса — интересы одного класса.

В соседней палатке началась и усилилась возня. Сплошной поток слов, сначала тихо, потом — громче.

— Господи, какое счастье с женщиной общаться, — доносился голос Вали, — два месяца одна с мужиками. Ни раздеться, ни подмыться, ни полечиться. Даже говорить не с кем. Олег Кирстен, тот, что Кастыль — ты знаешь — набычится и молчит весь день. На хромой козе не подъедешь. Да и о чем с ним разговаривать? Попа моя вся сбита, а ляжки! Смотри — красные и синие. Раздеться стыдно. Посадил меня сверху на вьюки, сижу на шпагате. Потри спиртом. Ой, ой, ой, как щиплет. Давай я лучше его выпью.

— Да! Мужики — народ тупой, — отвечала Нэлла, — Повезло с маралом и отдыхом. Завтра же баньку организуем. Всласть помоемся!

— Дело не в том... Мне двадцать лет и что? Ничего! Вроде учусь в мужском вузе, с мужиками вон месяцами вповалку сплю. И хоть бы что! Хоть бы кто-нибудь обратил внимание, хоть бы кто на что покусился. Нет! Моя кузина Машка, на год младше меня, а уже замуж вышла. Как такое быть может? Я что — уродина или дура какая набитая? Все вроде при мне. Может сглаз какой? Посоветуй, у тебя мужиков много.

— Э, Валя! Ты в первый раз в поле, а я уж со счета сбилась. Лично я сплю со всеми, кто хочет, но по порядку. Без драк. Секс — единственное удовольствие в нашей гнусной жизни. Почему не доставить его себе и другим?! Но ты на меня не смотри: у тебя своя судьба.

— Вот Кастыль, парень сильный, здоровый, видный, опытный. Если начинать, то почему не с него? Но он же молчит! Ну, никакого внимания ко мне. Ведь женщина под боком. И за сто километров никого вокруг. Патология какая-то.

— Твой Кастыль — сопляк. И трус к тому же. Знает, что ничего не знает, вот и боится. Последствий.

— Ой, Нэлла, и правда! Не уверен он в себе — самонадеян. Эмоционально туп. Строит из себя черт знает что. А сам пальцем сморкается. Барон хренов! Оружия повесил — ну супермен. Зачем ему ружья-наганы, он ведь слепой. Очки-то в первый

день раздавил. Посмотри на него, когда верхом. Дон-Кихот! Но не на Россинанте, а на осле Санчо-Пансы. Он же ноги узлом под брюхом лошади завязывает. Я ему подыгрываю: инициативу отдала, так мы сколько раз плутали? Еле выбрались. Дома мама ему до сих пор хлеб маслом мажет. Своей подруге московской в рот смотрит, своего мнения нет. Слабое «я» прячет, а сильное, наглое, противное – выпячивает. А сам гладкую жизнь порушить боится. Так головой и вертит: как бы чего не вышло, и кто бы что за ним не подсмотрел. А нашкодит – к маменьке под защиту.

Недостойн он меня, недостойн!

Есть и второй парадокс свободы... Впрочем, хрен с ней, со свободой! Вроде меня обидели? Или это я обидел? Денек сегодня выдался какой-то такой... Аморальный! Сначала Золотарев совершил а-маральный поступок, завалив марала без лицензии, тем более – маралиху, потом я совершил высоко моральный поступок (сохранив даме честь), оказавшийся аморальным. Обидел женщину. До слез довёл. Как-то туго у меня с состраданьем.



Прощальный банкет.

Нервы

Обычно в радиальные маршруты я ходил с Валею. Иногда дней на десять. Стар и опытен: алтайская - моя третья экспедиция. К тому же я добрался до четвертого курса. А Валя-салага пока на третьем. Но поскольку она - с геофака, а я – с химфака, то начальник - она, а рабочий – я. Она была в моем вкусе – пухленькая хохотушка. Вечерами я ее развлекал страшными рассказами о медведях и других таежных хищниках. Пугал, значит. Но Валя не боялась, а только весело смеялась над чужими страхами.

Мы перевалили Орой и бродили по долине Аргута. Нас двое, три лошади и собака Смелый. Продирались сквозь густую тайгу. Часто приходилось топором прорубать проходы. Зато спать было мягко: землю устилал густой слой хвои. Вечером поставил я палатку, мы с Валею чинно улеглись, почитали при свечке и заснули под монотонный шум дождя.

Проснулся я от страшного визга. Это не был какой-то вскрик истеричной женщины, а именно вой от ужаса и страха. Такого еще не слышал. Кричала Валя. В абсолютной темноте, я разодрал дверь палатки и вылетел наружу. Бросился к седлам, выхватил из подсумки электрический фонарь, засветил его и прыгнул назад. Валя сидела на спальнике, трясаясь и рыдая.

– Ты чего это? – удивился я.

Стуча зубами от страха она показала куда-то себе под бок. Я приподнял спальник ожидая увидеть там крокодила, или хотя бы змею, но ничего не было. Чистый брезент. Смелый вилял хвостом и помалкивал. Я обошел палатку сбоку и посветил под нее. В хвое была глубокая яма, уходящая прямо под нас. Ситуация прояснилась.

Когда мы легли спать, Смелый, как всегда, лег снаружи, привалясь боком к палатке и укрываясь от дождя небольшим козырьком. Гроза, однако, разыгралась не на шутку,

дождь лил косой стеной. Собака стала зарываться в хвою, постепенно подкапываясь под палатку. В один прекрасный момент, Валя перевернулась на живот и легла на нее. Той, естественно, это не понравилось, она заворчала, зашевелилась и попыталась скинуть хозяйку с себя.

Что уж подумала Валя, обнаружив под собой что-то теплое, шевелящееся и мохнатое, что она себе вообразила – не знаю. Но мужество ее покинуло.

Нервы, господа!

Халтура второго рода

Валя – наш научный лидер – все мерила сама, настойчиво и дотошно. С риском для жизни ползла она по одинокому стволу кедра, переброшенному через каньон над бурной речкой, тщательно промеряя длину «временной переправы».

– Двадцать шесть метров, – оповещал ее я, не покидая седла.

Но Валя презирала халтуру. Вооружившись двухметровым прутком ивы, с нарезанными по коре делениями, она прикладывала лозу к стволу кедра и подсчитывала в слух результаты. Изредка она слетала с переправы, зависала вниз головой над пропастью, но всегда возвращалась обратно. Поскольку в результате кульбитов все цифры из ее головки испарялись, приходилось все начинать сначала.

– Двадцать четыре метра пятьдесят четыре сантиметра, – с удовлетворением записывала она в полевой дневник после часа интенсивного и опасного труда, – переправа проходима для легкой вооруженной пехоты.

– В пределах ошибки эксперимента, – ехидно добавлял я про себя.

Действительно, кедр имел весьма кривую и разветвленную форму, отягощенную торчащими во все стороны ветками, и насколько его истинная длина соответствовала ширине каньона – большой вопрос. Кроме того, лоза с делениями нанесенными мною ножом довольно произвольно, была круто изогнута. Как могла быть обеспечена уникальная точность измерения косо кривым, для меня оставалось загадкой.

Еще больше впечатляли измерения расходов воды. Аппаратурой служили полулитровая кружка и секундная стрелка на моих часах. Валя усаживалась перед струйкой, вытекающей из какого-нибудь снежника, дожидалась, когда секундная стрелка достигнет 12-ти, резко совала кружку под каплю и измеряла время заполнения сосуда. Потом пересчитывала в кубометры/час. Дело было чрезвычайно важным: СССР готовился к войне с Китаем, и мы были призваны определить потенциальную водообеспеченность Катунских белков для наших войск.

Проблема усложнилась, когда перешли к измерению расхода воды в ручьях и водопадах. Я спешилался, укладывался на подседельную кошму, накрывался телогрейкой и засыпал. Проснувшись и протерев глаза, недоуменно разглядывал сугроб-сосульку, в который превращалась за время моей сиесты Валя. Температура была минусовая, шел мелкий снег, порывистый ветер нес брызги, которые, застывая, покрывали энцефалитку коркой льда. Валя замирала под водопадом и совала в его поток кружку. Беда была в том, что кружка заполнялась за доли секунды, причем основная часть воды проливалась мимо. Вот и приходилось, посинев от холода, раз за разом подставлять кружку.

Так, на далеком Алтае, впервые столкнулся я с явлением, которое потом преследовало меня всю жизнь: халтурой второго рода. С халтурой первого рода все ясно: мужику лень работать, да и не умеет он ничего делать. В гору он не лезет, прямо в палатке описывая мелкозернистые граниты на вершине. А какой они зернистости, и есть ли они там вообще – не важно. Такие личности легко выявляются, их все знают и им никогда не поручают важное дело. Другое дело халтурщик второго рода! Он необычайно трудолюбив, сутками сидит в лаборатории, снимает кривую за кривой, добиваясь воспроизводимости, проводя эксперименты с образцами, которые долго и тщательно готовили. Но! Аппаратура неисправна и дает систематическую ошибку. Методика в

принципе нечувствительна к изучаемым процессам, модель, с помощью которой проводят обработку, не учитывает самые характерные черты явления, и т.д. и т.п. В результате ни результатам, ни интерпретации верить нельзя. Опять халтура получилась! Вот спецов, постоянно работающих в таком стиле, я и называю халтурщиками второго рода. И считаю куда опаснее халтурщиков первого рода. Хотя искренне им сочувствую.

Как Вале, которую лично отогревал.

Гостеприимство

На Горном Алтае русские-староверы встречали нас довольно кисло. Конечно, если попросишь попить, поднесут кружку. Но тут же потом ее и выбросят, как безнадежно оскверненную. Поэтому обедать мы не напрашивались, чтобы не вводить братьев в расход: на всех бродяг посуды не напасешься...

Однако другие русские, жившие на заимках – крепких (кулацких?) хозяйствах – радовались нашему приходу.

– О, гости дорогие! – кидается к нам хозяйка, – в залу проходите. Угощайтесь, чем Бог послал. Хотите буженинки или сальца солененького?

– Пожалуй, – отвечаем мы скромно.

– Только нет у нас ни буженинки, ни сальца. Может баранинки пожарить?

– Можно и баранинки, – соглашаемся мы.

– Только и баранинки нема. Может яичницу с колбаской?

– Хорошо бы!

– Только колбаски мы, пожалуй, лет десять не видали. Может, просто яичницу?

– Давай бабка!

Хозяйка радостно кидается к печке, жарит яичницу из десяти яиц, мы достаем спирт. Пир идет горой.



На ртутный рудник Акташ я отправился один.

Акташ

Будучи профессором МГУ, я разъясняю студентам официальную точку зрения на безопасность радиоактивных изотопов и прочих токсинов. Правила работы с радионуклидами регламентируются такими понятиями, как предельно допустимая концентрация, предельно допустимая доза (за год или за квартал; для профессионалов или для всего населения), предельно допустимый выброс какой-то заразы промышленным предприятием и др. Недостаток такого подхода связан с тем, что параметры безопасности определены на основе опытов над крысами и ни как не связаны с составом и свойствами конкретной экосистемы. В частности, не учитывается иммунный статус населения. Да и человек, вроде, не крыса...

В ограниченности подобного подхода я убедился на примере из реальной жизни.

На Алтае есть известное месторождение ртути Акташ. Довольно странное для этого места название (белый камень) ибо все окрестные скалы - красного цвета (известно, киноварь гексагональной структуры окрашена в красный цвет). Раньше здесь были ртутные озера, теперь – шахты, в которых разрабатывается киноварь (сульфид ртути, HgS). В штреке жарко, сульфид разлагается, и на стенках блестят капельки металлической ртути, а под ногами - мелкие озёрки серебристого металла. Как в такой атмосфере могут работать шахтеры? Ведь известно, что ртуть легко переходит в пар и пары его необычайно токсичны (сама ртуть довольно безвредна). Пары ртути, попадая в организм, легко сорбируются белковыми молекулами, защитная роль которых при этом уничтожается. В детстве, когда разбивался (при моем активном участии, естественно) ртутный термометр, паника охватывала дом. Ползая, мы собирали с пола все мельчайшие капельки, а швы заливали сероуглеродом. А здесь вовсе не капелька! Хорошо известна печальная участь вакуумщиков, в пятидесятые годы работавших с ртутными насосами: их нет уже.

Я снимал комнату у женщины, которая проработала на руднике более тридцати лет (во время войны шахтерами здесь были дамы). У неё я и поинтересовался, как она смогла выжить в таких условиях. В ответ услышал «антинаучную» теорию. По мнению моей хозяйки, человечество делится на две неравные части: большая часть людей необычайно чувствительна к парам ртути, и при контакте с ней мгновенно заболевает, другая (гораздо меньшая часть) вообще не чувствительна к ртути и может дышать ею вволю. (Говоря научным языком, шахтерка утверждала, что люди обладают различным иммунитетом по отношению к парам ртути. Для нас важно неприятие концепции пороговой дозы). Стратегия подбора шахтеров (управление риском) была гениально простой. Кандидат неделю работал в шахте. Если у него начинали выпадать волосы и чернеть зубы, его высылали. Если же нет – он оставался и работал десятилетиями.

Как ни странно, недавние научные исследования подтвердили «антинаучную» теорию шахтерки. Каждый человек имеет собственный иммунный статус, причем многие аномально чувствительны к действию определенных факторов окружающей среды (например, к цветению тополей), а некоторые совершенно нечувствительны ко многим токсинам или полям. Поэтому: 1) При применении понятия предельно допустимой дозы к конкретному человеку следует учитывать состояние его иммунной системы. 2) При диспансеризации лиц повышенного риска следует проводить иммунный мониторинг. 3) Ослабленный иммунный статус надо улучшать с использованием иммуномодуляторов.

Наш врач – радон

На Алтае есть два примечательных места: Акташ и Белокуриха. Во все времена шаманы категорически запрещали даже приближаться к Акташу. И правильно, ртутные пары вредны для здоровья. (Эти места описаны в рассказе Ефремова «Озеро горных духов»). А вот Белокуриху с ее самыми высокорadioактивными в мире водами те же шаманы всегда рекомендовали как курортное место. Там лечились воины Чингисхана. Верьте шаманам – не подведут.

Как-то зимой мы совершали лыжный переход через хребет, отделяющий Горный Алтай от Саян. Открылась картина: озерцо с открытой водой и клубами пара. Вокруг глубокий снег. В озерце отмокает мужик.

– Ты чего туда залез? – спрашиваем.

Оказалось, что его прихватил радикулит. До полного паралича. Привезли его недвижимого на лошади и бросили в озеро (температура воды +40°C). В воде он второй месяц, никуда не выходит, кормят его с берега. Так вот, его туда привезли, а ушел он сам. Вполне здоровый. Вот вам и радон, вот вам и радиация (Наивысшая, группа А токсичности, кстати)!

Остановись, мгновенье !

Газик бодро бежал по тракту. Конечно, бывали эксцессы: то в немыслимом прыжке через колдобину он вырывал из рук руль, то не давал включить передачу, то распахивал дверь на повороте и она царапала асфальт, то зависал над пропастью, то прижимал к скалам, грозил отпустить тормоза, и т.п., но, в целом, вел себя вполне, вполне прилично. Майма была далеко.

Мы шли на перевал. Внизу, в щели пропасти, блестела Катунь. На противоположной стороне тянулась стена высоких гор с острыми заснеженными вершинами. Начался закат, краски стали меняться. Колорит запыленной дороги, грязно-зеленой тайги с бурыми проплешинами превратился в волшебное фэнтези. Все вокруг фосфоресцировало в лилово-фиолетовых тонах, приглушенных легким туманом. Врубель, Рерих, Кэнт – в одной экспозиции.

Реальный мир в нереальном обличье.

Я остановил машину, сел на подножку и окунулся в тишину засыпающего мира.

Солнце опустилось и стало сканировать хребет. С удивительной скоростью срезало оно одну вершину за другой. Лазерный луч иногда исчезал за горкой, освещение гасло, но затем он снова бил в глаза и все вокруг вспыхивало золотом, расплавленным золотом, выплескиваемым из ковша мартеновской печи.

Эффект был мощнейшим. Неуж-то, Господь сотворил все это ради меня одного?! Я выхватил из планшета походный дневник, и стал авторучкой фиксировать пейзаж. Мгновенье прекрасно, остановим его, сохраним, поделимся...

Я начал зарисовки, торопясь запечатлеть чудо. Ручка, как шальная, бегала по бумаге, кадр напознал на кадр, менялась среда, менялась и картинка. В потном валу вдохновенья, я рисовал, черкал, штриховал. Торопился за солнцем.

Светило упало за гору. Стало темно, в кабине засветилась приборная доска. Я посмотрел на вырванный листок. Серая бумага в простую линейку вся вкривь и вкось исчеркана черными чернилами. Паутина линий покрывала кляксы с разводьями. Мазня трехлетнего ребенка. Где запечатленное чудо природы, где мастерство, где вдохновенье?

Я скомкал листок и запустил комком в ближайший кедр. Сжал руль, нажал на газ. Джип брезентовый взвыл, мы понеслись. Нас ждала Ташанта.

*__*__*

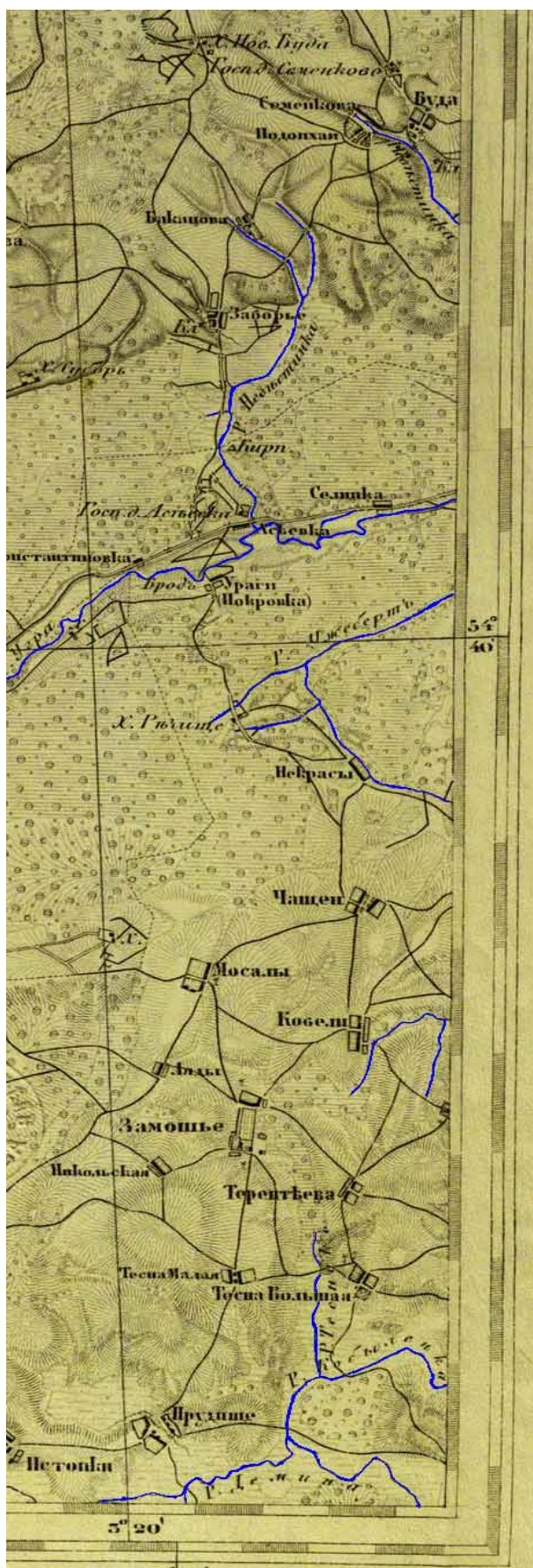
*Когда-нибудь мы вспомним это,
И не поверится самим.*



Конец экспедиции.

ЕЛЬНЯ – мелиоративная экспедиция

В 1967 году я со всей компанией ЗеКов, как рабочий, участвовал в Смоленской



мелиоративной экспедиции (привлѣк нас туда М.Онищенко, командовал Н.Семеновых). Дело было под Ельней, на реке Угра. База располагалась в деревне Некрасы (Город Смоленск, А за ним что? За ним Ельня. А за Ельней? Село Входы. А за ним? Деревня Некрасы. А за ней? А за ней ничего нет!). И действительно, как бы далеко мы не отходили от деревни, кругом был лес, болота, речки. Не то что поселения, одинокой избушки нет. Говорят, есть поблизости деревня Кобели, но мы её не нашли.

Старая карта демонстрирует, что деревня Некрасы существует давно.

Смоленск проскочили быстро, в Ельне тормознули. Пока ждали машину, немного погуляли. Ельня (от слова ель) поселение старое, впервые упоминается в 1150, в 1239 его разорили татаро-монголы, в 1812 его взяли французы, в 1813 здесь располагался штаб Кутузова. Я с детства знал о существовании Ельни, поскольку, как дитя войны постоянно слышал по радио о боях за этот город. Война началась 22 июня, а 18 июля немцы уже были тут, отогнав наши войска на 18 км от города. Образовался обращѣнный к нам очень опасный выступ (ельнинская дуга). Советская армия контратаковала. Войска 24-й армии под командованием генерала К.И. Ракутина перешли в наступление, преодолевая ожесточенное сопротивление, прорвали укрепленную оборону противника и уже к 6 июля создали угрозу окружения всей Ельнинской группировки немцев. Опасаясь полного окружения, германское командование начало спешный отвод своих войск. Преследуя противника, наши войска продвинулись на 25 км, освободили город Ельня (6 сентября), разгромили опасную группировку противника. Наши потери составили 31853 человека. Ельнинская операция, несмотря на то что не удалось окружить и уничтожить немецкие войска, стала первой успешной наступательной операцией Великой Отечественной войны в

масштабе фронта. Впервые удалось отбить у немцев захваченный ими город. В войсках появились гвардейские части. Повторное взятие немцами города произошло 6.10.1941 и длилось до 30.08.1943, когда в ходе Ельнинско-Дорогобужской операции он был освобождён. Бои здесь были ещё более ожесточёнными, чем в сорок первом. Сколько солдат здесь полегло неизвестно.

В Ельню за нами приехал крытый грузовик со скамейками. Тормознули чтобы посмотреть на остатки городища 12 века, что на холме на левом берегу р. Десна, при впадении в неё речки Городианки, на невысоком холме, сохранились. Потом сделали крюк, чтобы проехать деревню Глотовку, в которой в бедной крестьянской семье родился (1900) поэт В.И. Исаковский, песни на стихи которого ("Катюша", "Враги сожгли родную хату", "В лесу прифронтовом", "Летят перелётные птицы", "Одинокая Гармонь", "Каким ты был, таким ты и остался" и "Ой, цветёт калина") тогда распевала вся страна. Он был настолько знаменит, что я думал, что он давно умер. Он тогда, однако, был вполне жив, проживая, естественно, не в Глотовке, а в Москве. Ничего интересного мы не увидели. Деревня эта в войну полностью сгорела и теперь как-то восстановлена. Ехали мы долго, можно подумать - в другое царство. Настоящая затоваренная бочкотара. Во всех деревнях есть могилы с пятиконечной звездой. Говорят, в каждой захоронено 500-700 солдат. Не знаю, насколько это правда, но бои здесь были жесточайшие.



Река Угра.

Достигли Угры (интересно, имеет это название отношение к уграм, венграм и манси?). Знаменитая речка. Берёт начало на Смоленской возвышенности, течёт на северо-восток, потом, передумав, и идёт на юго-восток, впадая в Оку. Мы по ней часто плавали на байдарке, но сейчас у нас другие задачи.

Речка знаменитая. Долгое время она была пограничной рекой между различными этноплеменными и политическими образованиями. Тут дерутся аж с 1147 года. Тут то половцы нападали, то литовцы. Здесь в 1480 году случилось Стояние на реке Угре. Ахмет, хан Большой Орды пришёл за данью, а Иван III по совету жены (Софья Палеолог) показал ему кукиш. На этом татаро-монгольское иго (если оно вообще было) закончилось. Из-за своего оборонительного значения река зовётся "Пояс Богородицы". Во время войны 1812 территория Поугорья охранялась партизанами Дениса Давыдова, поэтому Юхновский уезд не был оккупирован французами. Во время Второй мировой войны в ходе наступления немцев река Угра стала естественным рубежом, за овладение которым в октябре 1941 года разворачивались кровопролитные бои. Пример — оборона курсантами Подольского военного училища моста через Угру. Здесь же, на Угре, командир эскадрильи А.Г.Рогов повторил подвиг Н.Гастелло. В его самолёт попал зенитный снаряд и лётчик направил горящий самолёт на переправу через Угру. Двухмоторная машина, разрушив мост, глубоко врезалась в дно реки. На Угре погибла 33 третья армия (и, кстати, мой тесть - Иегуда Миллер), попавшая в окружение под Вязьмой. Тяжело раненый



командующий М.Г.Ефремов, не желая попасть в плен, застрелился. Павловский плацдарм, тем не менее, был удержан силами 43-й армии и остался неприступным.

Сквозь местные леса так просто не продерёшься.

Прибыли в ничем не примечательные Некрасы. Деревня оправдывает своё название. Но и она по своему знаменита. Здесь находился штаб и аэродром полка им. 24-й годовщины РККА. Тут в партизанском отряде одно время воевал Ляленко Владимир Ильич. 5.05.42 года, поддерживая с воздуха конно - гвардейскую группу Белова, он был подбит, посадил самолет и три недели сражался вместе с партизанами. Ляленко возглавил группу летчиков, механиков, раненых и больных конногвардейцев и стремительной атакой выбил немцев из деревни Некрасы. Потом как командир эскадрильи бомбил аэродром в Сеше (неудачно) и погиб в очередном боевом вылете в февральских боях 1943 года.

Как сказала баба Настя, у которой мы квартировали, "Где бы война не возникла, где бы она не бродила, а сюда придёт". Она права: так было всегда. Можно подумать, что это забытое Богом место для вояк мёдом намазано.

В деревне никаких следов войны не видно. Типичная деревня на берегу узкой речки, старые дома, местами покосившиеся и вросшие в землю. Что удивительно, т.к. надо полагать, что в войну она сгорела, а после войны прошло 22 года. Для домов это не возраст.

Как я уже упоминал, Некрасы находятся в лесу, в лесу - без конца и края. Однако брёвна для строительства изб привозят откуда-то из-под Вологды. Из местного леса ничего не построишь: мелкий он. Лес густой, через него не только не пройдёшь, но даже



не протиснешься. Это вам не сибирская тайга, это - джунгли. Северный вариант: заросли высоких, беспорядочно, но плотно переплетённых прутьев, усиленные лианами.

Первым делом я установил репер.

Нам было поручено прорубать сквозь этот, прости господи, лес визиры, неширокие просеки, по которым в дальнейшем будут прокопаны каналы, призванные осушить болота и сбросить лишнюю воду в местные реки (в основном - в Угру).

Насадил и наточил я топор и пошёл на дело. Опыт у меня был. Я прорубал проходы в тайге для каравана с вьючными лошадьми и в Верхоянском крае и на Алтае. Однажды на Башкаусе я в одиночку валил деревья, так что образовалась просека. По просьбе Вали. Увы! Начальница моя, хоть и окончила три курса Геофака, но со взятием азимутов была

не в ладах, так что в концов уперлись в абсолютно непроходимый каньон, из скал с восьмизэтажный дом, с отрицательным уклоном к тому же. Пришлось возвращаться и шпарить по тайге по-чёрному, срубая ветки. Мой труд был отмечен в многочисленных туристских отчётах. Текст обычно такой: "В близи Саратана у зимника с овином можно в брод без лошадей переправиться через реку. Там же начинается просека-дорога. Но это дорога в никуда! Через 7 км она упирается в гранитную стену. Кто и зачем проложил эту дорогу неизвестно". Известно! Это сделал я!

Я это к тому, что опыт путепроложения у меня был. Но тут я столкнулся с неожиданным. Даже репер заложить было не из чего. Долго бродил по лесу, пока нашёл подходящую ель, которую завалил, и выпилил из неё бревно подходящей длины. Закопал его в землю. Дамы стали хлопотать вокруг него с разной оптикой. Спутниковой привязки тогда не было. В конце концов установили точное местоположения бревна и высоту над уровнем моря. Репер нашего абсолютного нуля, вся остальная местность характеризуется по высоте относительно него (на плюс или на минус). Только так можно направить каналы в нужную сторону, так чтобы вода бодро текла куда надо.

Идея репера меня увлекла. Потом я её часто использовал в своей обычной жизни. Важно иметь точку отсчёта, чтобы объективно понимать, где ты движешься вверх, а где вниз. Не путать подъём со спуском.

От этого репера начали мы в разные стороны рубить визиры. Ширина их должна составлять порядка метра, так, чтобы геодезисты могли протащить аппаратуру (теодолиты, нивелиры, буссоли и т.п.) и точно зафиксировать направления будущих просек.

***Теодолит** — и прибор для измерения горизонтальных и вертикальных углов при топографических съёмках, геодезических и маркшейдерских работах, в строительстве и т.п. Основной рабочей мерой в теодолите являются лимбы с градусными и минутными делениями (горизонтальный и вертикальный). Теодолит может быть использован для измерения расстояний нитяным дальномером и для определения магнитных азимутов с помощью буссоли.*

***Нивелир** — геодезический инструмент для нивелирования, т. е. определения разности высот между несколькими точками земной поверхности.*

***Буссоль** — геодезический инструмент для измерения углов при съёмках на местности, специальный вид компаса. Имеет визирное приспособление. Шкала буссоли направлена против часовой стрелки, что облегчает прямое, без вычислений, взятие магнитных азимутов.*



Пробиться сквозь джунгли.



Здесь будет канал.

В местном лесу пришлось не деревья валить, а прорубаться сквозь заросли тальника, ивняка, хилых осин, каких-то аномально высоких и режущих руки осок, борщевика, пастушьей дудки, малины и чего-то другого, чему названия нет, но что весьма колетса. Размахнуться топором невозможно - он непременно за сто-то цепляется. Предмет рубки пружинит, его прижимаешь ногой, по которой топором и получаешь. Кирзовые сапоги не помогают. И это ведь не на твёрдой почве, кругом же болота, ручейки-речки, озёрца. Визир должен идти прямо, невзирая на рельеф местности, её обводнённость или другие обстоятельства. На Алтае я валил толстые кедры, но при этом я стоял на прочной земле. А как прикажете прорубать в просеку, стоя по пояс в воде?! Коллега мой вообще ушёл с головой в болотную тину, еле его вытащил. Лесоруб что: пловец с топором?! Раньше я так не думал...

Визир должен быть идеально прямым. Попробуйте! Посмотрим, что будет. Ничего ценного: за бугор уйдете. Приборов у нас (работяг) нет. Топор, да нож типа мачете. Я вырубал длинную палку, забивал её вертикально, отходил на 20 м и забивал другую, и ещё через 20 м третью. Потом целился и переставлял их, пока они не выстраивались в прямую линию. Так и двигался 10-12 км. В конце приходил геодезист и закладывал новое направление визира. У меня получалось неплохо, но ребята, не пользующиеся трёхпалочным методом, пускали визир по синусоиде или вообще не в ту степь. Им многое приходилось переделывать. Это их раздражало. Были и соблазны. Иногда визир приходилось рубить в чащобе, но в нескольких метрах от хорошей посеки или дороги. Тогда визир постепенно, постепенно сам собой приближался к просеке и шёл уже по ней. Однако, возникал скандал и приходилось снова брать топор и рубиться, как начальник прописал.



В местной реке мы ловили неводом рыбу. Она не поймалась.

Но реальным препятствием был противотанковый ров. Зигзагами он тянулся чуть ли не на 1000 км. Обойти его было нельзя, а переправиться трудно. Глубокий ров был

полностью заполнен ржавой застойной водой. Вот о чём писать надо, а никто не пишет. Этот ров копали (без всякой техники) мобилизованные горожане. Шла война. Здесь погибло множество народа. Но не от немецких пуль, а от голода и болезней. Десятки тысяч людей. Опасаешься копать шурф - везде натыкаешься на человеческие кости и черепа. Говорят, этот ров сыграл прямо противоположную роль относительно цели его строительства. При наступлении на Москву немцы его обошли, а при отступлении на нём построили мощную систему обороны. Именно из-за этого рва советские войска понесли столь значительные потери под Ельней.

У противотанкового рва оказались и положительные свойства: помимо ямы с водой был и земляной вал. На нём росли деревья. Нормальные сосны, ели, берёзы, ствол которых трудно было обнять. Значит лес в этом климате может расти. Нормальный лес, а не местное недоразумение. Тут я вспомнил о Бекманах-лесоведах и о предках своих. В двух своих имениях на Украине, мой прадед выращивал лес. И сейчас в степи можно неожиданно попасть в его рощу корабельных сосен. Дед мой, хоть и был помещиком в той же Смоленской области (под Рославлем) и предводителем дворянства, но как дипломированный агроном-лесовод выращивал лес. Хороший лес на местных болотах. Если вы сейчас в этих краях встретите хороший лес из столетних елей и сосен, то это скорее всего его работа. И его сына Сергея, моего дяди, тоже лесовода, продолжившего дело отца. В 1937 его расстреляли. Не по политическим причинам. Просто его хороший дом в Смоленске приглянулся новым хозяевам жизни.



Совместная стирка. Иллюстрация глубины реки.

Мы не только пробивали визирь и копали шурфы, мы ещё и бурили. Был мотобур на базе бензопилы Дружба, но он быстро сломался. Поэтому бурили в ручную. В принципе, это не трудно, так как почти везде многометровый слой торфа. Но случались казусы. При бурении вдруг раздавался противный скрежет железа по железу. "Мина", - восклицали мы и бросались на землю. Часто тревога была ложной: просто какая-то военная железяка. Но мины тоже попадались, но они не взрывались - проржавели и разрушились. Однажды я откопал более-менее целый снаряд. Пользуясь навыками своего химического послевоенного отрочества, выплавил тол, изготовил взрыватель (из автомобильной аптечки таких несколько штук получается) и произвёл нечто вроде гранаты. У нас был спор: водится ли в противотанковом рву рыба? Бросил я гранату в ров. Вопреки предсказаниям скептиков она взорвалась, подняв столб воды. Никакой рыбы нет: жабы, лягушки, да пиявки.



Геодезистки.

Быт мы ловко обустроили. Готовила пищу нам баба Настя, дальняя родственница Исаковского. Готовила в огромной русской печи, на которой и спала. Такие печи я встречал у алтайских староверов, но процесс готовки пищи наблюдал впервые. Много оборудования: глиняные горшки, ухваты разных размеров, кочерги, специальные веники, заслонки непонятного назначения. Всё не просто... Во дворе у Насти была целая установка по производству самогона. Большая! Я аж обзавидовался. Гнала она не из зерна, как меня учили, а из картошки. Хотя я и химик, но эту технологию не знал. Поучился у народа. Самогонка у неё получалась замечательной. Редко когда такую встретишь.

Нам каждому полагался большой горшок варёной картошки с укропом и небольшой добавкой масла, литр парного молока, стакан самогона и чай от пуза (заварка и сахар наши). Это два раза в день: утром и вечером. Обед у нас не было. Кто-то среди болот и комаров перекусывал, а кто и нет. Самогонка (крепкая, крепче водки) бабой Настей считалась обязательной. Без него мужик работать не сможет: работа тяжёлая, надорвёшься. А после неё сам Бог велел: надо же отдохнуть и расслабиться. Мы так и делали.

Раздобыли в деревне невод и попытались ловить в местной речке рыбу. Как ни странно, но однажды добыли на уху.



Это – мы.

Жили мы весело, компания была весёлая. Нравы были свободными. Мы уже стали старше и опытнее. А дамы – тем более. Важно, что рядом оказались опытные женщины

моложе нас. В отличие от предыдущих экспедиций здесь опасностей не было, стрессов, влияющих на половую активность мужиков мало. На мой день рождения (Ивана Купала) в голом виде купались в местной речке, прыгали через костёр. Обнажённые дамы купались с нами, но прыгать через костер отказались (прыгали, но в купальниках). Вечером устроили знатную пьянку. На каждом колене у меня сидела дама. Целовали в обе щёки. Третьей места не досталось и она уселась мне на плечи. Буквально не шею сели.

Тут я произнёс тост.

"Как известно, домарксистская философия утверждала, что развитие цивилизации определяется климатом. В тропической жаре работать трудно и не нужно. Бананы-кокосы сами сверху падают – только рот разевай. Без работы же общество не развивается и члены его, как были дикарями, так дикарями и остаются. На севере климат суровый. Нужно все время думать о выживании. Не до изысков типа литературы или галантности к дамам. Снова общество не развивается. Прогресс возможен только в умеренном климате. Мы с вами не первый раз в экспедициях. Бывали в жаре и в холоде, но только здесь, под Ельней, в центре умеренного климата России, можем подумать о своем развитии. Тем более, что удалось избежать как панибратства, так и диктатуры. Поэтому мой тост – За умеренный климат!"

Напились знатно и два дня опохмелялись.

Случилась и у нас неприятность. Наш шофёр повёз местных колхозников на ферму. На узкой дороге на довольно большой скорости его машина столкнулась бортами со встречной военной машиной. Кузов слетел. Никто не погиб, но побились сильно и экспедиция без машины осталась. Наш был не виноват, у встречной машине борта были шире стандарта, он должен был это учесть и посторониться. Однако наш шеф сильно расстроился, сел в машину и выпил бутылку водки. Милиция застала его в дупель пьяного. Обвинили в пьяной аварии и повязали.

В конце августа стало холодать, народ распределился по хатам. Я же остался в палатке на берегу реки. Жил один, поскольку нашёл в себе занятие. Начал писать рассказы. Первые три показал филологу Бергеру. Тот сказал, что я не писатель и никогда им не буду. Писатель сам придумывает фабулу, героев, изобретает язык. А я, оказывается, бытописатель. Как акын, пишу, что вижу. Простым языком. Это - не серьёзно, это - не литература. Сильно меня расстроил. Бросил я это дело. Но через 20 лет снова начал. Горбатого могила исправит.

Филологам, однако, свои тексты не показываю.

А что касаться приврать при случае, так за этим дело не станет.

Экспедиция кончилась. Мы побродили по Смоленску и его Кремлю. Простояли службы в храме. Вроде как молебен в честь благополучного окончания поля.

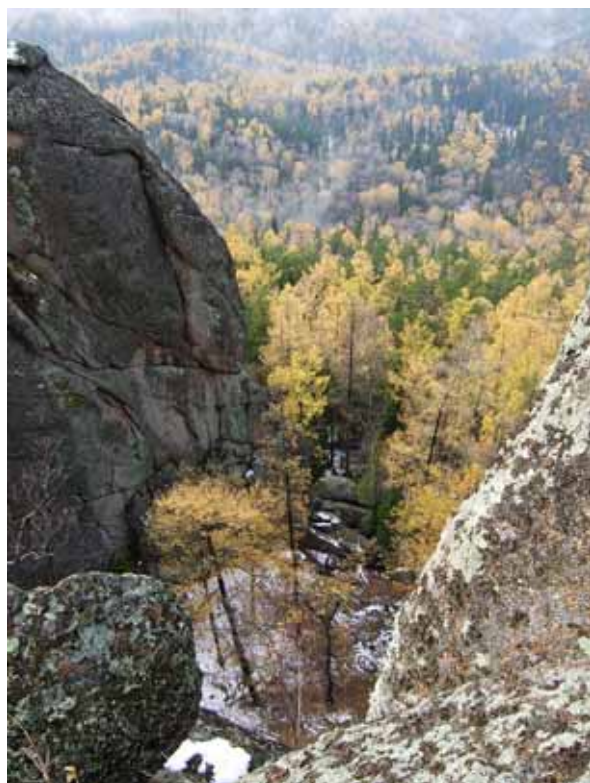
А по нашим визирам прокопали каналы, сбросили воду. Но, говорят, участились пожары, горят торфяники. Если так, то, значит, слегка перестарались.

Потомки исправят.

ТУРУХАНСКИЙ КРАЙ

Кежма

В 1968 году уже обеднённом составе (М.М.Онищенко отправился в Сирию) ЗеКа (я, Румянцев, Бергер и примкнувшая к нам Света, жена Миши) участвовали в Нижне-Тунгусской экспедиции географического факультета МГУ. Экспедицией командовала уже пожилая, но ещё активная географиня, а отрядом – всё та же Света. Поваром и главным рыболовом был Николай Николаевич, кандидат наук, который походу дела чуть не отравил нас сырой рыбой. Добирались до места долго – летели с пересадками. Несколько дней прожили в гостинице в Красноярске. От души полазали по строящейся мощной Красноярской ГЭС (6000 МВт, вторая по мощности ГЭС в СССР и России). Интересно было насколько надёжна эта длинная плотина (гравитационная бетонная плотина длиной 1065 м и высотой 124 м). Она ведь выше Красноярска (40 км от города): прорвёт - от



города останется мокрое место. В буквальном смысле. Когда мы там были, в эксплуатацию вводили три гидроагрегата. Работа велась интенсивно. Строят ГЭС в основном для обеспечения нужд алюминиевого завода. Водохранилище затопило огромное пространство (60 тыс. человек пришлось переселить), климат стал мягче, но влажнее, Енисей перестал замерзать. Экологам это не нравится. Осмотрели строящийся судоподъёмник. Как-то не верится, что это устройство будет работать. Побродили по Красноярским Столбам (до них автобус ходит). На тех, кто не видел Ленских столбов, и не лазил по кигеляхам горной страны Черского, они, конечно производят впечатление. Я тоже восхитился. Но не сильно. Попытался залезть на одну скалу, но меня догнали и сняли. Неожиданностью стало, что в отличие от своего мужа, Света, которую мы считали своей, стала подчёркнуто держаться

подалеже от нас. Так возникла трещина, которая потом развалила нашу компанию.

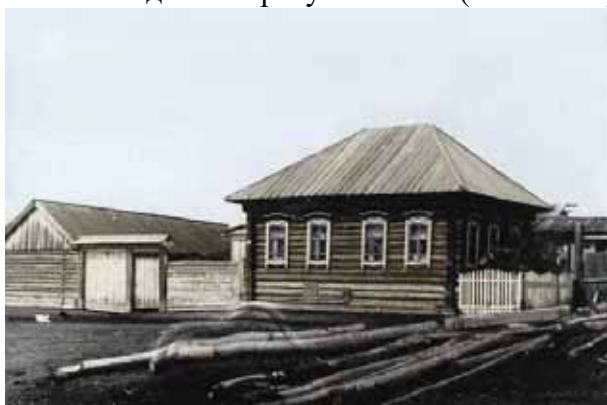
Фрагмент заповедника Красноярские столбы.

Экспедиция окончательно формировалась в большом селе Кежма, что на правом берегу Ангары (Верхняя Тунгуска) у впадения в неё речке Кежемки. Поселение старое, до появления здесь русских на этой территории жили эвенки. Первое упоминание о селе относится к 1665 году. Попасть по реке сюда трудно: мешали братские пороги. Былое назначение села – сбор ясака с кочующих тунгусов. Ангара – река широкая, где-то 3 км, а весной разливается до 5 км. Много лодок и рыболовов. Удивил разговор местных: говорят на русском, а непонятно! Оказалось, что село ещё в 17-ом веке организовали поморы из-под Архангельска. Потом уже к ним присоединились выходцы из центральных губерний России. Добавились политически ссыльные и казаки. Много браков русских с эвенками. Возник какой-то особый субэтнос - ангарцы (кежмари). Со своим языком и со своими обычаями. Чужих они не любят. Нас, например, никто на постой не взял. Засельники обживали новые места по русскому обычаю: рубили избы, пахали землю, разводили скот, занимались охотой и рыболовством. Добротные русские дома, из хороших брёвен. Дом,

хозяйственные постройки высокий сплошной забор и ворота образуют нечто вроде неприступной крепости-замка. Двор - деревянная мостовая, иногда и крыша над двором есть. Улица – сплошные заборы, за ними - злые собаки. Если кого резать будут, никто не выйдет и даже не шевельнется. Приютил нас музыкальный работник детского сада, убийца четырех человек (2 на воле и 2 уже в лагере), 20 лет проведенный в тюрьмах и лагерях. У него – молодая жена и маленький сын. Кежда его не приняла (понаехали тут), зимой всей семьей они живут в овине, сейчас, их кто-то временно впустил в дом. Но они были счастливы. Пожалуй никогда, не встречал людей, так радующихся жизни.

В Кежде нам впервые выдали деньги. Коллеги мои немедленно отправили их в Москву. Это была ошибка. Я хранил (с большим трудом) свои деньги при себе. Кончилось тем, что мне пришлось оплатить кое-кому отъезд из экспедиции. Обстоятельство, которое мне не понравилось.

Когда мы прогуливались (в магазин) по этому большому и явно процветающему селу, мы и представить себе не могли, что через несколько лет всё будет сожжено и затоплено водами водохранилища, образовавшегося после постройки Богучанской ГЭС. Жаль!



Дом в Кежде.

По дороге на Север, посетили Байкит (Подкаменная Тунгуска) и Ванавару – район падения знаменитого Тунгусского метеорита, который взорвался 17.06.1908 на большой высоте и завалил лес на площади, равной площади Москвы. Мощность взрыва соответствует хорошей водородной бомбе. Трудно себе представить, что было бы, взорвись он над Парижем. Померил радиоактивность: фоновый уровень, местами даже ниже. Взрыв никаких материальных веществ после себя не оставил. Кратера нет. Есть круглое озеро, но метеорит тут не причём: по берегам растут деревья двухсотлетнего возраста. Видимо грохнулась глыба льда (скорее всего - несколько глыб). Лёд испарился, на землю ничего интересного не выпало.



Фактория Кербо.

Таймура

Небольшой самолёт полярной авиации (красные надписи) доставил нас в факторию Кербо на правом берегу реки Таймура, левом притоке Нижней Тунгуски (Угрюм река). Сели на речную дресьву, тянущуюся между водой и довольно обрывистом берегом. Опасное дело. Очень опасное. Это вам не на аэродром приземляться. Камень какой на пути случится, и нет самолёта.

Я полагал, что фактория – это пункт закупки добытых охотниками шкур ценного пушного зверя и снабжения охотников промысловыми орудиями, материалами, одеждой, продовольствием и предметами домашнего обихода. Может когда-то Кербо таким пунктом и был. Но сейчас тут не было ни охотников, ни пушнины. Здесь находилась постоянно действующая станция, ведущая метеорологические, гидрологические, агрометеорологические наблюдения (с конца 1951 года). Два дома в которых живёт одна (иногда две) семья. Склады, радиостанция, баня и пекарня. Сейчас здесь располагалась большая геологическая экспедиция, прибывшая сюда на лето. Нам тоже место нашлось.

Фактория находится в центральной части Среднесибирского плоскогорья, высота метеоплощадки: 231 м над уровнем моря. Местность довольно холмистая, пересечённая ложбинами, высота холмов от 10 до 100 м. В округе хвойный лес, в основном лиственница. Больше похож на тайгу, чем в Вероянском крае, но меньше, чем на Алтае или в Подмосковье. Около Кербо лес вырублен на дрова.

Первым делом я заглянул к радисту. Радиостанция оказалась большой и мощной. Я на такой работать не умею. Мне вручили походную рацию военного типа. Похожие были у меня и в Батагае и на Алтае. Эта несколько отличалась, но я её освоил без проблем. Ключа не дали, так что азбукой Морзе пользоваться не буду. Определился с длиной волной, временами выхода на связь и позывными. Забрал катодные и анодные батареи и ушел всё паковать.

На следующий день подали нам довольно большой вертолёт, погрузились и вылетели в верховья реки Таймуры (на местном языке – *богатая*). Сели мы на стрелку - место слияния Северной и Южной Таймуры. Собственно с этого места Таймура и начинается. Река довольно длинная – 454 км, но нам сплавляться только до Кербо.

Вышел я из этой трясущейся бочки на песочек. Благодать! Солнышко светит, ни ветерка, но, главное – ни комара. Просто ни одного! Не успел я досчитать до трёх, как нас атаковала туча комаров и всякой прочей гнуса, включая оводов и слепней. Оказывается, вертолёт при посадке, раскидал всё эту сволочь, а теперь она взяла своё. И доставала нас всю экспедицию, так что мы быстро превратились в китайцев и чесались как шелудивые псы. Ни бороды, ни курево, ни накомарники, ни репудин не помогали.

Вертолёт улетел и мы начали спускаться барахлом вниз по реке, километра на три до зимника, построенного геологами – алмазоискателями (канавы-рвы накопили, а закапывать кто будет?). У нас было три надувных лодки. Мы их надули и спустили на воду. Лодки маленькие, а груза много. Нагрузили мы с Бергером лодку по максимуму, так что самим поместиться уже некуда. Легли на кучу вещей вниз головой и начали грести. Каждый со своего борта. Рафтинг по быстрой извилистой реке, когда черпаешь носом воду и болтаешь ногами в воздухе не слишком эффективен. Мы гребли как на регате, но продвигались вперёд с трудом. Лодка крутилась волчком, регулярно врубаясь в завалы плавника. Взглянув на действительность, я обнаружил удивительную вещь. Щепки плыли быстрее нас, они нас легко обгоняли! Мы уяснили не только всю бесполезность наших действий, но и их явный вред. Разом прекратили грести. И дело пошло! Мы быстро, без усилий и проблем проскочили дистанцию. Лодка самостоятельно выкинула нас на отмель, прямо под зимником. Так мы совершили несколько рейсов и перевезли весь груз.

Потом, в реальной жизни я неоднократно попадал в аналогичные ситуации. Трудисься, трудисься из последних сил, а дела не улучшаются. Наоборот, они ухудшаются. Забиваешь на это дело, и вдруг всё начинает само собой делаться. Ты

[illegible]

Зимник мы использовали как командный пункт, место сбора материалов и мастерскую. Сами поселились в палатках, обустроив костёр и натянув тент над столовой. Можно готовить пищу и потреблять её в условиях непрерывного ливня. В облаке комаров, если дымовую завесу не ставить. Нам предстояло изучать почвы долины, постепенно спускаясь вниз по реке. Но что делать с грузом и пробами грунтов, которых пока нет, но

которые, надо полагать, появятся, причём в больших количествах. Ни машин, ни лошадей у нас нет. А барахла у нас много. Еда на два месяца на дюжину едоков, палатки, спальники, тазы-ведра, лопаты и кайлы, радиостанция с набором батарей, оружие с патронами, всякие карты и прочая документация, и основной геморрой: мотобур, бочка с бензином (здоровая железная бочка – баррель) и несколько бидонов с машинным маслом. Не могло быть и речи, чтобы всё это богатство пёхом тащить на себе. Но и в надувные лодки это не поместится. Нужно строить плоты.

Экспедиция разделилась на четыре отряда. Один (самый главный) ловил спиннингом рыбу, дежурил по лагерю и готовил завтрак и ужин (обеда в экспедициях не бывает), второй ходил в радиальные маршруты, капал шурфы и отбирал пробы, третий строил катамаран (связали две резиновые надувные лодки и сделали на нём настил), а четвёртый – сооружал деревянный плот. Четвёртый отряд состоял из одного человека – меня. Я иногда привлекал кого-то к своей деятельности, но в основном работал в одиночку.

Деревянный плот строится из брёвен. Их надо откуда-то взять. По берегам Таймуры рос хороший лес. В отличие от тайги Верхоянского края здесь можно было найти стволы деревьев требуемой толщины. Но всегда есть какое-то но, которое портит дело. Лес практически весь состоял из лиственницы. Я для пробы срубил одну и бросил в воду. Бревно утонуло! Плотность живой лиственницы оказалась выше плотности воды. Не надо быть профессором, чтобы понять, что плот из такого материала утонет непосредственно в доке без всякой нагрузки. Однако, деревья других типов в ближайших лесах не растут. Поэтому единственным вариантом (не слишком надёжным) было использование сухой лиственницы. А где её взять? Если вы думаете, что вокруг стояла роща корабельных лиственниц, причём исключительно сухих, то вы ошибаетесь. Весь ближайший строительный материал был использован геологами-алмазниками на строительство зимника, а всё остальное сухое они же спалили в кострах. Я, сначала один, потом с коллегами, бродил вверх по Таймуре в поисках в лесных зарослях одинокого сухого дерева со стволом нужного диаметра (более 30 см). Мы обшарили оба берега Таймуры и её притоков и нашли 12 толстых, высоких и прямых сухих лиственниц. Валил я их сам, с участием выделенного мне в помощь коллеги. Надо сказать, что до этого я этим никогда не занимался и имел смутное представление, как такую махину завалить в нужном направлении так, чтобы она не свалилась на меня самого, на коллег и не застряла в ветвях соседних деревьев. Древесина очень твёрдая и прочная. Как железо! Рубится с огромным трудом, топор садится с десятого удара, топорище трескается, а пилу нужно точить заново после каждого дерева. Я делал глубокую зарубку топором с той стороны, куда дереву падать, а потом пилил ствол с противоположной стороны и выше зарубки. Как потом я узнал, чтобы дерево падало туда, куда надо, два мужика пилят, ещё один тянет верёвкой в нужную сторону, а четвёртый с другой стороны пихает шестом. До такой ушлости мы додуматься не смогли. Орудовали вдвоём. Без хитростей.

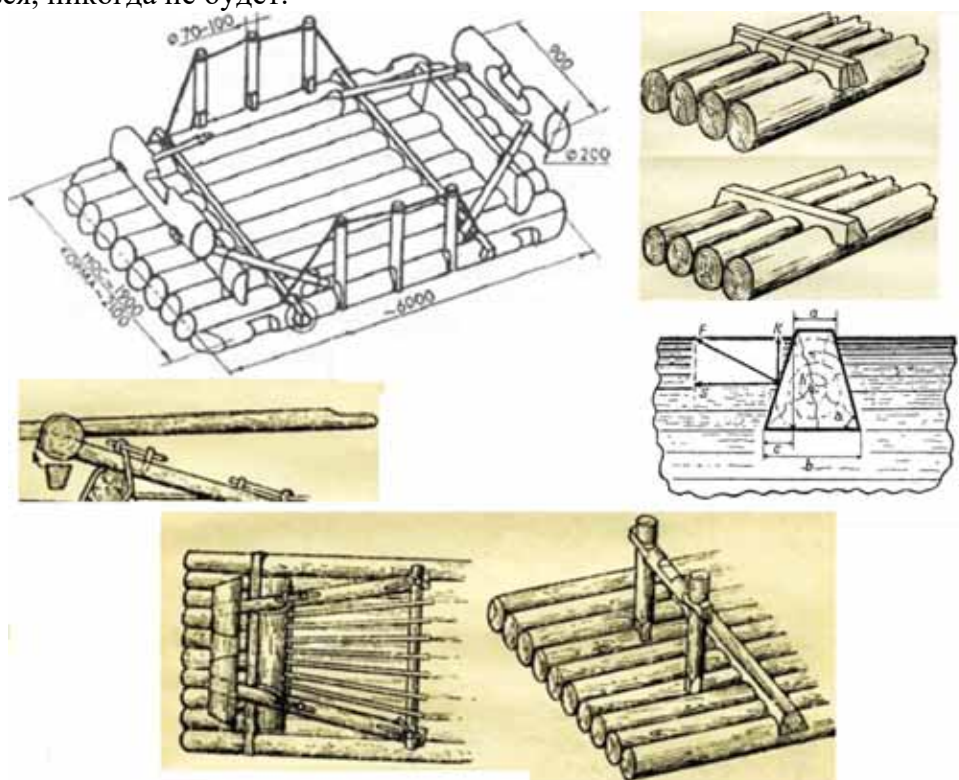
Часто (но не всегда) дерево падало в нужную сторону. Обрубал ветви, отрезал ствол (обычно строевой материал имеет длину несколько менее 6 м, я на всякий случай старался, чтобы длина была несколько выше 8 м; на глаз: ни рулетки, ни портновского сантиметра у меня не было). Потом мы вместе волокли верёвками ствол к воде и сплавляли к доку. Доков я соорудил два: мокрый (затон - небольшой залив, огороженный в воде кольями, чтобы судно и его детали не уплывали без разрешения) и сухой (навес из брезента, под которым изготавливал отдельные детали плавсредства).

Плот я строил самостоятельно. Иногда мне кто-то что-то подтаскивал, но плотничал я один. По простой причине: топоров у нас было мало. Тётки-начальницы при подготовке экспедиции менее всего думали о строительных инструментах. Выписали наряд на один топор (заготовка дров для костра), второй я уже сам прихватил на складе МГУ, предвидел, что понадобится. Теперь на всю экспедицию у нас было два топора:

один у поваров, один – у меня. Топорища, кстати, летели только так. Я несколько раз изготавливал новые. Никогда бы не подумал, что у меня такой талант!

У меня не было досок, верёвок, шурупов, болтов и гвоздей (никаких, не больших, ни малых). Без единого гвоздя строил, как кто-то церковь в Кижях. Стамесок, рубанка, молотка тоже не было. Была у меня двуручная пила, но за вторую ручку никто не держался, я пилил толстое бревно большой пилой в гордом одиночестве (как Робинзон Крузе без Пятницы), пила ручная и топор. Как ни странно, но этого инструмента оказалось достаточно.

Я не только никогда не строил плоты под чьим-то мудрым руководством, но даже никогда не видел ничего подобного. В турклубе я как-то не понятно зачем срисовал схему плота. Там же было описание этапов строения и требования к плоту, но я их не только не списал, но даже не прочёл. Теперь у меня был рисунок, но на нём не было никаких размеров и каких-либо пояснений. Пришлось всё изобретать самому. Тем более, что мировой опыт мне вряд ли пригодился: больных, строящих плоты из лиственницы нет, и, будем надеяться, никогда не будет.



Деревянный плот. К сожалению, таких картинок у меня не было. Только общая зарисовка. Строил в меру своей фантазии. Но вышло почти как на этом рисунке. Только все детали были толще и длиннее.

Я не знал, что прежде, чем строить плот, нужно рассчитать его длину, необходимое число брёвен, их диаметр, объём древесины, требуемый для обеспечения заданной грузоподъёмности. Да если бы и знал, то всё равно что либо считать смысла не было: в моём распоряжении была исключительно имеющаяся в сфере доступности древесина. Что есть, из того и строй. Я даже не знал, что ширина плота должна относиться к длине 1:3 при длине плота 6 м. Это соотношение соблюсти не удалось, хотя брёвна длиннее, чем надо и толще, чем надо, соотношение вышло выше 1:2. Это, конечно, существенно ухудшило судовые качества судна: большая ширина нарушала остойчивость плота, а большая длина – его управляемость. Если классические размеры 6х2, то у меня вышло 7х3,5. Но меньше нельзя: при использовании недостаточно просушенной лиственницы, плот оптимальных размеров будет иметь грузоподъёмность не слишком отличную от нуля. Пришлось превысить стандартные размеры (интуитивно, о существовании

стандандарта я тогда не знал). Плыть, однако, на таком плоту трудно: не поддаётся он управлению.

Строил я плот сложной конструкции – со стрелами, гребями, настилами и мачтой. Из 12 толстых брёвен длиной 8 м. Их надо скрепить и скрепить прочно. Понятно, что прочность плота, его способность в течение длительного времени противостоять большой волне, ударам о подводные камни и скалы зависит от надёжности связей между отдельными бревнами. Брёвна можно было бы скрепить ронжинами, т.е. верёвочными петлями. Верёвки и капроновые фалы у нас были, но их забрали строители катамарана. Мне ничего не досталось. Брёвна я крепил стрелами, вырубленными из нетолстых брёвен, в открытый паз, а настил крепил вицами – эластичными жгутами, которые изготавливал из веток и тонких молодых деревьев путем их, раскручивая и распаривая их (размер петли подбирал таким образом, чтобы она свободно охватывала два смежных бревна и, после переброски через ронжину, позволяла нагелю зайти в гнездо, полностью выбрав зазор).

Каждое бревно по отдельности вытаскивал на отмель и вырубал по два паза типа ласточкин хвост. Тут важен стандарт: все 24 отверстия должны иметь одинаковые размеры входного отверстия и основания трапеции, углы наклона стенок должны быть одинаковы, а врубы располагаться на одинаковых расстояниях. Без линейки этого трудно достигнуть, но, как оказалось, можно. Обычно разметку проводят на берегу. Для этого на землю кладут слегу, а на них все брёвна, которые выравнивают по высоте и вырубают пазы. Я такого себе позволить не мог. Плот весит тонн шесть, мне с таким грузом не совладать. С одним бревном как-то справляюсь, да и то изо всех сил.

Изготовление стрелы – большое искусство. Без дураков! Даже прямоугольный брус большой длины изготовить трудно: пойдёт винтом. А тут трапеция, да ещё с заданными параметрами, с требуемыми углами наклона сторон (транспортира, как вы догадались, у меня тоже нет). Вырубал я стрелы в сухом доке, потом из-за дождей и



комаров перебрался в зимник (в избе сидел я сам и махал топором в дыму дымокура, в основная часть брёвнышка торчало наружу, под тентом сухого дока).

От комаров сильнее всех страдал Бергер.

Сборку плота производил в воде. Сначала был облачён в плавки, но вода весьма холодна, без ног останешься, да и от комаров спасу нет. Пришлось облачиться в болотные сапоги.

Иногда оступался и они заполнялись водой. Имел занятие - сушил сапоги на костре. Пока они не сгорели. Поочерёдно нанизывал бревна на обе стрелы. Сначала заводил два средних бревна и, закрепив их клиньями, наращивал плот от середины. Расклинивал пазы клиньями из сухого дерева: в воде они распухнут и конструкцию не разберёшь, даже если захочешь. После долгой борьбы с крутящимися во всех плоскостях брёвнами, пропилами и прорубами пазов, плот был собран. Самые толстые брёвна (толще 0,5 м поместил по краям плота; чем меньше диаметр, тем ближе к центру плота).



Мы строим наш плот.

Однако нужны две гребни. Гребё - трудное в изготовлении изделие. Я вытачивал её топором из длинного (7 м) ствола ели. Задача та же - не пустить винтом. Необходимо, чтобы была длинная круглая ручка, потом широкое основание конуса, постепенно сужающегося, но потом снова резко расширяющегося и переходящего в лопасть, т.е. в нечто типа деревянной лопаты для снега. Попробуйте, ребята, на досуге изготовить такую вещь. Посмотрим, что у вас получится. У меня получилось довольно хорошо. Особенно одна - гибкая, но прочная. Такими гребёями просто так не погребёшь, для них следует установить подгребницы. И на носу и на корме плота. Подгребница - сложное сооружение. Отступив от торцов брёвен метра полтора, поперёк плота кладётся толстое бревно. На него укладываются слёги, одни концы которых прикрепляют к брёвнам по краям плота, затем слёги сближают друг с другом, укладываются на поперечное бревно, так, чтобы концы из висели в воздухе. На эти концы крепится не длинное (1 м), но толстое бревно. В нём вырезается паз, по которому и ходит весло. Толстая часть весла шире пропила. Это не позволяет веслу покинуть плот и путешествовать самостоятельно. В центре плота укрепил мачту, для паруса и антенны рации.

Посмотрел я на дела рук своих и восхитился. Шедев!.. Может бросить химию и пойти в плотники?!



Наш флот.



В долине Таймуры лес не плохой, но много горелого.

Этот плот изготавливали для транспортировки бочки с бензином. С трудом мы закатали её на наше судно. Оно немедленно легло на дно. Плот был толще, длиннее и шире туристских рекомендаций, но грузоподъёмность его была невелика. Лиственница не отличалась хорошей плавучестью. Бочка слетела с плота и поплыла. Оказывается у неё прекрасная плавучесть! Понятно: бензин легче воды. Раз так, то на корме я укрепил ещё два бревна, между которыми привязал бочку, которая болталась в воде и на плот не давила. Она плыла вместе с нами. На привязи, но с ограниченными степенями свободы. Когда мы погрузили вещи и встали сами на плот, оказалось, что верхушки брёвен выступают над водой менее 10 см. Плещущиеся волны заливали наше имущество. Пришлось делать настил. Поднял его над брёвнами сантиметров на сорок, изготовил его из тонкого (7 – 10 см в диаметре) леса. Долго возился, прикрепляя настил к брёвнам. Плёл вицы. Как каюр в верховянской экспедиции, изготавливавший мне стремена из лозы.

Посмотрел я на дело рук своих и понял – это хорошо.

Народ моё творчество не оценил. Посчитали, что так и должно быть. Любой дурак сделать может. Пока ты тут несколько дней возился, мы катамаран изготовили. Давно бы поплыли, если бы не твой плот, который даже бочку поднять не в силах. Я был разочарован и даже обиделся. Но, поскольку на дам и кошек я слабо реагирую, то пропустил замечания начальства мимо ушей. На первый раз.

Пока на верфях строился флот, остальные сканировали долину реки: закладывали профиль. Маршрут прокладывали от берега реки перпендикулярно ему и двигались до водораздела. Через определённые интервалы копали шурфы (не глубокие - в рост человека), описывали увиденное, отбирали пробы и закапывали шурф обратно. Чтобы в него никакая живность не проваливалась. Долина была широкая и туда-сюда за один день не успевали.

Перебирались на другой берег и там проделывали тоже самое.

Всех донимал комарик. Но если географы были в какой-то мере привычными, а я в Верховянке и Карелии встречался с чем-то похуже, то Бергер оказался на комара слаб. Он забился (не просто переместился из палатки в зимник, а именно забился) в угол комнаты (если внутренность сарая можно назвать комнатой), и с головой в спальник, так что наружу выглядывала лишь горящая сигарета. В центре комнаты он установил ведро, в котором тлел костерок, прикрытый сверху мхом и травой. Дымокур. Так и существовал; в тайгу ходить шурфы копать оказался. Поскольку я его покрывал, то недовольство отряда отразилось и на мне. Пусть, мне не превыкать.

Наконец, флотилия была собрана, вещи погружены, мы разобрались, кто на каком судне плывёт, и начали сплав. Река широкая, завалов нет, мели встречаются, но редко, их можно обойти. Иногда шиверы, редко пороги, но невысокого класса и короткие. Плот - не байдарка. Пируэтов на нём не выполнишь. Собственной скорости у него нет: плывёт, как может. На плоту нас трое: Я, Николай Николаевич (кандидат наук и повар) и Александр

Иванович, сотрудник НН, здесь в основном рыбак. Я стоял на передней гребі, они вдвоём на задней. Хотя их было двое, но я их часто перегребал. Бывало, что в порог мы входили боком, а то и кормой. (В принципе, нос и корма у плота были одинаковы, но бочка с бензином требовала своего нахождения на корме). Иногда мы бросали гребі и брались за шесты, разгоняя плот. Через пару дней приспособились друг к другу и к плоту, так что шли без приключений. Парус на мачту не ставил: река сильно петляла, ветер, если и был, то северным, т.е. нам в морду.

Местные животные выходили к реке. Медведь зачем-то что-то рыл на берегу. На нас он не обратил внимания. Мы на него тоже. Зачем он нам сдался? Еды у нас много. Хотя ружья-винтовки-пистолет у нас есть, могли бы и пальнуть. Путь нам пересекла медведица с пестуном (довольно большим медвежонком). Плыла она быстро, несколько забирая вверх по течению. Пестун отстал. Медведица вышла на берег, подождала его и



они резво убежали в тайгу. На нас – ноль внимания. Даже обидно: они что, каждый день людей видят? Часто в воде стояли группы оленей, надо полагать диких, живущих в тайге. Спасаются от комаров. Мимо них мы старались плыть тихо. Чего зря животных пугать. В прибрежных кустах иногда мелькали лоси. Близко нас не подпускали. Охоты с реки не было, лишь однажды одним выстрелом уложил две утки. Больше ничего добыть не удалось.

На Таймуре охоты, считай, не было и я отдал ружьё Бергеру.

Но рыбалка была хорошей. Ловил даже я, хотя это не моя специализация. Когда я был дежурным по лагерю, то раздевался до гола и выходил с удочкой на берег. Тут же на меня садился слепень, я его убивал, насаживал на крючок и забрасывал в реку. 2 – 3 минуты и выдёргиваю хариуса приличных размеров (или какой иной рыбы, я в них не разбираюсь). Повторял операцию, столько раз, сколько нужно на уху. Чистить и



потрошить мне же, на фига мне лишнее? У ребят же на спиннинг попадались щуки (одна – здоровая, 10 н), окунь, а то ленок и сиг. Но конечно главное событие случилось, когда Александр Иванович, плывя на надувной лодке и на всякий случай забрасывая блесны во все стороны, поймал тайменя. Огромного тайменя. Метра полтора длиной и сантиметров 20 в диаметре (потом такие ломти не прожаривались на сковороде и мы слегка траванулись). Полчаса АИ с Бергером боролись, пытаюсь втянуть рыбу в лодку. Мы кормой подогнали плот и совместными усилиями поборолі тайменя. Это был реальный подвиг. Есть о чём рассказать.

Женя вооружился.

Рыбы было много и она была многих видов. Но гурманов не было, а были лентяи. Тройную уху никто ни разу не сварил. А могли бы!

Плот был тяжёлым, громоздким, с огромной инерционностью. Если он и двигался быстрее течения, то это не ощущалось. Управление нашим судном сводилось к поперечному перемещению по поверхности реки в поток, обеспечивающий рациональный и безопасный путь. Бергер плыл на надувной лодке впереди нас, как разведчик. Вот движется он вдоль левого берега и кричит нам: "К правому! Срочно к правому!" Это он полагает, что если у его берега мелко, то у правого глубоко. Логика гуманитария. Мы прижимаемся к правому берегу и садимся на мель. Намертво! Сдвинуть шеститонный плот с места, тем более против течения, задача трудная. Возиться приходится долго. Трудно пристать к берегу на таком плоту, а потом ещё и отчаливать. Поэтому мы старались идти весь день без остановок. У нас горел костерок, мы пили чай (а изредка и какао) с сухарями. Якута среди нас не было и печь толстые лепёшки никто не умел. Но появились в продаже хлебцы, мы ими слегка затарились в Москве. Нужду мы справляли тоже с плота, мешали тётки, что шли на катамаране. Они приближались к нам в самый неподходящий момент.



Таймень был большим и активно боролся за жизнь.



Тайга - удобное место для знакомства с трудами Бенедикта Спинозы.



Жизнь в экспедиции идёт не только на воде, но и на суше.

Быстрые участки реки сменялись на медленные. Иногда очень медленные. Я лежал, загорал, лениво осматривая берега. Стрелять было решительно в некоего. Поэтому доставал свой блокнот и делил одну матрицу из десяти строк на другую аналогичную. Выкладки чрезвычайно громоздкие. Исписал два блокнота. В конце путешествия таки поделил. Посмотрел на результат и сжёг блокноты на костре. Через несколько лет на компьютере такое действие заняло две минуты. На стоянках я делал выписки из книги Спинозы по теме: вера, наука и скептицизм. Зачем – не знаю. Что мне Спиноза и что я Спинозе? Лучше бы дневник вёл. Потом бы читал с удовольствием.

Вечером мы выбирали симпатичное место, причаливали и разбивали лагерь. На следующий день сканировали долину. Копали шурфы. Дело для меня привычное. Но постепенно стало расти раздражение. Часто мне не нравилось ни то где мы копали, ни глубина ямы. Дамы были мало квалифицированные и склонные к халтуре. Не хотелось им продираться сквозь чащу, по болотам, огибать многочисленные в здешних краях озёра. Они останавливались перед препятствием и приказывали: "Копай!" Если в прежних экспедициях мне было совершенно всё равно, где копать, сказано "Копай!", я копаю, то теперь я во многом разбирался. Я, конечно, ленив. Но халтуры не люблю. Ни в чём. Приходилось делать замечания, что вызывало гневную реакцию. В результате я стал подумывать, а не стать ли мне самому научным руководителем или начальником каким, с тем, чтобы заставить эту даму копать шурф, где мне надо и как надо. Такие мысли я гнал от себя.

Мне поручили мотобур, с двигателем от бензопилы "Дружба". Я готовил топливо (смесь бензина и масла), чистил и смазывал механизм. Мы таскали его по тайге. По команде: "Перекур!" бросали всё и усаживались отдыхать. Дамы закуривали, мы нет. Из мужчин никто не курил. Потом начинали бурить. Почву и слой торфа бур проходил легко, но когда достигал морены, начинал визжать и скрежетать о камни. Я предупреждал дам, что глубоко забуриваться не стоит. К моему мнению они не прислушивались. Бог их немедленно наказал. Бур достиг вечной мерзлоты, взвизгнул последний раз и разлетелся в клочья. Захоронили его на месте. Бензин нам был теперь не нужен, но бочку было бросать жалко и мы волокли её за собой.



В лесу были и грибы и ягоды.

По маршруту я пытался охотиться, но мы двигались шумно и распугивали и зверей и птиц. Да и без собаки охота, не охота. Звери, кроме бурундуков, белок и горностаев, вообще не встречались. Птиц видел: тетерева, глухари, рябчики, куропатки, утки. Добыть удалось несколько гусей. Бергер неожиданно активизировался. Раньше он никогда не приближался к оружию, а тут отобрал у меня ружьё и стал с ним таскаться. Никого не подстрелил, но патроны мои израсходовал. Было много грибов, вполне съедобных, но мы их собирали редко. Ленъ было чистить.

В какой-то момент поменяли тактику экспедиции. Теперь кто-то на всех плавсредствах сплавлялся по реке, а кто-то шёл в сухопутные маршруты. Потом нужно было встречаться на стоянках. Но где случится эта стоянка никто не знал. Это зависело от тысячи причин. Поэтому сухопутникам приходилось опираться на интуицию. У меня с этим делом хорошо. Но удивлял Бергер. Вообще-то он ориентируется в незнакомой местности плохо, но когда он начинал хотеть есть (возможно, из-за язвы желудка), то безошибочно выходил на костёр с ужином, где бы тот не находился.

Постепенно лиственница всё сильнее намокала, плот погружался в воду, так что



теперь имел вид подводной лодки. Мы сидели на настиле, как на боевой рубке с мачтой-перископом. На очередной днёвке, я завалил четыре очень толстые лиственницы, и капроновым фалом привязал с каждого бока плота по два бревна. Плот слегка всплыл, но мореходные качества его, и так не блестящие, ухудшились окончательно.

Иногда в лотке собирался золотой песок.

Периодически меня бросали на мытьё шлифов. Это меня раздражало. Хотя в других экспедициях я такой деятельностью занимался спокойно, а то и с удовольствием. Чувствуешь себя золотоискателем. А вдруг самородок! Или алмазик какой. Промывку песка ведут в специальном лотке. Он у нас был, но в одном экземпляре. Мне он, естественно, не достался и я осуществлял процесс в тазу для стирки белья. На берегу черпал тазом воду с песком, подставлял под течение. Лёгкая фракция вымывалась, а тяжёлая (в первую очередь золото) оседала на дно. Чешуйки золота действительно имели место, но мало, на подмосковной Клязьме я намывал больше. Впрочем, экспедицию ни

золото, ни алмазы не интересовали. Важным был минералогический состав почвы, грунта и речного песка. Мы отбирали тяжёлую фракцию, высушивали, упаковывали в мешочки и надписывали. Работа, как работа. Правда она нормально идёт, когда солнышко светит. А когда постоянно моросит дождь, туча комаров и недавно добавившихся к ним мошки. От этой гнуса спасу нет!

Раздражало меня не это. Я был специалист. А специалиста надо уважать, даже лелеять, никогда не бросать на черновую работу. Он от этого портится, упускает что-то важное. Посмотрите, как обращаются с радистом на корабле. Аврал, шторм, качка, все носятся вверх-вниз по трапам сшибая друг друга, задраивают люки, тянут концы, готовят



спасс-средства. Радист же сидит на комингсе своей рубки, курит трубку и ничего в голову не берёт. И никто его не шпыняет, никуда не гонит, не командует. Почему? А потому, что без него - нам хана. Он закапризничает и вы никак не свяжитесь с семьёй и не узнаете родила ли ваша жена и, если родила, то кого? Без радиопривязки вы вообще не знаете, где находитесь. Будете тонуть - кто сигнал SOS подавать будет? Пушкин? Так и уйдёте акул кормить.

Рация была армейского типа.

Я к специалисту всегда относился трепетно. Вот радиоинженер в нашей лаборатории. Целый день ничего не делает. Что там день! Месяц, квартал, год бездельничает. Но однажды у вас вылетает схема. У вас уйдут годы на её исправление, да и не исправите, разберёте установку и выбросите на помойку. А специалисту нальёте 300 грамм, он подойдёт, ткнёт отвёрткой - всё заработало. Спец есть спец. Если у вас рядом есть такой - вам сильно повезло. Берегите его...



Анодная батарея вещь тяжёлая. Особенно, если их много.

Я это к тому, что в этой экспедиции я был специалистом, причём - многогранным. Я построил плот - чудо плотнического искусства, я был механиком (единственным!) способным справиться с мотобуром, не сломав его. Но, что ещё важнее, я был радистом! Что? Кто-то здесь способен включить рацию, кто-то знает на какой волне ведёт приём станция в Кербо, кто-то знает позывные и коды? Никто не способен и никто не знает. А попользоваться связью все хотят. Очередь у моей радиопалатки стоит. Пусть стоит. Я занят - шлихи мою. Да, любая дура-баба может промыть почву, и даже журналист с тремя классами церковно-приходской школы. Идиотизм? Идиотизм!

Плохое управление коллективом меня всю жизнь раздражало. Хотя сам начальником становись!

Я был постоянно занят. Когда все возвращались с маршрута, ужинали и сидели у костра лениво переругиваясь (кто-то возможно, полагает, что уставшие геологи, возлежав вокруг костра, поют туристские песни; это не так), я продолжал трудиться. Помимо своей палатки, разбивал ещё и специальную, с плота перетаскивал рацию, анодные и катодные батареи (тяжёлые они, между прочим), проверял их пригодность, лазил по деревьям, натягивая антенну. Иногда долго - выбирая оптимальное направление на базу. Было уже темно, когда я располагался в радиопалатке, зажигал толстую стеариновую свечу (чтобы

она медленно горела натирал её мылом), включал рацию, настраивал частоты на приём и передачу, и начинал монотонно:

Е-ка-ка 24, е-ка-ка 24, я - Светлана, я - Светлана. Как слышите меня? Приём!

Е-ка-ка 24, е-ка-ка 24, я - Светлана, я - Светлана. Как слышите меня? Приём!

И так раз сто.

Наконец, приходил ответ. Устанавливалась связь, иногда хорошая, иногда нет.

Я звал начальство, или кого-то ещё, желающего пообщаться, прослушать телеграмму, пришедшую на его адрес, или прочесть письмо. (В Кербо письма доставлялись самолётом. Во времена были!)

Мне казалось, что эта моя деятельность заслуживает достойной оценки и мне полагаются какие-то льготы и снисхождение. Но члены экспедиции так не считали. Относились, как к явлению природы. Я мог принять меры, доказывающие, что это не так, но не стал. Не хотелось связываться. Тем временем физические процессы шли своим чередой. Батареи сели. Я позвал начальницу и продемонстрировал ей, что рация не включается, а даже искры нет. Рацию упаковал и забыл о ней. Стало легче жить. Но однажды ко мне обратилась Светка с просьбой выйти на связь. Нужно по зарез. Её муж где-то потерялся в заграницах, надо получить от него весть и решать, как жить дальше. Я был обижен и ничего бы делать не стал, ибо перед физическими законами я бессилен. Но Мишу я уважал, с ним много мы покуролесили по хребтам и ледникам Алтая. Поэтому я начал действовать. Клал анодную батарею на один камень и трескал по ней здоровым булыжником. Батарея сплющивалась. Катодные батареи варил в крепком рассоле. Потом, всё что было (а старых батарей у меня скопился большой ящик) включил по определённой схеме: что-то последовательно, что-то параллельно. И рация заработала! Светлана получила нужную информацию, я попутно узнал, что у меня дома всё в порядке. Вот теперь о рации можно забыть.

Утром был сильный туман, так что мы не очень твёрдо знали, куда мы плывём. А нам знать и не надо, река сама привезёт. Со временем прояснилось, временами даже солнышко выглядывало. Я, ловя кайф, валялся на спальнике, разглядывая облака. Они быстро бежали, хотя у нас тут внизу был абсолютный штиль. Плот практически стоял на месте. Я выбирал какую-нибудь тростинку у берега и смотрел, как она смещается относительно другой тростинки, стоящей за ней на некотором расстоянии. По Ельней я так задавал направления визиров. Движению было, но медленно, медленно. Так мы перемещались несколько часов.

В какой-то момент с очнулся от полусна и бросил взгляд на окрестности. Увиденное заставило меня немедленно вскочить и растолкать коллег. Вся местность впереди была ниже нас, причём существенно ниже: мы вроде, как на самолёте. По опыту Карелии я знал, что это значит. Сейчас мы покатымся в тартарары с неестественной скоростью. Хорошо, если без водопада. Хотя гарантии нет. Только я привёл грёб в рабочее состояние, как на левом берегу появился Бергер. Он покинул лодку и бежал к нам навстречу размахивая руками. На нём лица не было (что вообще-то для него не характерно). Было ясно, что он увидел нечто ужасное.

– К берегу, к берегу, к правому берегу, – кричал он, – разгружайтесь.

Хотя я отношусь к мнению приятеля скептически, но ввиду необычности ситуации мы послушались и вогнали плот, который было начал уже ускоряться, в правый берег.

Роковая ошибка. Надо было идти сразу, и не вдоль правого, а как раз левого берега. Конечно идти гружёным плотом, тем более косящим под подводную лодку, рискованно: Черпанём брёвнами за камни – разобьёмся. И груз потеряем, а это продукты, палатки, спальники, ружья, рация – много ещё чего. Решили не рисковать. Сняли с плота все вещи, но бочку с бензином оставили. Некогда её отвязывать. Пошли посмотреть. Река шириной 200–300 м суживалась до расстояния брошенного аркана. Река делала резкий поворот вправо, наваливаясь на стену каньона, подмывая её, так что скала нависала над рекой с отрицательным наклоном. Вода кипела, волны высотой под два метра, бились о высокие

скалы, торчащие, посреди воды, как зубы крокодила. Чувствовалось, что глубина здесь большая – несколько метров. Грохот стоял такой, что невозможно разговаривать. Противоположный берег был не материком, а островом. За ним находилась порожи́стая протока, по которой благополучно сплывали надувные лодки и катамаран. Для нас она интереса не представляла – мы бы не вписались по ширине. Нам надо идти тут, но держась левее. Шансы есть, но мало. Но не бросать же плот!



Вода в Таймуре вдруг закипела.

Я решил попытаться. Со мной пошёл один НН. Остальные отказались. Лишний адреналин им не нужен.

Мы стартовали. Бешено работая гребями, как вёслами, мы гнали плот к левому берегу. Но судно было слишком тяжёло для нас и к порогу мы были слишком близко.



Течение подхватило наше плавсредство и мы полетели со скоростью курьерского поезда. С задней гребью трудно справиться даже вдвоём, а сейчас моими усилиями плот становился боком к течению, что недопустимо. Я бросил попытки уйти под левый берег и направил плот по сливу. Запрыгали на волнах, но плот был осто́йчив и мы на ногах устояли. Летели прямо на гребень скал. НН бросил гребь, схватил шест и попытался отпихнуться от утёса. Шест соскользнул и НН с ним исчез в волнах. Я ещё успел пожалеть, что у него на голове нет стальной каски. И спасжилета тоже нет. Впрочем, как и у меня.

Я повис на гребни, как Страшила из сказки "Волшебник изумрудного города".

В последний момент я направил плот между двумя высокими скалами. И мы впритык, но прошли! Однако за скалами выступал небольшой камень. Я его раньше не видел. Теперь плот под углом 45о обрушился на него. И плот, прочный плот, изготовленный из огромных стволов лиственницы, разлетелся в щепки! По крайней мере мне так показалось. Твёрдая основа подо мной исчезла. Но я не стал купаться. Гребь застряла где-то между камней и я повис на ней, как на шесте. Как Страшила, набитое соломой чучело, мечтающее получить мозги, из сказки Волкова "Волшебник изумрудного города". Некоторое время я размышлял пуститься ли мне вплавь, или погодить. Решил подождать девочку Элли. Но прибежала не Элли, а Элла (будущая жена Румянцева, участница нашей экспедиции), вместе с мужиками, которые с десятой попытки накинули на меня аркан и вытащили на берег. НН тоже не пострадал: пронёсся километра три по реке, и вышел на отмель.

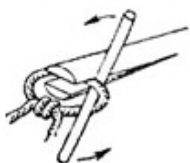
Пришлось строить новый плот. Теперь мне помогал весь отряд. Брёвен набралось всего 10, были они короче. Но ничего, сойдёт. Никаких стрел не делал, связал брёвна капроновым фалом, бывшим арканом. Всё же прорезал в брёвнах пазы, в которых утопил

петли (чтобы они не истирались о камни). Настил делать не стал. Гребь у нас осталась одна - та, что я спас (или она меня?!). Поэтому установил одну подгребницу и ту в упрощенном варианте: просто вертикальный столб с прорезью в торце. Я встал за гребь, коллеги вооружились шестами и мы поплыли. Дальше двигались уже без особых проблем.

Стягивание брёвен вицей и забивка клина



Скручивание вицы



На плоту делили матрицу на матрицу, а в палатке читал Спинозу. Шлихи мыть меня больше не заставляли. Начальство, видимо, что-то усвоило.

Брёвна второго плота я просто связал капроновым фалом.

Интересно, что в один прекрасный момент рыба исчезла. Полностью! Ушла куда-то в верховья. Такой подянки мы не ожидали. Пришлось перейти на грибы.

Где-то за два дня до прибытия в Кербо я испытал приступы недовольства и беспокойства. Экспедиция заканчивалась, пора о доме вспомнить. О жене, дочери, родителях, ну и о МГУ, будь он не ладен. Новый практикум придётся вести, надо подумать, что и как.

На стоянке извлёк рацию и стал колдовать над батареями. Что-то слегка улучшилось. Но на приём работает, а на передачу нет. Вскрыл я корпус рации и уставился на внутренности. Лампы, конденсаторы, сопротивления, электролиты. Хрен его знает, как это работает. Смотрел я пристально, впал в транс, как шаман, гипнотизируя схему. Потом вынул нож-кинжал и резким ударом перерубил какой-то провод. Две лампы погасли, но две продолжали гореть. И рация ожила! Я установил связь с базой. Здорово получилось!

Потом радист мне объяснил, что я отрубил систему стабилизации волны и усилитель. Они потребляют много энергии. Рация и без них работает. Плохо, но работает.

Я попросил прочитать, пришедшее мне письмо. Ида писала, что болеет, подозрение на воспаление мозга. Только этого и не хватало!

Впал в ажиотаж.

На следующий день, мы все трое взялись за шесты и погнали плот, как торпедную лодку. Волны плескались меж ног, скользили ноги в сапогах. Но мы стояли и работали, работали, работали. Два дня по 12 часов. Под вечер на большой скорости влетели мы в Кербо.

Тура

Нас весело приветствовали. Было интересно: погибли все в этой катастрофе, или кто выжил. Все живы - уже хорошо! Народ выловил наш разбитый плот и уже пустил его на дрова (с ними тут туго, всё, что вблизи растёт, давно вырубили). Бочка с бензином их так же порадовала. Знакомый радист попросил меня подарить ему второй плот. Я подарил. В Москву мне он не нужен. Тем самым я обидел пекаря. Он принёс мне свежее выпеченный хлеб. Очень вкусный. Я его два месяца не видел. Пояснил мне, что для выпечки нужны дрова, а я вот взял и весь плот отдал радисту, а тому от первого целых два бревна досталось. Ну, ребята! Я ваших порядков не знаю. Делите сами. По справедливости! Я – в отрубе! Плотов у меня нет.

Хуже было другое. Оказалось, что из Кербо выбраться невозможно: в радиусе 500 км сплошная тайга, дорог нет, аэродрома тоже. Вертолёт за нами рано или поздно придёт, но когда – неизвестно. Переговоры ещё не начались.

Нет, нет, нет, мы хотим сегодня, нет, нет, нет, мы хотим сейчас!

Я почему-то решил, что завтра улечу. Сдал рацию и пошёл собирать вещи.

Утром умывался в реке. Появился самолёт и начал кружить над нами. Он явно хотел приземлиться, но не знал куда и как. Я бросился на радиостанцию. Там никого не было, радист куда-то слинял (надо полагать, запил), но оборудование было включено. К

сожалению, я не знал частоту, на которой работает рация самолета. А они, похоже, не знали мою частоту. Связь не устанавливалась. Я начал медленно вращать ручку частоты передатчика, а в микрофон монотонно читать поэму «Евгений Онегин» (пригодилось-таки верхнее образование):

Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того ещё особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием в своих как добрых, так и дурных поступках, — следствие чувства превосходства, быть может мнимого. Из частного письма.

*Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,...*

- Стой! - раздалось в динамике - Не крути ручку, мы тебя сами найдём.

Я оставил ручку в покое, но продолжал читать:

*...Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, лёгких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.*

В резонанс мы в конце концов попали. Я прочитал по висевшему передо мной показометру направление, скорость ветра и температуру. Подсказал, где можно сесть. Самолёт успешно приземлился, как тот, что весной привёз нас. Он летал по каким-то своим делам в здешнем районе и его попросили забрать беременную тётку. Я, вообще, не знал, что такая среди нас есть. В благодарность за успешную посадку, меня тоже взяли на борт. Со мной решил лететь Румянцев и один местный мужик (культурно водочки попить). Нас было: 2 пилота (необычайно молодые парни, мне показалось, что им лет 16), и 6 пассажиров. Пошли на разгон, но передумали: взлётная полоса оказалась короткой.



Нажали на тормоза. Я улетел с кресла и больно стукнулся лбом о переборку. Самолёт стоял в воде, морда в реку, хвост в двух метрах от берега. Вышли в воду, вынесли роженицу. Схватились за хвост и вытащили аэроплан на сушу. Всё это молча: никто не издал ни звука. Не матерился и не командовал. Снова погрузились и взлетели. На этот раз успешно.

Тура расположена на мысу Нижней Тунгуски.

Шли над Таймурой. В нижнем течении у неё красивый каньон с мощным порогом. Этот порог не позволяет моторным лодкам и катерам подниматься по реке. Залог экологической безопасности местной территории. Достигли Нижней Тунгуски ("Угрюм река"). По сравнению с Таймурой река огромная. Внизу угольный рудник Кораблик. Вдали - Илимпейская тундра.

Вечером приземлились в Туре (здесь два аэродрома, сели на тот, что почти в посёлке).

Тура – посёлок, административный центр Эвенкийского района Красноярского края. Расположен в месте впадения реки Кочечум в Нижнюю Тунгуску. До прихода советской власти здесь было стойбище эвенков и единственная в округе купеческая лавка.

Советская власть в 1924 году купца немедленно выгнала, а лавку и товар конфисковала. Купеческая заимка стала центром администрации туземной волости.

Посёлок расположен на мысу, в плане - треугольник. Довольно большой, домов много, жителей тысячи три наберётся. Первые строители прибыли сюда в 1926, а датой основания считается 1927. В октябре 1927 года Туринская культбаза была официально

открыта. Первая культбаза на Крайнем Севере, ставшая очагом новой культуры эвенкийского народа.

На счёт новой культуры не знаю Темнело. На улице не было никого. Дорогу спросить не у кого. Мы направились к реке. Шли по центру улицы. Кругом сплошные высокие заборы, за ними крепкие избы. Пейзаж почище, чем в Кежме. Криминальная обстановка, похоже, здесь напряжённая. Ночевать никто не пустит. Относительно бандитов-грабителей я особо не опасался. По Батагайскому опыту знал, что если кто в одиночку идёт по улице ночью, то, значит, имеет на это право. У него под плащём ручной пулемёт, пара гранат, пистолет и финка. Откроет огонь без предупреждения. Ну его, пусть идёт...

Спустились к реке посмотреть нет ли парохода и баржи какой, чтобы на ней заночевать. Ничего не оказалось. Подивились очень быстрому течению в реке и пошли обратно, взбираясь на высокий берег. Прошли немного и увидели дом, стоящий без всякого забора. Огней нет, постучались, никто не ответил. Вошли. Пусто. Ну, будем здесь ночевать, решили мы. Расстелили на полу спальные. Стало темно, а спать не хотелось. Печка - дрова есть, чайник в наличии. Решили согреть чайку или хотя бы зажечь свечу. А спичек нет! Разошлись по посёлку в разные стороны. За продвижением каждого можно было судить по интенсивному лаю собак. Спички, однако, добыли. Попили чайку и завалились спать.

Заснуть не успели. Появились какие-то мужики и стали вносить вещи. Удалялись, видимо, к катеру у реки, и снова что-то тащили. Барахла у них было много. На нас никто не обращал внимания. Никто не спросил, кто мы, откуда и что мы тут делаем. Слова никто не сказал!

Когда они свою деятельность закончили, мы познакомились. Местные геологи закончили поле. И мы экспедицию кончили. Поэтому случаю они вскрыли ящик водки. За разговорами крепко напились. Закуси не было. Точнее было ведро варенья из брусники, сваренного без сахара. Редкая по силе кислятина. Им и закусили.

Утром болела голова и тошнило. Пора было врубаться в ситуацию. Она осложнялась тем, что у меня были деньги до дома, но в обрез. Румянцев же деньги отправил домой ещё из Кежмы. Теперь он был банкротом. Ему надо добраться хотя бы до Красноярска, где ждать перевод. Поступил я решительно - продал одному из геологов свои часы. Несколько удивило, что это не сделал Женя: лететь ему надо, к тому же у него часы - просто часы, а у меня - подарок отца. Ну, да ладно...

Переместились в аэропорт. Купили билеты до Красноярска. Сидим, головка бо-бо, полная расслабуха. Сел рейсовый самолёт. Подгялся галдёшь и толкотня. Бабки с детьми без очереди лезут. Мы индифферентны: чего спешить? Всех погрузят, сядем и мы. Билеты-то у нас есть. Но когда мы подошли к самолёту у нас перед носом захлопнули дверь. Самолёт перегружен, на следующем полетите. А следующий - через 3 дня. Ни хрена себе!

Посидев и слегка придя в себя стали бродить по лётному полю. Нам указали на один грузовой самолёт, который, кажется, собрался слетать в Красноярск. Мы подошли к нему, там никого не было. Чтобы на этот раз не упустить борт, улеглись в тени его крыла. И заснули, ночь ведь не спали, до рассвета квасили. Заснули крепко. Пробудились от сильнейшего ветра, поднятого пропеллерами. Самолёт начал движение. Мы рванули, как на стометровке и обогнали его, махая руками. Самолёт остановился. Нас запустили в него. Мы улеглись на груз и ночью прибыли в Красноярск. Там я должен был оставить Румянцева дожидаться второй части зарплаты, а сам лететь в Москву. Но Евгений неожиданно отказался оставаться. Я купил себе билет на самолёт, а остальные, вплоть до копейки отдал приятелю. Ему хватило на билет на поезд. В результате всех этих действий мы обиделись. Он потому, что я мог бы тоже ехать с ним на поезде и питаться за счёт разницы в стоимости билетов. А так его три дня подкармливали сердобольные тётки (интересно, кто ему мешал остаться с экспедицией и выбираться с Бергером и

остальными?) А я - потому, что у меня не было денег на метро, не то, что на такси. Зато был огромный тяжёлый рюкзак.

В Москве от Домодедова до Октябрьской площади меня довезли на такси случайные попутчики, с которыми я познакомился в самолёте. Дальше - пёхом. На рассвете строевым шагом с полной выкладкой пропер весь Ленинский проспект (от Октябрьского метро до улицы Новаторов). Дома никого не было, никто меня не ждал и не встречал. Немного посидел, достал из тумбочки деньги и поехал на дачу в Рассудово.

*__*__*

В полёте было время для подведения итогов.

Компания ЗК разваливается. Мы - разные: нет ничего, что связывает нас. Ещё 2 - 3 года и разбежимся во все стороны. Нас уже не соберёшь. Для всех (кроме меня) это - последняя экспедиция. Больше никто в такие игры играть не будет. Заматерели все. Я - продолжу, но уже не в качестве коллектора-рабочего. Я сам буду определять место, сроки и цель экспедиции. Сам буду находить источник финансирования и его размеры. Буду научным руководителем и мой отряд будет состоять из моих же студентов - аспирантов. Более того, командовать экспедицией, её формальным и неформальным руководителем буду тоже я. И обязательным членом экспедиции будет моя подруга.

С реками, озёрами, горами, тайгой и тундрой я знаком.

Пора на вулканы и в море! А там - и за границу.

Эвенкийские рассказы

Музыкальный работник

В Туру прилетели вечером. Гостиницы нет, пошли в город искать ночлег. Не тут-то было. На единственной улице вдоль Нижней Тунгуски сплошные заборы недостижимой высоты. Дома - крепости. На улицы окна не выходят, все постройки (и дом, и сарай, и скотный двор) - под одной крышей. Земли нет - дощатые полы. Огромные ворота, в которых маленькая калитка. Толстые бревна, не видно, не слышно. Мы систематически стучались дом за домом - ноль внимания. Ясно: режь кого на пороге, никто не выглянет. На улице пусто - рычание и лай волкодавов.

Услышали музыку, и пошли на нее. Детский сад. На лавочках под грибочками малыши, панамы комаров гоняют. В центре - баянист попури из мультфильмов наяривает. Изредка чья-то душа не выдерживает и пускается в пляс.

Заметив нас, баянист, здоровый мужик лет под пятьдесят, встал во весь гигантский рост и, раздвинув выводок, пошел навстречу.

— Здорово, москвичи! — определил он сразу по нашему угро-финскому аканью, — Ночевать негде? Айда ко мне: в тесноте, да не в обиде.

Мы последовали за музыкальным работником. Улица тянулась несколько километров. На отшибе стоял скособоченный домик без забора. Оттуда выскочил трехлетний пацан. Тут же он взлетел в воздух. Потом еще и еще. Обоим было весело.

— Счастье — это свобода!

На пороге встречала жена, лет двадцати. Нам она обрадовалась и по дому заметалась толстая коса с бантиком. Достали спирт, сели вечерять. Хозяин не пьет.

— Что мозги туманить, жизнь и так хороша. Смотрите — все ваше и наше, — он распростер руки, обнимая мир, — летать можно!

Мы, конечно, прикончили бутылку за его здоровье, и пошли спать: день был тяжелый, однако. Я лежал на полу (воняло помойное ведро в головах, монотонно капал умывальник), и думал:

— За что ж одним все: музыка, молодуха, сын. А другим ничего. Переночевать негде. Лишь перспектива мошку кормить.

Когда мы встали, Николай уже ушел на работу. Светлана накрывала завтрак и вся светилась затаенной радостью.

— Хороший у вас муж!

— Ой, мне так повезло! Он добрый и сильный. Меня взял не девушкой. Я поступать в Иркутск ездила, провалилась, загуляла, все отвернулись. А он взял и женился. Любит меня, уважает. Сын у нас. Жить только негде. Это мы временно здесь барствуем, а зимой — в овине, вместе с овцами. Жема сурова, нас не принимает. Николай ведь четырех убил: брата в драке, в лагере двоих и одного уже здесь. Ну, за этого оправдали. А так тридцать лет по лагерям и тюрьмам, считай - вся жизнь. Нервный он — даст кулаком, неси хоронить. Теперь детишек воспитывает. Музыке учит.

А счастлив! Будто сейчас родился...

Азимут

На геологическом факультете студентов учат, как ходить по тайге. Взял по компасу нужный угол (азимут), и иди по нему. При этом считай шаги (шаг должен быть заранее прокалиброван в метрах, где-нибудь на асфальте). Отсчитал нужное расстояние, нанес точку на карту, снова бери угол. Взял? Ну и шагай себе, считая шаги.

Как-то мы долго шатались по лесам-болотам с мотобуром. Устали и сели перекурить на краю большой поляны. Тут из леса выходят две наши подруги. Нас они не видят. Не до того! У них один компас на двоих. Глядят на него, не отрываясь, и дуэтом

считают шаги. До нас доносится: девятьсот тридцать один, девятьсот тридцать два, девятьсот тридцать три... А поляна, надо сказать вся сырая, вся в здоровенных кочках, заросших к тому же кедрачом. Поэтому один шаг - и дамы высоко на кочке, другой - и они по груди в воде. Длина шага также меняется. С трудом веришь калибровке...

В одном месте поляны собрались три густые елки. И, видать, компас показал прямо на них. Дамы вошли в контакт и исчезли. Раздавался треск сучьев. Наконец, удалось прорваться. И продолжалось: девятьсот сорок пять, девятьсот сорок шесть...

Не так ли и мы бродим по просторам науки?

Плато Путорана

От веянья чудес земля сойдет с ума,

И будут многие распяты

В.Набоков

Своя рука – владыка, Кирстен выбрал старый У-2 – им можно управлять с закрытыми глазами – и вылетел прогуляться. Внизу тянулось унылое редколесье и болота, болота, болота, ртуть озер, разводья рек - весь ассортимент сибирского Севера. Холодная сырость вечной мерзлоты. Постепенно набрал высоту, пересек Обь и пошел над недостроенной трассой Салехард - Дудинка. Вот уж где косточки русские и нерусские, что там дорога Петербург-Москва, товарищ Некрасов. Погулял бы ты по здешнему кладбищу! Земля вон не принимает, раздулась, выпихивает из себя инородное - рельсы, шпалы, скелеты и недурно сохранившиеся трупы.

Бесплодная страна с замороженной душой.

Да, но здесь – огромные запасы нефти, газа, драгметаллов, алмазов и много чего еще. Сейчас, считай, здесь людей нет. Но придут с Запада. Начнут, урча, вгрызаться в мерзлоту. ЗэКа будут гнить во имя светлого будущего и проклянут первооткрывателя - меня.

Олег взял круче к северу. Вдали за пеленой тумана проступал демонический пейзаж плато Путорана. Завораживающая картина первобытной красоты неприступных базальтовых обрывов. Полная изоляция от мира. Рыжеватая отвесная горная стена высотой в километр тянулась до горизонта, лишь в некоторых местах расступаясь, чтобы поместить в своей утробе большое озеро или выпустить на равнину могучий полноводный речной поток. Ущелья, каньоны, водопады. Тут десять тысяч озер, некоторые – глубиной до 500 метров. Узкие, как фиорды, в безлесных столовых горах. Самолет прошел над гигантским водопадом, высотой больше ста метров, окруженный сейчас ледяными стенами фантастического дизайна. Кое-где виднелись гнезда черного журавля. В небе парили кречеты и орланы – белохвосты. В других местах их уж не встретишь.

Самолет шел над долиной Ирkinда, когда машину повело влево, и она стала падать. Кирстен даванул на газ - ноль эффекта, перекрыл бензин - то же. Мотор работал ровно и на его действия не реагировал. Забавно! Самолет падал. Кто-то включил таинственный автопилот, запрограммированный на катастрофу. Прошили облака. Появилась земля и начала плавно приближаться.

Самолет падал.

Стало грустно. Всегда так: только стал мастером своего дела, только на что-то решился, как вмешивается потусторонняя сила и абзац! Бодливой корове Бог рог не дает.

По крутой траектории шли мы вниз. Кастыль машинально отмечал места, удобные для посадки. Они пролетали мимо. Мелькнули верховья Сольвы, Берува, Домадана и каких-то других речек, бегущих к устью Оби. А вот и развалы скал, с возвышающейся над ними горой Камень Большого Пояса. На большой скорости они врезались в ее северный склон.

ВСЁ!

...Тьма постепенно рассеивалась, сознание, не торопясь, возвращалось. Вылезти из кресла не удалось – нижнюю часть тела парализовало. Кастыль поднял голову. Отовсюду на него смотрели страшные морды языческих богов. Примитивные рожи, искренние в своей тупой свирепости. Скалящиеся лосиные головы, меж зубов которых торчат настороженные самострелы.

И тут он увидел ее.

Погруженная в легкую задумчивость, склонив голову и улыбаясь застенчивой улыбкой невинного дитя, придерживая рукой струящиеся вдоль обнаженного тела тяжелые волосы, она скользила над землей, едва прикасаясь к ней. Тонкое одухотворенное лицо полно затаенной печали. Созданная для радости, она горела каким-то болезненным внутренним огнем, надломленностью. Сияние любви покоряло неуютный мир холодной жестокости и тем спасало его.

Вот она – Сорни Эква, Золотая Баба – древнее божество вогулов. Угры похитили ее из горячего Рима в 410 году и привезли к себе на Север. Вот уже тысячелетие поклоняются ей манси. Сначала она гордо стояла на горе каменных идолов Маньпупнер, затем, спасая от православных проповедников, её перевезли на Двину, создав капище Юмалы, изнутри и снаружи выложенное золотом и алмазами. В конце концов, волхвы спрятали ее здесь, на правом берегу Оби, а, схоронив, убили себя.

Многие пытались познать её: и бандит Ермак, и викинг Торир Хунд, и святой Стефан Великопермский, и комсомольские активисты – никому не далась.

Мессия любви – сильнее Христа.

Теплое её тело манило. Хотелось прильнуть к нему и забыться в море добра и утешения. Для такой женщины можно сделать все.

Она и отвечала за все: за прошлое, настоящее, будущее. В ее утробе был ясно виден мальчик – её сын, в нём - ещё мальчик – её внук, в нём – девочка и т.д. и т.п. Уменьшающиеся люди парили друг в друге. Все разные: мальчики и девочки, белые и черные, умные и глупые – весь генофонд Земли, готовый к действию.

Гигантская матрешка - ты бессмертна!

Олег протянул руку, чтобы погреться в золотых лучах и сразу ему в плечо вонзилась стрела. Раздался громкий рев и завыванье. Захохотало и захрюкало.

Свидание закончено.

Кирстен ухватился за веревку, свисавшую из пробитого самолетом отверстия в скале и, оберегая плечо и, волоча непослушные ноги, начал выбираться из Рая.

Синильга – царица гномов

В студенческие годы я часто ездил в экспедиции, и после третьего курса увлек этим делом Валеру Жукова. К сожалению, мы оказались в разных отрядах: я бродил между Яной и Индигиркой, он – по Таймыру. Для меня это была самая тяжелая экспедиция из всех, случившихся до нее или после. Горела тайга, и мы метались, как загнанные звери: то сплавлялись по рекам, то, как орлы, отсиживались на скалах, украшая собой задымленный мир.

Неоднократно погибал, но выжил и, переполненный впечатлениями, летел в Москву.

Погода была плохая, и принимали нас лишь военные аэродромы: Магадан, Тикси, а потом и Хатанга. В Хатанге стоянку сократили, и я не успел сбежать в Управление и навести справки о Валере. С тем большим вниманием я прислушивался к разговорам новых пассажиров. Мне повезло, среди них находился главный геолог Таймыра – степенный бородатый мужик. Он сел рядом, и мы разговорились.

– Случайно не знаете судьбу отряда ИМГРЭ?

– А где он?

Я назвал цирк в районе гор Путорана.

– О! – сказал он, – район серьезный. Новостей нет, но они не скучают. Это точно.

Я попытался узнать подробности. Геолог усмехался, но не колочился. Собственно меня интересовало одно: когда они вернуться домой. Занятия начались, и можно представить, как лютуют полковники с военной кафедры.

– Все вертолеты сейчас на пожарах, так что придется им ждать до хорошего снега. Но ежели утомят местных, те вышлют их своим транспортом.

Утешил! Ежели на собаках, так Валера аккурат к зимней сессии в МГУ прибудет. Да и какие собаки-олени в безлюдке?!

Тем не менее, Валера появился в Москве в середине сентября. Встречал я его и его отряд в Шереметьеве. Ну, там шутки-прибаутки, приветствия, похлопывания. То - се, нервность встречи. Где багаж? Как погода? На чем выбирались? На вертолетах? Нет, на облаке, как обычно. Одни? Нет, Вацлав сопровождал. Гномы только грузили.

Я слушал, и челюсть у меня отвисала.

– В чем дело? - спросил я Валерия.

Но тот упорно молчал, глаза бегали, и весь он был какой-то дерганный, что ни как не походило на его обычную деловитую обстоятельность. Лишь через две недели, навестив его в больнице (куда он сходу залетел с воспалением почек), я узнал некоторые подробности.

Это была заурядная экспедиция. Все вполне традиционно: расположились лагерем в бывшем кратере вулкана, на берегу озера и ходили в радиальные маршруты. Приключения, конечно, были. Для начала Валера еще в Москве налил спирт в канистру из-под краски. Естественно, на месте ему пришлось принести себя в жертву и первым употребить ярко синюю жидкость. Во-вторых, в это время сравнительно недалеко - на Новой Земле - взорвали самую сильную и самую грязную водородную бомбу. Взорвали в крайне неудачных метеоусловиях. Облако высокорadioактивных осадков понесло на материк и накрыло обширную территорию. И их цирк, естественно. Несколько дней шел красный снег. Активность его была, по-видимому, высокой. Мы, например, в это время, будучи на тысячу километров восточней, четко регистрировали аномальное увеличение радиационного фона. У них, впрочем, дозиметра не было. Спасались они тем, что валили оленей, ели сырое мясо и пили свежую кровь. Не забывая о спирте - известном протекторе ионизационных излучений. Ну, малость, озверели. Однако это вряд ли повлияло на ситуацию. Хотя, кто знает?

В лагере стали происходить странные вещи. То кто-то вылакает бражку из тщательно охраняемого тазика, то ночью без всякой видимой причины рвутся растяжки палатки, и мужики долго барахтаются в море брезента, выбираясь наружу, то товарищ, блаженно вытянувшийся в спальнике, вдруг вылетает из него, приобретя импульс от мощного удара под зад. Что за дела? Мужики ходили злые, косо смотрели друг на друга, караулили каждый шаг.

Однажды Боря Золотарев, начальник партии, сидел на валуне в позе мыслителя и смотрел вдаль. Вдруг один конец веревки, на котором сушилось выстиранное белье, сам собой отвязался и начал бегать вокруг дерева. Вмиг Золотарев схватил огромный дрын и запустил его чуть пониже вихляющего кончика веревки.

Ай, ай, ай, сволочь какая!

В воздухе материализовался гном, потирая шишку на затылке. Колпак, делавший его невидимым, улетел в кусты.

– Чего швыряешься?

– А ты чего, старый хрен, хулиганишь?

– Уж пошутить нельзя?!

Старичок сверкнул нахальными глазками и медленно приблизился к начальнику. Протянув руку, представился:

– Вацлав, гном-изгнанник.

Неожиданно гном сиганул в кусты. За колпаком. Золотарев воспарил над ним, и они покатались по мхам - курумникам. Мужик при росте 60 см был примерно в два раза сильнее обычного человека. Но Боря не был обычным человеком: при росте метр девяносто он весил 120 кг и, главное, был действующим мастером спорта по самбо. Народ с интересом наблюдал борьбу престарелого Давида с молодым Голиафом. Долго тузили они друг друга. Наконец, Золотарев сказал:

– Все! Боевая ничья! Пошли чай пить.

С этого момента жизнь в лагере стала веселее. И интереснее...

Гном был импозантным, седобородым, загорелым мужчиной. Лицо, правда, на наш вкус довольно уродливо. Носил высокий красный колпак и синюю подпоясанную ремнем куртку. К поясу привязан мешок с инструментами. Несмотря на свои триста с хвостиком лет ужасно любил по-духариться. Обожал казарменные шутки. Он, например, вцеплялся в чей-то нос, и начинал бешено его крутить. Сам при этом оставался невидимым. Забавно было смотреть на вытаращенные глаза и дикие гримасы, без видимой причины сменяющие друг друга на лице товарища.

Посторонний решил бы, что он рос на конюшне, а не при дворе Рудольфа Второго.

Вечерами (если этот термин применим к легким сумеркам на фоне вечного дня), когда утомленный шурфами народ располагался вокруг костра, Вацлав без усталости травил анекдоты, главным образом из жизни Карла Четвертого и Никиты Хрущева. Говорил он с сильным чешским акцентом. По первичной специальности - астролог, сейчас – спец по нейтринной астрономии. Ему случалось путешествовать по антимирам, но он их не любил. Возможно – из-за отсутствия там пива, квашеной капусты, кнедликов и жареной свинины. Иногда он становился серьезным и тогда проповедовал католицизм, какого-то иезуитского оттенка. Огульно ругал Гуса, чешских братьев и Коменского. Впрочем, дал несколько полезных советов Золотареву по развитию метода математического планирования эксперимента в геологии. В результате удалось резко сократить, как число отбираемых проб, так и их общий вес, при росте информативности мониторинга.

Так что польза от общения все же была.

Дурные примеры - заразительны и, глядя на Вацлава, в лагерь потянулись и другие гномы. Если Вацлав был лесным гномом, то подавляющее большинство остальных относились к горным гномам, т.е. были они еще ниже ростом, безбороды и носили зеленые курточки. Чувствовалось, что в душе они - бабники и хулиганы. Верно, их характеризовал Даль: «В сущности, гномы неплохие ребята, только вот несколько угрюмы и способны порой на злую шутку». Но сейчас они вели себя вежливо и корректно. На то были свои причины. Глобальные, региональные и локальные.

На Таймыр гномы прибыли с Енисея сравнительно недавно. Когда-то они жили в Европе и оставили там заметный след. По уставу общины, если люди к ним хорошо относятся, гномы в благодарность должны им помогать, в первую очередь - по хозяйству. Вот они и вступали в дела людей. Естественно, если ты находишься на существенно более высокой ступени развития, располагаешь продвинутой техникой и технологией и к тому же умеешь предсказывать будущее, трудно удержаться, чтобы не вмешаться и не попытаться что-то улучшить или чему-то плохому помешать. Однако все попытки сделать добро приводили к противоположному эффекту: зло разрасталось, причем как следствие добрых советов гномов. Постоянно люди платили гномам черной неблагодарностью. Наглядный пример – процесс рыцарей-тамплиеров.

По тому же уставу, если люди предали гномов, они должны уйти из региона. Так постепенно, постепенно они покинули цивилизованные страны и удалились в безлюдные просторы Сибири и Севера. Развитие науки, техники, экономики не привели к перерождению человека в разумное существо. Осталось ждать, пока человек сам дойдет до нужной кондиции и сам установит справедливую социально-экономическую систему, не говоря уж о науке и технике. На совете Верховной Управы было решено прекратить вмешательства в дела человека. Но, как всегда, нашлись диссиденты, типа Вацлава, так и

норовящие войти в контакт с кем-либо, хотя бы для того, чтобы покрутить ему нос. Таких гонят из общины, и они живут самостоятельно.

Как в былые времена, смысл общинной жизни - следить, все ли в порядке в их «епархии»: в лесу, на ферме, на мельнице. Обитают под землей, вместе со своими сокровищами - драгоценными камнями и металлами. Как и прежде похищают красивых девушек. А потом сами же бегут к бабкам-повитухам и щедро одаривают их золотом, если исход родов был удачным.

Как известно, до появления гомо сапиенса на Земле уже существовала высокоразвитая цивилизация, которая, в конце концов, сама себя извела. Она уже овладела синтезом белка и прочих нуклеиновых кислот, а также методами расшифровки информационных кодов конкретной личности. Это позволило создать оптимальный для условий Земли организм, названный впоследствии гномом. Это - сильный мужчина с крепко сбитым телом. Невысокого роста, с малыми потребностями в еде и питье. Лицо и одежда стандартные, что делает их весьма похожими друг на друга. Клетки такой системы постоянно обновляются, поэтому тело гнома существует достаточно долго, и он практически бессмертен (Если не считать гибели от внешних причин: пожаров, извержений вулканов, испытаний ядерного оружия и т.п.). Популяция гномов постоянно пополняется, но перенаселения планеты гномами не грозит. Причина – в тщательно разработанной системе отбора. Гномы внимательно следят за живущими людьми. Во всех странах и континентах. Оценивают их интеллект и намечают кандидатов. Кандидатуры обсуждает специальная комиссия. Предпочтение отдается лицам, способным создать нечто принципиально новое (хотя праведников тоже не забывают). Дальнейшее - дело техники: в момент смерти человека, оказавшийся рядом гном считывает из его мозга всю необходимую информацию и переносит интеллект на новый носитель - в компьютер или заранее приготовленное тело.

При переселении человека из реального мира в компьютерную программу сознание человека и психику полностью, без малейших купюр, записывают на микрочип. Человек начинает жить виртуально. Иногда – вечно, (тогда он живет и общается с себе подобными в компьютерных сетях), иногда – некоторый срок, пока ему подыскивается подходящее биологическое тело. Раньше гномы выполняли индивидуальные заказы – переселяли людей по их просьбе в тела животных, например, волков; теперь это запрещено. Переселение, кстати, может происходить неоднократно – тела можно менять.

Предлагаемое «переселенцу» стандартное тело менее энергоемко и мощнее любого человеческого. Оно способно активно самовосстанавливаться, т.е. травмоустойчиво и практически бессмертно. При необходимости оно становится невидимым. Многие системы детектирования (оптические, звуковые, обонятельные и т.п.) модернизированы с целью расширения диапазона регистрируемых величин. В тело естественным образом встроены дополнительные сенсорные датчики, позволяющие ориентироваться в радиоволнах, полях ионизирующего излучения, биологических полях. Поэтому гномы без особого труда читают мысли людей на расстоянии. Питаются они искусственной пищей (белковыми растворами), но при случае метут все не хуже человека. И водку пьют.

После смерти человек продолжает свое существование, но в ином обличье. Некоторым это даже нравится, хотя большинство поначалу сильно возмущены. Особенно негодуют баскетболисты. Возмущаются и индивидуалисты, не привыкшие жить в общине. Иногда сердятся женщины, неожиданно став мужчинами и перестав рожать. Но постепенно привыкают, вникают в накопленный цивилизацией гномов опыт и начинают создавать новые ценности. Так осуществляется прогресс и развитие. Среди гномов по-прежнему активны Архимед, Аристотель и Пифагор, Леонардо и Босх, Ньютон и Эйнштейн, Мария Кюри и Цветаева, Гете и Окуджава, Бетховен и Моцарт. Недавно прибыл Ландау. Ленину, посовещавшись, отказали, Сталина – не рассматривали.

Очень важно, что гном снова может стать человеком лишь в том случае, если жена признает его и примет в постель в том виде, в каком он есть теперь.

Уже давно гномы разобрались в законах природы, в которых человек бредет, как в потемках. Овладев антигравитацией, они, оседлав подходящее облако, лихо перемещаются в пространстве, образуя неопознанные летающие объекты. Уфологи приписывают их к космическим пришельцам. Зря! Это все наше, земное. Надев колпак, они становятся невидимыми. Поэтому, хотя командированные гномы всегда среди людей (одна цивилизация буквально пронизывает другую), мы их не замечаем. А они нас замечают, но не трогают. Иногда, правда, вытворяют с нами дурные шутки, когда им совсем уж скучно в нашем убожестве.

Впрочем, среди людей всегда есть сверхчувствительные натуры, которые ощущают себя под постоянным наблюдением внешней силы. Именно они генерируют идеи Бога, ангелов и чертей, ноосферы. Они знают о гномах, но особо не болтают – запрещено.

Здесь все довольно просто: гномы ждут естественного конца нынешней цивилизации и слегка стимулируют зарождение новой.

Имея гигантские достижения в науке, технике, искусстве, они консервативны в общественном устройстве. Политический строй подчиняется уставу Ордена Тамплиеров. Возглавляет общину Великий Магистр. (Некоторые считают главой гномов Вия, но это они зря). Все они - рьяные католики и ревностно соблюдают христианские ритуалы. Владеют любым языком, но предпочитают общаться по-латыни. Иногда они помогают своим будущим коллегам еще при жизни тех в нашем мире. Так, Коперник написал перед смертью свою известную книгу по материалам, предоставленным ему как раз Вацлавом. Гномы делились информацией с Эйнштейном и Ландау, Центральную Библиотеку Сеттлеров (*settler* – переселенец) посещали такие писатели и поэты: как Одоевский, Гумилев, Фейхтвангер, Окуджава и многие другие.

Не бродяги, не пропойцы.

За столом семи морей,

Вы пропойте, вы пропойте.

Славу женщине моей

И далее:

Просто мы на крыльях носим,

То, что носят на руках

Таймыр испокон века называли Столом Семи Морей, с подъемом на крыльях тоже ясно, а вот с женщиной – сложнее.

Гномы – интеллектуалы (по крайней мере, считались такими в первой жизни), следовательно – необычайно капризны и требовательны. Мира-согласия между ними нет и быть не может. Поэтому они постоянно нуждаются в сильной руководящей руке, которой могли бы подчиняться с радостью и добровольно. Такой властью никакой Магистр обладать не может. Поклоняются они женщине. Когда жили на Западе – это была Белоснежка, а здесь, в Сибири – Синильга (Этимология та же, но язык тунгусский). Гномы истово служат ей, впрочем, как и многие люди, ибо мало кто может устоять против чар красавицы-шаманки.

Сотрудничество гномов с Синильгой взаимовыгодно. Синильга позволила им обитать под землей (весьма богатой металлами и камнями) на своей территории и, главное, – защитила от троллей – вечных врагов гномов. Тролли – остатки ещё более древней цивилизации, чем гномы. Мерзкие твари, доложу я вам: тупые, примитивные, недоверчивые и злобные. Живут, как правило, на севере: в Норвегии, Швеции, Финляндии. В России троллей можно встретить в окрестностях Воркуты. Их отвратительный облик сразу не опишешь: нос огромный, как перезрелый огурец, уши как у летучей мыши, когтистые лапы, волосатое тело, крысиный хвост. Кроме того, они отвратительно пахнут. Тролли невероятно сильны и быстро бегают. Любимое развлечение – наворовать (у людей или у запасливых горных гномов) кучу золота и драгоценных камней и часами перебирать их. Гномы от них сильно страдали, но Синильга наказала троллей, и они теперь опасаются приближаться к её владениям.

Синильга – баба весьма до секса охочая – также оказалась в выигрыше. Естественно, что недостатка партнеров у нее нет: каждый гном считает за честь удовлетворить ее, но все же они малы. Непростительно малы. Синильга, конечно, при необходимости может увеличивать свой рост (и все другие параметры тела) в три-четыре раза, но уменьшить его меньше роста Венеры не способна. Ну, а гном – треть ее же. Дискомфорт! Поэтому у гномов постоянная забота: найти подходящих мужиков для удовлетворения любимого идола. В награду они знакомят волонтеров с достижениями своей цивилизации, а некоторым гарантируют превращение в гномов. Многие охотно соглашались, тем более что Синильга в сексе великолепна, активно использует весь арсенал поз и приемов. Она знает, как мужику сделать хорошо. Но есть проблема. Тело ее холодно, как лед. Температура никогда не поднимается выше нуля (Все же она не Снегурочка, чтобы от любви таять). Многих это сбивает с настроения, а некоторые, успешно преодолевшие психический стресс, гибнут от переохлаждения.

Так что забот у гномов много. Не все так просто с продвинутой Цивилизацией.

Но вернемся к геологам.

Первым на свидание с Синильгой пошел Боря Золотарев. Все ж начальник, да и мужик здоровый. Здоровый- то здоровый, но ведь комплексом Приапа не страдал и постоянной эрекцией, как Казанова, не обладал. А тут такая задача. Вы снежную бабу трахали? То-то же! Хоть и «моржом» был, но на всякий случай подстраховался. Вколлот себе в член простагландин, тот встал во всю мощь и сутки продержался. И какие сутки! Партнеры они достойные: несколько землетрясений пронеслось по планете, а одно – катастрофическое. Тайга загорелась, и водородная бомба рванула, не долетев до земли. Оргазм мощный, тем более – обоюдный.

В целом, обоим понравилось, и Боря остался на всю неделю. Приспособился без медицинских хитростей. Кайф, как от прыжков после бани в горную речку. Уже сам хотел ее и любил бескорыстно. Но устал и был отпущен.

Провели его по выставке достижений, да по лабораториям. Много чего показали. Например, прозрачный глобус, наглядно отражающий расположение геологических слоев и места залегания полезных ископаемых. Потом он получил много премий, защитил докторскую диссертацию, стал академиком. (Дело было давно, сейчас он уже сам – гном). Очень ему понравился цветной дисплей объемного изображения, на котором упражнялся Ньютон. На экране развивался процесс многомерной миграции какой-то субстанции.

Поговорить, однако, не удалось – Исаак не в духе бродил по лаборатории и напевал:

Трудно жить на свете пионеру Пете:

Бьет его по роже пионер Сережа!

Вторым выбрали Валерия. Синильгу он уже видел: красавица-тунгуска ночью вставала из могилы и пошаливала в тайге. Обожала всех пугать. Вот и Валеру раз пуганула: ночью вокруг него залетали два горячих угля, как пара волчьих глаз. Зато другой раз, ударила ладонь в ладонь – вся в красном, в бисере – извивно закрутилась в удалом танце, так что от ее черной косы вихрь-смерчь образовался и ушел все громить на Дудинку. Да и ночью во сне она к нему являлась вся красная на фоне красной земли и красного неба: «Бойе, друг, обними меня! Ну, крепче, крепче!»

Понравилась ему Синильга: и отдающий слегка синевой белый цвет ее кожи, и густые черные волосы до пят, сами собой собирающиеся в толстую косу и сами собой распускающиеся, и недоступная смертным манера менять цвет глаз. Но вечером, когда за ним подали облако, он вдруг испугался. Как недоучка-студент – экзамена. Стыдно признаться, но он был девственником, смутно представляя устройство женщины и способы обращения с ней. Тем более со зрелой теткой. Холод заранее сковал его тело. Он забился в палатке под кучу пологов-тенгов, в надежде, что не заметят. Смешно!

Попытка увильнуть сильно озлила гномов. Валеру вытащили на свет. Затрещал спальник.

– Кастрируй его! – раздался клич.

Гномы, как дикари, размахивая серпами, заплясали вокруг палатки. Раздался пронзительный свист.

Нечеловеческим усилием Валерий вырвался и, в чем мать родила, помчался вверх по стенке кара. На вершине вулкана ему дорогу преградил Великий Магистр. За ним – строй факельщиков. Магистр протянул Пчелкину прозрачную глыбу горного хрусталя. В ней Валера узнал себя. Голова стала стареть, седеть, лысеть и вот остался один череп. Его череп.

– Нет! Нет! – закричал он, – только не я! Возьмите другого: Борю, Кастыля, любых корректоров. Но не меня, не меня!

Он зашептал молитву «Отче наш». И прочёл её всю, хотя раньше никогда не слышал. Затем рухнул без сознания.

Утром он проснулся в палатке. Больше его не трогали.

Гномы ушли.

После возвращения в Москву он много болел, переживал, но потом зажил обычной жизнью мнс при МГУ. Женился на даме, что поверила в его рассказы. Родил двух сыновей. Зарабатывает на шабашках хорошие деньги. Но что-то не дает ему покоя. Бывает, что среди бела дня он все бросает и куда-то бежит с остекленевшими глазами. Ученого из него не вышло. Пьёт всё больше и больше. Седой в 40 лет, бродит по факультету в поисках ста граммов спирта. Хочет занять.

И обещает отдать.

Банкет

Не хорошо быть человеку одному.

Из Библии

В юности я как-то долго бродил по Туруханскому краю и тогда же простился с ним. Однако в эпоху моей поздней зрелости судьба снова привела сюда. В факторию Кербо прибыл я на маленьком самолете, доисторической конструкции. Остатки красной краски на борту свидетельствовали, что в советские времена он служил в полярной авиации. А где они, эти времена советские? То-то и оно...

Тем не менее, он меня не выронил в пути и довольно бережно опустил на гальку стрелки Таймуры и Ороя, прямо у тропы, карабкающейся по крутому склону к домам. Когда-то фактория была большим поселком, нанесенным на все карты. В нем было четыре дома! Теперь жилой дом остался один, правда, большой – с двумя отдельными входами. В нем жили две семьи, враждующие и мирясь. Остальные зимники были разобраны на дрова: фактория старая, тайга вокруг изведена полвека назад. Стоял пока склад, радиорубка, метеостанция и баня, но чувствовалось – скоро и им конец.

Сейчас женщины-дети отсутствовали – свалили на лето на материк. Так что аборигенами служили два мужика – метеоролог Виктор и радист Андрей. За долгие годы совместного существования надоели они друг другу предельно, так что два года, как друг с другом не разговаривали. Но встреча есть встреча – не каждый день бывает, тем более я привез 10-литровую канистру спирта питьевого. Впятером (добавились два летчика – пацаны лет по 17-ти) мы его и употребили. Не сразу – три дня гуляли. Последствия были: один летчик впал в кому, его без сознания отнесли в самолет, Виктора прохватила цирроз печени – его отнесли туда же, а Андрей заявил, что хочет лаquerнуть сухеньким, сам взобрался на борт с целью прогулки по Туре – столице Эвенкийского края. Я посадил в кабину оставшегося пилота, убрал приставную лесенку, крутанул винт – и они улетели, качая крыльями и ныряя на американских горках.

А я остался один. Это если считать людей. А если расширить фауну, то в наличии были другие постоянные обитатели фактории Кербо: мерин Сармат и собака Витим. Нам предстояла работа, летчики обещали вернуться за мной через месяц. Если я и/или они доживут, естественно....

Поблевав, поспав, снова поблевав, стал я собираться в путь. Головка, однако, бо-бо. Сильно бо-бо. И опохмелиться нечем – выпили все до последней капли. А рассола здесь не держат. Бродил, как в тумане. Но до радиорубки добрался, рацию образца 1945 года включил, отбил начальству телеграмму, дескать все в порядке, экспедиция началась. Азбуку Морзе подзабыл, ключом стучал с перебоями, но справился - дядя Федя на базе меня как-то понял. Я же продолжал страдать. Даже ночью...

Зато дам своих, что из Москвы меня выперли, слегка подзабыл.

Утром встал, заседлал Сармата, слегка его навьючив, свистнул Витима, и мы тронулись в путь. Уныло тронулись...

Встав спиной к речке, полезли из долины. Долина широкая – до перевала далеко, хорошо хоть не круто. Дорога, если оттаявшую мерзлоту, скопление грязи и луж, можно назвать этим гордым именем, шла по степи. Степи в этих краях, конечно, не водятся, но человек – животное дурное – вырубил все леса в округе, а что не вырубил – спалил. Так что простор широкий, точно как в степи, или в тундре, что еще точнее. Солнце светило ярко, а что ему еще делать? Оно на этих широтах в это время, считай, не заходит. Светит себе и светит, жару предрекая. туруханскую жару.

Думаете, ехидничаю, сейчас скажу - +3°C. Сибирь-то – страна холодная. А +33 не хотите?! Ну, может не столько, но под тридцать днем будет, не меньше. Вполне жарко, доложу я вам. Раздеться бы... Но об раздеться не может быть и речи – тучи, тучи комаров (и мошки) вьются вокруг нас. На мне – сапоги, двое штанов, рубашка, энцефалитка и штормовка сверху. Все завязано-застегнуто. На голове – кепка и сетка Павловского, диметилфталатом пропитанная. В одной руке камча, для вразумления своего мерина, а в другой – веник багульника для рассеяния москитной нечисти. Сармат и Витим интенсивно машут хвостами вокруг задов, а я веником – вокруг морды (своей). Все мы серы – масти не различишь.

Потеет и чешемся. И травить что-то тянет. Меня и Витима. Тот еще алкоголик, нажрался вчера, как свинья. А еще лайка! Знатным охотником был когда-то, а теперь, вон, еле трусит сзади. Тунядец! Сармат же ничего, вполне бодр. И он выпить не дурак, но ему не дали – забыли! А не пасись вдалеке, когда гость прилетает! Хочешь выпить – приходи, подели компанию. А не хочешь – не приходи, но тогда и не дуйся и не матерись на свою жизнь окаянную. Спасибо скажи, что без похмельного синдрома обошелся. Нам бы так!

Дорога пошла в гору и начала сужаться, превращаясь в тропу. Появились деревья, обещая восстановить прежнюю тайгу. Что ж, лет через 200 тут снова будут леса, если человек отсюда уберется, естественно. Ехал я шагом, торопиться некуда, да трудности пса-алкоголика учесть надо. Часа через два взобрались мы на водораздел и стали спускаться в очередную долину. Тропа петляла уже по тайге, настоящей тайге. Тонкие столетние лиственницы стояли, плотно прижавшись друг к другу, закрывая вид на окрестности. Неважно, дорогу я знал.

Гадкая пара жара-комары донимала нещадно. Но мы не останавливались, продолжали движение. Еще через пару часов вышли к речке – 3-ей Безымянной, если верить карте. Мы с Витимом бросились утолять жажду. Сармат тоже хотел, но я посадил его на аркан вдали от воды – ему нельзя, пусть остынет. Поостыли, попили, помедитировали, пора в путь, однако. Но моста нет, еще не построили как-то. Речка может для кого и не широкая, но метров сто будет, течение быстрое, а вода – холодная. Как ни крути, а препятствие. Мерин с псом, может, и переплывут, а я?! Лодки-то нет!

От судьбы не уйдешь – начнем переправу.

Поплыву в одежде, чтоб не замерзнуть. Снял сапоги, считай, разделся. Радиометр, фотоаппарат, патроны, спички засунул в спальник, а его - в резиновый мешок. Взял в руки ружье и вошел в воду.

Покрутил над головой палкой, привлекая внимание пса, и кинул ее далеко в реку. Витим посмотрел на меня, как на идиота, нервно зевнул, дыхнул перегаром и отвернулся.

Тогда пригласил купаться Сармата. Но тоже не на дурака напал. Коняга упирался, и как я не тянул его за уздечку, он пятился, скакал вдоль берега, к воде не приближаясь. Пришлось вскочить в седло и скакать галопом вдоль берега. В какой-то момент я сжал Сармата ногами, круто повернул его поперек тропы, креня на бок. Мы свалились с небольшого обрыва и поплыли на тот берег. Ледяная вода стала проникать под одежду, впрочем, постепенно согреваясь. Руки у меня были заняты, одной рукой я держался за седло, а другой высоко в небо вздымал ружье. Не хватало еще его замочить. Самостоятельно я плыть не мог, лишь дрыгал ногами. Для поддержания осанки. Лежа на боку, мерин отчаянно колотил копытами, я держался от него вверх по течению, а то заденет – убьет. По берегу взад-вперед с печальным лаем носился Витим, ни купаться, ни тем более выгребать самому ему не хотелось. Но куда ты, сачок, денешься?! Пес взвыл благим матом, и – была – не была – сиганул за нами. Шел он классно – кролем, все же лайка солидная, неудобно как-то по-собачьи, не дама чай на сочинском взморье.

Течение сносило нас сильно, но мы продвигались вперед. Одежда постепенно набухла, стесняла движение, тянула на дно. Руки устали, особенно та, что с ружьем. На каком-то повороте мы вылетели на порог, довольно крутая волна накрыла нас с головой, мы нырнули. Опасное дело, вода в уши коня попадет – утонет. Я выпустил седло, схватился за гриву и выдернул голову Сармата из воды. Тот активно замолотил ногами. На очередном повороте нас выкинуло на дресву. Переплыли! Мимо нас пронесло Витима. Через километр он тоже выбрался на берег и с лаем (теперь – веселым) присоединился к нам. Мы встали в кружок и активно затряслись, сбрасывая воду.

Глянул я на своих спутников и обомлел: мы приобрели масть!

Я из серого немецкого солдата превратился во французского гренадера: седые волосы, зеленая штормовка, синие брюки и черные сапоги.

Витим из серого волка превратился в пса с выставки служебного собаководства. Порода – восточно-сибирская лайка (если кто скажет, что такой нет, что в каждом поселке – своя порода, не верьте – есть, причем с общим стандартом) – сухой крепкий тип конституции, жестокий и мощный корпус. Рост – выше среднего (где-то 60 см), вес – килограммов 20. То, что надо: был бы ниже – мелковат для медвежатника, выше – уставать будет, да и не прокормить его в тайге, пожалуй. Когда-то Витим олицетворял собой крепость, силу и неутомимость. Теперь поистаскался малость, да и споили гады. Окрас пегий – темно-коричневый, почти бурый с белыми отметинами. Шерсть длинная, бархатистая, волос жесткий, грубый и густой, подшерсток плотный и мягкий. Постиранный, пес выглядел пышно одетым царедворцем, с воротником (муфтой) и баками. Хвост – спираль в два оборота, загнут на спину и обильно опушен прямым жестким волосом. Хорошо развитая мускулатура. Не маламут, конечно, но все же...

Большое дело – помыться и опохмелиться!

Что-то в Витиме напоминало волка. Особенно уши – стоячие, высоко поставленные, подвижные, в форме вытянутого треугольника. Хороший признак – «остроухие» собаки способны выжить в любых условиях. Миндалевидные карие глаза, с резко косым разрезом век. Белые, крупные хорошо развитые зубы.

Конечно лайка – не волк, у того хвост – поленом. Ну, так известно, что при одомашнивании животных хвосты у них начинают закручиваться. Пример – лисицы. Достаточно нескольких поколений, живущих рядом с человеком, чтобы уши повисли, хвосты начали закручиваться, а потом хвост свернулся в два оборота.

Сармат тоже выглядел молодцом: помытый, он предстал классическим образцом якутской породы. К зиме готов? Всегда готов! Шерсть длиной сантиметров 15, да пуховой подшерсток. Поди плохо! Лошадь хоть и низкоросла, 140 см, но вынослива, за день проходит 100 км при грузе 100 кг на спине. Из осла он стал савраской, можно даже сказать – кауркой, ибо блеклый оттенок его корпуса и головы отдавал рыжиной. Украшал его темный ремень по хребту.

Умываться чаще надо, ребята!

Увы! Надолго нас не хватило. Налетела туча комаров-мошки, и мы снова окрасились в мышинные тона.

Переправа нас, однако, взбудрила. Сармат часто переходил с шага на рысь и однажды даже прошелся легким галопом. Витим шел стандартным рабочим ходом - широкой ускоренной рысью, перемежающейся с галопом.

Пес явно проголодался и, не рассчитывая на меня (и правильно - каюры собак не кормят: собака животное умное, сама себе найдет пропитание), охотился на все, что бегают, летает и ползает. Охотничий инстинкт мощный, ориентация прекрасна – он всегда знал, где находится сам, где - караван и где этот караван будет через какое-то время (чтобы самому оказаться в той же точке пространства, в тот же момент).

У разных пород собак разное отношение к охоте. Для легавой охота – страсть, сильнейшее желание, когда забываешь все, рискуешь всем, даже свое жизнью. Но страсть не длится долго. Для лайки охота – вся жизнь, других интересов у нее нет. К процессу она относится спокойно-рассудительно, но не прерывает его нигде и никогда (даже на улицах Москвы). Поиск и преследование она ведет сама, полагаясь лишь на себя, не оглядываясь на хозяина и не чувствуя себя потерянной. Сейчас, после нескольких часов самостоятельной жизни, Витим понимал, что он идет с караваном, а это - не лучшее время для охоты. Но и о пище телесной никак нельзя забывать. Поэтому он реализовывал две тактики: для себя и для общества. По единоличной он молча преследовал и молча ловил все, что сгодится в пищу – мышей, сусликов, евражек, бурундуков, зазевавшихся белок и даже птичек. Так что себя он вполне удовлетворял, но и о хозяине не забывал (и о собственном ужине с вареной дичью, тоже). В общественном варианте, он разыскивал что-то стоящее и ему трудно доступное, например, тетерева на дереве, облаивал его, всячески привлекая внимание к себе и одновременно сигнализируя мне. Так он держал добычу до моего прибытия, я появлялся и ружьем ставил точку в охоте. Если же добыча ускользала, Витим молча преследовал ее и, обнаружив и задержав, снова облаивал мечту. Собственно из-за такого стиля работы лайку лайкой и прозвали.

Конечно для пса дичь – второстепенная добыча, зверовой след увлекал его сильнее, но он понимал, что сейчас хозяин вряд ли рванет за медведем, лосем или кабаном. Поэтому шел по дичи. Вполне успешно: Сармат с боков обвешан гусями, рябчиками и купалухами - везет наш ужин.

Была почти полночь, когда мы достигли зимника, что расположился на небольшом обрыве у старицы. Тут мы и стали жить.

Утром встретились снова. Вроде все хорошо, все сыты, работать только мне, да и то – померить радиоактивность местных ключей – плевое дело. Погода хорошая – считай курорт. Но чего-то не хватало. Своим хвостом мне пытался передать идею Витим, Сармат вторил ему, монотонно кивая головой: вверх-вниз, вверх-вниз. Я прислушался к ним, прислушался к себе и понял: пора гнать самогонку! Душа горит, душа болит...

Вот гарем мой, меня сюда забросивший, опять привиделся, и тетки все злые какие-то. Эгоистки! Чего злиться? Шеф (равно как режиссер или тренер) – достояние общественное. Он всем принадлежит, все могут им пользоваться, в том числе и новая аспирантка. Тем более – умная и симпатичная. Нет! В штыки приняли, свару затеяли, на людей бросаются?! Да пошли вы... Сидите дома, а я здесь погуляю. Дуры набитые!

Чтобы выпить, нужен спирт. Или спиртосодержащая жидкость, как минимум...

Вы скажете: нет проблем! Любая бабка может гнать. Три класса школы ей не помеха. А у тебя - верхнее химическое образование. Ты ведь свойства спиртов проходил, возможно – мимо, тогда другое дело.

Химию я знаю, но! Химия – в Москве, а проблема здесь.

Вопрос: из чего народ гонит самогон? Ответ: из картофеля, зерна, свеклы, сахара.

Вопрос: что главный компонент бражки? Ответ: солод (проросшие зерна ячменя) и дрожжи.

Последний вопрос: а у меня есть что-то из перечисленного? Нет у меня ничего из вышеперечисленного. С кедрача дрожжи не падают.

Так что подумать надо.

Я предался размышленьям.

Собственно дрожжи – агент среднерусской равнины, Кавказ как-то обходится без них. Равно как и без солода. Чача пару тысяч лет известна. Правда, у них там чернослив с виноградом, у нас здесь они не растут почему-то. Но ягоды-то есть и не сказать, что мало видов: морошка, черника-голубика, черная смородина, жимолость, даже малина. Сахар в них есть. Неужто бродить не станут, ежели на солнышке?!

Пошли мы с Витимом собирать ягоду-малину. Я сидел на корточках, он – охранял. Собирал в основном голубику да прошлогоднюю морошку. Иногда попадались кусты черной смородины, прекрасной черной смородины, с ягодами, крупней, чем у садовой. Параллельно мы охотились на гусей, которые в изобилии плавали в старице. Они линяли и почти не летали, мы отстреливали их немного, чтобы покушать. Ну и наукой я занимался, естественно: положу на глину радиометр, включу его и ухажу, статистика набирается часа два, так что время есть.

Трудился я самозабвенно, и через три дня у меня уже было восемь ведер ягод разного вида. Мерно, как крестьянская девушка, собирал я ягоды, каждую третью отправляя в рот – витамины ведь, а то цингу схватишь, когда вдали раздался залиvistый лай. Я собрал манатки и пошел выяснять обстановку, хотя уже по ярости завываний уяснил – Витим нашел, что искал – медведя.

А на фига он нам? Мы ж делом заняты.

Я вышел на прогалину и застал классическую картину – лайка и медведь. Пес носился вокруг медведя, как электрон вокруг ядра, не забывая переходить с орбиты на орбиту и вертеться вокруг собственной оси (спин называется). Картина была трехмерной – в отдельные моменты Витим витал в воздухе. Как орел! Медведь, стоя на четырех лапах, рычал, противопоставляя пасти пасть. Он не пытался встать на задние лапы, или сесть на них, чтоб освободить передние, просто, не торопясь, поворачивался в сторону собаки, демонстрируя клыки. Он был зрелым зверем и одиночной лайки не боялся. Свора – да, свора опасна, за всеми не уследишь, а одна... Он ждал, пока Витим сделает ошибку – приблизится ближе, на расстояние нокаутирующего удара, тогда – хук правой и дело с концом. Или устанет надираться, плюнет и уйдет. Но Витим сдаваться не собирался, к медведям он испытывал особую злобу и особо – к старым знакомым.

С первого взгляда я определил, что это знаменитый в нашей округе медведь Моня – правое ухо свисало клочьями – память о контакте с цивилизацией. Сам я с ним не встречался, но слышал. Мне о нем рассказывал Андрей. Сидели они как-то с Витимом в радиорубке и выпивали. Под окном паслись лошади. Вдруг в проходе между рубкой и складом появился Моня и стал осторожно подкрадываться к лошадям. Те почуяли его, громко заржали и пустились в бегство. Медведь последовал за ними могучими прыжками, быстро настиг одну, ударил ее правой лапой по затылку, левой схватил за морду, повалил на землю и растерзал ей грудь. Увидав, что вторая лошадь хромает, он, бросив первую, побежал за ней, догнал и убил точно так же. Андрей открыл дверь и, забыв, что ружье дома, бросился на выручку. Витим за ним, они свалились с крыльца и устроили кучу-малу – оба были в стельку пьяны. Не то что с медведем драться – на ногах стоять не могли. На шум прибежал Виктор, он тоже был пьян и тоже – в стельку. Пил он с Сарматом. (Мужики давно не водились друг с другом и пили врозь, а одному пить нельзя – алкоголиком станешь. Вот они и нашли выход – Андрей пил с собакой, а Виктор – с лошастью. Поэтому Кербо – питейное заведение). Хорошо, прибежали другие собаки – отогнали мишку. Но Витим сильно переживал – в кои веки раз случилась облава, а он – не в форме. Нехорошо, перед псами стыдно. А Сармату тогда повезло – и водки нажрался, и жив остался.

Сейчас Витим старался наверстать упущенное, оправдать себя в собственных глазах. Хотя чувствовалось, пьянство подорвало здоровье. Сильно подорвало. Выносливость пропала. Ни злобой, ни опытом не компенсируешь. В затяжной битве, пожалуй, проиграет. Пора кончать.

Я приблизился ближе, перезарядил ружье жаканами, и стал целиться. Убивать мишку я не собирался, мародерство с лошадьми меня не касалось, а шкура его мне не нужна, линяет ведь по случаю жары. Я просто себя обозначил. Моня глянул и все понял. Резко развернувшись, он с удивительной прытью сиганул через бурелом и исчез. Витим было бросился за ним, но я требовательным свистом вернул его обратно. Первая битва закончилась вничью.

Пес весь дрожал:

– Зря ты его спугнул, я б его разорвал.

Я потрепал его по шее

– Ладно, кончай, в другой раз посчитаешься.

Как в воду глядел.

Самые сладкие и спелые ягоды я использовал для получения «диких дрожжей». Отобранные ягоды (мыть их нельзя, так как можно смыть дрожжи, находящиеся на поверхности) размял, поместил в поллитровку, засыпал сахаром (на два стакана размятых ягод затратил полстакана сахарного песка, считай – весь запас сахара, что у меня был), и залил стаканом воды. Смесь взболтал, закрыл ватной пробкой и поставил в темное место на три дня. Затем сок профильтровал через случившуюся под рукой тряпку, отделив продукт от мезги. Вот вам и дрожжи – не хуже селекционных, между прочим. Было у меня с собой немного томатной пасты, я ее тоже употребил, как дрожжи, но это так, для гарантии.

Раздавил я основной запас ягод в тряпичном мешке ударами подходящего полена, засыпал в бочку, добавил сусло и залил водой. Бочка была из-под солянки, но ее уже давно использовали для сбора дождевой воды, так что, считай, она уже отмылась. Установил водяной затвор, зазоры обвязал все той же тряпкой, чтоб мухи-осы со всей округи не слетались, а над всем сооружением возвел палатку – днём она нагревалась вполне прилично, может и не так, как на Кавказе, но почти. Процесс пошел, а у нас потянулись долгие дни ожидания.

Пока суд да дело, решил наладить самогонный аппарат. Канистра у меня была. Пробку с отводом изготовил из первой попавшей деревяшки, дыру в виде буквы Г прожег в ней раскаленным гвоздем. Холодильник изготовил из лыжной палки – обрезал с двух концов, вышла трубка. Она помещалась в длинной колоде, выдолбленной из бревна. Если колоду – некий вариант корыта – залить холодной водой – будет холодильник. Наклони трубку немного, поставь ведро – закапает самогон.

Силы воли ждать нам хватило на неделю. По моим оценкам достаточно. Брага уже приобрела специфический, слегка горьковатый привкус, образование пены и выделение газа в ней прекратилось, хотя при тряске бочки пузырьки газа со дна все еще поднимались. Запах также изменился и из резкого стал кисло-сладким. Пора!

Совсем было собрался перейти к очередному этапу – перегонке, но тут случилась заваруха - на нас напал Моня. Произошла битва титанов – новый Аустерлиц, только там сражались три императора (битва трех цезарей, как называют чехи битву при своем Славкове). А у нас – битва четырех. Больше похоже на драку в Бременских музыкантах.

Моня ударил из засады.

Он залег в углублении, прикрылся ельником и хворостом. И мечтал: сейчас коняга пройдет мимо, он выскочит, бросится на него, сильным ударом по спине свалит с ног и одолеет, вонзая острые и длинные когти передних лап глубоко в тело, отрывая вместе с кожей куски мяса и в финале убьет, прокусив ему горло.

Мечты, мечты...

Мишке не повезло – я послал Витима вернуть Сармата, удалившегося куда-то вдале. Когда лошадь приблизилась к засаде, медведь атаковал цель, но прыжок получился неудачным, помешал валежник, в котором он маскировался. Вдобавок трусивший сзади пес почувствовал зверя, зарычал и залаял. Мерин успел подготовиться. Он уперся передними лапами в землю, сжался, как пружина, соединил задние ноги и одновременно двумя коваными копытами встретил Моню в воздухе ударом в челюсть. Если не нокаут, то нокдаун точно – мишка потерял ориентацию во времени и пространстве. Он неловко повернулся и завалился набок. Точно на Витима. Оказавшись под мышкой, пес эту самую подмышку и тяпнул. Моня взвыл:

– Всех порву, суки!!!

Он двинул лапой, Витим взмыл в небо и по крутой траектории пошел к земле. Старик не первый раз парил в воздухе, он сгруппировался и мягко, как кошка, приземлился на все четыре лапы, не забыв злобно облаять врага. Сармат покинул поле боя, но на нем появился я. Запыхавшись, я попытался взять мишку на мушку. Это оказалось не просто – предо мной кружил комок зверей – можно своих перестрелять. Пока я менял позицию-диспозицию, Моня каким-то чудесным образом оказался рядом. Мощнейший удар – и я полетел в одну сторону, ружье – в другую. Дроб врезался в ствол лиственницы, причем дуло отделилось от приклада, который разлетелся в щепки. Я лишился главного аргумента, ибо зубы мои и ногти слабее мишиных. И шкура тонкая, без волос.

Мы с Витимом гордо отступили на заранее подготовленные позиции. Птицей влетел я в зимник, медведь – за мной. Но не успел, лайка вцепилась ему в заднюю лапу. Моня завертелся волчком. Я схватил «якутскую пальму» – нож, насаженный на жердь, на всякий такой случай всегда стоящую в углу зимника, выскочил наружу и со всей силы всадил её в зверя. Целился я точно в сердце (достала меня эта скотина бурая), но почему-то попал в задницу, прямо под хвост. Такого никто не ожидал – раненый медведь – страшное дело, но Моня знал жизнь, били его не раз, он понял – перебор. Обосрался и рванул в тайгу. Никто его не преследовал.

Мы залечили (зализали) раны и продолжили свои игры.

На следующий день, утром я приступил к перегонке браги.

Пребродившую брагу надо нагреть до температуры кипения этилового спирта (78°C), спирт в виде паров выделится из раствора, затем все нужно охладить, а образовавшуюся жидкость собрать. В школьные годы я поступал просто: брал два таза, в нижний заливал брагу, накрывал верхним, в центре нижнего таза (выше поверхности жидкости) устанавливал блюдце. Все устройство ставил на горячую плиту печи. Час томленья и в блюдце – спирт.

Сейчас я мог поступить так же, какие-то тазы вокруг зимника валялись, но производительность мала и производственным процессом управлять трудно. Поэтому я использовал собственный самогонный аппарат с трубчатым водоохлаждаемым холодильником. Водрузил аппарат на буржуйку и стал топить печку. Процесс пошел.

Отгонка самогона – дело тонкое.

До температуры первой критической точки (65-68°) следует греть быстро – чем выше скорость нагрева, тем лучше. При достижении температуры 65° начинается интенсивное выделение легких примесей, среди них очень вредный (можно ослепнуть) метиловый спирт. Самогон, полученный при температурах 65 – 78°C народ называет «первач». Он довольно ядовитый. Его стараются не употреблять даже для наружных целей (лосьонов, компрессов и др.). Я его собрал в отдельную банку, специально для Витима, этот извращенец как раз первач обожает.

Температура – параметр важный, только у меня термометра не было. Ну, и не надо – визуальной диагностикой обойдусь. То, что я достиг критической точки 1, я легко определил по появлению легкого спиртового запаха. На выходе из холодильника появился парок. Вот и первая капля шлепнулась в приемную банку. Момент перехода процесса от точки 1 до точки 2 является самым ответственным, надо не зевать и резко уменьшить

скорость нагрева, причем в относительно малом температурном диапазоне. Иначе у вас выбросит всю брагу. Я следил внимательно, и как только послышалось бурление и аппарат тряхануло, передвинул его в более холодное место.

Критическая точка 2 достигнута, теперь все силы – не на нагрев, а на поддержание постоянной температуры. Я сменил приемную банку, новая фракция – уже моя и приступил к основному процессу перегонки. Тут следует учесть, что во время перегонки концентрация спирта в смеси постоянно снижается, температура кипения браги повышается, а условия перегонки ухудшаются. Я двигал канистру с брагой взад-вперед, следя, чтоб капало равномерно.

Со временем капать стало реже, мы приблизились к критической точке 3 – минимальному содержанию этилового спирта в браге. Чтобы извлечь эти остатки, пришлось повысить температуру браги, что привело к интенсивному выделению тяжелых фракций – сивушных масел, значительно ухудшающих качество самогона. Я снова поменял приемную банку, третья фракция пойдет Сармату, гурман любит изоамиловые спирты.

Весь процесс я строго контролировал, смачивал бумажку продуктом перегонки и поджигал. Намоченная бумажка вспыхивала радующим сердце синим огнем. Но вот очередная бумажка не загорелась. Пора кончать.

Налил в банку из-под шпрот свою фракцию и поджег. Жидкость загорелась ровным синим пламенем. Есть продукт!

Витим облизнулся и даже подвыл, в ожидании прекрасного будущего. Сармат за стеной ударил копытом и заржал.

Трудился я как пчелка и за четыре захода все запасы браги перегнал. Хотел было перегнать свою фракцию еще раз, но поленился. Решил, что простой очистки хватит.

Понятно, что самогон помимо самого этилового спирта и воды содержит еще и вредные примеси, которые необходимо удалить. Конечно, если бы у меня было молоко, то добавил бы в продукт и перегнал. Тогда бы самогон был хрустальной чистоты. Но молока у меня не было. Другой способ – использование березовых углей, но и их не было по причине отсутствия самих берез. Предвидя эти трудности, я заранее наготовил активированный уголь. Уголь с повышенной поглотительной способностью. Нарубил лиственницы (старался брать старые деревья, старше 50-ти лет, что не трудно определить по кольцам), освободил чурки от коры, вырезал все сучки и даже сердцевину. Дальше все это надо прокалить без доступа воздуха до полного разложения древесины. Дать такую рекомендацию просто, да осуществить сложно – воздух-то везде, трудно от него избавиться. Пришлось соорудить специальную установку, которая представляла собой две консервных банки, вложенных одна в другую, доньшками наружу. Между стенками банок был небольшой зазор для выхода продуктов термоллиза. Положил внутрь полено и сунул в топку. Когда все прогорело, вскрыл установку, обугленное полено вынул и растолок. Вот тебе и активированный уголь. В 10-литровую канистру с самогоном высыпал поллитровую банку угля, перемешал, и оставил настаиваться. Затем продукт аккуратно слил и разбавил водой в соотношении 2: 1 (одна часть - вода).

Не самогон – слеза комсомолки. И марганцовки не надо.

Хорошо бы добавить изюма и снова перегнать. Но изюма у меня не было.

К банкету все готово.

Собрались мы на берегу очередного Безымянного притока великой реки Таймуры. Каждый со своей посудой: я – с кружкой и канистрой второй фракции, Витим – с тазиком первой фракции, и Сармат с бочкой третьей фракции,

– Ну, будем здоровы!

Мы выпили, вздрогнули и загудели. Чуть отдохнули – между первой и второй перерывчик небольшой - и повторили. Дальше пили без команды, каждый в удобном ему темпе. Мир стал преображаться. И солнце стало светить ярче, и лес стал зеленее. Комары-мошка куда-то делись, спились наверно. Зазвучала музыка небес.

Мы образовали кружок, стали водить хоровод, в одну сторону, потом – в другую. Раздалось печальное мычанье, и из тайги вышел Моня. Вид у него был виновато-просительный, даже морда утратила хулиганский блеск.

– Мужики, не будем драться, дайте выпить, – сказал он, – душа горит.

Я плескнул ему в колоду – бывший холодильник – остатки бражки. Он начал лакать и вскоре присоединился к нам.

Мы пустились в пляс. А где-то бабы живут на свете... И пусть себе живут, мы им мешать не будем. Мы будем жить тут, жить весело и дружно. Экологично! Дрожи земля – мишка, пес, мерин и я гуляют банкет! За мир во всем мире, за единство человека с дикой и не дикой природой, за нашу и вашу Свободу...

Мы водили хоровод, расходились и сходились к центру, вертелись вокруг оси, катались по траве, прыгали и обнимались. Мы пели, свистели, ржали, рычали, выли и лаяли.

Мы пили и плясали, плясали и пили. Плясали, плясали, плясали.

Пока не упали замертво.

Смелые люди

Мы кучковались у продмага. Ждали открытия. Мужики и дама. Странного вида: вся в макияже, в телогрейке с чёрнобуркой сверху и кружевами снизу, да в резиновых сапогах. Часа волка ожидала.

Трепались о наболевшем. Геофизическом. Обратные задачи, закон Фредгольма, да штанга теоремы единственности. О чем еще говорить без похмелки?

– Во! Анекдот на тему дня, – обрадовал Кастыль.

– Давай!

– Мужик нашел бутылку. Открыл – Джин. Что прикажешь? Хочу член до земли! Джин выдрал волосок, мужик стал уменьшаться и Бац! яйцами об землю. Ты что! Тебя спасли, а ты хулиганишь. Сам виноват, задачу некорректно поставил...

Мы заржали.

Женщина подскочила. Прикрыв лицо рукой, она другой стала отталкиваться от воздуха. Пятилась, пятилась, потом побежала, смешно расставляя ноги. Смеялись уже все.

– Теперь она всегда так, – пояснил мужичек в ушанке, – проучили мы блядь московскую.

Тунейдка она, из Москвы высланная. В Кежму на исправление. В любви неумоима. Мужики за ней – толпами. Жены уже и кипятком плескались, и собак спускали, и в райком жаловались. Ноль внимания. Жизни не стало. Все передрались.

Как-то зимой народ набился в клубе. Ждали кино. «Смелые люди». Сто раз видели, но другого нет. Фильм, впрочем, хороший. А пока пробавлялись самогоном. Довольно скучно. В воздухе – напряженность, озлобленность непонятная. Локальные мордобои. А тут Настасья с Петькой. За подростков взялась. Перебор! Недавно отставленный Константин завопил:

– Мужики! До коле...

Влепил сыну оплеуху. Тот – на пол. Настасья – в защиту. Ну, кинулись на неё, содрали голубое трико и бутылку вставили. Так с утонувшей поллитровкой да раздвинутыми ногами и носили по клубу. Смеху было, кина не надо...

Отучили! Перестала с нами знаться. Бежать хотела, да Теленок удержал.

Только смеха она не любит.

Побег с телёнком

*Сидит ворон на дубу
И клюет свое нога.
От чего клюет нога?
Знать судьба его такой!*

Дурачок Теленок, как собачка бегал за Настасьей, жевал подол, выпрашивая травку. Она чесала у него за ухом, он забавно бодался. Потеряв ее, Теленок бегал по поселку, тревожно мыча. Борода тряслась, глаза сверкали. «Тьфу ты, козел старый», - ругались бабы, сбиваясь с пути.

...Виктор Осипович Кукуев и по происхождению, и по положению, и по призванию был служащим. Сначала работал в райкоме, потом перебрался в Органы. Тут случались казусы: бывало в обморок падал при виде защемленных мошонок, вырванных ногтей, да отрезанных грудей. В Архив подался. Порядок навел. В начале срока давали разные, и учет был сложен, а потом - всем по десятке - дела наладились. Незаметно прошла война. Но в верхах случился переворот, отдел закрыли: кого расстреляли, а кого - посадили. Тогда стандарт был 20. Ему и дали.

За пять лет Виктор Осипович много где побывал, скатываясь к Верхоянску. Опытный зек – придурок по финансам. Но стукачом не стал, а потому - уцелел. Держали его за завхоза во временном лагере за Батыгаем. Как всегда, бараки соорудили в глухом углу ранней весной, еще по стоящему зимнику. Лето-осень рубили лес с тем, чтобы зимой вывозить. Вырубали подчистую - и дальше. Режим здесь был, пожалуй, помягче, но и опасность выше. И не от падающих деревьев. Летом лагерь был абсолютно отрезан от Материка: мерзлота оживала, реки разливались. Абзац! Если продукты кончались, или возникала какая-то эпидемия, лагерь вымирал стопроцентно. Вплоть до собак. И зеки, и охрана, и начальство - все, кто случился в колонии. И вот такая перспектива возникла снова. Пришел последний караван, и Виктор Осипович все понял. Запасов на месяц и то - на пределе. Кукуев и так пребывал в беспричинной тоске, а тут понял: убежит. И немедленно.

Двух нужных типов он застал за пилкой лиственницы. Не толстой, но - как железо. Один – горилла с плоским лбом академика – был знаменитый Удав. Он три раза бегал из лагерей и всегда удачно. Другой – маленький и верткий, хитрый и ловкий садист. Звали его Вампир. Кукуев объяснил ситуацию. Двигая пилой, Удав заключил:

– Согласны! Но ты пойдешь теленком.

– Кем? – не понял Виктор Осипович.

– Дура! Бежать не хитро! Но Материк далеко, а кушать надо. Вот тебя и съедим. Предупреждаю, чтоб без обид.

– Да! Только так, – подтвердил Вампир.

Кукуев некоторое время смотрел на дровосеков.

– Ладно!

Позднее из лагеря вышел небольшой караван: три лошади под вьюками, три зэка и три охранника. Везли продукты в отряд, расчищавший просеки под визиры. Идти недалеко, километров 15. Но каких! Тут руки за спину, шаг вправо, шаг влево - побег, не пойдет. Куда там! Чуть спустился, море разлитое. Шаг! И ты начинаешь медленно погружаться. По колено или по пояс зависит от расстояния до твердого мерзлотного грунта. Переплетенные корни какое-то время тебя держат, как на батуте, и лишь сапогами снежную грязь хлебаешь, но разрыв – и ты – по горло. Лошади скользят, ложатся на брюхо, сбиваются в кучу, путают веревки. Седла - на сторону, вьюки - в болотный рассол. Сплошной брод с водой холодноватой. Ни кусочка суши, чтоб у костерка согреться. И так – до цели. Тут не до устава. Вон вохровец сам лошадь тянет. А что! Задержись – и всем капут!

Но охранник остушился серьезней и полетел в стремнину. Удав помог и вылез один. Тут же дубина пришлась по второму. Третий вскочил на корягу и удивленно смотрел. Его сняли винтом.

Повезло! Три лошади под вьюками, три винтовки с патронами, да три дня форы. А то и четыре. Вампир уверенно повел их на юго-запад. Перли как танки и преодолели Аккем аккуратно пред разливом. Погони нет.

...Они брели уже месяц. Тундра, болота, тайга, реки, хребты и обрывы. Снег и вода, вода, вода. В атмосфере – комарик. Лошади не выдержали: одна утонула, две сдохли, но их удалось съесть. Продукты кончились, за ними - патроны. Да и вообще охота на куропаток из винтовки слабо продуктивна. Хотелось курить. Вышли-таки к Лене. Другого берега не видать. Прошлись вдоль реки, и нашли ярангу. Сразу - в атаку. Тунгус отлетел с распоротым животом. Пока Кукуев с Вампиром ловили оленей, Удав насиловал молодую. Муж очнулся, обвел сцену мутным взором и метнул якутскую пальму. Нож капканной стали на длинной палке пробил Удава насквозь. Смерть в удовольствии.

Загрузив лодку олениной, кое-какими продуктами и сетью, Теленок с Вампиром переплыли реку и стали подниматься вверх по течению, где – на веслах, где - бечевой. Двигались ночами, благо они еще были. Днем спали и ловили рыбу. Хорошо Вампир знал географию, Кукуев за ним был как за каменной стеной.

Мимо шли пароходы и баржи. Но мир - отдельно, они – отдельно. Везло!

В разгаре июля, перевалили в долину Нижней Тунгуски. В горах питались птичьими яйцами, да травами и отощали страшно. Но фарт есть фарт. Наткнулись на палатку геологов. Срезать растяжки – минутное дело, а затем - коли сквозь брезент. Пока кто там шевелится. Вот и отоварились тушенкой, спиртом, сахаром и солью. И даже куревом с сухарями. А много ли для счастья нужно? До Угрюм-реки дошли и по ней спустились чуть ли не до Туры. Не утонув на порогах.

В конце августа покинули Нижнюю и пошли к Подкаменной. Тайга: бурелом, протоки, лабиринты озер и болот. Гнус сводил с ума. Силы кончались, еда - и подавно. Корешки, да ягоды. Виктор Осипович постоянно ощущал взгляд Вампира. Хоть спиной не становись. Нервы! Однажды развернулся и всадил нож в предводителя. Удачно. Он еще помнил, что кто-то кого-то должен съесть.

... В сентябре из тайги вышел на четвереньках некто и сказал первому встречному: - Я - теленок. Травоядное... Му-у-у-!

Тот надел на него ошейник с колокольчиком и привел в Кежму. Здесь он и живет. А куда денешься?

Где-то на севере

Наш караван медленно втягивался в поселок. Я ехал верхом с включенным счетчиком Гейгера. Вдруг дозиметр заверещал, и стрелка поползла куда-то вправо. Заинтересовавшись, подъехал к дому. Первого диапазона не хватило, перешел на второй, но и там зашкалило. Пошел в дом, там считало сильнее и только на последнем (четвертом) диапазоне стрелка успокоилась. Первые же оценки показали, что мощность дозы гамма-излучения, если и не приведет к смерти немедленно, то за год жизни в подобном поле - точно. Поспешно покинув помещение, я поинтересовался у мывшей крыльцо хозяйки: откуда такая радость и как они с детьми выживают в подобных условиях. В ответ я услышал в те времена – антинаучную, а в нынешние так и вполне научную теорию.

Во время войны в поселке добывали радий. Делалось это просто. Вырывался колодец, в него опускали корзины с собранным в окружающей тундре ягелем. Ягель адсорбировал растворенный в воде радий. Корзину вытаскивали, ягель сжигали и золу с радием отправляли на Материк для переработки. Пришедшие в негодность корзины использовали для изготовления завалинок, утепляющих жилища. Поскольку корзины пропитаны радием, а он долгоживущий радионуклид (период полураспада ²²⁶Ra 1600 лет), образующий при распаде целое радиоактивное семейство, продукты которого являются альфа, бета и гамма – излучателями, то понятно возникновение мощного радиационного поля в хижинах. Постоянные жители (в том числе – женщины и дети) к облучению равнодушны. Приезжие часто чувствуют себя неудобно и тогда уезжают (если успеют!). Но многие остаются и живут, особо не жалуясь.

Вот вам – сила иммунитета.

КАМЧАТКА

Предисловие

*Имеет славная Камчатка
Немало данных ей чудес,
Ко всем великий интерес,
В любом из них своя загадка.*

В Камчатских экспедициях я принимал участия два раза. Хотелось хлебнуть романтики - полазить по вулканам, спуститься в жерла, искупаться в горячих гейзерах, половить красную рыбу руками, объесться крабами, пообщаться с медведями. И, чем чёрт не шутит, принять участие в извержении каком...

То что я химик – радиохимик особого значения не имело. Да, поводом включения меня в экспедиции было предоставление мной радиевых эталонов (кстати, уникальных, на низкие активности, причём изготовленными лично академиком Хлопиным; им можно было верить). Но это – вся наука.

Однако, по мере работы, я всё более увлекался научной стороной дела. Даже несколькими сторонами, далеко выходящими за цели экспедиций.

Первая экспедиция 1986 года была радиометрической-радиохимической. В основном она была посвящена мониторингу изотопов радона и продуктов их распада в гейзерах и водных источниках (речках да болотах). Такие измерения хорошо отработаны и довольно надежны. Мерить радон в шурфах и скважинах тоже удобно: радон – газ тяжёлый ($M=220$ по сравнению с воздухом $M=29$), он собирается на дне ямы, где его легко поймать. Но с радоновой съёмкой Камчатки в целом дела обстояли хуже. Такая съёмка в здешних краях проводилась неоднократно, но верить им нельзя. В чём я лично убедился, причём неоднократно. Одно дело мерить радон в воздухе закрытого лабораторного бокса, другое – в реальной атмосфере. Подул ветер, выпал туман, пошёл дождь, сменилась температура - показания вашего дозиметра изменятся в разы, а то и на порядок. Можете лично убедиться. Возьмите пылесос, подсоедините к нему фильтр, вынесите устройство во двор дома, прокачайте часик, промерьте активность фильтра. Если это сделали в 6 утра, то фильтр покажет ~2000 имп/мин, но если вы повторите это в 12 часов, то хорошо, если 200 имп/мин наберёте. Радон выделяется из почвы. Ночью холодно, коэффициенты диффузии малы, радон прижат к земле - активность большая. В полдень солнышко воздух прогрело – радон улетучился. А вы видели когда-нибудь, чтобы на карте радонового риска кто-то проставил время измерения? Нет! Не видели вы этого, нет таких привычек. А без этого как кому-то верить?! Но даже если вы выставите в разных районах Камчатки 1000 радиометристов, снабдите их идеальными, прокалиброванными дозиметрами (что вообще-то невозможно – эталонов на радон нет; есть эталоны на его материнский радионуклид – радий, но к радоновой съёмке это имеет лишь косвенное отношение), и если они одновременно начнут и кончат измерения, то всё равно ничего ценного не получится. Вы зарегистрировали в каком-то месте какую-то активность и что?! Это связанная с данным местом концентрация радона? А может надула с соседнего распадка, или наоборот, лёгкий бриз сдул активность в Тихий океан, а реально она намного больше. Так что, ребята, никаким радоновым картам не верьте! Требуйте карты радия в почвах и грунтах, потом, если коэффициенты диффузии знаете, то попытайтесь рассчитать потоки радона. Впрочем, сомневаюсь, что осчатливите науку...

Первая экспедиция была связана с измерением радона в окрестности вулкана Мутновский, на его склонах, в жерлах и главное – на площади будущей геотермальной электростанции, на которой тогда шло предварительное бурение. Что удивило довольно холодная вода мелкого каменистого болота "кипела", как газировка, выделялись газы, в

том числе радон, причём удивительно высокой активности. При фоне по α -излучению 1 имп за 2 мин, 0,5 л газа при 12% эффективности счёта активность составила ~300000 имп/мин. Поскольку радон-222 ($T_{1/2}=3,8$ дня) образуется из радия-226 ($T_{1/2}=1600$ лет), то если здесь есть радон, то здесь же есть радий. Это – основная догма радоновой георазведки на радий. *«Если виден лисий хвост, значит, близко лиска!»*.

Это прекрасно знали геологи-первооткрыватели, которые взяли патент на месторождение радия. Их (и нас) ждал сюрприз: радия не оказалось. Во всей округе! Радон есть, радия нет. *Хвост есть – лисы нет*. Короткоживущий потомок - на иждивении долгоживущего предка. Потомок есть, предков нет. Так откуда он взялся?! Радон сам собой распадется за месяц. Следа не останется. В бассейне две трубы: по одной втекает, по другой вытекает. Если первую перекрыть – бассейн высохнет. Так что радий должен быть. И в больших количествах. Но не просто быть где-то, а быть рядом, ибо за время своей жизни радон может преодолеть в воде ~70 см, а в воздухе – пару сотен метров. Радия, однако, ни тогда и потом обнаружить не удалось. Увы!

Стали мы с начальником экспедиции и моим старым другом Юрием Тараном думать и гадать. В конце-концов более-менее правдоподобную модель с кипением перегретой воды, испарениями-конденсациями, сифонами и т.п. Она казалась разумной, но теперь нет.

В Чехии я 33 года преподавал в Карловом университете (Прага) и работал в Институте ядерных исследований. И вот однажды там читал лекцию профессор из США, чех по национальности. Потом мы сели в пивной и поговорили. Он мне рассказал об удивительных чудесах. Он измерял активность радона далеко от радия. Как известно, при радиоактивном равновесии радий радон, активность радона равна активности радия. А она отличалось! Добро бы если она была сильно меньше радия, понятно - по пути радон распался, скорее всего – полностью. Но она оказалась аномально высокой, лишь немного меньше равновесной!!! Откуда же она взялась? На мои скептические замечания, что мерить надо как следует, глядишь - все открытия пропадут, он отвечал, что всё делалось тщательно, в разных местах и не им одним. У него была гипотеза и он просил меня помочь с расчётами. Он считал, что всё дело в волно-корпускулярном дуализме. Атом радона можно интерпретировать как некую волну, которая распространяется в пространстве и слабо затухает. Если подставить в уравнение Шредингера, то, решив его, можно рассчитать активность радона на расстоянии десятка километров от источника и сравнить с экспериментом. Я заверил его в бесполезности этого занятия и в ответ прочёл ему лекцию о супердиффузии и возможности переноса короткоживущих видов на большие расстояния. Не знаю, убедил ли его, но сам потом много лет и довольно активно занимался аномальной диффузией и нестационарной перколяцией.

Но на Мутновском встретила ещё одна странная странность. Среди продуктов распада в пробе отобранного нами газа, оказался короткоживущий изотоп с $T_{1/2}\approx 1$ сек, причём в довольно больших количествах. Это вполне может быть актинон (^{219}Rn), он образуется не из ^{238}U , как рассмотренный ранее ^{222}Rn , а из актиноурана (^{235}U), изотопа с хорошей способностью к делению (начинка атомной бомбы "Малыш", сброшенной на Хиросису). Ничего странного. Но только период полураспада урана-235 много меньше периода полураспада урана-238, за время жизни Земли он подраспался и его содержание в природе 0,17%. А тут его явно больше. Так может – источник энергии Мутновского вулкана – цепная ядерная реакция деления, может тут где-то природный атомный реактор. Забавно! Было бы интересно его найти, узнать, как он работает.

Было о чём задумывать, составили планы работ, но не случилось...

Второй раз я попал на Камчатку через шесть лет в 1992 году. Это была международная экспедиция, официально она занималась анализом размеров и форм вулканических бомб в рамках геометрии фракталов. К радону и вообще к радиоактивности она никакого отношения не имела. Тарана уже тоже не было. Но всё же я

побывал в Дачном и померил радон. Его не оказалось. Как не бывало! Видимо, он мне приснился. Строительство Мутновской геотермальной станции активно продолжалось, фонтаны уменьшились, болота сильно высохли, не стало и радона. Чудеса!

Камчатка, между тем продолжала преподносить мне сюрпризы.

Помимо официальной, у второй экспедиции была и неофициальная цель - поиск соединений инертных газов, которые согласно теории профессора И.Н.Таганова должны образовываться в вулканах, присутствовать в вулканических газах и гейзерах. Имелись в виду соединения гелий-гелий, гелий-неон, неон-аргон и т.п. Мы исправно отбирали пробу газов, запаивали их в ампулы и отправляли в Москву на масс-спектрометрический анализ. Пробы отбирали на склонах Мутновского, в его двух кратерах, на Дачном, на вулкане Горелый, в Долине Гейзеров, на Паратунке и даже в Долине Смерти (верховье реки Гейзерная у вулкана Кихпинич, Кроноцкий заповедник. Никаких соединений инертных газов не обнаружено, но явно присутствовала масса 3, т.е. ^3He , чего, конечно, быть не может. Гелия-4 может быть сколько угодно, это бывшая α -частица, а гелия-3 нет. Здесь, всё же не Луна. Все газы ещё при образовании Земли выветрились. Образоваться он может из сравнительно короткоживущего трития. Но трития в Земле нет. Он должен возникать в ядерных реакциях синтеза. Но о протекании в центре Земли термоядерного или холодного ядерного синтеза пока что-то не слышно.

Может по тому, что лёгкие газы трудно мерить.

Одно дело вести анализ нелетучих примесей, уран, торий, плутоний, а другое - газы. Металлы никуда не денутся, растворит булыжник и титруй. А газы - они подвижны, летают где хотят и как хотят.

Радон мерить трудно, но можно. Выкопай яму, поспи, радон на дне соберётся, ты его и возмёшь. А с лёгкими газами такой фокус не пройдёт. Проткни емкость с гелием или водородом, моргнуть не успеешь как они удалятся в верхние слои атмосферы. Что ты мерить будешь? Тем более, если ты хочешь померить их концентрации в почве. К тому же на изотопы детекторов нет, а на водород нет селективных детекторов. Да если бы и были - нет методик мониторинга лёгких газов в природных системах.

Кстати о водороде. Его тоже оказалось много в вулканических газах (речь идёт о протии, о дейтерии сказать ничего ценного не могу). Видимо в центре земли он активно образуется, причём как в атомарном, так и молекулярном виде. Проявление его химического действия мы видим повсеместно, одно образование метана при восстановлении карбонатов чего стоит. Но в отличие от метана геохимии водород не меряют. Не хотят или не могут? Сам я читаю, что водород играет необычайно важную роль в геохимии и геофизике Земли. Его нужно мерить. И в скважинах (в первую очередь - в сверхглубоких), в вулканических газах, геотермальных водах, а вообще - везде.

На этом пути много открытий будет сделано. Важных открытий.

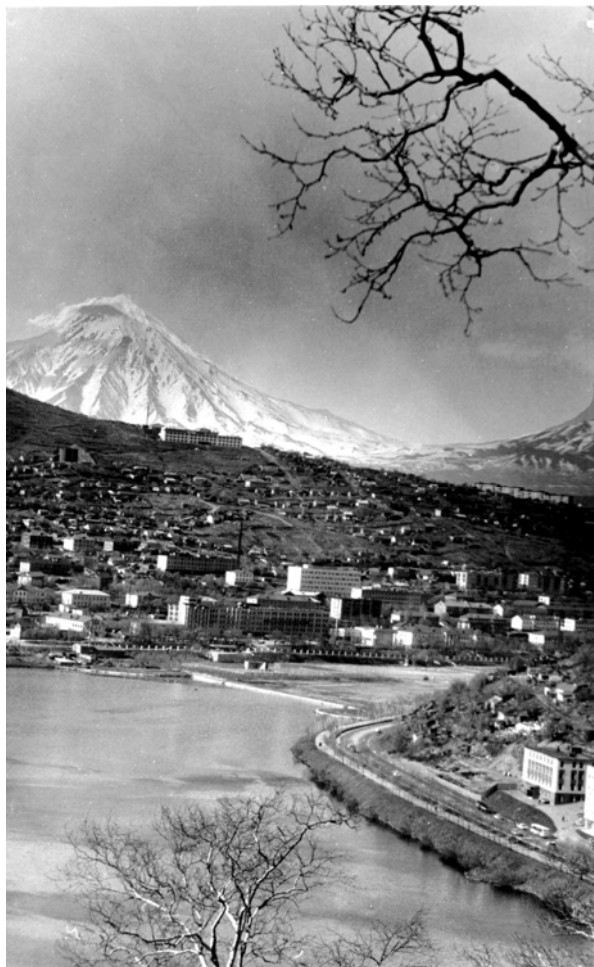
Камчатка представлялась мне интересным полигоном для активной деятельности. Анализ лёгких и тяжёлых газов, их происхождения, химии и токсикологии, миграция в различных средах, экология... Много чего.

С Тараном сели писать монографию МИКРОГЕОХИМИЯ, разработали детектор на все три изотопа радона ($^{219}, ^{220}, ^{222}\text{Rn}$), изготовили шуп для извлечения газов из почвы, предложили конструкцию портативного полевого масс-спектрометра (детектор - размером с сигару и насосом постоянного тока от аккумуляторов) для оперативного мониторинга нестойких соединений типа соединений инертных газов. Запланировали ряд экспедиций, отладили компьютерные программы для моделирования.

Но ничего не вышло, всё пошло прахом. Таран эмигрировал в Мексику, команды разбежались, все данные исчезли в недрах Института Вулканологии. Я занялся совершенно другими делами. Написал курс лекций "Радон", издал учебник "Радиоэкология".

Чем и ограничился.

Экспедиция 1986 года



Однажды у меня разболелся зуб и разыгрался флюс. Приготовился умереть. Вся жизнь прошла перед глазами. Посмотрев кинофильм я обнаружил, что умереть никак не могу. Как умирать не побывав на Камчатке?! Позорная смерть! Решительно встал с постели и пошёл к врачу. Тот выдрал зуб и вылечил флюс. Пришлось исполнить обет: организовать экспедицию. Можно и так смотаться, но Камчатка далеко, денег на билет нет. Финансировать проект должно государство. Упёрся рогом и стал инициатором двух экспедиций: в 1986 и 1992 годах. В них я уже не был рабочим-коллектором, но не был и начальником. Просто имел собственную научную тему, свои идеи, свою аппаратуру, и свой отряд (кроме меня один человек, но всё же!)

Петропавловск Камчатский в хорошую погоду.

Зимой 1986, ко мне неожиданно зашёл Юра Таран. Не знаю, что привело его в тот раз в Москву. Мы не дружили, но знакомы были. Когда в МГУ смонтировали БЭСМ-6 и провели сеть кабелей, одну из комнат химфака превратили в компьютерный класс (я лично по просьбе Миши Анашкина врезал замок в дверь), в которой установили мониторы. Я отвечал за пользователей кафедры радиохимии, он – своей (занимался он тогда ядерным магнитным резонансом, ЯМР). Мы иногда схватывались в борьбе за время и бумагу, поскольку он тратил столько же, сколько все остальные вместе взятые. Встречались (и выпивали) на конференции в Пущино. Потом он женился на болгарке из моей группы (я был старостой), на которую я тоже имел виды.

Петропавловск Камчатский: вид из космоса.

Бросил МГУ и уехал в Болгарию, где у него родился сын. Довольно скоро разошёлся с женой (Вика - дама требовательная и капризная) и вернулся в СССР. Не просто в СССР, а на Камчатку. Вулканологом стал. Камчатка тогда была закрыта для иностранцев, так что Вика его достать не могла. Там он снова женился (жён и детей у него было много, замаешься считать). В Институте вулканологии он, в частности,

занимается радоновой съёмкой. Спросил, нет ли у меня радиевых эталонов. Они у меня были. Обещал помочь ему с калибровкой радиометров.



К экспедиции мы готовились в Институте Вулканологии.

Вскоре Таран прислал своего сотрудника Олега с тем, чтобы тот приготовил радиевый эталон, пригодный для калибровки детекторов радона. Хотя я и мог подарить эталоны (они нигде не числились), но они были редкими (очень низкие активности, такие эталоны никто никогда не производил, просто однажды для своей какой-то нужды их изготовил лично академик Хлопин, а потом они попали ко мне) и мне было жаль. Сначала Олег мне понравился, он интересно рассказывал о Камчатке. Но когда дошли до химии, выяснилось, что её он не знает, руками работать не умеет, изготовление радонового эталона из радиевого запорет. Ни себе, ни людям: я лишусь эталона радия, а у них не будет эталона радона. Я, однако, продолжал готовить изотопы к отправке, надеясь, что химик Юра его поправит. Но Олег вдруг взял тон рекетира, нагло требующего своё. Я человек тихий, покладистый, но есть вещи, которые не люблю. Послал его на три буквы и эталона не дал.

История приключений Лаперуза меня всегда интересовала.

Мне казалось, что отношения наши кончились и надо искать другие пути на Камчатку. Однако на связь вышел Таран, пригласил меня участвовать в своей экспедиции и всё оплатить. При условии, что я привезу эталоны, прокалбрую аппаратуру, а потом заберу радий с собой. Вот это - другой разговор; с деловыми людьми можно иметь дело. Я поставил встречное условие: у меня есть личные интересы на Камчатке, мне нужен свой отряд, свои сотрудники. Ударили по рукам.

Тут я задумался: а кто он — этот мой сотрудник, готовый рвануть в неведомую даль? Таких вообще мало, но теперь настало лето и все в



отпусках. Вспомнил о Валере Никонове, который работал со мной с первого курса (когда он был на первом курсе, а не я), и сейчас готовит к защите кандидатскую диссертацию, в которой я являюсь руководителем. Он радиохимик, работает в Радиевом институте и к тому же директор фирмы "Радий". Будучи дипломником, работал с радоном, так что знает, что к чему.

Я у входа в Авачинскую бухту).

Летел я довольно долго, с пересадкой в Хабаровске. В аэропорту Елизово меня никто не встретил. Ехал на автобусе, смотрел по сторонам,

ничего интересного: везде туман, никаких тебе гор-вулканов, шоссе, провинциальный город с тёмными поблекшими домами. В Институте зарегистрировался и меня поселили в дом приезжих. На следующий день прибыл Никонов и мы начали готовить оборудование к экспедиции. Гуляли по городу. Распогодилось, и всё стало смотреться совершенно иначе. Оказалось, что кругом горы и не просто горы, а вулканы, покрытые снегом, дымящие и парящие. Вид замечательный, хотя и нервный. Того гляди гора взорвётся или земля затрясётся. Мало нам не покажется.



Моё фото Никонова адекватно передаёт вид Авачинской бухты и его самого.



Три брата и сестричка.

Осмотрели памятники Крымской войне, они напоминают севастопольские, памятник В. Берингу - основателю города, памятник погибшим при Курильском десанте (1945), памятник Лаперузу (не повезло мужику, исчез вместе с экспедицией, много позже нашли следы крушения у острова Ваникоро (Новые Гебриды), но по какой причине одновременно погибли два корабля (Бусоль и Астролябия), шедшие несколько различными кусами, до сих пор неизвестно), посетили могилу английского мореплавателя

Чарлза Кларка (Клерк, участник в путешествиях Джеймса Кука 1768, 1772, 1776 гг. Во время последнего путешествия Клерк был капитаном на «Discovery», и когда Кук был убит, принял командование всей экспедицией. Он направился от Сандвичевых островов



на север, искал проход из Атлантического океана в Тихий (главная цель экспедиции) и вернулся лишь убедившись в безрезультатности поисков. Умер Чарльз Кларк 22.08.1779 (38 лет) от чахотки в Беринговом море у Камчатки, похоронен сначала в Паратунке).

Авачинску бухту обрамляют обрывы коренных пород. Хорошо бы промерить их радиоактивность.

В городе несколько памятников Ленину, в том числе Ленин и мальчик. На берегу

залива стоит батарея старинных орудий. Однажды на экскурсионном катере вышли в море. Обошли Авачинскую бухту, посмотрели на скалы при входе в залив, камни с тюленьими, обрывы, базу подводных лодок. Три скалы ("Три брата") защищают бухту от штормов Тихого океана.

Нагрузили по максимуму крытый грузовик повышенной проходимости, сами легли на барахло и отправились (трясаясь на всех кочках) на склон вулкана Мутновский, в место, называемое Дачное. Там начаты работы по строительству геотермальной электростанции.

По дороге мне объяснили почему Дачное – это Дачное. Геологи спускались с вулкана, снежники-ледники кончились и шли скалы, курумники, осыпи. Везде камень. Безжизненное пространство камень. И вдруг они вышли в зелёную долину. Дно её - как луг. Пышная зелёная трава. Включили счётчики: сильнейшая радиация. Радон! Там, где радиация – там всегда расцветает жизнь. Она и расцвела. Как на даче. Жаль, яблони не растут. Зато горы кругом, красивые снежные горы.

Сейчас пейзаж был испорчен цивилизацией: низ долины был перечерчен сетью труб, торчали буровые вышки, били столбы пара. Тоже впечатляло.

Выше этого техногенного великолепия располагался балок – две железные цистерны, сцепленные в виде буквы Г, одна поперёк склона (чтобы было легко катиться вниз), другая – вдоль склона (чтобы мешать первой катиться). В углу буквы пристроен деревянный вход – крыльцо-чулан. Его построил Волынский (будущий член-корр РАН) с которым я учился на одном курсе и с которым у меня были совместные статьи. Он был здесь за несколько лет до меня. Крыльцо успело сильно пострадать и мне пришлось его чинить. В балке было два стола: один – обеденный и один для аппаратуры. На нём я расположил эманометры. Вдоль стен тянулись консольные столы, мы бросили на них спальные. Теперь это наши постели. При ветре балок прыгал, вертелся и стонал. Под ним жил пёс Сэр Антонио Тобиано (сокращённо Тобик) с которым я немедленно подружился. Он потом сопровождал меня во всех странствиях и работах.

Выше этого техногенного великолепия располагался балок – две железные цистерны, сцепленные в виде буквы Г, одна поперёк склона (чтобы было легко катиться вниз), другая – вдоль склона (чтобы мешать первой катиться). В углу буквы пристроен деревянный вход – крыльцо-чулан. Его построил Волынский (будущий член-корр РАН) с которым я учился на одном курсе и с которым у меня были совместные статьи. Он был

здесь за несколько лет до меня. Крыльцо успело сильно пострадать и мне пришлось его чинить. В балке было два стола: один – обеденный и один для аппаратуры. На нём я расположил эманометры. Вдоль стен тянулись консольные столы, мы бросили на них спальные. Теперь это наши постели. При ветре балок прыгал, вертелся и стонал. Под ним жил пёс Сэр Антонио Тобиано (сокращённо Тобик) с которым я немедленно подружился. Он потом сопровождал меня во всех странствиях и работах.

Рядом с балком располагался квадратный мелкий бассейн, покрытый плавающими водорослями и исключительно сильно воняющий тухлыми яйцами. Радон умеренный (по сравнению с другими местами в Дачном, но всё же раз в сто выше фона). Температура около 30°C. Мы в нём лежали часами. Дам в окрестности не было, поэтому – в голом виде. Приятно! Особенно с учётом того, что вокруг температура не поднимается выше +20°C, а обычно существенно ниже. Ближе к склону протекал бурный ручей с ледяной водой. Там мы умывались и чистили зубы.

Поваром у нас служил художник из Ленинграда, Евгений Барский. Он уже тогда был известным, а потом, говорят, стал знаменитым. Он с натуры рисовал вулканы, но особым реализмом не отличался. Компания у нас сложилась интересная: Таран, Олег, Никонов и я. Сначала мы мерили радон в местной долине, потом слезили на вулкан Мутновский, и, наконец, сходили к Тихому океану в поисках нового источника радона.



Участники экспедиции: Таран, Маев, Барский и Никонов.



На Дачном всё шипело и воняло.



Пар бил отовсюду.





Дачное в цветном варианте.



Маев и его пёс - медвежатник



Жили мы в балке. Барский писал картины прямо с крыльца.

Обстановка в Дачном была необычной. Мягко выражаясь. Воняло и шипело. Воняло сероводородом, т.е. тухлыми яйцами, и воняло сильно. При порывах ветра дышать было нечем, особенно ночью, когда воздух тяжёлый. В атмосфере присутствовали и более экзотические газы: фтор и фтористый водород. Их запах не чувствовался, но стёкла становились матовыми прямо на глазах - фтор растворял кремнезём. Радон тоже не пах, но положительно влиял на здоровье. Как никак, а радиация сильная, дозы большие, так что польза будет. На радоновых курортах путёвки стоят бешеные деньги, а у нас бесплатно! Ещё и за вредность приплачивают (спасибо радиофобам)



Радоновая ванна у балка



В жилом комплексе имелась баня. Кто хотел, мог мыться без радона.

По всей долине со страшным шумом били мощные фонтаны-гейзеры горячего пара высотой чуть ли не 100 метров. Они были техногенного происхождения. Стояли буровые вышки. Одна на глазах вырвалась из земли, пошла вверх, как ракета и отлетела в сторону. Буровики резво разбежались, один упал и потерял сознание. Видимо,



хлебнул сероводорода или какой иной гадости. Вся долина была покрыта трубами, многие большого диаметра. По ним удобно было все в свищах, из которых бьёт перегретый пар. Можно обжечься, тем более, что фонтан возникает в любом месте (в том числе - между ног), и в самый неожиданный момент, Когда-нибудь этот пар будет вертеть турбины, но сейчас он угрожал моей жизни и здоровью.

В. Никонов в радоне.

По трубам мы скатывались в болотистую местность. Болота были своеобразные. Утонуть в них невозможно, у них дно – сплошной камень. Слой воды 10-20 см, вода кипит из-за выделяющихся газов, температура не высокая, где-то градусов +30. В выделяющихся газах радиация в сотни, местами в тысячи раз выше фона. Биота радуется этому: высокая трава, осока, зелёные кусты. Там где радона нет – скалы, ничего не растёт, что не

удивительно (климат плохой)



Дачное: радоновые ванны в водопаде.



Маев и "Самоделкин" осматривают место съёмки документального фильма. Я - в главной роли.

Удивило другое. Радон-222 образуется при альфа-распаде радия-226. Период полураспада радия 1600 лет, у радона – 3,6 дня. Радон быстро распадается и не может далеко уйти от материнского изотопа: не далее 10 см по грунту и нескольких метров по воде. Между тем керн длиной почти в два километра (глубина до воды, которая сейчас бьёт в виде пара) хоть и показывал местами повышенное содержание радия, но намного

меньшее, чем ожидалось из активности радона. Более того, когда геологи обнаружили радон, они застолбили долину, как месторождение радия. Но радия не оказалось. Откуда же тогда радон? Где-то далеко есть радий, но как родившийся из него короткоживущий радон сумел преодолеть большое расстояние и не распасться? Вопрос! Мы с Тараном начали писать монографию "Микрогеохимия" и долго ломали голову. Что-то стало проясняться. Но вскоре он эмигрировал в Мексику и дело заглохло. Лишь спустя 50 лет я стал раскручивать процессы супердиффузии. Тогда стала понятна роль статистических распределений Леви с их бесконечными дисперсиями. Теперь можно хоть что-то объяснить.



Мы отбирали пробы воды и газов и измеряли их активность, как на месте, так и в балке. Эманометры я прокалибровал по своим радиевым эталоном. Активности были большими, но ничего особенного. Станным было наличие в газах короткоживущего радионуклида, похожего на актинон (радон-219, $T \approx 4$ сек!). Но он образуется из урана-235. А откуда он в таких количествах? Мы на атомной бомбе сидим, что ли? Что это за чудо, определить не удалось, возможно тут какая-то ошибка, сбой аппаратуры или что-то ещё в этом роде.

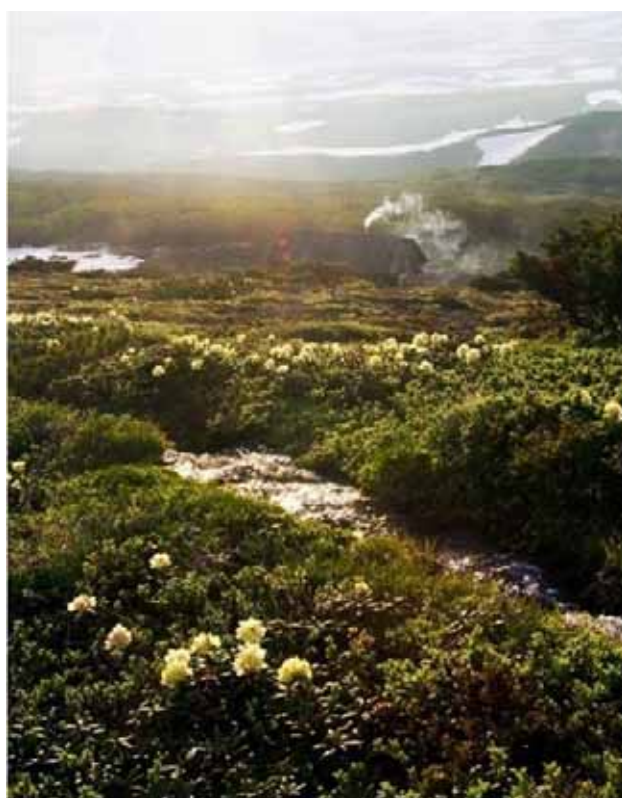
Хотели забраться на эту гору, но так и не собрались.

Основное удовольствие доставляло нам купание в радоновом источнике. Высоко над обрывом бил горячий гейзер, на нём буровики варили яйца. Поток воды падал водопадом, но тормозился несколькими чашами (бахчисарайский фонтан слёз). Температура в первой $\sim 90^\circ\text{C}$, во второй $\sim 50^\circ\text{C}$, в нижней $\sim 35^\circ\text{C}$. В третьей мы и купались, вернее лежали многими часами. Радиация здесь была интенсивная: в десятки тысяч, а то и сто тысяч раз выше фона. Все виды радиации от самых опасных радионуклидов, какие только есть – группа А токсичности. Мы ловили кайф! Боли и напряжения мышц от тяжёлой работы, как рукой снимало. Кости становились какими-то гибкими, руками можно махать, как крыльями. Но если долго полежать, то какую-то общую усталость чувствуешь, как будто весь день мешки таскал. Полезное дело. В том, что мы, участники экспедиции, безнаказанно преодолели 75-летний рубеж – несомненно заслуга радиации Дачного.

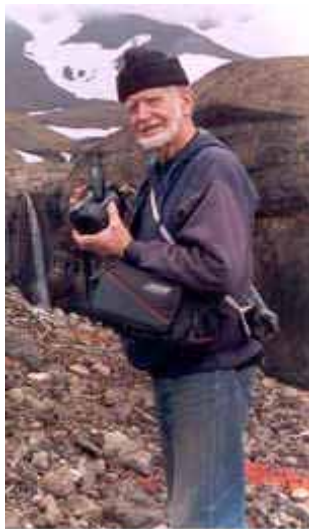
Дом Вакина.

Померив в долине всё, что надо, мы полезли на вулкан Мутновский.

Хорошая тропа вела вверх на



перевал, потом пошли курумники. Путь пересекали многочисленные ручьи. Тогда я брал Тобика на руки и мы форсировали бурную речку. Я шёл в полукедах, ноги были мокрые, Валера в болотных сапогах, в речке это хорошо, но прыгать в них по камням неудобно. Пришлось их скинуть, соорудить над ними тур из камней и забрать на обратном пути. Появились снежники, но в умеренных количествах. Дело к ночи, темнеет, стал густой туман и мы чуть не свалились в овраг Опасный (уразумели это только на следующий день). Через ~10 км от балка достигли хорошего дома. Это - научный стационар, который проектировал и строил Е.А.Вакин, первый и главный вулканолог Мутновского (кандидатскую он защитил на 3 года раньше меня). Дом настоящий, с чердаком и печкой, большой стол и несколько кроватей. Он оказался очень уютным. В нём стояло несколько кроватей и длинный стол. На стене рисунки и картина всё того же Барского "Коза и единорог" (скажем так, хотя автор называл её намного неприличнее). В 20 метрах от дома есть ручей, из которого удобно носить чистую воду. Дрова были. Долго возился с печкой, она сильно дымила и никак не хотела разгораться. Дым заполнял всю комнату, пришлось её несколько раз проветривать, но всё равно вечерали в дыму.



Е.А.Вакин

Утром отправились в поход. Быстро вышли на незамеченный вчера овраг Опасный. Почему это чудо природы кличут овраг, не понятно. Это настоящий каньон. Глубина больше 120 м, совершенно отвесные стены, края сыпятся. Геотермальная река Вулканная, вытекает из северного кратера вулкана Мутновского, прорезает дно и западные его стенки и мощным водопадом летит в каньон (до водопада от дома Вакина ~2 км). Высота 80 м – самый большой водопад на Камчатке. Примерно 50 метров вода летит до фирна (снег которого не тает даже летом) – видимая часть водопада, ещё 20 метров – невидимая часть водопада, которая скрыта под ледником. Края щели, в которую обрушивается река, имеет отвесные стены, расколотые трещинами; некоторые участки готовы рухнуть. Ещё никому не удалось подойти к подножию водопада. Вода в реке, похоже, содержит всю Периодическую систему элементов. Посидели на краю, сфотографировались (фотки не вышли), посмотрели вниз. Там гуляла здоровая медведица с медвежонком. Во! Лететь долго будешь, а если жив останешься, так медведица тебя съест. Пища с неба свалилась.

От водопада до вулкана километра три. Вокруг высокогорная тундра. Ближе к вулкану много льда, сверху покрытого свежевывавшим снегом. Проводник идёт впереди одному ему известным маршрутом, проваливается в снег. Нам велено ступать точно в его следы, направо – налево отвлекаться нельзя. Это правильно: где-то под нами, подо льдом неизвестной толщины, грохочет быстрая река и, судя по вырывающимся струям, вода в ней горячая, может даже кипит. Проваливаться туда не стоит. Барский героически тащит тяжёлый рюкзак с красками, у него за спиной ещё холст на подрамнике. Как крыло на дельтаплане. Ветер дунет – улетит. Правда Женя тяжёлый. Я несу счётчики гамма-излучения. При входе в кратер горы несколько разошлись, ветерок сдувает туман, но видимость так себе. Снимки плохими будут.

Издалека понятно, что Мутновский – активный вулкан. Из его кратеров поднимается столб вулканических газов, смешанных с паром. Высота сопки Мутновской (Мутная сопка) 2322 м. Это действующий кальдерный вулкан. До океана от него 10 км. В 1848 он осуществил «свирепое» извержение, в январе-феврале 1927 большое извержение; последнее извержение в ночь на новый, 1961 год, было слабым. Мутновский вулкан - удлиненный массив, состоящий из четырёх слившихся конусов. Происходившие в несколько этапов взрывы образовали сначала два огромных кратера - южный и северный (точнее – юго-западный и северо-восточный), в плане напоминающие восьмерку,

вытянувшуюся на 4 км. Диаметр кратеров достигает 1,5-2 км, а глубина - 400 м. Со стороны, обращенной к океану, к северному кратеру примыкает самый высокий, но уже бездеятельный конус с отметкой 2323 м. В западной части купола находится кальдера до 3 км в поперечнике. Кальдера заполнена мощным ледником, у края теплое озеро до 300 м в диаметре, а в северо-западной части воронкообразный кратер, откуда выделяются мощные клубы белых паров. В основном, активность вулкана выражена фумарольной деятельностью, при которой выделяется огромное количество энергии в виде выбросов вулканических газов и множества горячих источников. Это одно из самых больших геотермальных месторождений в мире.



Мрачный овраг Опасный.



Из кратера вырывалась река Вулканная и с грохотом падала в низ.



Каньон Опасный.



Медленно, но верно забирались мы на вулкан Мутновский.



Вулкан Мутновский.



Путь на вулкан идёт по леднику, под которым клокочет река.

Мы попали в какой-то нереальный мир: чистая преисподняя, таким должен быть Ад. Чертей нет, а остальное на месте. Рассмотреть его подробно нельзя, округа колышется, вибрирует. И земля под ногами, и атмосфера. Облака, туман, выбросы пара, то исключают видимость, то вдруг солнце освещает окрестности. Тогда появляются стены (вертикаль в несколько сот метров) кратера, окрашенные в яркие и совершенно неестественные цвета. Горные породы поменяли свои естественные окраски. Обычно они серые, а здесь – нечто фантастическое. Верх скалы сиреневый, а ниже она окрашена в черепично-красный цвет и имеет на белом основании ряд остроконечных серо-голубых пирамид с тёмно-карминовыми и индиго-голубыми точками и пятнами. За скалой возвышается стена котла светлоголубого цвета с большими жёлтыми пятнами чистой серы, окруженные зелёными и оранжевыми кругами. На всём этом лежит серо-белое растрескавшееся снежное покрывало, с острыми, как ножи, зеленовато-голубыми глыбами льда. Среди льда возвышается тонкая скала, и с её стен и у её основания бьют сотни яростных струй пара. Горячая вода стекает со стен и оставляет след в виде красно-коричневого ила. Ручей серо-жёлтого цвета выходит из-под льда, и временами видны его вертикальные оплавленные склоны. Впечатляет!



По горам в болотных сапогах не каждый гуляет.

Порыв ветра стих и всё исчезло в дыму. Ты в центре борьбы стихий. Мощное дыхание вулкана: человек – таракан в русской печи при её топке. Сейчас рванёт и ты улетишь в космос. Не только от тебя, от далёкого Петропавловска Камчатского ничего не останется, потомки будут извлекать артефакты из-под окаменевшего пепла. Нет сил повлиять на процессы; не то что предотвратить извержение, предсказать его невозможно. Человек слаб, а что-то строит из себя, то же мне - властитель Вселенной! *Герой - портки с дырой...*

Горячие (до 600°C) тела, кипятят воду (местами - серную кислоту). На раскалённые утюги сползает лёд (почему-то голубого цвета), взрывы пара. Одна стихия в схватке с другой. В вечной борьбе, без явного преимущества. Неожиданно падают стены, выливаются сели, лава, вода, грязь и камни. И ни куда-нибудь, а точно на тебя. В ногах без предупреждения забил гейзер, поток горячей воды окатывает с ног до головы и фонтаном устремляется вверх. Одежда мокрая насквозь, голова стынет на морозе, а сапоги горят. Дым от подошв идёт, несколько минут промедленья и останешься без ног. Беги скорее, сваливай с этого места

голова стынет на морозе, а сапоги горят. Дым от подошв идёт, несколько минут промедленья и останешься без ног. Беги скорее, сваливай с этого места



Кратер заполнен туманом.



Активный и неактивный кратеры Мутновского.



Видимость в активном кратере плохая. Часто её вообще нет.



Всюду пар.



Тщательное мерили радиоактивность в кратерах Мутновского. Но её не было!



**На фумароле
Валера варил нам суп.**

Не вздумай куда-то бечь! Бежать некуда. Дорог нет, а капканы на каждом шагу. Дно активной воронки пересекают бурно текущие реки, то появляющиеся, то исчезающие под развалами камней и льдом.

Поскользнешься, провалишься - никто тебя искать не будет. Ибо смысла нет — ты из

местного ада перебрался в Ад небесный. Кипит кальдера — большой котёл с вертикальными стенками, заполненный перегретой грязью. Кто-то её с остервенением мешает, она пузырится, кипит, выпускает фонтанчики. Она одна? Ни в коем случае! Вон сколько грязевых котлов! Кто между ними бродил задумчиво, того уж нет. Сварился.

Грохот - разговаривать нельзя.



А это что за горка из ярко жёлтой серы, микровулкан дымящий? Это — фумарола. Фума — это дым, она и дымит. Разными газами, но поскольку кругом кристаллы самородной серы, то это H_2S , SO_2 и SO_3 . Газы горячие, температура их выше $200^{\circ}C$, можешь на фумароле чайник вскипятить.

Вход в кратер.

Только не вздумай воду зачерпнуть из ближайшего озерца. Не вода это, а серная кислота. Чудеса! Возвышаются серные купола без отверстий. Как крыши турецких бань. Не вставай на них. Не надо! Хрупкая вещь. Крыша тонкая, тебя не выдержит. Вон таблички с именами погибших, в том числе – студентов МГУ (личностей любопытных, но без царя в голове). Мы пополнять этот список не стали.



Вулкан трудился изо всех сил.

А радона нет, почему – непонятно. На склоне Мутновского его больше, чем надо, а в кратере нет. И радиоактивность слабая.

Но главное – это атмосфера. Дышать решительно нечем, сероводород, фтор, горящая сера. Загоните в пещеру тысячу паровозов, сидите и кайфуйте. На морде моей – респиратор, но он бесполезен. Пора валить!

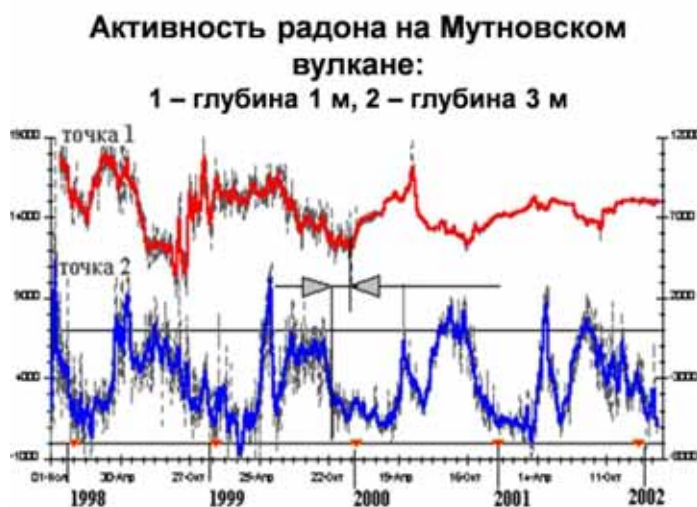
Лёд и пламень.



Поискал Барского. Тут конечно мощь стихий, но как ты тут что будешь, что вообще увидишь, ежели на дне стакана с молоком? Даже фотку нормальную сделать и то невозможно. Пошёл в другой кратер. Он напоминал стадион. На дне, вероятно, когда-то было озеро, теперь на дне кратера завалы камней и ледник. Было тихо. Художник писал картину.

Мы отобрали образцы камней, взяли пробы жидкостей и газов. Переночевали в доме Вакина и без приключений вернулись в Дачное, в наш радоновый рай.

В проблеме радона важна не только его радиоактивность, но и активность на разной глубине. Но ещё важнее – динамика изменения активности радона во времени и её корреляция с другими процессами, например с дрожанием вулкана. Такие



временные ряды обрабатывали в рамках фрактальной геометрии.



Однажды пошли к Тихому океану искать новый источник радона.

Жили спокойно, Барский писал картины прямо с крыльца балка. Приходили в гости другие художники. Появился документалист по прозвищу Самоделкин, ведущий популярной телепередачи "Это вы можете". Снял меня в роли геолога-радиометриста, измеряющего радиоактивность Мутновки.

Налетел тайфун. Он привёл к нам профессора из Ленинграда Таганова Игоря Николаевича, о котором я услышал в Риге и которого безуспешно искал в Праге Москве и Питере. Он нам рассказал о соединениях инертных газов типа гелий-гелий или неон-аргон, об охоте на медведей, к которой был большой охотник, о своих методах подделки старинных артефактов, в частности, картин голландцев. Эта встреча имела последствия: он написал отзыв на мою докторскую диссертацию, потом пригласил в международную экспедицию, благодаря чему я во второй раз побывал на Камчатке. Его сопровождал член географического общества, охотник на чукотских волков, мастер по пошиву туристского оборудования и рюкзаков. Третьим был биотехнолог, спец по дрожжам. Каким ветром его занесло на Камчатку, не понял. Мужики интересные, приятно общаться. Вечерами я читал и правил кандидатскую диссертацию Никонова.

Сидеть на месте надоело и мы всем отрядом отправились к Тихому океану искать и описывать новый геотермальный источник. Лезли через горы, сначала по тропе, а когда её потеряли - по чёрному. Свалились в долину какой-то реки, которую неоднократно форсировали. Красную рыбу ловили большим сачком. Встречались медведи, но, почуяв нас, они уходили в заросли. Нашли источник, радон в нём был, но не слишком много. Дошли до залива, полюбовались Тихим Океаном, он действительно оказался тихими. Пошли назад. Опять потеряли тропу (а может она сама исчезла) и долго лезли по скалам и оползням вверх. Все ободрались.



Река форсируется без труда, но осторожность нужна.



Отдых.



Река кишела рыбой



Рыбу ловили медведи, иногда они увлекались и забредали в океан.



Закусили крабами и красной икрой.



После рыбалки хорошо посидеть, отдохнуть, поговорить.



Дачное мы покинули на вертолёте.

Экспедиция закончилась. Нам с Валерой подарили по три больших красных рыбины. На большом вертолёте вернулись в Петропавловск. Погуляли по городу. Петропавловск. Погуляли по городу. Никонов приобрёл оленьи рога (сшиб ими двух тёток при посадке в самолёт) и оленью шкуру, а я - меховые варежки для жены. Не сразу (в авиационный бензин попала вода), но вылетели в Москву.

На Камчатке Валера обзавёлся рогами.



Рассказы: Петропавловск

Лучше в нас , чем в таз

Летели мы на Камчатку. Времена суровые – борьба с пьянством. Предреволюционная ситуация.

Как человек запасливый, но простой, я взял плоскую бутылку из-под коньяка, заполнил ее спиртом, заткнул пластмассовой пробкой и засунул во внутренний карман штормовки. Прохожу мимоискатель в аэропорту – все тихо - спокойно. Сзади идет хитроумный Валерий Николаевич. У него на груди специально изготовленная из титана фляжка со спиртом. Большой ученый полагал, что мимоискатель обнаруживает только магнитные материалы, например, железо. А титан, как каждый знает, немагнитен.

Реальность незамедлительно опровергла теорию. Раздался дикий звон и вой сирены. ВН тут же повязали и фляжку отобрали. Отдавай нам спирт или выливай в унитаз. Спирт – в унитаз?! Ну, уж нет!

ВН сделал шаг назад, открыл рот и вылил всю жидкость в себя. Все 700 кубиков (три пол-литра водки, если кто не понял). И это без закуски и воды! Более того, сумел сам дойти до самолета. Но потом! Вы наверно знаете, аэробус – большой самолет. Весь его облевать трудно. Но можно!

Петропавловские бдения

Основная забота (можно сказать – работа) в Петропавловске-Камчатском – поиск способа покинуть этот славный город. Если тебе в Москву, то каждый день едешь в Международный аэропорт Елизово и справляешься – ну как? - Керосина нет, отвечают, баржа не пришла. Тот факт, что твой билет на самолет неделю как просрочен, никого не волнует. Наконец, ура!, пришла баржа. Ночуешь уже на полу аэропорта. Утром: баржа-то пришла, но в Охотском море шторм её трепал керосин воды нахватался. Теперь нужно постоять в тиши, чтобы жидкости на слои разделились. Наконец - посадка. А там, на один борт народ с дюжины просроченных рейсов погрузиться хочет. Так, что иной раз вылетаешь культурно, но в разорванной тельняшке и со скулой подбитой. Особенно, если сезон экспедиций закончен, и домой торопится трудовая интеллигенция....

Но, а если в поле рвёшься, то тоже не просто. Ждать нужно. Каждый день - подъем, завтрак (если есть) и на автобус, что раз в час ходит. На местном аэродроме Халатырка суешь морду в окошко вертолетного диспетчера:

– Как сегодня у нас с погодой?

– Не знаю, как у вас, – отвечает тот, – а у нас перевал закрыт до 14.00.

Болтаемся, время убиваем. Кто как может. Пьём, пока московские запасы спиртного, тайно доставленные на Камчатку, есть. Потом – курим, треплемся, или книжки читаем. Иногда пульку пишем, но карточные игры тут запрещены. В 14 еще один визит к диспетчеру.

– Что там нового у нас с перевалом? – Не знаю что у вас, а у нас совсем плохо стало, не будет сегодня перевал работать. Отдыхай!

И так каждый день две, а то и три недели подряд.

Вечерами – встречи-посиделки с Або. Народ общительный, сходится быстро. Травит байки.

Наши дороги

На Камчатке гордятся новой автодорогой от Петропавловска до Елизова и несколько дальше. Семьдесят километров почти настоящего шоссе! Провезли по нему президента Финляндии.

– Ну, как? – спрашивают.

– Говорят на Камчатке плохие дороги. Врут! Их тут вообще нет!!

Обратные технологии

С началом Перестройки стало ясно, что денег на науку государство не даст. Сами ищите источники финансирования. Поскольку я в это время руководил радоновой съемкой Камчатки, то решил обратиться к местным властям за поддержкой. Собрали мы совещание с участием губернатора Камчатки и мэра Петропавловска. Просьба: назовите основные проблемы региона, за решение которых вы готовы платить. Назвали три. 1) Авачинская бухта - база ядерного военно-морского флота России на Тихом океане. Естественно, что вода залива загрязнена радионуклидами. Нужно ее очистить. 2) В годы холодной войны полуостров Камчатка был непотопляемым авианосцем. На него завезено огромное количество боеприпасов. Снаряды и бомбы всех видов и систем хранятся на складах длиной в несколько десятков километров. Склады разрушаются, корпуса снарядов корродируют, срок годности их истек. К этим запасам даже приближаться страшно. Но и хранить нельзя - возможен спонтанный взрыв. Переработайте их во что-то безопасное и полезное. 3) Над Петропавловском расположен большой гражданский и военный аэродромы. За время эксплуатации многочисленные протечки привели к тому, что вся почва на глубину двадцать метров пропитана авиационным бензином. Новое месторождение горюче- и взрывоопасного вещества нависло над городом, расположенном к тому же на склонах вулканов. Представьте, что произойдет в случае крупного землетрясения. Организуйте добычу бензина и очистите от него почву и грунт под аэропортами.

Видит Бог, нам очень хотелось получить деньги и, казалось, мы были готовы на все. Но от предложенной работы пришлось отказаться.

Арбуз

Впервые я увидел арбуз в возрасте 8 лет в костно-туберкулезном санатории в Анапе. Его давали на обед, как сладкое. Для детей войны это было чудо. Пусть даже и малость зеленое. Все равно чудо! Но теперь при виде арбуза у меня неприятное чувство.

Дело было в Петропавловске-Камчатском. Пошел на местный рынок. Хрущевские времена. Достаточно голодные. Но базар людный: рыбы, крабов - навалом. Толпа месила грязь, воротя нос от даров моря и ища что-нибудь такое... И такое было: прямо верхом на прилавке сидел кавказец и продавал арбузы. Бог весть, как они могли попасть сюда и что они перенесли в дороге. Тем не менее, это были настоящие арбузы! Кавказец резал их виртуозно. Огромным ножом он срезал слой за слоем. Эти прозрачные ломтики толщиной в картон стоили баснословные деньги. Мало кто мог позволить себе или ребенку такую роскошь. Пацану повезло, отец вздохнул, достал пачку рублей и рассчитался. Парень, светясь радостью, взял ломтик наклонил его горизонтально и тут! Ломтик обломился прямо у корки, рухнул в грязь и исчез под чьим-то неосторожным сапогом. Вот тут я и увидел, что такое настоящее горе. Как краток миг между мечтой и крушением. И как выглядит смертная тоска во взоре.

По заслугам и честь

Камчатка вся и Петропавловск в частности – зона постоянных экспериментов с сухим законом. Климат и работы таковы, что в трезвом виде и месяц не протянешь. Ну и

пьют все, от мала до велика. С легко прогнозируемыми последствиями. Власти принимают меры: запрещают продажу спиртного, то навсегда, то на время путины. Вроде – порядок. Но народ отвечает адекватно, сметает с прилавков одеколон, зубной порошок, чай, политуру, жидкость для борьбы с тараканами, клей, керосин. В цистернах сверлятся дырки – не вытечет ли что ценное. Из самолетов выкачивают антифриз. Наносится урон технике и народному хозяйству в целом. Растет аварийность. Главное – работники мрут, как мухи. А новых где взять, лагеря-то подсократили. Не хорошо! Приходится вновь завозить спиртное. Маятник так и колеблется...

Я застал все эпохи: и сухой закон, и частичную продажу и вытеснение спирта пивом. Однажды даже сам принял участие.

В тот раз привезенная из Москвы выпивка быстро кончилась. То ли мы долго ждали погоды, то ли мало взяли, то ли компания вышла большая – не помню. Но надо в поле вылетать, а с собой ничего нет. Речь не об удовольствии, спиртное – валюта. Кто на вас за так работать будет?!

Однажды начальник собрал нас и предупредил: завтра в местном магазине будут продавать (точнее выдавать, ибо не больше двух бутылок в одни руки) спиртное. Начало – в 1700. Специально выделенные сотрудники выдвинутся туда к 7 утра, остальным прибыть за два часа до открытия. Не опаздывать – в очередь не пустят. Ну ладно, дело святое. Без десяти три мы стояли у магазина(точнее в 100 метрах от него) и внедрялись на свое место. Собралось нас несколько тысяч человек.

Улица и прилегающие дворы представляли собой плотнейшую упаковку мужиков с вкраплениями дам. Некоторые пробирались вперед по гребню забора, других передавали, как бревна, по головам. Магазин был закрыт, но очередь продвигалась – она сжималась. Кого-то вытаскивали из очереди, кого-то запихивали. Вспыхивали локальные мордобои. Визжали бабы.

Здоровые мужики с красными повязками (бригадмил) пытались упорядочить массив, превратить его в колонну для демонстрации. Помогал высокий сплошной бетонный забор, к которому мы были прижаты. Он хотя бы с одной стороны оборонял нас от страждущих.

Время шло, напряжение росло. Неизвестно было, что завезли и сколько. Может вообще не откроют! Усилился гул, толпа стала раскачиваться. Возникли мысли о Ходынском поле.

Тут прибыл грузовик с солдатами. Внутренние войска, тренированные на борьбу с бунтами уголовников в лагерях. Вооружение – короткоствольные автоматы да ножи. Они утрамбовали голову очереди, отогнали от нее толпу и встали по краям ворот. Торжественная минута: ворота распахнулись. Но не в магазин, а в пустой двор перед магазином. Команда: пошел! Но очередь не рванула вперед. Не пошли даже те, кто стоял первыми. От очереди отделились и покатались на тележках или запрыгали на костылях ветераны. Не просто ветераны – а орденосцы. Они пересекли двор, исчезли в магазине, но вскоре появились. Они сияли, как ордена на груди. В каждой руке было по бутылке. Это были пол-литра питьевого спирта!!! Толпа встретила их радостными воплями, родственники обнимали и плакали.

Дальше пошли инвалиды просто, затем гражданские орденосцы и, наконец, беременные женщины. Дамам спирта не досталась, их удел – водка. Но тоже – радость.

Некоторые не могли удержаться и прямо посреди двора глотали ее из горла.

Только потом двинулась очередь. Тем, кто занял до рассвета, достался портвейн: первым – три семерки, остальным дагестанский. Нам же – только вермут. Поглядели мы на него задумчиво, сели в кустах, да все и выпили. В самом деле, не тащить же этот напиток в город, а потом на вертолет, а потом по горкам. Был бы спирт – другое дело. Но по заслугам – и честь. Что заслужил в жизни этой, то и пей...

Рассказы: Вулкан Мутновский и его окрестности

Мутновка и Дачное

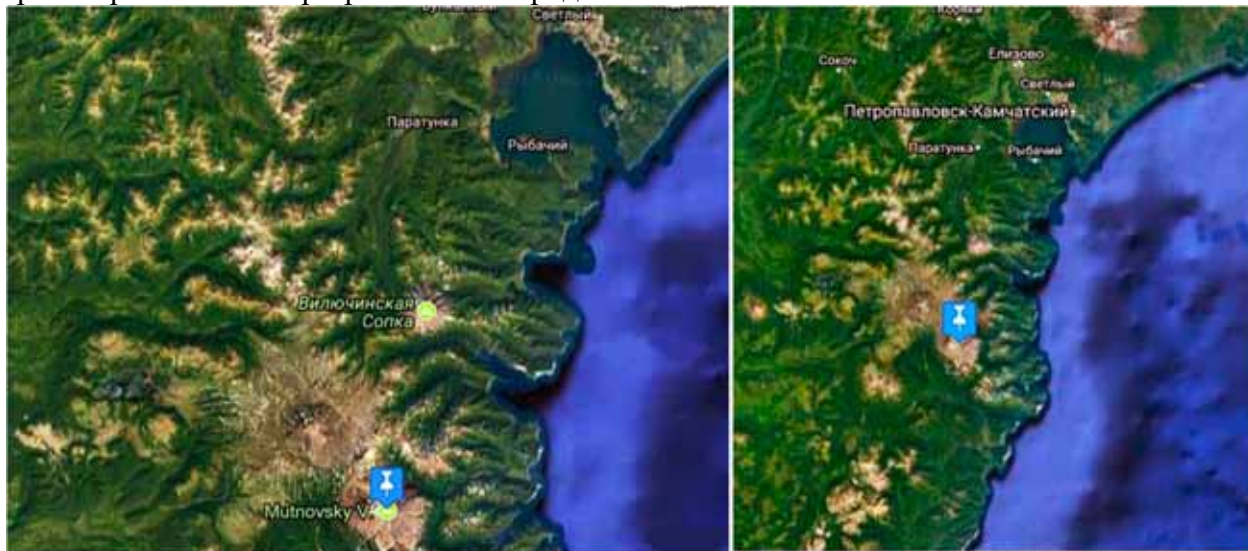
Погода в Петропавловске-Камчатском – дождь да туман. Или дождь и туман в месте назначения или они же, но на перевале, что нам никак не миновать. Но скорее – там, там и там тоже. Лето в разгаре, а ты болтаешься на трассе аэропорт-город. Но все кончается на белом свете, кончилась и непогода. Пробудились мы как-то утром – а над всей Камчаткой безоблачное небо! Скорей, скорей - на Халатырку. Там говорят:

Вулкан Мутновский на Камчатке.

– Да, погода – супер, но бортмеханик три дня как в запое, поехали брать. А вы грузитесь пока.

Грузиться, так грузиться. Вьючные ящики, вьючники брезентовые, спальники-палатки, мешки, канистры, ружья-оптика, рация-батареи – все влетело в воздух и осело в брюхе МИ-8. Дождались бортмеханика, уложили его в грузовом отсеке и взлетели.

Кроме нас четверых геохимиков и трех летчиков, был ещё пожилой геолог – первооткрыватель мутновских термальных вод и парторг с Дачного. Геолога сопровождала уже довольно старая, но еще сильная и красивая охотничья лайка Алтай, а парторга – породистая немецкая овчарка Дик. Собаки располагались в разных концах салона и подчеркнуто не замечали друг друга. Как профессор и генерал. Не замечали они у увязавшегося с нами Сэра Антонио Тобиана (в просторечье – Тобики). Но уже с позиций аристократического презрения к беспородной и абсолютно никчемной псине.

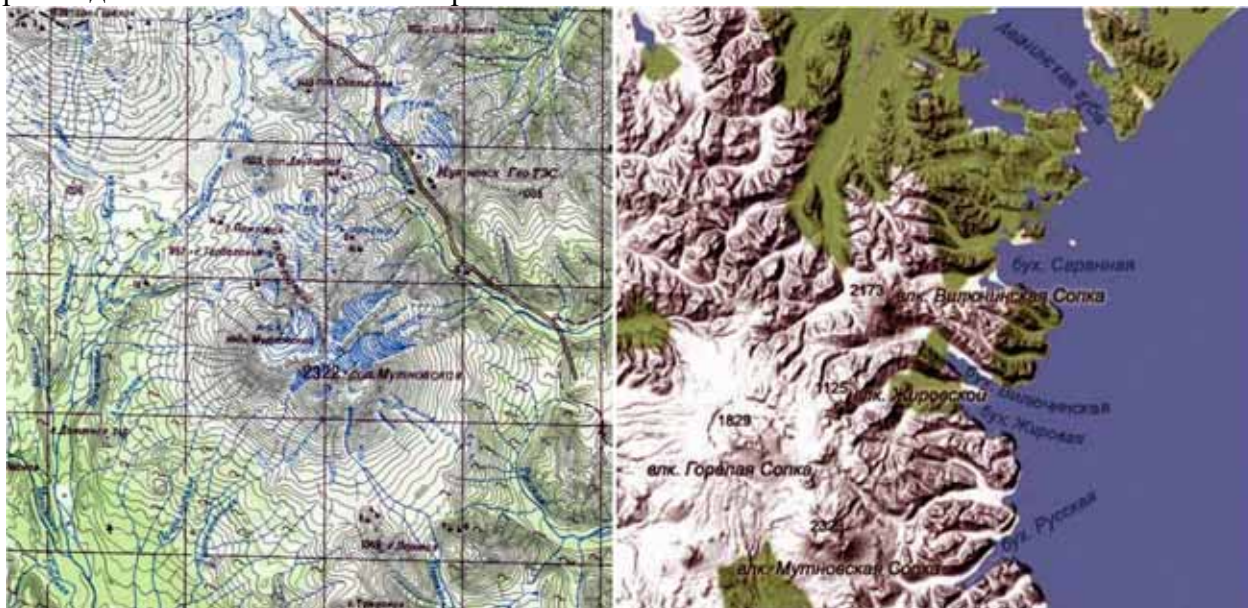


Вулкан Мутновский на картах разного масштаба.

Что такое полет на вертолете? Ты – внутри железной бочки, катящейся по наклонной стиральной доске. Со всех четырех сторон работают отбойные молотки, а в центре – машина, что сваи заколачивает. И хорошо еще – если ты в МИ-8, а не в МИ-6. Там прикоп – дырка в полу, полметра на полметра, небрежно картонкой прикрытая, сквозь нее трос с крюком опускается, так как. это – летающий кран. Интересно наблюдать

физиономию товарища, нечаянно наступившего на ту картонку в полете. Ежели сам туда провалишься, то конечно не смешно...

Но лучше не отвлекаться. Сиди себе на железной скамье и в иллюминатор пейзаж разглядывай. Есть на что посмотреть.



Вулкан Мутновский и район строительства геотермальной электростанции.

Сначала вам показывают Тихий океан. Не столько тихий, сколько великий. Похоже на Охотское море – мрачные стальные воды. Но валы волн больше, и без барашков. Заливы, фиорды, скалы, пляжи. Песок – иди купайся. Да только, гидрокостюм не забудь. Вода летом +5°C. Течение Куро-Сию, надо полагать. Кому не нравится, а кому – в самый раз. Вон сколько морских котиков, моржей и тюленей на камнях блаженствуют. Природа, она ведь не только для человека.

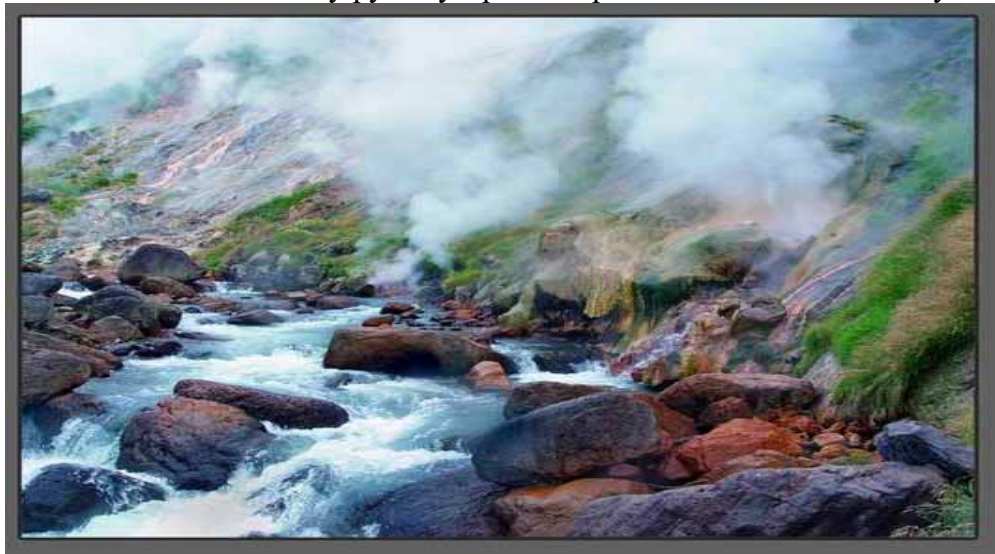


Долина реки Паратуньки

Вертолёт огибал Авачинскую губу с Запада, направляясь на Юг. Показалась покрытая березовым лесом и травянистыми полянами излучина реки Паратуньки. Сверху видны все три группы Паратунских горячих источников и поселок Паратунька (30 км от Петропавловска-Камчатского). В 16 км от села вверх по долине (юго-западнее села) на левом берегу реки (2,5 км выше впадения в нее р.Карымшиной) заметны Верхнее-Паратунские источники. Они вытекают небольшими струйками из трещин в скалистой породе на крутом (северо-восточном) склоне горы Горячей, на высоте примерно 80 м над дном долины. Источники расположены в небольшом перегибе склона сопки.

Когда-то здесь со дна Паратунской депрессии, из недр земли, был выжат купол вязкой раскаленной магмы. Он занимает изолированное положение относительно соседних хребтов и возвышенностей, его легко обойти кругом по ровному подножию.

Места выходов термальных вод хорошо заметны издали по клубам пара и характерной смене растительности: среди густого ольхового стланика ярко выделяются светло-зелёные заросли шеломайника. Горячие ключи состоят из двух десятков грифонов и образуют три параллельно текущих теплых ручья. В 70 м от истоков ручья, имеющего довольно крутой уклон, находится теплый водопад. Температура воды в источниках 40-70°C (С вертолета это, конечно, не определишь, но я не однократно бывал в долине, всю ее облазил, и во всём, что жидко искупался. Так что знаю). Общий дебит источников- 70 л/с. Вода хлоридно – сульфатная кальциево – натриевая умеренно кремнистая (содержание кремниевой кислоты – 0,062 г/л) с общей минерализацией 1,32 г/л и содержанием мышьяка около 0,3 миллиграмма на литр. Состав свободно выделяющегося газа на 97% азотный. В стекающем по склону ручье устроены примитивные ванны для купания.



На реке Паратунька можно и искупаться и попариться.

Зимний курорт на Паратуньке.

Средне-Паратунская группа расположена в 6 км от села вверх по долине. Горячая вода струйками выходит на левом берегу небольшого притока р.Паратуньки, местами она просто сочится сквозь пленку термофильных зеленых водорослей,

покрывающих берег. (Теперь, говорят, тут пробурены глубокие скважины, по которым изливается на поверхность горячая вода).

Наконец, Нижне-Паратунская группа находится прямо на территории села на левом берегу реки. Поселок окутан паутиной труб – дома и теплицы обогреваются халявным теплом. Трубы чем-то обмотаны, но все-равно – текут, струи пара бьют во все стороны. Видны обнесенные заборами пруды – в них народ принимает ванны, последнее

время уже за плату. Из прудов вытекают ручьи и реки. В них лежат бичи- бомжи (преимущественно – бомжихи). Прямо в одежде. Отдыхают.

Максимальная температура воды в источниках 42 градуса, в скважинах 84-100. (Теперь термальная вода выводится на поверхность многочисленными скважинами и используется в многочисленных санаториях и профилакториях. Лечение стоит приличных денег).



На Камчатке водопадов много.

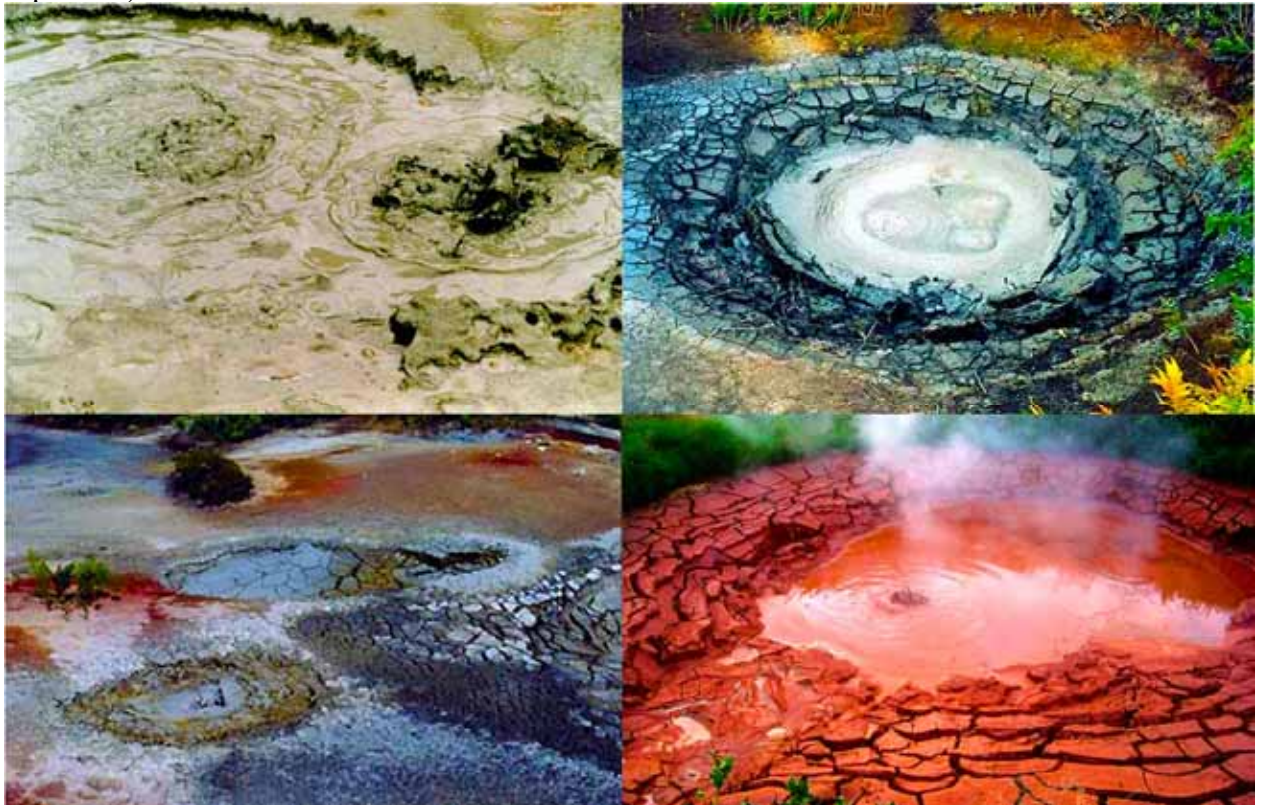
Блеснул сорока метровый водопад и открылся красивый вид на окрестности. Тут тебе и темно-вишневый корпус сопки Бархатной, тут (южнее) скалистый конус вулкана Вилучинский, тут и озеро Зелёное.



Невозможно никуда пройти, чтобы тебя никто не ошпарил или ты сам куда не провалился.

Мутновский вулкан – один из крупнейших вулканов Южной Камчатки со сложным строением и длительной историей развития, которая берет начало с плейстоцена.

нижнеплейстоценового времени. Морфологически это сложный полигенный массив. Постройка состоит из четырех слившихся, последовательно формировавшихся конусов стратовулканов с вершинными кальдерами и дочерними внутрикальдерными постройками. Вершины конусов в различной степени разрушены вулканической деятельностью разного характера. На месте восточной вершины образовалась сомма, в которой вырос шлаковый конус, вершина которого является наивысшей точкой. В дальнейшем вулканическая активность переместилась на западные склоны массива, где возникли два частично перекрывающих друг друга эксплозивных кратера, в плане напоминающие восьмерку. Их диаметр 1,5 – 2 км, глубина от 300 до 600 м. Кратеры почти полностью заняты льдом и фирном. В северо-западной части кратеров наблюдается серия гнездовых воронок различной сохранности. Одна из них находится на стыке двух больших кратеров и является наиболее активной (она так и называется «Активная воронка»).



Кальдеры.



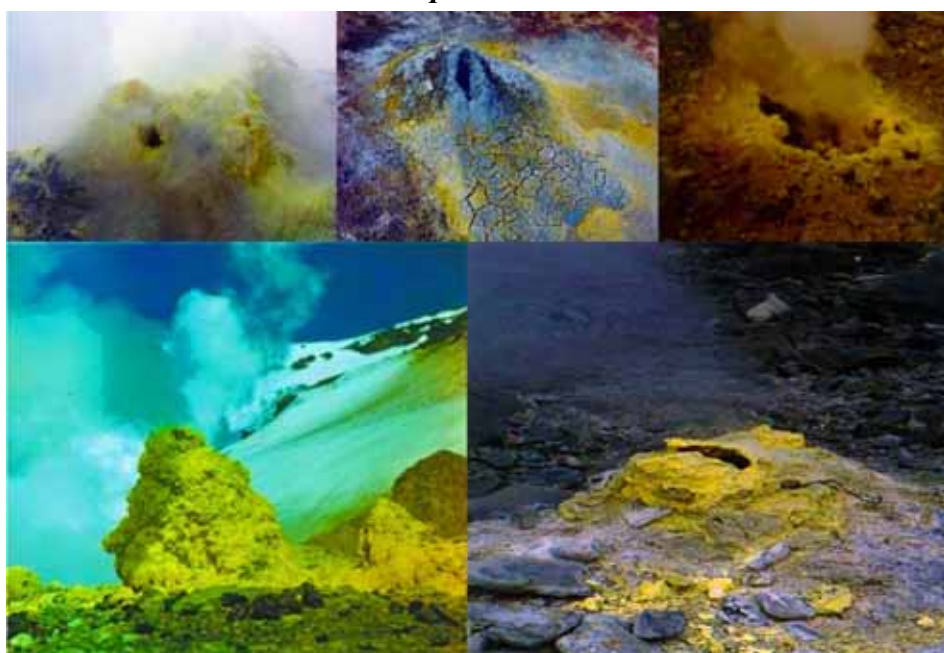
Кратер дымит и парит.



Однажды вулкан Мутновский позволил себе взорваться.



Грязевые котлы.



Фумаролы



Из этого озера пить нельзя - серная кислота.

Еще немного полета на юг и перед нами новая группа вулканов – небольших, но активных. За конусом Вилючинского вулкана (высота 2137 м, 30 км от Петропавловска) постоянно дымится вулкан Мутновский (2323 м, 80 км от Петропавловска), а рядом с ним расположились массивы вулканов Горелый и Жировский. Вулканы Вилючинский, Авача, Мутновский Горелый и Жировский образуют целое вулканическое плато, с совершенно необычным ландшафтом. Для нас важно, что вулканы Мутновский и Горелый – самые активные вулканы Камчатки. Вулканическое плато окружают несколько групп термальных источников – Дачные, Вилючинские, Жировские, Опальские и др.

Вообще-то на Камчатке 160 вулканов, 29 из которых – действующие. Пожалуй, самые интересные входят в Ключевскую группу вулканов, что находится на расстоянии 500

километров к северу от Петропавловска. Здесь на компактной территории расположены 12 вулканов, каждый из которых по-своему уникален. «Ключевская сопка» – самый высокий вулкан Евразии (4850 м), поражает величием своих классических форм и огромными вулканическими бомбами, разбросанными на многие километры от кратера. «Камень» – самый непреступный из камчатских вулканов. Взрывное извержение вулкана «Безымянный» в начале 50-х годов прошлого века уменьшило высоту его вершины почти на треть с 3500 до 2650 метров. В настоящее время внутри кратера растет молодой экструзивный конус. Вулкан «Толбачик» известен своим мощнейшим извержением трещинного типа, которое произошло в 1975-76 годах. В результате этого извержения



образовались несколько боковых конусов, так называемые «Северные прорывы», и огромные шлаковые поля, похожие на черную пустыню.

На купол не наступать: хрупкий он.

Но мы с вами летим на юг. Нам нужен вулкан Мутновский, примечательный мощными фумарольными полями с большими серными образованиями, грязевыми котлами, выбросами пара, кислотным

озером и ледником, наползающим на кратер. Коктейль из льда, пара, серы, цветных грязей и скал создают ощущение нереальности, чего-то неземного. Недаром вулкан Мутновский называют Долиной Гейзеров в миниатюре.

Настоящее чудо света! Пропустить такое было нельзя. Я достал «Зенит» и стал фотографировать. Не тут-то было! Иллюминатору были грязными и желтыми. В объектив ничего не видно. Я перешел к активным действиям открыл дверь вертолета и сделал несколько снимков. Тут вертолет, шедший до этого довольно ровно, сделал вираж, резко наклонившись на левый борт. Незамедлительно я слетел со скамьи и полетел в открытый

люк, крепко держась обеими руками за «Зенит». Опора оказалась не слишком прочной. Уже вылетая наружу, я счел за благо бросить фотоаппарат и вцепиться в поручни. Но тут меня догнала дверь и треснула по задку: «Лети уж, раз собрался!» Но я никуда лететь не собирался, я все же тяжелее воздуха и не птица. Поэтому уперся и впал обратно в вертолет. Снимки, кстати, вышли очень качественными.

В стадии эксплозивного кратера наблюдается не менее интересные вулканические проявления. Здесь можно видеть парогазовые струи, выходы которых обрамлены вулканической серой. Вулкан образован породами от базальтов до риодацитов. Преобладают высокоглиноземистые базальты, но тефра наиболее молодого кратера (Активная воронка) сложена высокоглиноземистыми андезитобазальтами калиево-нитриевой серии. Строение массива осложнено многочисленными шлаковыми конусами и лавовыми потоками побочных извержений. Современная вулканическая активность сосредоточена в северной части вулкана, где имеется система перекрывающихся друг с другом кратеров глубоко врезающихся в тело постройки. Дно самых больших из них, Северо-Восточного и Юго-Западного, почти полностью перекрыто современными ледниками.

*Примечание: **Сомма** – 1) полукольцевой вал, часть древнего вулкана, окаймляющая конус Везувия. 2. название вулкана в вулкане (например, Северный Везувий). **Кальдера** (большой котел) – котлообразная впадина с крутыми склонами и ровным дном, образовавшаяся вследствие провала вершины вулкана, а иногда и прилегающей к нему местности. **Гейзер** (от слова хлынуть) источник, периодически выбрасывающий фонтаны горячей воды и пара до высот 20-40 м и более. Гейзер – одно из проявлений поздних стадий вулканизма. **Фумаролы** (дымиться) отверстия и трещины, по которым поднимаются из недр Земли струи горячих вулканических газов, а также пары воды, перешедшие в жидкое состояние (фумарольные термы)*

Ближе к р. Вулканной, которая прорезает дно кратера, находятся водяные и грязевые котлы, где можно видеть образования минералов марказита, серы и т.д. После недавнего извержения появилось большое кислое озеро. Все это придает вулкану ещё большую уникальность, ставит в ряд с другими поствулканическими проявлениями мира и является одним памятником природы мирового значения.

Вот уж действительно: сошлись лед и камень. С одной стороны – жаркое дыхание преисподней (в мире нет вулкана, который мог бы сравниться с Мутновским по разнообразности и компактности проявлений активного вулканизма) – выбросы горячих газов, кипящие грязевые котлы, а над всей этой гигантской кухней нависает ледник, готовый все это погасить.

За исторический период произошло 16 извержений вулкана Мутновский. Наиболее сильное из них случилось в 1848 году. Какой-либо периодичности в извержениях не отмечается. Но характерны извержения, разделённые интервалами покоя около года (1852-1854, 1916-1917, 1927-1928, 1938-1939 гг.). Наибольший период покоя вулкана длился 44 года (1854-1898 гг.), наименьший - несколько месяцев. Извержения, в основном, происходят из Активной воронки, наложенной на северную кромку юго-западного кратера. В периоды покоя в этом кратере действуют мощные высокотемпературные фумаролы, паровые струи и термальные источники. Эпизодически формируются кратерные озера, что приводит к существенному изменению выноса глубинного тепла, и провоцирует фреатические извержения вулкана. Интенсивная фумарольная деятельность сосредоточена, главным образом, в северо-восточном кратере и Активной воронке. В первом постоянно действуют три группы парогазовых выходов - это Верхнее фумарольное поле с температурами фумарол более 300оС и две относительно обособленные группы на Донном фумарольном поле с температурами выходов до 150оС. Здесь, помимо фумарольных и гидротермальных выходов, находятся кипящие котлы, среди которых особенно выделяется водно-грязевый "Черный Котел", в котором интенсивно бурлит высокоминерализованная вода ультракислого состава с большим содержанием взвеси черного цвета, представленной, в основном, сульфидами.

Активная Воронка представляет собой замкнутую чашу глубиной порядка 150 м с крутыми стенками и плоским дном, имеющим в диаметре размеры 100*150 м. Наиболее мощная газовая деятельность в ней сосредоточена на юго-западной стенке. Максимальная температура составляла здесь в 1983 г. 540°C. По результатам более ранних наблюдений температура в 1963 г. составляла 750°C, а в 1964 г. около 950°C. Вынос тепловой энергии вулканом Мутновский в межэруптивный период его деятельности, составляет почти 2000 МВт, что значительно превышает тепловую мощность других камчатских и большинства вулканов мира. Последние два извержения вулкана были фреатическими и слабыми по мощности. Первое произошло в ночь с 31 декабря 1960 на 1 января 1961 г. из Активной воронки. Оно имело эксплозивный характер. Второе произошло спустя почти 40 лет, в 2000 г. Перед ним в 1996-1999 годы в северо-восточном кратере происходили значительные морфологические изменения из-за подвижки ледника, перекрывшего часть фумарольных полей вулкана и подпрудившего р.Вулканную. 17 марта 2000 г. в 6 часов 56 минут (время местное) произошёл взрыв под южной стенкой юго-западного кратера вулкана. Высота эруптивного облака была в пределах 2,5 км. В результате на склонах вулкана отложилось незначительное количество резургентной пирокластики. При извержении произошло образование горячего грязевого потока, который спустился в северо-восточном направлении на Донное фумарольное поле в северо-восточном кратере. Длина потока около 600 метров при ширине до 30-40 метров. До июня 2000 г. в этом кратере, по-видимому, произошло еще несколько взрывов, так как лед, перекрывавший его, растаял, и на дне уже парило озеро около 250 м в диаметре. За прошедшие после извержения два года возникшее озеро остыло и уже к концу лета 2002 года практически не вскрылось от зимнего льда, что говорит о сильном сокращении, если не о прекращении, теплового выноса вулкана через юго-западный кратер. Интересно, что до начала 60-х годов дно кратера также занимало озеро до 250–300 м в диаметре с тёплой водой. После извержения 1960 г. в соседней Активной воронке озеро остыло и, в последующие годы, кратер быстро заполнился ледником. Так что подобный механизм деятельности очевидно характерен для юго-западного кратера вулкана. Исторические извержения Мутновского вулкана были преимущественно эксплозивными.

Я сам как-то наблюдал парогазовые выбросы на высоту до 500 метров, всем телом ощущал прерывистое вулканическое спазматическое дрожание. Впечатлило!

Важная задача – прогноз будущих извержений Мутновского. Ведь на его склоне построена и продолжает строиться Мутновская ГеоТЭС. Понятно, что будущие извержения будут иметь взрывной характер. Вследствие этого в районе Мутновской ГеоТЭС возможно выпадение пеплов с дополнительной нагрузкой в 30–50 кг/м². Любое извержение вулкана может вызвать образование грязевых потоков, которые весьма опасны для территорий в бассейне рек Фальшивая и Мутная.

Мое внимание привлекла река Вулканная, хотя я тогда и не подозревал, сколько приключений у меня будет с ней связано впоследствии. Кипящая вода бурным потоком вырывается из кратера и... исчезает! Ныряет под ледник. Нет её, как будто и не было – лишь сплошное белое поле. Но далеко внизу, прорезая дно и западные стенки кратера снова появляется речка мгновенно превращающаяся в водопад, высота которого метров восемьдесят. Вода мощным потоком падает в каньон. На картах он обозначен как овраг Опасный. Точное название: узкий и глубокий каньон с совершенно вертикальными стенками, как будто кто специально вырезал ножом кусок гранита, вытащил и выбросил. Совершенно не понятно, где и как в него спуститься, не говоря уж о том, как из него вылезти. Туда можно только упасть. Что неоднократно проделывали геологи, вулканологи и праздношатающиеся туристы. Сделать это можно запросто – нормальной погоды здесь не бывает, постоянно – густой туман. И товарищ, благополучно обогнувший скалистую сопку, совершенно не подозревая о близкой пустоте, неожиданно отправляется в полет. Обратно пока никто не вернулся...



Кратер вулкана Горелый.

Мы сделали круг вокруг мутновского и приблизились к его соседу – вулкану Горелому. Вулкан Горелый представляет собой сочетание двух частей: старой, разрушенной, с кальдерой на вершине и новой, которая располагается в центре кальдеры. У него аж пять 5 кратеров. Его последнее извержение с большим пеплопадом было в 1980 г. А в настоящее время в глубине активного кратера можно увидеть бирюзовое кислотное озеро, в окружении десятков действующих фумарол. Что там Петродворец с его фонтанами! Сам вулкан особой красотой не отличается, но хорошо смотрится на фоне Тихого океана, ставшего, наконец, ярко синим.

Маршрут пролегал между Горелым и Жировским – самым древним из Камчатских вулканов, представляющим собой низкий конус с отлогими внешними склонами и полностью разрушенной центральной частью. Заблестели источники термальных вод вулкана Жировского. Вертолет повернул и вновь направился к Мутновскому. Появилось парящее Дачное с его буровыми, сетью труб и столбами пара. Прошли снизу вверх над долиной и выше границы леса сели на забетонированную площадку. Никто нас не встречал.

Долгое время вертолетный транспорт был единственным средством доставки на Мутновский, но потом в связи с развивающейся георазведкой и строительством геотермальной электростанции начали из Петропавловска прокладывать дорогу. Сначала это была просека, по которой мы пробивались на вездеходе, потом – тракт, по которому ходил полноприводный транспорт, форсируя вброд мелкие речки, наконец, появилось довольно приличное шоссе (регулярные автобусы по нему пока не ходят). Петропавловск, Паратунька, пос. Термальный, пос. Надежда и т.д. Сейчас по трассе идет мощный поток грузовиков и машин с отдыхающими да туристами. Надо признать, что Мутновская – одна из красивейших дорог Камчатки. Сначала – долина реки Паратуньки (вид снизу и сверху), затем зона тундры с видом на окрестные хребты, вулканы Мутновский, Виллючинский, Горелый. Ну, а мы летали вертолетом.

Почему же это место вверху некоторого ущелья-распадка называли «Дачное»? А как иначе его назовешь? Представьте, вы спускаетесь с вулкана, бредете по снегу, проваливаясь в трещины, потом снег кончился и кругом остатки, лавовых потоков, шлаки, скалы, осыпи, курумники. Камни, камни, камни. То поросшие мхом, то совершенно голые. Ветер и холод. И вдруг вы видите зелень, не просто зелень, а ядовито флуоресцирующую зелень. Вся округа поросла травой и кустарником. С первого взгляда ясно – тут радиация и не слабая радиация. Только ионизирующее излучение способно создать буйство жизни в мертвом мире.

Уже первые измерения показали – радиации здесь навалом (в сто тысяч раз выше фона!). Радон – тяжелый радиоактивный газ, альфа-излучатель, один из самых опасных токсинов. Обрадованные геологи подали заявку на месторождение радия (короткоживущий радон образуется из долгоживущего радия). Но, увы, радия не оказалось. Это было первое чудо. Чудес в Дачном потом обнаружили много, как-нибудь расскажу. Дачное – всегда в тумане, но это не обычный туман, или там облако-туча. Это –

теплый, местами даже горячий туман. Он не с неба ложится, а поднимается с болот. Местность покрыта миллионами луж-озерков. Все они кипят. Одни – на самом деле (температура там под 100°C), другие – понарошку, воду баламутят выделяющиеся газы. Вода испаряется – вот вам и туман, и не просто туман – облака пара. Изредка срабатывает гейзер и тогда вода взлетает ввысь. Воздух пропитан невидимым и неосязаемым простым человеком радиоактивным радоном и вполне осязаемыми газами – сероводородом, фтористым водородом и чёрт его знает ещё чем. С непривычки дышать трудно. Вот это благословенное место и было названо «Дачное». Можно здесь в тепле и зелени отдохнуть, и радоновую ванну принять бесплатно. От всех болезней сразу.

Не мешкая ни минуты, мы стали разгружать борт и таскать вещи в близлежащий балок – собственность гео- и радиохимиков из Института вулканологии. Балок располагался высоко над долиной на довольно крутом склоне. Выглядел он как две длинные бочки-цилиндры, скрепленные под прямым углом. При этом одна бочка была ориентирована поперёк склона и, казалось, при малейшем сотрясении была готова покатиться по склону на голову буровиков. Зато вторая – лежала вдоль (и вверх) по склону. В центре буквы Г было сооружено высокое крытое крылечко. Вид оно имело расхлябистый, но было знаменито тем, что его проектировали и строили профессора химфака МГУ. Строители они оказались так себе, но я тоже руку приложил, увеличив тем самым число профессоров-созидателей.



Так демонстрировало себя Дачное в мою первую экспедицию.



Радон был везде.



На охоту за радоном мы выходили с Тобиком.

Перед балком, ниже по склону, в земле располагался пруд-купальня, представляющий собой углубленный в грунт сруб, наполненный водой. Температура воды была порядка 40°C. Вода была проточной и содержала большое количество радона (выше, чем на знаменитом чешском курорте – Яхимове). В этом пруду мы (и все прибывшие с нами собаки) мылись и принимали ванны после длительных походов. Усталость радон действительно снимает прекрасно. Так что радиацию мы славили постоянно.

Метрах в 30-ти от балка сверху вниз стремился порожи́стый и шумный ручей. Вода в нем была ледяной и совершенно не радиоактивной. Мы ее использовали для приготовления чая и щей (борщ варить на базе радона мы все же не решились).

Поскольку в обозримой окрестности жилища туалета не существовало, мы по нужде бегали в кусты за ручьем: мальчики – вверх по течению, девочки – вниз. Больше было некуда – все остальное – открытое пространство.

Вид с крыльца открывался замечательный. Внизу простиралась длинная, постепенно расширяющаяся долина, постепенно переходящая в обширное плато (880 м над уровнем моря). Все в клубах пара, выделяющегося из кипящих болот. Сотни фонтанов с гулом и грохотом выбрасывали на высоту метров двести столбы горячей воды. Раскинутые там и сям буровые трудились над новыми скважинами. Вся долина была оплетена сетью труб сложной трехмерной конфигурации. Трубы были дырявыми и из них во все стороны били струи пара. Где-то внутри этой паутины помещался поселок с интересным для нас магазином. Края долины прорезали ручьи-речки, падающие вниз водопадами. На солнце блестели каскады водопадов. Особенно примечательным был один: кипящая вода обрушивалась в горячее озеро, из которого падал горячий водопад, образуя теплое озеро, из него снова водопад, снова озеро и т.д. Вода в каскаде была насыщена радоном.



Иногда до радона приходилось докапываться.

Если смотреть вверх по ущелью, то открывался вид на вулканы «классической» формы, покрытые вечными снегами и дымящимися. Если смотреть вправо, была видна тропа на сам вулкан Мутновский, а если – влево, то тропа на перевал к речке, текущей прямо в Тихий океан. Речка протекала в диком лесном ущелье. Во времена нереста по ней сплошны потоком шла рыба. Тогда все население Мутновского бросало свои труды и переваливала на речку пополнять запасы икры и вяленой красной рыбы. Туда же со всей округи собирались бурые камчатские медведи. Люди и звери соблюдали нейтралитет – никто никого не трогал. Рыбы хватало всем. Но не только своим видом прославлено Дачное. Проведенная в этих краях георазведка быстро доказала наличие больших запасов

геотермальных вод. Было принято решение о строительстве здесь ГеоТЭС, ибо Камчатка ощущала серьезный дефицит энергоресурсов, и этот дефицит нарастал.

Дело в том, что Камчатка, как и большинство северных территорий России, относится к регионам, где нет своих больших запасов традиционных топливных ресурсов нефти, газа, угля. А это значит, что вся жизнь на полуострове зависит от подвоза мазута,



дизельного топлива. Пришел танкер - есть тепло, не пришел - нет ни тепла, ни света. Во многих странах мира, даже с теплым климатом, давно решили эту проблему. Взять хотя бы Италию, Новую Зеландию или Сальвадор. Не говорю уже об Исландии - там вопросов по теплоснабжению и электрификации просто не существует.

Теперь зложим небольшой шурфик.

Ещё в 1955 году Президиумом АН СССР под руководством М.А.Лаврентьева была организована экспедиция на Камчатку и Курильские острова с целью изучения возможности строительства первой в СССР геотермальной электростанции. Экспедиция выбрала для строительства район Паужетских ключей на реке Паужетка – на юге Камчатки в долине р. Озерной, недалеко от впадения ее в Охотское море. Здесь на месте тектонического разлома на поверхность с малой глубины выходит много горячих источников, и бьют небольшие гейзеры с температурой воды около 100



градусов на поверхности, а под землей текут целые реки горячей перегретой воды с температурой более 100 градусов. Проблема заключалась в том, чтобы с помощью буровых скважин вывести эти горячие воды на поверхность земли и направить их в теплообменники. И вот в районе Паужетки была построена первая в СССР геотермальная электростанция мощностью 5 МВт, что хватило для обеспечения электричеством поселка Озерная и рыбокомбината. Таких мест с даровой тепловой энергией на Камчатке много даже в районе Петропавловска. Например, Паратунские источники, которые используются для обогрева домов, теплиц, в бассейнах зоны отдыха.

Радон из проб воды я мерил в балке.

Откуда берётся горячая вода и пар на Камчатке? Гидротермальные системы и их поверхностные проявления – горячие источники и гейзеры – связаны с теми же глубинными зонами разлома, что и вулканы. На земной поверхности они чаще всего располагаются на месте разрушенных древних вулканов в кальдерах, у подножия современного вулкана. Камчатка -холодные источники. Заполняя трещины, пар или горячая вода воздействует на горные породы, частично растворяют их, обогащаются различными солями. Такие воды называются минеральными. В зависимости от количества солей источники бывают пресными и солеными. На Камчатке, в основном слабо – минерализованные воды – горячие и холодные. Источники часто располагаются в речных долинах, распадках, у подножия и на склонах вулканов. Камчатка – идеальное место для возникновения гидротермальных систем. При активной тектонической деятельности в земной коре возникают разломы, трещины по которым подземные и

поверхностные холодные воды проникают на значительную глубину. Подогретые там теплом вулканических очагов, они поднимаются на поверхность и изливаются в виде горячих источников. Поднимаясь на поверхность, вода проходит длительные и сложные



пути, теряет тепло. Образуются холодные источники. Заполняя трещины, пар или горячая вода воздействует на горные породы, частично растворяют их, обогащаются различными солями. Такие воды называются минеральными. В зависимости от количества солей источники бывают пресными и солеными. На Камчатке, в основном слабо – минерализованные воды – горячие и холодные. Источники часто располагаются в речных долинах, распадах, у подножия и на склонах

вулканов.

Однажды буровая вышка выскочила из земли и упала.

Всего на полуострове насчитывается более 200 групп минеральных источников, из которых 124 – горячих. Температура воды в них от 12 до 100 градусов. К наиболее крупным гидротермальным системам относятся Киреунская, Апачинская, Щапинская, Долина Гейзеров, кальдера Узона, Карымская, Малкинская, Налычевская, Банная, Паратунская, Мутновско-Жировская, Ходуткинская, Паужетская, Кошелевская. Помимо источников этих систем характерны многочисленные парящие и прогретые площадки, грязевые и водяные котлы, паро-газовые струи. Здесь же можно наблюдать отложения солей, рудных минералов и глубокоюпереработку вулканических пород. В горячей воде содержится много кремнезема и при охлаждении он выпадает в осадок, который называется гейзеритом.

Камчатка, находящаяся в зоне раннего вулканизма, располагает значительными запасами горячей воды и пара, залегающими на глубинах 700-2500 метров и разогретыми до 300 градусов под давлением до 8 атмосфер. С середины 50-х годов на геотермальных полях Камчатки ведутся сейсмические, геофизические и буровые работы. В последней четверти 20-го столетия приступили к освоению запасов тепла на севере Мутновской геотермальной системы.

Теплото-то даровое, уголь или там газ для его получения сжигать не надо. С этим природный самовар сам справляется. Но использовать это тепло для производства электроэнергии – задача не простая. Совсем не простая!

Начнем с того, что климат в районе строительства крайне суровый, особенно в зимний период: высокий снеговой покров, сильные ветры, высокий коэффициент обледенения, продолжительные снежные бури, большое количество туманных и облачных дней. Зимы продолжительные и снег лежит в течение 8-9 месяцев с октября по июнь. Среднегодовая высота снежного покрова на открытых участках свыше 4 м, а на пониженных участках до 17 м. Скорость ветра может достигать 45 м/с, а порывы до 60 м/с. Средняя годовая температура – 1,9 градуса, при средней температуре самого холодного месяца (февраля) – 13°C и самого теплого месяца (июля 12,4°C). Зимой температура нередко понижается до 37 градусов мороза. Отмечается высокая сейсмичность. Вследствие этого строительный период длится всего 4–5 месяцев в году.

Но дело не только в климате. Электроэнергия из «дарового» тепла – дорогое удовольствие. Нужно пробурить скважины большого диаметра на большую глубину (не менее 2000 м) в скальных породах, тербует использование обсадных труб из высококачественных, трудно поддающихся коррозии сталей, нужно создать

производительную систему очистки пара от высоко токсичных и коррозионноактивных газов, нужно эффективно разделять воду и пар, отработанный пар надо сконденсировать и куда-то удалить, много еще чего надо. Все это, между прочим, денег стоит. Так что даровое тепло не обеспечивает даровой электроэнергии, как это некоторым кажется. Отнюдь!

Мутоновскую МГеоЭС то строили активно, то все работы замораживали. Экономика препятствовала, как могла. Только в последние годы 20-го века реструктуризация энергетики России, появление на рынке электроэнергии и тепла независимых производителей и значительный рост цен на органическое топливо (нефть, уголь, газ) и его транспортировку сделали актуальной реализацию Мутновского независимого геотермального Проекта на Камчатке. Лишь высокая стоимость электроэнергии на Камчатке (свыше 10 центов/кВт-час) определила привлекательность проектов с использованием местных энергетических ресурсов. Камчатка обладает уникальными запасами геотермального тепла, достаточными для обеспечения населения и промышленности этого региона электроэнергией и теплом на ближайшие 100 лет.

Исследование Мутновского месторождения активно ведется с 1975 года. К моменту появления там нашей экспедиции (1980) было уже пробурено множество скважин. Столбы горячего пара, диаметром в основании сантиметров 30 с грохотом вырывались из земли и били в высоту под сто метров. Вблизи их разговаривать было нельзя, грохот фонтанов все заглушал. Иногда раздавались взрывы. Это под напором пара взлетала в воздух буровая вышка. Буровики резво разбегались, некоторые падали в обморок, наглотавшись сероводорода, вылетевшего вслед за буровой. С непривычки дышать нечем: несет тухлятиной. О фторе и фтористом водороде, и упоминать как-то неудобно.

В последующие годы я наблюдал, как число разведочных, продуктивных и инъекционных скважин было доведено почти до 100, была построена дорога до Петропавловска-Камчатского, длиной в 130 км, линия электропередач напряжением 220 кВ, позволяющая передать не менее 160 МВт электрической мощности в энергетическую систему Камчатскэнерго, а также мощная электроподстанция в г. Елизово, способная принимать до 200 МВт. Отметим, что потенциал Мутновского геотермального месторождения позволяет получить до 300 МВт электрической В конце 20-го века была введена в эксплуатацию Верхне-Мутновская ГеоЭС мощностью 12 МВт, а в 2002 Российская компания АО «Геотерм» построила на участке Дачный первую очередь Мутновской ГеоЭС мощностью 50 МВт (два энергетических блока, мощностью по 25 МВт каждый). Для обеспечения надежной эксплуатации станции в зимнее время, когда снежный покров достигает свыше 6 м, все здания соединены между собой закрытыми галереями, позволяющими эксплуатационному персоналу обслуживать оборудование не выходя наружу. Пароводяная смесь с весовым содержанием пара от 30 до 100% поступает от 7 продуктивных скважин по отдельным магистральным трубопроводам в сепараторы первой ступени. Далее пар поступает на турбины, а после них сконденсированная вода закачивается в землю по специальным скважинам.

Этот международный Проект реализовался с привлечением кредита ЕБРР, и при участии консультантов и производителей оборудования из многих стран мира.

Высокая экономическая эффективность Проекта, базирующегося на использовании местных природных ресурсов Камчатки делают актуальным дальнейшее развитие Мутновского месторождения и строительство второй очереди ГеоЭС мощностью 100 МВт. Для это может быть использована уже созданная строительная инфраструктура. В настоящее время (2004) АО «Геотерм» приступает к организации нового геотермального Проекта «Вторая очередь Мутновской ГеоЭС мощностью 100 МВт. Планируется, что МГеоЭС-100 будет размещена на двух площадках, расположенных на центральном Дачном и на Южном участках месторождения. Новые энергоблоки будут связаны ЛЭП с КРУЭ-220кВ МГеоЭС-1, откуда электрическая мощность будет

передаваться в энергосистему. Также как и МГеоЭС-1, последующие электростанции будут создаваться на базе безлюдных технологий полностью автоматизированными, что позволит в будущем осуществлять дистанционный мониторинг и управление блоками. Хотелось бы мне на это посмотреть. Но – не судьба!

Рассказы: Камчатские бдения

Тесный мир и тонкая прослойка

Мир тесен, господа. До противного!

В этой байке – несколько начал, так что не удивляйтесь.

....В Праге у меня как-то сама собой появилась подруга. Пухленькая хохотушка. Вся в чем-то воздушно-прозрачном. Никогда не подумаешь, что способна сутки просидеть за рулем. А это было действительно так: без машины она себя не мыслила. Жила она в узком переулке, прачечная была напротив, но она ехала туда на Шкоде. Иржина любила путешествовать и возила меня по Чехии – Богемии – Моравии, показывая замки. Устройство машины она не знала даже приблизительно, правил тоже. По крайней мере, ей ни разу не удалось сдать экзамен в ГАИ. Права она просто покупала, а машину осматривали на бензозаправках. Она даже не выходила. За рулем она болтала. Пролетев на красный свет, тормозила, и со словами: «Я, кажется, сделала ошибку», сдавала назад через перекресток. Другие водители удивлялись. Муж у нее был то ли химик, то ли физик, почти гений. После событий 68-го года его начали притеснять, и он перебрался в США. Звал Иржину, но она не поехала, т.к. у нее умирала от рака сестра. Потом сестра умерла, остался племянник, которого она энергично воспитывала, и который обычно сопровождал нас в путешествиях. Кроме того, у нее были здесь земельные владения (в Праге и под Прагой) и она не хотела исполнять роль бездомного скитальца. Сильно переживала, но осталась. Несмотря на феодальные замашки, она была искренней комсомолкой и возглавляла молодежную редакцию Телевидения. Когда муж стал невозвращенцем, ее обвинили в сговоре и пособничестве, выгнали с работы и отобрали дачу в горах. Теперь она трудилась в ресторане: выдавала скатерти-полотенца, иногда мыла посуду. Работа начиналась в 6 утра, зато в 12 заканчивалась. Иржина носилась по городу и окрестностям хлопоча за молодого художника, подрастающего таланта. Устраивала выставки, продавала картины, выбивала студию, стипендию и т.п. Была полноправным членом обширной Пражской богемы. Общалась она много и с русскими: в Ленинграде гостила у приятеля мужа, профессора Игоря Николаевича, с комсомольскими делегациями часто бывала в Москве.

Обо всем этом она рассказывала за рулем. Несколько лет я следил за развитием событий. Вот муж женился на американской манекенщице, вот та обобрала его до нитки, вот он развелся... Потом Иржина поступила на юридический и ей стало не до меня.

...Андрей приступил к диплому, как раз к смене зав. кафедры. Свалившийся на нашу голову Академик Легасов поменял тему работы. Пришлось отправить Андрюшу в библиотеку изучать новое для нас направление – автоволновые колебания в катализе. Он сидел там долго, но ничего не нашел.

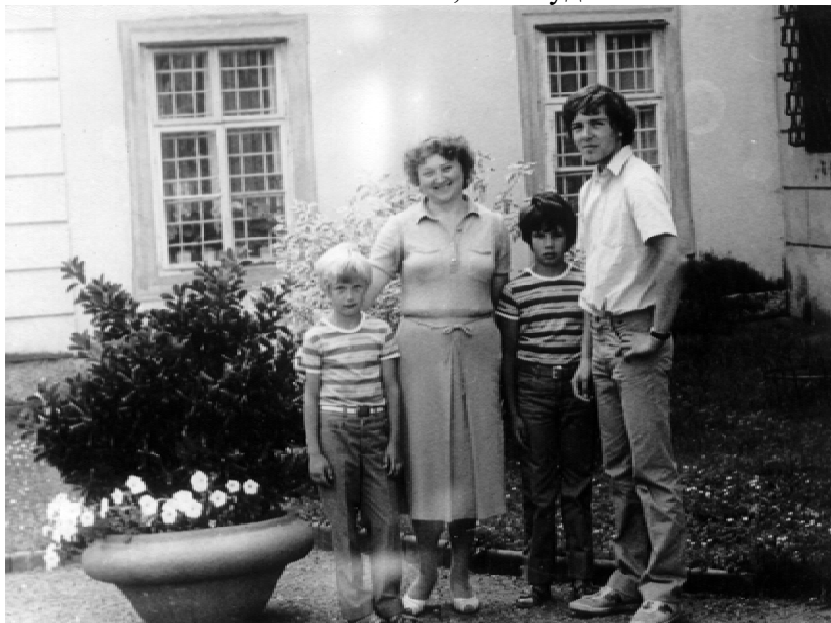
....Отдыхал я в Риге. Жил у Юриса, который тогда преподавал на кафедре радиационной химии Латышского университета. Политикой особо не интересовался, и за самостоятельность еще не воевал. Вечерами мы вели неспешные беседы, оформляли заявки на изобретения, обсуждали наукометрию, которой он увлекался. Утром я отправлялся на Взморье, где валялся весь день с книжкой в руках. Книжки я брал у Юриса, их у него было великое множество. И вот мне попала тонкая монография Таганова. Фамилия мне показалась знакомой. Точно, Иржина его поминала. Я подивился тесноте мира и стал читать. Книжка мне понравилась. Написано четко и по делу, а, главное, по нашей новой теме. Я сделал выписки для Андрюши. Особенно привлекла ссылка на статью какого-то чеха, Главачека. Он предложил теорию автоволновых колебаний в адсорбции и катализе. То, что надо.

Вернувшись в Москву, я снова отправил Андрея в библиотеку. Тот принес ксерокс статьи Главачека, ссылку на которую я нашел у Таганова. Ну, хорошо, эту статью

ты добыл. Но она же старая! Ищи его новые труды. Андрей снова исчез и через месяц сообщил, что новых трудов нет. Ни по какой теме.

– Учись студент, – сказал я.

Тут как раз появился в Москве Зденек, который в Чехословакии знал всех, и все знали его Зденек, ты знаешь Главачека? Где он у вас работает? Попроси у него новые статьи! Зденек недоуменно уставился на меня: Игор – ты с ума сошёл! Главачек – муж Иржины! Она тебе уже десять лет объясняет, что он давно в Штатах, преподает и наукой не занимается! Новых статей нет, и не будет.



Иржина Главачикова: слева - со своими племянниками, справа - с моей дочерью Натальей.

– Однако! – подумал я, – мир-то тесен! А у Иржины, действительно, фамилия Главачекова. Зденек прав.

...Прислал факс Юра и пригласил в экспедицию на Камчатку. Мерить радиацию на вулканах. Одному ехать не хотелось, и я позвонил в Ленинград Валерию Николаевичу. Он когда-то был моим студентом, а сейчас – заочным аспирантом. Предложил захватить текст его диссертации – посмотрю между приключениями. Но с условием – сходи в Техноложку, найди Таганова, узнай, что нового в адсорбции. И вообще завяжи контакты: мне надо защищать докторскую, вот он и напишет отзыв.

...Мы работали на вулкане Мутновский. Долина вся кипела гейзерами, в некоторых из которых было много (порой даже очень много) радона. Принимали горячие радоновые ванны. Валерий Николаевич помогал отбирать пробы газа, а потом уже в балке измерял его активность. Черновик своей диссертации он принес, но никакого Профессора не нашел. Тот где-то путешествовал. И вообще, говорят, его не поймать...

Ни чего аспиранту поручить нельзя! Все самому делать приходится. Балок представлял собой горизонтальный цилиндр с матовыми от фтористого водорода окнами. В «комнате» с вогнутыми стенами располагались длинные и узкие консольные столы. В торце находилась счетная аппаратура и выключники с пробами. А на остальных столах – наши спальники. Мы с Валерой на столах и спали.

По радиации сообщили, что приближается ураган Эльза. Барометр рухнул и показывал полшестого. Балок начало потряхивать. Не хватало, чтобы его сорвало с тросов. То-то славно покатаемся мы по склону. Атракцион выйдет. Валера пошел проверить крепления, а я улегся читать его дурной Диссер.

Стемнело, начался дождь, пошли первые порывы ветра. В дверь постучали. Открыто! – сказал я, удивляясь вежливости ВН.

Вошёл, однако, не Валера, а мощный бородатый мужик с огромным рюкзаком. Настолько огромным, что он застрял в двери. Пришлось снимать и протискивать боком. Тяжести он был необыкновенной. С первого взгляда я прозвал прибывшего Бывалый. Следом шел тощий мужичонка, но в прекрасно сшитой штормовке. Вся – в карманах, молниях и ремешках. За спиной его был не широкий, но узкий и длинный синий рюкзак. Тоже весь в карманах-молниях, явно сшитый на заказ, вместительный и удобный. Третьим вошел крепко скроенный дядька, в кожаной куртке, с военным планшетом через плечо и детским кожаным рюкзачком за спиной.

Игорь Николаевич, Профессор, - представился он, протягивая мне руку. О! Вы- то мне и нужны! Проходите! Палатку их снесло, пришлось искать надежное укрытие. Я его вполне мог предоставить – места на полу под столами-лежаками было достаточно.

Пришедшие развернули спальники, достали тушенку, мы извлекли красную рыбу с крабами. И спирт, естественно. Выпили и стали знакомиться. Каждый рассказывал о себе, в меру своей скромности (незначительной) и фантазии (существенной). Мы с ВН лежали на столах с обеих сторон прохода и слушали истории, всплывавшие откуда-то снизу. Светились концы сигарет. Светопреставление царило за стенами.

Таганов – химик-теоретик, заведующий кафедрой Химической кибернетики, внедрял математику и компьютеры в сознание химиков. Главное направление – синтез новых молекул. Он предсказал возможность существования экстравагантных соединений типа гелий-гелий, неон-неон, аргон-гелий и т.п., т.е. соединений абсолютно невозможных с современной точки зрения. По его мнению, они образуются в недрах Земли и выделяются с вулканическими газами. Теперь он бродил среди гейзеров, пропуская газы через активные фильтры, изготовленные из какого-то супернового адсорбента. Дома с помощью масс-спектрометра он надеялся обнаружить предсказанные соединения легких инертных газов и прославиться.

Одновременно он был профессором-консультантом Эрмитажа. Сам хороший художник, он изобрел способы старения красок, лаков и холста. Никто не мог обнаружить подделку в изготовленных им картинах древних Голландцев. Даже физики-химики с их радиоуглеродным методом датирования. Подаренную им Эрмитажу картину неизвестного голландца признали подлинной. Пришлось показать на часы на руке одного из героев, чтобы доказать ошибки датировки. Да что там Голландцы! Он мог изготовить «подлинные» билеты в Мариинский театр и раздать всей кафедре. У него была хорошая художественная студия на мансарде старого дома. Но работа становилась опасной. Им заинтересовалось КГБ, предлагали сотрудничество в создании старых и новых документов. Он отказался. Мафия, делающая бизнес на подделке раритетов, предлагала финансирование. Он то же отказался.

В последнее время Игорь Николаевич занялся раскрытием секрета русского булата. И раскрыл его! Небольшой заводик начал выпуск для коллекционеров клинков с неповторимым узором. Практической пользы от них, впрочем, мало – современная сталь прочней булата.

Но прославился Профессор вовсе не этим. Он – чемпион мира по охоте на медведей: во-первых, убил этих зверей больше чем кто-либо из ныне живущих добытчиков, а, во-вторых, завалил самого большого в мире бурого медведя. Чучело мишки стоит теперь в мастерской, пугая гостей. Причем охотится он не с винтовкой-автоматом, а по старинке – с ножом да рогатиной. Вот и сейчас он ищет подходящего мишку, благо на Камчатке водятся самые крупные экземпляры.

Рассказы Профессора были занимательны и поучительны. Я то же не остался в долгу и плесканул пару бак. То же, чай, не лаптем щи хлебаем! Но, конечно, эффект был не тот.

Бывалый (председатель географического общества России) то же особо не блистал. Он рассказывал об охоте на волков, на Чукотке, в которой участвовал на прошлой неделе. Эка невидаль, эти волки! Да я сам на Алтае одного такого ножом

зарезал, прыгнув на него с лошади. В степи и на полном галопе! И ножик был перочинным...

Третьим выступал Дрожжевик - сотрудник Института Белка. Он раскрыл нам глаза на туристко - экспедиционное оборудование. Он изобретал, и сам шил штормовки, рюкзаки, палатки. Мы слушали рассеянно – никто не собирался следовать его примеру. Тогда он перешел на новые типы дрожжей. Он принес домой чайную ложку такой закваски и забыл про нее. Как-то жена замесила на ней тесто. Уже через полчаса она звонила мужу в панике: квашня переполнила кастрюлю, растеклась по столу и начала покрывать пол. Он приказал отобрать из квашни чайную ложку, а все остальное собрать и спустить в унитаз. Она так и сделала. Снова замесила тесто. И снова оно побежало через край. Прямо самоварящий горшок из немецкой сказки! Лишь с третьего раза тесто вышло. Но истинная ценность дрожжей в другом. Настоянная на них бражка дает 900 самогон с первого прогона. Почти чистый спирт!

Все время Большой Травли Валерий Николаевич возлежал на спальнике и взирал на потолок. Ни, кибернетика, ни химия инертных газов, ни подделка старины, ни медведи его не интересовали. Но при последних словах он воспарил – как был, горизонтально, оторвался от стола - и возопил:

– Как Вас найти в Ленинграде? Дайте телефон!

...Наступала ночь. Эльза делала свое дело, мы свое. Я поднял кружку с остатками спирта: Мир тесен, господа! Удивительно тесен...

– Не так тесен мир, как тонка наша прослойка, - поправили меня снизу.

И то правда!



Мишки вышли на рыбалку.

Подручное средство

На Камчатке в путину рыба по реке идет сплошным потоком. Не ловит только ленивый. Но один ушлый нашёлся. Им оказался здоровый бурый медведь. Он себя не утруждал, а добывал пропитанье с помощью подручных Я балансировал на камне, в метре от берега. Внимательно всматривался в воду, чтобы не схватить какую-либо битую, с

черными пятнами. Углядев сквозь сплошной панцирь спин, что-то подходящее, я метал туда багор и вытаскивал рыбину. Потом складывал её в бочку.

Изредка из кустов раздавалось грозное рычание:

– Рыыы!

Я, не глядя, бросал за спину рыбу. Из кустов высовывалась лапа с когтями и забирала добычу. Ловили мы весь день. У меня набралась тонна рыбы и у мишки - куча не малая. Вот так, используя рабский труд, он и обжирался!



Если рядом нет радиохимика или геолога какого еду приходится добывать самому.

Террором на террор

И по специальности и по душевной склонности я – радиохимик. Но, если я об этом объявляю членам очередной экспедиции, те радостно провозглашают – А! Вот и будешь у нас радистом! Там – радио, тут – радио, какая разница?!

Объяснять ребятам, где здесь разница скучно. Поэтому на Камчатке я без лишних разговоров пошел на склад, получил рацию и взялся за ее освоение. Пара суток – я вышел в эфир.

Хулиганство и бандетизм.

Теперь, обосновавшись на метеостанции в безымянной бухте Тихого океана, я периодически связываюсь с базой, выслушиваю благоглупости начальства и передаю их своим.

Связь – дело полезное. Всегда знаешь, где какая погода, где тайга горит, куда вертолет



подался, как ловится рыба, и идут стрельбы на военной базе. Ну и, конечно, сплетни. Скучно же по сопкам молча лазить, а тут можно новости узнать и обсудить к тому же.

Есть и постоянные темы. Одна из них – медведи. Эта тема популярна на всем пространстве СССР, но на Камчатке – особо. Здесь самые крупные бурые медведи и самые агрессивные. Но и охотники на них – агрессивные. Некоторые ходят на хищников с автоматом и винтовкой с оптическим прицелом, зато снобы (профессор Таганов к примеру) – с одним ножом (он шел бы с рогатиной, но секрет ее изготовления утерян). Эфир полон советами, как свежевать мишку, как дубить шкуру, извлекать желчь, сушить ее и т.п. Делить шкуру убитого медведя – наше любимое дело. Не убитого, потому что



отстрел медведя здесь категорически запрещен. Можно схлопотать срок, причем серьезный. Поэтому проблема не в том, как защитить медведя от человека, а наоборот, как защитить человека от медведя.

Миша – гонимик.

В последние годы медведи расплодились и обнаглели до предела. Понятно, чем самому охотиться, ловить рыбу и собирать малину, куда лучше напасть на какой-нибудь беспризорный лагерь геологов, да полакомится

тушенкой, сгущенкой, сахаром, наконец. Тем более, безнаказанность гарантирована. В целом, ущерб человеку существенен: помимо порчи имущества, уничтожения скудных съестных запасов, психологических травм, были и жертвы – раненые и убитые. Стрелять запрещено, народ пускает сигнальные ракеты, зажигает фальшфайеры, швыряется головешками, свистит, как судья на поле – толку нет.

Вот типичный обмен радиограммами:

Экспедиция: Обнаглевший медведь, проник в лагерь, разворотил 2 рюкзака, 3 ящика с тушенкой, сожрал окорок марала.

База: составьте акт на списание.

Э. Ночью медведь проник на склад, разобрал крышу, разорвал мешки и повредил оборудование.

Б. Перенесите склады на деревья.

Э. Во время ужина, медведь ворвался в лагерь, всех разогнал. Сидим на деревьях.

Б. Свистите в свистки, стучите палкой по палке

Э. Раненый медведь взбесился, порвал двух собак, поцарапал геодезиста. Мы ушли в тайгу.

Б. Какая сволочь стреляла в медведя? Прокуратура открывает дело.

И такое – регулярно. Мы слушали и тащились. У нас медведей не было

Но однажды эфир огласился воплями и бабьим матом. Знакомый медведь проник в деревню и устроил погром. Причем обещал придти еще. Тетки просили помощи. Посмотрел на карту – деревня не далеко – километров сорок по прямой. Взял я фельдшерский чемоданчик с аптечкой (хорошая аптечка, Тамаркой-санитаркой собрана), оседлал Лауру и поехал спасать мирное население.

Тропа набита слабо, но все же читается четко, и мы с Лаурой её не теряли. Перевал в одном месте довольно крут, но и его преодолели. Деревня Нюркино когда-то была большой, но сейчас, естественно, умирала. Жили практически одни тетки

преклонного возраста. Было два мужика, но они как начали пить в детстве, так не могут остановиться. В расчет их никто не брал.

Сначала я осмотрел окрестности. Сразу за околлицей начиналось овсяное поле – мечта медведя. Судя по следам, там пасса целый коллектив, некоторые вполне крупные. Почему одному тесно стало в овсяном рае, и он подался в разбой – не ясно.

В деревне бабы взахлеб делились впечатлениями о вчерашнем налете. Разоренье было не малое, особенно – на пасеке. Но главное – страха натерпелись, когда по плетням скакали, уходя от медведя. Один мужик по гладкому стволу березы взлетел на вершину, где три часа дрожал, пока зверюга сдирал когтями кору. Но главное – обида. Этого мишку они, оказывается, знали давно, еще с нежного возраста медвежонка. Проказливый был, но забавный. Бабки смеялись над его выходками и подкармливали. Даже мамаша его была недовольна и изредка награждала мощной оплеухой. Так продолжалось, и когда стал пестуном, здоровым медведем, без царя в голове, правда. Любил он, повалившись в овсах, зайти в деревню и полакомиться чем (или кем) Бог послал. Однако сильно не наглед. Но личная жизнь его, видать, не задалась, и стал он пить. С годами превратился в алкоголика. Теперь он повадился в деревню целенаправленно – в поисках чего выпить. Чутье его – уникально, как не прячь самогонку и бражку, все одно – найдет и выпьет. А потом валяется на околице. Прямо, как человек.

Между тем в Нюркине спирт.завода нет и магазина тоже. Все продукты завозятся вертолетом, а в этом году он один раз прилетел, бюллетени привез, выборы в Верховный Совет провел, и все – нет его. Так что не только вина-водки, здесь ни сахара, ни дрожжей два года не видели, так что население в целом и даже алкаши стали трезвенниками. Мишке это не нравилось, он не был закодирован. Вот и устроил налет со смертельными последствиями для козла, свиньи и нескольких кур. Причем курятник он разорил без всякой пользы, так – из чистого куража.

Провел я опрос населения на предмет оружия. Ружья были практически у всех, но боезапас кончился. Принесли мне несколько патронов, но латунные гильзы были настолько зеленые, изъеденные коррозией и деформированные, что я даже прикоснуться к ним не стал. Обошел деревню, порылся на старом складе удобрений и фунгицидов, набрал ведро калийной селитры. Порылся еще и откопал запасы аммиачной селитры. Это уже было кое-что.

Отнёс два ведра удобрений в баню – это теперь мой антитеррористический штаб и лаборатория. Туда же доставил канистру с бензином, стеклянные бутылки, банки из-под компота и несколько пустых консервных банок. А аптечка – всегда со мной. Кто знает? Может срочно бронепоезд взрывать придется... Баня была большой: – парная с пузатой печью и встроенным в нее баком с водой, и предбанник с обычной буржуйкой. Все – что надо для полноценной химлаборатории террориста.

Была у меня такая в детстве-отрочестве. Много чего я в ней полезного наработал. Слава обо мне шла по всей Клязьме и даже шире. Правда, не как о террористе, а как о диверсанте-подпольщике. Жаль немцы до нас не дошли, мало б им не показалось....

Сел я на лавку и стал думать. Взрывчатку я, естественно, могу изготовить из любой табуретки, или, скажем, – полена. Но это возня. Да и ни к чему – у меня куча реактивов. Серную кислоту добыл из старого аккумулятора, элементарную серу наломал в кальдерах местных вулканов, древесный уголь вытащил из печки, вата - из аптечки (там еще были кой-какие лекарства, при умелом обращении, способные поднять на воздух всю деревню). Есть бензин-солярка, два ведра удобрений. Да и лабораторное оборудование классно – самогонный аппарат. Конструкция отработана веками, но пришлось модернизировать – заменить кастрюлю на глиняный горшок, а то, пожалуй, растворится в кислотах.

Что еще террористу надо? Проблема в другом: в этот раз задача – гуманна. Нужно отучить мишку (его приятелей и близких родственников) приставать к людям. Вот, если

бы можно было его замочить или покалечить, это мы запросто, а так придется повозиться. Использовать интеллект (свой, а не медведя).

Вы, конечно, решили, что я взялся за изготовление коктейля Молотова. А вот и нет! Конечно, со времен 2-ой мировой войны этот коктейль любим террористами всего мира. Он крайне прост в изготовлении и может дать страшные результаты. Взяв любую легковоспламеняющуюся жидкость - бензин, дизельное топливо, керосин, спирт, горючее для зажигалок, ацетон, скипидар и др. и налив в стеклянную бутылку, кто угодно может сделать зажигательную бомбу. Бутылка плотно затыкается свернутой тряпкой, пропитанной горючим, конец тряпки оборачивается вокруг горлышка бутылки и привязывается. Не забудь оставить свободно свисающий фитиль длиной 10 см. Поджигай фитиль и бросай. При условии, что ткань не погаснет и бутылка разобьется от удара, ее содержимое выплеснется и вспыхнет. Смесь бензина со смолой или вязким маслом прилипает к пораженной поверхности или человеку, создавая трудности в тушении и поджигая даже трудно воспламеняющиеся объекты.

Штука, конечно полезная. Но – ненадежная, и опасная для самого террориста. Главное ведь что? Чтоб бутылка разбилась. Шлепнете ее об танк – проблем нет. Но мишка – не танк, он мягкий! Кроме того, запал должен работать устойчиво. А где гарантия, что ваша тряпица будет вообще гореть в полете, или, что хуже, не взорвет бутылку у вас в руках? Помню в детстве знакомый пацан в броске поднял руку слишком высоко, пробка выскочила, бензин полился, так что парень вспыхнул весь и незамедлительно сгорел. Нам это надо? Да и сжигать живьем медведя неэкологично.

В детстве-отрочестве я работал над развитием идеи коктейля Молотова. Пытался создать бутылки с химическим воспламенением. Просто добавлял в бензин триэтилалюминий, самовозгорающийся на воздухе. Трудность в том, что закупоривать бутылки нужно в бескислородной атмосфере – дома сложно. Пробовал я использовать два компонента - внутри и снаружи бутылки - воспламеняющиеся при контакте друг с другом. В ход шел хлорат калия, сахар да серная кислота. Но я бы не сказал, что результат был хорош. Ну его, этот коктейль Молотова!

Для нас с вами он слишком прост. Уж химичить, так химичить...

Впрочем, сначала нужно обеспечить себя реактивами.

Серную кислоту я добыл из автомобильного аккумулятора. Но ее концентрация для моих целей недостаточна – пришлось сконцентрировать упариванием воды. Кислота, конечно, загрязнена свинцом – её нельзя применять для синтеза пикриновой кислоты. Если б мне пришла в голову идея производства пистонов-взрывателей, трудности я бы все равно преодолел – перегнал бы в сухую железный купорос (его на колхозном складе навалом – боролись когда-то с болезнями растений) и дело с концом. Но таких идей не было. Для меня аккумуляторная кислота вполне годится. Другое дело, что концентрированная серная кислота гигроскопична, то есть активно поглощает из воздуха водяные пары. И опять разбавляется, зараза. Пришлось залить ее в стеклянную банку из-под вишневого компота и плотно закрыть пластмассовой крышкой.

Для изготовления основных взрывчаток требуется концентрированная азотная кислота. Тут все просто: налил в горшок от самогонного аппарата серной кислоты, осторожно присыпал калиевую селитру (нитрат калия, для неучей). Приемник охлаждался ледяной водой из ручья. Медленно нагрел и подождал, пока конденсат потечет в приемник. Это и есть азотная кислота. Тут важно не перегреть, а то начнут выделяться ядовитые газы бурого цвета. Станешь чихать и кашлять, придется убираться из бани, пока не проветрится. Но я – профессионал – ничего пакостного не случилось. Слил концентрат в банку из-под персикового компота и плотно закупорил. Не перепутать бы потом компоты! Основные реактивы есть – готовь взрывчатку. Вопрос: какую?!

Вы можете сказать, что мне ничего делать не надо – нитрат аммония (аммиачная селитра) есть – чего же боле? Тут тебе и ценное удобрение (много азота), тут тебе и мощная (и надежная!) взрывчатка. Не торопитесь! Да, это вещество способно взрываться с

огромным выделением энергии. Но его еще надо подорвать! Требуется очень сильная ударная волна (например, от промежуточного заряда, скажем, тринитротолуола или гексогена), чтобы нитрат аммония сдетонировал. Конечно, чувствительность можно повысить, например, добавив алюминиевую пудру. Но вот ее-то как раз под рукой не оказалось (в детстве я эту пудру добывал в больших количествах в тракторной мастерской, где из нее делали краску-серебрянку для колес). Здесь, увы, МТС не было.

Знаю, что вы скажете! На базе нитрата аммония можно создать разные типы взрывчаток с повышенной мощностью, чувствительностью и влагоустойчивостью. Добавь немного вазелина, моторного масла, на худой конец – керосина и получишь игданит, смешай 70% нитрата аммония, 26% алюминиевой пудры и 4% угольной пыли – вот тебе и аммонал – взрывай скалы. Смешивая 10..80% нитрата аммония с 90..20% расплавленного тола (тринитротолуола) получишь продукты с широким диапазоном чувствительности и высокой мощностью. Не учите! Ученого учить – только ортить! Дома я вам все это приготовлю, а здесь – увольте. Баню жалко...

Одно из опаснейших взрывчатых веществ – нитроглицерин. В аптечке у меня он был в виде 1% спиртового раствора – Тамарка запасла для сердечников, но где они здесь, эти сердечники? Это лекарство – взрывобезопасно – поверьте на слово. Но если оставить его в открытом стакане при комнатной температуре, спирт испарится, а нитроглицерин останется на дне посуды. А это уже взрывчатка, да еще какая! Помните фильм «Плата за страх», с Ив Монтаном? Как там грузовики с нитроглицерином взлетали один за другим на воздух? Взрывается от любого неосторожного движения. Я сам однажды едва не остался без глаз, а соседу по тяге три пальца оторвало.

Нитроглицерин - одно из опаснейших и нестабильных взрывчатых веществ, если не самое опасное. Изготовить его, не рискуя жизнью, невозможно. Множество анархистов было убито или тяжело ранено при попытках "сварить" нитроглицерин. Когда его синтезировали на фабриках Нобеля, большое количество рабочих пострадало при частых взрывах. Тем не менее, он широко используется при изготовлении взрывчатки. Для этого сразу после изготовления его преобразуют в более безопасное вещество - динамит. Кстати, если бы я взялся готовить динамит, то делал бы, естественно, не из медицинского нитроглицерина, а просто – из глицерина. У меня было несколько пузырьков (моя аптечка – мечта террориста, низкий поклон Тамаре) – для косметических целей. Получение элементарно: концентрированные серная и азотная кислоты, сода, глицерин, дождевая вода (вместо дистиллированной). Добавляй одно к другому, мешай и охлаждай. Когда нитроглицерин осядет на дно стакана, раствор кислот над ним осторожно слей. Маленькая хитрость: чистым шприцем из аптечки осторожно перенеси нитроглицерин в стакан с раствором соды. Этот раствор удалит остатки кислоты, что сделает нитроглицерин более стабильным и менее склонным к беспричинному взрыву. Вот и все – нитроглицерин и динамит считай у тебя в кармане.

Мощнейшая взрывчатка, которую Нобель называл «гремучий студень» может изготавливаться путем добавки в нитроглицерин 5% нитрата аммония. Он тоже склонен к самопроизвольному взрыву. Лучше сделать динамит. Опилки, мел (зубной порошок), селитра – многие другие вещества (идеал – известковый порошок для полировки машин) пропитываем нитроглицерином. То, что получится, Нобель (основатель Нобелевской премии) назвал динамитом. У динамита резко снижена чувствительность к механическим воздействиям.

Сейчас в моде гексоген. Понятно – мощная военная взрывчатка: в 1,5 раза мощнее тринитротолуола (тола). Однако, гексоген – чувствительное вещество, может в руках рвануть, поэтому его редко используют самостоятельно, чаще – как промежуточный заряд для подрыва тринитротолуола или нитрата аммония. Могу я получить гексоген в бане деревни Нюркино? Станный вопрос, конечно – да! Лезем в ту же аптечку (хорошо у нас никто не болел и аптечка в полной сохранности) – и достаем мочегонное (оно же антимикробное) средство «уротропин». Нет аптечки – бери сухой спирт (у любого

туриста-альпиниста есть). А что такое уротропин по своей химической сути. Это – гексаметилентетрамин, короче – гексамин. Теперь понятно? Берешь 50 г гексамина и 550 мл концентрированной азотной кислоты. Кислоту - в стакан, сыпь туда же лекарство, да помешивай. Только помни – температура начнет подниматься, ее непременно нужно удерживать ниже 20°C во избежание ужасных последствий. Нагреется до 30° – не будет ни тебя, ни бани. Так что охлаждай – не ленись. Храни гексоген во влажном состоянии – суши перед использованием. Можешь пойти дальше – изготовить известную армейскую взрывчатку С-1 (пластит): смешай в полиэтиленовом мешке гексоген (88%) с вазелином (11%) и казеиновым клеем (1%). Полезная вещь получится.

Читатель, надеюсь, понял: химия – страшная сила: слад минеральных удобрений и аптечка обеспечат противостояние целой армии. Или массовый террор. Жаль, здесь – ни немцев, ни американцев, ни чеченцев нет. Не перед кем блеснуть мастерством...

А ведь мы рассмотрели только одну группу взрывчатых веществ – бризантные ВВ, т.е. способные детонировать. Есть и другие группы ВВ. Например, пороха, способные сгорать без доступа воздуха. Праймеры, отличающиеся высокой чувствительностью и используемые для инициации взрыва. Есть горючие жидкости – много чего есть. Кое-что я и изготовил.

Детонирующие (бризантные) взрывчатые вещества инициируются ударной волной при взрыве детонатора. Для моих целей, пожалуй, лучше пороха. Порох (любой!) отличается тем, что ни при каких условиях не детонирует. Поэтому его и используют в оружейных патронах.

Детонация метательного заряда разрушила бы ствол оружия и взорвала бы заряд, заключенный в снаряде. В отличие от бризантных ВВ распространение реакции в заряде пороха происходит не с ударной волной, а путём теплопередачи. Порох инициируется воспламенителем, что устроить проще, чем взрыв детонатора. И надежней...

Поэтому мудрить не стал – изготовил и черный и бездымный пороха.

Классический рецепт чёрного пороха каждый помнит наизусть: 75% калиевой селитры, 10% серы, остальное – уголь. В деревянной миске деревянной же ложкой измельчил каждый компонент в отдельности в тонкий порошок. Затем поместил серу и уголь в отдельные бумажные пакеты, а селитру высыпал в стеклянную банку. Налил в банку кипящей воды. Немного, только чтобы смочить всю селитру. Добавил серу и уголь и тщательно размешал до получения однородной черной массы. Поставил банку на край буржуйки, и подождал, пока высохнет содержимое. Выскреб порох из банки и сложил в бумажный пакет. Тут все просто.

Как вы знаете, скорость сгорания пороха определяет эффективность бомбы. Чем быстрее сгорает порох, тем сильнее будет взрыв, а скорость сгорания обратно пропорциональна размеру зёрен (увеличивается при измельчении). Поэтому используемый в самой бомбе порох должен быть мелко измельчен. Занятие это небезопасно – он легко воспламеняется статическим электричеством. Проскочит невидимая искра – все поднимется в воздух. Чтобы безопасно размолоть готовый порох, нужно использовать посуду и ложку из дерева. У меня все это было, и я стал размалывать порох небольшими порциями, круговыми движениями, не надавливая слишком сильно и не ударяя по пороху. Тонкость помола - как у муки. Но я собирался использовать порох не только для снаряда, но и для средства его доставки, т.е. ракеты. Пушки-то нет! Ракета моя работает на твердотопливном двигателе. Поэтому часть пороха пришлось склеить в монолитный блок.

Следующее вещество, которое я изготовил, был бездымный порох, т.е. пироксилин. Бездымный порох – это просто нитроцеллюлоза. В детстве у меня с ней не было проблем: нитроцеллюлоза, пригодная в качестве взрывчатки, под названием "коллоксилин" в больших количествах использовалась на лакокрасочных заводах. В родной Клязьме располагалась артель по производству нитроокраски – с её помойки я и тащил нитроцеллюлозу домой. Кругом сновали агенты КГБ, но, похоже, никто из них не

знал, что полупродукт для эмали – это бездымный порох. По крайней мере, мне никто не мешал. Теперь же мне пришлось всё получать с самого начала – нитровать вату (вата – это целлюлоза, если кто не знает) азотной кислотой. Делается это просто – смешиваешь в стакане равные объемы концентрированных серной и азотной кислот и кладешь туда что-нибудь из хлопка. Сейчас это была вата из аптечки, а в детстве – промокашка, тоже хорошо получалось. Подождал три минуты, вынул вату (вид ее не изменился) из первого стакана и положил во второй. Промыл дождевой водой и высушил. Готово!

Чёрный и бездымный пороха – это уже задел. Но в антитерроре нужна гарантия. Поэтому в качестве ударного вещества я выбрал напалм. Напалм – запрещенное оружие, но мы – потихоньку, никто не узнает. Основной компонент напалма у меня хранился во все той же аптечке в секции слабительное. Препарат назывался бертолетова соль, он же – хлорат калия. Хорошо от запора помогает. Мы, однако, применим его для других целей...Осторожно и медленно, деревянной ложкой в деревянной миске, растер слабительное (т.е. окислитель) в тонкий порошок. Пересыпал его в полиэтиленовый пакет, добавил детский вазелин и помешал. Если сюда прилить загущенный бензин (я его получил просто, слил осторожно основную часть бензина из канистры, то, что осталось, и было загущенным бензином).

Ну, вот и все. Изготовь бикфордов шнур, и приступай к ракете.

Бикфордов шнур – старейшая система инициирования – обеспечивает практически гарантированное воспламенение. Берешь пластиковую трубку и набиваешь зернами черного пороха (в школе мы набивали спичечными головками). 10 см такого «шнура» горит секунд 8 – успеешь отбежать. Не надо только забывать, что 2 см шнура всегда должно быть внутри заряда. Взял бумажные спички и аккуратно отделил спички от обложки. Отдельные спички отрывать не стал, они остались прикрепленными к картонной основе. Обернул спички вокруг шнура, причем головки их поместил на самом краю трубки. Надежно примотал их лентой, оставив открытыми головки. Обернул обложку спичек вокруг шнура, следя, чтобы фосфорная обмазка располагалась выше по шнуру и ни в коем случае не касалась головок спичек. Обмотал её лентой, чтобы она плотно охватывала спички и не соскальзывала. Теперь, если потянуть за обмотанную лентой обложку, она снимется, причем обмазка с трением пройдет по спичечным головкам, воспламеняя их, они подожгут шнур и т.д. Наши маленькие хитрости. Безопасность – первое дело! Не поджигайте бикфордов шнур зажигалкой, ребята...

Химкомпоненты готовы, приступаем к ракете. Идеология понятна: бикфордов шнур воспламеняет монолитный черный порох, тот – порошкообразный черный порох, тот – бездымный порох, и в конце детонирует бертолетова соль с вазелином и вспыхивает напалм. Просто и логично.

Твёрдотопливный ракетный двигатель изготавливается без проблем: взял первую попавшуюся металлическую трубу и намотал на нее несколько десятков слоев бумаги, проклеивая каждый слой. Подождал, пока клей высохнет, бумажный патрон снял с трубки, наполнил монолитным черным порохом и со стороны сопла воткнул бикфордов шнур. Двигатель готов. Верхнюю часть ракеты заполнил ватой бездымного пороха, в которой сделал углубление. В углубление вставил чехол от киндер-сюрприза (тогда они как раз входили в моду – носил с собой как сувенир московский) – удобная штука для террориста, кстати. В корпусе проковырял отверстие. Залил в объем сгущенный бензин, а в дырку вставил полиэтиленовый пакет со смесью бертолетовой соли с вазелином внутри. Все изделие оклеил плотной бумагой, в районе сопла прикрепил картонные стабилизаторы.

Ракета стояла вертикально и смотрела в небо. Хотя сейчас в космос. Работа моя, однако, на этом не закончилась. Мишку ждал сюрприз – йодистый азот – мечта школьного хулигана. Забавная вещь – кристаллы йодистого азота взрываются, если на него сядет муха. Медведь тоже годится...

Первая стадия у меня отлажена – залез в аптечку, извлек йодную спиртовую настойку и нашатырный спирт, т.е. раствор аммиака. Раствор йода нагрел и вылил в холодную воду. Воду слил, кристаллы извлек и растер в ступке. Затем взял столовую ложку кристаллов йода и пересыпал в стеклянную банку, куда добавил аммиак (надеюсь, в отряде никто в обморок падать не будет, а то я весь нашатырь на медведя извел), так, чтобы он полностью покрыл кристаллы.

Закрыв банку крышкой и поставив в холодную воду. Через 20 минут, вылил на фильтр (бывшую промокашку). Вода пусть себе вытекает. Собрал ложечкой красноватые кристаллы с фильтра, завернул в салфетку и понес (пока не просохли) на место действия.

Место действия – старый сарай (хлев?) в конце деревни. Еще недавно там жил козел, но медведь залез на крышу, прорыл дыру, свалился вниз и загрыз старика. Потом зарыл труп прямо в сарае, все описал, выломал дверь и удалился. Надо полагать, сегодня вернется ужинать тухлятинкой. Гурман!

Дверь в сарай была в торце, обращенном к дому бабы Насти - месту засады. К двери я приближаться не стал, а обошел сарай и подошел к другому торцу, смотрящему на овсяное поле и лес за ним. Аккуратно посыпал йодистым азотом следы медведя, ведущие на крышу.

В доме Насти я залез на чердак, а с него – на крышу терраски. Крыша была покрыта железом и слегка наклонена в сторону сарая. Идеальное место! Установил ракету, поправил запал и улегся рядом ждать. Темнело, наступали сумерки.

Не прошло и часа, появился сам. Алкоголик нечесаный. Морда побита, набок скособошена, шерсть торчит ключьями, задняя лапа не гнется. Походка приклатненного матроса, только, что в зубах сигареты нет. Дороги не выбирает, прет по кустам. Хозяин тайги в самоволке. По старому пути не пошел, обошел сарай и, как хозяин, прямо в дверь, им же оторванную. Обернулся, осмотрел окрестности и скрылся во тьме.

Тут я дернул за ленту, пакет спичек заверещал и вспыхнул. Огонь побежал по трубке к ракете, а я – в противоположную сторону, где залег за коньком. Ракета задрожала, снизу повалил дым, заклубилось пламя. Она оторвалась от крыши и замерла на мгновение, как Баба Яга на помеле, затем стремительно пошла в высь. Описав баллистическую траекторию, она упала на крышу сарая, прямо за дверь. Раздался взрыв – сработал бездымный порох, затем второй взрыв и яркая вспышка пламени. Напалм! Сарай вспыхнул незамедлительно. А что вы хотите? Сталь горит, не то, что солома. Температура-то под три тысячи градусов. Несколько секунд слышан был только треск горящего дерева, затем крыша над входом обвалилась. Выход был отрезан. Тут раздался дикий (в буквальном смысле) рев. Но сначала из дыры в крыше выскочил горноста́й. Он не потерял присутствия духа: ловко развернулся в воздухе спрыгнул в бок и исчез в кустах. И только потом из того же отверстия вылетел медведь. Широко распластав лапы, он воспарил, как змей-Горыныч. Шерсть на нем тлела. Летел он не долго – шлепнулся пузом на землю. Я уж подумал, его хватил инфаркт на нервной почве. Но нет, оклемался и рванул к лесу. Бешеный носорог какой-то.

Вот тут-то и сработал сюрприз. Миша бежал по своим следам, т.е. по йодистому азоту. А он уже высох. Как только зверь ступал на лапу, раздавался громкий резкий звук, напоминающий пистолетный выстрел. Одновременно вылетало облако пурпурных паров йода. Едко вонючих, между прочим. Медведь мчал аллюром, и за ним шла пулеметная очередь. И чем он чаще семенил, тем гуще стреляли. Бедняга обосрался – медвежья болезнь, обычное дело.

Медведь приближался к овсам, когда из огня вылетел хорек. Он совершил ошибку, рванув за медведем. Теперь уже пистолетная стрельба велась по нему. Хорек мчался так, что догнал и перегнал мишку. Рекорд Гиннеса! Кристаллы йодистого азота, видать, попали хищникам в лапы, долго еще из леса доносились хлопки и взрывы. Ну, ничего, запомнят надолго, как на людей и домашних животных покушаться. Сами запомнят и потомкам передадут.

В деревне началось шевеление. В пылу охоты, я как-то забыл о зрителях. Однако они были здесь, от мала до велика, смотрели каждый из своего укрытия. Челюсти у них отвисли, глаза стали квадратными. Понятно, раньше им не приходилось участвовать регулярной в контртеррористической операции...

А я шёл по центральной (единственной) улице деревни Нюркино, держал под уздцы Лауру и купался в невидимых лучах Славы и в видимом пламени пожара.

Нахимичил!

Медвежья желчь

В экспедиции хорошо быть радистом – всегда в мире новостей. Не мировых, а локальных, в окрестной среде рожденных. Пусть вас на сто квадратных километров пять человек, пусть вы никогда друг друга не видели и не увидите. Но вы – одна шайка. Белая цивилизация. Общаетесь, как на московской кухне, спорите и обогащаетесь знаниями.

Возьмем, например, такую важную тему, как медвежья желчь. Что вы о ней в своей занюханной столице знаете? Ничего! А здесь, на Камчатке нет важнее темы. Ну, есть у тебя карабин-автомат-пулемет. Ну, завалил ты медведя. Оформил задним числом лицензию, мол, наука без этого жить не может. А дальше что?

Шкуру ты испортил сначала стрельбой, потом неумелым сдираньем. Да и на что тебе эта шкура? На стену ее не повесишь, летом медведь линяет – шерсть вылезает. Пустит тебя жена с ней домой? Никогда в жизни! Ей же пылесос от шерсти пару лет чистить придется. К тому же шкуру дубить надо. А ты умеешь? И реактивы у тебя есть? И корыто большое?! Нет?! Так о шкуре забудь.

Мясо съедобно? А сколько ты его в раз съесть можешь? Во второй не получится – всё стухнет. Или ты его коптить-вялить собрались? Печь варганить замаешься. Медвежатина, конечно, съедобна, но на любителя. Псиной воняет. Ты собак ел? С большим удовольствием?

Конечно, если ты человек суеверный, склонный к язычеству, то непременно отрежешь медведю лапу. Она тебе пригодится для снятия опухоли с вымени коровы. Ну ту, что после отела возникла. В этом смысле вещь полезная! Проводишь трижды этой самой лапой по вымени коровы (не забудь, обязательно сверху вниз) приговаривая: «Вылечи, не пухни; земля, прими болезнь». Если подходящей коровы под рукой не окажется, то ищи женщину с опухолью на груди или роженицу, у которой молоко пропало. Запросто осчастливишь больных.

Не только лапа обладает особыми магическими свойствами. Повесь череп медведя над дверью московской квартиры (или помести на чердак дачи) – жилище будет защищено от воздействий злых духов (Любых! Даже от правительства исходящих). Но от колдовства череп не защитит. Тут нужна все та же медвежья лапа. Поэтому – череп над дверью, лапы – по косякам, и спи спокойно. Ни что тебя не достанет...

Салом мажь себя при ревматизме, или кожных болезнях. А медвежьи яичники – вообще супер. (Смотри только не шлепни медведицу, вместо медведя. Изучи половую принадлежность – потом стреляй). Это – средство от половой слабости. Но все это мелочи. Главный продукт – медвежья желчь (она же –ундам).

От всех болезней лечит: жаропонижающее, лекарство от стоматита, цинги и глазных болезней, и много еще от чего. Правда, никто точно не знает, от чего именно. Но это-то и интересно.

Радио-диспут начинается с проблемы, где у медведя печень, как она выглядит, и как ее грамотно извлечь. Раздавишь – зря мишку шлепнул. Кроме того, все мясо испортишь, горькое будет, собаки есть не станут.

Дальше – сложнее. Медицинская желчь бывает сушеной, вяленой, жидкой. Какая форма максимально активна? Как ее хранить? Каков срок годности? Вопросы серьезные, это вам не геология-вулканология, о здоровье речь идёт.

В целом, рекомендации просты. Когдаловишь медведя, старайся не попасть рогатиной ему в желчный пузырь, затем очень аккуратно (не раздави) вырезай желчный пузырь вместе с желчью, затем суши его в прохладном месте.

Вопрос: сильный ли ундам афродизиак? Лечит ли он импотенцию? Актуальная тема. Один радист с пеной у рта доказывал, что желчь увеличивает сексуальную потенцию как мужчин, так и женщин. Правда, тетки с метеостанции выступили с опровержением: они с отвращением сжевали несколько желчных пузырей и ничего, буквально ничего, интересного не почувствовали. Дискуссию прекратил один геолог, бурят по происхождению, спец по буддизму. Он авторитетно заявил, что сведений об использовании ундама в качестве афродизиака в китайской медицине нет. И вовремя, а то тут некоторые товарищи под эту идею приступили к ликвидации поголовья камчатского медведя.

Вскоре я уже знал, что желчь медведя используется в тибетской медицине для лечения воспалений и бактериальных инфекций, рака, ожогов, геморроя и нарывных опухолей, конъюнктивита, астмы, а также как общее болеутоляющее средство. Применяется для лечения печени, желчного пузыря, заболеваний уха-горда-носа и как тоник для восстановления функции печени при злоупотреблении алкоголем. Понижает температуру, является прекрасным спазмолитиком, успокаивающим средством, прекращает затяжные месячные. Помогает при инфекционных заболеваниях, сильной простуде, сопровождаемых высокой температурой и судорогами. Ею лечат гастрит, колит, язву желудка. Свежей желчью промывают глаза при воспалениях, ячмене, катаракте, делают компрессы при чирьях, гнойниках, кожных воспалениях и язвах. Ундам успокаивает боли, сопровождающие заболевание желчного пузыря или желчнокаменную болезнь, боли при язве 12-перстной кишки. Он обладает свойством нейтрализовать яды, а также противовоспалительным действием. Ундам используют для лечения сердечных заболеваний, гипертонии, сильной простуды - в таких случаях его полагается растворить в бамбуковом соке и пить. Он способствует выделению желчи, нормализует излишнюю кислотность желудочного сока, помогает усвоению жиров. Лечит боль в мускулах, вызванную переохлаждением, хронический понос, желтуху, нарывы, инфекционные заболевания, боли в груди.

И это только часть информации, плавающей в эфире. Важнейший вопрос – дозы какие? Сколько этой гадости надо глотать в один раз и как часто повторять? Спорили долго. Постепенно общественное мнение склонилось к порции (на один прием) сушеной желчи размером в одну-две спичечных головки, растворенной в 100 мл воды. Принимать до еды. Два раза в день.

Когда мне пришлось лечить подругу, которую неожиданно прохватил затяжной кашель, я воспользовался именно этим рецептом. К моему удивлению, ундам помог – кашель прошел. Но радовались мы рано. Через неделю он восстановился и продолжался аккуратно до конца поля.

Как объяснил мне потом один спец, удивляться тут нечему. В тибетской медицине медвежья желчь никогда не применяется сама по себе. Она – компонент сложнейшей смеси. Чтобы не быть голословным, приведу пару рецептов из классических трактатов.

1) Сгущенный отвар из мумие, акебии и адатоды, если добавить к нему шафран и медвежью желчь излечивает жар печени. 2) Кардамон настоящий, мумие, можжевельник и миробалан хебула, прибавленные к основному составу, излечивают жар почек, а медвежья желчь, мумие, борец разнолистный и змееголовник сообщают всему составу способность излечивать жар желудка.

Будь у меня миробалан хебула, я бы приготовил снадобье и сходу вылечил бы подругу. Но его у меня не было. Хуже того – я не знал, что это такое!

Подводя итоги медицинской части, скажу так: от медвежьей желчи вреда для организма не отмечалось ни разу, а польза изредка случалась. Помогает тому, кто в это верит. А вот теперь можно перейти к самой истории.

Первым отрядом в который я попал на Камчатке командовал аспирант Юры. У него, видимо, были имя и фамилия, но все звали его Грицко. И я так называть его буду. Бойкий такой парень, хозяйственный шибко. Пока мужики проедали-пропивали добро, или бросали его в тайге, унося ноги, Грицко все чего-то добывал и чего-то откладывал про запас. Поэтому отряд был экипирован хорошо, пороха-продуктов хватало. Иногда вдруг возникали деликатесы: красная рыба, крабы, икра – жри от пуза!

Вулканология и геохимия всякая его не особо волновала. Ну, так на то и Юра-шеф. Он направит отряд куда надо, и отчет умно напишет, и диссертацию защитит, тому кто пожелает. В конце поля, уже в Петропавловске, я случайно попал к нему в гараж. И обомлел. Внешне это был стандартный железный пенал, задом прижатый к скале. Но торцевой стенки не было. Вместо нее в скале был пробит туннель, оканчивающийся залом-пещерой. Эта пещера была снизу доверху набита ящиками, бочками, мешками, выючниками, бутылками, банками и просто всяким хламом. Что там хранилось – не знаю, но это был стратегический запас на случай атомной войны. Особенно впечатляющий в голодную пост-хрущевскую эпоху. И все – из сэкономленных в экспедициях средств.

Недаром народ считал Грицко не ученым, а кулак-куркулем. И вот – конец Застоя. Настала Перестройка, пришли Ускорение и Гласность. Пахнуло капитализмом: НЭП на пороге!

Все рванули кто-куда, Я – в Чехию (временно), Юра – в Мексику (навсегда), Готцко – в бизнес. Экологическую нишу захватывать. Надо сказать, что в это время в фармакологии случился. Раньше все бегали за химиками и вопили – давай формулу! То есть предлагай новое биологически активное соединение, строение которого ты точно знаешь, которое ты можешь синтезировать, а потом точно охарактеризовать. Так длилось много лет, но постепенно идея выдохлась – новые вещества с полезными свойствами стало изобретать все сложнее и сложнее. Фармакологическая промышленность начала тормозить – миллиардные убытки.

Тут-то и вспомнили о природных продуктах – основе восточной медицины. Той, что лечит не конкретные болезни, а организм в целом. Где в дело идут маральи панты, женьшень, лимонник, Курильский чай и много еще чего полезного. Никто не знает, почему они лечат. Но лечат! Да еще как! Химики попытались выделить действующее начало, но чем чище становились разделенные компоненты, тем хуже была их эффективность. Фармацевты-косметологи плюнули на анализ и стали применять все, как есть. Даже не зная формулы, даже не зная, чистое ли это вещество, или адская смесь. Не умея ничего синтезировать искусственно.

Врубилась реклама: даешь нетрадиционную медицину. И дали! Вот в эту-то сферу и решил врубиться Грицко. Перспективы есть: тут тебе и лекарственный бум, тут тебе и бардак демократический. Страна рушится – делай, что хочешь. Свобода, блин! Бывший вулканолог обратился к камчадалам с призывом – бей медведей, добывай желчь, я обеспечу сбыт. Обогатимся!

Куда там обогатиться, нам бы выжить....

Но медвежья страда началась.

Вскоре товар потёк к Грицко. Тот подсчитывал возможный доход. Конечно, можно было толкнуть все в Японию. Благо она под боком, и восточную медицину там уважают. Однако, выручишь пару тысяч долларов и что? Даже машину не купишь. Вот Москва – другое дело. Столица Империи, дикий капитализм, эпоха накопления, новые русские. На мировой рынок выходить надо. Там цена на медвежью желчь не опускается

ниже 1000\$ за килограмм. А тут вон ее сколько, пуда два – не поднимешь. Погрузил он свое добро на борт и вылетел в Москву.

Местные же охотники остались ждать, пребывая в мечтах. Вернется Начальник, привезет ружья, и не просто ружья, а помповые автоматы 12-го калибра, с оптическим прицелом. А к ним – патроны, опять же, не в картонных пачках и не дымным порошком начиненные, а с закрытыми сильными капсюлями "Жевело" (французская идея – мечта поэта), бездымным порохом, и в железных круглых коробках, встроенные в ленты (как для пулемета Максим).

В Москве Грицко развил бурную деятельность. Снял за ВДНХ квартиру, организован склад-офис. Связался с фармацевтическими фирмами, лабораториями, аптеками и даже точками на рынке. Благо тогда многие коллеги-ученые, бросив все науки вместе взятые, ударились в торговлю. Вера в НЭП владела массами.

Москва ту эпоху помешалась на магии, гадании, восточных верованиях и мордобитиях. Плодились спецы по биополям, передаче мыслей на расстоянии, единоборствах, ворожбе и гадании, народной медицине, летающим тарелкам и снежном человеке. Телевизор заполнили экстрасенсы и гипнотизеры. Понятно, что природные лекарства от всех болезней были восприняты москвичами на Ура! Тем более – шли с Востока. Официальная фармакология, да и медицина, особо не препятствовали этим настроениям, и даже поощряли их. Была даже выдвинута теория, что плохая экология городов, снижает иммунный статус населения. А природные физиологически активные вещества (не даром они известны уже тысячелетия) – это как раз иммунно-модуляторы: все параметры человека, которые выше нормы, они уменьшают, а все параметры ниже нормы – повышают. Короче, держат иммунный статус в норме. Здоровый же организм сам справляется с болячкой. Причем с любой, и без всяких лекарств, выдуманных немцами-фармацевтами. А что немец понимает в человеке, в его карме, в энергетических дырах – да ничего!

Короче, торговля пошла. Медвежья желчь шла нарасхват, так что пришлось отправить заказ на дополнительный отстрел медведей. Рос и капитал.

Тут Грицко сделал ошибку – он запил. Как не запить при таких доходах?! Деньги для того и придуманы, чтоб выпить можно было вволю. Иначе – зачем все это?

Между тем, чем отличается бизнес от научной работы? Тем, что в торговле думать. Крепко и постоянно. Пока он предавался столичным утехам, конъюнктура начала меняться. Наступала эпоха глобализации – монополист вытеснял с рынка мелочь пузатую. Первым опомнились аптеки – они стали требовать сертификат качества! А где его взять? Покупатель стал привередлив. Кто не поправил, сожрав пару кило ундама, кто отравился первыми же граммами, а кто и вовсе умер, оказавшись от лекарств западных. В воздухе запахло мордобоем...

Появились конкуренты. Китайцы, естественно. Вместо того, чтобы покупать нашу желчь, они свою выкинули на наш рынок! Эти изуверы стали в неволе разводить медведей. Уже десять тысяч медведей содержатся в тесных клетках, в которых не могут пошевелиться, с катетером, введенным в желчный пузырь. Ну, не гады! Эта жестокая индустрия стала приносить ежегодный доход в \$100 млн. Не слабо! Причем у них и ГОСТы – ОСТы, и сертификаты качества, и реклама.

А у нас какое качество? Кто как мог, тот так и сушил. Продажи упали, медвежья желчь стала портиться, покрылась плесенью и сгнила. Бизнес упал до нуля. Между тем, проснулись камчатские охотники. Добытая опасным промыслом медвежья желчь испарилась, как туман. Денег же никто не увидел ни копейки. Обидно!

Мужики стали слать гонцов в Москву. Те доложили, что был такой Грицко, да куда-то сгинул. Нет его, как не бывало. Охотники, хоть и обеднели за времена Перестройки, но карабины и патроны к ним остались. Стрелять же они не разучились, хотя бы и по двуногой дичи. Была объявлена охота на «бизнесмена» по территории всего

бывшего СССР. Но безрезультатно. Он исчез, жена и двое уже подросших сыновей потерялись в догадках.

...Как то вечером, я ужинал и рассеянно смотрел телевизор. Там шла хроника происшествий. На экране появилась развороченная взрывом машина. Старый Форд-Эскорт, в нем господин Штокман - торговец текстилем и две дамы, широко известные в Саратовских кругах. Я присмотрелся. Грицко, кандидат химических наук, геохимик-вулканолог, лежал на спине, ногами в кабине, головой на асфальте. Живот был вспорот, по груди стекала кровь и желчь. Его желчь, не медвежья....

Озоновая дыра

В конце XX-го века в научных и журналистских кругах возникла паника: озоновая дыра расширяется. Скоро вымерем.

Известно, что жизнь на Земле поддерживается излучениями, поступающими от нашей родной звезды – Солнца. Но не все лучи нам полезны. Природа предусмотрительно обеспечила необходимую фильтрацию света. В верхних слоях атмосферы имеется слой озона, который предотвращает попадание на поверхность Земли излишнего ультрафиолетового излучения.

Ясно, что если озоновый экран станет тоньше, то облучение растений и всего живого превысит норму, и начнутся неконтролируемые последствия. Поэтому за состоянием озонового слоя постоянно наблюдают. В конце века обнаружили, что над полюсами планеты возникли озоновые дыры, постепенно увеличившиеся в размерах. Ученые опубликовали данные, журналисты вдарили в колокола и началось: спасайся, кто может! Хоть улетай на другую планету. Пока не поздно...

Возник классический вопрос: кто виноват? Фирмы, пытающиеся выбросить на рынок не содержащие фтор аэрозоли (дорогие и малоэффективные, они не пользовались спросом), первыми сообразили, что пришел их час и можно озолотиться. Как кто виноват? Разумеется фтор- или хлорсодержащие хладагенты – фреоны. Галогены ведь реагируют с озоном, разрушая его. Ну, значит они и виноваты в истощении озонового слоя. Нужно не только сократить производство применение в быту фторсодержащих веществ, но и вообще прекратить. Средства массовой информации с энтузиазмом подхватили идею. Тем более, им хорошо заплатили.

Теперь вернемся на вулкан Мутновский. В Петропавловске, когда грузили вертолет, я обратил внимание на листы стекла, завернутые в рогожу. Зачем их тащить в горы? Все перебьем и сами порежемся. Когда прибыли на Дачное, я понял, в чем дело. По склонам горы лепятся вагончики. По виду – это цистерны, но в них устроены комнатки со стеклами. Стекла были абсолютно матовыми, сквозь них не то что пейзажа, света божьего не видать. Вставили новые. Так вот, когда я через месяц уезжал, и они стали матовыми.

Как известно, стекло разъедает фтористый водород. Какова же должна быть концентрация фторидов в атмосфере долины (дышать на Дачном, кстати, нечем), чтобы достигнуть такого эффективного травления? Оценки показывают, что только вулкан Мутновский выделяет в атмосферу Земли фторидов, в десять миллионов раз больше, чем человечество наработало фтора (да и других галогенов) за всю свою историю. А сколько таких вулканов?

Очевидно, что техногенные фреоны (аэрозоли, хладагенты и др.) никакого отношения к истощению озонового слоя не имеют. Все галогенсодержащие вещества невинновы. Слой атмосферного озона миллионы лет флюктуируют как по толщине, так и по сплошности, завися от изменений общего состояния атмосферы. Наблюдения за озоном только начались. Подождите, все само собой восстановится.

Это история поучительна, как демонстрация активного вранья, циркулирующего в научной и ненаучной прессе. Причём не только в виде искренних заблуждений из-за веры

в ученое слово. Целенаправленная ложь, стимулированная заинтересованными фирмами, уже влияет на развитие науки и техники.

Это и опасно.

Тайны Мутновского

Для радиохимика Дачное, что расположилось на одном из склонов вулкана Мутновский, – настоящий рай – местные болотца и лужи парят. Одни – горячие, и вода там кипит (можно сварить яйцо, если оно у тебя есть), другие – не очень, но вода и там кипит, как будто на дне лежат проколотые баллоны с газом. Набрал я пол-литра газа и запустил в ионизационную камеру. Счетчик показал 300000 имп/мин. И это при фоне 0.5 имп/мин и при 12% эффективности счёта. Не слабо! Вот где не будешь за каждым импульсом гоняться. Следи, чтоб не зашкаливало. Можете себе представить активность окружающей местности. Недаром вокруг такая богатая растительность. И такая сочная. Но ни мутаций, ни гигантизма! А вот теперь о чуде первом.

Известно, что радон – дочерний продукт распада радия. Период полураспада радона-222 – 3.8 дня. От материнского радия он далеко убежать не может – на сантиметры в породе, да и то – пористой, на метр – в воде, и на десяток метров в воздухе. Только на такие расстояния хватает времени его жизни. У материнского радия-226 – период полураспада 1600 лет. Между радием и радоном существует вековое радиоактивное равновесие, т.е. активность радона равна активности радия. Нарушить это равновесие достаточно трудно, но, как оказывается, можно. Когда Геолог впервые обнаружил выходы



высокоактивного радона, он немедленно "застолбил" участок, подав заявку на месторождение радия (радон без радия не бывает!). И получил свидетельство. Через некоторое время решили оценить запасы радия. Стали бурить по всей долине. Радон есть, радия нет!! Т.е. радий имеется, но его активность не идет ни в какое сравнение с активностью радона. Я осмотрел керн длиной два километра (с такой глубины его и вынули). Часто скорость счета поднималась до 500 имп/мин (в 1000 раз выше фона), иногда достигала нескольких тысяч, но где требуемая сотня тысяч импульсов? Ее не было. Есть над чем призадуматься. Радиохимик, так вообще свихнется.

Нет ли тут активности какой?

Другое чудо связано с изотопным составом радона. Известно, что в природе можно встретить три его изотопа (радон-222, торон (радон-220) и актинон (радон-219). Так вот, судя по кривым распада активного налета в сцинтилляционной камере, торона нет, но есть коротыш, с периодом полураспада, близким к 1 секунде. Возможно – актинон. Но это означает, что внутри вулкана много актиноурана, U-235, а это – изотоп, способный к самопроизвольному делению. Так может – источник энергии Мутновского вулкана – цепная ядерная реакция. И мы сидим на действующем природном ядерном реакторе! До сих пор на Земле известны только два природных реактора, да и те давно остыли.

Есть и третье чудо. Собрали мы пробы газов и отвезли в Москву на масс-спектрометрический анализ. Оказалось много гелия-3. Откуда??? В вулканических газах всегда много гелия, но это – исключительно гелий-4 (бывшие альфа-частицы, постоянно испускаемые при распаде радионуклидов в земной коре). А других изотопов быть не может: Земля образовалась из пылевого облака. В сверхвысоком вакууме частицы пыли давно отдегазировались. Поэтому, никаких гелиев, которые, может быть, и образовались при ядерных процессах рождения Вселенной, сейчас в Земле быть не может. Известно, что гелий-3 образуется при бета-распаде трития. Да, но тритию в земной коре откуда взяться? Период полураспада трития – около 13 лет: за время существования Земли он давно распался. Правда тритий может образовываться при термоядерной реакции. Так может, в центре Земли идут термоядерные процессы с образованием трития и гелия-3? Этого еще не хватало! Начал, было, я изучать эти чудеса. Глядишь и нобелевка бы обломилась. Но тут случилась Перестройка.

Радоновые ванны

С одной стороны в долину Дачного обрушивается водопад. Точнее – каскад из четырех последовательных водопадов. Вода кипит, вся – в клубах пара. Водопад падает в небольшое озеро, из озера вода вновь падает водопадом, снова озеро и снова водопад. На разных высотах располагаются три небольших озера с проточной водой. Сверху льется крутой кипяток, в первом водоеме температура 85°C, во втором 55°C, а в третьем 30°C. По бокам распадка снег лежит даже летом. Температура воздуха где-то +5°. Озера эти насыщены радоном и высокорadioактивны. Даже не знаю, в какой степени: дозиметр зашкалил.

Коллектив экспедиции пришел в возбуждение. Раздевшись догола, мы стали скакать по скалам на маршруте вода – снег. Наиболее смелые Иван-царевичи прыгали в верхнее озеро и, ошпаренные (в буквальном, а отнюдь не в переносном смысле), летели вниз в более комфортные воды. Я быстро утомился, и залег в среднем озере, разместив на выставленном над водой колене мыльницу с остатками хозяйственного мыла.

Radioактивность дикая – лечи радикулит, да нервы. Тепло, хорошо, радиация пощипывает кожу... Постепенно овладела страшная лень, размягчение всех мышц и костей. Я заснул. Через час проснулся, встал и пошел, но медленно-медленно. Во всем теле чувствовалась усталость. Огромная усталость. Как будто не ванну принимал, а весь день камни ворочал. Кости лишились привычной твердости, казалось, что они гнутся, как резиновые. Но боли в спине и ниже прошли! Кто бы, что не говорил, а радиация – это здорово! Рекомендую!

Камчатский стриптиз

Нельзя сказать, что наш балок сильно похож на итальянскую виллу в горах. Но визитеры на вулкан Мутновский воспринимали это укрытие как дворец. Располагалось оно на живописном склоне горы, сверху нависали вулканы, со снежными шапками, сквозь которые пробивался дымок; внизу простиралась обширная ядовито-зеленая долина Дачного, местами прорываемая фонтанами пара; прямо перед крыльцом плескался бассейн с горячей радоновой водой. Под торцом виллы журчал-гремел ручей – источник питьевой воды. Имелась буржуйка, консольные столы, радиостанция, кухня с примусом и собственный электрогенератор. Туалета, правда, не было, но зачем он нам?!

Над крышей развевался бывший когда-то красным, но теперь белый флаг. Хозяева (сотрудники Института Вулканологии) посещали виллу раз в году. Грузили вертолет научно-бытовым скарбом, начальниками-работягами и везли все сюда. Прямо, как москвичи на дачу. бустроившись, хозяева принимали гостей. Это были приглашенные

профессора МГУ, сотрудники Академии наук, иногда иностранцы (геологи, вулканологи). Но чаще случались незваные визитеры – художники, туристы, охотники и просто бродяги. Люди опасные, но интересные...

Увы! Одни мужики

Но однажды пришёл очередной тайфун, за ним циклон, а за ним дождь. Не среднерусский дождь, мелкий и противный, а дождь-ливень. Как из ведра. Но ведра, выливаемого не сверху, а сбоку. Сильнейший ветер (надо быть не слабым мужиком, чтобы идти против него) нес потоки воды горизонтально. Температура дождичка была где-то на уровне нуля Цельсия. Тут вам не тропики!

Шёл этот ливень три дня и три ночи, не переставая и не ослабевая. На четвертый день в дверь балка кто-то поскребся. Я открыл. Возникшую картину я где-то видел. Помните, у Брейгеля-старшего слепые нищие пересекают пространство. Тот самый случай! К нам в гости брел отряд туристов. Взглянув, сразу понял – немцы. Точно – пленные немцы января 1942-го. Те же оборки, волочащиеся за тяжелыми ботинками, завернутые шарфами рты, рюкзаки-ранцы. Самое смешное, я оказался прав – это действительно были туристы из ГДР. Как они оказались в закрытой для иностранцев зоне, в горах-вулканах, да еще без русских сопровождающих – не известно. Что они тут делали – то же. Тем не менее, это были именно немцы, и они были одни.

Им, конечно, досталось. Сухой нитки не было, дрожь била каждого. С трудом они поднялись по ступеням крыльца и проследовали внутрь помещения. Семь человек. Войдя, они бросили взгляд на лежащих на столах геологов, нашли свободный угол и сели на корточки. Несколько минут никто не шевелился, лишь вода вытекала из прищельцев и стекала сквозь щели пола. Но затем трое немцев вскочили, начали активно раздеваться и в момент достигли состояния «в чем мать родила». К нашему несказанному удивлению они оказались вовсе не немцами, а немками!

Выватив из полиэтиленовых мешков полотенца, они начали яростно растираться. Замелькали попки, груди, пиписьки. Девки кружились в массовом стриптизе. У нас отвисли челюсти. Оно конечно, здоровье важнее, но как-то.... того, у наших дам не принято так резко оголяться. Даже перед угрозой обморожения. Тем более, что можно выйти в соседнюю комнату или попросить мужиков отвернуться. Но немки ничуть не смущались, все у них выходило естественно. Может так и надо – решили мы.

Пришлые дамы не ограничились растиранием. Они достали тюбики с помадой и стали красить губы, соски грудей и что, совсем странно – половые губы. Так что все эти места скоро приобрели ярко-красную окраску. Гигиенично и красиво!

Эх! Если бы моя жена до такого додумалась! Но куда ей...

Стриптиз получился художественным и познавательным. Не то, что у теток в Амстердаме-Гамбурге.

Самое интересное, что парни продолжали неподвижно сидеть у стенки, истекая водами и не реагируя на представление. Девы оделись в сухое-теплое, достали фляжки с чем-то крепким (шнапс – видать), и дали выпить мужчинам. Мы бы и сами налили им спирта (чего уж тут!). Но спирта не было – все выпито давно, давно, давно... Мы только облизнулись.

Дамы на хозяев не реагировали, были заняты – раздевали парней. Каждая – своего.

И только один дрожал в углу. Своей женщины у него не было.

Отображение реальности

Художник Женя – коренастый, широкоплечий еврей. Одесский биндюжник по Бабелю. Роба – в густой бороде. В Питере он известен хорошо. Я бывал у него в мастерской, занимавшей весь последний этаж большого дома, в центре города. Картины у

него были огромные – метров по шесть, если не ошибаюсь. Даже непонятно, как их везти на выставки. Изображали они вулканы, в разгар яростных извержений. Веяло от них какой-то революционной силой...

Мы познакомились с ним в камчатской экспедиции. По снежному склону гуськом пробирался отряд, замыкаемый мужиком со здоровым рюкзаком (полтора пуда красок) и огромным холстом на подрамнике. Издали – вылитый дельтаплан. Ветер трепал полиэтиленовую упаковку и пытался вместе с владельцем скинуть в пропасть.



Барский и реальность.



Картины Барского (почти с натуры).

С его творчеством я познакомился раньше. В зимнике на склоне вулкана Мутновского висит картина. Написана на деревянном щите маслом по всем правилам искусства (Дождь стеной, задержавший здесь экспедицию на месяц, - хороший стимул для творчества). «Секс единорога с медведем» называется. Сильная вещь!

Художник Барский в кратере Мутновского.



Его гигантские картины извержений вулканов мне кажутся вполне фантастическими. В жизни такого не видел. На вопрос: зачем тащиться на Камчатку и преодолевать трудности, варя похлебки трудягам, если все одно из головы пишешь? – он назидательно отвечал:

– "Работать надо на пленэре!".

Выглядело это так. Дождавшись перерыва в дожде-тумане, он устанавливал этюдник на склоне горы и предавался вдохновению. Постепенно появлялся пейзаж. Симпатичный, но ничего общего не имеющий с действительностью. Работа была в разгаре, когда к Жене подходил начальник партии Юра (Сын известного художника и сам неплохо рисующий). Оглядев этюд, он задумчиво констатировал:

– Да, похоже!

– Что – похоже? – обеспокоено спрашивал Женя. – Сопочка удалась, да и водопадик, как в натуре.

Вглядевшись в дело рук своих, художник хватал широкий скребок и, весь в ненависти к себе, стирал нарисованное. И начинал снова. До тех пор, пока уже и ехида Юра не мог не признать, что картина с натуры и сама натура ничего общего друг с другом не имеют. Дописывалось произведение искусства в вагончике, в плане изображавшем букву Г. В одном торце устанавливался огарок свечи, в торце за углом – картина. И там, в абсолютной темноте продукт доводился до кондиции.

Вот это и есть – этюд на пленэре.

Миниатюра

Однажды в наш балок, расположенный по-над Дачным, вселился художник. В отличие от широкого и пузатого Жени, Славский – сухой старичок, одетый в нечто полувоенное (полу- в том смысле, что на нём – военная гимнастерка, офицерские штаны, но телогрейка, валенки и ушанка вполне штатские). На гимнастерке был приколот орден Боевого Красного Знамени (орден серьезный, если кто понимает, это вам не орден Красной Звезды, или там Знак Почета). Когда-то – высшая награда СССР. Такой орден за здорово живешь не получишь – заслужить надо.

Мужик оказался скромным, о войне и тем более о своих подвигах не вспоминал. Он был занят другим. Целыми днями и в солнечную погоду, и в дождь, и в туман ползал он по склонам гор и собирал цветочки. Мелкие-мелкие, размером не выше спичечного коробка, с бутонами – булабочными головками. Это была настоящая охота. Иногда неделю ничего не попадалось. Удаче он радовался, как ребенок.

– Орхидея, – протягивал он мне что-то мелкотравчатое, без лупы неразличимое.

Добыв богатство, он начинал колдовать на столе. Игрался с цветком, вертя его так и сяк, то раскладывая на чистом листе бумаги, то ставя в патрон из-под мелкашки (вазы не было), то вешая вниз головой на гвоздике, то приближая к пыльному оконцу, то удаляя. Пинцетом расправлял тычинки-пестики. Иногда комбинировал несколько цветков, составляя икебану. Названий растений он не знал – биология ему чужда. Интересовало его биополе, испускаемое цветком. В основном – в видимом спектре естественно. После многочасовых усилий, расположив объект нужным образом, он доставал мольберт, размером с большую открытку, коробку с красками и кисти, с острыми кончиками. Думаете, он после этого он приступал к работе? Нет!

Подготовив всё, Славский выбирался на волю, садился на крыльцо и смотрел на зеленый склон и вообще на природу. Полировал взгляд, как он выражался. Важнейший момент творчества. Не дай бог, если сейчас в поле зрения попадет буровая, трактор, рация, или какая иная гадость типа геолога. Всё! Работать он не может: взгляд отравлен. Начинай всё сначала: утром отправляйся за новыми цветами, вновь отбирай, располагай и

т.п. Мы знали это и старались не попадаться ему на глаза. Чтобы не оскормить его своим видом. Довольно паскудным, надо признать.

Только впитав в себя природу, художник возвращался в полутемную комнату, и начинал быстро писать красками на дощечке. Не всегда, но иногда случалось чудо. Возникала объемная картина, буквально излучающая свет, полная динамики и борьбы – мировая война цветов. Ни извержений, ни взрывов, а дух захватывает. Последний день Помпеи биоты...

В случае удачи, Славский давал нам посмотреть натюрморт. Мы молчали. Даже Женя, даже Юра.

Утром художник смывал скипидаром картину (этюдник-то один) и уходил на новый поиск.

Пёс Иуда

Говорят, что иудин комплекс – удел аспирантов, апостолов и прочих учеников. Нет! Всего живого!

Пример. Когда я занимался радоновой съёмкой Камчатки, был у нас в отряде пес Сэр Антонио Тобиано (в просторечье – Тобик). Имел вид длинного гладкошерстного цилиндра на коротких, кривых, широко расставленных лапах. Проходимость отличался необычайной: сквозь чертополох лез, как танк, иногда взлетая вверх в попытке поймать куропатку за хвост. По скалам и курумникам лазил, как альпинист. Но водные преграды давались с трудом: сносило, часто - под лед. Поэтому горные речки он форсировал у меня на плечах. А так как гуляли прямо по руслам, наездился он на мне всласть. Так что я в праве был рассчитывать, если и не на взаимность, то, по крайней мере, на отзывчивость.

И что? Лезли, мы, лезли в гору. По крутым ледникам: с трещинами, промоинами, да еще со снегом-дождем сверху. Залезли. Скатились в кратер, а там тепло! Залегли с Тобиком на россыпи камней, отогреться. Полежали. Пес встал, отряхнулся и пошел куда-то. Я думал – по делам. Мало ли! И тут столб кипятка и пара как даст из-под земли. Мигом промок со всеми вещами. Гейзер! Как потом оказалось, работает по 10 мин 1 раз в сутки. Зараза! А Тобик? Слышал гул, осознал последствия и ушел. Мне слова не сказал!

Ну, не собака он после этого?!

Экспедиция 1992

Через 6 лет после первой экспедиции я снова попал на Камчатку. На этот раз с ИМ. Это была международная экспедиция (*Field Research / Earthwatch Scientific Research Expeditions*): в неё помимо россиян входили американцы, англичане, голландец и итальянец; волонтеры – мужчины и женщины. То же на вулкан Мутновский. Мы с ИМ измеряли радиоактивность гамма- бета – компактным радиометром, альфа-излучение плёночными полимерными детекторами), кроме того я руководил измерением геометрических размеров вулканических бомб с целью расчёта их показателя фрактала. Я в это время уже был доктором наук и профессором МГУ, так что имел собственные направления исследования. Возглавлял экспедицию профессор И.Н. Таганов, с ним был сын Игорь.

Прилетели в Петропавловск Камчатский, Немного побродили по нему. Естественно, посетили рынок. Там много чего есть. Унты, варежки, тулупы, рога, шкуры, рыба красная и не красная, любого копчения, икра, крабы с огромными щупальцами, морские звёзды и ежи, кораллы - много чего интересного. Кое что купили поесть.

Ждали, пока соберутся все члены экспедиции. Американцы прилетели без вещей, их потерял собственный аэрофлот. Пришлось срочно добывать им подходящую одежду. Учительнице достались огромные сапоги. Погрузились в вахтовку и поехали. Добрались

до подножия Мутновского, но на противоположном склоне относительно Дачного. Снег кругом.



Наша экспедиция уместилась в одной вахтовке.



Фото на фоне вулкана.



Участники экспедиции.

Геолог с Паратуньки изобрёл и собрал горный вездеход с огромными колёсами. На него погрузили вещи, а сами полезли в горы пешком. Снег рыхлый, глубокий, идти тяжело. Прошли недолго, как вездеход наш сломался. Взвалили на себя экспедиционное барахло и пошли дальше. Туман. Идём куда-то. Я сзади. Говорю ИМ, а ведь мы идём не

туда, похоже вообще в противоположную сторону от цели. Остановил отряд. У Сусанина компаса не оказалось, но нашли у англичанина. Действительно, направление не туда. Теоретики дали объяснение: у англичан – неправильный компас, север с югом перепутан. Мне, однако, удалось доказать, что мы активно прѐм в противоположную сторону. Развернулись и пошли, куда надо. Кругом камень и снег, ни деревца. В какой-то лощине набрали на старое кострище. Много несгоревших дров. Нам пригодятся. Взяли, кому что понравилось. Неожиданно щуплый итальянец (вулканолог) схватил бревно и потащил. Ему было тяжело, чуть не скончался в пути. Но дотащил. Молодец. Достигли дома Вакина. Он нам не разрешил в него поселиться.



Отряд к поиску радона готов!



Привал.



Пошли мы бодро, но немножко не туда.



У каньона Опасный природа предусмотрела специальный камень для фотосъёмки. ИМ села на него.



Снега нет, площадка хорошая, разбили лагерь и стали здесь жить. Еду готовила ИМ. Когда она была готова, ИМ высовывалась из-под тента и кричала "Каша рэди!"). Вся экспедиция вырастала, как из-под земли. Американцы дисциплинированные, но прожорливые, большие любители гречневой каши. На биваках хватали на лету банки тушёнки и уволаскивали их в кусты. Но куда им до броневої стали, в которую закатывают нашу говядину. Ножи ломались, они били банки камнями. Без толку. Приходилось мне моим немецким штыком времён 1-ой Мировой войны вскрывать все банки. У американцев ещё был мешок со вкусной и полезной смесью: изюм, орехи, курага, шоколад. Однако однажды эту смесь съели суслики (может тарбаганы, кто их разберёт). Правда, мне и ИМ оставили. И на том спасибо!

На Мутновском снега и льдов стало заметно меньше.

Посетили овраг (каньон) Опасный, в который река Вулканная, вытекающая из одного из кратеров Мутновского, обрушивается мощным водопадом. Иностранцы боялись приближаться к краю пропасти, но ИМ там всё же уселась. Чего не сделаешь ради эффектного снимка. Впрочем фото не передаст грандиозность пейзажа. Полезли на вулкан. Идём по леднику, под ним урчит река. Ступаем след в след. Тут один ирландец выскакивает из цепочки, достаёт фотоаппарат и немедленно проваливается в трещину! Все издают "Ах!". Провалился он не далеко, вытащили без проблем, но стало ясно, что за иностранцами нужен глаз да глаз. В активном кратере знакомый мне ад. Но теперь я окрестности не разглядывал, в соседний кратер не пошёл, следил за членами экспедиции: не хватало, чтобы ещё кто-то куда-то провалился. Удивило отсутствие самородной серы. Шесть лет назад её было полно, а

теперь нет. Говорят, туристы растащили. Если так пойдёт, то вулкана не останется. Ещё странно, что снега-льда стало намного меньше. Вряд ли это дело туристов. Скорее всего, мне показалось.



Ещё немного - и мы у кратера.

Дискуссия на перевале.

Спустились в лагерь. Ходили в радиальные маршруты. Волонтёры на склоне горы выбирали вулканические камни и измеряли их размеры. Как то вечером к нам пришла жена Вакина с внуком. Пришли посмотреть, кто здесь шастает. Разговорились. Они направлялись в



Дачное. Мы с ИМ пошли с ними. Преодолели перевал. Снег, но терпимо. Поселились в том же балке, что и раньше. В долине техногенных фонтанов-гейзеров почти не было. И радон исчез! То есть он был, но в существенно меньших количествах, чем в 1986. Куда он делся? Видимо, буровики здесь кардинально всё раскурочили. Расставили плёночные трековые детекторы на радон, через пару дней сняли. Данные совсем не те! Снова пришёл тайфун. Эльза зовут. Настоящее светопреставление. В его разгар в вагончик ворвалась группа туристов. Промокли насквозь и посинели от холода. Удивило, что немки тут же разделись до гола и стали вытираться. Совершенно не обращая внимание на присутствующих мужчин.



Во второй экспедиции мы занимались фрактальным анализом вулканических бомб.



Вулканические бомбы имеют разные размеры и форму.

Тайфун, вроде успокоился, за нами подали вахтовку и мы поехали. Но проливной дождь продолжался и машина регулярно застревала, так что приходилось вылезать и вытаскивать её из грязи. Поселились в Паратунке, в селе в верховьях реки Паратунка (70 км юго-западнее Петропавловска). Здесь термальная горячая вода, прямо из недр земли, поступает в дома и оранжереи. Здесь в 1967 запущена первая в мире работающая на фреоне небольшая геотермальная электростанция. В наше время, правда, она уже развалилась. Воздух чистый, радоновый.



Узоры лавы никакая геометрия описать не может

Мы с ИМ решили перевалить на Дачное.



Прошлись по долине реки. На ней и на её притоках много термальных радоновых источников. В селе есть платные купальни, существующие с 1870 года. Они функционируют на основе источников, являющихся слабоминерализованными азотными щелочными кремнистыми термами. По ионному составу — сульфатно-хлоридные натриево-кальциевые с

температурой 42,5°C, щелочные (рН – 8,1). К главным действующим компонентам

относятся кремниевая кислота (до 80 мг/л), термальная (до 61°C) азотная минеральная вода и сульфидная иловая грязь озера Утиное. 3 бассейна, густо поросшие сине-зелёными водорослями.

ИМ, жена Вакина и его внук на перевале.



Сильно воняет тухлыми яйцами (сероводородом по-научному). Собираются

построить здесь несколько гостиниц, туристических баз отдыха и санаториев. Организовать мощный бальнеологический курорт. Можно лечить заболевания опорно-двигательного аппарата; болезни периферической нервной системы; гинекологические заболевания; болезни кожи. Эманометра с собой не было, но, похоже радона здесь нет. Проточная вода меняется 8 раз в сутки. Это имеет свои последствия. Она вытекает, образуя лужи и канавы. В них кайфуют и лечатся малоимущие.

Собрали вещи, вылетели и без особых проблем добрались до Москвы.

Паратунка – радоновый курорт



Рассказы: Камчатские байки

Английский компас

На рубеже веков нам удалось организовать международную экспедицию на Камчатку. К этому времени экологические фонды расплодились, как грибы. Денег им девать было некуда, мы написали в один, что, дескать, хотим продвинуть геометрию фракталов. Там ничего не поняли: почему спасение окружающей среды зависит от величины фрактала, причем здесь Камчатка? Деньги, однако, дали. И отряд волонтеров организовали: 13 человек, из 6 стран.

Ну, мы все свои: я с Ириной Михайловной, Николай Николаевич Таранов с сыном Игорем и некоторыми организаторами экспедиции, подхватились и полетели. Прибыли, стали ждать иностранцев. В те романтические времена мы мало с чужестранцами контактировали, свойств их не знали, и еще верили в капитализм. Например, что если сказано, что рейс из Нью-Йорка вылетает в 18 часов, то так оно и будет. (Иначе компания разорится. Рынок – гарант дисциплины). Жизнь опровергла теорию. Рейсы опаздывали на часы, иногда – на сутки, а то – на трое. Причем застревали они вовсе не в России, а где-то в остальном пространстве. Что еще интереснее – многие волонтеры прибывали без багажа, т.е. сами они летели по маршруту Нью-Йорк-Амстердам-Москва-Петропавловск, а вещи их летели то в Аргентину, то в Австралию, то в Китай, но никак не в нужную сторону. Веселые волонтеры в майках вываливались из самолета и обнаруживали, что у нас тут зима, снег с дождем. Да и на вулкан в тапочках не пойдешь. Некоторым везло, и через 2-3 дня их вожаденные спальники-палатки появлялись. Но некоторые так и остались ни с чем. Поняли мы: у американцев – порядок. Не хуже, чем у нас. Но и не лучше...

Пришлось бегать по всему городу в поисках амуниции. Нашли дамам сапоги 44 размера, да пару противогозов. Пусть заботу чувствуют. Беспокоились о еде: будут ли иностранцы есть нашу пищу? Они, небось, избаловались в своих заграницах. Но начальник наш Таранов успокоил: оголодают – сметут все. Затарились мы мешком пшенки да ящиком тушенки. Чем и ограничились.

Долго ли, коротко ли, но, в конце концов, все собрались, экипировались, вывалились из вахтовок и начали маршрут – полезли на какую-то гору, с целью ее перевалить. Колонну возглавлял знакомый геолог, выписанный нами по случаю из Паратуньки. Единственный из нас он не шел, а ехал. Самодвижущееся устройство было сконструировано и изготовлено им самим. Мировых аналогов не имело. Корпус, кабина отсутствовали. Водитель сидел прямо на моторе – древнем, но сильном двигателе от трактора ДТ-54. Рама – центральный элемент самоката – поддерживалась шестью колесами. И какими!!! Диаметр каждого – не менее полутора метров, а ширина шин – более метра. Каждое колесо приводилось в движение независимо от другого, давление в шинах можно менять при движении. Замечательная вещь! Высокоманевренная и высокопроходимая, даже по снегу, даже по крутым склонам и осыпям.

Это в теории. На практике, когда водила хватался обеими руками за длинный рычаг (придерживая руль ногами) и переключал его, раздавался дикий скрежет, сопровождаемый сменой режима работы колес. Тут торжествовал принцип случайности – бывало, что включались нужные передачи, но чаще – первые попавшиеся. В результате два колеса впадали в стопор и замирали, четыре справа крутились веред, зато четыре слева – назад. Тогда вездеход начинал вращаться вокруг собственной оси, причем с ускорением. Иногда ему удавалось прорыть в снегу яму, куда самому и завалиться. Наши вещи, навьюченные на транспортное средство, летели во все стороны и катились по склону. Самокату удавалось скинуть не только чужой груз, но топливные баки и даже важные детали своей конструкции.

Экспедиция перестраивалась. Отряд собирал вещи и грузил их обратно. Механик-водитель перемонтировал самокат. Затем движение продолжалось. К машине никто не приближался – изредка она прыгала, как кенгуру. Вверх, вперед, назад, и, что уже странно – вбок. Причём неизвестно, в какой.

Мы преодолели четыре хребта, когда самокат ушёл в самостоятельный полёт и приземлился на пирамиду скалы, которая пронзила всю конструкцию. Рама разошлась, и двигатель с шофером ушли на вершину. Абзац, приехали!

Мы забрали вещи-продукты, взвалили на себя и побрели. Уже с первых шагов мы взгрустнули о потерянном транспортном средстве – оно ведь прокладывало путь, трамбуя снег. Мало того, что теперь каждый тащил тяжелый рюкзак, так стали проваливаться в снег, то по колено, а то – и по грудь. Так себе удовольствие. Движение замедлилось: сто – двести шагов, и привал. Хуже другое. Туман, который было совсем рассеялся, вдруг передумал и стал сгущаться. Через некоторое время, когда мы взобрались на ледник, видимость исчезла. Т.е. можно было видеть спину впереди идущего, но не более того. Как бы кто из бравых экологов не потерялся – международный скандал будет!

Но не просто не туда, а в прямо противоположную сторону. Никаких поводов для сомнений не было, они возникли сами собой. Наши усилия не просто напрасны, а вредны, поскольку скоро придется рвать когти обратно. Я попытался подавить беспокойство, но оно росло. Наконец, догнал Ирину Михайловну и поделился сомнениями. Та отвечала меланхолично: «Пусть думают вожди». Оно, конечно, так, но отдышка-то у меня... Сунул два пальца в рот и свистнул.

Караван остановился. Собрали совет. Оказалось, что никто из нас в этих краях никогда не был, карт нет, спутниковой привязки тоже, и даже компаса – и того нет. Был он у геолога, но он забыл его нам отдать из-за траура по самокату. К счастью у одного англичанина в часы был вмонтирован компас. Предусмотрительный, зараза. Шпион, наверное... Вооружившись прибором, стали думать дальше. Один конец стрелки компаса имел флуоресцирующую наклепку, и это конец показал то же направление, по которому мы шли.

Шли мы шли, брели мы брели, и стало у меня закрадываться подозрение, что идем мы не туда. – Там север, – констатировал я, но нам туда не надо! Нам – вниз, к океану, т.е. на юг. Пошли обратно.

– Неправильный компас! У буржуев все наоборот! Нашлёпка указывает на юг. Пошли прямо, – убеждал кто-то, заискивая пред ИН.

Долго могли мы дискутировать о свойствах шпионского компаса, но я глянул под ноги. Под разбавленным сапогом льдом возник ручеек. Он тек туда, откуда мы пришли.

– Правильный компас, однако, – констатировали мы. Развернулись кругом и резво покатились к Тихому океану.

Умные животные

Лагерь мы устроили на границе леса, в глубоком распадке на южном склоне вулкана Мутновский. Палатки утвердились на площадке по-над быстрой и шумной речкой, леса много – с примусами можно не затеваться. Помимо жилых палаток, поставили научную для разбора и анализа образцов (камералку), палатку-столовую и палатку-баню, для мытья дам. Завтрак готовила Ирина Михайловна. В счастливый момент она высывалась провозглашая:

– Каша рэди!

Лагерь вмиг просыпался и ломился в столовую жрать пшенку. Отстающих не было. На ужин была та же пшенка, иногда – гречка. Гречневую кашу американцы никогда не ели, она им нравилась. Лишь один сноб однажды заявил: «Хорошая крупа, но с камнями!». Действительно, тогда еще гречка была настоящей.

В торжественных случаях Таранов просил нашу повариху организовать ужин аристократа.

– Как это?

– Крабы и спирт!

Жили без обеда. Спирта у нас было мало (и тот – завезен нелегально), но начальник использовал его широко и изобретательно: то был вечер спирта, то вечер русской водки (спирт разведенный), то вечер грога (спирт кипяченный) и т.п. Иностранцы тащились.

А вот сгущённое молоко (тоже лакомство ими не виданное) они не восприняли. Пили черный чай, без молока и сахара. Фигуру берегли? С удивлением смотрели, как мы черпаем сгущенку ложками и облизываемся. Так мы все запасы ее сами и сожрали.

Весь день доблестные волонтеры ползали по склону горы и искали вулканические бомбы – камни, выброшенные вулканом в период активности. Найдя подходящий камень, они измеряли тряпичным сантиметром длины двух окружностей – экватор и полный меридиан бомбы. Потом, в камералке, по специальной формуле рассчитывали отношение поверхности камня к его объему, и следовательно, показатель фрактала. А по величине показателя фрактала можно судить о температуре в жерле вулкана в момент извержения. Как ты ее иначе померишь? То-то... Это я такую тему придумал....

В некоторый момент раздавался свист, работа по поиску вулканических бомб среди камней прекращалась и отряд кучковался вокруг меня, точнее – вокруг моего мешка. (Надо сказать, американцы оказались ребятами на удивление дисциплинированными: только свистнешь, а они уже строятся. Можно подумать, что это они росли при военном коммунизме, а не мы. Наши на начальство не реагировали. Свисти, не свисти...). Я развязывал мешок и, не глядя, начинал метать банки тушенки. Об их судьбе можно было не беспокоиться – волонтеры, как вратари на мяч, бросались на банку. Ухватив ее, счастливец отползал в кусты и, урча, начинал с ней бороться. Тактика была разной. Русские обычно сначала обтирали банку мхом или травой, открывали ее охотничьим ножом, организовывали слой тушенки между хлебцами и кушали полученный бутерброд, запивая спиртом, разведенным болотной водой. Иностранцы воевали с банкой гораздо яростней. Первое время они искали ключи, которыми, по их мнению, должны быть снабжены любые консервы. Наивные люди! Тушенка – стратегический товар, какие еще ключики. Потом уже стали использовать свои ножи. Господи, что же это были за ножи? Уже на третий день ни одного целого ножа у них не осталось – все советская жесть поломала. Поэтому открытие банки для них представляло нетривиальную задачу. Решали они ее, как медведи, т.е. били о камень, скручивали, сплющивали меж валунов, колотили острым осколком кремня. Как ни странно, многим удавалось банку вскрыть и полакомиться содержимым. Многим, но не всем. Некоторые буквально выли от собственного бессилия и голода. Тогда я вставал, в развалку подходил к страдальцу (или страдальце), и, выхватив из ножен нож, одним движением вскрывал истерзанную банку.

Проблем с аппетитом у членов международной экспедиции не было – мели всё. Но и у них было в смысле еды нечто ценное – тряпичные мешочки, наполненные чем-то гранулированным. По вкусу – шоколад, изюм, орехи. Необычайно вкусная, сытая и полезная для здоровья смесь. Иногда и нас они этим собачьим кормом угощали...

Запасы этой полезной смеси хранились в хозяйственной палатке. И вот, возвратились мы из маршрута, а там ребята, остававшиеся на дежурстве, горюют:

– Хомяки напали, продукты разорили, вскрыли мешочки и все запасы США сожрали.

– Как! – возмутилась Ирина Михайловна, – всё съели, и нам ничего не оставили?! Дежурные смутились.

– Вам оставили, – пояснили они. И протянули нам два мешочка.

– То-то же...

И то – правда, не может же хомяк быть таким идиотом, чтоб обидеть шефёв.
Умное животное, однако!

Крутые яйца

Недавно наша большая страна была удивлена и обрадована. Впервые россиянка победила на конкурсе красоты, стала Мисс Вселенная. Не уж-то у нас могут родиться такие красавицы? Могут, при определенных условиях, однако.

Расскажу, как это делается. С новой «миской» я знаком, причем – до ее рождения.

...Экспедиционная жизнь разнообразна. То месяцами бродишь по тайге в полном одиночестве, так что начинаешь сам с собой вслух разговаривать, то ходишь с отрядом, общаешься (собачишься) с коллегами, но ночуешь в отельной палатке, а то вдруг вся экспедиция собирается в одном помещении.

Так получилось в Паратуньке. (Вообще-то Паратунька – это река и довольно длинная, но я говорю о пос.Паратунька, что не далеко от г.Приморска, что на Камчатке). Тогда еще только осваивали Нижне-Паратуньское месторождение геотермальных вод (а Средне- и Верхнее-Паратуньские источники вообще были дикими), но природная теплая вода уже обогревала дома, и купальни в виде сельского пруда были организованы. Место уже было культурное, но денег за купанье еще никто не брал. Известно было, что горячие воды весьма полезны для здоровья (не понятно только чем конкретно). Лично я там снимал усталость. Но больше получаса в них не просидишь – тухлыми яйцами воняет (сероводородом, значит). Кто задерживался – потом долго блевали, бедолаги.

Мы заняли школу, состоявшую, увы, из одной комнаты. Ночью стелили на полу кошмы, распаковывали спальные, залезали в них и почивали. Народу много, причем разнообразного. Мужчины и женщины, старшее и младшее поколения, из Москвы и Азии, научные сотрудники, шофера, бурильщики... Все спасались от проливных дождей и тайфунов. Спали вповалку. Впрочем, до ситуации романа «Как закалялась сталь», где трудяги поворачивались по команде, дело не дошло – нам удавалось дистанцироваться друг от друга, но – на сантиметров 10 – 20, не больше. Так что ночью по нужде выбраться было непросто, кто-то на кого-то периодически наступал.

Мы укладывались и гасили свет. Но заснуть сразу не удавалось, шли локальные разговоры, которые иногда превращались в общие. Кто-нибудь, невидимый в темноте, а потому смелый и откровенный, рассказывал случай из жизни, недавно прочитанный роман, или новое кино. Остальные тихо засыпали. Но иногда возникали споры, превращающиеся в диспуты.

Так и случилось в тот судьбоносный вечер.

Разговор начала Венера, наша начитанная повариха. Она читала все подряд, в первую очередь «Московский Комсомолец», и делилась познаниями. Сейчас она шепотом обратилась к Ольге.

– Оля, в газете пишут об интересном способе предохранения. Перед сексом мужчина погружает свою мошонку в ванну с очень горячей водой и держит, сколько может. Сперма в яичках сворачивается - ведь это тот же белок, что в куриных яйцах, и становится неопасной. Можно заниматься сексом, не предохраняясь. Это так? Ты со своим не пробовала?

– Нет, а зачем горячие ванны делать, если можно просто яйца в кастрюльку опустить? Мне нагреть несложно, а мой парень - ручной, я с ним и его хозяйством могу делать что хочу.

Дамам казалось, что они беседуют тихо, но их слышали все. И немедленно откликнулись:

– Не киса не так, лучше если мужик сует все свое хозяйство в микроволновку – 2 минуты разморозка – и со спермой проблем уже не будет – всё на хрен свернётся.

– Зато сразу крутым станешь. Мля, я просто в шоке... Предложила бы использовать тостер ещё! Как раз там две щели – по количеству яиц.

– А если не рассчитаешь – будут яйца «в мешочек». Может потом их сразу под холодную воду, чтобы чистить легче было.

– Этот способ давно известен в Японии. Ну не кипятком конечно. Противно слушать...

– В Японии? А ты видел, какие после этого японцы получаются?! Из тех сперматозоидов, что изрядно пострадали, но выжили?!

– Венера права. Есть такой способ. Мужчине надо три недели ежедневно принимать ванну определенной температуры. Потом в течение одного-полутора месяцев он стерилен. Затем жизнь берет свое. Только важно этот способ применять точно по методике. Нужно температуру знать и время.

– А кто-нибудь это знает ?!

– Дети! Вы, блин, анатомию уже проходили или нет? Сперма, которая пойдет в женщину сегодня или завтра, она не в яйцах. Она уже в семенных пузырьках рядом с простатой! Если кто не знает – это внутри мужика, глубоко. Ванна не возьмет. А кастрюлькой вы свернете ту сперму, которая пойдет в дело завтра или через 3 дня.

– Девки! Прочь руки от яиц! Вещь нежная, не игрушка. Кроме спермы, там гормоны образуются... Не погибнет ли что – иди знай.

– Представляю себе, рожу парня и садисткое лицо девки, с кастрюлькой кипятка. Парни! Не давайте себя привязывать к кроватям и не играйте в Садо-Мазо... а то вдруг девушка захочет яйца в кипяточек окунуть. После таких процедур уже никакого секса не захочется, даже с любимой девушкой!

– Не, Вена, ты не права, нельзя так с парнем...

– Пусть сама участие примет. Рот кипяточком прополощет, а потом погрееет ему шары...

– Оля, а зачем тебе парень ручной нужен? Фаллоимитатор купи! Так надежней, 100% не залетишь.

– Лучшее противозачаточное средство – спи один!

– Неее.....Надо Киске в определенное место из шприца кипяточком! И все... можно не волноваться. Извращенки, блин.

– Ой, ну как мужики за свои яйца боятся - прямо извизжались все. Шутки всё это, расслабьтесь!

– Яйца – это наше все! Ну да, просыпается чел с утречка после процедуры. Простите уважаемые, а где же яйца? Да я их пахавала чтоб не испортились, чего добру пропадать...м да... Жестоко. Способов много, но варка - это улёт... Неееееее-е-е-е. ну бабы и дуры..... Ты свою пи...у на сковороде жарить будешь? Тоже помогает.....

– Не умею выражаться, но некоторые, готовы всех женщин под одну гребенку расчесать. Вероятно, им просто не дают... Да таким дашь - а потом дети полезут. У них же яйца не варёные.

– Товарищи! Есть гуманные способы предохранения. Так издеваться над мужчинами (а любая операция над половыми органами – это удар по глубокой психологии, по инстинкту сохранения рода, который, как известно самый сильный!), лично я бы - не стала.

– Может, дамы будут, цемент заклад в свои пи...ды, чтобы сперма в матку не проходила?

– Вскочил у Кешки ячмень на глазу – страдает парень, а тут один и говорит, что от болезни яйца варёные помогают. Сказал и ушел. Наутро приходит, и спрашивает как там больной, а ему говорят да помер дескать Кешка. Отчего удивляется лекарь - да говорят пока яйца варили терпел, а как стали к глазу тянуть до пупка выдержал только и помер.

– Еще кому-то смешно! Что за мир? Сплошные садисты, т.е. садистки. ... О времена, о нравы...

– В поисках ответа на вопрос: «...следует ли варить мужские гениталии перед употреблением...», обратитесь к классике. В «Коньке Горбунке» злодеи хотят сбросить горбатого ослика со скалы в котел с кипящей водой, потом выловить его оттуда и сбросить его же в котел с кипящим оливковым маслом, а затем переместить его в котел с остуженным бетоном. В ответ на эти поползновения Конек им сказал: «...Шпарят только поросят, да индюшек, да цыплят. Я же, вишь, не поросенок, не индюшка, не цыпленок...». Уже в те стародавние времена, особи мужского пола были категорически против проведения над собой подобных экспериментов.

– Не знаю, что там у Конька-Горбунка, но есть такое традиционное морское развлечение. Которое, кстати, так и называется: Паратунька. В несколько железных контейнеров наливается вода: теплая, горячая, очень горячая - почти кипятком и ледяная из-за борта. Если по порядку побывать во всех контейнерах впадешь в эйфорию. Правда, лично я в контейнере с кипятком отключился. Забортной водой отливали.

– Не понял! Сварите яйца, сперма свернется... а как же она потом то выходить оттуда будет? Или пусть тухнет до конца дней? А может лучше сразу отрезать яйца к чёртовой матери? И кто только такое придумывает....Послушал вас, аж что то заныло между ног.... так жалобно...

– Милые дамы, мужчины – создания легко ранимые и морально и физически. Мы на всё пойдём ради вас, но, не до такой степени.

– Лучше не мужиков стерилизовать, а таких дур конченных, как ты! Засунь себе паяльник в вульву и подожди минут эдак тридцать. Твои трубы усохнут и тебе будет по барабану, кто и что будет тебе совать! Или кислотой серной обрабатывай внутренности... Кислая среда препятствует зачатию... Выбор за тобой! Только не забудь, что тебе нужно прежде голову вылечить!!! Бляха! Есть же такие ДУРЫ! Жуть..... полная, и это 20 век....

– Способ «яйца в кастрюле» не очень надежен, гораздо надежнее вливать кипятком во влагалище – чтобы обезвредить яйцеклетку. А вообще - до такого идиотизма, пожалуй, только избранные женщины могли додуматься. Может всем мужикам сразу после полового созревания идти в банк спермы – сдавать пару порций – а потом на хрен отрезать себе яйца совсем???

– Знаете, почему крокодил плачет? А вы попробуйте свои яйца в горячий песок положить

– Насколько я помню биологию, сперматозоиды образуются прямо «в процессе» так что их не сварить. Ну, разве что посреди акта.

– Идиотизм. Лучше сразу молотком по ним.

– Милые мужчины никто ничего у вас варить не собирается.

– Махонький совет по предохранению: стерилизация лечит все! А что она не долечит - кастрация поможет

– Да, встретишься с такой единственной и неповторимой, она тебе и сожжет все единственное и неповторимое...

– Лучший способ контрацепции – вызвать семяизвержение у мужчины в течение 2-3 суток 15-20 раз, лучше в верхнюю часть тела. После этого точно зачать невозможно, но есть вероятность на некоторое время потерять партнера от передозировки.

– Самое надёжное предохранение от нежелательных детей – желанный ребёнок.

– А почему яйца у мужиков – в мошонке? Да потому что там всегда постоянная температура - и в жару, и в холод мужик готов к оплодотворению! Наши древним предкам было известно много способов предохранения от нежелательной беременности и один из них – баня. Но лучше применяйте прерванный половой акт, высчитывайте «безопасные» дни. Если же судьба определила зачать ребёнка именно сейчас – ничто не спасёт.

– Да я бы такую деваху за свои яйца, заставил бы в рот воды набрать и посадил задницей на конфорку, пока вода не закипит.

– Думаю, что лучше все-таки обжарить в кипящем масле, обмазать майонезом и посыпать укропом. Специи по вкусу. Приятного аппетита!

– К сведению непросвещенных: сперма – не белок, а углевод. Очень интересно, как вы его (углевод) сворачивать будете.

– Сперма состоит из белков и углеводов. Белки – это сперматозоиды, а углеводы – сахара, которые питают сперматозоиды в их трудном пути. Так что протеин немного разбавлен.

– Мда... Теперь у мужчин новые проблемы: как бы потрахаться так, чтобы тебе яйца не отчекрыжили!

– По-моему, самый верный способ – это просто много раз трахаться... Где то на четвертый-пятый оргазм в «одну ночную сессию» сперма теряет свои качества, и можно спокойно трахаться без презерватива, если останутся силы...

– Господи! Я даже спать перехотел: метод от триппера хорош. Гусары лечились таким способом. Простывали сильно и с высокой температурой лежали, где-то под 40. Сутки или двое достаточно. Потом уже лечили простуду. И про горячую воду верно - температура должна быть немного выше температуры тела здорового человека, думаю 40 градусов подойдет. А лучше в ванну булькнуть вдвоем и побаловаться там. И про много раз тоже верно.

– Венера, спроси у своей мамы, варила ли она папины яйца?

– А может быть для поднятия температуры яиц их лучше скипидаром растереть? Можно феном обдувать! Или мощной кварцевой лампой греть. И загар, и микробам капут, и для пользы дела!

– Киса, самый надежный способ – крышка от заварочного чайника, да по-глубже! Или разбирая лампочка на всю глубину. Ошалела баба! После такой процедуры как ты предлагаешь можно и конец смело в унитаз выбрасывать. За ненадобностью. По-моему простая кастрация гуманнее выглядит.... Не дай бог мне моя подруга такое предложит! Убью как собаку! Бешеную!

– А вот ещё способ, приводите гордость своего парня в боевую готовность, и просто перетягиваете у основания его же прицендал верёвкой! Стояк обеспечен будет сколько угодно! Главное не более 3 часов, потом надо будет всё же отвязать его оружие. Лично я пробовала!!! Классно!!!! Часа 1,5 прокувыркалась! Главное безопасно. Но есть один минус - парня надо сначала связать

– Поручик Ржевский: а вам когда-нибудь по яйцам сковородкой били?

– Эй, вы чего такой вой подняли? Никто ваши яйца варить не собирается! Горячий душ принимали? Это и есть контрацепция! Но гарантий нет.

– Во, парни переср*лись за свои драгоценненькие яйца! Значит, боятся все-таки. Какая же в нас сила сокрыта, девушки! Но варить чьи-то яйца - ужасно. Как и любые другие части тела кого бы то ни было.

На том и порешили. Диспут закончился, кто-то тихо засопел, а кто-то занялся более интересным делом.

Наташе не спалось. Странно, но разговор ее заинтересовал.

Когда она собиралась в поле, то думала о многом, о методах отбора проб, их измерениях, о жаре-дожде-холоде, о горной тайге, активных вулканах, медведях, личной гигиене... А о сексе забыла! Невероятно, но факт. Пустила на самотек.

Муж же Петька отнесся к подготовке похода легкомысленно, презервативы достал (тогда их купить в любой аптеке было нельзя, нужно было именно достать), но мало, быстро кончились. А в лесу, где их взять?! Да и качество у них... рвутся гады, она уже несколько абортс сделала по милости завода резиновых изделий. И удовольствие с ними – так себе... Казалось бы есть простой выход – потерпи три месяца без секса, не велика проблема. Однако Петька-гад был редким по силе бабником, готовым трахать все, что движется. Ему откажешь, вся экспедиция на уши встанет. А это обидно и опасно – кончится венерической болезнью. И не одной.

Но это – трудности технические. Были и морально-этические. Наташа воспринимала секс, как сугубо интимное дело. На площади этим вредно заниматься –

советами замучают. Ее сильно раздражало, когда пол в классе начинал ходить ходуном, а по углам шли комментарии разбуженных слушателей. Были и личные проблемы: секс она любила, особо подбивать ее на это дело не надо. Сама, кого хочешь, подбьет. Но! Оргазм у нее был бурным, она сильно кричала. Поэтому здесь в коллективе, в самый интересный момент ей затыкали рот, шапкой, шарфом, платком – всем, что под руку подвернется. Так себе удовольствие...

Вот и пришлось молиться Деве Марии, зачавшей без греха, как согрешить без зачатия?!

Подумав немного, она шепнула Петьке, что все ему даст, если он воспользуется советом и хорошенько пропарит свое хозяйство в местных минеральных источниках. Петр тут же согласился. Все же когда тебя игнорирует собственная жена, обычно вполне активная, это – неприятно...

Сказано – сделано. Мы ежедневно купались в местных курортных лужах, но просто так, без всякой задней мысли. По принципу: пойдём в баню, заодно и помоемся. Петька же, бросив нас, отправился на Верхне-Паратунские источники, что на склоне сопки Горячей. Там десятка два грифонов с температурой от еле теплой до **70°C**. Он прыгал с грифона на грифон, выбирая места по горячее и сидел в них часами (в эти воды ногой нельзя ступить, не то что сидеть). За то красивыми видами на окрестности любовался. Беда только, что в атмосфере сероводорода и радона больше получаса пребывать не рекомендуется. Вернувшись с процедур, он требовал своё. Наташа отказывала – хотела гарантий. Пришлось вновь переться вверх по речке. Так длилось почти неделю. Наконец, свершилось. Да так, что ружье с гвоздя соскочило и набило синяк Валерию Николаевичу.

...Ровно через 9 месяцев я узнал, что Наташа родила девочку. Вот вам и яйца в кастрюльку! Девочка выросла, поехала на конкурс в Венесуэлу, победила всех красавиц и стала Мисс Вселенная.

А вы о сперматозоидах волнуетесь, белок у вас сворачивается...

Нет, все же горячая минералка, с радоном, мышьяком и сероводородом – великая сила!



Говорят, геотермальная ГЭС на Мутновке выглядит так. Мощность 50 МВт (хотели больше; ну, может вторую очередь построят).

Эх, сколько видано,
Эх, перевидано,
После плаванья
В тихой гавани
Вспомнить будет о чём.
И Шаферан

МОРСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Помимо сухопутных (по рекам, горам и вулканам), я участвовал (обычно организовывал и руководил) многочисленными экспедициями, связанными с преодолением больших водных пространств: океанов, морей, озёр. Работы велись в Белом, Баренцевом, Чёрном, Азовском, Мраморном, Эгейском и Каспийском морях, в зонах смешения вод Атлантического и Индийского океанов, на озёрах Байкал, Иссык-Куль, Телецкое озеро, Цимлянское водохранилище.

Экспедиции были двух типов: при финансовой поддержке государства (СССР) и частные, за нас счёт, с частичной поддержкой других лиц, или организаций. В данном разделе описаны морские экспедиции (радиоэкологические практики), осуществляемые в рамках учебного процесса кафедры радиохимии химического факультета МГУ.

А в открытом океане негде
прятаться в кусты
Ю.Ким

Экспедиции МГУ

1) 1980

Экспедиция на НИС «Эксперимент»: Чёрное, Азовское и Каспийское моря. Маршрут: Севастополь – Ялта – Судак – Кара-Даг – Керчь – устье Кубани – Жданов (ныне Мариуполь) – Ростов-на-Дону – р. Дон – Волго-Донской канал – р. Волга – Астрахань – Шевченко (Ак-Тау) – Кара-Богаз-Гол – Махачкала. Кроме меня, участвовали В.П. Овчаренко, К.В. Похолок и радиоинженер. В должности женщины Ольга. В начале экспедиции начальником был Овчаренко, потом я. Размещение большого количества барахла в купе. Осмотр Севастополя: бухты (северная и южная), Панорама, 4-Бастион, Малахов курган, Графская пристань. Знакомство с НИС "Эксперимент". Размещение, монтаж и испытание радиометрических установок. Починка аппаратуры. Первые шторма, морские болезни. Душный кубрик на четверых на баке. Спаивание кэпа в Темрюке, подводные грязевые вулканы вблизи станицы Голубицкая, жуткий шторм на Азовском море, чуть нас не потопивший. Спасение в Жданове. Мы тараним ж/д мост близ Ростова на Дону. "Не надо нам экспериментов!" Морской отдел заказал солярку на МТС, в 20 км от берега.



Смена руководства экспедиции. На Цимлянском водохранилище в полном водолазном снаряжении пытаюсь добыть раков. Безуспешно. Волга, Ахтуба и рыба. Поиски кафе в Астрахани. Бухта Бекоева-Черкесского на Каспийском море - невероятное количество раков. Пива нет. Город Шевченко), порт Актау.

Актау (Шевченко).

Шевченко - город промышленный, тут работает мощный горнодобывающий и перерабатывающий комплекс. Урановую руду добывают неподалёку в огромном и глубоком карьере. На азото-туковом и сернокислотном заводах производятся химические реагенты. Пресной воды нет, её получают на опреснителях при реакторе на быстрых нейтронах (БН-350), который заодно снабжает город теплом и энергией. Для радиохимии здесь рай: радиоактивности много и она разнообразна. Реактор выпускает криптон и другие радиоактивные газы, которые проявляют себя аж на другой стороне Каспия. Со стороны карьера город накрывает пудра оксидов урана. Из Кара-Богаз-Гола долетает радий и радон. Есть нам где разгуляться, есть. Говорят, в регионе обнаружены нефть и газ. Не знаю, не видел. Маяк расположен на крыше жилого дома. Нигде в мире такого нет!

Залив Кара-Богаз-Гол.





Дербент - Махачкала - Гуниб. Состав



Направил "Эксперимент" к заливу Кара-Богаз-Гол (чёрная пасть - отбирает воду из Каспия). Долго искали начало протоки, соединяющей залив с морем. Нашли, поставили пароход на якорь, а сами на катере направились к берегу. Еле высадились: волна и сильный прибой. Довольно широкая протока (метров 200) оказалась быстрой и буйной рекой, даже водопад есть. Вода в ней почему-то красного цвета. Посреди русла ржавеет буксир. Как он туда попал?! В заливе синяя вода соединена с синим небом. Белые горы соли, как снег и айсберги. Вода плотная, чрезвычайно солёная (310 ‰), содержит слабительное, все раны разъедает. Огромные монокристаллы под водой, как тысячи алмазов. Чудо света. Есть комбинат, добывающий мирабилит (глауберова соль $\text{Na}_2\text{SO}_4 \cdot 10\text{H}_2\text{O}$). Много радия и радона. Вновь пересекли Каспий. Из Махачкалы отправились в Москву поездом.

Высадиться в районе Кара-Богаз-Гола было трудно.

На протоке, соединяющей залив с Каспием, был водопад.

2) 1981

Каспийская морская экспедиция (НИС «Эксперимент») в конце мая (полтора месяца): Махачкала — Шевченко — Кара-Богаз-Гол — Красноводск — Ленкорань — Баку - банка Макарова — Ю.А.Сапожникова. Знакомство с Махачкалой, охрана дамы, борьба за свободный вход женщины в порт и выход из него. В городе хороший музей, картины из Эрмитажа, слава Шамилю. Базар, торговля за бараньи шкуры и ковры. Чай в прикуску. Переход через Каспий в Шевченко.

Драки и поножовщина местных в порту. Поход на залив Кара-Богаз-Гол, уточнение прошлых данных. Красноводск, гигантский фонтан слёз, за городом сразу холмы, перед ними - стаи полудиких собак, лай и вой (сцена из "Джура").

В Красноводске затарились то ли плохой водой, то ли некондиционными продуктами, у всех - дизентерия, похожая на брюшной тиф. Переход через Каспий в Ленкорань. Особенности менталитета курдов. Из-за детей получаю мощный порез живота и груди. Попытка ловли осетров промысловой сетью. Эксперимент встаёт на дыбы, осетры, однако, нет. Банка Макарова (Бахар-дениз, Апшеронский архипелаг) грязевой вулкан (в 1957 образовал остров, который тут же размыло), бьют подводные грифоны, интенсивный поток метана, есть и радон, вода образует купол. Дербент (закрытые врата - персидская крепость, когда-то закрывала каспийский проход). Посещение крепости Нарын-Кала.

Залив Кара-Богаз-Гол.

Махачкала, знакомство с родственниками Овчаренко, нам дают машину и мы едем в Гуниб. Опасная горная дорога по ущелью с рекой. На отдельных скалах теснятся сакли; в селениях - разные народности, религии, языки, менталитет, ремёсла. Горы, как бы распилены пилой: река, за ней высокая ровная стена, по ней идёт дорога, местами просто приставлена к стене и держится на консолях, пожалуй,

самая опасная дорога по которой мне пришлось перемещаться. Живыми взобрались на Гунибское плато (172 км к юго-западу от Махачкалы, высота 1500 м). Село это - русская инициатива. Оно возникло в 1862 при строительстве военного укрепления, получившего название по бывшему аулу Гуниб (*стог сена*), который располагался на вершине плато, и был разрушен в 1859. В этой крепости родилась писательница О.Д.Форш, которая описала здешние места в романе "Одеты камнем". Природная крепость Гуниба являлась последним оплотом имама Шамиля, была взята 25.08.1959 русскими войсками под командованием А.И. Барятинского. Осадные работы велись под руководством Э.Ф.Кеслера. Устраивались позиции для артиллерии и пехоты, готовились лестницы и верёвки для передовых штурмовых команд. Здесь был пленён Шамиль с сыновьями, после чего Кавказская война практически закончилась. Крепость производит странное впечатление: китайская стена скачет по горам, на какой стороне свои - не поймёшь. Местная учительница водила нас по Гунибу. Симпатичный посёлок, есть речка, водопадом падающая в долину. Берега у неё отвесные, здесь в пещерах жили мюриды Шамиля.

Погуляли по местным горкам, вернулись в Махачкалу, а затем в Москву.



Гуниб на картинах И.К. Айвазовского. Водопад сохранился и мы его посетили.



Дорога на Гуниб идёт по отвесной скале.

1982

Морская экспедиция на НИС: Азовское, Чёрное и Каспийское моря, НИС «Эксперимент». Маршрут: Ростов на Дону - Керченский пролив – Керчь – Геленджик – Потти и обратно вдоль кавказского побережья (Сочи)– Ростов на Дону - Волгодонск - Астрахань - Махачкала. Традиционный состав, включая Ольгу. Мне досталась замечательная каюта, вся в коврах, с радиолой, холодильником и электронной музыкой на полке, падающей на меня во время шторма. Пароход ждал нас не в самом Ростове на Дону, а ниже, в станице Нижнегниловской, вполне оправдывающей своё название. Спустились по Дону и, никуда не заходя, пошли в Керченский пролив. Трясло, но не сильно. Дальше двинулись на юг Чёрного моря кавказского берега: Темрюк, Анапа, Геленджик - Потти. Радиоактивность мерили на всём пути подкилевым (вода) и мачтовым (воздух) детекторами. В устьях рек брали пробы воды и измеряли радиоактивность в лаборатории многоканальным спектрометром (защита детектора - пуд свинцовой дробы). В бухте Геленджика стояли на рейде, мы с Овчаренко поплыли на берег, где поразмялись и попили пивка. Когда плыли обратно, нас догнали спасатели, посадили в катер, и вернули на берег. Обругали: за буйки заплывать нельзя. Пришлось ждать ночи и плыть тихо, как на разведку. Зашли в Сочи, погулял по курорту, вспомнил детство-отрочество, как я тут с матерью отдыхал и купался. Здесь живут родственники, но я к ним не пошёл. Вновь пересекли Азовское море и пришвартовались в Нижнегниловской.



Село Гуниб.



Одеты камнем (О.Форш)

Оказалось, что дальше двигаться не можем: МГУ не заплатил за солярку, а капитан (мастер) и старпом (чиф) - морские волки, но не имеют право ходить по рекам. Команда массово ловила рыбу, а мне, как начальнику экспедиции, пришлось бегать по разным ведомствам в Ростове, переговариваться с Москвой (можно было только с почты) и слать телеграммы с проклятиями. Забежал на базар, купил и попробовал рыба. Посетил семью Миши, племянника Иды. Ночью шёл от автобуса к реке, путь преградил высокий забор, почти стена, полез на неё, но это оказалась стена знаменитой ростовской тюрьмы. Охрана меня ссадила, но не убила. Наверно, я не один такой. Могли бы фонари повесить и надписи предупреждающие сделать! Простояли дней десять (великое ростовское сидение), солярка нашлась, а лоцманом пошёл сам начальник первого отдела пароходства: *"я здесь все мели знаю - вот первая!"* Пароход лёг набок, аккуратно, когда мы пили какао. Никогда больше, ни в какой экспедиции не разрешал я пить какао: плохая примета.

По каналу шли без лоцмана и бодались со стенками шлюзов. "Брось им конец, они не управляемы". Посетили Волгодонск, но на Атоммаш, выпускающий атомные реакторы, не пошли. Удивило большое число пьяных и приبلатнённых на улицах. Всё же город режимный. На канале протаранили самоходную баржу Волга-Дон. Я совершил подвиг: спас бутылку вина, которая при ударе пыталась вырваться из холодильника. Спустились по Волге, Астрахань прошли не останавливаясь. По Волге плыли мёртвые осетры (браконьеры ловят, извлекают чёрную икру и выбрасывают), на них сидели вороны. Поскольку долго простояли в Ростове, времени на работу на Каспии не осталась. Пришли в Махачкалу, передали пароход физикам и отправились в Москву.

4) 1983

Каспийская экспедиция: Махачкала-Шевченко-Кара-Богаз-Гол-Красноводск-Баку-Ленкорань-Баку-Махачкала. Участники те же, Ольга и Сергей Синьков.

Из Махачкалы пошли по следу радиоактивных выбросов реактора в Шевченко (кстати, почему так город называется? Тарас Шевченко здесь никогда не был, он служил в Форте Шевченко, довольно далеко на севере Каспия). Вновь прибыли в Кара-Богаз-Гол. И поразились изменениям, происшедшим с заливом, который теперь не залив, а озеро. Одному не в меру активному индивиду, с уровнем мышления орангутанга пришла, однажды пришла в голову идея, предотвратить обмеление Каспийского моря путём затыкания чёртовой пасти. Построили дамбу и превратили залив в озеро. Только пока согласовывали проект и трудились, уровень Каспия начал быстро повышаться, затопляя побережья и порты. (Событие ожидаемое всеми (циклы колебаний уровня Каспия хорошо известны), кроме нашего Орангутанга). Речка высохла. Шли по пустыне, перпендикулярно барханам, встречая и общаясь с верблюдами. Людей нет. Вода практически исчезла. Всё пространство покрыто песком, в воздухе - пыль мирабилита (долетает до Баку и уничтожает виноградники). Промышленно производство остановлено. Чудо природы уничтожено. Послушайтесь совета, ребята: немедленно взорвите дамбу!



Кара-Богаз-Гол представлял собой жалкое зрелище.

Далее шли по уже отработанному маршруту: Красноводск - Ленкорань - Баку. Радиометрия подводных грязевых вулканов. В Баку пришвартовались прямо у Девичьей Башни, в местном Университете раздобыли жидкий азот, необходимый нам для спектрометра высокого разрешения. Побродили по дворцу Ширваншахов, по Старому городу и Бакинской крепости, наблюдали за работой качалок (нефтедобыча прямо во

дворах жилых домов), посетили храм огнепоклонников Атешгях (30 км от Баку). Снова пошли в Ленкорань. Там вновь отличился сын нашего декана (он много доставал нам хлопот, но максимум - в Ленкорани, молодой мастер спорта, недавно окончивший химфак МГУ; ничто не предвещало, что он скоро сопьётся, умрет, и труп его пролежит несколько дней в квартире). Местная власть приняла нас за инспекцию. Нам с моторного катера бросили взятку - большого осетра. Мы, правда уже и так уходили, подняли якоря и выруливали из порта. Но всё равно спасибо! Хорошо пошёл. Ещё кратковременно зашли в Баку и вернулись в Махачкалу. Там нашего старпома арестовали и посадили за незаконную ловлю осетров (он правда попутно дал по морде и сбросил в море рыбинспектора). Мы его выкупили из тюрьмы. Старший механик (дед) погрузил нас с Ольгой в катер и долго катал вдоль побережья. Больше Ольга участия в наших экспедициях не принимала.

5) 1990

Экспедиция по Черному и Азовскому морям на НИС «Эксперимент», Севастополь - Чёрное море - устье Дуная - вверх по Дунаю - Вилково - Измаил - Одесса - Днепро - Бутский лиман - Севастополь - бухта Ласпи - Ялта - Керчь - Азовское море - Темрюк - устье Дона - Чёрное море - Поти - Сочи - Севастополь. Участвуют В. Н. Никонов, В.Г. Блиадзе, А.М. Афиногенов, в должности женщины ИМ.

Кок неожиданно оказался мужчиной, пришлось отдать каюту ИМ, а самому кантоваться с Никоновым в двухместном кубрике. В Севастополе при шествии вместе с ИМ с базара с авоськами фруктов Никонов провалился в люк. По дороге к Дунаю ночью случился мощный шторм, нас залило, у кэпа разбился сервиз, слетевший со своего места холодильник запер каюту ИМ, а заодно и вход в лабораторию. Еле всё откупили. Достигли устья Дуная. В воде много радионуклидов,

сбросов АЭС, судя по спектру - с румынской станции. Пошли вверх по Дунаю, глубина достаточна, берега - сплошные заросли тростника (дунайские плавни), справа - СССР, слева - Румыния, с воды посмотрели на Измаил, один день провели в Вилково (украинская Венеция); многочисленные каналы прорыты вдоль улиц; большинство из них уже пересохла. Среди жителей много староверов (липованов). В универмаге с трудом оторвал Никонова от созерцания собачьего ошейника. Основное приключение - парилка в местной бане.

Из Вилкова пошли в Одессу, где погуляли по Дерибасовской, осмотрели оперный театр, памятник Ришелье, поднялись и спустились по знаменитой лестнице. Отобрали пробы ила и воды в Днепро-Бугском лимане. По сравнению с предыдущими анализами, солёность воды заметно увеличилась. Обнаружили, что чернобыльский плутоний, который казался прочно похоронённым под осадками, вновь стал поступать в биоту. По-видимому, как результат деятельности сульфидразрушающих бактерий, переводящий радиоактивные тяжёлые металлы в планктон, а затем в рыбу. По дороге зашли в Севастополь, где совершили пеший переход в бухту Ласпи. Симпатичная бухта, провели в ней целый день, отдыхали и купались.

Снова вышли в море и последовательно имели стоянки (с выходом на берег) в Ялте, Феодосии и Керчи. Подошли к мысу Карадаг в Крыму, спустили катер и провели подробную



радиометрическую съёмку местности. Залезли на гору Святая (577 м). Карадаг - типичный остаток вулкана. Его охраняют причудливые скалы: Шайтан-капу (Чертовы, или Золотые ворота), Чёртов Палец, Иван-Разбойник, Лев и др. На Карадаге Георгий Победосец одолел гигантского змея и спас местных жителей. Очень много интересных (и красивых) минералов, в первую очередь - друз прозрачного кварца, халцедон, агат какой-то необычной расцветки, опал, сердолик, аметист, оникс, яшма, разные виды цеолитов. Урана немного, но есть.

Мыс Кара Даг.

В Керчи, наконец, поднялись на гору Митридат (в прошлых рейсах неоднократно пытались совершить этот подвиг, но у подножья затаривались под завязку сухеньким, так что о путешествиях по горам не могло быть и речи). Теперь под предводительством ИМ Митридат (91,4 м) был взят. Подниматься пришлось по длинной лестнице (более 300 ступенек). Классическая архитектура в итальянском стиле. На склоне горы когда-то располагался античный город Пантикапей (Боспорское царство). Гора названа в память понтийского царя Митридата VI Евпатора, погибшего (63 до н.э.) в борьбе с Помпеем (убит другом-телохранителем по его просьбе). С горы открылся отличный вид на город и на керченскую



бухту. Осмотрели Мемориал воинской славы. Стоят 3 пушки ЗИС-3. В Керчи пришвартовались к траулеру. Нам подарили ведро кильки. ИМ нанизала их на леску, которую натянула между мачтами. По ночам сушёная килька стала исчезать, в чём несправедливо был обвинён пёс Барсик.

Прошли Керченский пролив, чуть не сев на мель, день простояли у Темрюка (Таманский полуостров). Город назван в честь основателя — кабардинского князя Темрюка. Его дочь под именем Мария 8,5 лет была второй женой Ивана Грозного. (*Сия Княжна Черкесская, дикая нравом, жестокая душою, ещё более утверждала Иоанна в злых склонностях, не умея сохранить и любви его*). Именно Мария дала Грозному идею опричнины и помогла осуществить её. Была отравлена. Брат её - воевода, любимец Грозного, один из основателей опричнины, пытал и казнил бояр; Грозный посадил его на кол, предвзвительно убив его жену и шестимесячного сына. Их нравы! На месте Темрюка когда-то была генуэзская колония Копя.

Провели радиационную съёмку Курчанского лимана. Вымазались чёрной грязью у станции Голубицкая. Слазили на Гнилую гору, на которой много грязевых вулканов. Подошли к устью Дона, отобрали пробы воды и ила, по реке подниматься не стали. Развернулись, вышли в Чёрное море и пошли сразу в порт Потти, что в устье реки Риони (Верхняя Сванетия). Потти построен на месте античной греческой колонии Фазис (Колхида, фазаны, Золотое руно, аргонавты). Живут тут мегрелы. В городе есть сгоревшие дома, кто с кем дрался - не ясно). Послали Никонова на базар за чачей. Купил, но канистра текла, он весь пропитался спиртным (и с наружи и изнутри, поскольку всегда исповедовал принцип: *лучше в нас, чем в таз*). Это 5 литров

самогонки. Еле заловили его меж кораблей у причала. В воде Риони много урана. Пошли на юг, вдоль побережья, брали пробы воды в устьях рек Псоу, Бзынь, Сочинка, померили радиоактивность в Хосте (много радона), зашли в Сочи: "Убрать с лееров нижнее бельё - входим в Город Курорт Сочи!".



Причалили рядом с большим Научно-исследовательское судном погоды ледового класса "Виктор Бугаев" (бывший "Прорыв") именно на нём в 1980 капитан и 20 членов экипажа в Атлантическом океане наблюдали НЛО: летящий объект необычной формы. Носовая часть светилась большим огненным снопом, занимая почти половину длины корпуса. Огненный сноп создавал впечатление света, направленного в кормовую часть судна. Аппарат напоминал форму конусообразной сигары и двигался с небольшой скоростью с юго-запада на северо-восток, пересекая диаметрально плоскость судна в районе кормы. Пролетев некоторое расстояние, аппарат, слегка качнувшись, завис в неподвижном состоянии, изредка делая лёгкие качательные, вернее вращательные движения. Затем от этого аппарата отделился точно такой же аппарат, по величине не отличающийся от первого, носовая часть которого выбрасывала огненный сноп света, а затем, быстро набирая скорость, скрылся в северо-западном направлении. Первый же аппарат, оставаясь ещё в зависшем состоянии, убрав огненный сноп света и приняв цвет алюминия, стал двигаться в северо-восточном направлении, увеличивая скорость. "Виктор Бугаев" - корабль большой, у капитана - трёхкомнатная каюта, есть ЭВМ типа БЭСМ-6. На "Эксперимент" с "Бугаева" пришли гости, позавидовали нашему уюту и пригласили к себе. Просидели всю ночь, в горячих спорах выпили ящик Мадеры. На спуске с длиннющего трапа старпом жал каждому из нас руку "Спасибо, что без скандала!". Судьба судна потом была незавидна: после развала СССР оно оказалось на Украине, 31.12.2000 г. прибыло на рейд Алиаги (Турция), 02.01.2001 г. выбросилось на берег, разделано там же. Никонов на мадеру не попал, т.к. ушёл на прогулку на катамаране. Там его чуть не убили, спасся, спрыгнув с пирса на "Эксперимент". Сходили в кино, посетили Дендрарий. Из Сочи - прямо в Севастополь, а оттуда - домой.

6) 1991

По Чёрному – Мраморному и Эгейскому морям (НИС Эксперимент, 1-ая Международная экспедиция). Участники: ИМ, В. Никонов, Андрей Тепляков, Олег Егоров. Маршрут: Севастополь - устье Дуная - Босфор - Стамбул - Мраморное море - Дарданеллы - Эгейское море - остров Лемнос - Стамбул - Кача - Севастополь. Долго не могли выйти из Севастополя: оформляли разрешение на границу, а нам - паспорта моряка, позволяющие без визы посещать любые города и страны.



Маяк на мысе Херсонес.

Пока это шли формальности, поднялись на Малахов курган, где хорошо помылись в бане. Взяли пробы воды в Казачьей бухте. В конце 1 в. н.э. в этой бухте по приказу римского императора Траяна был утоплен ученик святого Петра Климент – 4-й папа римский, каторжник в каменоломне, основатель Инкерманского монастыря. Его мощи в 861 найдены на песчаном островке создателями славянской письменности Кириллом и Мефодием. Мощи были помещены в собор Святого Петра в Риме, а часть их, оставшихся в Херсонесе, киевский князь Владимир в 988 году увез в Киев. Побывали на мысе Херсонес (Герacleйский

полуостров), крайняя западная точка Севастополя, посмотрели на маяк (высота 36 м). Здесь в 1942 командование бросило на произвол судьбы 80 тыс. солдат, больше половины погибло и здесь захоронено. Пошли в археологический заповедник, посетили музей. Тут 2500 лет тому назад греками был основан город Херсонес Таврический (по-русски Корсунь). Много чего он испытал. В 988 киевский князь Владимир после нескольких месяцев осады захватил город. Взятие Корсуни позволило Владимиру диктовать свои условия императору Василию II и жениться на византийской царевне Анне. Кое что от города сохранилось: Агора (центральная площадь), театр,

базилика в базилике, башня Зенона. Висит колокол, в который можно ударить. Руины, колонны, амфоры. Собор св. Владимира, практически полностью разрушенный во время войны. На этом месте якобы крестился князь Владимир. Собор собираются реставрировать. Искупались и вернулись в город.



Перед выходом в дальний рейс, мы обычно гуляли по Севастополю.

Начали готовиться в выходу в море. На экспедицию выдали валюту, немного - на представительские расходы, но у каждого были свои доллары, тоже очень мало, но были. Вывозить их было нельзя, приходилось прятать. Я просто сунул в высоковольтник, 3000 вольт, никто не полезет, а студенты съели конфеты, а в фантики заложили плотно сложенные доллары. Конфеты и конфеты, никто не догадается. Таможенники на нас особо внимания не обратили, шерстили команду в поисках контрабанды, хотя понимали, что на пароходе без проблем можно спрятать, что угодно - найдёшь, если судно разберёшь до винтика. Ко мне пристали: зачем нам ящик карандашей. Я объяснил, что графит - замедлитель нейтронов. Таможенники со мной согласились и отстали.

Вышли в море и пошли к устью Дуная, штормило, но умеренно. Выяснилось, что студенты переносят качку довольно тяжело. Отобрали пробы воды и ила, убедились, что радиоактивные вещества по Дунаю продолжают поступать в Чёрное море, течение относит их в сторону болгарских пляжей. Ночь провели у Змеиного острова. На этот остров постоянно претендует Румыния, объявляя, что это не остров, а скала. Но это, конечно не скала: есть посёлок (Белое) и даже музей. Остров имеет форму креста, расстояние между крайними точками полкилометра. Стоят маяк и радар. Берега обрывистые, но есть и пляж. Много гротов. Деревьев нет, змей тоже (с Дуная течение иногда заносит ужей); типичная степь. Здесь когда-то был храм Ахилла. Остров упоминается в Фаусте Гёте. На шельфе около Змеиного недавно обнаружены значительные месторождения нефти и природного газа. Мы погружаемыми датчиками обнаружили придонные выходы радона. Тут я получил телеграмму от Людмилы Дмитриевны – начальника морского отдела МГУ с приказом отменить заграничье и идти в Одессу. Его я проигнорировал.

Собрались с силами и пошли в Турцию. Сильно качало, мы начали жаться к берегу. Наперерез бросился румынский катер, ошестинившийся ракетами. Отогнал нас в море. Качка усилилась, мы попытались уйти в залив Бургас, но болгары нас к себе не пустили. Шторм кидал наш корабль, как щепку. На манёвры и борьбу с волнами тратили последнюю сольярку. Я был с капитаном в рубке, когда нам пришли радиogramмы от ЛД (мне - отдельно, кэпу - отдельно) с требованием немедленно вернуться назад. В Стамбуле стоит "Московский университет", на борту которого ЛД сейчас находится: лишней сольярки нет, а за нашу стоянку не уплачено (денег нет). Обсудили с кэпом ситуацию, пришли к единому мнению, что на бабские капризы и даже истерики обращать внимание не стоит. Это, конечно, риск. Будем иметь бледный вид, если нас в порт не пустят, а обратно идти не на чем. Запасы питьевой воды, кстати, то же ограничены. Ну, да, кто не рискует, тот не пьёт шаманского! Шанс даётся один раз, второго не будет.

Проснулся от того, что перестало качать и бить моё несчастное тело о переборку. Вышел на палубу: солнце выплыло из моря, погода прекрасная и мы входим в Босфор. *"Никогда я не был на Босфоре"*. Очень жаль. А я вот был! Пролив назвали в честь дочери авгийского царя. Прекрасная возлюбленная Зевса по имени Ио была превращена им в белую корову (извращенец!), чтобы избежать гнева его жены Геры (трус!). Несчастная Ио избрала водный путь к спасению, нырнув в

синеву пролива, который с тех пор и называется «коровьим бродом» или Босфором. Пролив длинный (30 км), на входе широкий (3,6 км), на выходе сравнительно узкий (0,7 км); довольно глубокий (33 - 80 м) - подводная лодка пройдёт. Аварийность судов здесь высокая: течение 6 узлов, а к течению моряки не привычны, к тому же у морского судна винт один, тогда как у речного обязательно два. В проливе необычайно интенсивное движение: большие корабли, с которыми не разминёшься, паромы, рой мелких судов, снующих вокруг и прямо перед твоим носом. Все под красным турецким флагом. На катере прибыли пограничники и таможенники. Тут же были облаяны Борей. Турки предложили нам продать пса. Мы гордо отказались. За штурвал встал лоцман. Проводка судна стоит тысячу долларов, ничего - МГУ заплатит (нехорошо нищим прикидываться). Экспедиция выстроилась по бортам. Было на что посмотреть! Одно из самых сильных моих впечатлений, а я много чего видел в своей жизни. По крутым берегам - плотнейшая застройка. Замки-крепости всех времен, дворцы-виллы, паромы, водное такси, висят автомобильные мосты: сначала Султана Мехмеда Фатиха, а затем - Босфорский мост (проезд по нему платный, а пешеходам проход запрещён, т.к. многие из них склонны к самоубийству). Встали на рейд точно напротив дворца султана. Сообщили ЛД радостную весть о нашем прибытии. Впрочем, она нас уже видела простым глазом. После некоторых препирательств, нам разрешили причалить, но не к пирсу, а к борту "Московского университета". Свершилось!

Мы вышли в город. *"Истамбул, был Константинополем!"* А до того Византией. По-нашему Царьград, к стене которого так тянуло русских князей прибить свой щит (на большее сил не хватало). Прямо у порта шаланды с художественно расположенной рыбой. Вроде мы в одном море рыбачим, но у нас ничего подобного нет. Подошли к бухте Золото рог, она действительно, напоминает оленьи рога: сильно изогнута и имеет множество разветвлений, впадает в Босфор в месте его соединения с Мраморным морем. Вступили на Галатский мост, он - плавучий, что ограничивает водообмен между Рогом и Босфором, приводит к кислородному истощению и накоплению сероводорода в заливе. Залив грязный, купаться нельзя, рыба исчезла. На мосту стекольщик продавал стеклорезы. Он виртуозно отрезал тонкие ломтики стекла, которые улетали в воду. Вся команда накупила "алмазы", но ни у кого стеклорез стекло резать не стал. Фокусник этот стекольщик! Пришли на базар - бесконечный лабиринт. Нам зажгли свет, и всё засияло золотом и брильянтами, как в пещере Аль Ладына, сцена из сказок "Тысяча и одна ночь", к нам бросились продавцы и потащили в разные стороны. "Здравствуй, Горбачёв! - кричали они. Мы прибалдели: и от обилия товара и от сервиса. ИМ не успела глазом моргнуть, как была одета в джинсовую куртку. Не сразу поняла, что купила. Она приобрела чайный и кофейный сервисы, очень красивые, но краска с них сошла через месяц. В каком-то магазине заставила продавцов бегать по этажам и после долгой торговли на неизвестном мире языке купила нитки для вязанья. Никонов развил бурную деятельность по приобретению джинсов и перчаток, но в итоге ничего не купил. Я же мимоходом прибарохлился джинсами - предметом зависти Валеры. Карандаши наши никто приобрести не захотел, наконец, на Университетской площади обменяли их на девичьи трусики-бикини. В городе кругом евромагазины, ходит старинный однопутный трамвай, на каждом шагу шаурма на вертикальных вертелах (в Москве тогда её не было), бурная жизнь, толкотня, повозки, перегруженные товаром, которые толкают мужики, автомобили, раздвигающие толпу, интенсивная торговля прямо на асфальте. Посетили огромный Собор Святой Софии — Премудрости Божией (теперь мечеть Айя-Софья, напоминает музей, первый храм построен в 330 г. и сгорел, второй сгорел тоже, это уже третий, 537, его частично разрушило землетрясение (989), здание подперли контрфорсами, которые сильно попортили его вид), мусульмане пристроили четыре минарета. В 1453 г. в храм ворвались турки, красная полоса на колонне отражает уровень крови зарубленных молящихся. В соборе гигантский купол, не понятно на чём держится. Говорят потому он и стены прочны, что в строительный раствор добавляли экстракт листьев ясеня. Есть тут «плачущая колонна», покрытая медью (если положить руку в отверстие и, ощутив влагу, загадать желание, то оно обязательно сбудется), есть также «холодное окно», где даже в самый жаркий день веет прохладный ветерок. На стенах храма - изображения Иисуса Христа и Богоматери, и цитаты из Корана на четырёх больших щитах овальной формы. На мраморных парапетах заметны надписи, сделанные скандинавскими рунами. Их нацарапали воины из варяжской гвардии императора Византии (по принципу *"здесь был Вася"*). В соборе множество прекрасных фресок и мозаик; им тысяча лет, а то и больше. Они сохранились, поскольку много веков были замазаны штукатуркой. Их нужно долго разглядывать, да времени не нет. В городе много музеев, около одного из них гробница Александра Македонского, как она сюда попала - не ясно. Естественно, много дворцов. Частично восстановлена стена с воротами. Собрались осмотреть Голубую мечеть (Мечеть Султанахмет) - основную мечеть Стамбула. Не случайно при ней 6 минаретов. Но не получилось. Сели на лавочку отдохнуть, как на нас накинулась стая мальцов, которые стали интенсивно чистить нам обувь (не мне - я был в сандалиях). Мы заплатили. Они потребовали ещё и ещё, стали подтягиваться грозные мужики, запахло мордобоем, международного уровня. К счастью, появились матросы с "Эксперимента". Мы разошлись. (Много позже, я посетил Голубую мечеть, там огромное количество (более 20 тыс.) белых и голубых изникских керамических изразцов ручной работы. Красиво!).

Отобрали пробы воды в Золотом Роге. Там два слоя, разной солёности, и, следовательно, с разным содержанием радиоактивного калия-40. "Московский университет" поделился с нами соляжкой (занадка, которая, как предполагал наш кеп, основываясь на собственном опыте и традициях, должна была быть; она и была, о чём сухопутная крыса ЛД не догадывалась). Пошли по Мраморному морю, как по пруду - никакого волнения. Обошли Принцевы острова (их девять). На острове Бююкада (Принкипо) в 1929-33, после высылки из СССР, находился Л.Д. Троцкий. Жил бы тут дальше, глядишь, остался бы цел. Мраморное море довольно длинное (280 км) и глубокое (до 1350 м). Южный берег гористый, много заливов. Где-то там знаменитая Троя. Солёность воды много выше, чем в Чёрном море, но меньше, чем в океане. Прошли Дарданеллы (Геллеспонт, море Геллы», назван в честь Геллы — дочери орхоменского царя Атаманта и Нефелы, сестры-близнеца Фрикса). Здесь, как и в Босфоре два течения: поверхностное, менее солёное, из Мраморного моря в Средиземное, а нижнее с более солёной водой - в обратном направлении. На выходе из пролива - гора Ида. Пролив менее интересен, чем Босфор, есть два замка, а больше ничего примечательного. Вышли в Эгейское море и сделали днёвку у острова Лемнос (остров Гефеста, бога огня, Греция). Остров замечателен своей древней историей, здесь, кстати, зародилось пятиборье, долго островом правили амазонки, предварительно перебив всех мужиков (которые им якобы изменяли). На нём, говорят, сейчас производят замечательный мускат, мы не пробовали, сойти на берег нам не разрешили. Был полный штиль, закат, дымка, тепло, но не жарко. Устроили купанье, самое лучшее за все морские экспедиции вместе взятые.

Очень хотелось дойти до Измира, но питьевой воды и соляжки было в обрез, пошли обратно. Подкилевым детектором непрерывно измеряли радиоактивность морской воды, батометром брали пробы воды с различных глубин. В Босфоре два течения — распреснённое верхнее из Чёрного моря в Мраморное, на юг (скорость 1,5—2 м/с) и солёное нижнее — из Мраморного моря в Чёрное (скорость 0,9—1 м/с). Радиоактивность из Чёрного моря (в том числе - чернобыльский цезий) уносится в Средиземное море (среднеземноморская активность идёт к нам нижним течением). Мы с ней простились. Оказалось - зря. Радионуклиды на выходе Босфора оседают, попадают в нижнее течение и возвращаются к нам обратно! Этот эффект следует учитывать при построении баланса поступления-сток радиоактивных веществ в Чёрном море. Солёное течение продолжается в Чёрном море подводной рекой, радионуклиды оседают и сносятся на восток вдоль турецкого берега.

Опять попали в сильный шторм (что за напасть такая!), всю ночь шли к Крыму, бросили якорь напротив Качи, приходили в себя. Тут мы подверглись нападению украинских националистов. Четверо мужиков приплыли на моторке и стали кружить вокруг парохода. Они что-то кричали, трудно было разобрать, но что-то матерно-политическое. Мы посмеивались и сплёвывали. Вдруг они пошли на abordаж. У нас на борту была гидропушка для тушения пожара. Никогда не видел её в действии. Струя оказалось мощной, сходу один вылетел за борт, а лодка стала заполняться водой и тонуть. Разбойники ретировались на вёслах. Стало ясно, что России пора слезть с печи и начинать лупить обнаглевших соседей. Будем бить, сильно, до крови. Вернулись в Севастополь, на Украине мощная инфляция, на базаре 10 кг хороших фруктов стоят 1 доллар, вино тоже дешёвое. Устроили праздник. Больше на мы на "Эксперименте" никуда не ходили.

7) 1993.

Черноморская экспедиция, "Донузлав". Маршрут: Севастополь — Симеиз- Коктебель - Феодосия - Туапсе - устье Днепра - Одесса - устье Дуная - Симеиз - Ялта - Севастополь, некоторые участники: ИМ, Никонов, Похолок, братья Железновы, Дима Сидоров (физик, мой внук), Ольга Дубовая, Ю.А.Сапожников, Зефирова — сын и Мария Валентиновна, доцент у Зефириной, девицы-вертихвостки с органики.

Пришло время новой морской экологической практики, а идти не чем: все корабли МГУ Украина конфисковала, продала в частные руки, которые тут же сдали пароходы в утиль. Попытался через Монако организовать экспедицию по маршруту Новороссийск-Измир-Хайфа, но ничего не вышло. К счастью, МГУ арендовал большой корабль, «Донузлав», плавающий под российским флагом, но тогда ещё базирующийся в Севастополе. Я стал начальником всей экспедиции (30 чел) и одновременно начальником химического отряда (15 чел), ещё 15 человек были физиками. Организация радиоэкологической практики шла трудно, как дополнение мешался Боженко с женой, я предложил ему проверить аппаратуру, он не стал, и даже попытался меня обойти через Сапожникова, в поезде он меня достал окончательно и на борт я его не взял. В Севастополе дополнительные трудности, флот расколот на своих и чужих, все боятся будущего, ничего не делают, кругом забастовки. Оборудование взяли мало, боялись, что отберут на обратном пути. Правильно сделали: у предыдущего отряда так и случилось. Таможенники абсолютно обнаглели. Но теперь мы не могли мерить по ходу судна активность воды и воздуха. Отбирали только пробы воды и мерили радиоактивность. Корабль глубоко сидящий, к берегу подойти не может, а нам это надо. Кабель-троса нет, детектор опустить на глубину нельзя. Пришлось работать с катера, а это совсем не то. К тому же, у химиков и физиков разные интересы: им надо в открытое

море мерить волны, а нам интересны заливы и устья рек. "Донузлав" Керченский пролив пройти не может, так что Азовское море недоступно, а оно нам интересно. Корабль большой, четыре палубы, на одной можно играть в волейбол, три лаборатории, у меня двухкомнатная каюта с душем и галюном, иллюминаторы выходят на бак, так что я вижу, куда идём, не хуже, чем из рубки, которая точно надо мной. Познакомился с кэпом, выпили, но потом общались мало. За обедом он сидит в общей кают-компании, но так, чтобы его никто не видел: один вид капитана так портит настроение офицерам-матросам, что они перестают выполнять свои обязанности.

Пока стояли, водил экскурсии по Севастополю, посетили пару музеев, Панораму, естественно, базар. По сравнению с Москвой, здесь всё намного дешевле. Поехали осматривать Инкерман (*пещерная крепость*) Там находится Инкерманский мужской пещерный монастырь, основанный в 8 веке н.э. Возникновение монастыря предание связывает с почитанием Климента, римского епископа (папы) в 92 году, сосланного императором Траяном за проповедь христианства в каменоломни близ Херсонеса, проповедовавшего и убитого (утопленного в Казачьей бухте) по приказу императора в 101 г. Основные помещения монастыря — пещерные, высечены в западном обрыве Монастырской скалы, базилики, кельи образуют несколько ярусов, 300 помещений напоминают пчелиные соты. У обрыва, частично в скале, церковь, которую при нас начали восстанавливать. Под скалой - небольшое кладбище, но похоронено там множество людей. Во время войны в пещерах размещался штаб 25-й Чапаевской дивизии приморской армии. Бои здесь были серьёзные. Над монастырём, на плато находятся развалины крепости Каламиты (6 век). С противоположной стороны Монастырской горы, у устья Чёрной речки идут интенсивные разработки известняка. Пыль, грохот. Ещё немного и сроят всю гору. Дома вокруг строят из добытого камня. Ещё недавно возле монастыря находился водный источник, открытый Климентом для облегчения участи каторжан. Источник пересох в 1970-х (в связи с проводившимися строительными работами), а его вода теперь затапливает карьер по добыче инкерманского камня. Следующее мероприятие - посещение нашей компанией дегустационного зала массандровских вин. Прослушали лекцию на тему, что и как пить.

Не сразу, но всё же вышли в море. Зашли в Симеиз, где провели экскурсию по Морскому геофизическому институту. Он не в самом Симеизе, а дальше - в Кацивели. Там есть мощный экспериментальный комплекс - штормовой бассейн, в нём создавали и изучали ветровые волны (до трёх метров высотой). Грандиозное сооружение, но вид, как у развален Карфагена, только там была война, а тут всё разобрано и растащено. Жаль! Переместились в Коктебель, собирались померить радиоактивность пляжей, но путь нам преградил украинский военный корабль, который не дал иностранцам (т.е. нам) вступить на свою землю. Тогда перешли в Феодосию, тут нас тоже не пустили на берег, однако, мы наплевали на местные власти, поставили пароход на рейде, спустили катер и несколько раз посетили город и его окрестности. Ночью, не спросив у меня разрешения, студентки с органики, погрузились на катер и отправились с матросами на ночные купания. Потом будут вопить, что их изнасиловали без из согласия. Пришлось устроить взбучку.

Пошли по морю, зашли в Туапсе. Оказалось команда имеет бизнес - закупает российский дешёвый бензин в бочках, и перевозит их на Украину. Развернулись, прошли мимо устья Днепра (отобрали пробы воды с катера) и пришли в Одессу, немного по ней побродили, посидели в пивной "Гамбринус". В Одессе отличился мой аспирант Андрей Железнов (на борту был и его брат Олег). Мало того, что тётка, командующая физиками, просила меня уговорить Андрея не клеиться к физичкам (*Что ему химичек мало?!*), так он взял студента-физика и растворился с ним в городе. Вечер, нам надо уходить, иначе придётся платить большую сумму за стоянку, а их нет. Ночь нет, на рассвете появляется: *трудно идти ночью по Одессе*, судя по его виду - трудно ползти, много грязи и кустов с колючками.

Пошли в устье Дуная, где снова отобрали пробы воды, и отправились вдоль южного берега Крыма в Ялту. Там очень хорошо провели время, посетив несколько кафе. Взяли на борт ЛД. А вот этого делать было не надо: *баба на корабле всегда к беде*. И точно, начались какие-то интриги, я шалел, не понимая, что происходит. Идут перманентные скандалы. В каюту явился штурман, объявил, что я на него наговариваю, и потребовал сатисфакции. Юмор в том, что я вообще с ним никогда не встречался, даже не знал о его существовании. На хрен он мне сдался? Я вообще никогда в жизнь команды не вмешивался, мне что: мало моих тридцати балбесов? Что там ЛД ему наговорила и с какой целью узнавать не стал. Сказал лишь: *отвали*. Удручало повальное пьянство членов экипажа; на "Эксперименте" моряки были отнюдь не ангелы, но такого никто никогда себе не позволял. В ходе рейса читал своим лекции, просто, чтобы их чем-то занять и чтобы регулярно видеть всех. И если у кого сильно подбит глаз, или ему нехорошо с похмелья, то незамедлительно принимал меры. Прочёл 14 лекций по экологии и радиоэкологии. Они, конечно, никому не нужны, но я потом повторял их студентам-радиохимикам и они легли в основу моего учебника "Экологическая химия и радиоэкология". И то польза... В Севастополе на окраине появился базар-барахолка. Купил там тельняшку себе и Диме, ему в подарок на будущий день рождения. Дорога домой оказалась ужасной, ехали в общем вагоне, поезд штурмовали мешочники без билетов, они полностью заполняли тамбур, лезли на третьи полки, сбрасывая наши вещи. Пришлось применить физическую силу, почти не спал. Ужасно устал, нервы сдали. Пытался этой экспедицией сделать

доброе дело, но каждое доброе дело должно быть наказуемо. Две недели болел, и ещё два месяца приходил в себя.

8) 1994

Черноморская экспедиция, «Фаддей Беллинзгаузен», короткая - 2 недели. Маршрут: Севастополь – Гурзуф– Феодосия – Ялта - Севастополь. Участвовали, в частности, ИМ, Дима Сидоров, Сапожников, его дочь с подружкой, Похолок, Степан Калмыков с подружкой, студенты с материаловедческого колледжа. Побродили по Севастополю, опять был экскурсоводом.

Вышли и пошли к Гурзуфу, а затем мимо скал Адалары к Артеку, где стали на якорь. Спустили катер и высадились в на берег. В этом пионерском лагере-санатории я летом после шестого класса провёл смену. Изменения, конечно, большие, ничего не узнал. Раньше то тут, то там лежали торпеды и морские мины. Мы на них играли. Их уже нет, зато появился памятник Ленину. Лагерь теперь не лагерь, а Международный детский центр Артек. Несмотря на нововведения чувствуется запустение. Полезли на гору Аю-Даг (Медведь гора), было намерение перевалить через неё и спуститься в Партенит, где Ида отдыхала с Антом, забрать его и показать на каком корабле плавают дед и в какая у него каюта. Может уважал бы тогда... Но дело шло к вечеру, пора возвращаться. На корабле мы приняли делегацию детей из Артека. Пошли в Феодосию. Там наш корабль арестовали. Еле выбрались. В море ложились в дрейф и устраивали купания. Мероприятие опасное: часть народа плавают вокруг, а часть прыгает с палуб вниз головой. Если столкнуться с головами плавающих будет смертоубийство. Удивил капитан, который решил выпендриться, залез выше всех, прыгнул и повредился, больше я его не видел. Из счётной аппаратуры у нас был только портативный дозиметр, им мы измеряли флуктуации радиационного поля, но не более того. Пробы воды увезли в Москву, но там можно было измерять только долгоживущую радиоактивность. Экспедиция, в целом, прошла бездарно. Это был последний рейс от МГУ. Вскоре и морской отдел МГУ был ликвидирован.

Всегда привлекал в экспедицию студентов, пытался вырастить из них продолжателей. Но воспитал вранов этого дела. Увы!

Далее я организовывал частные экспедиции.

НИС МГУ

Московский университет в разные времена владел (или арендовал) разными судами. Ему принадлежали суда с названиями Горизонт, Академик Петровский, Эксперимент. Но обычно (не всегда), попав в МГУ, судно переименовывалось в "Московский университет", что создало изрядную путаницу. Получается, что судов с таким названием было четыре, а какие у них были девичьи фамилии - не ясно.

Из общения с сотрудниками морского отдела МГУ мне известно, что 1957 МГУ был передан "Большой морской охотник" водоизмещением 350 тонн из Каспийской морской флотилии. Этот корабль, названный "Московский университет", отработал четыре навигации (1957-1961). В 1961 он был заменен более удобным для экспедиционных работ посыльным судном водоизмещением 540 тонн, также названным "Московский университет". Оно принимало на борт 22 члена экспедиционного состава и находилось в эксплуатации до 1978 года. В конце 70-х годов в МГУ было уже 3 корабля. С 1979 для практики и экспедиционных работ на Черном море использовались: 1) судно неограниченного плавания "Горизонт" ("Московский университет", построен в 1963 в Гданьске) водоизмещением 1270 тонн, экспедиционный состав - 23 человека; "Академик Петровский" ("Московский университет", тунцелов, построен в 1970 в Хабаровске), неограниченного плавания, водоизмещение 932 тонн, экспедиционный состав - 12 человек использовалось для рейсов в Средиземном море, Атлантический океан; судно "Эксперимент» предназначено для экспедиционных работ в Каспийском море.

НИС "Эксперимент".

Из этих кораблей я ходил только на небольшом "Эксперименте", но бывал на "Московском университете". Работали мы и на больших кораблях "Донузлав" и "Фаддей Беллинзгаузен", но эти суда были арендованы у Военной гидрографии.

Коротко останавливалось на этих судах (пароходах, как называли их наши моряки).

НИС "Эксперимент" - пример небольшого исследовательского судна. Это - бывший большой черноморский сейнер, БЧС-300 "Затвор", построен в ГДР в 1949 г., переоборудован в НИС в конце 70-тых годов, порт приписки г. Красноводск, экипаж 12 человек, экспедиция – 6 человек, водоизмещение 162 т, осадка 2,1 м. Способен ходить как по морям, так и по рекам.

"Эксперимент" располагал катером для отбора проб воды в устьях рек, в мелких заливах, проб песка на пляжах, донных отложений и т.п. Наличие трала позволяло отбирать рыб и некоторых морских животных на анализ содержащихся в них радионуклидов. Водолазное оборудование обеспечивало подводные работы. На судне существовало две лаборатории, одна из

которых использовалась для размещения радиометрического оборудования, другая – химического. Дно нижней лаборатории представляло собой окно, через которое можно было рассматривать морское (речное) дно и его обитателей. Судно использовалось для изучения радиационной обстановки в Чёрном, Азовском, Мраморном, Эгейском и Каспийском морях, в реках Дон и Волга, а также в Цимлянском водохранилище.



Научно-исследовательское судно МГУ НИС "Эксперимент".

НИС "Эксперимент" обладал системой определения координат по радиопривязке, радаром, лотом (скорость хода судна) и эхолотом (определение глубины под килем корабля). Это позволяло в любой момент достаточно точно определять координаты судна (т.е. координаты отбора проб и радиометрических измерений) и его расположение относительно береговой линии и рельефа дна. Гидрологическое оборудование включало батометры и лебёдки для работы с ними, трубки для отбора проб донных отложений и ила, лебёдку с кабель-тросом, для питания погружаемого датчика γ -излучения. На борту работал телефон, был кондиционер.

"Донузлав" (назван в честь самого глубокого озера в Крыму, раньше было озеро, теперь залив) - гидрографическое судно, проект 862/II, построен в 1983 в Гданьске, группа: Военные корабли, мореходность неограниченна, водоизмещение: 2499 т., длина - 82,5 м, ширина - 13,5 м, осадка - 4 м. Скорость полного хода: 15,9 узлов. Дальность плавания: 6700 миль при 15,9 узлах, 8000 миль при 13 узлах. Силовая установка: 2 дизеля 12AV 25/30 по 2200 л.с., 2 вала. Вооружение: не несет. Экипаж: 58 чел. Научная группа: 12 чел (мы набивали 30!), порт приписки г. Севастополь. На судне имеется грузовой трюм на 100 куб.метров, и место для размещения палубного груза. Радиотехнические средства представлены двумя РЛС "Дон" и ответчиком системы гопознания "Хром-К". Автономность судна 40 суток.

На "Донузлаве" в нашем распоряжении были три лаборатории, два гидрографических катера, радиометрические приборы и радиохимическое оборудование, используемое для изучения характера распределения радионуклидов в водах мирового океана и в приповерхностном слое воздуха.

"Фаддей Беллинсгаузен" - экспедиционное океанографическое судно, построено в 1965 в Гданьске, водоизмещение: 3090 т., длина - 89,7 м, ширина - 13 м, осадка - 4,75 м, скорость хода максимальная: 16,3 узла, дальность плавания: 11000 миль при 14,2 узла, 8800 миль при 16,3 узлах. Силовая установка: 2 дизеля "Згода-Зульцер" 8TD-48 по 2400 л.с., 2 винта. Вооружение: не несет. Экипаж: 70 чел. Научная группа: 26 чел (нас набивалось 50).

Замечание. В 1995 Украина отобрала у МГУ все суда (даже Эксперимент, который был приписан к Красноводску (Туркмения). Они тут были сданы в аренду частным предпринимателям. Один из них в 2004 продал "Эксперимент" и "Академик Петровский" на слом. Никаких прав на это он не имел, причинил ущерб государству в 173000 гривен (700000 руб), Севастопольская прокуратура завела уголовное дело, которое, естественно, окончилось ничем. "Фаддей Беллинсгаузен" под именем "Омега" в 2012 сдан на слом и превращён в утиль.

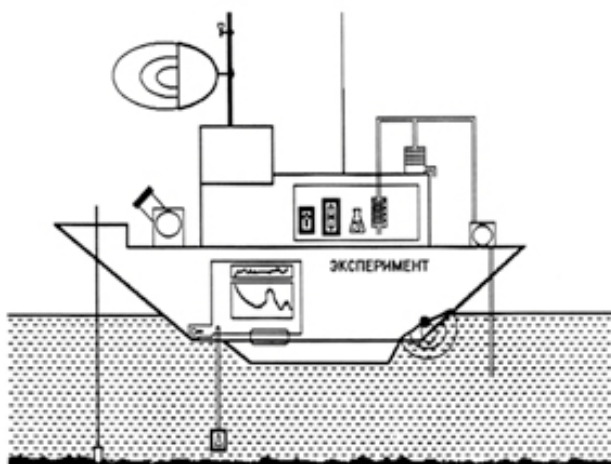
На кораблях (в основном - на "Эксперименте") я организовал исследования различного типа.



Фаддей Беллинсгаузен" под именем "Омега"

Радиометрические и радиохимические исследования на НИС МГУ

Научное оборудование НИС.

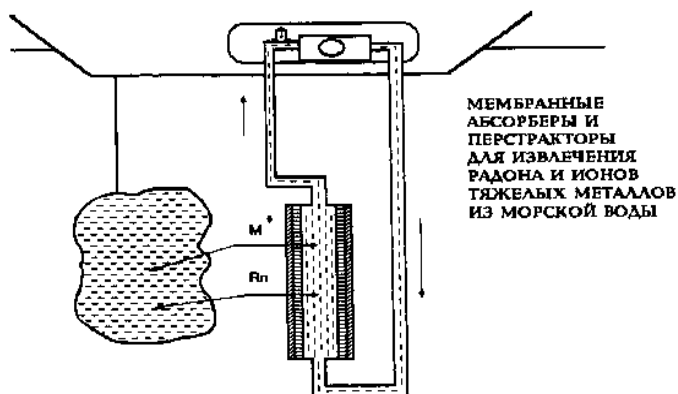


позволяли следить за эволюцией γ -полей (в воде и воздухе) в пространстве и времени. Совместное

Научное оборудование привозилось из МГУ и монтировалось только на время рейса. Оно включало два детектора γ -излучения, предназначенных для непрерывного измерения радиоактивности по ходу движения судна. Оба были снабжены сцинтилляционными детекторами (NaI+Tl) большого объема. Подкилевой детектор – измерял активность морской воды, детектор на мачте судна – измерял активность атмосферы. Оба детектора непрерывно регистрировали активность; отдельное измерение продолжалось 3 мин, после чего накопленное количество импульсов поступало в компьютер. В результате получались два набора временных рядов, которые, с учётом показателей системы навигации судна,

использования двух детекторов позволяло обнаруживать корреляции между активностью воды и приводного слоя воздуха.

Распределение β -активности воды по глубине измеряли погружаемым датчиком собственной конструкции, состоящем из прочного стального корпуса, сцинтилляционного кристалла спектроскопического типа, ФЭУ и предусилителя с катодным повторителем).



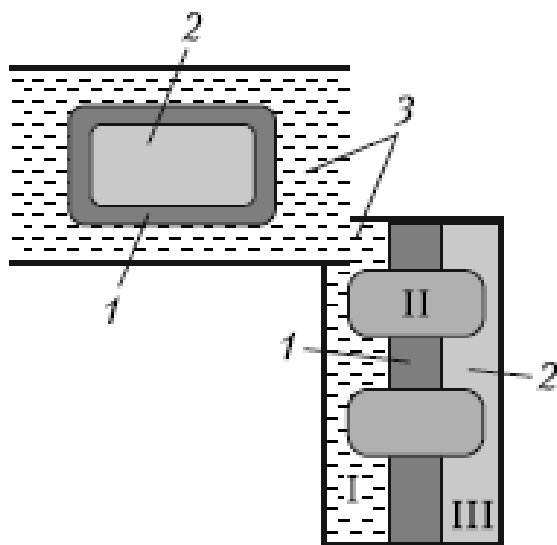
Электрическое питание подавалось по многожильному кабель-тросу, глубина погружения определялась длиной этого троса.

Пробы воды отбирались батометром. Для концентрирования и извлечения конкретных радионуклидов, из вод на разных глубинах, использовали экстракционную систему, которая представляла собой гибкую оболочку, изготовленную из селективной мембраны, которую заполняли специальным экстрагентом (например, растворяющим

Rn в 10, 20 раз лучше, чем вода; экстрагент на Sr, U или Pu и т.п.). Поскольку жидкость несжимаема, то такой коллектор с помощью обычного кабеля мог погружаться на любую глубину. Датчик на некоторое время погружали в воду на требуемую глубину, затем извлекали на борт судна и измеряли активность экстрагента.

Для непрерывного контроля содержания целевого радионуклида использовался метод мембранной экстракции. Погружаемый датчик представлял собой плоскую ячейку из нержавеющей стали, в которой вмонтированы мембранные окна. Через ячейку непрерывно прокачивался жидкий экстрагент, селективно растворяющий целевой элемент. После прохождения через мембранную ячейку, жидкий абсорбент (или экстрагент) протекал через проточный счётчик на борту судна, который измерял его активность. Затем экстрагент либо выбрасывался (дифференциальный вариант), либо циркулировал через мембранную ячейку, накапливая целевой компонент (интегральный вариант).

Рабочим элементом датчика на принципе мембранной экстракции, в зависимости от типа радиоактивного элемента (металл или газ) используется сплошная или пористая мембрана, жидкая или импрегнированная мембрана. Импрегнированные жидкие мембраны представляют собой пропитанные жидкостью пористые плёнки. Такие мембраны могут быть однокомпонентными и многокомпонентными. Однокомпонентная мембрана является для проникающего через неё вещества лишь селективным растворителем (пассивный перенос). Многокомпонентные жидкие мембраны содержат химические соединения-переносчики, растворённые в мембранной жидкости и способные избирательно связывать и переносить через мембрану целевой радионуклид.



Мембранно-экстракционный диск для извлечения радионуклидов из водных растворов: 1 — мембрана, в порах которой находится экстрагент; 2 — реэкстрагент; 3 — природная вода; I — водный раствор; II — экстрагент; III — реэкстрагент.

Мембранная экстракция — экстракция с использованием жидких мембран, состоящая из твердой матрицы-носителя, пропитанной органическим экстрагентом.

При мембранной экстракции неорганических веществ в качестве жидкой мембраны используют органическую жидкость, содержащую экстрагент-переносчик, которая разделяет исходный и реэкстрагирующий водные растворы. Этот метод позволяет эффективно извлекать радионуклиды из водных растворов. Примером может служить экстракция на квазижидких импрегнированных стабилизированных мембранах с липофильными экстрагентами, применяемая для селективного

извлечения ^{90}Sr и ^{137}Cs из водных растворов.

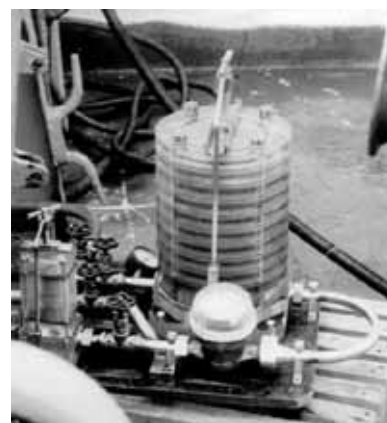
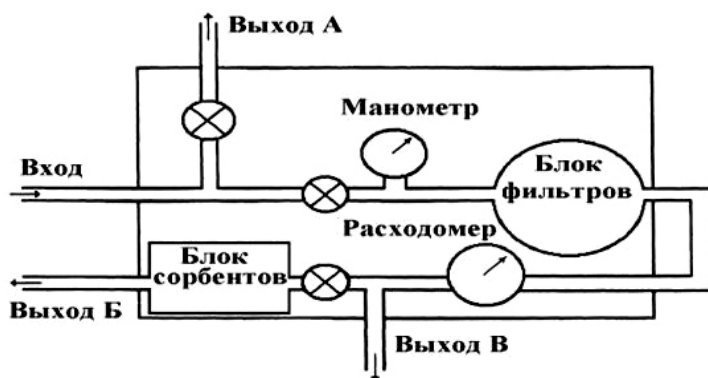
Для анализа природных вод на присутствие в них радионуклидов использовали мембранно-экстракционные диски, МЭД (микрокапсулы, заполненные реэкстрагирующим раствором со стенками из импрегнированной жидкой мембраны, содержащей в порах

гидрофобной подложки липофильный селективный комплексон – переносчик курьерного типа). Это простые устройства для селективного извлечения радиоактивного металла из воды. Макрокапсула размером и формой с мелкую монету представляет собой микрорезервуар со стенками из импрегнированной жидкой мембраны, содержащей в порах гидрофобной подложки липофильный селективный по отношению к анализируемому металлу комплексон. В полости резервуара содержится реэкстрагирующий раствор. МЭД, размещённый в потоке анализируемой воды, селективно экстрагирует из неё металл, который накапливается во внутреннем реэкстрагирующем растворе. Поглощения металла МЭД пропорционально его концентрации в окружающем растворе. Анализ количества радионуклида, поглощённого мембранно-экстракционным диском, выполняется традиционными методами после его вскрытия, либо радиометрированием его без разрушения, с возможностью дальнейшего использования.

Извлечение некоторых радионуклидов из морской воды проводят методом ионообменной хроматографии. Установка располагается на борту судна, через неё непрерывно прокачивается забортная вода. Вода пропускается через этажерку из фильтров, в которой чередуется слой бумажного фильтра типа и слой петряновского фильтра. Сорбентом ^{137}Cs служат гранулы на основе ферроцианида.

Эффективный способ выделения из вод природных водоёмов α -, β - и γ -излучающих радионуклидов (^{137}Cs , $^{89,90}\text{Sr}$, ^{239}U , ^{232}Th и др.) основан на соосаждении растворенных радионуклидов в процессе осаждения золя гидратированного диоксида титана, и отделении коллоидной фазы путём мицелло-тангенциальной ультрафильтрации с использованием изготовленных "in situ" динамических мембран на основе золя TiO_2 . В этом методе степень концентрирования в 30,50 раз выше, чем при обычном процессе осаждения-фильтрации, а продолжительность единичного цикла очистки в несколько раз ниже.

Простой способ определения концентраций Pu(IV) и Pu(V)+Pu(VI) в природных водах основан на разделении различных состояний окисления соосаждением со фторидами РЗЭ. Метод отделения Np(V) от Np(IV) или (VI) в нейтральном растворе на силикагеле, где Np(VI) и Np(IV) являются сильно, а Np(V) слабо адсорбированными, используется в условиях больших объёмов воды и при малых концентрациях.



Установка типа РАПАН, предназначенная для извлечения из морской воды и концентрирования ^{137}Cs .

Генетически связанные радионуклиды $^{90}\text{Sr}+^{90}\text{Y}$, (чистые β -излучатели) измеряют на борту судна, пропуская морскую воду через черенковский детектор. Для предотвращения биолюминесценции планктонных организмов в чувствительном объёме детектора морская вода очищается фильтрами. $^{90}\text{Sr}-^{90}\text{Y}$ в морской воде иногда предварительно концентрируют пропуская морскую воду через две последовательно соединённые колонки, заполненные PbS/SiO_2 и YF_3/SiO_2 , отсоединение колонки с YF_3 , элюирование ^{90}Y смесью 20% $\text{HNO}_3+5\%\text{H}_3\text{BO}_3$ с последующим измерением активности ^{90}Y в полученном растворе по интенсивности черенковского излучения. Для устранения влияния ^{210}Bi используют

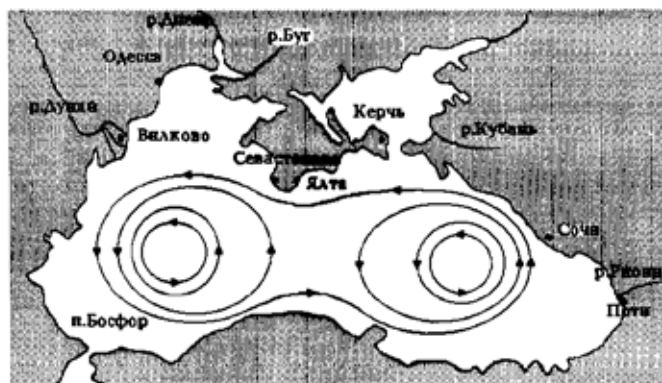


СХЕМА ТЕЧЕНИЙ В ЧЕРНОМ МОРЕ

концентрирование его PbS . Методика позволяет определять ^{90}Sr по интенсивности черенковского

излучения дочернего ^{90}Y , сконцентрированного на YF_3 , без предварительного элюирования. Контроль за содержанием радионуклидов в воздухе осуществляется продувкой большого количества воздуха через петряновский или мембранные фильтры. α -, β и γ -Радиоактивность проб воды, донных осадков и аэрозолей измеряют в радиохимической лаборатории на борту судна. С целью идентификации элемента и его радиоактивного изотопа измеряют кривые распада и γ -спектры (однократно, или через некоторые интервалы времени).

Морские радиохимические исследования позволили обнаружить много интересных явлений. Оказалось, что радоновые источники Хосты продолжаются и под водой, причём до довольно больших расстояний от берега. Грязевые вулканы в районе Кубани, помимо радона-222 выбрасывают и радон-220 (торон), а грязи содержат довольно большие количества тория. Ещё больше тория в чёрных песках на пляжах Мариуполя и Бердянска. В Мариуполе в воде скважин, в подвалах и стенах некоторых домов имеет место аномально высокое содержание радия и часть довольно большие поступления радона в помещения. Анализ многолетних флуктуационных колебаний радиационного фона в Мариуполе обнаружил тесную связь с колебаниями температуры, давления, абсолютной и относительной влажности, направлением и скоростью ветра. Определены параметры этих взаимосвязей и дано предсказание дальнейшего развития колебаний радиационного фона. Измерены статистические характеристики зон смещения вод различной солёности, а так же смещения морской и пресной вод (Керченский пролив, Устья рек Риони, Дуная, Днепра, Дона, Волги, Урала и Терека. Обнаружено повышенное содержание урана в реке Риони. В довольно больших количествах радон содержится в подводных выбросах метана в районе нефтяных промыслов Азербайджана. Интересны процессы отложения радия в заливе Кора Бугаз Гол. Измерение сдвигов радиоактивного равновесия позволило определить возраст различных типов аэрозолей. Изучены процессы выпадения в осадок и обратные процесс возвращения их в биоту, тяжёлых радиоактивных металлов (выбросы при Чернобыльской аварии). Обнаружены и прослежены ареолы рассеяния (вплоть до пляжей Болгарии)



радиоактивных веществ, поступающих по Дунаю (возможно - следствие работы Румынской АЭС). Отслежено движение радионуклидов по водной системе: каспийское море - река Волга - Цимлянское водохранилище - Волго-Донской канал - река Дон - Азовское море. Концентрации и состояния различных техногенных радионуклидов из измерены на всём побережье СССР и некоторых прибрежных территорий соседних стран. Обнаружено аэрозоли (горячие частицы) чернобыльского происхождения, в течение десятилетия прибывающие в атмосфере. В целом ряде рыб, крабов, планктоне и водорослях измерены концентрации природных (уран, радий) и техногенных (третий, стронций, цезий, плутоний) радионуклидов. Измерены потоки радиоактивных веществ по проливам Босфор и Дарданеллы и в обратном направлении. Предложена схема баланса радионуклидов в бассейне Чёрного моря. Определены основные процессы миграции радиоактивных веществ.

Пробы донных осадков отбирали специальным "копьем", удерживающим жидкую фракцию при подъёме её на борт.

По результатам морских радиохимических экспедиций МГУ, написаны отчёты, сделаны доклады на международных и отечественных конференциях. Однако, основная информация была запрещена к публикации в

открытой печати. Морские исследования в некоторой мере отражены в моём учебнике Радиохимия, том 6: экологическая радиохимия и радиоэкология.

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

*Мы обветрены,
Мы просолены,
Нам шторма нипочём,
После плавания
В тихой гавани
Вспомнить будет о чём.*

Чистое искусство

Великое дело - БМП - большая морская травля. Собачья вахта, четыре часа ночи, торчим на рейде, накат, мутит и к горлу подступает. Сидим и травим речи. Несколько случайных баек и вот центральная тема найдена. Понеслось! Тянуть, путаться в мыслях невозможно. Сразу заткнут. Ведь у каждого - десяток историй. Одна интересней другой. И все по теме. Рассказывать приходится четко, сюжет завивать лихо. По всем правилам гармонии: завязка – кульминация – развязка - эпилог. Все происходит с рассказчиком лично. Он - герой. Было - не было - плевать. Чистое искусство, но без занудства. Не дай заснуть! Бывало, за три минуты излагался весь фильм, включая сюжет, идею, игру актеров и модернизм режиссера. Рассказчик сам и автор, и актер (все изображено в лицах!). Неважно, что среднее образование получить не удалось, мастер, не закрывая рта, продержится весь рейс, не повторившись.

Учись, аспирант, доклады делать.

Ты думаешь, я тебя байками тешу, потому как профессор? Меня методическая комиссия этому учила? Нет!

Я прошел школу БМП!

Романтик



Капитан, в ярко-зелёных семейных трусах с вываливающимся из них пузом, выплывает на палубу и принимает позу Ильи Муромца. Рука над бровями. Внимательный осмотр ровной глади порта и сурового, покрытого барашками моря за пирсом. Задумчивый взгляд на захлебывающийся флюгер и рвущийся вымпел.

- Хорошо!

- Что хорошо?!

- Ветер свищет, на море шторм. А ты стоишь в укрытии и ни хуя тебя не еб@т

Сухое купанье

Пройдя экватор, мы спустили воду из бассейна, почистили его, смазали автолом и улеглись вокруг глазеть на Южный Крест. На палубу стремительно выпрыгнул Кэп. Уже в плавках. Лихо оттолкнувшись, он воспарил ласточкой и нырнул в бассейн. Мы переглянулись: во дает! Наконец, Старлей поднялся и осторожно заглянул вниз.

— Ну, как там, Ихтиандр вы наш?!

— Засужу, сволочи!

Много морей и океанов проплавал Кэп. На наших судах и ихних. Но везде его звали Ихтиандром.

Универсальное судно

Корабль (или, как теперь принято говорить на флоте, пароход) «Эксперимент» - посудина оригинальная. Бывший черноморский траулер, переделанный под научно-исследовательское судно (НИС). Тип: река-море. Двигатель - от танка Т-34. 13 человек команды и 5 человек - экспедиция. Какой-то большой ум с геофака придумал расположить на нем буровую установку. С этой целью удлиннили и расширили корму. При попытке установить буровую, корабль накренился,

собираясь перевернуться и затонуть прямо у пирса. От буровой отказались, но остойчивость порушили. Стоит теперь случайной волне дать под зад (имеется ввиду - под корму), как корабль зарывается носом. Качка на нем начинается от проходящей весельной шлюпки. Бывало, выходишь на корабельную сторону севастопольской бухты. Вода - как зеркало. Лес мачт. Задача: найти «Эксперимент»? Ерунда! Смотри, какая мачта качается – та и твоя. Удобно! Однако ходить на таком НИСе - удовольствие ниже среднего. Так кидает, что морские волки начинают травить, а из аппаратуры блоки вылетают.

Однако потопить его трудно.

И когда он, беленький, летит по синим волнам, смотреть любо-дорого.

Особенно - с берега.



Я, Ольга, В. Овчаренко и С. Синьков.

Сухой закон

В сухопутные экспедиции я обычно прихватывал канистру спирта. Так, литров 8 – 10, не больше. И всегда находил понимание на судне. Так я поступил и в этот раз. Приехали в Севастополь, взошли на борт «Эксперимента». Знакомимся с начальством, обсуждаем маршрут, а заодно и вечер встречи. Тут старпом отводит меня в сторону и говорит: «Конечно, мы проведем в кают-компании встречу экипажа с экспедицией. Дело нужное, поговорим, поужинаем. Но учтите – на судне сухой закон! Выпивки – ни - ни!»

Ладно, ни – ни, так ни – ни. Их нравы! Разбираю в каюте вещи, заходит боцман:

Хочу вас предупредить, на судне – сухой закон.

– Знаю! И мы не алкоголики.

Но по-настоящему меня удивил палубный матрос, который ни к селу, ни к городу, то же заговорил о вреде пьянства. Во попал! Заповедник трезвенников какой-то. Не к добру! Чем же теперь стимулировать морских бродят?!

Настал вечер, собрались мы в кают-компании, обменялись с кэпом приветственными речами, познакомили коллективы, рассказали, куда и зачем плывем. На этом торжественная часть кончилась, сидим, жуем. А ужин: селедка, картошка, огурчики малосоленные, помидоры ... И в кают-компании повисает некая эманация, что все хорошо, мужики здоровые, погода теплая, еда вкусная, а вроде чего-то не хватает. И чего-то весьма существенного. Не по-людски как-то, даже как-то не по-украински (я уж не говорю – не по-русски!) С сухомятки ж можно помереть!

Я решил:

– Кэп! Извини, я молодой, в море первый раз. Слышал, однако, что в тропиках каждому члену экипажа положена бутылка сухого вина. А для нас, северян, Крым – как тропики. Разреши по сухонькому.

Логика кэпу показалась железной. Разрешил.

Достали сухонького, народ оживился, пошли разговоры, морская травля. Жизнь встала на место. Вот и спирт сам собой появился. Пошли по восходящей. Где-то в два часа ночи я удалился на покой, а братанье продолжалось.

...Утром выхожу на палубу. Из кучи концов выползает боцман. На него больно смотреть.

– Начальник! – говорит он мне, – не в шутку, а в дружбу. Плескани сто грамм на опохмелку. Погибаю!

Я спустился в лабораторию, открыл сейф, открутил крышку канистры и аккуратно наклонил ее над кружкой. Вылилось несколько капель...

Считать умеете? 9 литров спирта, это больше 20 литров водки, 40 пол-литров. Нас – 15 человек; две тетki, старпом и аспирант-язвенник не в счет. Сколько вышло на рыло?

Вот это и есть сухой закон по-флотски!

Я освещаю путь.



Должность женщины

Планируя очередную морскую экспедицию, я составляю штатное расписание. Ну, там начальник рейса, научный сотрудник, радиоинженер, лаборант и женщина. Работать даме не надо: приборы мы таскаем сами, пробы воды сами берем, радиоактивность мерит счетчик, он же отправляет данные в компьютер, еду готовит кок, а белье в стирку сдает боцман. Поэтому обязанность у неё одна – быть женщиной. Должностные инструкции я пишу для всех, кроме нее – сама определяй круг своих обязанностей. Она и определяет. В меру фантазии. И надо сказать за много лет экспедиционные дамы продемонстрировали нам широкий

диапазон представлений о том, что это такое – должность женщины...

Комплектуется экспедиция на кафедре радиохимии, где сотрудники – почти одни мужики. Редко какой завлаб обзаведется молодой лаборанткой. Вот и ходишь кругами вокруг удачливого шефа: позволь покатаать сотрудницу. Бесплатный курорт, Черное, Азовское, а то и Эгейское моря, солнце, вино, фрукты. Морские купанья! Да после такого она год бесплатно работать будет. А нам без дамы никак нельзя: без женщины на пароходе воцаряются казарменные нравы, ученые пастают в чем мать родила и на палубу писают. И мат-перемат, к тому же. А это не хорошо – марка МГУ страдает.

– Хорошо! – говорит Шеф, – но вернете, какую взяли.

Условие, конечно, кабальное. Но что делать? Соглашаемся.

Правда, в последнее время конкурс среди дам возрос, и один начальник уже предложил пространство альтернатив:

Вернете, какую взяли, или довольную!

Вот это – другое дело. Это мы, пожалуй, можем.

НИС «Эксперимент» бодро движется по заданному курсу. Море спокойно, сияет солнце, по громкой связи – Бони Эм. На палубу выходит Ольга. Вся в купальнике, на плечах – полотенце. Вахта и члены экспедиции делают стойку.

– Дед!

Крышка люка приходит в движение и отлетает в сторону. Из преисподней возникает чумазый стармех. Вокруг головы он крутит веревку, с привязанным к ней термометром. Бросок и градусник летит в воду. Через три минуты:

– Плюс девятнадцать!

Дама отрицательно и грустно качает головой.

– Курс зюйд!

И куда бы ни шел пароход, он сворачивает на юг. Ольга снимает полотенце и укладывается в катер загорать. Через пару часов она полностью сторает, начинает шевелиться и, наконец, встает.

– Дед!

Вновь отлетает крышка люка, вылезает механик, раскручивает лассо и кидает его за борт.

– Плюс двадцать один градус!

Ольга утвердительно кивает.

– Лечь в дрейф!

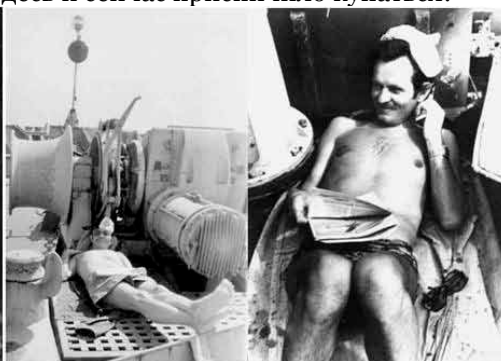
Я освещаю путь.

Корабль останавливается. Счастливый случай. Ведь начальнику рейса остановить пароход трудно, практически невозможно. Команда терпеть не может стопорить движок. Вам тут же покажут тучку на горизонте, предвещающую ураган, механик расскажет сказку о стучащем правом шпинделе, штурман доложит, что мы в зоне, закрытой для судоходства (пора убираться). Но просьба женщины (пусть даже кивок) – закон. Пароход ложится в дрейф. Экспедиция приходит в возбуждение. Летят за борт погружаемые датчики, батометры, дночерпалки.

Пользуйся моментом! Наука не ждет.

С кормы спускают трап. Палубный матрос привязывает спасательный круг к концу и кидает его за борт. Ольга забирается в спассредство и, болтая ногами, плывет в Турцию. Канат кончается, матрос выбирает его. Вновь Ольга у борта и вновь направляется вдаль. Так она осциллирует час. Вахтенный выбирает-гравит канат. Святая обязанность!

Потом, в Москве, я обосновываю выбор именно этих координат для отбора проб и проведения комплексного исследования. Пишу: «в географической точке анализа восходящее течение приводит к смешению вод различной солености, что, в свою очередь, изменяет химическое состояние некоторых радионуклидов, в частности – плутония. Поэтому...». В самом деле, не могу же я написать в научном отчете, что даме здесь и сейчас приспичило купаться!





Наши обязательства

Получив приглашение в рейс, молодая кандидатка долго сомневается. Советуется с подругами. Те пугают: солнечные ожоги, качка, но главное – мужики. Пятнадцать оголтелых матросов, да и наши на воле не лучше. Всего двадцать! Ведь ты же будешь девочкой про все! Не справишься – пропадешь.

Сомнения большие, но и соблазн велик.

Эх, где наша не пропадала? Еду!

Первые впечатления соответствуют прогнозам. Действительно, двадцать здоровых загорелых мужиков балдеют от безделья. В воздухе: «Я сегодня очень, очень сексуально озабочен». Разговоры про баб. Кто, когда и сколько. Трапы крутые, люки тесные. Спокойно не пройдешь, так и норовят помять или потискать. Приходится жаловаться начальнику рейса. Тот наводит порядок. Но дама напряжена. Смотрит внимательно и прикидывает, кто ее первый трахнет. Стоит ли отбиваться, а если стоит, то, как и чем?

Однако проходит неделя и ничего не происходит. Мужики капризы в меру удовлетворяют, слегка кадрятся, прогуливают по базарам, но не более того. Время идет. Дама мается: на палубу нельзя – вся сгорела, тело в волдырях, кефира нет, в кубрике тесно, душно и одиноко (это – в штить, а в качку все хуже), в кают-компания – пошляки с гнусными анекдотами. Детектив прочитан. Куда податься? Скучно! До берега далеко... Но главное, почему все пассивны? Она что,

уродина какая?! Все же двадцать мужиков всех возрастов и темпераментов. Могли бы заинтересоваться. Да, она боевая подруга. Но ведь и женщина же! Девушка про все? Где это все? Ни чего же нет!



На четвёртую неделю дама выделяет одного-двух и сама начинает ухаживать. Мужики – в кусты. Какая-то сила отражает ее обратно в центр внимания всего общества. Странно это. Дама теряет сон. Что-то с ней не так!

Снятие спектров в полуавтоматическом режиме.

Бедняжка не врубается в ситуацию. А та предельно проста. Известно - женщина на корабле – опаснейшая вещь. Куда опасней снаряда или там гранаты. Пока она ничья – она общее достояние. Как ваза с цветами в кают-компании. Каждый может любоваться. Но если кто-то уволочет вазу в кубрик, мало ему не

покажется. Палуба скользкая, можно и за борт смайнаться. Поэтому мужики внимательно следят друг за другом. Каждый предупрежден о последствиях. Да и виноград зелен.... Не больно-то и хотелось.

Сильные локальные поля нейтрализуют друг друга. Дама в полной безопасности. Могу успокоить её шефа: вернём какую взяли.

Пусть даже недовольную!





Клевета и наговор

Клевета - страшное дело. Вполне согласен с Дон Базилио.

В Керчи пообщались с Рыбаком. Получили в презент ведро хамсы. Продели лески сквозь жабры и развесили вдоль парохода сушиться. Однако в процессе сушки рыбка стала пропадать. Сначала незаметно, но потом нас стало много, а ее мало. Причем головы рыб на лесках висят, а остального нет. Откусано! А кто у нас кусается? Барсик!

Утром выползаю на палубу. А там скандал. Пса сослали на корму. Боцман несет его по кочкам, как повар - коту Ваську. Все верно: поймали с поличным (с хвостом в зубах).

Не отвертеться! Вот и сиди теперь в катере, как арестант.

Однако подойдем к делу не с юридической, а с физической точки зрения. Рыбы висели на переменной высоте, со средним расстоянием от палубы два метра. Барсик имеет в холке 30 см. На задних лапах - 80 см, ну пусть - метр. А где еще один? Прыгать, конечно, умеет. Но ведь он не артист цирка! Да и где тут возьмешь разбег? Чтобы сожрать сто пятьдесят рыбок - нужно летать как птица. Кусаясь на лету.

Ох, оговорили пса, оговорили. Хорошо, что сейчас не тридцать седьмой год, а то бы вообще за борт выслали.



Дорогие гости

Зашли мы как-то на «Эксперименте» в Сочи. Причалы были заняты и мы пришвартовались к борту большого научно-исследовательского судна, идущего под флагом военной гидрографии. Надо сказать, особого внимания мы на этот факт не обратили. Занимаемся своими делами, бреемся, брюки гладим – готовимся к вечерней прогулке по городу-курорту. Тут в каюту стучат и торжественно объявляют:

Делегация с «Виктора Бугаева».

Оказалось – коллеги, тоже меряют радиоактивность, только в дальних морях-океанах. У нас им понравилось: мило и уютно. Все свои, все рядом. Никаких дрызг. Позавидовать можно. Пригласили к себе.

Кто бы спорил!

Стемнело, когда поднялись к ним на борт. Пароход огромный. Большие залы – лаборатории, уставленные анализаторами и прочей радиометрической аппаратурой, мощные передатчики. Более всего поражали две электронно-вычислительные машины БЭСМ-6, размером с дом каждая. Да! Это вам не микрокалькуляторы на борту «Эксперимента». Мне лично



приглянулась каюта начальника рейса. Трехкомнатный гостиничный номер, с холодильником, телевизором, туалетом и огромной кроватью (надо говорить – койкой) под балдахином. Как у падишаха: зхз.

В этой каюте мы и собрались. Хозяева достали ящики с мадерой и началась большая морская травля.

– Что вы делаете в этих краях? – с явным пренебрежением спросил меня местный начальник рейса.

– Вас проверяем!

– Не понял?!

Я объяснил, что их военные методики давно устарели, а у нас современные. Поэтому мы ходим за ними и проверяем ту информацию, которую они докладывают

центру. При расхождении сообщаем куда надо. Сказанное взволновало собравшихся. Возникла бурная дискуссия. Вели они себя агрессивно. Что было смешно: у нас пять сотрудников, у них сто семьдесят. Впрочем, нас мало, но мы в тельняшках. Мы не отступали, а нападали. Постепенно дискуссия перешла в мирное русло и пошла по существу.

Уже начало светать, когда кончились ящики с мадерой. Пора на горшок и в койку. Мы попрощались и начали спускаться. Старпом у трапа смотрел в глаза каждому из гостей, крепко жал руку и говорил прочувствованно:

– Спасибо, что без скандала!

Пожатие руки.

– Спасибо, что без скандала

– Спасибо, что без скандала.

– Спасибо, что без скандала



Замуровали!

В Севастополь поезд пришел рано утром. Дальше – пешком. Обогнули часть бухты и затащили вещи на НИС «Эксперимент». Оказалось, что выход сегодня. Надо было быстро обустраиваться. Я пошел заниматься лабораторией, а Ирину Михайловну с Валерием Николаевичем отправил на базар, затариться вином и фруктами. ИМ торговалась и платила, а ВН тащил груз. Они закупили все, что нужно, и возвращались на пароход. Шли, болтали. ВН оборвал речь на полуслове. ИМ обернулась. Валерий балансировал на крышке канализационного люка. Но недолго, крышка встала ребром, и ВН рухнул в колодец. Чтобы спастись, он ударил сеткой, полной винограда, об асфальт, а сам навалился на авоську со сливами. Тщательно отобранные фрукты мигом превратились в компот. Вдали помирали со смеху ребяташки, устраивающие капкан на рассеянных прохожих путем сдвига крышки люка. Шутка у них такая.

ИМ помогла выбраться ВН из люка, но не скрыла своего разочарования в манере его обращения с припасами.

Да, ты не меня пожалела, - тянул он в каюте, где Ирина Михайловна смазывала ему ссадины йодом, - Ты фрукты дурные пожалела!

Но правильно говорила моя подруга: «Наступать на канализационные люки – дурная примета».

Мы же монтировали оборудование, крепили датчики, пересчетки и анализаторы. Верхней лабораторией я занимался сам, а в нижнюю назначил старшим аспиранта Колю. Поскольку на море качает, рекомендовал всё самым тщательным образом привязать. Особенно корпуса детекторов, которые мы заключаем в свинцовые оболочки. Поскольку свинцовые домики весят много, мы их с собой в экспедицию не берем. Вместо этого используем высокий металлический стакан, по центру которого размещаем датчик излучений, а все оставшееся пространство засыпаем дробью, желательной мелкой, 7 – 9 номер (бекасинник). Дроби приходится брать килограммов сто, но она расфасована в мешочки по килограмму, и в расчете на студента получается немного. Коля мои рекомендации слушал рассеянно: «Дело Шефа – приставать с глупостями, а наше – пропускать мимо ушей».

Изредка заходил ВН и, делая страшные глаза, пугал ИМ:

– Капитан сказал: будет страшный шторм! Страшный шторм...



Но Ирина Михайловна, хоть и впервые шла в рейс и впервые была на «Эксперименте» шторма особо не боялась. Волновало другое. Ее поселили в небольшой каюте за лабораторией. Чтобы попасть в спальню, надо было пройти две двери: сначала через дверь из коридора в лабораторию, затем, пройдя лабораторию, уже непосредственно в ее каюту. Дверей было две, но ни одна не запиралась. Поскольку она была единственной женщиной на пароходе, а мужиков – 17, то запирающиеся двери она считала полезными. От ее требований я отмахнулся. Не до бабьих

капризов...

У меня свои проблемы. Назначили нового капитана. Он на «Эксперименте» еще не был ни в одном рейсе. А наш корабль – творенье университетского ума – имел свой нрав. Да еще какой!

Поскольку действительно было штормовое предупреждение, мы приняли меры: привязали все, что можно и плотно задраили иллюминаторы, закрутив гайки разводным ключом. Постояли на палубе, любуясь Севастопольскими фортами, исчезающими вдали, выпили по стакану и пошли спать. А что еще делать в ночь и в качку?!

Качало сильно. Как я и опасался, новый Кэп, всю жизнь прослуживший на флагмане китобойной флотилии «Слава», не воспринял рекомендации по вождению «Эксперимента» и сейчас срезал угол, держа прямо на устье Дуная. Но наш пароход такого не допускал – он любил придерживаться берега, сканируя бухту за бухтой, украдкой проскакивая мысы. Поэтому, если на килевой качке я просто катался с боку на бок, то при бортовой – регулярно вставал на голову.

Плавание в чистом море не выдержала даже тумбочка: на каждый крен она реагировала пушечным ударом дверцы. Очень хотелось встать и уговорить ее. Но было лень подниматься. Наконец, лежавший (катающийся по...) на верхней койке ВН что-то сделал, тумбочка заткнулась, а я заснул.



Проснулся я от страшного грохота – удар снаружи и серия внутри. Чуть было не слетел с койки. Килевая качка резко сменилась на бортовую. Двигатель недовольно взревел, пароход завибрировал. «Меняем курс» – понял я. Нужно подниматься: во-первых, узнать – куда это мы полетели на всех парусах, а во-вторых, проверить аппаратуру – не каждый анализатор импульсов выдержит такие удары судьбы. Заодно проверить, не хочет ли организм поблевать или как еще опорожниться.



Я протянул руку, но на тумбочке одежды не было. «Смайналась!» – подумал я, – «черт с ней». На дверце тумбочки, однако, что-то висело. В полной темноте нацепил это что-то как штаны и полез по трапу наверх. С трудом справившись с люком, влетел в кают-компанию. Горели аварийные огни. Стеклобанная банка, недавно наполненная водой и цветами, в виде осколков валялась под столом, а мозаичная картина: «Михайло Ломоносов основывает МГУ» качалась на одном гвозде. Пролетев кают-компанию (частично по полу, частично – по стене), попал в тамбур. Здесь я взвился в воздух, решая две задачи: не наступить на Барсика, спящего вокруг открытого люка в машинное отделение, и не упасть в тот же люк. Маневр удался и, получив люком под зад, я вылетел на палубу. Тут была своя стихия. Для начала я оказался по пояс в воде. Мощная волна врезала в лицо. Только отшатнулся, как получил второй по затылку. Достигнуть галюна было нельзя, да и ни к чему. Пописав, где стоял, я рванул назад. В кают-компанию осмотрел себя и обомлел. Одет я, оказывается, в свои выходные костюмные брюки. Единственные! Это Валера, чтобы укротить тумбочку, снял с вешалки первое, что попало, метнул вниз и заклинил дверцу. Дрыхнет себе теперь, а в чем я буду гулять по Вилкову, не говоря уж о Стамбуле?!!

Побрел в лабораторию. Однако дверь была заперта. Постучал – никто не ответил. «Во, ушла тетка» – подумал я, – «Сумела запереться». Полез в нижнюю лабораторию. Там в неверном свете ночника ползал и прыгал аспирант Николай. Датчик, вместе с защитой, слетел со штатива и дробь, натурально, высыпалась. Теперь она с грохотом носилась по полу, как прибой, ударяясь о стены. Николай с ведром прыгал за ней и ловил. «Так, в следующий раз будем слушать советы Шефа», – удовлетворенно констатировал я, поднимаясь в каюту кэпа. К моему удивлению кэп пребывал в позе рака. И ловил осколки. Он был на мостике, когда шальная, неведомо откуда взявшаяся волна, ударила прямо в борт парохода. Все, что могло слететь с насиженных мест –

слетело. Упорядочив рубку, кэп побежал к себе. На первый взгляд все было в порядке. Дверцы буфета закрыты. Но на ковре лежал вдребезги разбитый сервиз. Праздничный! Извлекаемый ради



именитых гостей. Волна вдарила, дверцы раскрылись, сервиз вылетел, дверцы захлопнулись. Вроде как и не открывались. Теперь надо собирать остатки, пока никто видел. Дело тут не в материальных ценностях. Что это за капитан, у которого сервиз сам собой бьётся. Тем более проплававший с нами десяток лет и переживший бури попоек. С этого момента Кэп стал что-то понимать в «Эксперименте». Курс сменили на 90° и теперь неслись к берегу, в попытке укрыться в ближайшей бухте.

Я проснулся в полной тиши. Корабль мерно покачивался и

скрипел якорной цепью. Подобрал с палубы одежду, пошел осматривать владения. У двери лаборатории возились матросы.

Люк заклинило, — объяснили они мне, — не знаем, что случилось.

За дверью что-то скреблось и попискивало.

Пришлось перейти к решительным действиям. Вылезли на верхнюю палубу, взяли Жеку за ноги и спустили вниз головой вдоль борта. До уровня лабораторного иллюминатора.

Холодильник к люку привалился! — доложил лазутчик.

От удара волны, здоровенный холодильник слетел со своего законного места и обрушился на люк. Фрукты все же донесенные Валерием Николаевичем, высыпались из холодильника, и потекли под его прессом. Вот и посылай сотрудников за закуской!

Теперь стали действовать сообща. Внутри лаборатории Ирина Михайловна подручными средствами пыталась сдвинуть машину с места, а мы уже осознанно напирали снаружи. В конце концов, удалось просунуть гаечный ключ, ИМ отдраила иллюминатор, Жека в него влез и сдвинул холодильник. Путь в лабораторию был открыт.

Ночью же события развивались так. Качка на ИМ особо не подействовала. Но спать не давал постоянный грохот на крыше. Это две двухпудовые гири боцмана, топая, гуляли от борта к борту. ИМ тоже ощутила удар в борт волны и тоже решила посетить лабораторию. Однако не тут-то было. Стул запер дверь из ее спальни в лабораторию. Ирина Михайловна не растерялась: взяла дыхательную трубку для подводного плавания и, действуя ею как фомкой, постепенно выдавила ножку стула из ручки двери. Так удалось попасть в лабораторию. Там все было в порядке, приборы не отвязались, но холодильник встал в распор — верхом упирался в выходную дверь, а дном — в наружную стену. Сдвинула она его лишь частично. Не приди мы на помощь, так бы и сидела в карцере. Без ключа окно не откроешь, а без лома холодильник не сдвинешь.

А мне всю ночь пришлось соображать, как же она сумела запереться?!





Коммерческий детектив

На НИС «Эксперимент», отправляющийся в Турцию, Валерий Николаевич явился с ящиком простых карандашей.

– Бизнес! – объяснил он, – на Западе с руками оторвут. Цена – доллар штука. Дубленки на доходы скупим, в Москве продадим - обогатимся.

– Не уж-то доллар за простой карандаш?! – усомнилась Ирина Михайловна со скепсисом директора ООО.

Тут Валерий Николаевич приоткрыл ноу-хау. Гениальность идеи базировалась на тонком знании особенностей родного производства. В забугорных карандашах грифель никакими силами не выдавишь. А в наших – запросто. А если грифель удалить, то получится удобная трубочка, через которую удобно вдыхать наркотик. В том, что турки поголовно наркоманы, он не сомневался.



Перед выходом в рейс, на пароход явились погранцы с таможенниками. Вызывают меня в лабораторию и спрашивают о назначении каждой детали нашей радиометрической аппаратуры. Чувствуется, что им очень хочется все разобрать и залезть внутрь. Но воздерживаются. Наконец, вытаскивают ящик с карандашами.



– А это еще зачем? – спросил таможник.

Я, сам удивлённый обилием товара, стал объяснять.

– Наши детекторы регистрируют только тепловые нейтроны. А в природе, в основном – быстрые. Нам их приходится замедлять. Графит – эффективный замедлитель. Вы ведь слышали, что в ядерных реакторах используется графит. Вот и мы его применяем для замедления и последующей регистрации нейтронов. Расход карандашей большой. Ящик в месяц. Поди на рейс не хватит.

Для наглядности, я продемонстрировал, как прекрасно шестигранные карандаши укладываются вокруг цилиндрического детектора и скрепляются резинкой от волос.

– Все понял, – сказал таможник.

Выход разрешил.

В Стамбуле ВН потащил ящик через бухту Золотой Рог на базар, что картинно расположился у входа в Университет. Базар восточный, роскошный. Торгуют всем. Но наши карандаши никто не берет. Нет рекламы! Вечером пришлось тащить карандаши обратно. На

следующий день стали предлагать ящик во все встречавшиеся на пути лавочки, торгующие канцелярскими принадлежностями, конфиденциально объясняя всю потенциальную ценность российской продукции. Никто не реагировал.

Уже в конце стоянки, на толкучке перед портовыми воротами один турок предложил обмен: ящик карандашей на дюжину пакетов с женскими трусиками – «недельками». Валерий Николаевич, как человек скептический и недоверчивый, поинтересовался размером.

– На нашу даму пойдут? – предъявил Валера Ирину Михайловну турку.

– Разве это дама! – поразился тот, – вот дама-мадам!

Он показал на десятипудовую тетю.

Чейнж состоялся. Вернулись мы в Москву без дубленок, но с трусами. К сожалению, турок обманул, они годились лишь на девочек не старше двенадцати лет. Долго еще Валерий Николаевич ходил в гости и всем знакомым Лолитам дарил интимный предмет туалета.

Да, ребята, бизнес – не физика. Тут соображать надо!

Везде евреи

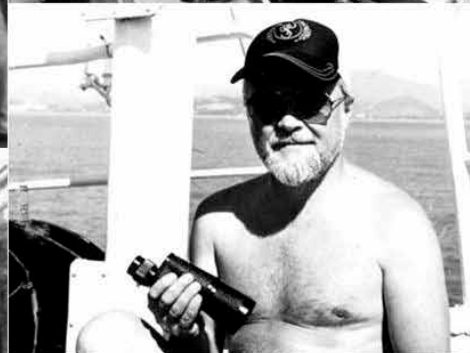
Старый моряк (нос сломан, зубы выбиты) выползает из трюма:

- Не пароход, а синагога. Одни жида: боцман, лоцман, Бекман (начальник рейса). И двадцать два гурмана.



"Московский университет" нас заправил водой и топливом, мы простились с ним ушли в Мраморное море.





Трудности роста

Быть длинным неудобно! Бедная голова вечно задевает за козырьки, сосульки, натянутые провода. В машине руль оказывается между ног и при маневрах прочно заклинивает в коленях. На полке вагона спать не дадут: бродячие пассажиры проводят носами по пяткам. Без очереди за бутылкой не проскользнешь. Но, главное, постоянное ощущение риска. Все время настороже, а все равно обо что-нибудь да треснешься. Быть маленьким, незаметным, компактным куда удобней.

Однако и у низкорослых свои проблемы. Беспечность расслабляет...

- Убрать нижнее белье с лееров! Входим в город-курорт Сочи, - раздалось по громкой связи.

Мы бросились наводить марафет и были вполне готовы, когда НИС «Эксперимент» миновал маяк и прикрепился к пирсу рядом с каким-то океанским лайнером. Мы выстроились в линию и зашагали в город. Нас было трое: Николай, я и Валерий Николаевич. Мы с Колей (рост у нас под метр девяносто) шли по краям, а в центре - Валерий Николаевич. Валерий Николаевич тогда еще был относительно молод, но носил густую седую бороду и поэтому казался намного старше нас (Он когда-то был моим студентом и аспирантом, но сейчас все думают почему-то, что, наоборот, я был его студентом-аспирантом). Был он с брюшком, но очень подвижен. Этаким гном из диснеевских фильмов.

На выходе из пирса нас ждала калитка без дверцы. Сверху, где-то на уровне горла, калитку перекрывала узкая полоска железа. С торца она была практически не видна, но мы смотрели сверху и видели ее хорошо. Оживленно болтая, и не снижая скорости мы с Колей резко согнулись пополам и нырнули в калитку. Валерий Николаевич, полностью уверенный в своей безнаказанности (он всюду проникал без проблем) продолжал движение с поднятой головой. Раздался мощный удар. Валера отлетел назад, красная полоса пересекла лоб.

Мы его, конечно, откачали, но прогулка в Дендрарий была испорчена.

Длинным быть плохо, но и коротким не лучше...



Прыжок

Долгое время ходили мы походами на маленьком «Эксперименте». Было уютно, но тряско. Все, однако, меняется. Причем – скачкообразно. Был Советский Союз, скрипел полегоньку, Бац!, сломался. На месте империи возникли удельные княжества. Каждое – со своей дурью, и со своим идиотом вверху. МГУ, естественно, тут же пострадал – все три корабля у него Украина отобрала. Не ради дела – из принципа. Через пару лет они сгнили у пирса.

Не съем яблоко, так хотя бы надкушу....

МГУ пришлось арендовать большие научно-исследовательские суда: Створ, Донузлав, Беллинсгаузен. Когда-то они ходили в Антарктиду, теперь – вдоль берега Черного моря, и то за акваторию Украины старались не вылезать. Ни топлива, ни работы, ни денег. Рады даже нам.

А у нас - своя морока. Тут уж маленьким кафедральным междусобойчиком не обойдешься. Экспедиция – 50 человек – их еще собрать надо. Причем летом, когда студенты, кто - в лагерях, кто – на практике. Пришлось объявлять авральный факультетский сбор, а затем и обще университетский. В результате поехал сводный отряд – с химфака, физфака и геофака. Я стал начальником всего рейса, а заодно – отряда химиков – экологов.

Проблемы начались еще в Москве. Севастополь – закрытый город (военная база), чтобы в него попасть нужно разрешение милиции. Обычно это не слишком серьезная проблема – пишем бумагу от факультета, ее визируют в МВД, и порядок. Однако тут забастовал начальник милиции «Кто, мол, я такой, чтобы давать разрешение на въезд в иностранный город, к тому же – военную базу. Тебе, часом, разрешение в Лос-Алос не надо?!». «Ставь печать, не рассуждай. Чиновник везде бумагу уважит» - посоветовал я ему. Майор послушался и проблема решилась – украинские погранцы, завидев издали печать – дали добро. Но и славный шмон в вагоне учинили – штрафовали за все – даже за ввоз фотоаппаратов и видеокамер, не говоря о бутылках. Хорошо, что мы основную аппаратуру не взяли, а мелкие дозиметры попрятали по рюкзакам. Видок у славного воинства – вылитые члены банды батьки Махно. И прыгучесть та же...

Да, понастроили наши демократы (известные борцы за свободу) заборов, есть теперь через чего лазить.

Прибыли мы на корабль. По сравнению с «Экспериментом» - дворец на плаву. Три палубы, четыре лаборатории, специальная вертолетная палуба. В трюме – геофизическое оборудование (измерение флуктуаций магнитных, гравитационных и акустических полей) для определения подводных стартов баллистических ракет и локализации ядерных взрывов. Нам оно – ни к чему, а все равно – приятно. Важнее другое – каюты есть. Не кубрики многоярусные, а именно каюты, прямо как купе. Жить можно. А мне так досталась двухкомнатная каюта: гостиная, спальня, душ и туалет. Причем на третьем этаже, прямо над рубкой и каютой капитана. Вид – на все четыре стороны.





В Ялте "Донузлав" причаливал к парадной набережной. Прохожие заглядывали в окна наших кают.



Так что и развал СССР кому-то пошел на пользу...

Собрал я в первый раз членов экспедиции и осмотрел приобретение. Ох-хо-хо! Членов как раз немного, в основном – девицы. По виду не скажешь, что ученые будущие. Очки куда-то делись, мордашки покрыла косметика, джинсы куда-то слиняли – между ног веревочка и всё! Взгляд весел и вызывающ. Парни – аномально волосаты, очки со стелами в 10 диоптрий, из карманов – бутылки. Понял я – толканем мы скоро науку, причем – далеко.

Вам приходилось караулить мешок с блохами? Да! Тогда вам понятны чувства начальника студенческой практики...

Дали мы гудок, отдали швартовы, прошли ворота Севастопольской бухты и вышли в открытое море. Тут то и выяснилось, что идти нам некуда. Запасов у нас – можно обойти Черное и Средиземное моря по всему периметру, без каких-либо заправок. Но это все – ни к чему. Бродить на разрешено вдоль берега Крыма, да у устьев Днепра и Дуная. Вокруг же иностранные государства – туда нельзя. Свобода, бля!

Это при железном занавесе можно было гулять по свету, где пожелаешь, а при торжестве демократии сиди на месте. И радуйся. Только тихо...

Тут же выяснилась другая напасть: интересы у факультетов – существенно разные. Одним надо в чистое море – подальше от берегов, другим, наоборот, как можно ближе к берегу. Одним надо непрерывно идти, другим – неделями стоять на якоре, наплевав на качку. Одни ценят дни в море, другим хочется побродить по городам, посидеть в кафе-ресторане, или поваляться на песочке. Одним - работать, другим купаться. Причем начальники все горластые, все чего-то требуют. Да и экипаж не отстает, весь в претензиях: на камбузе работать не заставишь, лезят и спят, где не попадая, на стенах неприличные слова гвоздем выцарапывают...



Так что первую неделю я был при деле – мирил противоречивые интересы, так что в конце концов со всеми разругался. И уже всерьез подумывал о переходе на мордобой. Среди ученых это принято...

Однако ко второй недели все как-то друг к другу притерлось, я с мог заняться наукой, и, наконец, оглядеться.

Студенческие пьянки, весьма интенсивные в первое время, наконец, прекратились. И вовсе не потому, что кто-то завязал. Просто – выпивка кончилась. На «Эксперименте» такого казуса не случилось бы никогда, там члены экспедиции люди опытные и не то, что мало пьющие, а – запасливые. А здесь – зеленая молодежь, затарились каждый по три банки, и думает – хорош! Как бы ни так, они будут выпиты в три дня, а заходы в порты – раз в две недели. Бутылки же не падают с неба посреди моря-океана. Равно, как сигареты. Думать надо! Причем заранее. Студент же думать особо не приучен, вот теперь и виснет уныло на трапе – без вина и курева. Первое время еще можно, что-то выклянчить у экипажа, а потом всё – и у них кончилось. У меня, кстати, все есть. Но не дам – самому надо...

Пьянки – дебоши напасть известная. Известно и как с ней бороться. А вот интенсивное блядство – вещь новая. На малом судне – женщин или нет, или она – в одном экземпляре. Даже если она спит со всеми участниками рейса, и то это дело житейское. По взаимному согласию.

А тут 35 – девок, в практикумах застоявшихся. Когда их видишь на защите курсовых по аналитике, не можешь даже примерно оценить весь потенциал их эрот-накала. Оказывается – он огромен. Гормоны играют. Вопрос, какое мне дело кто с кем, когда и где спит?!! В принципе – да, никакого. Но это только – на первый взгляд. Пока все в студенческом кругу, и все по взаимному согласию – пожалуйста, судно от общаги не отличишь. Но ежели – с экипажем, то дело меняется, причем – кардинально. Взрослые дядьки квалифицированно берутся за дело, дарят подарки, ухаживают, и спаивают, спаивают. А уж потом переходят к насилию. На утро тетка удивляется: «Она верила, она думала – все будет хорошо» (Она думала! Как же...). А ее обидели. Хорошо, если она не беременна или не заразилась чем. Вот тут-то скандал и возникает. И если он начинается на пароходе, то развивается и достигает кульминации уже на факультете, когда матросов-обидчиков в помине нет. А кто есть? Начальник рейса! Вот он и ответит за сводничество. Девочка молодая, глупая, может ошибиться. А ты, старый осёл, куда смотрел? Почему не предупредил, не провел беседу воспитательную, презервативами на весь экипаж не запаса, наконец. Так что дело до этого дела у меня есть, да ещё какое.

Пришлось поговорить со старпомом (отдельно) и боцманом (отдельно). Огласил июльские тезисы. Народ понял. Девочки потеряли офицерско-матросский корпус, пришлось им переключаться на коллег по факультету.





Методом ионно-обменной хроматографии мы проводили качественный и количественный анализ радионуклидов в морской воде.

Вот тут я и обнаружил исчезновение Кэпа. Сначала он, несомненно, был. Обедал с нами в гордом одиночестве. Тут следует пояснить, что на пароходах идущих под флагом военной гидрографии, царят воинские порядки. А на военных судах, офицеры обедают отдельно от матросов. Более того, в кают-компании капитан сидит за отдельным столом, и ест в гордом одиночестве. Как палач в Праге. Никто с ним не общается. Замечательное правило! Ведь кэп – абсолютный диктатор на корабле, его приказы не обсуждаются, а выполняются. Он отвечает за все. Причем, только он. Представляете, как за время долгого рейса его рожка надоеет экипажу. Как хочется взять миску горячего борща и надеть ему на голову. Везде не любят начальников, но на флоте капитанов ненавидят так, что от греха подальше выработали порядок: капитан ест отдельно, пребывая наедине с собой. Он, впрочем, обычно не возражает.



Так вот, в начале рейса он был на месте. Я его видел издали на обеде. Более того, в Севастополе, я как положено, взял бутылку и пошел к нему в каюту представляться. Он со своей стороны выставил выпивку-закуску, позвал друзей. Мы хорошо посидели. Я говорю об обстановке, а не о содержании беседы. Тематика была беспросветно злобной. Речь шла о развале Союза и о разломе, прошедшем, аккуратно, по их судьбам. Флот делят пополам. Севастополь (равно как весь Крым) – украинский, офицеры – русские. Куда идти, куда податься, кого любить, кому отдаться... Вновь принимать присягу? Как может офицер присягать дважды?! Да еще чужому государству. А если Украина начнет войну с Россией? Даже думать страшно. А этому дело идет. Не уж-то Россия отдаст Крым Украине? Не говоря об Одессе.

Споры шли жаркие. Дело не шуточное – ломались судьбы. Причем цельных людей, закоренело цельных.

- Понимаешь, - втолковывал мне пожилой кавторанг. Мы не гражданские, мы – военные люди. От быстроты действий, от выполнения приказов и команд командира в море зависит жизнь экипажа и корабля. На борту не нужны рассуждения, это на берегу можно подискутировать. И один из критериев отбора у меня был такой: показываю на белое и говорю: черное. Офицер должен со мной согласиться и сказать: да, черное. И не думать при этом ни о чем! Потому что я один несу ответственность за всех и все. Я – авторитет. Но какой я авторитет, если служу двум государствам, причем одна половина команды – хохлы, а другая – москали. И если основное занятие тех и других – пьянка да диспут перманентный...

- Украине я не служил и служить не буду, - поворачивал меня к себе другой сосед. – Я это делом доказал. Ты знаешь кем я был год назад? Я был командиром подводной лодки.

Единственной подлодки Украины, способной выйти в море, причем – в подводном положении. Ты был на военном параде. Видел подлодки у Графской пристани, видел – они на плаву. А почему? А потому, что они погрузиться боятся. Не всплывут – утонут. Прямо в день Военно-морского флота. Так вот наша лодка умела плавать. Когда Союз треснул, мы легли на дно у входа в Одесский порт, и я объявил – буду топить все, что плавает, пока торпеды не кончатся. Или пока весь флот не вернут России. Тральщиков на меня напустили, идиоты. Но там тоже – наши ребята. Промажулись. А я ушел в город-герой Севастополь!



- Ну, и дурак! Надо было идти в Новороссийск, Севастополь – украинским будет.
- Не будет!
- Будет!

Назревала привычная драка друзей.

Наш Кэп поднял руку. Все затихли – слушали речь.

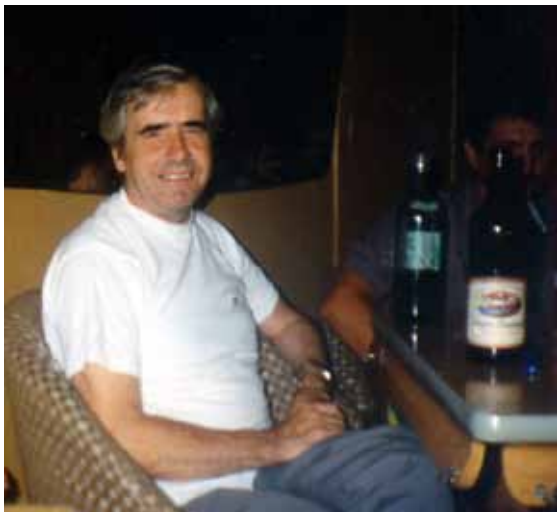
- Флот обосран, а мы - на гражданку, шмотками торговать... Челноками!

Народ дружно сплюнул и стал подниматься.

Кэп же впал в запой: долгий и беспросветный.

Рейс, однако, продолжался в обычном ритме – кончалась вторая неделя. Мы шли в Ялту – культурно отдохнуть. Жара стояла страшная – решили лечь в дрейф и искупаться. Процесс пошел.

Студенты спрыгнули в воду и стали самовыражаться. Кто как может. Кто загребал вдаль, кто приставал к подругам. Те радостно визжали.



Ю.А. Сапожников.

Я сразу в воду лезть не мог – проверял охрану труда: на месте ли вахтенные со спаскругами на канатах, спущен ли катер и если спущен, есть на нем моторист и не спит ли он, не унесло ли кого сильным течением далеко от парохода и т.д. и т.п. Контроль я осуществлял лениво, так как заранее знал, что на военном судне с этим все в порядке. Опасался я прыжков в воду. И боялся я вовсе не за прыгуна (что с ним будет: расшибет пузо, так в следующий раз осторожней будет). Нет! Боялся я за купающихся. Представьте себе: вы плескаетесь в воде, ныряете поглубже, а затем активно стремитесь вверх. Всплываете вы с хорошей скоростью, а тут к вам подлетает сверху, причем с еще большей скоростью, чья-то дурная голова. Если ваши головы столкнутся

– понравится вам это? То-то и оно!

То чего боишься, то и случается.

Студенты прыгали с фальшборта. Это еще куда не шло – летишь не долго, и видишь куда. Но тут появился экипаж. Ребятам тоже купаться надо. Но не только. Надо также привлечь внимание девиц. А как?! Правильно! Надо прыгать с высоты. Сказано – сделано. Начали с первой палубы, потом перешли на вторую, а некоторые – и на третью (высота четырех этажного дома, между прочим). Риски возросли. За время полета ситуация внизу может кардинально измениться, и какой-нибудь дурак (или, скорее, дура) вынырнет в точке приводнения. И ничего не попишешь...

Ситуация ухудшилась еще. Без всякой видимой причины усилилось волнение, начинался шторм. Наш корабль, конечно, не щепка, его просто так не побросает, но и он стал медленно, но верно совершать колебательные движения: вверх-вниз, вверх-вниз. Трап оказался коротким и при верхней амплитуде из воды его уже не достать, а на нижней он бил по телам купающихся. Привязанный к катер стало сильно бить о борт судна. Не дай Бог, кто сунется меж бортами – раздавит, как таракана. Волны покрылись гребешками, многие купальные шапочки стали неразличимы. Пора завязывать!

Я уже совсем собрался отдать команду: Вира!, когда на палубу вышел Кэп. Собственной персоной. Слегка помятый, но трезвый. Он посмотрел на бульон с клецками, на своих соратников, вразной прыгающих с разных палуб, и с независимым видом полез по трапу наверх. Я с интересом следил, как удаляются красные плавки. Капитан же все лез и лез наверх. Палубы кончились, а он взбирался все выше. Долез до клотика, т.е. достиг высоты семи-восьми этажного дома. Там он осмотрел окрестности, глянул вниз и резко прыгнул. Летел он хорошо, вытягиваясь в струнку, вытягивая руки над головой. Тело описывало плавную кривую, стремясь достигнуть перпендикуляра с водной поверхностью. Но до воды было еще далеко. Тело прошло перпендикуляр раньше времени и стало заваливаться на сторону. Кэп вошел в воду неудачно. Это поняли даже палубные матросы, разом нырнувшие вслед. Им довольно быстро удалось достать капитана и поднять его на борт. Голова свободно болталась.

- Сломал шею, - сказал кто-то.

Мы понеслись к Ялте, заказав по радиции такси. Когда доставили Кэпа в больницу, он был еще жив...

Вот так и закончились наши морские экспедиции, закончилась радиохимия мирового океана и морская экологическая практика.

Больше я в рейсы не ходил.

Нужда

С Валерием Николаевичем мы побывали во множестве экспедиций. Мужик он не плохой, но у него постоянные проблемы с желудком: то запор, то понос. Запор, впрочем, чаще.

Стоим в Авачинской бухте. Валера купается. Вдруг он начинает что-то кричать. Разобрать невозможно, поэтому раздеваюсь и прыгаю за борт. Подплываю к нему:

- Что случилось?

- Медуза слабит?

Это он давно мучается запором и ищет способы помочь беде. Сейчас нечаянно проглотил медузу. Ну и интересуется: глотать остальных или подождать. Я ему посоветовал сначала проверить действие одной. А там видно будет. В случае нужды, мы ему сотню наловим.

Плывём по Таймуре (приток Нижней Тунгуски, если кто не знает) на плоту. Плот тяжелый, сидит глубоко, мы стараемся к берегам не приближаться. Валерий Николаевич объявляет, что ему пора в туалет. Мы искренне сочувствуем и предлагаем все делать с плота. Тем более, что на реке и на ветру комара меньше. Но осуществить идею оказывается невозможно. Сзади на близком расстоянии плывет на надувных лодках женская часть нашей экспедиции. Что делать? Не долго думая, Валерий Николаевич надел маску, взял в зубы дыхательную трубку и нырнул в воду, держась за конец веревки с грузилом. У нас на буксире возник кит, периодически выпускающий фонтан воды. По этим фонтаном мы судили, что он жив, поскольку времени на процесс ушло много. Наконец, он вылез, но был каким-то задумчивым. Сидел на корме и размышлял.

- В чем дело? – поинтересовались мы.

- Не понимаю, - отвечал Валерий, - говорят, говно не тонет. А моё утонуло!

Шли мы по тайге несколько дней. Комары донимали жутко. Трудно даже представить как. Их столько, что нельзя фотографировать. Масть лошади определить тоже невозможно, а, после удара ладонью, на коже оставался кровавый отпечаток. Открытая рука мгновенно покрывалась плотным слоем комаров, на него налипал второй слой, затем третий. Мы все пропитались репудином, никакие сетки Павловского не спасали и мы спали и ели в накомарниках. В таких условиях пописать было страшно, не то что покакать. В эту тяжелую эпоху жизни Валерия Николаевича прохватило понос. Страшный суд! На четвертый раз он выбрал самую высокую лиственницу и залез на макушку. Там действительно дул ветерок и комаров было меньше. Он сделал дела и начал спускаться. И тут понял свою ошибку, не простительную для кандидата наук. Все ветки были в дерьме!

Но самый эффектный случай произошел на яхте в Японском море. Яхта участвовала в международной экологической экспедиции. Мерили активность морской воды и воздуха. Здесь у Валерия Николаевича случился особо длительный запор. Никакие забугорные средства не помогали. Но, наконец-то - ура! – процесс пошел. Гальюн на яхте, естественно, давно не работал, и все серьезные дела делали в сетке под бушпритом на носу яхты. Валера туда и забрался, подставил попу встречному ветру и принялся за дело. Дело шло туго. Туго, но шло. *«Если долго мучиться – что-нибудь получится!»* В самый разгар, он обернулся и обомлел. Яхта уже влетела в порт Бургас и шла между двумя причалами, заполненными обомлевшими от открывшейся картины болгарями и отдыхающими других национальностей.

АЗОВСКОЕ МОРЕ

Кайф

На Азовском море, после съемки подводных грязевых вулканов, мы на «Эксперименте» зашли в устье Кубани. Кэп отправился в Темрюк повидаться с другом.

– Свою бочку водки я выпил зеленым юнцом. Все. Теперь – в отказе!

Но видать в бочке еще осталось место...

Ждали мы долго. Пришел накат, болтаться на рейде стало скучно. Послали катер и вернули Кэпа. Он был хорош! Для сохранения драгоценной жизни пришлось применить грузовой кран. Кэпа зацепили крюком и подняли на борт. Стрелу выставили точно над трюмом. Майна! Тело упало на груду канатов.

– Поехали!

Он махнул рукой.

Мы пошли. В центр циклона. Шторм крепчал. А волна крутая! Я залез на трубу - высшую отметку судна - и оттуда снимал на кино разбушевавшуюся стихию. Но не долго. Огромные волны пролетали над рубкой и разбивались о корму. На меня обрушился водопад. Еле отдышался. С поста меня смыло. Спустился на палубу и залез в висячий на тальях катер. В нем было сухо, мягко и тепло. В комфортных условиях халявных качелей тихо заснул.

Члены экспедиции тоже нашли себя. Ольга обняла сливную раковину в душе и была при деле. Костя успел крикнуть Женьке, "Ложись!" (он всегда заботился сначала о других) и упал на стулья, где застыл в позе полутрупа. Женька послушно свалился на шланги и, обняв ножку стола, молча страдал, прислушиваясь к звону летающих колб.

Проснулся я глубокой ночью, лежа в луже. Брезент промок, и катер заполнился водой. Дискомфорт! Пришлось вылезать. Шторм не утихал. Лил дождь. Волна гуляла по палубе и валила с ног. (Потом, в Мариуполе, мы беседовали с экипажем обогнавшего нас танкера. «Ну, вы даете! - сказали нам, - По морю на этом не ходят! Вы ж ныряющее блюдо какое-то: то вы есть, то вас нет»). Пара синяков и шишек, и я - в кают- компании. Палуба забавно уходила из-под ног. Погрелся чайком. Целый процесс! Стакан, игриво вихляя, бежит от тебя, но, подразнив, скоро - обратно. Поймал, отпил, поставил. Опять побег. Ничего, нам тоже надо успеть подняться с палубы и вновь укрепиться на стуле. А тут и стакан торопится вернуться.

Повеселев, я продолжал свой путь вниз. Сначала зашел в лабораторию. Женька лежал на бухте вакуумных шлангов, зажав в руке стойку лабораторного стола, и вращался вокруг нее, как секундная стрелка. Константин лежал на двух стульях. Длинное тело неудобно провисало. Я взял третий и просунул между имевшимися. Костя кивнул головой. Слов не было - одни чувства.

Кубрик на «Эксперименте» находится на баке (на носу, если кто не понял), причем ниже ватерлинии. Отдраив люк, влетел в каюту. Да! Это надо видеть и чувствовать. Топор можно вешать. Ярко горел свет, матросов не было. На верхней полке, вытянутой вдоль правого борта, лежал Валера. Он спал, зажав в руке подушку. По команде: Раз! начиналось движение по койке назад. Команда: Два! означала стойку на ногах. Команда Три! - нырянье вперед. И, наконец, Четыре! следовал глухой удар о переборку, и Валера вставал на голову. Затем цикл повторялся. Удивительно, но каждый раз в момент удара между головой и переборкой оказывалась подушка. ВН спал сном младенца, причмокивал и тихо улыбался во сне.

Редкий случай – человеку хорошо.

Я погасил свет. Дождался, когда левая верхняя койка окажется подо мной, прыгнул на нее, обо что-то треснулся и заснул.

Наши эксперименты

НИС «Эксперимент» по документам корабль типа река-море. Однако не все так просто. На самом деле – это пароход морской, просто с малой осадкой. Морской он потому, что у него один винт. А у речных - два, что позволяет им удачно маневрировать на течении, тогда как морские с их одиночным винтом периодически устраивают катастрофы в Босфоре, где течение вполне ощутимо.

Как настоящий морской волк, попав на реку, НИС «Эксперимент» тут же норовил кого-нибудь или что-нибудь толкнуть. Помню, покинув Азовское море, мы поднимались вверх по Дону. И со всего маху врубались в опору железнодорожного моста. По мосту как раз шел грузовой поезд с контейнерами. Мы держали пари: свалится ли от удара нам на голову весь состав, или только один контейнер? Пронесло!

В первом шлюзе мы долго маневрировали в тщетной попытке прицепиться к причальному кольцу. Нас кидало от одного края шлюза к другому, и мы таранили оба. Наконец, по громкоговорителю начальник завопил на подчиненного:

– Да брось им конец, ты видишь – они неуправляемы!

Поэтому, когда мы проходили поворот реки и объявляли, как положено, по рации:

НИС «Эксперимент» вошел в створ, - то после небольшой паузы следовал ответ:

– Не надо нам экспериментов!

Все мели Дона

Николай Бердяев утверждал, что настоящее искусство не может быть реалистичным. Скажем, фильм Волга-Волга – выдумка для смеха. А реальность?

В Ростове мы взяли на борт лоцмана, и пошли вверх по Дону. Лоцман попался важный и капризный. Начальник 1-го отдела Пароходства. Сволочь, первостатейная. Помимо обычного: - Право руля, лево руля! - с мостика несло: Прекратить разговоры! Не курить! Отставить пререкания! Я здесь все мели знаю!

Впрочем, нас это не касалось. Мы затеяли невиданное дело – варку какао. А то кофе банально. Поскольку никто не знал как, то каждый предлагал свой метод. Наконец, готово. Разливаем по кружкам.

Глухой удар, палуба становится стеной, стена полом. Все летит.

Сели (легли?) на мель. Двумя буксирами стаскивали.

Бердяев не прав. Есть реалистичное искусство. А успел кто сказать: “Вот первая!” – уже мелочь.

Подводная охота

На Цимлянском водохранилище нас посетила свежая идея: добыть раков. Ведь, что за пиво без раков? Все равно, что раки без пива! А эта лужа, небось, ими кишит.

Сказано – сделано! Начали меня облачать в водолазный костюм. Сложное дело! Двое тебя одевают, остальные –советы дают. Натянул я гидру, надел свинцовый пояс, ласты, акваланг. Взял подводный компас и водонепроницаемые часы. Не забыл и про нож, закручивающийся в специальные ножны. Главные спецы уселись в катер, и мы поехали искать заветное место. Нашли.

Жарко светило солнце. Я буквально сварился в закрытой гидре. Сквозь запотевшее стекло ничего не было видно. С вожделием ожидал встречи с холодной пучиной. Наконец, долгожданная команда:

– Пошел!

Я намотал на руку конец, чтобы не идти камнем в глубину, выдохнул от души и спиной упал в воду. Раздался звон костей. Увы! Глубина в заветном месте не превышала 20 см. Катер устойчиво сидел на мели. Долго барахтался я в тине, пытаясь выдернуть акваланг из осоки. В конце концов меня подняли на борт.

Но работать водолазом я отказался.

Чехи вообще пиво без закуски пьют, кстати.

В жизни всегда есть место подвигу

НИС «Эксперимент» бодро бежал по каналу Волга-Дон. Кругом жаркая степь, ни ветерка, волн нет, качки нет. Что еще надо?! Я возлежал в своей роскошной, сплошь устланной коврами каюте и читал эротический рассказ Толстого про баню. Жужжал кондиционер, пытаясь создать атмосферу погреба. Неожиданно пароход круто свернул вправо и сильно накренился. Меня скинуло с койки. Я глянул в иллюминатор. Рядом с нами возник длиннющий и высоченный борт самоходной баржи Волго-Балт. Мы под прямым углом к нему, на хорошей скорости, шли на таран.

Удар!

И тут я совершил подвиг. Подвиг достойный былинного воспевания.

Нет! Вся жизнь не промелькнула в моем сознании. Я не вспомнил о том, что я начальник рейса и несу какую-то там ответственность за спасение утопающих. Я даже не подумал о студентах, загорающих на баке нашего судна. Нет! Я вспомнил о бутылке сухого вина, хранящейся в холодильнике. Если мы потонем, то потонем. А ежели нет? Что мне скажет коллектив по поводу гибели последней отрады в жарком климате? Отбросив прирожденный флегматизм, я, как Александр Матросов, бросился на амбразуру холодильника. Дверца уже начала открываться, грозя выкинуть содержимое. Я схватил холодильник в тесные объятья и замер. Корабль отлетел, снова треснулся о баржу, снова отлетел. Но я держался, как клещ.

И спас сухенькое!

КАСПИЙ

Осетры и вороны

Мы прошли Астрахань и продолжали спускаться по Волге. Я стоял на верхней палубе и смотрел вперед. Вдруг показалась сидячая на воде ворона. Потом вторая, за ней третья. Чудеса! Ворона, чай не утка, чтобы по рекам плавать. В подозрную трубу, однако, удалось разглядеть, что вороны сидят не на воде, а на осетрах со вспоротыми брюхами. Браконьеры взрезают рыбу, извлекают икру, а остальное бросают в воду. На радость ворон...

Резко стартовав от берега отошла моторная лодка и на полной скорости пошла нам наперерез. В ней никого не было - руль болтался свободно. Лодка пересекала нам путь и, поднимая буруны, направилась к правому берегу. Не доходя до него, она начала делать круги все уменьшающегося диаметра. Мотор взревел. Лодка, задрав нос, начала вертеться, как будто ее корму посадили на кол. Несколько оборотов и мотор затих.

Я смотрел за корму. По всей Волге тянулась цепочка из бывших осетров, деревьев, лодок. На каждой рыбине - своя ворона.

Плавни, плавни, плавни.

Безлюдка с человеческим духом.

Штурман

Экспедиция была в разгаре. Мы отработывали юго-восточный угол Каспийского моря, когда что-то стало не так. Суета, придирки и общее неудовольствие. У боцмана вдруг проржавел якорь, а у второго помощника - вообще смигрировал магнитный полюс, изменив привязку. Беспокойство нарастало - пора на берег. Как? Без денег?! Давай Махачкалу с кассиром! Оно, конечно, хорошо, да только, аккурат, на другом конце лужи.

Наконец, Кэп матюгнулся и, преодолев истерику начрейса, двинул в родимый порт. Тут наш «Эксперимент», который не мог пройти 20 миль, не заглянув в укромную бухту, вдруг понесся по главной каспийской диагонали. Целые сутки стоял на мостике Серега - штурман. И мы дошли.

И был рекорд. Влетели в порт Махачкалы. Серега, в наглаженных рубаше и брюках, в темных очках и белых туфлях пошел оформлять приход. Команду как ветром сдуло: пароход причалил сам.

Сергей вернулся в приподнятом настроении. Даже убрал заветную (и запретную) "удочку" на осетров. Эта удочка обобщала месячный труд команды. Сложное устройство из капронового фала, от которого отходили концы с крючками из гвоздя-сотки, загнутого и заточенного, как острога. В деле оно была испытана лишь однажды и с нулевым эффектом.

Подошел портовый буксир и, повздыхав, что место занято, причалил к нашему борту. Начался обмен новостями. Не палуба, а проходной двор. На буксир прошел инспектор рыбнадзора. Скоро пошел назад. И тут прямо ему под ноги проказа-пес Барсик вытащил из тайника удочку. По мере появления крючков, лицо инспектора монотонно краснело до полной черноты, потом бледнело. В конце концов, дар речи вернулся.

– Браконьеры! – обрадовано ужаснулся он, – три года тюрьмы. Штраф пятьсот рублей. Все свидетели. Оформляем акт.

Серега задумчиво посмотрел на всходящее солнце, затем смачно плюнул за борт.

Это придало инспектору сил еще на десять минут ругани.

Серега плюнул второй раз.

– Ладно! – сбавил тон инспектор. Он подошел к штурману и доверительно похлопал его по плечу, – гони 100 р. без акта, и я покажу, где осетры водятся. Ловить будешь – мои на стрёме постоят.

Серега упер конец локтя в пах и медленно покачал рукой с виртуозно сложенным кукишем.

– Хрен тебе, – пояснил он словами.

– Ах, так? Ну, держись!

Инспектор рысью покинул «Эксперимент».

Серега тоже подался на берег. Вернулся со справкой. Нахождение орудия лова на борту научного судна не является криминалом, оказывается. Науке можно. Гордясь, штурман крепился бутылкой. Та скоро кончилась. Напевая, он свалил в каюту кайфовать.

На сцене вновь появился инспектор, но уже с милицейским эскортом. Пошел в атаку. Кэп со старпомом – в обороне. Медленно, но дело шло к компромиссу. И тут возник штурман со второй пол-литрой.

– Опять ты, гнида? – удивился он.

Схватив акт, Серега начал запихивать его в рот инспектора. Тот стеснялся. В бой вступила милиция. Хрясть! Один мент уронил себя за борт. Оставшиеся образовали кучу-малу. Пыхтенье, кряхтенье, мат и вот болезного с заломленными руками повели по трапу.

– Это незаконно! – предупреждал он.

В милиции начальник строго осудил его:

– Ваше поведение недостойно советского моряка!

В ответ Серега харкнул ему в рожу.

Штурмана забросили в камеру и закрыли засов. На нарах сидел толстый важный мужик – аварец – в стеганом халате и тюрбане. Главный нищий Махачкалы изволил пить чай. Со свитой.

– Твой место там! – показал старик в темный угол.

– К солнцу хочу! – отвечал Серега, сбрасывая Падишаха с трона.

Мюриды рванули вперед. Вновь образовалась куча – мала. Все же два пол-литра по жару давали себя знать. Кто-то остался цел. На шум ворвались менты и разогнали аборигенов. Днем они бродили по городу, нищенством зарабатывая себе и милиции, а ночевать, возвращались в КПЗ. Серега же улегся в красном углу соснуть.

...На пароходе царил траур. Моряки вскрыли запас антифриза.

– Уезжайте домой, ребята, – Кэп сказал в тоске, – на ремонт становимся.

Старпом материл штурмана за недипломатичность, а боцмана – за разгильдяйство. Вздохнув, он вынул из сейфа свои 200 рублей и пошел выручать узника. Уже темнело, когда они вернулись. Серега посвежел, только костюм помялся, да глаз до конца не открывался.

Комсостав угрюмо смотрел на дебошира, но команда была в восторге. Сразу все, кто мог ходить, собрались в кают-компании отмечать конец инцидента. Серега налегал на водочку с маринованным чесночком. Позднее он добрался до старпома, вцепился в грудки и затряс, как грушу:

– Рыбнадзору проданся?! Деньгами соришь, кагебист. Шиш всем! Требую суда!

Наконец, их растащили, и штурман осел в лаборатории. Мы собирали вещи. ВН ушел прощаться.

– Ничего, ребята! – шумел Серега, – отведаем осетринки. Как члены ЦК и завмаги.

– Наверное я не знаю, но вероятно вряд ли, – отвечал я, – в Москву сваливаем.

– Зачем в Москву?

– Кэп сказал: солярки нет.

– Чего?! Вот жаба сухопутная. Сейчас!

Сергея исчез. Над головой послышался топот ног. "Эксперимент", распахив ближайšie суда, и порвав чьи-то швартовые, кормой выскочил в бухту. Затем подал вперед и боднул борт баржи. Ударил струя солянки. Ее удалось направить в нужную дырку.

— На восток! - раздалось с мостика.

"Эксперимент" брал разбег. Я смотрел на удаляющийся причал. Там металась длинная тень.

— Стой! Ученого забыли!

Корабль тормознул. ВН взлетел на борт.

Мы понеслись к Актау.

За молом нас встретил крутой накат. Ветер усиливался. Экспедиция расплзлась травить. Я спустился вниз и начал привязывать аппаратуру. Кидало во всех плоскостях. Необычной была центробежная составляющая: прижимало то к правому, то к левому борту. Казалось, летим по серпантину.

Что за дела?

Я поднялся на мостик. Там было темно. Светилась картушка компаса. За штурвалом стоял Жека. Стройный, с телом культуриста, он был очень маленького роста. Лилипут. Штурвал вращался у него над головой. А гирокомпас - вообще за пределами видимости. Обычно он нес вахту на высоком стульчике с запором, в каком младенцев сажают у стола. Только сварен он был из нержавеющей стали. Но сейчас не достало сил в него забраться. Когда корабль задира нос, Жека отлетал назад, а когда волна ударяла в стекло рубки, он стремительно падал на штурвал, лихо его закручивая поднятыми руками. Из чувства гармонии, он попеременно падал то на левую, то на правую сторону руля.

Кэп сидел на полу (надо говорить - на палубе!), свесив ноги на трап. Ему было нехорошо. Сжав голову руками, он раскачивался из стороны в сторону.

— Курс? - периодически интересовался Ихтиандр.

— Сто двадцать, — отвечал Жека.

— Врешь!

— Смотрите сами!

Кэп удивленно замолкал. Что-то было не так. Это задевало капитана, но об встать не могло быть и речи. И он периодически допрашивал строгим голосом:

— Курс?

— Сто двадцать!

— Врешь!

— Смотрите сами! — падал на штурвал вахтенный. Мы выписывали кренделя. Маяк появлялся то спереди, то сбоку, то в нужном месте — сзади. Рост не позволял Жеке смотреть вперед, но берег удалялся.

Сергей что-то чертил на карте. Он был трезв.

— Эх, жизнь! — разговаривал он с собой, — сколько человеку надо? Двуногий что-то хочет, под себя гребет, куда-то стремится... Вот у пса корабельного — жизнь собачья, а все есть.

— Чего же тебе еще надо? — спросил он Барсика, восседавшего посреди рубки.

Барсик задумался, а затем начал задней лапой активно щелкать по челюсти. То ли блох давил, то ли просил на опохмелку.

— Пошел вон!

И ударом ноги в белом штiblете Барсик был спущен с трапа.

Взятка

Самое чудесное место на Каспийском море - Ленкорань. Субтропики! Пальмы растут, дервиши поют. Пиво есть, рулетка есть, свободная торговля (Речь о советских временах). На рейде нас обступили лодки. Начался натуральный обмен. Впрочем, больше болтали.

На палубу вышел штурман. Сергей был в форме и смотрел сурово.

— Где милиция?

Ему показали на берегу зеленый домик.

— Погранзаезда?

Снова показали.

— Горком партии?

Показали.

— А сети чьи? — он ткнул в торчащие по всей округе вешки, мешавшие свободе судоходства.

Народ засмутился и начал постепенно отваливать. Наши замеры кончились. Я дал команду поднимать якорь. В этот момент из-за мыса вылетел катер. Красивые необычные обводы. Он шел на двух «Вихрях» и, казалось, не касался воды. Чуть не врезавшись в нас, катер развернулся, из него вылетела серебристая ракета, и он исчез. Ракета плюхнулась на палубу и обернулась полутораметровым осетром. Взятка!

Мы тут же вышли в море.
Удалось-таки поесть осетринки!

Рачья бухта

На НИСе "Эксперимент" - две лаборатории: одна на главной палубе, а вторая - в трюме. Верхняя расположена по правому борту и отделена стеной от кают-компания, которая аналогична по форме и размерам, но простирается вдоль левого борта. В верхней установлены некоторые навигационные приборы, главный из которых - глубиномер, есть внутренний телефон и главная гордость - кондиционер. Кондиционер постоянно включен на зиму, что обеспечивает перепад температур с наружным воздухом до сорока градусов. Резкий переход с палубы в лабораторию обещает воспаление легких. Во всем флоте такого нет! В лаборатории много иллюминаторов и столы, на которых мы размещали счетную аппаратуру и монтировали химическую посуду. Иногда шальная волна била в открытый иллюминатор и разносила все в щепки.

Нижняя лаборатория была небольшой. В ней стоял стол с ручным вакуумным насосом. Имелся карман у борта, куда мы помещали счетчик гамма-излучения, который мерил активность морской воды. Вход в лабораторию закрывался люком и запирался изнутри. Это, а также обилие телогреек обеспечивали удобства для занятий сексом...

Достопримечательность нижней лаборатории была в другом. В корпусе судна было проделано круглое отверстие, закрытое толстым, но вполне прозрачным стеклом. Расположено оно было горизонтально и лежа на нем можно было любоваться морской пучиной и ее обитателями. Прямо как на "Наутилусе" капитана Немо! Наслаждаться, правда, особенно нечем: довольно темно, до дна далеко, а движение и шум парохода распутывают всю живность.

Но однажды мы встали на якорь на мелководье в бухте Бекоева-Черкесского, что на Каспийском море. Я решил посмотреть дно. Глянул и обомлел: раки!! Огромные речные раки (это в морской-то воде) покрывали все камни. Как на крыльях любви вылетел я на палубу, схватил помойное ведро, надел акваланг и кувырнулся в воду. Ползая по дну, собирал раков, а коллеги таскали ведро за ведром. Потом спустили катер, рванули в какой-то поселок, привезли пару канистр пива. И начался пир. Можете себе представить: теплый вечер, синее море, красные раки - горами в стиральных тазах, канистры пива, а мы сидим, тянем его лениво, закусываем раковой шейкой и травим байки. Да ребята! Занимайтесь наукой! Кайф от нее обалденный!

И какой бы черт не заносил меня на Каспий, я всегда направлял пароход в бухту Бекоева-Черкесского для исследования этого уникального радиохимического объекта. Заранее брали пиво, заготавливали корзины-ловушки из прутьев. Входили в бухту, вставляли на якорь, и вся команда начинала интенсивно натирать горбушки черного хлеба чесноком. Затем, хлеб - в ловушки и за борт. Через час вынимай корзины полные раков. Отработанная технология. Ну, а потом - пир с пивом и раками. Куда там чехам. Пиво у них хорошее, спора нет. А раки?! То-то же...

Кара-Богаз-Гол

Кара-Богаз-Гол («черная пасть») — залив Каспийского моря прекрасно описал Паустовский. Настолько прекрасно, что я долго не решался посетить его. Не хотел разочарований. Все же необходимость расчета баланса радионуклидов в Каспии, заставила направить туда экспедицию. НИС «Эксперимент», бодро трусил вдоль берега. Искали начало пролива. На карте он был, в натуре — нет! Каспий мелел, море отступало, и береговая линия непрерывно менялась. Какие-то отмели, банки, бухты, заливчики-проливчики теснились и преграждали путь. Лоции - бесполезны. Походив взад-вперед, легли в дрейф, спустили шлюпку и направились к берегу.

Жара, видимо, стояла страшная, но нами особенно не ощущалась — дул хороший ветер, да и катер шел на приличной скорости. Ярко светило солнце, вода в бухте - как зеркало. На небе — ни облачка. Синее небо, синее море, ветер, альбеда — мы буквально горели. Физиономии наши, и так красные, приобрели цвет тухлой свеклы. Штормовки выцветали на глазах. Быстро приближался берег. Бескрайняя синева сменялась чернотой.

Лодка подпрыгнула и села на мель. Прибыли! Я спрыгнул в воду, подхватил Ольгу на руки (Привилегия начальника рейса) и отнес ее на берег. Матросы легли загорать, а мы, навьючившись детекторами, пробоотборниками, канистрами с водой и рацией, отправились покорять пустыню.

Нас было четверо, я, лаборантка Ольга, аспирант Серега и Васька — сын декана. Таков был его статус, звание и должность. Типичный профессорский сынок. Высокого роста, сильный и красивый, он постоянно всем что-то доказывал. Например, что он не какой-то блатной (а именно по блату он и попал в экспедицию), а сам чего-то стоит. Он был мастером спорта по горнолыжному спорту, автогонщиком и кем-то еще. Почти кандидатом наук. Демонстрировал силу, ум, образование. Но всем было ясно — до отца ему далеко и не стать ему ни видным спортсменом, ни видным ученым. Впрочем, это — его проблемы. Для нас же хлопотным было его суперменство: он вечно во что-то влезал и вечно получал по шее. А мы расхлебывали.

Сейчас он шел в новых плавках с голым торсом. Мы же парились в штормовках. Пот градом застилал глаза, но я знал, что на борту кефира нет и натирать нас некому и нечем. Лучше уж свои 36,6, чем наружные 45. Васька же ощущал себя покорителем Кара-Кум, то ли бедуином, то ли Скобелевым (те, правда, вряд ли шастали по пустыням в голом виде).

Море исчезло. Нас окружали закрепленные пески, простирающиеся грядами, высотой метров пять, но встречались и высотой метров тридцать. Мы, кряхтя, взбирались на очередной вал, затем спускались во впадину и снова поднимались. «Дюны» покрывала редкая уже высохшая, растительность. Виднелись заросли кустарников (саксаул, песчаная акация, или как они там называются...). Вали сначала шли более или менее упорядоченно ориентированными рядами, но затем возник некий хаос – «крестовая волна». Ни залива, ни пролива, однако, не было.

Ветер стих, стало и жарко и душно. Где же пролив, не говоря о заливе?

Неожиданно возник звук колокола средних размеров. Церковь в пустыне?! Пошли искать. Церкви не было, зато был верблюд. Двугорбый и большой. Раньше корабль пустыни казался мне гораздо меньше. Где же взять в пустыне лестницу, чтобы на него залезть? Как положено по классике, он рвал какие-то колючки и меланхолично жевал. На шее болтался колокол, размером с ведро.

– Цып, цып, цып – заверещала Ольга, приближаясь к мастодонту и протягивая ему ладонь.

Верблюд никак не реагировал. Я подошел поближе и потянулся за поводком. Но тут в нос ударил запах. Это было нечто! Такого я не нюхал за всю свою химическую жизнь. Да, арабским принцессам не позавидуешь. Чтoб путешествовать в таком амбре нужно обладать недюжинной силой воли. Или привыкать с детства. Я отскочил. Тут возник Васька. Он сунул мне в руки кинокамеру:

– Снимайте шеф! Смертельный номер – джигитовка на верблюде.

Я навел камеру, покрутил трансфокатор и нажал кнопку пуска. В видеоискателе возникла морда верблюда, потом какой-то пылевой вихрь, опять морда верблюда. Я отвлекся от камеры и посмотрел вокруг невооруженным глазом. Верблюд, как прежде, стоял несколько ниже меня, зато Васька – на вершине бархана. Впоследствии, рассматривая фильм, мы поняли, что случилось. Вот Вася стремится к верблюду, тот поднимает голову. Челюсть, как затвор винтовки, резко отходит назад, потом вбок, потом – вперед. Будет смачный плевок! Но реакция у автогонщика есть. Прямо в прыжке, он меняет курс на 120° и взлетает на бархан. Кататься расхотелось, мы обошли верблюда стороной и продолжили свой путь.

Наконец, показалось широкое, глубокое и извилистое русло. По нему несея поток воды. Кроваво – красного цвета! Кровь вытекала из синего моря и на фоне синего неба и желтых берегов исчезала где-то вдаль. Кровь бурлила и пузырилась. Артерия в аду. Прекрасно и ужасно. Мы пошли по течению. Сила его впечатляла. Казалось, все Каспийское море течет у нас на глазах из одного сосуда в другой. Течет бурно, с порогами и водопадами. Об купаться не могло быть и речи. На одном из порогов ржавел перевернутый сейнер, свидетельствуя, что по проливу-реке плавать можно, но осторожно.

Мы, увязая в прибрежном песке, долго шли вдоль потока. Понятно, что цвет ему придают какие-то красные микроводоросли, но все равно – жутковато. Поднявшись на какую-то кочку, я увидел нечто не менее удивительное. Огромное небо и плавающие в нем белые клецки – облака – айсберги. Небом было заполнено все пространство: оно простиралось вверх, вширь и, что странно, глубоко вниз. Мы устремились вперед. Постепенно айсберги превратились в ледяные, просвечивающие синевой горы. Откуда здесь лед и эта синева, под – и над ним? Только подойдя вплотную, мы поняли, в чем дело. Всю землю, насколько хватало глаз, покрывала вода. Она отражала синее небо, и сама была синей. На мелководьях высились соляные горы (мирабилит, т.е. глауберова соль, сульфат натрия десяти водный, $\text{Na}_2\text{SO}_4 \cdot 10\text{H}_2\text{O}$, для любознательных). Именно они и выглядели издали как ледяное торосистое поле.

Вблизи они уже не были так красивы, слои соли чередовались со слоями черного песка. Но красота была в другом. Толщина воды – 20 – 30 см, но на нее смотреть простым глазом невозможно. Все дно сияло алмазами. Они били как прожектора, переливаясь, то синими, то красными, то фиолетовыми оттенками. Все дно, каждый камень были покрыты друзами кристаллов. Каждый размером с грецкий орех. Покрытые тонким слоем воды, они не просто блестели, они сияли, причем сияли сильнее любых бриллиантов. Было на что посмотреть! Ни до, ни после никогда ничего похожего мне не встречалось.

Мы шли по щиколотку в воде, иногда проваливаясь по колено. Искали место поглубже, чтобы отобрать пробы на анализ, а заодно и искупаться. Но по мере продвижения вперед купаться хотелось все меньше и меньше: вода проникла в кеды и сильно разъедала мелкие ранки. А что будет, если окунуть в рассол все тело?! Как и ожидалось, радиоактивность была аномально высокой и возрастала по мере продвижения в залив-лагуну. Понятно, что здесь поступающая из Каспийского моря вода выпаривалась и все соли (в том – числе – радия) осаждались.

Наконец, нашли глубокое место, и Васька поплыл. Отплываваясь, он перевернулся на спину и задрал ноги. Вода легко его держала (Еще бы! Концентрация солей в воде где-то около 300 о/оо. К примеру, в Мертвом Море соленость воды 260-270о/оо, а шуму – на весь мир). Васька

долго плескался. Юмор возник потом. Он попытался встать, достать дна и выйти на берег. Не тут-то было! Вода выталкивала его на поверхность, и достать дна было решительно невозможно. Пришлось ему плыть к нам и выползть на сушу, как крокодилу.

Отобрав пробы, и измерив, что надо, мы собрались домой. Но сначала перекусили стоя, и попили теплой воды из фляжки. Обрато шли молча. Жара не спадала, а ноги дико чесались от соли. Васька матерился, кислый раствор (состав не установлен) растекался по телу, и, видать, достиг критических органов. Рация молчала, но мы довольно легко нашли лодку с матросами, хотя слегка и побродили по каспийскому лукоморью.

На борту парохода меня ждало жесточайшее разочарование. Снятые с камней друзья мирабилита, имевшие вид усыпанных брильянтами шлемов, рассыпались в белую пудру. Об установке их на московском буфете в качестве добытых трофеев не могло быть речи. Вдобавок расхворался Васька: кожа пошла волдырями, зуд, а главное – понос. Наглотался раствора мирабилита, а это – английская соль, сильнейшее слабительное. Пришлось уходить в Махачкалу.

Эти события происходили в 1978 году. Но возник один не в меру ретивый товарищ. (Опаснее врага – дурак с инициативой). Он смотрит – Каспий мелеет. Берега удаляются, дно обнажается, порты нужно переносить дальше в море и т.д. Одно слово – непорядок! А почему? А потому, что есть «Черная пасть» ненасытная. Вон как она заглатывает каспийскую воду. Вывод? Перекрыть пролив дамбой. Вода уходить не будет, уровень Каспия стабилизируется. Логично? Логично!

Долго товарищ обивал властные пороги – все попусту, посылали куда подальше. Но тут его самого забрали в Москву и сделали крупным начальником. Тогда он и осуществил свою мечту – бросил тяжелую технику на покорение природы. В 1980 году пролив был перекрыт глухой дамбой. Кара-Богаз-Гол предоставили своей судьбе.

Тут-то и началось! Уровень Каспия начал повышаться (не из-за плотины, а в силу известного семидесятилетнего цикла). Порты стало заливать. Нефтяные скважины оказались сначала на островах, потом под водой. Залило сады и нерестилища. Население побережья начали отселять. Караул! Функционировал бы Кара-Богаз-Гол, уровень повышался бы медленнее и не до таких высоких отметок. А тут понеслось!

Между тем, вода в заливе, ставшем озером, интенсивно испаряется, зеркало воды – сокращается. Гидраты сульфата натрия распались и превратились в пудру. Периодически ветер поднимает эту пыль, переносит ее через Каспий и засыпает слабительным виноградники Азербайджана. Тем это не нравится, они гибнут. Озеро засыпают окрестные пески. Химический комбинат, который качал себе рассол, встал. Нужны экскаваторы для добычи сырья. Сырье нужно растворять и отделять от песка. Технологией это не предусмотрено.

Ретивого начальника начали плохо поминать.

В 1982 году мы отправились в новую экспедицию. Она проходила без лишнего романтизма. Быстро нашли дамбу, высадились и пошли по старому руслу. Никакой красной реки не было. Так – отдельные пятна воды. В озере до воды добрались только километров через десять, и то смогли лишь замочить ноги. Никаких айсбергов или соляных гор. Синева есть, но только сверху. Ни самоцветов, ни друз-бриллиантов. Кругом – черная пустыня. Песок, песок, песок. Иногда – вперемешку с солью.

Извели чудо природы!

Вернувшись в Москву, мы разослали полуматерные отчеты во все инстанции. В 1984 для поддержания минимального необходимого уровня рассола в Кара-Богаз-Голе было построено водопропускное сооружение. Но там я больше уже не бывал. Зачем расстраиваться?! Теперь это – дальняя граница. Проще отправиться на Мертвое Море.

Там и красота и соль! И святые места рядом...

Плавучая буровая

Каспий разыгрался не на шутку. Шторм – его стихия, но тут был явный перебор: тяжелое небо давило вниз, солнце куда-то делось, волны запускали «Эксперимент» в космос и роняли обратно. Движок захлебывался, и лайнер превращался в щепку. Катаясь по рубке, мы ловили штурвал и втроем на нем повисали. Ветер выл, как бык на привязи. Трещали борта, билась аппаратура, пищала Ольга. Холод пробирал до костей...

Ну, просто Балтика какая-то!

Все же НИС мигрировал на восток, и локатор засек туркменский берег. Нас перекинуло через косу, мы очутились в какой-то бухте, огляделись и пошли к рыбацкому причалу. Поселка, однако, не было.

С небес падал колокольный звон. Трам-блям-трам, трам-трам, трам-блям-трам. Я поднял бинокль. Нас догоняла плавучая буровая. Она заходила в бухту, преодолевая накат. Кидало ее сильно, флаг на вышке касался волн то с одного борта, то с другого. Подъемный кран изгибался

дугой. Мощный крюк болтался на цепи и бил по стойке. Судно, как клуша, переваливалось с борта на борт, но набат звучал оптимистично: Ни хера! И не такое видали!

Так мы утерли нос судьбе и обзавелись компанией в этом пустынном берегу, где, казалось, не было и не могло быть ничего живого. Подошли к лежащему на боку причалу и встали по обеим сторонам.

Вскоре Буровая пригласила меня вечерять. Взял пузырь и пошел.

В кубрике собралась вся команда – шесть человек. Мест не хватило, кто-то сел на палубу, подсунув под себя бухту канатов. Кэп оказался грузным мужиком, с большими седыми усами, большим пузом и грозными когда-то бицепсами. Красный платок на голове напоминал о пиратстве.

Выпили, закусили, поговорили за жизнь.

Не слишком она радостна. На Каспии, как известно из Паустовского, штить – один раз в году, а плавать в шторма на буровой, так себе удовольствие. Да и бурить на ней особо не будешь, все ж таки не платформа – трясет. Толку мало, заработков тоже, а мороки.....

Мужики взгрустнули, приняли на грудь и впали в меланхолию.

Лишь кок, дама бальзаковского возраста, пухленькая хохотушка бодро суетилась между столом и примусом, не закрывая рта поднимая настроение. На меня она особо не реагировала, уделяя внимание кэпу. Тот звал ее дочкой, иногда хлопал по попе, а иногда сажал на колени. Все было ясно.

Что-то повлияло на меня: то ли тяжелый день и болтанка, то ли мрачный Каспий с колокольным звоном, то ли близость блондинки. Не знаю! Но стал я разговорчив, стал шутить и рассказывать анекдоты. Вызвал интерес в классово чуждой мне компании. Посидели хорошо. Я поблагодарил и распрощался. Напоследок попросив Кэпа и Катю заходить.

Ночь, опускаю койку. В люк постучали, я открыл. Катя, перешла порог и оглядела каюту.

– А у вас тут уютно, – сказала она, садясь на диван, – кругом ковры, лампы. Телевизор, вон, приемник, холодильник. Богато живете. Даже телефон есть! Не то, что мы.

– А кэп где? – спросил я.

– На буровой, дрыхнет уже. Ему много не надо.

Она протянула руку и щелкнула дверной задвижкой. Распахнула ресницы и блеснула всей синью глаз:

– Я Вас хочу!

– А кэп? – повторил я тупея.

– Не убудет, не бойсь.

Она подняла руки и начала расстегивать пуговицу на вороте моей рубашки. Вообще-то я не люблю дам с инициативой. И к мысли мне привыкнуть надо. Так сразу – без кайфа. Да и Ольга явится – остатки кудрей выдерет.

Но слово женщины – для меня закон. Я стал ее тоже раздевать.

– Вы такой умный, – говорила она, – ты такой красивый, такой чистый. Я унесу тебя...

Она опустила юбку, сняла с плеч платок. Я глянул, и сердце у меня исчезло.

Все ее горло пересекал широкий шрам. Он полностью охватывал шею, без разрывов. Был он широким и довольно свежим, кое-где еще не зажил – выглядывало красное мясо.

– А! – засмеялась она, увидев мои остекленевшие глаза, – это парень знакомый отрезал мне голову. Я парикмахершей работала в Красноводске, а он приревновал. Старательный такой, да только нож короткий.

Она хихикнула.

Мигом забыл я о сексе. Я поднял юбку и сам натянул ей через голову. Открыл дверь и показал на выход.

– Извини! – говорил я, мало что соображая, – я забыл, мне надо на мостик, в лаборатории семинар проводить, мы скоро уходим.

Она смотрела на меня грустно и с сожалением. Повернулась и стала подниматься по трапу.

Я не мог лечь и долго шагал взад-вперед по каюте. Иногда смотрел в иллюминатор. На берегу на куче плавника сидела Катя в позе Алёнушки. Светила луна. Тоска, смертная тоска окутывала нас.

Утром раздался скрип сходен, кэп поднял Катю на руки и понес к себе. На меня они не смотрели.

Мы же снялись с якоря, и вышли в море.

Далеко, однако, не ушли. Сплошной туман заставил лечь в дрейф.

Скоро раздался звон. Блям – пауза – блям – пауза – блям. Где-то во мгле шла и несла звон Плавающая Буровая. Звонила сама собой, без расчёта на отклик.

Оглавление

МОРСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ	1
Экспедиции МГУ	1
НИС МГУ	12
Радиометрические и радиохимические исследования на НИС МГУ	14
Чистое искусство	18
Романтик	18
Сухое купанье.....	18
Универсальное судно	18
Сухой закон	19
Должность женщины.....	20
Наши обязательства.....	22
Клевета и наговор.....	24
Дорогие гости.....	24
Замуровали!	25
Коммерческий детектив	29
Везде евреи.....	30
Трудности роста.....	32
Прыжок.....	33
Нужда.....	40
АЗОВСКОЕ МОРЕ	41
Кайф	41
Наши эксперименты.....	42
Все мели Дона	42
Подводная охота.....	42
В жизни всегда есть место подвигу.....	43
КАСПИЙ.....	43
Осетры и вороны	43
Штурман.....	43
Взятка.....	45
Рачья бухта	46
Кара-Богаз-Гол	46
Плавучая буровая.....	48

Игорь Н. фон Бекман

Отчёты о семейных путешествиях

Приведены отчёты о некоторых походах проф. И.Н. Бекмана, с участием членов и его семьи: жены, к.б.н. Эдит Мироновны Бекман (Ида) и дочери, к.х.н. Натальи Игоревны Бекман (Ната), а также некоторых друзей. Более подробно освещены походы: **Крым** (1952, п/л Артек, горный поход; 1962, Севастополь – Алушта, горный поход с однокурсницами), **Карелия** (1965, байдарка, Петрозаводск – реки-озёра – водопад Гирвас – р. Суна – Кондопога – Кижы – Соловки), **Белое Море** (1975, Кандалакша – мыс. Кочинный, весенние подводные погружения с аквалангом; 1976, птичий заповедник, район Кандалакши, зимние купания подо льдом полярной ночью; 1977 – Кандалакша, мыс. Кочинный, погружение дочери, Кижы, Ленинград Павловск Перегоф; 1983, зимний лыжный поход, Кандалакша с дочерью и её одноклассниками, дельтоплан; 1991 – Кандалакша – Кольская АЭС – оз.Имандра – мыс Кочинный, Пояконда, ББС), **Подмосковье** (1956 – район Бужаниново, лыжи; 1957, Можайск – Бородино; 1961 – леса Дмитровского района, даём концерты в клубах; 1962, агитпоход, река Дубна, Ианьковское водохранилище байдарка; 1965, байдарка, Клязьминское водохранилище; 1973 – по Мещёре, байдарка, реки Бужа, Пра и Ока, Рязань); 1979 – майский байдарочный поход по р. Протве, Верея Боровск Обнинск; 1979, байдарочный поход по р. Тверце Торжок Тверь, р. Волга Конаково; 1981, байдарочный поход по рекам Протва и Ока, контакт с бакеном, **горный Алтай** (1964, экспедиция 2-го ГГУ; 1967, Телецкое озеро и река Бия, байдарка; 1970, горный поход от Катунки до Чулышмана, спуск по Бие, катастрофа; 1974, горный поход, Тюнгур – оз. Кучурла – Аккем – Аккемская стена горы Белуха; 1978, Чибит – Орой – оз.Шавло – Самультинский перевал – Акташ), **Кавказ** (1976, Казбеги – Гергетский ледник горы Казбек – Пассанаури – Чаргали – Тбилиси – Гудаута), **Дагестан** (1982, Каспийск, Турали-7 и далее поход по берегу Каспийского моря к берегу Курдюмова), **Байкал** (1979, Иркутск, переход по озеру на катере, Листвянка, исток р.Ангара, я в бороде; 1992, Слюдянка, Байкальск, на пароходе по Байкалу, устье реки Селенги), **Казахстан** (1983, горный поход, Алма-Ата – Заилийское Алатау – Курсайские озёра – оз. Иссык-Куль – Чолпон-Ата – г. Фрунзе; 1984, зимний горный поход с альпинистским уклоном: Медео – Малая Алмаатинка – альплагерь Туюксу – покорение пика Абая, горные лыжи; 1988, горный поход, Алма-Ата – озеро Иссык-Куль; 1986, поход Алма-Ата – верховья Малой Алмаатинки; 1988, горный поход Алма-Ата – Иссык-Куль – Чолпон-Ата).

Заметки по анализу и управлению риском.

Экспедиции, походы за границей, командировки и работа в стройотряде на целине, дни Химики в МГУ, худ.самодеятельность, картошка, строительство МКАДа, отдых (и походы) на курортах, командировки по Россией и по чужих странам, походы за границей и т.п. описаны в других текстах. До отчётов о сложных и опасных путешествиях без членов семьи руки так и не дошли.

Москва, 2018

Оглавление

ПОХОДЫ – краткая информация	3
КАРЕЛИЯ и СОЛОВКИ	10
Сволочи.....	32
Карельский порог.....	35
БЕЛОЕ МОРЕ	37
Отливы	40
Зимние купанья	41
Обманула	47
ГОРНЫЙ АЛТАЙ.....	49
1966 Телецкое озеро - река Бия (байдарочный поход).....	50
1970 Катунь-Чулышман-Телецкое озеро-Бия	74
1974 Катунь-Тюнгур – Кучерлинское озеро – подножие Белухи – Аккемское озеро – Катунь.....	84
1978 Горно-Алтайск – Чибит – Орой – река Шавла – озеро Шавло – Катунь – Аргут – Бийск	123

ПОХОДЫ – краткая информация

Путешествовать я начал сразу, как стал ходить. Жизнь в дачной местности этому способствовала. Сначала по лесам вокруг Клязьмы, Тарасовки, Мамонтовки, Пушкина, потом – по грибным местам Подмосковья (в основном по Ярославской дороге), а с освоением велосипеда, потом мопеда – на более дальние расстояния. Бродил я один, иногда с каким-нибудь приятелем или подругой, а так же с племянницей Татьяной. Зимой – на лыжах с собакой, и летом попутно купаясь в Клязьме, Уче или Серебрянке (а в Кутуарах (Лесном Городке) – в двух местных прудах). С классом сходил в два похода: зимой в Бужаниново и летом на Бородино. В годы учёбы в Университете организовал агитбригаду и с ней совершил несколько походов с концентриками во встречных клубах. После окончания МГУ много путешествовал, в основном на байдарках: чуть ли не по всем рекам Подмосковья (с женой, потом с ней и с дочерью, по Карелии, по Горному Алтаю (4), по Кавказу, по Байкалу (2) и к озеру Иссык-Куль (2). Я и Ида выполнили полторы нормы Мастера Спорта СССР (каждый!) по горному туризму, 1-й разряд по слалому на байдарке. Некоторые из походов можно отнести к частным экспедициям, так как помимо физкультуры, решались и научные задачи.

Приключений было много, все не опишешь. Остановлюсь лишь на некоторых.

1957

В весенние каникулы (март) всем классом (9-й класс Клязьминской средней школы №3) ходили в лыжный поход. По ярославской дороге доехали до станции Бужаниново, откуда пошли, прокладывая в лесу лыжню (километров десять) до какого-то колхоза. Уморились, особенно – таща по-очереди тяжёлый немецкий аккордеон. Ночевали на столах конторы колхоза, которую разнесли в пух и прах. Ночь не спали (куролесили). Днём осматривали коровник. Коровы примерзали к земле, покрытой остатками соломы, и не могли встать. Собирались дать концерт в клубе, но нас туда почему-то не пустили. Ночью уныло, теряя лыжи, тащились на станцию.

1957

В июне пошли в поход на Бородино. Доехали до Можайска, где осмотрели красивую церковь на высокой, насыпанной крепостными, горе. Потом долго и утомительно (рюкзаки тяжёлые) тащились до Бородинского поля, которое пересекли и разбили палаточный лагерь на берегу реки Колычи. (Потом я в тех краях командовал отрядом студентов, убравших картошку). Недельку бродили по полю, осматривая редуты, батареи, холмы и многочисленные памятные знаки (не только в честь войны 12-года, но и в честь 2-ой мировой – в тех краях тоже шли бои, хотя и менее известные). Посетили музей и послушали экскурсовода. Должны были пробыть 10 дней, но среди нас начались первые сексуальные отношения, и учительница, опасаясь последствий, сочла необходимым срочно вернуть нас домой.

1961

Созданный на целине коллектив трансформировался в агитбригаду. Я стал её начальником, пел («пой, как Света!»), плясал (как медведь), участвовал в сценках. Один раз ездил в Таманскую дивизию, где в коллективе выступал перед солдатами. Пели мы много – всегда хором и во всех местах, где можно и где нельзя. Были лирические песни, целинные, факультетские, но преобладала блатняга – наша фронда.

На майские праздники пошли в агитпоход под моим чутким руководством. Шли по лесам Дмитровского района (от Дмитрова к Талдому, Савёловское направление). Места довольно глухие, поражаало несоответствие карт реальности: хорошо обозначенные на

карте дороги в реальности отсутствовали, зато прекрасные шоссе, по которым мы шли, блистательно отсутствовали на карте. Предложил способ использования фотоэкспонетра для определения стран света (вместо компаса). Всю дорогу Лена Фишилевич выясняла отношения с Валерой Муравьевым, а мы их мирили. Праздники, в клубе зритель – в подпитии, артисты – тоже, наши концерты пользуются большим успехом.

1962

В майские праздники отправились в агитпоход по реке Дубне и берегу Иваньковского водохранилища (с концертами и В.Петросяном). Комсомол нас слегка спонсировал. Я был начальником. Начали в Вербилках. С ночёвкам шли лесами, потом вышли к реке Дубна, спустились по ней до Иваньковского водохранилища, там попали под сильный дождь и укрылись на спасательной станции («Водка есть? Чтoб не было!»). Дали два концерта в колхозных клубах. Пели песни Б.Окуджавы. Играли спектакль по рассказам О.Генри; мы с Валерием Рочевым исполняли финский танец. Я его поднял на вытянутые руки, в это время Михалёв за сценой завопил: «Где моя нижняя юбка?», я отвлёкся и нечаянно сбросил Рочева (т.е. будущего учёного секретаря Института химической физики и преподавателя МИФИ) в партер.

1965

После защиты дипломов, мы с женой и ещё одной парой (Марк и Наташа) на двух байдарках отправились в поход по Карелии. Перед этим мы с Идой предприняли пробное плавание по дальнему углу Клязьминского водохранилища. Для нас это был первый серьёзный поход на байдарке (новый красный Салют, здоровый, неповоротливый, но прочный и надёжный), а маршрут был сложный – включал систему озёр, мелких и крупных рек, таежные волоки. Мы боролись, то с ветром и огромными волнами на больших (не видно берегов) озерах, то с камнями и стоячими волнами на порогах, перекатах, то с бревнами молевого сплава. Однажды прокатились по какому-то водопаду, обложенному по бокам завалами бревен. Начали недалеко от Петрозаводска, а закончили у Кондопоги, посетив по пути водопад Гирвас и реку Суну. Из Петрозаводска (тогда я не знал, что там живет целый клан Бекманов, а то бы посетил) на пароходе отправились на остров Кижь, где немного пожили в палатке (тогда там было тихо-пустынно и досаждали только змеи). Осмотрели знаменитые деревянные храмы, которые тогда собирались реставрировать. Когда-то на острове были металлургические заводы. Сейчас следов не осталось. На обратном пути попали в сильнейший шторм, так что пришлось ночевать в первом попавшемся заливе. «Советском союзе Калерия Борисовна только одна!», «Я не биолог, слава Богу». В конце похода денег у нас осталось только на обратный билет до Москвы. Однако мы отправили байдарку тихой скоростью, а сами (только я и Ида) рванули в противоположную сторону – на Белое море в город Кемь, с деревянными мостовыми. Там погрузились на катер военной базы и перебрались на Соловки – место паломничества тогдашней интеллигенции. Там осмотрели монастырь (великое сооружение, внутри сильно разрушенное лагерем, военной базой и училищем юнг), прокатились на лодках по системе узких, но глубоких каналов, слазили на все вершины, покушали знаменитую соловетскую селедку, понюхали гнилые водоросли – ламинарии. Прониклись старой и новой историей. На пирсе – толпа бешеных интеллектуалов (образованцев), давка. На обратном пути посетили Ленинград, где немного погуляли. Всё – без денег. Вот времена были!

1966

На майские праздники отправились в пеший поход по подмосковной тайге в верховьях реки Клязьма. г. Солнечногорск, озеро Сенеж, далее по лесам. Попали на

военный полигон (они там везде) и чудом увильнули от артиллерийского обстрела. На поляне сыграли в футбол.

1966

Летом мы с Идой взяли байдарку и отправились на Горный Алтай – на Телецкое озеро. Поездом доехали сначала до Барнаула, а затем до Бийска. Немного пожили на турбазе (левый берег Бии, палатки). Оттуда на грузовике с туристами отправились на Телецкое озеро, 270 км. Грузовик с падающими скамейками, уникальная пыль, превратившая нас в негров, паром через Бию, профиль В.И.Ленина на середине отвесной скалы, ночевка у озера Куреева, интеллигенты чуть не растоптали сложенную байдарку; Алтын-Кёль, Золотое озеро, глубина 325 м, 71 речка впадает, одна (Бия) - вытекает. В пос. Артыбаш спустили байдарку на воду и поплыли по кругу, заходя в бухты и уходя по распадкам и речкам в пешие радиальные маршруты. Телецкое озеро необычайно красиво – огромная масса чистой воды, зажата в поросшие лесом скалистые и весьма крутые горы, с которых вниз падают ручьи и водопады. Но это в прекрасную погоду. А когда ветер, то на озере возникают гигантские волны, которые с диким грохотом бьют о скалы. Пристать к берегу невозможно, но и плыть дальше нельзя. Все это мы на себе испытали, когда попали в крутую грозу. Так за день (на обратном пути, страшная гроза, молнии бьют в воду) и проскочили всю длину озера (70 км). Но сначала мы шли вдоль восточного берега. Посетили Яйлу – бывший центр заповедника (сад мичуринца Рачкина). Зашли в камгинский залив, переночевали в зимнике, а потом пошли по распадку реки Камги (от дресьвы до дресьвы) искать водопад Большой Шалтан. Идти пришлось прямо по воде сквозь сплошной бурелом, проросший высокой травой. Встречались медведи. Но не бурелом и медведи нас волновали, а впечатлили клещи (энцефалитные!), которых было видимо-невидимо. В добавок, пошёл дождь, уровень реки резко поднялся. Вода залила все ущелье и отрезала путь домой. На наше счастье мы встретили двух рыбаков, которые отвели нас в старый зимник. Там мы заночевали. Вернее всю ночь в голом виде просидели на нарах, меланхолично снимая с себя клещей и бросая их на раскаленную буржуйку. Дождь кончился, вода спала, вернулись, там туристы, мы предупредили о клещах – они посмеялись, о чём горько раскаялись. Потом мы продолжили путь на байдарке вдоль озера. Водопад Корбу – стена воды высотой 12 м. Лесничий в Кабыровском заливе («Клещей хватать?»). Чири – сад метеоролога и садовода Смирнова. Достигли ущелья Чулышмана и попытались подняться на лодке по этой реке вверх до Балыкчи. Дикие усилия по гребле продвинули нас против течения примерно на километр, после чего нас скинуло обратно. Приют Кырсай, заросли тростника. Мы обошли все озеро по периметру. Как известно, из Телецкого озера вытекает река Бия. Она начинается мостом и порогом. На этом этапе к нам присоединилась еще одна байдарка (два парня из лаборатории при Московском ламповом заводе). Мы вместе рванули вниз. 25 километров непрерывных порогов, среди которых один пятой (высшей) категории сложности, а два – четвертой. Летели, как на курьерском поезде. Двухметровые стоячие волны вертели наше судно, как щепку «В таких лодчонках по нашей реке плавать нельзя!». Но все обошлось, пробили один раз шкуру выше ватерлинии и все. Потом несколько дней плыли вниз до Бийска и хотя течение было быстрым непрерывно гребли. Всего по воде преодолели порядка 500 км. В Бийске съели гигантский арбуз и отправились в Москву на поезде из Бийска.

1967

Байдарочный поход с Идой по реке Воря на майские праздники, от Хотьково - Красноармейск. Захламлённая река. Плотины и текстильная фабрика.

1968

Майский байдарочный поход по реке Кержач, большая вода, поэтому начали довольно высоко, недалеко от города Александров. Трое (я, Юра Бит-Геворгизов и

Алексей Михалёв) в двухместной байдарке. Завалы, топляки, многочисленные разрушенные плотины ("топляк видишь?), г.Кержач со смешным памятником Ленину. Встреча с Ниной Соколовой, девочкой из нашего класса, река Клязьма.

1969

Летом байдарочный поход (Я и Ида) по реке Нара. Маршрут Нарофоминск – Серпухов.



1970

С Идой отправились в пеший поход по Горному Алтаю (примерно по 77-му туристскому маршруту, ~200 км пешком). Сначала добрались до Горно-Алтайска (Майма), а затем по Чемальскому тракту до курорта Чемал (родник «Золотой ключик», Усть-Сема, попутка с хлебом, правый берег Катунь горно-климатический курорт, пос. Эдиган, Катунские щеки, бушующий могучий поток). Оттуда через несколько хребтов (Сумультинский, Улаганский и др.) перевалили в долину Чулышмана. Снег на перевалах. Озеро Уймень, дикие скалы, как гигантские перья, воткнутые с размаху в землю. Шли в полном одиночестве. Нормальных карт не было, возникли проблемы с ориентированием. Пришлось преодолеть, четырнадцать перевалов. Поскольку мы шли в безлюдку на месяц, у нас были чрезвычайно тяжелые рюкзаки. О том, чтобы оторвать рюкзак от земли не могло быть и речи: лично я под свой мог только подползти. Такие рюкзаки невозможно нести по равнине, а тут – пересеченная местность (и ещё как пересеченная!), высота (2700 м на перевалах), нехватка кислорода, обрывы и осыпи, каньоны и реки, которые как-то надо преодолевать. Реки же бурные, а вода холодная. Уродовались мы страшно. Ида перед каждым подъемом на перевал принимала валидол. У неё обострилась астма, чуть не померла на перевале Штатив (крутизна склонов, узкие каменные карнизы, осыпи, веревки нет, крутой спуск, перевал четвертой сложности). Перевал Таныс: переход через пропасть по бревнышку, Ида повисает с рюкзаком вниз головой. Но мы преодолели все трудности и в одно прекрасное утро вышли к долине Чулышмана. То, что этот каньон самый глубокий в мире (почти полтора километра) я знал (да и бывал в нём уже два раза перед этим), но действительность превзошла все ожидания. Мы непрерывно бодром шагом спускались 13 часов! По дороге посетили интересный водопад, а к реке вышли буквально на полусогнутых (это при том, что продуктов у нас практически не осталось, и рюкзаки полегчали). На катере пересекли Телецкое озеро и на турбазе в Артыбаше стали думать, как выбираться. Автобусов не было. Решили сплавляться по Бие на огромной лодке с туристами. Ни пороги, ни волны такую лодку особенно не волновали – она лишь качалась. Но на Кабыровском пороге мы исхитрились врезаться в паром. Лодка немедленно развалилась, возникла страшная паника, туристы принялись давить друг друга, а мы с Идой оказались в воде. Я пересчитал спиной все ребра понтона (шрам есть до сих пор), прокатился по камням порога, но выплыл и даже спас штормовку с паспортом и деньгами. Ида же благополучно проскользнула вдоль понтонов и отделалась лёгким испугом. Нас

подобрал молоковоз и отвёз в пос. Турочак, откуда мы на Ракете отправились в Бийск (больная спина, чугунный рюкзак). Потеря денег и их находка. На поезде перекладных: Бийск – Москва добрались до дома (спина болит, мокрая одежда и спальники, плацкартный вагон).

1973

Мы с Идой путешествовали по Мещере. Байдарочный сплав по рекам Буже, Пре. Закидывались на автобусе. Реки быстрые, но между ними обширные озёра, сплошь поросшие камышом в рост человека. Куда нам плыть? Вставали поздно, собирались долго, но продвигались довольно быстро. Достигли Оки, попытались подняться вверх по течению (так ближе к пристани) – бесполезное дело, снесло вниз. Вечером нас подобрал Бакенщик, который шёл не торопясь, зажигая огни. Ночь в одиночестве провели на пристани, как пулемётные очереди трещали цепи дебаркадера. Утром пришла Ракета и с ветерком доставила нас в Рязань, откуда уже на поезде мы добрались до Москвы.

1974

Путешествие вдвоем с Идой по Алтаю (10-летие ЗеКа). Долетели до Барнаула, там пересели на Як-40 и перелетели в Горно-Алтайск. Горный туризм во всём цвету. В Майме с трудом погрузились в автобус (билетов не было на неделю вперёд), совершили бросок по маршруту: Бийск – Горно-Алтайск – пос.Шебалино (маралосовхоз) – Усть Кан – Усть Кокса – Тюнгур. Об этих местах слышал с детства, тут случилась засада крестьян, восставших против большевиков, и был полностью вырезан отряд красноармейцев под командованием Сухова, тот самый отряд, в котором воевал мой отец (сам он тогда остался на Бухтарме (Западный Алтай), скрываясь от белого восстания в бане его предводителя, под крылышком его дочери, параллельно исполнявшей обязанности любовницы отца). Горящие леса, запрет на походы, взятка паромщику, переправа через Катунь. Долгий и трудный (тяжелые рюкзаки подъём по долине реки Кучерла. Кучерлинское озеро (мешок воблы с неба). Катунский хребет – перевал Рига-Турист (камнепад в кулуарах, мощные курумники, высота – за 3000 м - дождь, снег, мы замерзаем, нас спасает пастух–алтаец), стойбище, юрта. айран – Аккемское озеро – Аккемская стена – ледники – гора Белуха (4506 м – высшая точка Сибири) – метеостанция – перевал Кузуяк – река Кучерла – река Катунь – Тюнгур – Усть-Кокса – Бийск. Ссора с Идой. Трудный путь назад: штурм поезда в Бийске. Обед на примусе в вагоне. Новосибирск – аэропорт Толмачёво, на самолёте в Москву.

1975

Байдарочный поход (Ида, Наташа) по рекам Кержач (*оса!!!*, Мешёра, бобры) и Клязьма. Долго пешком тащили мокрые байдарки.

1975

На майские праздники отправился в Кандалакшу (Белое море) купаться. Ночь стоял за штурвалом шхуны Арго (*на море кочек нет*). Адиль Искендеров – капитан. Зимник на мысе Кочинный. Осваивал акваланг и совершил первые погружения. Медузы, с щупальцами в виде фиолетовых конских волос, заросли водорослей-ламинарий, морские звёзды, размером с миску, актинии, аметисты и киты. Моторные лодки, отливы-приливы, треска и утки. Занятия подводным спортом в бассейне МГУ. Я – аквалангист.

1976

В январе (страшный мороз) по приглашению своего студента Адила (Алика) Искендерова отправился на Белое море на подлёдные погружения; купался в заливе, (день хода по льду от Кандалакши) на острове – территории Заповедника. Полярная ночь, воздух -36, вода -1,5°, толщина льда 110 см, резка льда для полыньи, северное сияние.

Погружения в прорубь с аквалангом под руководством ювелира Хоренкова. Вынырнул с трудом. Парашютистка Вера порвала уши, пришлось Алику на ней жениться. Размышления о подводном буксируемом детекторе ионизирующей радиации. Для повышения квалификации в Москве занялись (вместе с Искендеровым) подводным спортом: военно-морской бассейн «Дельфин» и 12-ти метровая башня. Трудная медицинская комиссия. Сдача экзамена (вязание морских узлов). Получение диплома, позволяющего мне работать в качестве профессионального водолаза.

1976

Поход по горам Кавказа (с Идой и Наташей). Маршрут: Владикавказ – Военно-грузинская дорога – река Терек – Дарьяльское ущелье – турлагерь в посёлке Казбеги (Степанцминда, высота 1744 м., реликтовая роща, старый храм, музей писателя и поэта Александра Казбеги, его персонаж Коба (разбойник, грузинский Робин Гуд) – Сталин) – подъём на гору Казбек (Гергетский ледник) – Крестовский перевал на автобусе, Пассанаури (родина хинкали, минеральные источники, слияние Белой и Чёрной Арагви), пеший переход, через лесные горы в Чаргали (на турбазе шашлык из форели, музей поэта (Важа Пшавела, 1861-1915), общение с его сыном писателем Вахтангом Разикашвили, твёрдый, как камень овечий сыр и водка, – готовность к драке на автобусной остановке) – Военно-грузинская дорога, на туристском Икарусе – выбитый вишней глаз – Тбилиси (тётя Акка) – Гудаута (домик у моря, абхазы-грузины – зреет конфликт).

1977

Белое море (Ида и Наташа): Кандалакша, парад Военно-морского флота (Наташа за штурвалом), переход на Йольдии (Наташа за румпелем, штурвала нет, преферанс в кубрике) – мыс Кочинный, акваланг, попытка погрузить Наташу, водные лыжи, киты, ловля трески. Приливы и отливы, чёрные пески, Наташи, подводные залежи аметиста. Кизи (в тот же день оттуда нас выкинули) – Ленинград – Павловск – Петергоф: фонтаны, балет и фейерверк. Эрмитаж и Петропавловка.

1978

Поход по Алтаю (Ида и Наташа): Бийск – Онгудай (ночевка под кроватью, попутка – газик с пьяным шофером, рюкзаки – отдельно на прицепе грузовика с кирпичом) – Чибит (а вещи где?), мост через Чую – Орой – Шабала – р.Шавла – оз. Шавло (идолы, снежная лавина, поход на ледник, подъём на перевал, снежная буря, холодная ночёвка в засыпанной снегом палатке, спуск обратно к Шавло). Самультинский перевал взять не удалось. Река и ущелье Аргут. Цветное фото, слайды, кино бмм. От моста через Чую до Акташа на открытом грузовике. Ночёвка в Акташе в палатке на берегу речки. Горно-Алтайск – гостиница – Бийск, в Москву билетов нет. Штурм поезда, ночь на третьих полках, Новосибирск – поезд до Москвы.

1979

Майский байдарочный поход по реке Протве с Идой, Наташей, коллегами Иды из 2-го Меда и их мужьями – психиатрами из Кашенко. Города Верея, Боровск, Обнинск. Я из забора изготавливаю нос байдарки. Половодье. Много байдарок, на некоторых чуть ли не грудные дети. Утопленница.

1979

Летом байдарочный поход (Ида, Наташа) по Тверце (небольшие пороги), платформа Осеченка, Ленинградская ж/д, г. Торжок, г. Тверь, Волга, Иваньковское водохранилище, спорт лагерь Конаково, победа в соревновании по гребле на распашной.

1981

Байдарочный поход по рекам Протве и Оке (с Идой и Наташей) до Павелецкой ж/д. Прыжок с двухэтажной плотины и контакт с бакеном. Наш последний байдарочный поход.

1982

Пеший поход по берегу Каспийского моря. С Идой, Наташей и В.Овчаренко. Турали-7 – база МГУ (крысы, рыбнадзор – главный браконьер, овечьи шкуры, понос, гигантский и пустой пляж) – переход по берегу моря, по крупным курумникам к компании Курдюмова К. (Школа Бекмана на берегу Курдюмова), источник полупресной воды, купания.

1983

Зимой поездка в Кандалакшу с Наташей и её одноклассниками. База аквалангистов в Кандалакше и Алик Искендеров – её начальник. Лыжи, дельтаплан, Подготовка к погружениям с аквалангами под лёд. Отмена водолазных работ. Приключения Димы Крылова.

1983

В августе с Идой и Наташей поход по маршруту Алма-Ата – озеро Иссык-Куль. Участвовал В.Шестаков и другие алма-атинцы. Перевал через хребты Заилийского Алатау. Цепочка трёх горных озер. Наташа на лошади. Стоянка в зарослях на берегу Иссык-Куля, высокие горы на том берегу, Чолпон-Ата, г.Фрунзе, Алма-Ата. С железом (и ножом) по железной дороге.

1984

Походы вокруг Алма-Аты. Альп-лагерь ночной переход Медео – Чумбулак – Туяксу. Баня на высоте 3000 м в Воинской части. Покорители Эвереста. Подъем с Шурой на пик Абая (-35⁰С, валенки, ледоруб, высота 4300 м, отсутствие акклиматизации, спуск по замерзшему водопаду). Танк-альпинист. Я – горнолыжник.

1988

Путешествие по маршруту Алма-Ата – озеро Иссык-Куль, я и Курдюмов с Брониславой, супруги Компаниец, Леха Уникум с женой, сестра Габиса. Курсайские озера, перевал, Чолпон-Ата – курорт в палатке, спасение утопающей.

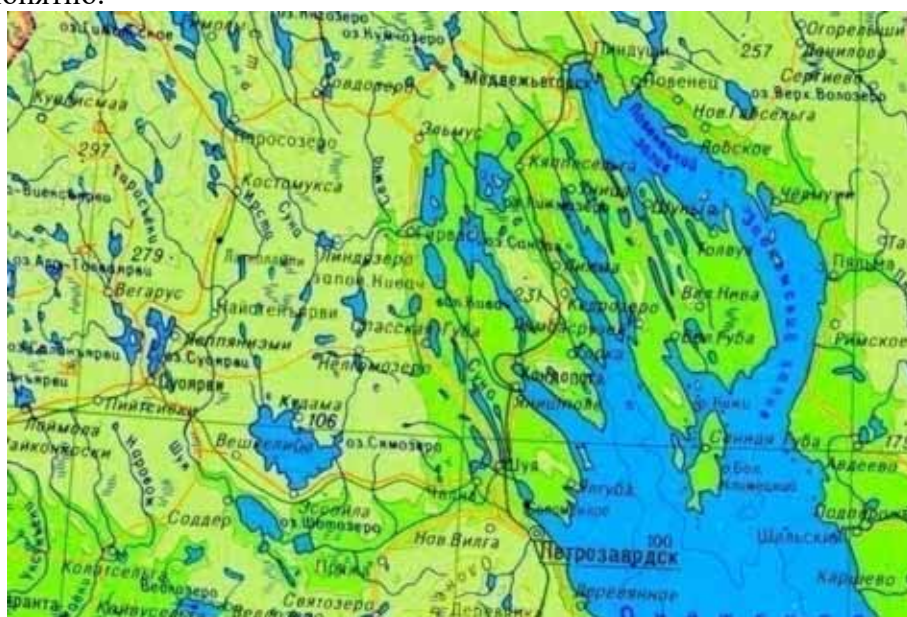
1991

Путешествие по Белому морю (с ИМ, Кандалакша ББС+Т.А. Бек, Кольская АЭС + Искандеров - профессиональный водолаз, фотопленка в обмен на пропуск в Кольскую АЭС, озеро Имандра, Лейла с дохлой чайкой, Пояконда и пьяная моторка, ББС – беломорская биологическая станция, зубатка и мой нос, поход по литорали (Ах, какие кашки!), купанье в пресном озере голых студенток, наш корабль таранит причал. На блюде (спасательном боте) Икендерова – ночью по заливу, вкусная уха (чем крутить штурвал?!), скала с катером на верху – памятник погибшему Хоренкову, лагерь московских аквалангистов, купанье ИМ и Лейлы в гидрокостюмах, ягоды и рыба, ториевые пески и монацит.

КАРЕЛИЯ и СОЛОВКИ

В апреле 1965 года я учился на шестом курсе хифака МГУ и готовился к очередной экспедиции. В поликлинике МГУ мне сделали прививку от энцефалита, и заразили желтухой. Так что вместо тайги я отправился в инфекционную больницу на 21 день. Выбрался оттуда крайне ослабленный с больной печенью аккурат перед защитой диплома. Защита прошла хорошо, хвалили, предрекали защиту кандидатской через два года (ушло семь). Жена Ида не стала брать академический отпуск на рождение дочери и защитилась в один день со мной на кафедре природных соединений (у Шабаровой и Швачкина). Меня оставили на кафедре в должности ассистента (редкий случай, я другого такого не знаю). За будущее я был спокоен.

После защиты дипломов, мы с женой купили байдарку: ярко красный Салют – новинка нашей промышленности. Лодка двухместная, не скоростная (каплевидной формы – передняя часть шире задней), неповоротливая, но прочная и надежная). К сожалению, никто из нас на байдарке не плавал. Не только на Салюте – вообще ни на какой. Как с ней управляться непонятно.



Карта байдарочного маршрута.

Решили, что надо её и себя испытать в деле. Потасили лодку в Химки и оттуда на Ракете на подводных крыльях отправились в самый дальний угол Клязьминского водохранилища. Долго собирали лодку, никак она не монтировалась, затем пытались совладать с вёслами, окатывали друг друга водой и задевали напарника веслом по голове, черпали бортами воду и разбивали руки о фальшборт. Я сидел впереди и пытался педалями управлять лодкой. Получалось плохо. Чуть не перевернулись. В конце концов, я сел сзади, сделал петли из рулевых верёвок, вдел в них ноги, Ида утвердилась впереди, нос лодки задрался, как у торпедного катера и мы поплыли. Так потом и действовали в дюжине последующих байдарочных походов. Особо тренироваться было некогда: пароход долго шёл сюда, долго – обратно (летел он быстро, но расстояния большие), вечность собирали, а потом разбирали и сушили байдарку, так что тренинг длился менее часа. Но мы уверились, что мы – спецы, годные для преодоления любых трудностей водного туризма.

Намылились в Карелию, край интересный, там и реки, и озёра. Мы там не были, но много слышали. Интеллигентный человек должен приобщиться.

Отправился в городской тур-клуб, что на Садовом кольце во дворе дома-комода Чехова. Там – множество отчётов по водным маршрутам по Карелии. День напряжённого труда, и я составил план своего путешествия. Перечертил авторучкой и карандашом на

кальку детали пути. Заодно что-то прочёл о Кижях и Соловках. Из детской клеёнки (благо дочери было полтора года, и она в них уже не нуждалась) сшили и склеили длинные мешки для спальников и одежды. Крушения нам не страшны. Но всё же первый раз плыть одним на байдарке стрёмно. Ида нашла нам пару: Наташу, которая делала диплом на той же кафедре и её приятеля Марка. У них байдарка была, и они один раз на ней сходили по речке Наре. Погрузились мы в поезд (с лодками и туристским барахлом это не просто) и поехали.

В Петрозаводске завфрактовали машину. Сложили в "Волгу" байдарки, рюкзаки, сами легли сверху, размесившись где-то под потолком. Добрались до первого озера, выгрузились и начали собирать лодки. У нас каркас из дюрала. Он выдержал издевательства, а у коллег – Луч на деревянной основе. Наташа встала в лежащую на земле лодку и сломала стрингер. Пришлось мне чинить. Наконец, всё готово – поплыли.



Носильщик!



Носильщики-капитаны.



Матросы.

Оказалось, что я выбрал длинный и сложный маршрут. Он включал систему озер, мелких и крупных рек, таёжные волоки. Мы боролись, то с ветром и огромными волнами на больших (не видно берегов) озёрах, то с камнями и стоячими волнами на порогах, перекатах, то с бревнами молевого сплава. Реки оказались разными. Были – широкие и спокойные, по которым могли бы ходить катера (если бы они были в наличии, естественно), но были

и буйные, с порогами и шиверами, были совсем узкие и мелкие, по которым байдарка с трудом протискивалась, а через сплошные завалы её приходилось перетаскивать. Тогда это уже был поход не на байдарке, а с байдаркой. Иногда плыли не столько по реке, сколько по лесу, между деревьями, стоящими по пояс в воде.

Однажды вода кончилась и возникла необходимость волока. Километров восемь по тайге. Так себе перспектива! Вытащили из воды лодки, просушили, разобрали, упаковали в тюки. Совсем уж собрались тащить своё богатство по лесам и болотам, как сам-собой возник старичок с лошадей и телегой. Вызвался нас подвести. То, что на карте было обозначено дорогой, реальности не соответствовало. Просто, кто-то однажды проехал по лесу и проложил путь. Мы шли по его следу. Телега прыгала и качалась на всех степенях свободы. Изредка, что-то из вещей слетало с неё и плюхалось в болотную тину. Мы шли пешком и подстраховывали транспорт. Тучи комаров. Почти, как в Сибири. Диметилфталат не помог. "Кежемские комары недавно телёнка съели", – утешил нас Сусанин. Всю дорогу он ругал химиков: "Как химически извести человека знают, а комара, мелкую мошку не могут". Мы не признались ему, что мы как раз те самые химики, но указали ему, что не будет комаров, не будет и рыбы. С экологией надо быть осторожным. Добрались до очередного озера, разбили лагерь, напоили старика спиртом, уложили в телегу и отправили обратно. Лошадь дорогу знает. Довезёт.



Флот к походу готов!



Днёвка.

Пересекли новое озеро. Из него вытекала речка. Место очень красивое. Решили там стать, но оно было занято. Большой отряд – восемь человек. Мы было взгрустнули, но они нас пригласили и мы встали рядом. Ребята были заняты – варили уху. Тройную! Однако, что есть тройная уха они точно не знали. Поэтому основные усилия тратили на споры друг с другом. В ведро с рыбой опускали марлю с рыбой, но, видимо не совсем подходящей. По якутской

практике я знал, как варится настоящая тройная уха, но вмешиваться не стал. Костёр горел хорошо, вода кипела, но уха вариться категорически отказывалась. Где-то в два часа ночи приступили к трапезе. Мы достали спирт.

Запань– ловушка для брёвен и байдарок.

Я из-за желтухи пить не мог, даже запах был противен. Ида налила спирт себе в большую, пол-литровую кружку с округлёнными коаями. Это – ошибка. Из такой посуды пить опасно, надо



– из стакана, лучше – гранёного. Может и обошлось бы, но Ида перехватила мой завистливый взгляд и поперхнулась. Еле привели её в чувство. Больше она так не делала.

Плавали мы теперь ночами: светло как днём, не жарко, тихо, и комаров меньше. Гребли долго, и прибыли на песчаный берег озера. Прекрасный пляж и вода тёплая. Поставили палатки, проспали весь день, а потом и ночь. Так что устроили днёвку и купались. Даже я. Попытался поймать рыбу, но клёва не было.

В каком-то небольшом озере расслабились, и вяло гребли, загорая. Озеро внезапно кончилось водопадом. Мы вошли в него боком! Уже на сливе развернулись. Мало того, что мы летели куда-то вниз в грохоте воды, так ещё проход был узким и извилистым. Но главное, по обоим берегам громоздились брёвна. Если бы нас прижало к ним – нам конец. Пронесло. На большой скорости влетели мы в запань – уловитель брёвен (и байдарок с туристами заодно). Путь преграждали бонны – направляющие сооружения. Брёвна, связанные цепями, шли вдоль берегов, а потом перегораживали реку. Молевой сплав. Прибывающие сверху деревья оказывались в ловушке. Прибыли в ловушку и мы. Плотнейшая упаковка из брёвен, но живая. Брёвна (а это стволы деревьев длиной 6 метров и 1 метр в диаметре) шевелились, крутились вокруг оси, вставали на дыбы, подныривали друг под друга. Грубая кора, сучья, короткие, но крепкие и толстые, щепы на комлях. Течение несло нас вперёд и скоро мы превратились в аналог брёвен. С более тонкой шкурой, однако, и существенно менее прочной. Любой сучок прорвёт борт от носа до кормы. Пойдём мы ко дну, и сомкнутся брёвна над нашими головами. Ситуация выглядела безнадёжной. И, надо признать, она действительно была таковой. Сужу профессионально. Я участвовал во множестве походов и экспедиций. Погибал не раз. Но, пожалуй, этот случай был самым опасным. Как известно, дуракам везёт. Вдоль берега, вверх по реке, по чистой воде, с другой стороны бона, на одноместной байдарке перемещался турист. Он врубился в ситуацию. Она ему знакома. Он встал во весь рост и начал шестом-корягой медленно раздвигать бревна, мы, со своей стороны, аккуратно отпихивая вёслами стволы деревьев, двинулись к нему. Наконец, мы встретились. Он прыгнул на борт и утопил его. Перетащили через загородку байдарку, сказали "Спасибо" и поплыли дальше. Дёшево отделались...

Стране нужно много древесины: и для производства бумаги, и на срубы, и на дрова, и на экспорт (валюту). Заготавливали его везде, но дорог мало. Лесосплав – массовый, наиболее дешёвый, а в некоторых районах единственный вид транспорта древесины. Но он очень неэкологичен, много леса тонет, захламляет дно (у некоторых рек Карелии дно стало деревянным) и берега реки (по берегам реки, в паре метров от воды



лежали многочисленные стволы деревьев, вытянутые по направлению течения). В сужениях рек – завалы. Их нужно разбирать. А для туристов молевой сплав вообще смертельная опасность. О ней, составляя маршрут в Москве, я не имел не малейшего представления. В настоящее время в России сплав запрещён, так что путешествуя, можно не опасаться этой напасти.

Оверкиль на ровном месте.

Какое-то время мы двигались по слаломным речкам, оглядываясь по сторонам и увёртываясь от плывущих попутным курсом брёвен. Достигли очередного озера, в котором господствовал буксир с длинной и активно дымящей трубой. Звали его «Донец». Интересно, что он на полном ходу врубался в брёвна, но нос его оставался цел. Более того, корабль этот выскакивал на берег, пересекал песчаные косы и даже бодро бегал по болоту. Как ему это удавалось – не понял. Пошёл сильный и, как потом оказалось, продолжительный дождь. Мужики на катере оказались душевными, взяли нас на борт.



Несколько часов, сидя в тесном и душном кубрике мы куда-то плыли. Допили с экипажем остатки спирта. К утру достигли противоположного конца озера.

Карельский дом.

Местная лесозаготовительная промышленность сказалась на нас особым образом. Плыли мы по озерцу, и путь нам преградил на редкость длинный деревянный лоток. Видимо, откуда-то сверху по нему спускали брёвна. Сейчас их

не было, но в лотке бурлила и клочкотала вода. Она падала с высоты 2 метра в озеро, в метрах трёх от берега. Мы посчитали, что это расстояние вполне достаточно для прохождения нашей лодки. Однако, когда мы приблизились, водоворот, образуемый водопадом, увлёк нас байдарки совершенно не в ту сторону, куда бы нам хотелось. Ида встала, взяла весло за одну лопасть, а другой попыталась зацепиться за куст на берегу. Произошло то, что и должно было произойти. Ида рухнула в воду и перевернула байдарку. И меня вместе с ней. Я оказался в воде, но плыть не смог. Глубина водоёма хоть и была выше колена, но заметно ниже пояса. Расстояние до берега было около метра. Плыть не имело никакого смысла. Я в заплыв не пошёл, а просто встал, утонув в тине, и попытался перевернуть байдарку. Не тут-то было. Лодка оказалась необычайно тяжёлой. Ставили её на киль вчетвером. Вещи промокли не сильно, так что мы отделались лёгким испугом.



Кондопожская ГЭС на реке Суна в районе водопада Гирвас.

Интересно, что проведя порядка двадцати байдарочных походов, в том числе – по слаломным рекам, мы ни разу не переворачивали и не топили лодку. Однако, всё испытать надо. Вот здесь и испытали. Чем и ограничились.

В Карелии замечательные пейзажи. Есть на что посмотреть! Недаром Калерия – значит "зовущая", "манящая". Но, пожалуй, самая занятная достопримечательность – местные дома, большие, высокие, сложенные из огромных брёвен, украшенные резьбой. Стоят столетиями. Такие теперь не строят. Секрет утерян, а жаль.

От Ковдозера начали сплав по Суне. Берега каменистые, но встречаются песчаные участки с пляжами. Красивый рельеф образован моренно-грядовой равниной с небольшими перепадами высот. Хвойный леса, с подлеском, небольшие участки травянистых болот и мелколиственных насаждений. Пороги не серьёзные, скорее –

шиверы. Берега образованы из завалов камней и редко имеют скалистые выходы. Скорость течения увеличилась, мы услышали грохот падающей воды. "Водопад Гирвас", сообразили мы. Гирвас в переводе лось. Возможно, их много в окрестных лесах. Однако мы не встречали. Решили, что спускаться по водопаду нам не стоит. Остановились, поставили палатки и легли спать. Завтра сходим – посмотрим. Утром пошли на экскурсию. Нас ждало разочарование – водопад был выходным.



Водопад Гирвас, когда он трудится для туристов.

Для туристов. А так-то он как раз работал: воду отводили на Кондоположскую ГЭС, старейшую в России: её начали строить в 1916 году! О былом водопаде напоминала лишь белая пена, убегающая вниз по реке. Вид сверху очень красив, ГЭС где-то за деревьями и не портит пейзаж. Вода течёт тремя струями, пусть её немного, но она есть. Высота падения довольно большая, ~15 м. Ниже по течению Суны есть ещё один водопад, Пор-Порог называется. Высота почти 17 м.. Мы к нему прошли пешком (3 км), но он тоже был выходной. Вообще-то Пор-Порог – не один водопад: это целая система водопадов, окруженная высокими склонами. Стоит посмотреть. Если бы мы плыли по Суне дальше, то достигли бы водопада Кивач (высота 11 м), а далее прибыли бы в Кондопожский залив с городом Кондопога. Но нам туда ещё было рано.



По этому озеру нам ещё плыть и плыть.

По мелким речкам достигли северного берега озера Сандал и устремились на юг. Отчалили от высокого берега. Пришлось выгребать! Озеро длинное – километров 40, довольно широкое (местами 7 км). Островов много, но мы к ним не приставали. Шли, не отвлекаясь. Впервые наблюдал интересный эффект. Гребёшь изо всех сил, лодка несётся вперёд, как моторка.

Смотришь назад: берег удаляется, деревья становятся всё меньше и меньше, и исчезают, смотришь вперёд: цель не приближается. Час, второй, третий... Сзади уже ничего нет, а впереди, как торчала труба Кондопожского завода, так и торчит. И не собирается приближаться. (Потом такой эффект у меня был с защитой докторской диссертации).

Сначала озеро было спокойно. Но постепенно раскачалось. Поднялась волна. Ветер был не попутным и не встречным. Дул он спереди и в левую скулу. Сопротивление движению возросло: парусность есть парусность. Хуже, что волна билась в бок, плескаясь в байдарку. Количество воды в лодке постепенно увеличивалось. Приходилось судно направлять против фронта волны, идя галсами. Поэтому путь резко увеличился. Высота волн возросла. Штормило. Перспективы безрадостны. Но мы шли и шли. К трубе. В одном месте случилось что-то невероятное. Волны стали обрушиваться на нас сразу со всех сторон. Крестовая волна. Редкая по силе гадость, доложу я вам. Может и потопить. Сандал, наконец, (10 часов безостановочной гребли) кончился, вошли в небольшое



спокойное Нигозеро и прибыли в Кондопогу. Водная часть маршрута кончилась. Пошли знакомиться с достопримечательностями.

Кажется, озеро начало раскачиваться.

Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат, выпускающий газетную бумагу и керамический кирпич нас не интересовал, хотя он довольно большой. Где-то в округе есть известная каменоломня мрамора,

из которого строились дворцы в Москве и Питере, и облицовывались станции московского метро, где-то добывали болотную железную руду и дымили металлургические заводы. Но сейчас не до них. Мы хотели приобщиться к деревянному зодчеству. Пришли на мыс, вдающийся в Чупа-губу (Кондопожская губа Онежского озера). На этом месте церкви стояли с 1563 года. Находящаяся здесь деревянная Успенская церковь построена в 1774 году в память о погибших участников Кижского восстания 1769-1771 гг., в котором приняли участие и крестьяне Кондопожской волости. Шатровая одноглавая церковь, с высоким крыльцом (12 ступеней). Основной объем – два восьмерика с повалом, поставленные на четверик, с прямоугольным алтарным прирубом и двумя висячими крыльцами.

Именно здесь мы впервые услышали: четверик на восьмерике, шестерик на четверике, которыми потом козыряли на различных экскурсиях. Высота церкви - 42 м, считай 12-ти этажный дом. Внутри – иконостас в стиле барокко и иконописный потолок-небо. Это небо – единственный образец композиции «Божественная литургия» в



действующей церкви. В центральном медальоне неба – образ «Христос Великий Архиерей». Непосредственно вокруг Христа, на рамке центрального кольца, и на 16 гранях, херувимы с серафимами и ангелы в дьяконском облачении с литургическими атрибутами в руках, движущиеся по кругу с запада на восток. Службы в церкви проводятся лишь летом во время православных праздников.

Успенская церковь в Кондопоге.

Пошли на вокзал, где байдарки художественно зашили во вкладыши спальников и отправили тихой скоростью в Москву по Октябрьской железной дороге. Мы

тоже сели в поезд и через час оказались в Петрозаводске. Я тогда не знал, что здесь живёт целый клан Бекманов, а то бы посетил. Сели на пароход и пошли на остров Киж.

Пароход причалил, прошли по шаткому причалу и вступили на твёрдую землю. Остров был пуст. Когда-то здесь игрались языческие капища (кижи в переводе – игрище, место для игр, праздников), был центр огромного района, тут каким-то образом размещались три металлургических завода, которые плавил медь и железо из болотной руды, гремело многолетнее и многолюдное восстание рабочих и крестьян. Теперь пусто, обзор во все стороны. Остров плоский, но холм есть – Нарьина гора называется. С одного края две церкви и колокольня, с другого несколько домов. Место называется Кижский погост. Погост – это деревня с приходской церковью и кладбищем при ней. Деревня как-то ощущается, церковь явно тоже, но ни кладбища ни могил нет, у церкви 2-3 покосившихся креста и это всё. Змеи, змеи кругом, того и гляди заползут в палатку.



Туристы шумною толпою обошли храм, подивились, вернулись на пароход и уплыли. Мы отошли от храма метров на 300, поставили палатки и стали в них жить.

Тишина!

В Кондопоге древняя церковь стоит на мысу.

А когда-то тут шумно было. Кижское восстание с перерывами длилось почти 100 лет (1680-1770). Бунтовали государственные крестьяне, приписанные к Олонецким

горным заводам. Стране много пушек требовалось, поэтому правительство приписало крестьян Кижского погоста к заводским работам (рубка дров, жжение угля, заготовка руды). Народу это не нравилось, работяги боролись за свои права. Кончилось тем, что 1.07.1771 у ограды преображенской церкви собралось две тысячи крестьян (интересно, как они сюда добирались, пароходов ведь не было, и как они тут вообще разместились, где жили, чем питались?). Сюда же прибыл карательный отряд, посланный Екатериной Второй. Он, применил артиллерию и сломил сопротивление. Кого казнили, кого пороли, кого на каторгу, кого в солдаты.

Финны и немцы во Вторую мировую войну здесь были, надписи на колокольне вырезали на своих языках. Но ушли. Ничего не спалили.

Церкви, особенно главная, замечательны. Чудо света. Конечно, нужно быть гением, чтобы это придумать, срубить и украсить. Как любят писать журналисты – без единого гвоздя. Идиоты! Нигде в мире при возведении срубов гвозди не используются, ибо не нужны и вредны. Я собственноручно построил с нуля несколько срубов в Якутии и Горном Алтае, да два плота из мощных брёвен. И в лапу рубил и в обло. Были у меня гвозди? Ни одного! Ни какого, ни большого, ни маленького. Пила и топор. Однажды стамеска, но это так – украшения делать. И, поди, стоят эти срубы до сих пор, если не спалил их безбашенный турист. Так что и здесь гвоздей не было, разве что крышу крепить, так и то гвозди были деревянными. Это так, к слову.

Главный храм – Церковь Преображения Господня построена в 1714 на месте одноимённой шатровой церкви, сгоревшей в 1694 от удара молнии. Высота от основания до креста 37 м, размер в плане 20,6×29 м. Относится к типу деревянных восьмериковых ярусных церквей. Основа – восьмигранный сруб («восьмерик») с четырьмя двухступенчатыми прирубами, расположенными по сторонам света. Алтарный восточный прируб имеет в плане форму пятиугольника. С запада к основному сруб примыкает

невысокий сруб трапезной. На нижний восьмерик последовательно поставлены ещё два восьмигранных сруба меньших размеров. Церковь увенчана двадцатью двумя главами, размещенными ярусами на кровлях прирубов и восьмериков, имеющих криволинейную форму кровли (бочка). Форма и размеры глав меняются по ярусам, что придает ритмический рисунок облику церкви. Трапезная перекрыта трехскатной крышей. Вход в церковь выполнен в форме двухвходного крытого крыльца на консолях. Сруб – из сосны, лемех куполов и бочек – осиновый. Иконостас – четырёхъярусный, составлен из 102 икон, есть и конца 17-го века. Этот храм – летний. Зимой в нём службы не проводились.

Прощай байдарка!



Рядом зимний храм – Церковь Покрова Богородицы, построенный в 1764 году. Высота церкви – 27 м, общая длина – 32 м, ширина – 8,7 м. Восемь главок Покровской церкви окружают девятую, центральную. Купола этого храма отличаются выразительностью и в то же время они скромны и не затеняют величие церкви Преображения. Эта церковь пирамидальна, Покровская же

расширяется кверху в верхней части восьмерика и завершается плавным повалом. Украшена скупой зубчатый резной фронтоный пояс – один из немногих декоративных элементов этого храма.



Остров Киж.

Высокое одномаршевое крыльцо ведёт во внутренние помещения церкви, которых четыре. Они располагаются друг за другом – с запада на восток. Сначала – сени, необходимые в любом северном строении, затем – трапезная. Трапезная – место мирской сходы, на котором жители погоста обсуждали насущные житейские дела, здесь происходили судебные разбирательства, оглашались царские и воеводские указы, выбирались должностные лица и прочее. Иконостас – четырёхрядный тябловый. Есть иконы второй половины 17-го века.

Между храмами стоит колокольня, построенная в 1862 из сосны и осины. Восьмерик на четверике с высоким в 2/3 высоты сруба четвериком. Над восьмериком

устроена звонница с девятью столбами. Шатер увенчан лемеховой главкой с крестом. В плане четверик разделен двумя продольными стенами на три части: сени, лестничную клетку и чулан. По высоте внутренний объём сруба колокольни делится перекрытиями на три яруса. На звонницу ведёт пятимаршевая лестница. Четверик с юга на север прорезан сквозным проходом с высокими арочными порталами. Перед входами устроены невысокие рубленые площадки крылец. Есть один колокол.



Жаль, что создатель храма неизвестен.



Церкви в Кижях.

Неделя прошла – пора возвращаться на большую землю. Но на Онеге возник сильный шторм, пароход не пришёл. Ночевали на киоске дебаркадера, в который набилось довольно много неизвестно откуда взявшегося народа. "Интересно, что сюда должна была прибыть моя шефиня, Калерия Борисовна", сказал я Иде. Из темноты мне ответили: "Калерия Борисовна была здесь две недели назад и уже уехала в Москву". "Какая Калерия Борисовна? Заборенко?" "В Советском Союзе Калерия Борисовна только одна" – наставительно сказал голос. Жаль, хотелось бы встретить Карелию в Карелии.

Днём пароход пришёл, мы погрузились и поехали. Совсем не так комфортно, как плыли на Кижы. Озеро штормило, крутая волна сильнейшим образом раскачивало

плоскодонное судно. Началась эпидемия морской болезни. Пассажиры толпились у борта, свешиваясь за борт. Их рвало. На борту оказалась подруга Иды – Катя Сидорова – дочка академика Векслера (сотрудница Зильбера) со своим мужем-капризулей, который непрерывно её третировал. Она мне запомнилась тем, что как-то, не помню уж по какому поводу, она воскликнула: "Я не биолог, слава Богу". Ценная фраза. Я потом её часто использовал.

Прибыли в Петрозаводск и стали решать, что делать дальше. Мы, вроде, намылились в Соловки. Неожиданно наши спутники засобирались домой. Они подсчитали траты, и предъявили нам счёт. Он был не очень справедлив, но хуже другое – у нас денег было в обрез, мы полагали, что все расчёты проведём в Москве, где у нас с финансами всё в порядке. А здесь запасы скудны. У них же денег было вполне достаточно, чтобы добраться до столицы. Можно было бы подождать с конфискацией. Однако, пришлось им наши деньги отдать. Мы обиделись, расстались с ними и больше никогда не встречались. Как потом показала жизнь, эта история банальна. Совместные подвиги и пуд съеденной соли к дружбе не ведут.

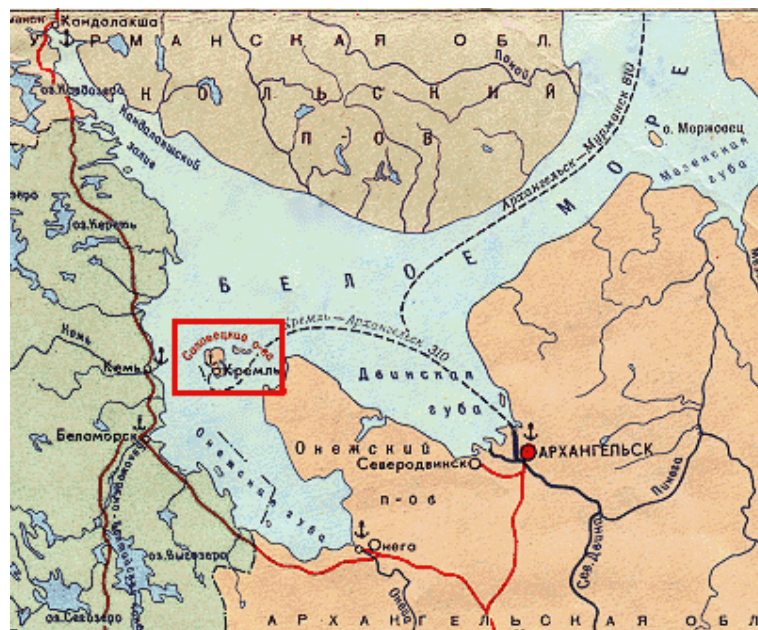
У нас были деньги ровно на то, чтобы купить билеты и без особых проблем добраться до Москвы. Но дело пошло на принцип. Мы сели в поезд и отправились на север. Без билета. Дали три рубля проводнице с тем, что довезёт до места. Но она нас сдала контролёрам. Меня высадили на каком-то полустанке, и я побежал к кассе. Успел взять билет, вскочил на подножку, и мы поехали, как законные пассажиры. Полсуммы сэкономили, но денег не стало.

Прибыли мы в город Кемь (*А я иду по деревянным городам, где мостовые скрепят, как половицы*). Уселись на бережку и стали ждать какой-нибудь транспорт на острова. Оказалось, что официально туда ничего не ходит, однако, что-то может быть когда-нибудь пойдёт на военную базу, тогда может быть и нас возьмёт (*наверное я не знаю, но вероятно вряд ли*). Ждали, ждали и дождались. Пришло нечто размером с сейнер, но приспособленное к перевозке людей. Нас, интеллигентов, набралось человек двадцать. Все погрузились. Переправились без проблем, море спокойно. Встречались байдарки. Как они ориентируются, если берегов не видать? Запросто мимо острова проскочишь и уйдёшь в Архангельск. Если догребёшь, конечно). Какой-то ушлый матросик подходил к пассажирам и предлагал заплатить ему за проезд. Мы отказались: деревня маленькая, а нищих до чёрта. Бог подаст!

Соловецкий остров оказался вовсе не островом, а архипелагом, в котором чуть ли не 100 островов, 6 крупных; тот, на который мы направляемся, называется Большой Соловецкий. Он действительно большой – площадь 246 км². Там – посёлок, административно он подчинён Архангельску. Хотя до Архангельска далеко – километров 300. Главная достопримечательность здесь – Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь. Мужской – это понятно, осталось узнать, что такое ставропигиальный. Какой-то дятка на борту растолковал, что по-гречески это означает водружение креста, а по нашему – высокий статус, присваиваемый монастырям, что даёт независимость от местной епархиальной власти и подчинение непосредственно патриарху. По положению, крест водружается собственноручно патриархом, но я сомневаюсь, что наши патриархи на это способны.

Немного истории.

Люди на этих островах пребывали уже в древние времена (чуть ли не с середины 6-го тысячелетия до новой эры). Древний человек где-то во 2-ом веке до н.э. на Заяцком острове построил каменные спиралевидные лабиринты, диаметром 25 м. Зачем – понятно: чтобы покойник не смог вернуться из рая обратно. А то с него станет! Славянские колонисты прибыли на архипелаг в 12-ом веке, а в начале 15-века здесь поселились первые монахи и организовали православный монастырь.



Карта участка Белого моря с Соловецкими островами.



Соловецкие острова.



Соловецкий кремль. Вид сверху и с разных сторон.



Вид кремля с моря.



Вид на кремль со стороны Святого озера.

В 1429 до Соловков добрался монах Савватий, который незадолго до этого встретил преподобного Германа. Датой основания монашеского поселения считают 1436 – время появления на Соловках преподобного Зосимы. В 1460-х годах на островах были построены три деревянные церкви. В 1534-1548 в число братии был принят святой Филипп (Фёдор Колычев), будущий игумен монастыря, обеспечивший экономическое развитие монастыря. В середине XVI в. под руководством Колычева в монастыре бурно развивалось каменное строительство. В 1582 (во время Ливонской войны) началось возведение каменной стены вокруг монастыря. Начиная строительство вологодский зодчий – Иван Михайлов, продолжил его монах Трифон Кологривов. Территория монастыря была окружена массивными стенами (высота – от 8 до 11 м, толщина – от 4 до 6 м) с 7 воротами и 8 башнями (высота башен 12-17 м). Стены сооружены из огромных камней (валунов) размером до 5 метров. Общая протяженность крепостных стен 1200 метров. Стены огораживают территорию в 4 га. Башни имеют шатры со смотрильнями, высота башни с шатром – 30 метров. Верхняя часть крепостной стены сложена из

кирпича. Крепость имеет форму вытянутого пятиугольника. Угловые башни вынесены за объём крепостной стены, что позволяет простреливать поверхность стены, затрудняя для неприятеля штурм крепости. Подход к монастырю со стороны моря защищает Успенская (Арсенальная) башня, включенная в западное прясло.

Сделано это было своевременно! Шведские эскадры подходили к островам с дурными намерениями в 1571, 1667 и 1708 гг. Их неизменно отгоняли. В 1854 Соловецкий монастырь отражает нападение двух английских военных кораблей силами 50 военных (инвалидная команда, не солдаты, а охранники заключённых), вооружённых восемью пушками (200-летнего возраста), установленными на стенах и двумя полевыми орудиями. Англичане потребовали сдачи монастыря, но архимандрит Александр отказал. После этого англичане открыли по монастырю огонь из всех орудий. Бомбардировка продолжалась 9 часов.

Справедливости ради, надо сказать, что у англичан тоже были проблемы: бухта Благополучия имеет сложный рельеф дна: мели и рифы. Отливы-приливы серьёзно меняют ситуацию. Лоций нет. К монастырю близко не подойдёшь. Пришлось стрелять с дальней дистанции. Лесистый островок заслонял монастырь. Англичане не знали ширину крепости, они полагали, что их ядра рвутся внутри. На самом деле они перелетали и монастырь и его обе стены, и тонули в Святом озере. Оба полевые орудия отвечали на огонь кораблей. В 6 часов вечера англичане удалились, разрушив лишь здание выстроенной на берегу гостиницы. Потерь в монастыре не было.

Хоть и отвлёку от рассказа о нашем путешествии, но приведу историю этой битвы.

В 1854 Английские военные корабли неустанно бороздили хмурые воды Белого моря, пытаясь помешать плаванью русских купеческих кораблей, а если возможно, то захватить Архангельск и Соловецкие острова. 6 июля два трёхмачтовых шестидесятипушечных фрегата “Бриск” и “Миранда” появились на рейде у бухты Благополучия и встали против расположенной на берегу двухпушечной батареи, скрытой за скалистым пригорком. На кораблях подняли переговорные флаги. Монахи, понятия не имевшие и не знавшие о таком способе переговоров, безмолвствовали. Англичане, чтобы привлечь внимание, произвели три выстрела, наши ответили двумя. Тогда англичане неожиданно открыли огонь по монастырю – на него градом полетели бомбы и ядра. Монастырские пушки не могли открыть огонь. Их бомбы могли попасть в береговых пушкарей. Фрегат “Миранда” приблизился к острову, ведя сильный огонь. Улучив момент и хорошенько прицелившись, пушкарь береговой батареи метким выстрелом угодил в “Миранду” и пробил борт корабля. После стрельбы, продолжавшейся целый час, фрегат “Миранда” отошёл за мыс и начал у всех на виду ремонтироваться. 7.07 в 5 часов утра от фрегата “Бриск” отошла шлюпка с белым флагом. Она доставила на берег письмо, в котором командир английской эскадры капитан Эрасмус Оммани ультимативно потребовал немедленной сдачи гарнизона Соловецкой крепости. При отказе Оммани грозил уничтожить монастырь, превратить его в груды дымящихся развалин. Вестовой на лодке повёз ответ английскому командиру. Ответ гласил: “Так как в монастыре гарнизона нет, то и сдаваться, как военнопленным, некому”. Далее следовала подпись “Соловецкий монастырь”. В монастыре зазвонили колокола, во всех его соборах и церквях начались молебны. По Большому монастырскому двору пошёл крестный ход. В то же время монахи и воины-ветераны хлопотали у стареньких пушек. Положение было тяжёлое. Против 120 новых усовершенствованных английских орудий, стрелявших 96-фунтовыми и трехпудовыми снарядами, монастырь располагал только 10 исправными старинными пушками, из которых два века тому назад стреляли ещё по шведам. И в живой силе у англичан было почти пятикратное превосходство. Англичане открыли ураганный артиллерийский огонь по монастырю. Рокошущий гул выстрелов и свист ядер смешались с колокольным звоном. Бомбы с оглушительным грохотом разрывались возле стен Соловецкого монастыря и на монастырских дворах. Они отскакивали от могучих гранитных стен, не причиняя им вреда. С неба падал настоящий огненный град. Бомбы падали и в море и, перелетев через монастырь, в Святое озеро. Озеро, говорят, кипело от ядер. Ветра не было – стоял полнейший штиль. Густой едкий пороховой дым непроницаемой тучей повис над английскими кораблями, заволакивая и скрывая от них цель. Пока враги обстреливали монастырь, за его восточной стеной, спрятавшись в кустах за огромными валунами, притаились крестьяне, монахи, богомольцы, странники и даже временно выпущенные заключённые. Сидели кто с топором, кто с бердышом, кто с дубинкой, а кто и просто с тяжёлым

камнем, готовые в любую минуту броситься на врагов. Они ожидали высадки врага на остров. Но десанта не последовало. Англичане боялись схватиться с русскими в рукопашном бою. Они предпочитали обстреливать монастырь с дальнего расстояния, находясь в полной безопасности. Девять с лишним часов продолжался ожесточенный обстрел Соловецкого монастыря. И когда, наконец, пороховой дым рассеялся, англичане с изумлением увидели вместо ожидаемых развалин – стены, башни и соборы Соловецкого монастыря, целёхонькие и невредимые, по-прежнему спокойно отражающиеся в зеркальной глади бухты Благополучия; конечно, кое-какие повреждения были, но очень незначительные. По признанию самих англичан, этим количеством снарядов можно было бы разрушить по крайней мере шесть городов! Около 5 часов после полудня, когда канонада начала утихать, пролетело со свистом 96-фунтовое ядро по направлению к Преображенскому собору, пробив стену и верхнюю часть образа “Знамения” Пресвятой Богородицы; ядро с шумом упало на землю. Это был последний неприятельский выстрел, следы которого доселе остаются на святой иконе Царицы Небесной. Страшный день между тем близился к концу, дым выстрелов мало-помалу рассеялся, и солнце тихо клонилось к западу. Никто не спал в эту ночь: все ожидали на другой день нового нападения, готовились к страшному событию молитвой, постом и слезами. 8 июня в 3 часа ночи во всех храмах совершались литургии, после чего все собрались у мощей преподобных на молебен; после же молебна был крестный ход по галерее крепости. Сквозь амбразуры можно было видеть действия неприятеля; все ожидали новых ужасов канонады, но неприятель, снявшись с якоря, медленно стал удаляться. “Бриск” и “Миранда” отошли к Большому Заяцкому острову. Они обстреляли его и, не услышав ответных выстрелов (на острове были только два старика, сторожившие церковь), высадились на остров, разбили топорами дверь Андреевской церкви, сломали церковную кружку, разбросали медные деньги, украли три маленьких колокола и несколько серебряных вещей. Затем английские корабли удалились в море, не рискуя больше оставаться около монастыря. Они ещё долго разбойничали на поморских землях. Как только неприятель скрылся из виду, обрадованные иноки совершили молебен посреди монастырской ограды перед образом “Знамения” Божией Матери, пробитым выстрелами неприятеля. Спасение обители поистине было дело чудесное. Обстрел Соловецкой обители вызвал возмущение в Англии. “Подвиги” фрегатов “Бриск” и “Миранда” опозорили английский флот и нанесли тяжёлый удар по его престижу. За поражение под Соловецким монастырем капитан Эрасмус Омман был с позором разжалован и снят с должности. В память о героической обороне монастыря монахи собрали все неразорвавшиеся бомбы (их оказалось 212), множество осколков и из них сложили три пирамиды, окружив их решетчатой оградой.

16.06.1855 английская военная эскадра вновь появилась у Большого Заяцкого острова. Группа моряков с кораблей высадилась на остров и похитила дюжину пасущихся здесь баранов. Неприятель нуждался в свежем провианте, в монастырь было послано требование выдать скот. Настоятель отказал, но, опасаясь новой бомбардировки, предложил командующему эскадрой встретиться на берегу для переговоров. 22 июня переговоры состоялись на побережье в отдалении от монастыря. После этих переговоров начальник английской эскадры за неотдачу быков послал через монаха Мемнона с Большого Заяцкого острова настоятелю пулю пистолетную в медной трубке, которая хранится в ризнице монастырской.

В 1919 англичане, наконец, высадились на Соловках в составе войск Антанты, но были быстро оттуда выгнаны.

Монастырь, однако, штурмовали не только иностранцы. Свои тоже не ленились. В 1667 началось знаменитое соловецкое восстание: иноки не хотели принимать новопечатных книг, противились реформам Никона, отстаивали старую веру. Они даже отказались молиться за здоровье царя! Интересно, что на этих идеях объединились и начальники и узники. Заключённые: архимандрит монастыря под Звенигородом Никанор, Осип Пирютин – сын боярский, ротмистр рейтарского строя; Сильвестр – участник разбойных походов и грабежей на Волге, князь Львов, участники крестьянской войны под предводительством Степана Разина, сотники Исачко Воронин и Сашко Васильев приняли активное участие соловецком восстании. Осада монастыря стрельцами длилась 8 лет (соловецкое сидение). Монахи защищали крепость и отражали все атаки воеводы И.А.Мещеринова. Бастион пал в результате предательства: измена монаха Феофиста, показавшего тайный вход в монастырь, открыла ворота монастыря. Ночью 22.01.1678 из рва Онуфриевой церкви Мещеринов с 50 стрельцами пробрался в монастырь. С насельниками монастыря Мещеринов поступил варварски, все деревья вокруг монастыря

были увешаны трупами монахов, часть монахов была выгнана Мещериновым на морскую губу и там они были заморожены. Выжило 14 человек. Монастырь был разграблен стрельцами. Вскоре его заселили новые монахи, появились и новые заключённые. Естественно, что одним из первых стал Иван Алексеевич Мещеринов. Его судили по обвинению в причинённых насилиях, обвинили в краже монастырской казны. Просидел он 4 года, освободился, ещё 5 лет был воеводой в Козмодемьянске, да в Сумском остроге.



Такую башню ядром не пробьёшь.

Монастырь был задуман как остров спасения в мирском море, но оказалось, что в нём можно устроить замечательную тюрьму. В 1554 сюда Иваном Грозным был сослан игумен Артемий, бывший настоятель Троице-Сергиева монастыря – нестяжатель, проповедник самоусовершенствования. Тягу к знаниям поощрял. За что и сел. Игуменом он был всего несколько месяцев, покинув монастырь "за совестью". На Соловках его особо не притесняли, и он сумел бежать в Литву. Сильвестра обвинил в ереси и упёк в монастырь друг и советчик (духовник) Ивана Грозного, автор «Домостроя», благовещенский поп Сильвестр. Не стоит удивляться, что вскоре сюда под конвоем прибыл он и прибыл. Здесь каторжником и умер. Одним из первых соловецких узников был последователь философа Максима Грека нестяжатель Сильван.

В 1579 на острове произошло радостное событие: была сооружена первая тюрьма. В одной из башен были организованы специальные тюремные кельи – маленькие, тёмные помещения с небольшими отверстиями вместо двери, через которые заключённые проникали внутрь. Камеры заключённых располагались по всей территории монастыря. Тюрьма на Соловках была самым строгим и самым вместительным среди православных монастырских мест заключения вплоть до конца XVIII в., когда в Суздальском Спасо-Ефимиевском монастыре открылось специальное «арестантское отделение». Соловецкий острог объединял в себе функции главной тюрьмы духовного ведомства и секретной государственной темницы. Режим содержания узников зависел от персональных инструкций, поступавших в тюрьму вместе с арестантами с материка, а также от человеческих качеств настоятелей, возглавлявших монастырь. Некоторых заключённых предписывалось содержать взаперти «под крепким караулом до смерти», заковав в ручные и ножные кандалы; других достаточно было держать на привязи цепью к стене камеры; иных надлежало «использовать вечно в тягчайших трудах» под строгим надзором братии. Сроки заключения были огромные, практически пожизненные. Некоторые арестанты маялись по 20–40 лет, известны случаи, превышавшие 60 лет, но большинство погибало в первые годы заключения. В 1798 под тюрьму было приспособлено выстроенное ранее здание, а в 1842 для заключённых построили специальный трёхэтажный дом и особые

казармы для тюремной охраны. В новой тюрьме в полуподземном нижнем этаже были небольшие чуланы, без лавок и окон, куда помещали особо важных преступников. В XIX в. заключённых морили дымом, замуровывали, пытали. В 1835 была проведена жандармская ревизия, которая признала, что заключённые несли наказания, значительно превышавшие их вину. После проверки несколько заключённых освободили, а некоторые были переведены в обычные монастырские кельи. Был издан указ, запретивший сажать в монастырские тюрьмы без разрешения императора. Последние заключённые Соловецкой монастырской тюрьмы были выведены в 1883, но караульные солдаты оставались до 1886.

Монастырский уклад часто перевоспитывал заключённых. Некоторые узники продолжали жить в обители после освобождения, пополняя ряды братии. Запорожский атаман Пётр Калнышевский провёл 26 лет в холодной камере размером 1 на 2 м. После помилования императором Александром I в возрасте 110 лет, будучи практически слепым, не захотел возвращаться на родину и остался в монастыре. Скопец Антон Дмитриев, пробыл в заточении 60 лет. Был помилован, но до смерти жил при монастыре в гостинице для паломников. Иеромонах Иероним, освобождённый из заключения, но, восхищённый красотой северной природы, поселился на Соловках, где прожил 15 лет до своей смерти.

За три столетия через Соловецкую тюрьму прошло 500 заключённых. Среди них сосланные «по делам веры» и государственные преступники. Узниками были составитель «Домостроя», нестяжатель, протопоп Сильвестр; крещёный татарский царевич, слуга Ивана Грозного, а одно время даже его соправитель, касимовский хан, потомок Чингисхана, правнук правителя Золотой орды, князь Симеон Бекбулатович; управляющий печатным двором князь Михаил Львов; противник никоновских реформ, знаменитый справщик книг при патриархе Никоне грек Арсений; архимандрит Саввино-Строжевского монастыря, царский любимец Никанор; Феофан – архимандрит одного из афонских монастырей; выдающийся деятель Смутного времени Авраамий Палицын; келарь Троице-Сергиева монастыря, воевода, писатель и историк, автор повести об осаде Троицкого монастыря поляками; последний кошевой атаман Запорожской Сечи Петр Кальнишевский; сенатор, дипломат, управляющий Тайной Канцелярией при Петре I граф Пётр Толстой и его сын Иван; его враг, наставник Петра II, член Верховного Тайного Совета, генерал-фельдмаршал князь В.М. Долгорукий (просидел здесь 8 лет, потом ему, как изменнику, отрубили голову в Шлиссельбурге) тоже с сыном; дипломат, губернатор Смоленска, Казани и Ревеля, тайный советник, сенатор, президент Комерц-коллегии, граф Платон Иванович Мусин-Пушкин, выступивший против бироновщины, прибывший на Соловки после жестокой пытки с отрезанием языка, и битья кнутом (Елизавета его освободила); борец за освобождение Польши Иоанн Елонский; самозванец Тимофей Курдинов, называвший себя принцем Иоанном; принявшие православие еврей Павел Федоров и перс Александр Михайлов (посадили, чтобы они не вернулись обратно в свою веру); агент наполеоновской разведки, видный французский сановник, соучастник побега императора Наполеона из заключения с острова Эльба Август Турнель; декабристы А. Горожанский и Ф.П. Шаховской; сочувствовавший декабристам Павел Ганнибал, крепостной философ Фёдор Подшивалов; участники тайного общества, студенты московского университета Николай Попов и Михаил Критский; лидер секты прыгунов Максим Рудомёткин; рабочие Яков Потапов и Матвей Григорьев; Адриан Пушкин, выдвинувший концепцию объединения мировых церквей, старообрядцы, скопцы, хлысты, субботники и много кто ещё. Рекорд установил раскольник Семён Шубин, проведший в заключении 63 года. Те ещё ребята были...

Но всё это – детские игры по сравнению с тем, что учинили борцы за свободу и народное счастье, захватившие власть в России в 1917. Владимир Ильич первым делом организовал помимо тюрем, каторг и ссылок, ещё и концлагеря. Не столько для монархистов и каких-то там кадетов, а для бывших союзников – активистов партий, помогавших большевикам взять власть: меньшевиков, эсеров и т.п. . Значительную часть

заклѹченнѹх составляли «политические» – духовенство, офицеры белого движения, дворяне, интеллигенция.

В 1918 отряды красногвардейцев конфисковали часть продовольственных запасов монастыря. В 1920 сюда прибыла комиссия М.С. Кедрова (в 1941 после пыток расстрелян своими коллегами), Соловецкий монастырь был ликвидирован и его руководство сослано. Архимандрит Вениамин (Кононов), последний настоятель Соловецкой обители, и его келейник иеромонах Никифор (Кучин) были убиты (сожжены заживо) в лесной избушке близ реки Лодьма в районе Волкоозера на Пасху 1928. На месте монастыря были организованы совхоз «Соловки» и (в 1920) лагерь принудительных работ (сначала для военнопленных Гражданской войны). В 1923 этот лагерь перерос в СЛОН – Соловецкие лагеря особого назначения. В 1937 он был реорганизован в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН). В 1939 её расформировали. Архипелаг был передан Северному флоту, на островах был организован учебный отряд Северного флота (1940), который готовил пулеметчиков, зенитчиков, боцманов, мотористов, коков и др. Пятеро соловецких выпускников стали Героями Советского Союза. В 1942 начинает работать подрывная-диверсионная радиостанция советской разведки, выдающая себя за "повстанческие" немецкую и финскую радиостанции.

Особое назначение Соловецких лагерей состояло в том, что там для «исправления», а не за провинность, первоначально изолировались люди, представляющие угрозу для советской идеи лишь только фактом своего существования. В Лагере печатались свои деньги, издавались газеты и журналы. Свыше шестидесяти соловецких монахов, принявших декларацию митрополита Сергия и ставших «обновленцами», работали в лагере вольнонаемными инструкторами. Имелось несколько театров и научное общество, изучавшее природу и памятники истории на территории лагеря. Осенью 1937 две тысячи соловецких заключенных, отобранных по решению тюремной администрации, были расстреляны. Вскоре тех, кто приговаривал, и кто расстреливал тоже расстреляли. Чекист, поднявший над Соловецким монастырем красный флаг, через три года вернулся в Соловки – уже как заключенный. Архангельский чиновник, первым предложивший превратить беломорский архипелаг в большой концлагерь, расстрелян. Заместитель председателя ВЧК, подготовивший Постановление ВЦИК СССР об Особых лагерях на Соловках, расстрелян. Глава правительства СССР и его управляющий делами, подписавшие документ о создании Соловецких лагерей особого назначения, расстреляны. Жизненные пути многих и многих руководителей Соловецкого концлагеря были тоже принудительно оборваны.

Возвращаясь к нашему путешествию. Отягощенный знаниями, полученными в турклубе, я решительно направился в обход монастыря к небольшому лесу. С таким видом, будто бывал здесь неоднократно. Видя такое дело, за мной потянулся народ. На симпатичной поляне разбили палаточный лагерь. Я распоряжался уже не только женой, но и каждым, кто подвернулся под руку. Познакомились.

На другой день отправились на экскурсию в монастырь. Вошли крепость через надвратную церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Внутри – плотная застройка. Всё каменное. В той или иной мере разрушается, хотя кое-где начались восстановительные работы. Храмов я насчитал пять, но может быть их больше. Нас собралось человек 12. Какое-то время мы топтались на Германовском дворике, соображая куда бы нам пойти. Появилась женщина – историк из Ленинграда. Стала нас водить и рассказывать.

Спасо-Преображенский собор – главный храм. Построен в 155-66 годах неизвестно кем. Он имеет высокие стены, объединяет несколько престолов на разных ярусах. Мощные наклонные стены (толщина у основания – 4, у завершения – 3,5), отсутствие горизонтального членения, массивные лопатки способствуют устремленности храма ввысь. Здание трехъярусное. В лагерное время Спасо-Преображенский был объявлен заповедником. Здесь находилось отделение антирелигиозного музея, и располагались

экспозиции по иконописи (до 2000 икон) и церковной утвари, а также была представлена коллекция медных гравюр. В храме некоторое время находились мощи Соловецких святых: преподобных Зосимы, Савватия и Германа, Иринарха и Елеазара. Теперь никаких мощей нет. Во внутрь храма нас не пустили. Около собора есть могила Пётра Андреевича Толстого, когда он прибыл сюда, ему было 84 года, через полгода он скончался, а через год умер от цинги его сын Иван. Где его могила неизвестно.

Успенский Трапезный комплекс возводился в 1552–1557 гг. Это первый каменный храм на Соловках. Трапезная – самая большая из себе подобных, построенных в монастырях России. Есть ещё Никольский храм, рядом с которым находится колокольня. Высота её – 50 метров. Она возведена в 1777 на валунном основании прежней трехшатровой звонницы. В начале XX века на соловецкой колокольне насчитывалось 35 колоколов. Все они куда-то делись. Свято-Троицкий Зосимо-Савватиевский собор сооружен в 1859. В лагерное время в соборе размещалась 13-я карантинная рота. Здесь от нескольких недель до нескольких месяцев находились все прибывшие в лагерь заключенные. В 40–50-х гг в храме размещалась столовая Учебного отряда Северного флота. Галерея-переход связала Спасо-Преображенский собор, Успенский Трапезный комплекс, Никольскую церковь, колокольню и Свято-Троицкий собор. В 1923 на Соловецкой колокольне произошёл большой пожар, причём такой силы, что некоторые колокола оплавилась. Сгорел длинный шпиль колокольни. Администрация лагерей не стала проводить реставрацию и вместо сброшенного креста над куполом колокольни установила сваренную из металлических конструкций звезду.

Могила здесь должно быть огромное множество. Но их мало. Экскурсовод рассказывала только о захоронениях святых, внёсших вклад в строительство монастыря, о могиле Толстого и Авраамия Палицына (прощённый он с почётом был захоронен у собора Преображения Господня). И это всё. Мы прошли по галереям, заглядывая в помещения. Ничего интересного. Всё, как в нашей школе: полстены зелёная, половина белая, между ними полоска. Никаких религиозных росписей. Говорят лишь в Благовещенской церкви (домовая церковь настоятеля) сохранились конструкция иконостаса и почти в полном составе настенная живопись. Мы не видели. В 1925-1937 в храме размещался лагерьный музей (вот его экспозицию стоило бы посмотреть!).

Снова вышли во двор. По периметру, его окружали монашеские кельи, окна которых выходят на соборную площадь. Здесь, похоже, теперь гостиница. Нам не интересно – у нас свой дом есть. Осмотрели хозяйственные сооружения: мельница, портомойка и сушило. Как сказала экскурсовод, во время соловецкого сидения, монах-предатель указал осаждавшим тайный проход, который находился как раз под Сушилом. Рядом с этим сушилом находятся ямы – подземные тюрьмы. Они хорошо сохранились. Не иначе, как их использовали в советское время. Показали нам и камеры в монастырских башнях и стенах. Они имеют форму усечённого конуса длиной около трёх метров, шириной и высотой по два метра, в узком конце – один метр. В верхних этажах Головленковской башни Соловецкого монастыря камеры ещё теснее: 1,4 метра в длину, 1 метр в ширину и высоту. Маленькое оконце служило не для освещения, а только для подачи пищи. В камере нельзя было лежать, узник спал в полусогнутом состоянии. Вот они – ужасы царизма.

О лагере 30-х годов я тогда мало знал. Экскурсовод – явная диссидентка последними словами крыла советскую власть и её порядки. Хотя оттепель ещё продолжалась (Хрущёва сняли год назад), но таких речей в нашем мире уже не было. Она показывала следы пуль на кремлёвской стене, образовавшиеся при расстрелах. Не знаю, насколько хорошо она знала историю СЛОН и СТОН, выяснить это не удалось – экскурсия быстро кончилась. Тётя успела рассказать о борьбе за создание музея. Сейчас они с трудом удаляли из монастыря воинскую часть, но вместо неё сюда пытались вернуться монахи, обещая выгнать вон ещё не созданный музей.

Покинули монастырь и стали бродить по окрестностям. Монастырь был богатым: имел свой флот и первый на Севере России сухой док, радиостанцию, гидроэлектростанцию – одну из первых в стране, развитую сеть морских промыслов, ремесленных и сельскохозяйственных производств. Кремль стоит на перешейке – на одной стороне довольно закрытый залив Белого моря, на другом – Святое озеро. На берегу его находится каменная кузница 17-го века. Недалеко двухэтажный Луковый корпус, напротив него – Никольский корпус. В них жили богомольцы. Есть ещё какие-то старые строения: остатки гончарного завода, монастырского училища, и что-то ещё. К северу от монастыря сохранились валунная белецкая баня, здание кожевенного завода XVIII века, две смолокурни XIX века. Раньше было много солеварен, но их следов не видно. Вблизи моря, рядом с монастырем, находятся три бывшие монастырские гостиницы XIX века. Больница в старом доме. Ещё в начале 17-го века была построена водяная мельница, которая работала на одном из трёх каналов, идущих из Святого озера в море. Здание сохранило свой первоначальный облик. Это самая нарядная в монастыре хозяйственная постройка. Где-то есть пекарня. Печёт замечательный хлеб. Попробовали и запомнили на всю жизнь. Равно как соловецкую селёдку. Даже только ради этого стоило посетить Соловки!

О существовании когда-то здесь лагерей ничего не напоминало. Ни бараков, ни колючей проволоки, не лозунгов. Полный контраст с виденным мной в Верхоянском крае. Кто-то постарался.

В нашем лагере я занялся поиском дров (трудная задача, всё собрано и подметено). Потом организовал воду и костёр. За это богатые соседи нас накормили. Спасибо! Принцип известен: дядьки дадут. В последующие дни бродили по острову. По нему когда-то хорошо прошёл ледник: много песка. Но всё он не стесал – есть холмы: гора Секирная (73 м) и гора Поднебесная (80 м). Имя горы "Секирная" означает "Лесосечная", "Лесорубочная". На ней первые монахи Герман и Савватий рубили лес для строительства кельи. На вершине горы стоит Вознесенская церковь. Белый каменный одноглавый храм виден издали, с самых неожиданных точек, за очередным поворотом дороги, со стороны какого-нибудь лесного озера и с моря. Венчает здание башенка самого высокого на Беломорье маяка, свет которого виден в ночное время с расстояния до шестидесяти километров. В период белых ночей его не включают. Со смотровой площадки, устроенной на вершине горы, открывается великолепная панорама северной части Большого Соловецкого острова. Во времена концлагеря здесь располагалось IV отделение СЛОН – штрафной изолятор. В 30-е годы бытовала пословица: «вся Россия боится Соловков, а все Соловки боятся Секирной горы!». Сюда высылали не отбывать наказание, а умирать. Методы были самыми изощренными. Например, заключённых привязывали к бревну и сбрасывали с крутой лестницы, ведущей к вершине горы.

О дорогах ничего путного сказать не могу. По дороге мы шли только на Секирную гору. Говорят, здесь когда-то была железная дорога и один вагон. Не знаю, ничего подходящего не встретил.

Посетили мы Ботанический сад, основанный аж в 1822 (Макарьевская пустынь). Он находится в холмистой местности, между озёрами Нижний Перт и Пустынное. Площадь 5 га. Здесь произрастают растения, высаженные монахами в начале 20-го века и заключёнными СЛОН. Красными цветами цветёт бадан толстолистный, есть сибирские кедры и яблони, липа, черёмуха, розы и много других растений. Я в них не разбираюсь. Говорят раньше здесь была оранжерея, в которой росли цветы, арбузы, дыни, персики. Петра Первого угощали арбузами.

Соловецкий архипелаг расположен в 160 км от Полярного круга. Климат морской, с переходом к континентальному, по среднегодовым характеристикам более тёплый, чем на материке. Здесь мягкая зима и прохладное лето. Остров лесист: сосна и ель. Но всё довольно заболочено. Встречается и тундра, точнее – псевдотундра поскольку отсутствует вечная мерзлота.

Рек тут нет, есть несколько родников. Зато озёр то ли 300, то ли 400. Кто их считал? Они связаны сетью каналов (242 соединения). Протяжённость судоходных каналов 12 км. Вода в них течёт сама собой. Гигантский труд! Вроде их прокопали монахи, хотя и лагерники, надо полагать, приняли участие. Сейчас вид довольно запущенный, стенки обрушаются. Взяли лодку и проплыли, насколько можно. Каналы узкие, но глубокие. Впечатления остались большие.

Естественно мы регулярно выходили на берег моря. Монахи активно осваивали морские профессии. Они сами строили в монастырском доке корабли, причём не только парусные вельботы или шхуны, но и пароходы. Монастырские суда были укомплектованы экипажами из монахов и совершали регулярные пассажирские и грузовые рейсы из Архангельска и Онежской губы. Были они и активными рыбаками. Благо тут сельдь ходит косяками. Она бывает мелкой (22 см) и крупной (34 см). Монахи от моря валунной дамбой отделили небольшой залив, где были устроены садки. Погода не всегда благоприятствовала рыбной ловле, и они вынуждены были запасаться рыбой впрок. Причём рыбой ценных пород. Монахи также вели промысел морского зверя, весной, прыгая с льдины на льдину.



Соловецкие каналы в разные времена года.

Во второй половине XIX века была сооружена дамба – грандиозный каменный мост, соединивший острова Соловецкий и Большая Муксалма. Его протяженность 1200 м, ширина от 6 до 15 м и высота около 4 м. В дамбе имеются три арки для прохода карбасов и воды во время приливов-отливов. Руководил строительством монах Феокист (из крестьян). Под его же руководством строилась набережная Святого озера, обустроивалась гавань, был расширен и углублен сухой док. Сухой док был сооружен на канале, идущем из Святого озера в море, для ремонта и строительства судов. При его заполнении и осушении использовалась разница уровней между Святым озером и морем. Работает он на отливно-приливных течениях Белого моря. На канале находился и не сохранившийся до наших дней лесопильный завод, уникальный в том смысле, что почти не требовал обслуживающего персонала. Завод долго не проработал – весь строевой лес на острове был быстро истреблён.

На Соловках я впервые познакомился с приливом-отливом. На Чёрном море этого нет. Здесь этот эффект возникал два раза в сутки. Высота его до 0,8 м. На крутом берегу отлив не очень чувствовался, но на отмелях – ещё как! Вода буквально на глазах куда-то убегала, обнажая заросли водорослей – ламинарий. Высота их достигала двух метров: выходи и коси. Местные жители занимались этим активно. На всех заборах-плетнях висели эти рыжие водоросли и сохли. Их сдают на выделение йода. Есть ли такой завод на острове так и не узнал. Вода довольно солёная, температура в районе 18°. Некоторые дамы купались. Я не стал.

Никаких зверей мы не встречали, хотя они здесь где-то обитают. Птицы есть, но почему-то нет ворон. Отдельно следует упомянуть чаек. Они везде. Редкая по силе

гадость. Вопят – спать нельзя, скандалят и дерутся, даже на людей нападают. За что беломорская большеклювная чайка стала символом Соловков? Не понятно!

Несколько дней провели на острове. Пора домой. Простились с новыми друзьями. Они нам одолжили немного денег. Пошли на пристань. Там толпа народа. Причём нервного – катера уже несколько дней нет. Интеллектуалы озверели. Пришёл катер и интеллигенты бросились на его штурм ещё до того, как он причалил. Начали интенсивно давить друг друга, норовя скинуть в море (катер то стучался о причал, то отходил, свалившийся в образовавшийся зазор должен проститься с жизнью – раздавит обратным ходом). Никогда такого ни до, ни после не наблюдал. С тех пор держусь от толпы подальше. Особенно, если она состоит из любителей истории и искусства. Образованцы по трупам пойдут только так.

Я вынырнул из толпы и с огромным рюкзаком за спиной по вертикальной стене, цепляясь за какие-то скобы, без всякого трапа забрался на катер. Потом схватил за капюшон Иду. Она тоже с большим рюкзаком сделала немыслимый прыжок через фальш-борт. Личный рекорд Гиннеса. За всю жизнь повторить не удалось. Катер перегрузился, осел, но пошёл и доставил нас в Кежму. Платить за перевоз мы не стали: как я, кажется, упоминал, свободных денег у нас нет.

В Кеми по деревянной дороге побежали на вокзал, ловить мурманский поезд. Тут с Идой случился астматический припадок. Очень сильный, перехватило горло, не могла дышать. Еле добрались до поезда. Взяли его штурмом. Поехали. В купе возник какой-то спор. Ида заявила оппоненту: "Я не собираюсь с вами дискутировать". Искусствовед изумился. Он думал, что если дискуссия, то надо говорить дискутировать. Уела!

В Кеми мы купили билет (с пересадкой в Ленинграде) на медленный, почтовый поезд, но зато до места. В Ленинграде нас ждал облом: подали скорый (сидячий) поезд. Потребовали от нас платы за скорость. Мы вывернули все карманы, собрали мелочь, и нам хватило! Более того. Мы пошли на Невский проспект и купили два бутерброда! Торжественно прибыли в Москву. Голодные, но счастливые. Осталась у нас на двоих одна монета, 2 копейки, позвонили тестю, он приехал за нами на такси.

Через месяц пошёл на склады Ленинградского вокзала получать байдарку. Там в ангаре распахнули дверь и сказали: "Ищи своё". Проблема в том, что помещение неизвестного, но, видимо, большого объёма оказалось до потолка завалено багажом. Дверь открыть удалось, но войти внутрь нельзя. В гордом одиночестве я начал разбирать завалы. Несколько часов работы и я увидел кусочек вкладыша, в который мы зашили байдарку. Потянул на себя – не тут-то было. На байдарке лежал рояль. Настоящий концертный рояль в деревянном ящике. Много мне пришлось потрудиться, пока удалось извлечь лодку. Дома оказалось, что она повреждена: шкура, к счастью, цела, но стрингера и шпангоуты погнуты. Так что я всю зиму имел занятие – выпрямлял детали.

Ида долго разыскивала новых друзей с целью отдать занятые деньги. Те категорически отказались получить свои 3 рубля.

В мире существует некоторое странное равновесие. Близкие друзья тебя бросают, а незнакомые люди выручают. Так и живём...

*_*_*

После Карелии у нас было много байдарочных походов. Всегда без спутников: только Ида и Я. Все реки Подмосковья, некоторые по несколько раз. Были и более дальние и опасные походы-путешествия. По Белому морю, по Бие, Телецкому походу. Когда Наташа подросла (перешла во второй класс) стали ходить втроём. Байдарочные походы чередовали с горными: Кавказ (гора Казбек и окрестности), Алтай (четыре похода, Аккемское и Кучерлинское озера, озёра Шавла, Катунь, гора Белуха, Чемал, Чулышман, Акташ, Телецкое озеро) и много куда ещё. Позднее уже гуляли по границам.

Странно, но рассказы получились только по первому, карельскому походу. По некоторым другим описание я сделал, но рассказов не писал.

Сволочи

Сиеста в Испании, это когда полдень, а ты лежишь себе под балдахином и почиваешь до ужина. А здесь в Карелии жара, как в Сахаре, ни ветерка (это на берегу-то гигантского озера!), валяешься на спальнике с завернутой в штормовку головой и никакого тебе кайфа. Зной, слепни да мухи. Ну и комары, естественно. Нет отдохновения от трудов праведных. Все руки – в водяных мозолях. Ноют, заразы. Нужно было взять перчатки, а не пижонить.

– Ой, какие красивые лодочки приплыли к нам в гости!

Так, начинается. Чёрт-таки кого-то принес.

Олег приподнялся и сел. Настоящий эстамп! На фоне ослепительно блестящего озера, между стремительными линиями красных байдарок выгравлена фигура старичка – лесовичка.

– И как это вы на такой хлипкой посудине по нашим озерам ходите? В жизни, в такую не сел.

– Что делать? Каждому свое!

– Послушай, дед – очнулся от созерцания себя и природы Евгений, – девчонки наши пошли спросить машину до Паль-озера. Как мыслишь, достанут?

– Чего захотели! Сюда трактор года три не заглядывал.

– Дороги нет?

– Есть дорога, да ездить сюда некому и незачем. Захирел хутор. Весной последнего старика свезли. Он махнул рукой в сторону крестов на острове. Летом, правда, наезжают с центральной усадьбы, вроде как на дачу, на сенокос, да, бывает, пастухи заходят.

Однако! Из Москвы все казалось проще. На карте дорога – почти шоссе. Кусок километров в пятнадцать. На себе тащить и лодки и груз – работа на любителя. Большого любителя приключений. Нужно привыкнуть к мысли, а тут божий одуванчик мельтешит. Теперь от него не отделаться.

– Помочь, однако, людям надо, – сам себе сказал старик, – ту всю ночь не спал и сегодня в ночное, но ничего не поделаешь.

Ребята молчали.

– Телега у меня есть. Свезу ваши лодки до озера, если просека позволит.

– Ну! – обрадовался Олег, – вы нас спасете. А дорогу Вы знаете?

– Так ведь это я сейчас конюх в колхозе, а раньше егерем в заповеднике служил.

– Что ж ушли? – из чувства благодарности Женя поддерживал разговор.

– Выгнали! Из-за дружка. Завалил он зимой сохатого. Жить-то надо. Так – ему срок, а меня под зад коленом. За то, что не донес, значит. А просеки почитай, что и нет – заросла вся. Если пожар или ещё что – во век не продерёшься. Мы-то пройдем как-нибудь. Вы – ребята здоровые.

– Слушай, дед, можно ли на хуторе купить хлеба и картошки?

– Нельзя, но я захвачу.

...Когда раздался грохот телеги, байдарки были уже на берегу и даже слегка подсохли. Марьяна сидела на рюкзаке, а Инна в свой ещё что-то запихивала.

– Вот, берите, что есть, – старик протянул плетёную корзину, в которой поверх картошки лежал каравай хлеба домашней выпечки.

– Сколько с нас? – спросил Женя, расстегивая пуговицу на заднем кармане брюк.

– Ничего не надо!

Ну, кто бы спорил... Не спешите платить. Пусть, как следует, попросят. Пусть очень хорошо попросят. И тогда все равно не спешите платить!

– Спасибо! И Олегу: Взяли?

Ребята подняли первую байдарку.

– А почему мою вниз? – бросилась к ним Инна.

– Тьфу! Ну, давай нашу.

С чувством полного самопожертвования Олег взялся за свою байдарку.

– Тряпка ты, а не толстовец, – бросила ему жена со своего места, – вечно мы должны уступать.

– Пускай!

После часа возни, удалось, наконец, уложить в узкую, как гроб, телегу две байдарки, одну на другую, засунуть в них вещи и все это стянуть веревками.

– Но, Дума! – старик встряхнул вожжами.

Караван тронулся. Солнце клонилось в Запад и, следовательно, должно стать прохладнее. Однако лапласовский детерминизм помогал мало: пекло продолжалось. Об раздеться не могло быть и речи. Слепни и овода густо покрывали быющую себя хвостом кобылу. Перспективы прогулок нагишом были понятны. А в штормовке, как в сауне.

Сначала шли через хутор. Вдоль берега разбросан был десяток кубиков – бани. За ними возвышались огромные двухэтажные избы с многочисленными пристройками. Все говорило о былом избытке леса, умелых руках и достатке. Какая здесь была жизнь, когда это строилось, осваивалось, переделывалось! Кишело людьми, детьми и скотиной. Теперь – тишина кладбищенская.

Конечно, сейчас подобные избы можно посмотреть в Кижях. Однако Кижь – ритуальный, а не жилой остров и собранные со всей Онеги дома, церкви, мельницы, амбары, овины выглядят, как театральные декорации. Неправдоподобно крепкие и красивые. Хутор же представлял собой хорошо сохранившиеся развалины. Некогда величественные, рубленные из толстых стволов сосен, любовно крашенные затейливой резьбой, они почернели и грузно осели, кто вниз, а кто на бок. О бывших огородах можно было судить по кое-где торчащим из кустов плетням.

Наглядная агитация: русские пришли. Коммуняки, к тому же.

– Да, не дают жить мужику, ворчал Иван Фомич. Скоро от хутора следа не останется. Как финны ушли, а колхозы укрупнили – пошло, поехало – не остановишь. Народ все к центральной усадьбе тянется, да в город на заработки.

Ребята слегка посмеивались над старичком-ретроградом, но было грустно.

Сразу за последней избой начинался запущенный лес. Сплошные заросли, но деревья мелкие, сосен нет. Если кто и захотел бы реконструкции срубов, то строить ему все равно не из чего. Бывшая дорога, а теперь неупорядоченная просека перелезала через невысокие холмы, периодически огибая огромные камни – бараньи лбы, оставленные отступающим ледником. Через десять шагов стало ясно, что предстоит. Телега грохнулась в заполненную водой яму. Чертыхаясь, начали вытаскивать, на пару метров продвинулись – завал, потом обвал, потом прижим. Особо не по-философствуешь.

За час прошли километра два и остановились. Только вышли, а уже устали. Жара, впрочем, стала спадать. Слепни-оводы истощились. Зато усилился комарик. Закурили в попытке его отогнать.

– А Вы – карел? – спросил Женя, стараясь сделать старику приятное.

– Да нет, русский. А женат на карелке и болтаю по-ихнему.

– Давно в этих краях?

– С сорок третьего. Воевал неподалеку. Разведчика, аккуратно, перед окопами ранило. Полез его вытаскивать, да самого подстрелили и серьезно. Разведчик-то как-то оклемался, подполз ко мне, посмотрел рану и говорит:

– Видать конец тебе Ваня пришел.

Снял с меня часы, сапоги хорошие и уполз к своим.

Дед затаился и покашлял.

– Меня уже потом карелы подобрали. Так и остался...

– А того гада не встречали больше?

– Как не встречать? Он в соседнем совхозе лесопилкой заведует.

Двинулись дальше. Разговаривать стало трудно. Пошли овраги. Свежие, с обрывистыми склонами. Телега то и дело вставала на дыбы. Дума, кряхтя, перелезала через завал, залегая на гребне и болтая ногами. Путь каравану приходилось прокладывать,

перерубая, перепиливая и растаскивая стволы упавших деревьев. Солнце садилось, комарик крепчал. В атмосфере стоял непрерывный звон. Путники истово хлестали себя по лицу ветками.

– У нас комары недавно теленка съели, – утешал Иван Фомич. – Эх! Встретить бы когда ученого химика, поговорил бы с ним по душам!

Интересная заявка, учитывая, что двое из присутствующих – студенты химфака.

– А что он вам сделал? – осведомился Олег.

– А как же? Почему не придумал, как гнус-мошку извести. Комар что: сложнее человека?! Как народ травить, так нет проблем. Открыл баллон с фосгеном – пары тысяч нет. Хороший, плохой – все на том свете.

Он чуть усмехнулся своей горячности и добавил тоном стесняющегося пророка:

– Не может один человек лишать жизни другого! А вот комара – может и должен. Но не лишает. Не может, не хочет?

Ну, Або дает! Олег собрался было рассказать ему про биоразнообразие, которое никак нарушать нельзя. Попугать исчезновением рыб-лягушек. Но тут вышли к ручью и встали.

– Заночевать вам здесь придется, – сказал старик, – завтра вернусь за вами и двинем дальше.

– А много осталось?

– Да километра два-три.

– Так мало?! Тогда давай дед сегодня. Что день терять и зря гонять скотину?

– Мне в ночное. Темнеет, а ночью нам нельзя путешествовать. Лошадь медведя почувствует – понесет.

– Да я провожу вас! – Олег погладил приклад двустволки, которую исправно, но бес толку всегда таскал за собой.

Старик оценивающе посмотрел на него и махнул рукой:

– Поехали!

В час ночи разгрузили телегу на берегу озера. Ясно, что Фомич не успеет в свое ночное. Он не торопясь оправлял сбрую и вздыхал. Попадёт от карелки и председателя. Не говоря уж о скотине.

Олег подошел к Жене:

– Отвали ему пятерку.

– Зря мы сразу о цене не договорились. Теперь небось, десятку заломит. Целый день и ночь с нами потерял.

– Жирно будет. Хватит пятерки.

– Что, Иван Фомич, пяти рублей довольно? – спросил Евгений. От неумения улаживать денежные дела фраза прозвучала развязно.

– Ничего мне не надо. Помог вам. Не поминайте карела худым словом. Черте сколько провозился, пора домой.

– Подождите! Все равно опоздали. Давайте выпьем. Инна! Дай фляжку и кружку.

– Марьяна! Достань им.

Марьяна с досадой – на других сваливает, сама не может – принялась распаковывать продуктовый мешок. Достала кружку и протянула ее Олегу. Он зачерпнул воды и долил спирта.

– Иван Фомич долго усаживался на свернутом спальнике и долго не мог выпить.

Женя хотел крикнуть дамам, чтобы вскипятили чай, но, подумав, сам пошёл за дровами. Повезло с добрым мужиком. Впрочем, сам бы он на его месте поступил также. Но не потому, что доброта – основная черта его характера, а потому, что ежеминутно помнит, что нужно делать добро. Таково его предназначение.

Когда Евгений начал разводить костер, Фомича уже порядком развезло. Подойдя поближе, он протянул ему кружку.

– Ещё нальешь?

Женя было подумал, что он и так пьян и не удержится в телеге, но: на добро – добром. Налил еще.

– Гляди, налил! А я думал: еврей – не нальет. Ну, ваше здоровье!

Начавшийся дождь отвлек внимание путешественников. Они бросились переворачивать байдарки, ставить палатки и затаскивать в них рюкзаки. Через некоторое время старик сидел в палатке с очередной порцией уже неразведанного спирта. Он что-то непрерывно говорил, путая свои подвиги с чужими. Потом он вдруг заплакал и полез целовать девчонок. Это – уже перебор. Ребята встали, подхватили деда под руки, и повели к телеге. После некоторой борьбы Иван Фомич был уложен в гробик, Олег уселся рядом, свесив наружу ноги.

Телега невыносимо тряслась. Олег иногда слезал с водительского кресла, шёл рядом, придерживая норовившего вывалиться старика. Дождь усилился, комар стал энергичней. Все как-то противно. Почему он должен уродоваться с пьяным мужиком, когда остальные почивают в сухих палатках под пологам? Зачем Евгений испортил мужика? Доброхот наш не дорезанный. Если разобраться в обстановке, то кобыла сама домой дорогу найдёт. Ночь светлая, рассвет через час, да и под дождем быстро протрезвеешь.

Проехав километра три, он хлестнул лошадь, бросил кнут в телегу и зашагал обратно.

Дума некоторое время бежала по просеке, но, заметив полянку со свежей травой, свернула вбок. Ось уперлась в дерево, телега встала. Старик зашевелился, хотел что-то сказать, но лишь тяжело вздохнул и рухнул обратно.

Карельский порог

Carpe diem!

(Пользуйся мгновеньем)

Мы с Лидой путешествовали по Карелии одной байдаркой. Шли обычно ночью – светло, как днем, но тихо, ни ветра, ни волн, ни комаров.

Спустились по Суне и теперь скользили по озеру. Природа таинственно молчала. Лишь с вёсел падали капли.

Выгребали мы давно. Я сидел сзади, махал веслами, а вытянутыми ногами нажимал петли руля. Члены затекли – меняй позу. Ноги прижались к Лидиной спине. Этого оказалось достаточно. Она обернулась, и мы поцеловались. Тут же я вытащил разделявшую нас спинку. Байдарка раздалась и обмякла, грозя сложиться. Нас это не остановило. Лида повернулась ко мне, я аккуратно уложил её вдоль лодки, не забыв сначала устроить вдоль бортов длинные двулопасные весла. Она лежала не прямо на дне, а на мешках из детской клеенки, забитых спальниками. Попа покоилась на надувном судне, служившем нам единственным спас-средством. Она расстегнула ремень, я стащил с нее джинсы и отодвинул в сторону полоску трусиков. Сначала пососал её клитор, потом, целуя тело, стал подниматься всё выше, когда добрался до губ, мой Младший Брат начал искать вход в пещерку. Он долго и безуспешно куда-то тыкался. Лида выбросила ноги за борт и приподняла бедра. Наконец, я вошел в неё и стал двигать взад-вперед. Сначала медленно, потом – быстрее, еще быстрее.

Лодка раскачивалась всё сильнее. Изредка вода захлестывала через борт и попадала на наши разгоряченные тела. Мы не обращали внимания, целиком поглощенные своим занятием. Лодка не просто качалась, она двигалась вперед, убыстряя ход. Мы тоже ускорились. Лодку тряхнуло всерьез – чуть не слетел с подруги. Я приподнял голову. Мама родная!

Мы были ещё на водной глади озера, но обзор уже самолетный. Вся местность впереди была под нами. Из озера вытекала река, её течение подхватило нас и влекло вниз. Впереди бурлила вода, ревели пенные волны, блестели камни порога с застрявшими на них корягами. Без весел и руля мы сами были брёвнами молевого сплава.

Я вновь сосредоточился на сексе, стараясь остаться в байдарке. Лодка прыгала на камнях, иногда вертелась вокруг оси, черпала воду, то одним, то другим бортом. Но мы любили друг друга сильнее и сильнее.

Вот этот миг: оргазм, водопад, свободный полет в Рай.

БЕЛОЕ МОРЕ

Белое море я посетил пять раз.

1975

Один мой студент, Алик (Адилъ Халилович) Искендеров, слабо интересовался



химией и радиохимией, но активно занимался фотографией, покупая и испытывая какие-то немислимые объективы к своей зеркалке (Зенит). Вторым хобби у него были подводные погружения, катера-яхты-шхуны. Связано это с тем, что он родился и вырос на берегу Белого моря, в Кандалакше, и собирался (а потом и осуществил) жить в этом славном городе. Он сочетал оба своих хобби: конструировал и монтировал боксы для подводной фото- и киносъёмки, потом всё это испытывал на различных глубинах. Своими рассказами увлѣк подводным плаванием и меня.

Я – профессиональный водолаз.

На майские праздники я сел в поезд Полярные зори и отправился в Кандалакшу. Алик, сын офицера, жил с матерью в военном городке. Он активно участвовал в деятельности местного общества аквалангистов, возглавляемого ювелиром Хоренковым. В их распоряжении была шхуна Арго, у неё была закрытая рубка со штурвалом и гирокомпасом, дизель и нечто вроде кубрика, в котором можно было укрыться от непогоды и даже как-то поспать. На шхуне мы пошли в ночь на мыс Кочинный. Выпили бутылку водки (Алик не пил), сыграли пару раз в дурака, выпили вторую бутылку. Команда устала. За штурвал встал я, так всю ночь и простоял в гордом

одиночестве. Море было спокойно, хотя волна всё же была и мне приходилось постоянно крутить штурвал, чтобы не сильно трясло и не заливало. Мешались плавающие льдины и острова, которых полно в Кандалакшском заливе. На компас я не смотрел, а использовал байдарочную тактику – целился от мыса до мыса. Изредка бросал штурвал и нырял в трюм, запуская заглухший двигатель. К утру пришли в бухту (фиорд) у Кочинного, встали на якорь и на моторке десантировались на берег. Там находились два зимника, в один мы поселились. Утром вышли, видим бухта высохла, Арго лежит в чистом поле на боку, Отлив, а тут как раз и прилив начался. Вода стала поступать в наш корабль. Бросились спасать, стоя в прибывающей воде, пихали борта, ставя судно на киль. Поставили! Акваланга я никогда не видел и пользоваться им не умел. Пришлось осваивать по ходу дела. Была проблема с гидрокостюмом: мал он для меня, особенно, когда я попытался влезть в него в телогрейке. Запихивали меня в него трое. Совершил несколько погружений, но на глубину не ходил. Подстрелили утку, которую тут же съели.

Вернулся в Москву, где начал более профессионально осваивать подводное дело, сначала в бассейне ГЗ МГУ. Там погружался не только в акваланге, но и в трёхболтовке (весит 60 кг), в которую воздух подают по шлангу. Оттачивал мастерство на военноморском тренировочном центре за Соколом. Башня глубиной 20 м, требуется достигнуть дна. Там – иллюминатор, в который заглядывают посетители гардероба. Плохо

продувался – сильно болели уши. Прошёл очень строгую медицинскую комиссию. Лёжа на спине вертел педали велосипеда. Успешно! Сдал экзамен по вязанию морских узлов, в ходе которого поругался с экзаменатором: мне ли не знать, как вяжется казахский узел?! Я им тысячу раз лошадей привязывал и в жизни его широко использую. Получил диплом и стал профессиональным водолазом. Теперь, в отличие от аквалангиста, могу работать под водой (сварка, измерение активности грунта, подъём затонувших предметов). Имею право учить и погружать дайверов.

1976

Поскольку стал спецом, решил в январе в уникальную стужу (и в Москве и на Северах) принять участие в подводных погружениях на Белом море в районе Кандалакши. Поехал на поезде, двери у вагона не закрываются, внутри дует и холодно, на полустанках – метровый снег без признаков жизни. Попутчики удивлялись, что в таком климате я собрался купаться подо льдом. Я сам себе удивлялся. В Кандалакше выяснилось, что на том же поезде и с той же целью к Алику прибыли аквалангисты биофака МГУ и сотрудники некоторых спортивных обществ. Погрузили на аэросани двигатель, завели его и на лыжах пошли по льду на территорию птичьего заповедника. Там на острове есть зимник, а у берега – обрыв и большие глубины. Метель, полыньи и разводья, прилипающий к лыжам снег. Никаких ориентиров. Мотор заглох, пришлось тащить сани. Шли, как седовцы к северному полюсу. Зимник оказался дощатым домиком, но раскопчегарили печку-буржуйку, вроде тепло. На улице мороз -35°C и очень красивое северное сияние. Утром долго пилили толстый (больше метра) лёд и организовывали квадратную полынью. Прыгнул в воду и камнем ушёл на всю длину троса. Фонарь быстро погас, но я успел полюбоваться красотами подводного мира. Всплывал в полной темноте и больно ударился башкой о лёд – отлив унёс меня далеко от полыньи. К тому же конец запутался, еле меня вытащили (вся морда в крови). Потом ещё несколько раз погружался, достиг глубины в 20 м. Одну даму чуть не утопили, порвали ей уши. (Потом она стала женой Искендерова). Поразила степень нарушения техники безопасности. Не зря! Наш главный, Хоренков, вскоре погиб. Я же благополучно вернулся в Москву.

1977

Летом мы всем семейством (я, Ида и Наташа) по приглашению Алика прибыли в Кандалакшу, в основном ради приобщения Наташи к подводному плаванию. Попали на праздник Военно-морского флота. Был морской парад. Мы тоже приняли в нём участие на каком-то сейнере. Наташа стояла за штурвалом. Погрузились на Йольдию, округлые борта для плавания во льдах, недавно отделанный деревом прекрасный кубрик. Выпили водки, стали играть в преферанс, в котором весьма активно проявила себя Наташа. Потом ещё раздавили бутылку, поставили Наталью за румпель (штурвала не оказалось), а сами прилегли отдохнуть. Про дочь забыли, так она нас и вела нас до Кочинного. Один зимник уже сожгли, второй стал разрушаться, поселились в палатке. Собирали грибы-ягоды, ловили треску (оказалась очень вкусная рыба и чистить её не надо). На моторке гонялись с Аликом за китом. Пытался кататься на водных лыжах, ничего не вышло, но у Наташи получалось хорошо. Одели её в гидрокостюм, снабдили аквалангом, надели сначала один свинцовый пояс, потом второй, потом третий. Утопить её, однако, не удалось; побарахталась среди камней у берега. Ида купалась в море без всякого гидрокостюма. Я несколько раз погрузился неглубоко с аквалангом (искал (и нашёл) подводные друзды аметиста) и поплавал с трубкой среди зарослей водорослей – ламинарий. Собрал образцы песка, в том числе – ториевого (чёрные пески, монацит), потом мерил радиоактивность на кафедре. Наташа водолазом не стала, но Белое море ей понравилось, и она потом много раз бывала на ББС (Беломорская биологическая станция МГУ): и зимой и летом.

1983

В январе сопровождал Наташу и её согруппников-теоретиков в Кандалакшу. Собирались совершить подлёдные погружения, не вышло. Дима Крылов непрерывно повреждался всеми возможными и невозможными средствами. Напугал меня возможными последствиями подлёдных погружений. Жили на водолазной станции на окраине Кандалакши. Тут всесоюзная лыжня и мы бегали на лыжах. Алик предоставил нам дельтоплан. Затащили его в гору с трамплинами. Мы с Наташей на нём не летали, другие пытались, но не очень удачно.

1991

Отправились в Кандалакшу с ИМ. Немного пожили на квартире Алика, потом на местном поезде доехали до Пояконды. Там долго ждали парохода, принадлежащего ББС. Аналог Эксперимента, но намного хуже оборудованном. На ББС познакомились с биологом Т.А. Бек (снс ББС) и аспиранткой Лейлой. ТА водила нас на экскурсию по литорали (при отливе) и по ботаническому саду. Почву для него нанесли в ручную. Дендрарий: пикта лиственница можжевельник, кедровый стланик, корейский кедр, коллекция пионов, холодостойкая яблоня, княженика. Есть аквариумы и бочки с живой рыбой, одна из которых, выпрыгнув, чуть не откусила мне нос. Любовались закатами. Хотел посетить пресное озеро, в котором купаются голые студентки, но меня туда не пустили. На обратном пути наш пароход чуть не снёс пристань в Пояконде. Поселились опять у Алика. Лейла сунуладохлую чайку ему в холодильник, чем вызвала его большое неудовольствие. Алик повёз нас на машине в Полярные Зори на Кольскую АЭС (он там работал водолазом). Долго оформляли пропуска мне и ИМ. Реакторы ВВЭР, когда работают, их посещать нельзя, это вам не РБМК. Поговорили с начальниками, договорились о сотрудничестве, но последствий это не имело. Пока Алик раскошегаривал своё "блюдце", сидя на брёвнах, придумал для Лейлы тему диссертации. Потом в ИНХС РАН под руководством В.В. Теплякова по ней защитилось несколько аспирантов, но не она. Блюдце – спасательный катер – кажется небольшим, но способен принять на борт до 30 пассажиров. Долго петляли меж островом и приплыли к месту тренировки водолазов. Там – огромная скала – памятник Хоренкову, на вершине катер, на котором он погиб. Поместили ИМ и Лейлу в гидрокостюмы, дали в зубы трубки и отправили купаться. Трубки они потеряли.

Отливы

В мультфильме «Приключения капитана Врунгеля» плывущий корабль настигает отлив, и он оказывается зажатым в ущелье высоко в горах. Очень смешно. Особенно, когда смотришь мультик, сидя в кресле в городской квартире. Но на практике уж нет того веселья.



Работы на Арго.

Татьяна Александровна Бек – биолог МГУ в отливы любила бродить по литорали Белого моря, собирая всякую мелкую живность. Однажды она увлеклась, отошла от берега, села на бараний лоб и стала рассматривать в лупу очередного рачка. Прилив она заметила не сразу. Подняла голову – сидит посреди моря – берега почти не видно, а кругом вода. Довольно холодная, по случаю наступающей осени. Она прыгнула в воду и побежала, что было сил. Вода была по колено, но быстро прибывала. Пришлось на ходу скидывать телогрейку и пускаться в плавать. Еле осталась жива.

Для москвича, привыкшего отдыхать на Черном море, отливы кажутся удивительным явлением. Только что здесь бушевало море, волны бились о скалы, а глядишь – плоская влажная суша с отдельными кочками. Можешь гулять, выкапывать из кучек песка червячков с тем, чтобы, когда вернется вода, ловить треску. (Очень вкусная рыба, кстати, почти без костей и, что главное – чистить не надо. И ловится на червя сама собой). Местные жители крайне внимательно следят за расписанием приливов-отливов. Поскольку подобные явления зависят от оборотов луны, то происходят два раза в сутки, причем время их наступления все время сдвигается и расписание довольно сложное. Поначалу я думал, что следить за отливами нужно в меркантильных целях – чтобы не прозевать рыбалку. Оказалось, однако, это важно для спасения своей шкуры.

Мы давно плавали по Белому морю на «Арго». К отливам привыкли и особенно их не боялись. У нас был моторный катер. Поэтому мы вставали на якорь далеко от берега, на больших глубинах, неподвластных смене уровня моря. А на берег высаживались на моторке. Однажды зашли в бухту в районе мыса Кочинный. Штормило. Встали на якорь,

сели в лодку и съехали на берег, чтобы по-человечески переночевать в зимнике. Утром встали, глянули: мама родная!

Кругом, насколько хватало глаз, расстилалась каменная пустыня. Без каких-либо признаков воды. Посреди нее на боку лежал Арго, запутавшись такелажем в водорослях. Вокруг валялось все, что находилось когда-то на палубе. Бочки с мазутом, с пробами, с краской. Счетчики радиоактивности, магнитофоны и спальники. Акваланги с компрессорами. И много еще чего. Дух захватывало от перспективы посещения кают и лабораторий. Мы бросились (уже пешком!) к нашему бедному пароходу. Начался прилив. Мы собирали разбросанные по всей округе вещи и бросали их в трюм. Вода прибывала, но вместо того, чтобы приподнять корабль, начала затекать во внутрь, через открытые палубные люки. Стали плечами поднимать борта, пытаясь как-то выправить крен судна. А оно тяжелое! Суетились мы страшно, как свора лилипутов. Кто-то упирался рогом, кто-то искал потерянный фотоаппарат, кто-то копал канал, запуская воду под киль Арго, а кто-то с палубы давал советы. В конце концов, победили стихию и, не без потерь, вышли в море.

Это вам не мультфильмы смотреть про капитана Врунгеля!



Зимник на мысе Кочинный, на заднем плане Арго.

Зимние купанья

Алик так занимательно рассказывал о подводном спорте, что я не выдержал и поехал на Белое море. Дело было в январе. В Москве морозы стояли страшные (рекорд столетия). С троллейбусов краска осыпалась. В поезде тоже было холодно: двери вагонов не запирались, дуло и угольных печек не хватало. Я сидел по уши

завернутый в спальник и смотрел в окно. Мелькали занесенные снегом станции без каких-либо признаков жизни. Но кто-то там все же существовал. Вдоль каждой платформы, во всю ее длину, шла свежеврытая в снеге тропинка, вернее – траншея с вертикальными бортами, глубиной по пояс человека и шириной 40 см. От края платформы она отстояла метра на полтора. Нетронутая поверхность разделительной полосы свидетельствовала, что никто не прыгал из вагона. А жаль, интересно было посмотреть на десант пассажира в снег. С соблазном тропы впереди. Но желающих не было. Никаких следов. Только траншея на платформе.



Белое безмолвие...

Темнело, мы пили чай-водку и беседовали. Офицеры травили байки про службу, горнолыжники обсуждали новую трассу в Кандалакше. Я помалкивал. – А Вы зачем на Севера? – спросили меня, наконец. – Купаться! – ответил я машинально.

Хоренков и Искендеров испытывают двигатель для аэросаней.



И только в наступившей тишине, пахнувшей безумием, понял странность своих намерений. Вроде как ничто не располагало к купанью: ни мороз, ни вьюга, ни налетающая полярная ночь. Но раз чего решил...

Купаться хотели и некоторые другие пассажиры, их я немного знал, парни-студенты с биофака МГУ, и одна девушка – Вера – сотрудник ДОСААФа. Всех их

пригласил Алик на зимние погружения. Выгрузившись в Кандалакше, мы составили московский отряд. День провели в отладке оборудования: клеили гидры, чинили клапана, забивали акваланги. Утром (хотел сказать – на рассвете, но стояла чёрная ночь) надели валенок на винт снегохода и с десятой попытки завели его. Экспедиция торжественно тронулась в путь. Мы шли на лыжах, а груз ехал на снегоходе. Но не долго. Сани задели торос, и мотор заглох. Пришлось одним изображать упряжку, другим – вьючных лошадей. Надел я акваланг (24 кг, между прочим), рюкзак с вещами и побрел вперёд. Мела позёмка, температура – ниже -30° , но среди снегов попадались обширные разводья морской воды. После прохождения таких участков лыжи обволакивались снегом и вообще отказывались куда-либо двигаться. Не менее противными были трещины во льдах, куда так и тянуло нырнуть. Торосы тоже не подарок. У некоторых стали ломаться лыжи. Шли мы как Седовцы, с усов и бровей свисали сосульки. Изредка Алик останавливался, доставал метровой длины подзорную трубу и вглядывался вдаль. Что уж он видел в кромешной ночи, не знаю, но через некоторое время отряд возобновлял движение. На пятый час пути народ окончательно выбился из сил. Оставили двоих сторожить сани, скинули им акваланги, а сами, менее грузённые, пошли дальше. Казалось, ледовой пустыне не будет конца. Но вот в проблесках слегка приподнявшегося над снежной поверхностью солнца, увидели небольшой скалистый остров с домиком на нем. Зимник!

Пару раз смотавшись взад-вперед, мы перетасили весь груз к островку. Затопили



печку из бочки и стали отогреваться. При ближайшем рассмотрении зимник оказался вовсе не зимником, а дощатым летним домиком для зрителей птичьего заповедника. Но мы были счастливы. Трещал мороз, шуршало огромное – во все небо – Северное Сиянье. Было светло, как днем.

Хорошее место для купаний.

На следующий день принялись за полынью. Не простое это дело: толщина льда – около метра, да ещё



снег. Пробуравили дырку (ударил фонтан воды), просунули пилу для пилки досок и начали пилить. Долго ли, коротко, но пропилили по всему периметру. А дальше что? Вырезанная льдина весит не один десяток тонн, не вынешь. Созвали народ и начали по команде всем отрядом прыгать на неё. В конце концов, один край льдины затонул, его подсунули под лед, и образовалась дыра, доступная для купания. Мы и сами всласть накупались, одежда превратилась в панцирь, пришлось в зимнике оттаивать.

Фото на память.

На следующий день надели теплое бельё (очень хотелось, натянуть телогрейку, но не дали) и приступили к облачению в гидрокостюмы. О! Это целый ритуал. Двое берутся за края гидры и, встряхивая, запихивают тебя в резиновый мешок. Потом закатывают манжеты, застегивают пояс со свинцовым грузом, надевают акваланг, маску, ласты, суют в зубы трубку и шлепают по заду: Пошёл! Попробуйте в таком виде



спуститься со скалы и добраться до полыньи. Я на вас посмотрю! В сильный мороз, к тому же. У одного из водолазов от холода лопнула трубка на акваланге. А там 250 – атмосфер. Бедолага превратился в ракету и заскользил по льду. Еле поймали.

Но вот я стою на краю полыньи. Меня привязывают к концу, напоминают сколько раз дернуть, когда соберусь обратно, и сталкивают спиной в воду. Пучина затягивает. Через секунду оказываюсь в другом мире, другой цивилизации. В метре надо мной – снег и пурга, а здесь довольно тепло (-2°C – всё не -35°C). В школе учили, что вода не может охлаждаться до температур ниже $+4^{\circ}\text{C}$, но там речь шла о пресной воде, а солёная, так вполне может. Главное в море – бурная жизнь: плывёшь в тропическом лесу из водорослей всех видов и размеров, на камнях – огромные красные звезды, ракушки, морские ежи. Все это шевелится, занято делом и не подозревает о холоде-морозе из которого я явился. Рыбы, то в одиночку, то стайкой подплывают на свет фонаря. Некоторые замирают и прячутся мне в маску. Медуза – вся из длинных фиолетовых волос,



как русалка, проплывает мимо. Среди скал проблескивают друзья аметистов. Растут целые сады цветов. Вот рыбка нырнула в один из них, лепестки тут же замкнулись и сжевали болезную. Не цветок это вовсе, а Актиния, хищник известный.

Ната сердитая.

Красота, ребята, неопиcуемая! Недаром Садко из моря-океана не хотел возвращаться.

Смотрел я на чудеса, раскрыв рот. А зря! Загубник выскользнул, я выдохнул воздух и стремительно полетел вниз вдоль обрыва. Фонарь немедленно погас. Темно, как у негра в желудке. Акваланг я одел впервые, но инструкцию читал. Там сказано, что с аквалангом можно погибнуть в собственной ванне. Тот самый случай! Только здесь глубина под сто метров. Это, впрочем, не важно, с аквалангом запрещено нырять глубже 20. Я продолжал падать, уши заложило, где-то в носу появилась резкая боль. Организм требовал кислорода, но вдохнуть я не мог. И был не прав.



Наташа ведёт сейнер.

Я бросил фонарь и стал обеими руками обшаривать всего себя. Наконец, нашёл где-то за спиной шланг и попытался засунуть его в рот. Это долго не удавалось, но жить захочешь – засунешь. Всласть наглотавшись рассола, я вдохнул воздух и задышал, задышал. Жизнь стала возвращаться. Я почувствовал своё тело и обнаружил его в дискомфорте. Гидра протекла, причём с разных сторон. Холодная вода проникла под шерстяное бельё и начала растекаться по телу. Так себе удовольствие. Купаться сразу расхотелось. Пора возвращаться домой.



Йольдия на рейде.

Попытка узнать опускаюсь ли я или всплываю, успехом не увенчалась. Состояние полной невесомости: я мог лежать, стоять на голове, кувыркаться – на организме это не отражалось. А внешнего мира не было. Как вы думаете: что видно в полярную ночь подо льдом на глубине с десятков метров. Ничего! Уверяю вас. Лучше плавать с закрытыми глазами, чтоб не отвлекаться.



Преферанс на яхте.



Я наполнил всю грудь воздухом (7000 кубиков легких, не зря год работал стеклодувом) и полетел вверх. То, что это именно туда, понял, когда с размаху треснулся головой об лед. Всплыл! А дальше что? Полыньи не было и в помине, отлив отнёс меня далеко в сторону. Где же выход? Куда нам плыть? Неизвестно! Я попытался выбрать канат, чтобы натянуть его, узнать направление домой и подтянуться. Но канат свободно болтался. Видимо наверху страхующий увлекся чем-то более интересным, чем моя судьба. На аварийные сигналы тоже никто не реагировал. Я не знал, насколько хватает воздуха в акваланге, но время шло, запасы шли к концу. Отчаянно затряс конец. Страхующий, наконец, проснулся, потянул конец и потащил меня вперёд. Бац! Тело мое вцепилось в льдину нашей полыньи. Она была наклонена, вот в зазор между льдами я и влетел. Канат, привязанный к поясу, заклинивал центральную часть тела в щель между льдами.

И чем сильнее мужики тащили канат, тем сильнее я заклинивался. Дело осложнялось тем, что я на правую руку намотал конец, и теперь она была далеко от туловища. Пользы от неё не ожидалось. Пришлось левой рукой добираться до ножа, висевшего на правом бедре. Наконец, я вывернул нож (он крепится на резьбе) и перерезал канат. Очень рискованное мероприятие, категорически запрещенное в водолазном деле. Если кончик выскочит из рук, страхующие наверху могут только помянуть тебя за упокой души. Однако, выхода не было. Не сидеть же в щели вечно. Я освободил от давления поясничную часть, перехватил канат в другую руку, обполз льдину и вынырнул.



Дыши глубже.

Мое купание снимали на кино. Потом в Москве я его видел. Сцена такая: полынья, воды не видно, поверхность моря успела вновь покрыться льдом. Я его ломаю и вылетаю на поверхность. Морда вся в крови (порезался о льдинки), сопли текут. Алик наклоняется с криком:

– Шеф, правда, здорово!

– Да! – подтверждаю я, поднимая большой палец и исчезая в воде. Но тут меня уже выдергивают, как сома.

Теперь настало время нырять Вере. Ей, как положено, надели свинцовый пояс из восьми грузов и скинули в воду. А она не тонет. Гидра надулась, как дирижабль, и дрейфует по полынье.

– Обжимайся, обжимайся! – кричат болельщики. Вера вроде отжимается, но толку – ноль.

Вытащили её наверх, надели второй пояс и снова скинули. Эффект тот же – не тонет, хоть плачь.



Последние напутствия тренера.

Третий пояс. Тут Вера, наконец, удачно обжалась и занырнула. Все так увлеклись процессом топления дамы, что забыли про канат. Бухта начала резво разворачиваться. Хорошо в последний момент ухватили за кончик, а то с подругой больше не пришлось бы повстречаться. Сразу начали выбирать канат и поднимать Веру: с такой скоростью погружаться нельзя. И правильно, когда даму выудили, у нее из уха шла кровь – порвалась барабанная перепонка.

Веру отнесли в зимник и слегка обсушили. К нашему большому удивлению, она быстро оклемалась, протерла ухо спиртом, и, морщась от боли, вновь направилась к полынье. На этот раз на нее сразу надели три пояса, она легко обжалась и снова камнем пошла на дно. Вновь страхующий упустил этот момент, и снова аврал по выборке конца. У Веры кровь шла уже из второго уха. За день порвали девушке обе перепонки. Серьезная травма водолаза – брак начальника.

Пришлось Алику на ней жениться!



Наташа купается.



Аквалангист.



Мы на блюде Искендерова.



На рейде - блюдо Искендерова.



Скала — памятник Хоренкову. Катер, на котором он погиб.

Обманула

Дипломную практику я проходил в Архангельске. Прибыл туда в начале лета. Еще в поезде познакомился с аборигенкой. Дело пошло, договорился о свидании.

— Приходи, — говорит — к маяку, когда стемнеет.

Вечером пришёл, брожу по косе. Час, другой. Солнце по горизонту ходит. Стал задумываться. Сидит рыбак, спрашиваю у него:

- Когда у вас темнеть начнет?
- Да через полгода!



Организатор наших путешествий по Белому морю — Искендеров Адиль Халилович.



Лейла готова к погружению.



Купаться, так купаться!



Алик добыл что-то ценное.

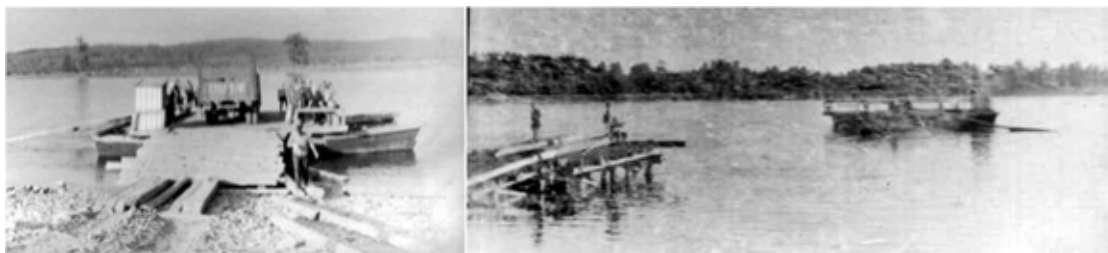
ГОРНЫЙ АЛТАЙ

Поскольку детство и начальные классы школы у меня прошли под рассказы отца и свои мечты о Горном Алтае, то когда я ощутил себя взрослым, то сразу стал организовывать путешествия в эти заповедные края. В результате в сумме провёл на Алтае 9 месяцев в ходе 1 экспедиции и 4 походов (1 - байдарочный). В экспедиции 2-го ГГУ летом 1964 (был студентом, перешёл с 4-го курса на 5-й) работал коллектором, компанию мне составлял сокурсник Павел Кукин. Центр экспедиции располагался в Кош Агаче (Чуйская степь). Исследовали ледники и снежники на Катунских белках и Курайском хребте, реки Аргут, Чуя и Башкаус. Посетил Бийск, Горно-Алтайск, Ташанту, Джазатор, Акташ, Усть Улаган. Несколько раз прокатился по Чуйскому тракту. Основная часть путешествий выполнялась верхом на монголах.

Первый поход на Алтай мы с Идой совершили в 1966, на следующий год после окончания МГУ. На Байдарке обошли всё Телецкое озеро, зашли в низовья Чулышмана, после чего спустились до Бийска, преодолев очень серьёзные пороги. Второй поход, тоже с Идой, мы организовали и осуществили в 1970. Пеший тяжёлый поход по горам между Катунью и Чулышманом (14 перевалов, высоких, крутых и снежных), с последующим пересечением Телецкого озера и спуском с плановыми туристами по Бие на фелюге. Катастрофа на кабыровском пороге (паром, разбитая в щепки лодка, несколько утопленников, моё ранение) прервала наше плавание. После Турочака спускались по Бие на Ракете до Бийска. Третий поход с Идой в 1974 (почему-то всегда на Первенство мира по футболу) тоже относился к горному туризму. Из Горно-Алтайска добрались до Тунгура на Катунь. Долго поднимались в горы по долине реки Кучерла до Кучерлинского озера. Через какой-то высокий перевал (Катунский хребет) перевали в долину Аккема, обошли Аккемское озеро и по мощному леднику подошли к подножию Аккемской стены горы Белухи. Спустились по Аккему к Катунь (в район Катунского сужения). Последний поход на Алтай был в 1978 с Идой и подростком Наташей. Начало в Чибите (на Чуе), потом долина реки Орой, река Шавла, нижнее и верхнее озёра Шавло, Самультинский перевал взять не удалось, ущелье Аргута.



На турбазе в Бийске мы поселились в большой палатке.



Паром через Бию. Через 4 года мы о него разбились.

1966 Телецкое озеро - река Бия (байдарочный поход)

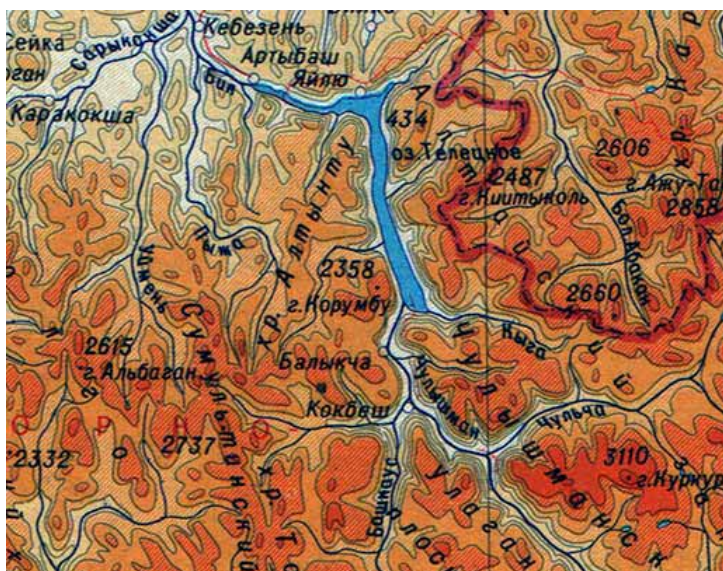
В мечтах, я бродил по Алтаю с дошкольного возраста. На 2-ом курсе много часов проводил в библиотеке, рассматривая карты, прокладывая различные маршруты (как потом оказалось, совершенно не реалистичные: в тех краях ходить надо не по картам, а по тропам). В 1966 я, наконец, попал на Алтай, в гляциологическую экспедицию, четыре месяца скакал на лошадях по Чуйской и Курайской степям, облазил чуть ли не все ледники, перевалил через многие перевалы и взобрался на некоторые вершины. Конечно, экспедиция – большое дело, попадаешь а такие удивительные места, которые туристом ни за какие деньги не увидишь, со страной познакомишься, поймёшь, как по ней путешествовать. После двух больших экспедициях, я ощутил себя не каким-то туристом-любителем, и не спортсменом (горный туризм, байдарочный слалом, альпинизм, которых ведёт инструктор или тренер). Нет! Я был профессионалом, но не по службе, а по делу. Мне не нужно государственное финансирование, мне не нужны указания, куда и когда ехать, что там изучать, потом писать отчёты. У меня теперь частные экспедиции: что хочу, то и ворочу. Я пройду по маршрутам, за которые дают высшие спортивные разряды



и даже звания мастеров спорта, но не в составе группы из 6 человек, как это требуют спортивные инструкции, а максимум двух. Хотя бы потому, что в кабину бензовоза на Чуйском тракте больше двух пассажиров не влезает. И регистрировать свой поход нигде не буду.

При переезде в открытом грузовике от Катунь до Бии, наши физиономии несколько запылились.

Сказано – сделано. Наметил маршрут и предложил приятелям – коллегам по экспедиции 1964 – составить мне компанию. Все отказались, кроме Бергера. Я начал активно готовиться, собирал продукты и обмундирование. Принял вступительные экзамены у абитуриентов МГУ, ушёл в отпуск. И вдруг, когда пришло время брать билеты на поезд, Женя мне позвонил и сообщил, что никак не может мне сопутствовать, т.к. у него заболела тёща. и он должен посещать её в больнице. Смехотворный предлог: он вообще никогда ни за какими больными не ухаживал, тем более – за тещей, которую терпеть не мог. Я воспринял это, как предательство, обиделся, причём серьёзно. Однако, на что-то надо было решаться. Решил отправиться один. В принципе, так делать нельзя. Согласно инструкции по технике безопасности в геологической экспедиции, которую мы подписывали, в маршруты в одиночку ходить нельзя, идти должны по крайней мере двое. Это правильно. Пересекаешь ручей с водой ниже колена, поскользнулся на камне, треснулся головой, потерял на миг сознание, захлебнулся (утонул). Нужен кто-то, кто поднимет тебе голову. Подобных ситуации возникают часто. Ну, а мне, вот, приходится идти одному. Тут вмешалась жена Ида: готова принести себя в жертву и пойти со мной. Жена декабриста! Она собиралась провести с дочерью (2,5 года) лето на даче. И это было правильно. К тому же она никогда спортсменкой не была, даже физкультурой не занималась. Один номер журнала Новый мир она приносила домой сама, но если номеров было три, то вызывала меня. К тому же у неё была астма. Но есть такой тип женщин – боевая подружка. Чем бы она сама не занималась, она всегда отслеживает, чем занят её приятель. Если он коллекционирует марки (собак), то она тоже будет коллекционировать марки (кошек). Ну, а если благоверному в башку втемяшился поход, ну, значит, поход!



Телецкое озеро и горы вокруг него.

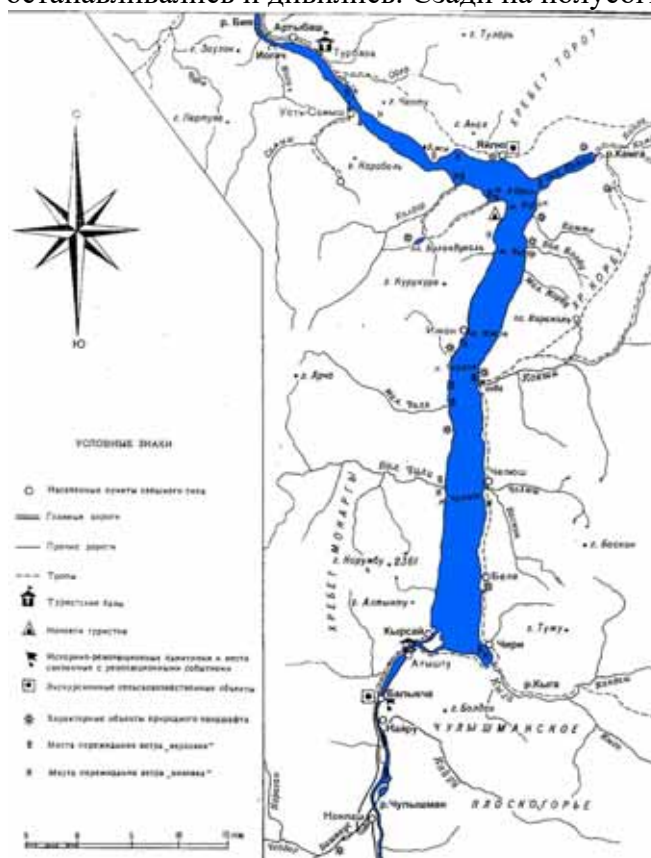
Раз гендерный состав экспедиции изменился, то изменился и маршрут. Теперь он стал водным, байдарочным: плавание по Телецкому озеру и спуск по реке Бии.

Собрали мы вещи и толкотне и духоте общего вагона отправились на Алтай. Скорый поезд за какие-то двое суток докатил нас до Барнаула. Всех выгнали из вагона, и мы несколько часов бродили по городу. Уже ночью вернулись на вокзал, а вагона нашего нет! Занялись его

поисками, бегая по многочисленным путям, иногда на большие расстояния. Наконец, нашли, погрузились и поехали. Утром были в Бийске. Я выгружал наш громоздкий багаж, Ида впряглась в свой рюкзак и вывалилась на платформу. Какой-то мужик попытался её поднять, но не тут-то было!

– Да снимите с себя этот "Запорожец", – закричал он. Попытался накинуть рюкзак на себя и свалился сам. Рюкзак был реально тяжёлым.

Я вышел в Бийск, гружённый под завязку. У меня байдарка в двух объёмистых баулах (вес 40 кг), огромный рюкзак на спине (продукты, консервные банки с тушёнкой и сгущённой с расчётом на три недели безлюдки), на груди – другой рюкзак (палатки, спальники, одежда) и, как бантик, в руке был пластмассовый бидон с топлённым (русским) маслом, который велено было беречь особенно тщательно. Выглядел я эффектно. Прохожие останавливались и дивились. Сзади на полусогнутых шла Ида.



Карта-схема Телецкого озера.

Мы преодолели мост через Бию и поселились в большой палатке на территории турбазы. Два дня приходили в себя и гуляли по городу, в котором было много домов купеческого типа: низ каменный, верх деревянный, при нём лабазы с большими, обитыми железом воротами. Побывали на месте слияния прозрачных вод Бии с мутными водами Катунь. Так начинается великая река Обь. Договорился с шофёром, погрузились с плановыми туристами в открытый грузовик и поехали. Но не вдоль Бии, как ожидалось, а сначала в Горно-Алтайск вдоль Катунь, а потом уж повернули под прямым углом и устремились к Бие. Гравийная дорога оказалась необычайно пыльной, вскоре мы все стали неграми, особенно Ида, которая по случаю жары нарядилась в лёгкое ситцевое платье. Машину погрузили на паром (через 4 года на этом пароме мы претерпели кораблекрушение) и теперь двигались по правому берегу реки. Туристы пели и плясали на лавках и вещах, в том числе – на нашей байдарке. Запахло мордобоем, но обошлось. После Турочака останавливались, выходили смотреть на пороги. Ничего особого. Течение быстро, всё бурлит, ну, да и в Карелии было нечто вроде этого. И ничего, преодолели.

Довезли нас до турбазы. В ней мы останавливаться не стали, только поели. Оттащили шмотки на километр по берегу, поставили палатку. Дров нет, костёр не разведёшь, но и до столовой недалеко. Прошлись по окрестностям. Исток Бии из озера перекрыт мостом. На левом берегу есть село Иогач (хотели его назвать Кедроград),



окружённое горными вершинами, самая высокая из которых Кейтек (1156 м). Здесь лесопункт, который когда-то заготавливал кедр и спускал его молевым сплавом. Чем они теперь заняты не ясно. Не уж-то сажают лес, который сами же вырубил?! Не верю!. От Иогача до Биска ходит рейсовый автобус. На противоположном берегу находится более крупное село Артыбаш (и турбаза). Ничего интересного мы не обнаружили, за исключением множества моторок, вытянутых на берег. Рыбаки предлагали нам обменять на водку хариуса окуня, а один – даже тайменя. Но мы не стали: водки у нас не было, а спирт нам самим пригодится.

Горный рельеф вокруг Телецкого озера.

Намного занимательнее само озеро, несомненно, необычайно красивое. Телецкое озеро (*Алтынколь – золотое озеро*) называется так в память телесов – тюрских племён, когда-то живших здесь. Русские их отсюда выгнали 400 лет назад. Озеро находится на высоте 434 м, протяжённость 77,8 км, средняя ширина 2,9 км, максимальная ширина до 5,2 км. Площадь 223 км². Благодаря большой глубине (максимальная глубина 325 м, пятое место в России) в нём содержится 40 км³ пресной воды, прозрачной на глубину до 14 м. Северная часть вытянута в широтном направлении; южная, сделав поворот почти на 90 градусов, – в меридиональном. Если смотреть с моста, то слева находится хребет Западный Саян, сзади невысокий хребет Торот, справа хребты Алтынту, Сумультинский и Иолго (высоты до 2500 м), а прямо перед нами вдали – устье Чулышмана и за ним – Чулышманское нагорье. Берега – крутые, часто отвесные уступы, по которым в озеро падают многочисленные водопады. Впадает в озеро 70 рек и 150 временных водотоков, причём 70 % всей воды даёт река Чулышман, что впадает с юга. Отдавая свои воды Бие (98 % водостока), озеро в значительной мере обеспечивает питание Оби.

Берега Телецкого озера почти везде круты и обрывисты, прорезаны ущельями, имеют живописные бухты. Есть два больших залива, Камгинский и Кыгинский, –

нерестилища для обитающих в озере рыб; на севере и юге озеро оканчивается широкими плёсами.

Переместили вещи в мешки из детской клеёнки, собрали нашу байдарку (испытанный красный Салют, теперь выцветший и полинялый от многочисленных водных походов). Вода была спокойной, волны практически не было. А то, что шторма здесь бывают и огромной силы, свидетельствовал катер вбитый в скалу на высоте двух метров. Слева идёт лес: кедр, пихта, ель, лиственница. Через несколько часов интенсивной гребли миновали мыс Кобухта, а потом и село Яйлю. Тут нас догнала моторка и начала кружить вокруг, поднимая волну, пытаясь попугать или потопить нас. Пьяным парням было очень весело. Я удивился: на Московском море, такое может быть, но здесь?! На всё озеро одна байдарка, куча народа видела, как мы отчаливали. Чёткая тюрьма для водных хулиганов, случись с нами что. Мы не отвечали, полностью игнорировали их и гнали лодку вперёд. Даже к берегу не стали приближаться. А что толку? Берег – скала, вертикально уходящая в воду. К ней не пристанешь. Был бы при мне якутский карабин – расстрелял бы пиратов к чёртовой матери.



Начало пути: Артыбаш - Камгинский залив.



Пошли дальше. Завернули за мыс Чичилган – волна усилилась. Обычное дело. Очередной раз осознал, что большие водные просторы не для байдарки. Особенно, если озеро – аэродинамическая труба. "Салют" устойчив на волне, но всё имеет меру. Зашли в Камгинский залив. Тут тихо. Залив преодолели за час. Он длинный, километров шесть, в него впадают несколько рек, причём в торце залива – две. Та, что побольше – Камга (т.е.

выдра, говорят, здесь её много, но мы не встретили), что поменьше – Аткичу. Берег порос вековыми кедрами.



В Камгинском заливе мы поселились в хорошем доме.

За день прошли больше 30 км. Для начала неплохо.

На крутом берегу – изба-зимник, кордон Алтайского заповедника. В те времена Хрущёв его закрыл. Зимник был пуст, двери не заперты. Мы

оттащили байдарку от воды, перевернули её, на всякий случай отнесли вёсла в дом, раскопегарили печку, помылись, как в бане, позанимались сексом и завалились спать. Поход начался!

Утром нас разбудила ватага студентов-медиков из Омска. В основном – девиц. Они пришли пешком из Яйлю с целью подняться по долине Камги в верховья, перевалить хребет и спуститься по Абакану. Обнаружив избу занятой, они за ней поставили четыре палатки, натянули тент, разожгли костёр, и стали готовить еду. Кстати, воду надо брать из Камги, а к ней просто так не подойдёшь – устье сплошь заросло камышом и тальником.

Было солнечно и тепло. Девицы разделись до пределов приличия и в таком виде устремились в тайгу. То ли по ягоды, то ли по каким другим делам.

Никогда я не видел, что бы кто-то так дружно и резво покидал лес. Подумал, что за ними гонится стая волков или, с учётом местных реалий, рысей.

– Клещи! Клещи! – кричали они, – энцефалит!

Общественность сильно взволновалась. Девицы уткнулись в рюкзаки, из них посыпались вещи, появились санитарные сумки с красными крестами, баночки с жидкостями и мазями, шприцы с ампулами. Одна палатка была спешно переоборудована в госпиталь. Там осматривали пациентку и что-то с ней делали. Лагерь был ажиотаже.



Пошли на прогулку по долине реки Камги смотреть водопад Большой Шалтан.

Я с интересом наблюдал за процессом. Всё же я провёл на Алтае четыре месяца, пересёк его и вдоль и поперёк, но ни одного клеща не встретил. Даже не знаю, как он выглядит. В Камге Алтай какой-то другой. Кусачий! Только энцефалита нам с Идой не хватало. Надо было прививку сделать, прежде чем сюда направляться. Девицы, вон, знали

и готовились. У каждой санитарная сумка есть. Профессионалки! Но если встретили то, к чему готовились, но чего так волноваться?! Лечитесь себе спокойно.

Группа начала быстро сворачивать палатки и паковаться. Мы помогли им съесть их обед – освободили вёдра. По Камге куда-либо двигаться они отказались, вернулись в Яйлу. По хребтику, наверное, в Абакан пойдут.

А мы решили всё же пройти по долине километров двенадцать до водопада Большой Шалтан. После долгого сидения в узкой лодке полезно прошвырнуться туда - сюда. Без рюкзаков сходить в однодневную экскурсию.

Утром оделись поплотнее и пошли. Штормовки не взяли, как оказалось, зря.

По Алтаю без троп ходить нельзя: далеко не уйдёшь. Тропы абы где не бывают, они проложены там, где нужны и идут по оптимальному маршруту. Есть две возможности: первая – поверху, по хребтикам, по границе леса и кедрового стланика (если он есть, а если нет, то по границе с курумником, вторая – понизу, т.е. прямо по реке. Во верхней идти легче, но энергетически она более затратная, т.к. нужно вылезти на границу леса и затем брести, ныряя в распадки и вылезая из них. Нижняя проще, тем более, что по реке не заблудишься. Но могут быть сюрпризы. С ними мы немедленно столкнулись.

Тропа от зимника должна была быть хорошей. Сотрудники заповедника, охотники и рыболовы наверняка ей хорошо протоптали. Да и туристы, небось, на Саяны толпами ходят. В реальности так и оказалось. Хорошая конная тропа повела нас вперёд. Шли, как по дороге, метров пятьсот, потом тропа стала двоиться, троиться, переходить с берега на берег различных протоков причём, без специальных переправ, и наконец, упёрла нас в луг, поросший травой. Но не луг какой-нибудь Оки, а местный, алтайский. Плотная стена травы выше двух метров. Мне отец рассказывал, что он перемещался по Казахстанскому Алтаю по лугам, скрывающим лошадь вместе с всадником. Вот теперь мы на таком лужке и оказались. Только лошадей под нами не было. И мачете тоже. Пришлось продираться так. А это вам не тайга какая-нибудь, тут приходится попотеть. Скоро стало ясно, что далеко мы не уйдём. Выход один – идти по руслу реки, там трава не растёт. А вы, ребята, пробовали идти по руслу горной реки? Попробуйте! Получите массу впечатлений. Река, хоть и не глубокая, а ямы встречаются метра два глубиной, искупаешься только так. Кеды и брюки мокрые, а вода ледяная, уже пальцев ног не чувствуешь. Течение быстрое, прямо против него не попруёшь, идёшь от дресьвы до дресьвы, под небольшими углами к берегам, постепенно забирая вверх. Надо ещё жену под руку держать, чтобы не смыло. Мешали заросли кустов, ивняка, или как его тут называют. За час мы преодолели 800 м, но продолжали это дело, надеясь, что выше по реке это безобразие кончится. Увы! Безобразие только началось. Оно приобрело гомерические размеры. Никогда ни до, ни после не встречалось. Всю долину реки преградили завалы. Завалы огромных деревьев. Кедров со стволами в три обхвата, с длинными и толстыми ветвями, с вывороченными корнями, между которыми застряли мощные валуны. Ряд деревьев был не один, на него навалился другой, местами и третий.





Путь к водопаду труден, но Ида упорно продвигалась вперёд.

С тропами тут проблема. В том смысле, что их вообще нет.

Видимо весной (скорее не одной, а нескольких) случились сходы мощных снежных лавин, а затем и сели, снесли всю тайгу в округе и принесли их сюда. Понятно, почему тропа куда-то делась. Никто здесь не ходит.

Вода журчала где-то под завалами, её не было видно. Идти по дну реки стало решительно невозможно. Выбрались на берег, но здесь ситуация ещё хуже (если она вообще может быть хуже). Плотные завалы были с трёхэтажный дом, но они сплошь проросли травой высотой в два метра. Луг и тайга объединили свои усилия против нас. Прямо, как в старой сказке какой-то. Стали мы продираться сквозь новые препятствия: где под завалами, где через, а где — прямо сквозь них. Так себе удовольствие!

За час невероятных усилий мы преодолели сто метров завалов. Этак к вечеру мы пройдем полпути к водопаду, только нам ночевать негде: у нас собой ничего нет, мы ведь гуляем, чтобы на водопад

посмотреть!

Ободранные и слегка побитые вышли мы на нечто вроде поляны. Сравнительно свободное пространство. Сели на крутой бережок речки. В реке неподвижно стоял здоровый налим. Но гарпуна не было, а трусами его не возьмёшь. В воздухе много пчёл.





Водопад Большой Шалтан, на который мы шли, но не дошли.

Свесили ноги, поболтали ими и осмотрелись. Солнышко светит, погода прекрасная и это хорошо. Но впереди стена завала, а позади такая же. Перспективы туманны. Надо что-то предпринять. Я оставил Иду сидеть на месте, а сам пошёл на разведку. В принципе, так делать нельзя, геологи всегда идут вдвоём: расстанешься, можешь с коллегой больше не встретиться. Пройдёшь неподалёку и не заметишь. Но тут выхода не было, к тому же река – хороший ориентир, иди по воде, мимо не пройдёшь. Стал выбираться из ущелья, поднялся невысоко, только выше завалов. Склоны крутые, поросли хвойным лесом, идти трудно, но можно. Троп нет. Хуже, что часто путь преграждают отвесные скалы, прижимы и бомы. Сверху их не обойдёшь, приходится опять спускаться и бороться с завалами. В один из таких спусков обнаружил следы чьей-то деятельности. Идентифицировал без труда: медведь завалил марала, закопал его, завалил валежником, пописал и пошёл прогуляться. Ждёт пока мясо протухнет до кондиции. Посмотрел, куда он направился. Медведь не петляет, он идёт напролом, куда ему надо, оставляя за собой неплохую дорогу. Направление его по азимуту было на Иду. Это меня несколько беспокоило. Пошёл за мишкой. Медведь был большим, но шёл на своих четырёх лапах, т.е. был ниже меня ростом. Существенно ниже. Шёл я сильно пригнувшись, приседая, переползая стволы, а часто семеня на четвереньках. Скорость была небольшой, но шёл я куда надо и вышел на Иду. Она по-прежнему сидела на берегу, свесив ноги. Я посмотрел на реку на мели неглубоко под водой на песке был прекрасный отпечаток когтистой лапы мишки. След был свежим: вода размывала его прямо на глазах. Посмотрел на Иду, и понял куда делся медведь. Она его растерзала!

Жена моя в ярости крута, а то, что она не в настроении, сомневаться не приходилось. Сняв верх комбинезона, она подняла майку и сосредоточенно рассматривала свой пупок.

– Где медведь? – поинтересовался я?

Она отмахнулась.

– Не шути! Клещ! Меня в пупок укусил клещ.

Я мгновенно забыл про мишку, хрен с ним, тут дела серьезнее.

Мы никогда не видели клеща, но тут поняли – это он. Чёрный, крупный и круглый. Оторвал его аккуратно и выбросил. У Иды в кармане оказался пузырёк с зелёной, ею ранку и помазали. Успокоил, сказав, что энцефалит у клещей только весной, а сейчас – лето. Посидели, встали и двинули по уже проторенной медвежьей тропе.

А что делать, если у тебя заднего хода нет?!

Медведь сильно нам помог – за следующий час продвинулись ещё на 1 км, поднявшись довольно высоко по долине. Здесь завалов по реке было заметно меньше, а вскоре они остались позади. Даже старая тропа появилась, так что началась оздоровительная прогулка (теренкур называется).

Продолжалось это недолго. Выглянув из-за поворота и посмотрев на уходящую вверх сильно сужающуюся долину мы обнаружили, что панорама Абаканского хребта исчезла. Мощная чёрная грозовая туча заслонила нам перспективные виды. То, что туча именно грозовая сомневаться не приходилось: тут и там сверкали молнии. В верховьях Камги шёл дождь, точнее, ливень стоял стеной. У нас светило солнце, но перспектив у него не было. Впрочем, как и у нас. Вода в реке быстро пребывала. О том, чтобы бродить от дресьвы до дресьвы не могло быть и речи. Тропа это учитывала и шла довольно высоко над урезом воды, по хорошей тайге с твёрдой почвой. Мы бодро топали вверх по ущелью, а на встречу нам тоже в хорошем темпе опускалась чёрная туча. Где-то мы должны были встретиться.

Мы и встретились!

Вся округа исчезла, видимость ноль. Туча не над нами, она везде: и сверху, и снизу и с боков. Часть молний бьют сверху, но остальные – с боков и снизу. Если бы мы зазевались, промокли бы до нитки. Но мы ворон не считали, а укрылись в группе кедров. Во время экспедиции, мне на Катунских белках случалось пережидать ливни и ночевать без спальников-палаток. Но там кедров в пять охватов, мощные кроны, в дупле можно разжечь костёр. Здесь иногда встречались высокие кедровые, но в грозу под ними укрываться нельзя – молния ударит. Вот один, как раз, и горит, несмотря на ливень. Укрылись мы к кедровнике – группе небольших кедров. Пока ливень нас не настиг, но это дело времени: вода свою дырочку найдёт, просочится нам за шиворот. Порывы ветра трясли кроны, и на нас что-то выливалось порциями. Вода в реке прибывала энергично. Река стала бурной и широкой. Течение несло не просто валежник, но целые деревья, с ветками и хвоей. Мы находились довольно высоко, но кто его знает? У горной речки хватит ума затопить всё ущелье. Судя по всему, для Камги это обычное дело. Разговаривать было нельзя – громы рвали ушные перепонки. Опершись о ствол, прижавшись к друг к другу, дрожа мелкой дрожью наблюдали мы за случившимся светопредставлением. То ли как первопроходцы, то ли как сиротинушки.

Дуракам, как известно, везёт.

Справедливости просчет –

Дуракам всегда везет –

Часто светит им звезда.

Умным – только иногда.

Повезло и нам. Такое и с умными случается.

Оказалось в том же кедровнике затаились два рыбака. Откуда они взялись в полной безлюдке?! Не иначе, как с неба упали. Они перебрались к нам ближе и скорее жестами, чем словами объяснили: пора валить! В принципе, мы тоже так думали. Только куда! Оказалось, недалеко есть зимник. Мы выбрались из-под кедров и шагнули в грозу. С удовольствием бы побежали, но каждый шаг давался с трудом. Тропа превратилась в речку, лужи, глина, мокрая трава и камни. Мы скользили и падали. Не просто падали, а кубарем катились по склону десятки метров. Так не долго руки-ноги переломать! Нужно ещё форсировать притоки Камги, русла которых эффективно пополнялись водой. Ливень

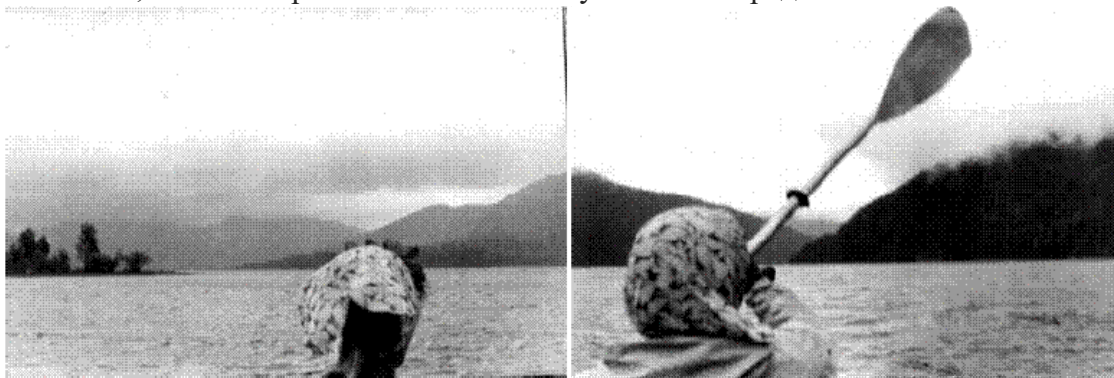
лил монотонно. Мог бы хоть на пару минут прервать это занятие. Мог бы, но не стал. Лил себе и лил. Вода в реке прибывала и местами уже затопила тропу. Приходилось забираться выше и продираться сквозь чащобу. Неожиданно наши проводники покинули тропу, повернули под прямым углом к реке и стали взбираться по ложине круто вверх. Мы карабкались за ними. К потокам с неба добавились потоки со склонов. Чтобы не высоко падать, встал на четвереньки и продолжил штурм, хватаясь за ветки и корни.

Довольно быстро достигли площадки, поляны в лесу, на которой стоял рубленный дом – зимник. Сами бы никогда его не нашли. Он находился аномально далеко от реки. Его построили не рыболовы и не егеря заповедника, а охотники за соболями, о чём свидетельствовала куча ржавых капканов. В доме сухо. Мы разделись, чуть не догола, выжали одежду и развесили на жердях вокруг печки. Имелся запас сухих дров, коробка спичек и две свечи, одну мы засветили, поскольку пока прогуливались по долине Камги, настала ночь. Затопили печку-буржуйку, имевшей вид вертикально стоящей бочки из-под бензина. Поставили чайник. Рыбаки на небольшой сковородке стали жарить две рыбки – дневной улов. Мы расположились на полатах. Тут нас ждал сюрприз. Полати были покрыты маральими шкурами, а они – слоями клещей. Живых клещей! Оленья шерсть шевелилась!

Стали бороться с очередной напастью. Трясли шкуры в прихожей, били по ним палкой. Без толку! Клещ он не пыль – держится прочно. Плюнули на это дело. Улеглись на полати, попили чайку. У нас были две банки со сгущённым молоком, мы их представили обществу. В ответ нас угостили жареным хариусом. Разговаривали. Спать мы не могли. Шла непримиримая борьба с клещами, которые непрерывно ползли по всему телу, подбираясь к самым интимным, и, надо полагать, самым желанным для этих паршивцев местам. Свечу погасили, изба освещалась вспышками огня в печи при открытии топки. Топили мы непрерывно, плита была раскалена докрасна, температура атмосферы – как в бане. Было душно, рыбаки непрерывно курили. В борьбе с клещами реализовались две тактики. Мы с Идой разделись до гола и непрерывно контролировали спины друг друга (за переднюю часть тела каждый отвечал самостоятельно). Снимали клеща и бросали его на раскалённую плиту. Монотонно, без эмоций, но непрерывно. Один рыбак применил прямо противоположную тактику. Одел на себя всё, что имел (включая сапоги), крепко перетянул запястья и щиколотки, и завалился спать. Тактика ошибочна! Через час он вскочил с душераздирающим воплем, и стал носиться по зимнику, сшибая всё на своём пути. Мы бросились его ловить. Клещ, а судя по этажности мата – отряд клещей, впился ему в самое интимное место. Поймали, повалили мужика и стали сдирать с него одежду. Не тут-то было. Он не просто завязал все входы-выходы тесёмками и верёвками, а прочно затянул руки-ноги толстой алюминиевой проволокой, которую снял с капканов на соболей. Концы были отломаны, раскрутить без плоскогубцев невозможно. Их же, естественно, не было. Долго возились с припадочным. Повезло, что у второго рыбака нашёлся треугольный напильник для точки пилы, ножа и каких-то рыболовецких принадлежностей. Распилили проволоку, освободили несчастного. Он занялся выковыриванием остатков клещей. После этого уже все четверо сидели на нарах, снимали с себя и с соседей клещей и бросали на раскалённую плиту. Так до утра и дожили.

Утром попили чайку, собрались домой на озеро, но вспомнили: мы же шли смотреть на водопад Большой Шалтан. Во! Совсем из башки вылетело. Пошли искать. Сильный туман, дождь, не сильный, но моросит противно. Идти скользко, но можно. Есть тропа. За пару часов дошли до левого притока Камги. Проблема в том, что мы стоим на правом берегу, а водопад – он на левом притоке Камги (Большой Шалтан называется). Не каждый доцент бы догадался, но я сразу понял, что нам надо форсировать Камгу. А как?! Перед нами – мощный и глубокий поток воды, несущий кусты и дрова. Если какая переправа и существовала, то её снесло ещё вчера. Сунулись мы туда-сюда, жалобно поскулили и включили-таки задний ход. Всё равно, говорят, его плохо видно. Он весь в извилинах, грохочет в каких-то щелях. Скалы мешают к нему приблизиться. Тут ещё

отбойные струи воды мешают подходу. Туман и брызги. Высота у него 8 м, а с учётом каскада 20 м. Но чтобы рассмотреть отойти не куда. И фотоаппарат мой, хорошо вчера искупавшийся, отказался работать. Так что – ну его! Виноград зелен!



Мы вышли в открытое море.

Вернулись к зимнику. За ним оказалась тропа. Круто и скользко, но всё лучше, чем продираться по руслу. Поднялись на хребтик и пошли по нему. В одном распадке прислонился к пихте и немного поспал, пока Ида собирала начавшую поспевать чёрную смородину. Тропа явно тянула в Яйлу. Пришлось её бросить. Подсекли спуск к заливу и скатились прямо к нашему зимнику-кордону.

Хорошо прогулялись!

Вытерлись полотенцами, выпили по сто грамм спирта питьевого, закатались в один спальник и заснули.

О сексе никто не подумал...

Проспали до следующего утра. Встали, приготовили завтрак, убрались в зимнике, сели в байдарку и поплыли дальше на юг. Разбушевавшаяся Камга несла свои воды и валежник в озеро. Вынесла и нас. Поплыли мы ходко. Берега илистые, в воде тоже много ила. Шли вдоль левого по ходу берега, подходили к устьям речек Турочок и Аткичу. Последствия вчерашнего потопа ещё имеют место – путные воды с кустами и ветками далеко заходят в воды залива. Много обеспокоенных уток. Достигли мыса Айран – громадная скала, ушедшая в свободный поход. На её вершине – кусты и даже деревья. вышли в основное Телецкое озеро и пошли строго на юг. Волна, небольшая качка, ветер, хоть и холодный, но в спину, т.е. попутный. Ближайший берег – сплошные скалы, пристать негде даже по нужде. Стаи чёрных стрижей с громадной скоростью проносятся в воздухе. У них здесь множество гнёзд. Вскоре послышался шум водопада. В мрачном ущелье – водопад Киште. Его высота 8 м, находится он в 20 м от берега. Кругом нагромождения скал. Походили, посмотрели, посидели. Перекусили хлебцами, шоколадом, запили холодным, крепко заваренным чаем.

Пошли дальше, к очередному водопаду, теперь на реке Большая Корба (*ветка*). Пристать тут довольно легко. Чтобы добраться до водопада нужно преодолеть 100 м, но это просто. Большие массы воды почти отвесно низвергаются с высоты 12 метров. Водопад хоть и не очень высокий, зато мощный: расход воды большой. Поток налетает на каменные уступы и с грохотом разбивается о них. Брызги сверкают на солнце. В воздухе стоит водяная пыль. Прилегающие к водопаду скалы и камни влажные. Большинство их покрыто мхами. Водопадов здесь много. Склоны гор изрезаны глубокими долинами и в каждой свой водопад. Туристы дают им свои названия (Соколиный, Девичьи слёзы и ещё что-то в этом духе). По карте, третий по счёту – водопад Аюкеспес (медведь не пройдёт), но мы со счёта сбились.

Гребли, гребли, устали. Пора на покой. Как раз миновали мыс Черлок и достигли дельты реки Кокши. Здесь хороший лес, приятные песчаные пляжи. Высадились, поставили палатку, развели костёр, приготовили (в смысле – Ида приготовила) плотный ужин. Поели, немного посидели, и спать.



Водопад Киште.



Подошли к водопаду Киште.

Всё же странно, что нет байдарачников (если честно, то вообще никого нет, дорогу спросить не у кого!), на таких плёсах в Карелии было бы множество народа и лодок.

На следующий день погребли дальше, разглядывая гору Туалок. Горы увеличиваются в размерах, но становятся безлесными, по крайней мере их южные склоны. Лиственница ещё присутствует. Между устьями рек Челюш и Баскон сделали привал и немного перекусили. Прошли скалы мыса Артал, а затем и галечный мыс Камелик. Поднапряглись и миновали без остановок Беле. Посёлок расположен на небольшой террасе, на склонах которой видны песчаные столбы. В принципе, здесь есть на что посмотреть, люди здесь живут с древних времён, есть курганы, "степные бабы" и т.п. Домов десять, в каждом – яблоневый сад. Есть и колхозный сад, длиной 6 км. Но мы хорошо шли и не хотели отвлекаться. Впереди у нас ещё много приключений.

Завернули в залив реки Кыги и встали на ночлег в устье реки Чири (гнилой, прелый). Утром осмотрелись – жизнь тут какая-то есть. Присутствует пристань для пароходов, кордон, несколько домиков, знаменитые сады Смирнова.



Мы на водопаде.

Водопад Корбу.



Чири – речка буйная, на ней несколько водопадов. Периодически на ней случаются сели, устье её – сплошные сели; расти здесь ничего не может, хотя локальный климат тёплый: зимой температура ниже -8°C не падает. Южный ветер тёплый. Николай Павлович Смирнов (1902-1994) возник в этих краях в 1927 году. Что заставило газетного курьера бросить Питер, история умалчивает. Характер у него был тяжёлый, учил всех правильно жить, со всеми и был поруган. Но мужик был упорный. Сначала работал лесником, потом – гидрометеонаблюдателем. Решил он в качестве хобби вырастить яблоневый сад. Работу совершил адскую. Не хуже Сизифа. Раскалял на костре камни, поливал водой, они раскалывались. Полученными плитками выложил на склоне горы террасу длиной 150 м и

высотой 1 м. Завёз регулярными рейсами вёсельной лодки с долины Чулышмана (8 км) навоз со стоянок овец и лессовидные выносы Чулышмана. Провёл водоводы с речки. Посадил сад. Весной 1936 мощное половодье снесло всё это великолепие, включая дом. Пришлось начинать снова. Начал. У него гостили известные деятели, например, Н.И.Бухарин и Я.Э. Рудзутак (обоих в 1938 расстреляли). Говорят, яблонево́ый сад разросся и прекрасно плодоносит, есть сливы, вишни и даже виноград (растёт в открытом грунте), смородина (в том числе – с зелёными ягодами), хорошо растут помидоры и прочие овощи. Был он не только успешным садоводом – произвёл на свет 17 детей.



Берега у Телецкого озера крутые. Мест для стоянки мало, иной раз при волне даже пристать трудно.

Было бы интересно пообщаться со Смирновым. Но ему, поди, и без нас от туристов тошно. Сады смотреть не пошли. Оставил Иду дежурной по лагерю, а сам отправился на кордон, побеседовать о долине реки Кыга (просто – речка): гнуси там, как на Камге, или ещё больше. В доме обитает семья якута: кровать под балдахином, камелёк, на полу – ковёр, низкий столик и пуфики-подушки вокруг него. В таких домах я неоднократно бывал во времена алтайской экспедиции. Сам егерь был почти что в форме, разве что без погон. Он сидел на чём-то типа сундука под скрещенными ружьём и карабином и свисающем футляром для мощного бинокля. Я расположился и для начала спросил как тут у них тут в тайге обстановка, часто он по долине ходит?

– Клещей хватать? – удивился он.

– До водопадов тропы есть? – продолжал я приставать.

– Клещей хватать?!

И так всё интервью. Приятно было поговорить со знающим, мужественным и работающим лесником, охранником тайги и дикого мира. С другой стороны, зачем с полатей слезать и куда-то двигать. Клещей хватать?!

Клещей хватать нам не хотелось, мы их и они нас уже в Камге хватали. Достаточно...

Погрузились в байдарку и обошли залив по периметру. Кругом высокие горы. Кыга впадает в озеро несколькими рукавами. Высокая трава, кедр и пихта, заросли кустарника. В воздухе коршуны, значит в лесу рябчики, глухари и тетерева есть. В этом году тут после мощнейшего ливня произошёл оползень, почвенный покров склона горы южного берега

озера сдвинулся и с огромной скоростью рухнул в воду, унося с собой тысячи тонн почвы, обломков скал и вековых деревьев. Огромная масса селя образовала высокие волны, обрушившиеся на противоположный берег залива. Вся поверхность залива и площадь далеко за его пределами были покрыты обломками деревьев и разным таёжным мусором. Последствия происшествия ощущались до сих пор, странно, что мы в нём не поучаствовали. В округе несколько водопадов, но на берег не высаживались и к ним не пошли (Клещей хватать?).



В поисках стоянки.

Дожди, всё мокнет, непонятно, как сушить.

Ушли к устью Чулышмана и там, поплутав по разным протокам, поставили на высоком берегу палатку. Развели три костра (плавника много), Ида между ними полностью помылась. Я не стал. Немного поиграли в сексуальные игры и завалились спать.

Утром был туман, слегка дождливо, что некстати, т.к. у нас вещи до сих пор не просохли. На



озере красивую природу сейчас, небось, не показывают. Решили, пока развиднеется, осмотреть долину реку Чулышман. Всё же – это один из самых глубоких каньонов в мире. Далеко не поднимемся, но хотя бы до Балыкчи. Там магазин хороший. И садоводство в здешних краях началась именно оттуда – монах посадил сад и одна его яблоня до сих пор растёт и плодоносит. До него 8 - 10 км, смотря, по какой протоке пойдёшь, их тут великое множество. Сказано – сделано. Запихнули вещи в палатку, налегке сели в байдарку и стали выгребать вверх по течению. Плутали по протокам, заросшим камышом и сплошными кустарниками. Несколько раз исхитрились сесть на мель. Много рыбы, плескается, круги по воде расходятся. Какой-то кит мощно шлёпнул хвостом по воде, не иначе – таймень.

Постепенно течение усилилось, по крайней стало ясно, где верх, а где низ реки. Стали выгребать против течения. Вроде хорошо получалось. Однако протоки стали объединяться в единое русло. Тут встречный поток сильно возрос. Вёсла мелькали, как

Поискали нашу палатку, ели нашли в этих плавнях. Распогодилось. Плавника много, устроили длинный костер, посушили вещи. Всё собрали и ушли на мыс Кырсай, поближе к турбазе. Встали на длинном песчаном пляже. Ида искупалась и позагорала. Я не стал делать ни того, ни другого: мне и в телогрейке неплохо.



На следующий день нам предстояли серьёзные испытания. Надо было пройти всё озеро за один день. Встали на рассвете и пошли. Погода хорошая, в спину дует лёгкая "верховка" с юга, подгоняя нас. Волнения нет. Мы приладились, и почти не обливали друг друга водой, не стукались вёслами. Лодка шла ходко. Шли мы у подножия вершины Алтынту (2213 м) – сплошные нагромождения скал. Ущелья глубоки и неприступны, реки

в них имеют вид водопадов, высота некоторых ступеней 50-60 м. В ущелье Аюкечпес речка падает в озеро каскадом водопадов. Красиво!



Пора познакомиться с маршрутом.

Почти 20 км нигде не могли пристать к берегу. После трёх часов интенсивной гребли, зашли в бухту реки Большая Чили (*окно*). Большая, уходящая на запад долина. Остановились, выбрались на берег, перекусили. Через пол-часа пошли снова. Суровый берег – скалы сплошной стеной падают в озеро. Это – склоны горы Каракорум. Можно было бы зайти в устье Малой Чили, но мы не стали. Время уже поджимало, и тем хороший задан. Ветер стих, настал полный штиль. Довольно тепло. Лодка скользит по воде. Шумит каскад реки Куркуле (*шумливая*). Идиллия! Так продолжалось до мыса Ижон, на котором есть домик. Кругом – густая тайга. Обогнули далеко выдающийся в море мыс Ижон (громадные вертикальные плиты сланца). Направились к мысу Чедор, тоже из вертикальных плит. Пристать негде. Погода стала портиться, температура резко пошла вниз, давление, надо полагать, туда же. Облака не успели убежать, как их перекрыли тучи, как им и положено – чёрные. Нам в морду подул северный ветер ("низовка") озеро стало раскачиваться. Когда мы обогнули мыс Куан, после которого озеро поворачивает на запад, чуть ли не под прямым углом, то обнаружили, что находимся в режиме шторма. Удивительно, как быстро и как круто изменилась окружающая среда. Ветер встречный, парусность тормозит движение. Спасает, что Салют устойчив (остойчив) на волне. Перевернуть его трудно. Хотя в Карелии нам это однажды удалось.

Волна, крутая волна. Ещё не 6 м, как обещано, но прилично. Воды уже перелетают через Иду и выливаются на меня. Постепенно лодка набирает воды и тяжелеет, грести всё труднее. Ветер то в морду, до в бок. Но всё это – семечки. Настала гроза! Всем грозам – гроза. Светопреставление. Что-то их много в здешних краях. И все – некстати. Гром, молнии, не успеваешь считать и глазами моргать. Молнии чертят зигзаги в чёрном небе и эффектно ударяют в воду вокруг нас. Никогда не видел, чтобы гроза так выпендривалась. Опуская один конец дюралевого весла в воду, я второй поднимал к небу. Отличный громоотвод! Слабо молнии в него ударить? А если ударит, мне электрического тока достанется, или всё в воду уйдёт? Вопросы интересные... Пристать некуда, т.е. совсем. Отвесный берег и бьющиеся о него волны. Подойдёшь, лодку разнесёт в щепки. Мы и не подходили, держались мористей. Делать было нечего: гребли, гребли, гребли. Уже тринадцатый час почти без перерыва. Дождь лил, гроза пугала. Стало темно. Мы последовательно проскочили заливы, удобные для стоянки (бухту Идып и залив Колдор). Боялись приблизиться к берегу. Обогнули мыс Янгзкоч и как-то автоматически влетели в Каменный залив. Десантировались. Гроза ушла, но дождь был сильным. Мешал ставить палатку. А тут ещё порывы ветра... Угломонились в одиннадцатом часу ночи. Устали!



Восточный берег Телецкого озера.



На Телецком озере бывает шторм.



Каменная бухта укрыла нас от шторма.

*Прощай Телецкое озеро!
Нас ждёт Бия.*



Утром встали поздно, за завтраком у Иды случился сильный приступ астмы, вероятно, после вчерашнего. Она осталась с ним бороться, а я пошёл в посёлок Иогач, осматривать пороги в истоке Бии (не далеко – 4 км). По дороге на берегу заметил палатку, байдарку и двух парней,

вытаскивающих её на берег. Оказалось, москвичи, инженеры с Электрозаводской. Разговорились. Они тоже обошли Телецкое озеро и теперь, как и мы, собирались спускаться по Бие. Пошли на экскурсию вместе.

Бия начинается под мостом, течение быстрое, надо быть осторожным. За мостом сразу порог. Всё бурлит, камни, волны. Если это самый простой порог на Бие, то что представляют остальные, категоричность которых существенно выше. Вздыхнул я сокрушённо и пошёл к супруге. Договорились с парнями, что поедём вместе. В компании веселее.

Утром мы все вещи упаковали в оранжевые мешки, сшитые и склеенные из детских прорезиненных пелёнок, мешки привязали к деревяшке на дне лодки и уселись на них. Заново надул камеры футбольных мячей и запихнул один в нос лодки, другой в корму. Ида с трудом, но пролезла в детский надувной круг. При аварии он её спасёт. Спас жилетов у нас не было, касок тоже. Не было и фартука на лодке. Вот это зря – лодка заливалась водой при каждом удобном случае. Руль я снял – мешать будет.

Подошли к месту погрузки новых приятелей. У них была маленькая одноместная Прима. Когда Боря, корпулентный мужик, весом явно за 100 кг плюхнулся в лодку, я подумал, что она немедленно ляжет на дно. Но лодка не утонула, только нос у неё задрался, как у скутера. На переднее место (места вообще-то не было, разве что на коленях Бориса) уселся Виктор. И лодка опять не утонула. Но расстояние от бортов стало меньше 10 см. Вот кому надо было волны бояться. Зато они оба были в пробковых спасжилетах. Вёсла замелькали, и они рванули вперёд. Издали видны два голых торца, скользящие по глади озера. На чём они располагались неясно. Просто фокус какой-то. Мы потопали за ними.



Мост через исток Бии.



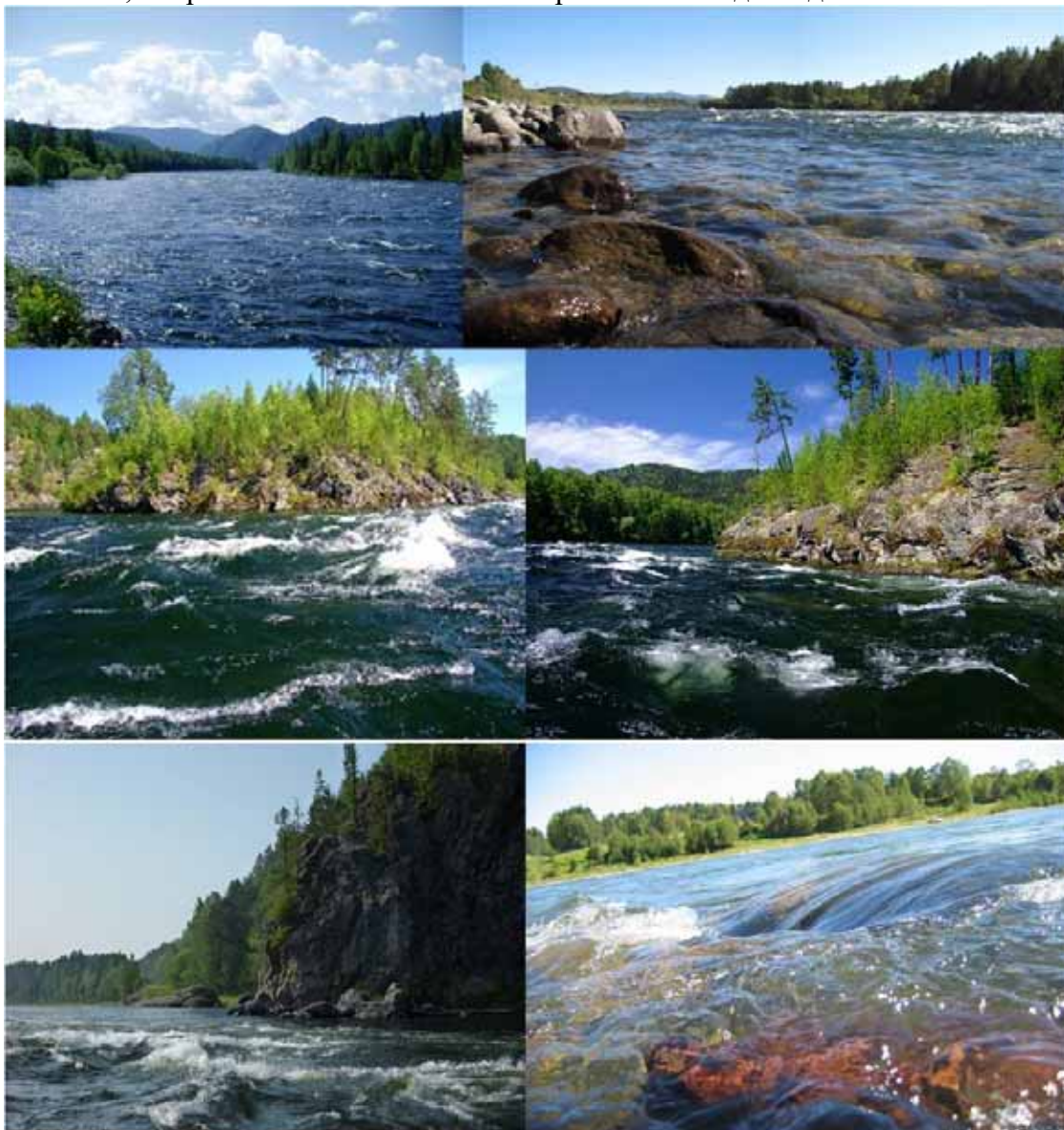
Прижимы на Бие.

Подошли к мосту, соединяющему Артыбаш с Иогач. Он высоко над водой, пригибаться не надо. Нацелились на центр моста, сильно разогнали лодку, сложили вёсла вдоль байдарки и вошли в пролёт. Сильное течение нас подхватило и понесло на дальнюю опору, но скорость была большой – мы проскочили. Сразу же на скорости 10 км/час влетели в порог. Широкая река вся кипела, вода холодная и прозрачная. Рокот и грохот. Порог зовут Карлыгач (*первая ласточка* – та ещё птичка). У меня было подробное описание порогов Бии, и способов их прохода и в большую и малую воду (сейчас была большая вода, многие камни подтоплены, но зато высокая стоячая волна). Карлыгач надо проходить ближе к левому берегу, но из-за моста мы шли по центру реки. Попытались уйти влево, но волны подхватили наше судёнышко и понесли по основному сливу. Весь пейзаж поплыл, как на экспрессе, входящем в поворот. Мы поняли вёсла на вытянутые руки. Грести бесполезно, да и без вёсел останешься. Я раздвинул ноги и упёрся в борта лодки. Волны швыряли наше корыто во всех плоскостях. Чуть меня не выкинуло за борт. Бия круто повернула влево и мощно кинула нас прямо на скалистый берег. Запутались в водоворотах среди водяных холмов. Река круто повернула вправо и выкинула нас в тихий узкий плёс. Левый берег крутой, скалистый, густо порос кедровой тайгой. Правый берег пологий, лесистый, поляны и каменистые пляжи. На одном из них нас жали коллеги. Мы причадили к ним. Надо было перевести дух. Может это и ерундовый порог, но на нас он произвёл впечатление. Интересно, что мы ничего не делали, река сама нас пронесла.

Впереди шумел порог Юрток, его образовали выносы камня реки Юрток – правого притока Бии. Его не видно, но мы достали шпаргалку и прочитали, как его проходить. Мыс из крупных обкатанных валунов, вдающийся с правого берега, отводит течение и направляет его на скалы левого берега. Длина порога 100 м, 100 м острых ощущений. Входим в порог вдоль правого берега, быстрое течение бросает нас на гребень. Гребень с крутыми волнами высотой под метр образуют струи воды, идущие от правого и левого берегов, которые сталкиваются на середине реки. Пересекли струю, идущую от каменной гряды, оставив гребень слева. Течение прижимает лодку к скалам, но мы проскальзываем мимо них. Далее идут несколько шивер, пытаемся их считать, чтобы определиться, вовремя остановиться и пойти посмотреть на уже вполне серьёзный порог. Но со счёта сбились и влетели в порог Кобыровский.

– Шпаргалку! – раздалось где-то сзади. Но Ида на ней сидела, достать и прочитать не успела. Порог неожиданно появился после правого поворота. Он оказался длинным, метров 800, с волнами под метр. В начале порога струи воды снижаются грядами камней, отчего образуется высокий гребень, на котором даже большие лодки кидает как щепку. (В этом мы убедились через четыре года, когда сплавлялись с плановыми туристами на

большом ялике). Мы же не были большой лодкой и нас кидало неприлично сказать как. На протяжении всего порога мечутся громадные волны. Везде разбросаны огромные серые валуны, через которые вода с шумом перекачивается, образуя пенистые гребни. Берега низкие, покрытые смешанным лесом. Пролетели на одном дыхании.



Некоторые пороги на Бие на байдарке труднопроходимы.

Дальше опять тихий плёс. Сблизили лодки. Решили, что нам, пожалуй, хватит приключений, и следующий самый опасный Пыжинский порог протащим по тихой воде вдоль берега. Река тут извилиста, порог не просматривается. Подошли к самому началу, грохот кипящей воды, вылезли из лодок и стали их проводить вблизи берега. Спотыкаясь и падая на камнях. Занимались мы этим с редким упорством, когда увидели как два пацана (видимо из села Усть-Пыжа), стоя на бревне, гребя лопатами, движутся нам на встречу! Вверх по реке поднимаются, против течения. (Здесь, оказывается, есть локальное отражённое течение, направленное против основного течения). Мы устыдились и обрадовались, что пыжинские опасности позади. Прыгнули в лодки, и пошли по сливу.

Это была ошибка.

Пыжинский порог состоит из двух частей с двумя поворотами (общая длина 800 м). Мы протащили только часть и теперь влетели в самую пасть. Скорость достигла 40 км/час. Уклон тут знатный. Мчишься, как на машине. Только машине не надо уворачиваться от камней (огромных камней) и заливающих лодку волн.



Пыжинский порог мы решили обойти волоком. Но протащили лодки не там, где надо, и попали-таки в этот порог.

После порога хотели тормознуть, но не успели – влетели в порог Косой. Редкая по силе сволочь, хуже пыжинского. Река резко сужается, косые валы до 1 м стоят с обоих берегов на протяжении 100 м, по середине узкий слив, мы чуть не протаранили друг друга. Волны понесли наш Салют, как плот, боком и мы торжественно сели на камень. Лодку немедленно стало разворачивать поперёк течения и переворачивать. Я, как акробат, с несвойственной мне резвостью, выпрыгнул из лодки и встал на камень, байдарка всплыла и попыталась улизнуть. Еле поймал её за хвост и запрыгнул обратно. Слева осталось устье реки Пыжа, несущей свои глинистые воды в чистую Бию. Попрыгали на паре шивер мимо села. Перекаты прижимают нас к крутому скалистому левому берегу. Через полчаса достигли порога Щёки. Та ещё радость! Крутой поворот при встречной скале. Много тут плавсредств было разбито. Высокие бомы над водой с обоих берегов и высокий скалистый остров посередине. Порог находится на протяжении всего острова, река

приобретает заметный уклон, участок валов находится на всём протяжении острова в обеих протоках. По какой идти – не ясно. Пошли по левой. Коллеги шли впереди, вдруг они резко, по прямому углом повернули прямо по среди протоки и вылетели на берег. Я решил, что они, как минимум, увидели перед собой водопад. Не раздумывая, тоже свернул влево. Резко ткнулись в берег. Острый камень пробил нос лодки. Оказалось, что они попали в прижим и валы треснули их о камень, развернули и без лишних эмоций выкинули на берег. Они глазом моргнуть не успели.

Ладно, расположимся здесь. Нам и им надо клеится. Прошли 20 км и основные пороги. Можно отдохнуть и переварить впечатления. Устроили днёвку. Ида собирала жимолость, чёрную и красную смородину. Ягод тут много. С удовольствием съели вместе со сгущённой с сахаром. Клеили байдарки. Я свою в Москве тщательно проклеил вдоль стрингеров: и резиной с кордом, а сверху ещё эластичными бинтами. Поэтому хоть шкура во многих местах покарябана, но нигде ниже ватерлинии не пробита. Правда лодка очень тяжёлой стала, на себе таскать её тяжело. Сейчас шкуру повредили, но выше ватерлинии и при форсмажорных обстоятельствах. У ребят лодка не проклеена и пострадала она серьезно. Дальше плыть нельзя. Провозились целый день, но всё починили.

На следующий день сплав продолжили. Прошли шиверу длиной 400 м и вошли в порог Кебензенский, он довольно длинный, 700 м и высота стоящих волн большая. Повернули налево и врубались в порог Саракокшинский, тоже длинный, с волнами и сливами между ними. Прошли устье реки Саракокши. Перекаты, шиверы. Особо не

реагируем, катимся вниз, прыгая по кочкам. Стоячие волны большие, но на камни можно не обращать внимания. Порог Юрок прошли без эмоций, от высокого борма идёт отбойная волна. По ней легче идти. Река течёт быстро, но порогов нет. Горы отступают от реки и становятся заметно ниже. Вскоре после села Тулой и устья одноименной речки, впадающей справа, возник последний большой порог – Кузенский. Длинный: 2,5 км.



Поскольку байдарки пробили, то решили устроить днёвку. Надо клеиться.

Перед ним – паромная переправа через Бию. Мы на ней уже переправлялись, когда ехали на грузовике на Телецкое озеро. Через четыре года этот паром раздавил наш ялик и пробил мне спину. Паромы опасны тросами, протянутыми поперёк реки. Они плохо видны и в них можно врезаться на большой скорости, с очень неприятными последствиями. На этот раз обошлось. В начале порога посредине реки случился остров из крупных валунов, напоминающий сигару. Растительности на нём нет. Сильным течением нас понесло на него. С огромным усилием ушли под правый берег. Сразу после острова нашу лодку вынесло на середину реки. Так что мы оказались в центре мощного порога. Стоячая волна под два метра. Промокли до костей и пол лодки воды набрали. Бия делает крутые повороты, то влево, то вправо. По берегам – живописные скалы. Течение быстрое, шиверы. Обогнули большой остров, и вышли к районному центру – селу Турочак. Река сжата с обеих сторон скалами. Место очень красиво. На отвесной скале, на высоте 40 м, высечен барельеф В.И. Ленина. Здесь последняя гора – Салоп (*распахнутый халат*) и с правого берега в реку вдаётся мощный гранитный мыс. Перед ним большое кружало, в которое, если какое судно попадает, то долго кружиться в водовороте в тщетных попытках выбраться из него. Течение попыталось вынести нас на скалы левого берега

(высокий карниз скал, под который вас влечёт течение с целью об эти скалы и разбить), но мы не дались, прижались к правому берегу, обманули порог и лихо пристали к берегу у магазина. Пока покупали хлеб, сидевшие на брёвнах мужики критиковали наши корабли. "На таких корытах по нашей реке сплавлять нельзя. Никак нельзя! Только самоубийцы могут сеть в такие лодки. Тонкая резина, сидите в воде, так что посудины не видно. Мы вон на каких лодках плаваем, считай, из брёвен сделанных, и то разбиваемся. Ни за какие блага в ваши не сядем! Мы, собственно никому и предлагали. Сели в байдарки и поплыли дальше.



Вблизи Бийска Бия - река широкая и спокойная.

Турочак – порт. Отсюда ходит пассажирская Ракета прямо до Бийска. Мы могли бы воспользоваться, но не стали. Пошли своим ходом.

Думали, пороги кончились, но нет. Остался ещё порог Кипятки. Здесь вода меняет направление и так разбивается о камни и скалы, что создается впечатление кипящей воды. Прошли его без особых проблем, хотя пропороть лодку о камни можно было запросто. Через 8 км прошли устье самого многоводного притока Бии – реки Лебедь. Встали лагерем.

Проснулись поздно, вышли после 12-ти. Бия расширилась, течение спокойное, скорость пешехода, 5 км/час. Приходится постоянно грести. По берегам много сёл. Степь кругом. Река разбивается на протоки. Нужно соображать по какому лучше идти. На третий день прибыли в Бийск и поселились в знакомой турбазе. Позади 300 км по Бие и 200 км по Телецкому озеру. Итого: 500! Не плохо для начинающих водников.

Купались в реке, вода тёплая, загорали на песочке. Посетили слияния Бии (господин) с Катунью (жена, барыня), где образуется великая река Обь (своеобразие). На базаре купили огромный арбуз, необычайно вкусный. Устроили прощальную пьянку. Проводил коллег в аэропорт. Они упаковали байдарки в сетки-авоськи (!!) (агиттючок называется) помахивая ими, как ручной кладью, пронесли их в самолёт. Мы же отправились на поезде домой: в общем вагоне до Барнаула, затем – к купе до Москвы.



Домой с исполненным долгом.

1970 Катунь-Чулышман-Телецкое озеро-Бия

В 1970 вновь случилось первенство мира по футболу, т.е. нам надо отправляться на Алтай. Мы и отправились. На этот раз без байдарки. Займёмся горным туризмом. В экспедиции 1964 я преодолел расстояние от Чуи до долины Чулышмана (через Акташ и Усть-Улаган). Но в составе отряда и верхом. Теперь решили взять севернее, от Катунь (Чемала) до Чулышмана в районе Балыкчи. Пешком и в гордом одиночестве. Примерно по известному плановому 77 маршруту, но с ответвлениями, и, следовательно, длиннее: 14 перевалов, 200 км по горам, потом уже налегке по Телецкому озеру и Бие.

Поехали, как обычно, на поезде, с пересадкой в Барнауле. В Бийске не останавливались, сразу проследовали до Горно-Алтайска. Билетов до Чемала не оказалось и мы по Чуйскому тракту на автобусе добрались до Усть-Семы, что на правом берегу

Катуни у моста по Чуйскому тракту. По дороге к села Манжерок посетили родник Аржан-Суу (святая вода), который ещё называют Золотой ключик и шоферский источник. Почему "золотой" не понятно: гидрокарбонатная-кальциево-магниева вода содержит серебро, железо, медь и марганец. Золота нет. Вода холодная. От Усть-Семы Чуйский тракт переходит на левый берег Катунь и уходит в Ташанту. Нам же надо на юг, по правому берег, т.е. по Чамальскому тракту. Надо то надо, только ехать не на чем. После двух часов ожиданий поймали машину, развозящую хлеб, и она нас доставила в посёлок Чемал (муравейник), точнее — в горноклиматический курорт на его окраине. В 1930 годах по инициативе жены М.И. Калинина (Екатерина Йогановна Лорберг, малограмотная, но шибко революционная ткачиха, член Верховного Суда РСФСР; успела сделать доброе дело до того, как надолго загремела в лагеря) здесь был создан правительственный бальнеологический курорт и противотуберкулёзный санаторий. Находится на правом берегу живописной Катунь. Побродили. Сосны, дышится легко. На южной окраине — Чемальская ГЭС, построенная заключёнными лагерей в 1935. Небольшое водохранилище. На живописной скале-острове Патмос, стоящей посреди Катунь, расположен женский скит Иоанна Богослова барнаульского Знаменского монастыря.

Пунктир — наш примерный маршрут. (Схема маршрута. Ориентирована неправильно: поход был с запада на восток, а не с юга на север, как можно подумать, глядя на схему).

Вновь погрузились в хлебовозку и добрались до Эдигана (тётка), прошли на окраину села, разбили палатку на берегу реки Эдиган (правый приток Катунь). Высота 600 м, кругом горы в кедровом лесу и древние скифские курганы. Сходили

на экскурсию на Катунь, посмотреть на Тельдекпенские пороги (Катуньские щёки). На них любуются с Ороктойского подвесного моста. Это одни из самых красивых и



протяженных порогов на Катуни. Они находятся в длинном скальном коридоре, представляющем собой глубокую тектоническую трещину, образовавшуюся в известняках кембрия. Ширина Катуни уменьшается до 20 м, при глубине 70 м! Порог начинается «скальными воротами» – чёрными отвесными скалами, затем поток устремляется в каньон, образуя многочисленные воронки и водовороты. Выглядят страшно, но, думаю, с Идой мы прошли бы их без особых проблем. Хотя тут мощные подводные течения, водовороты, турбулентности, «водяные грибы» и «бочки». Где-то тут неподалёку добывается разноцветный мрамор, которым отделаны некоторые станции московского метро. Искать не стали – не стоит отвлекаться.

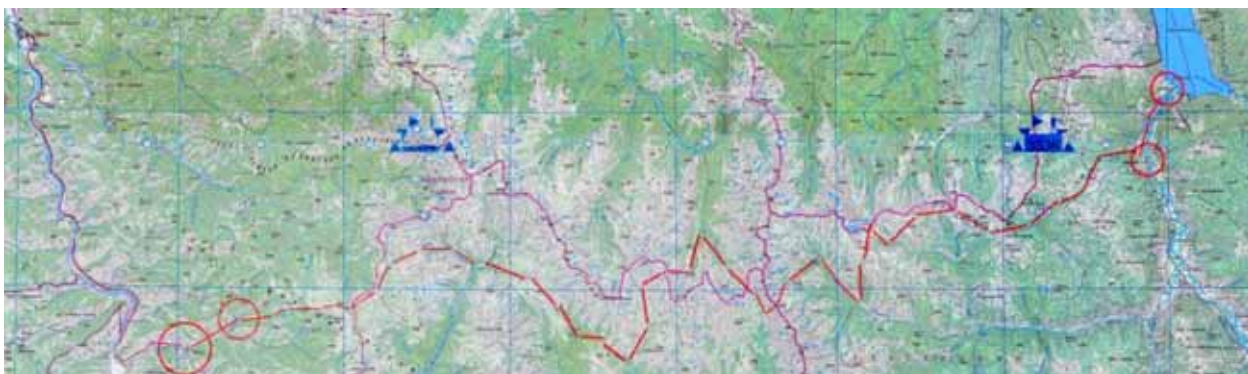
Вернулись в палатку и заночевали. Разбудили телята, бродящие вокруг платки и задевающие стропы. Куча мальчишек шурующих у костра, и вклинивающиеся в наши сборы. Остался без столовой ложки. Остальное, вроде, цело. С трудом водрузил рюкзак на Иду, та побрела шатаясь. Попытался вскинуть свой, а не смог. Еле отрываю от земли. Килограмм 50! Продуктов на месяц. Банки с тушёнкой и стущёнкой. Далеко я с таким грузом не уйду. Подполз под рюкзак, вддел лямки, встал, шатаясь, и побрёл за женой.

77ой маршрут самый трудный из всех плановых маршрутов СССР. Строгий медицинский отбор. Берут только самых здоровых. Мы к таким не относимся. Плановые идут с инструктором (только мужчина), у них рюкзаки по 15 км, есть промежуточные базы с продуктами, а главное – хорошие карты, позволяющие размечать маршрут. У нас ничего нет, за исключением хронических болезней, естественно. Их 20 человек, нас двое.

Не сразу, но начали набирать высоту. Не круто, но очень длинно. Набрать по высоте пришлось 500 м (с 600 до 1100). Непрерывно двигаться мы могли не более 20 мин, после чего падали без сил, и 10 мин лежали. Сердце билось в горле, хватал воздух, пот лил струей и затмевал видимость окружи. Так себе удовольствие! Но мы вставали и двигались дальше. К вечеру преодолели 15 км, дошли до реки Кызыл-Гак (тропа по кедровому лесу), где заночевали на лугу, пёстром от цветов. На следующий день стали забираться на голый перевал Таман-Ёл (2200 м). На него среди осыпей серпантином ведёт тропа. Камни раскрашены зелёными и красными лишайниками. С перевала открывается панорама горных хребтов со снежниками и долин многочисленных рек, теряющихся в ущельях и непроходимой тайге. На перевале тур в виде пирамиды камней, выложенный в честь "обо" – хозяина перевала. Мы тоже подбросили пару камней.



Тур на перевале Таман-Ёл.



Карта маршрута.



Ида на маршруте.

Не потеряться бы в тайге.



Под перевалом нашлось моренное озеро. Поставили палатку. Дров нет, костёр не разведёшь. Примуса у нас тоже нет. На сухом спирте согрели 2 чашки чая. Утром завтракать не стали, лучше свалить, пока погода не испортилась. Преодолев заросли карликовой берёзки, спустились в долину Тогузкол, где развели костёр и поели. Кругом хорошие луга. Однако никто не пасётся. Тундра тут довольно скучная, разнообразит пейзаж десяток озёр. Чтобы попасть к ним пришлось форсировать речку. По камням перенёс сначала свой рюкзак, потом Идин. И снова подъём, на этот раз – на перевал Сайгонош. Тропа идёт слева и выше перевала. Вид хороший, торчит самая высокая гора Сумультинского хребта Альбаган (2618 м). Сил на спуск не было. Не хотели, но заночевали прямо на перевале. Хотя тут снег. Холодно без костра.

Утром спускались по крутой тропе, виляющей меж камней и скал. Шумят водопадики, один большой (высота 6 м). Около него кострище с дровами. Попили горячего чая.

Спустились в долину, перешли брод притока реки Сайгонош, потом ещё два, после брода через реку Малая Сумульта (тут три какие-то речки сливаются вместе) встали на ночлег. На другой день вошли в урочище Тюрдем. Какой-то лабиринт ручьёв, речек и рек. Полезли на перевал Тюрдем (1915 м). Ида, как всегда перед перевалом, приняла валидол. Спуск по широкому логу с травой выше моего роста привёл нас в долину реки Коной. По дороге видели следы медведя, но с нами он связываться не стал, ушёл по своим делам. Мокрая глина, скользко. Снова подъём, на этот раз на перевал Маяк (2500 м). Свалились с него к голубым озёрам, около одного из них заночевали. Утром как-то незаметно взяли перевал Чевош, потом пошли к истокам Аксаскана.



Форсировать препятствия надо технично.



Ночевать приходилось в разных местах.

Тропа повиляла и стала серпантином по каменистому склону подниматься на перевал Уйменьский (2300 м). Дальняя панорама Сумультинского хребта впечатляет, но в ближайшей округе довольно унылая тундра, а вот спуск у озера Уймень нетривиален. Крутой спуск. Опасный. Огромные камни, подмывы в почве, завалы и заросли заставляют быть настороже. Запросто можно ноги переломать, особенно, если за плечами три пуда. Рядом с тропой потоки падающей воды. Замечательны скалы, обрамляющие спуск к озеру. Они имеют вид тонких перьев с огромной силой вбитых в склоны окрестных гор. Каким-то образом они поросли кедром и пихтой. В них живут сибирские козероги. Один даже нам попозировал. Озеро на высоте 1690 м, поэтому с перевала приходится долго и нудно терять высоту. Озеро лежит в глубокой котловине, со всех сторон зажато высокими

горами. Оно небольшое: неправильный четырёхугольник со сторонами 400х200 м, глубиной до 80 м. По берегам парковый кедровый лес, заросли малины, жимолости, смородины. Много цветов. Можно сказать рай. Решили устроить здесь днёвку ибо и ноги и спины у нас стёрты до крови. Здесь мы впервые увидели людей. Самых настоящих! Догнали мы группу плановых туристов. Пообщались, а то мы за время переходов слегка одичали. Показали нам, как легко тут ловится оголодавший хариус – даже на кусочки цветной изоленды. Только размеры рыбки с нашего пескаря. Связываться не стал.



Озеро Уймень.



По маршруту много водопадов.

Плановые ушли, мы денёк провели в одиночестве и как-то отдохнули. В озеро впадают две речки, вытекает река Уймень. Река длинная правый приток Сарыкокши, которая впадает в Бию. Пошли вниз по реке, но через 8 км повернули направо, перешли вброд Уймень (перенёс Иду на руках) и по правому притоку пошли на перевал Карасаазкан (2200 м), преодолели его и заночевали в хорошем лесу. На другой день пошли вниз по долине и начали подъём на перевал Штатив – самый высокий перевал через Сумультинский хребет (2400 м). Тропа набита хорошо, но идёт очень круто, уклон местами 45°, из-под ног сыпятся мелкие камушки. На склонах много снега. Идти надо крайне аккуратно. Связаться бы верёвкой, но верёвки нет. Еле тянем. Часто лежим на рюкзаках. Перед взлётом на перевал нас догнал туман, оказались в центре чёрной тучи. Пришлось на крутом склоне ставить палатку. Ровного места не нашлось. Поставил палатку прямо на снежник, растянул её на камнях дюбелями. Холодно и сыро.

На следующий день Ида приняла свой валидол и полезла без рюкзака на перевал. Я с многочисленными остановками затащил свой, потом – её. С Идой случился мощный припадок астмы. Было решил, что сейчас помрёт. Она сидела на своём рюкзаке, встала, пихнула его и он покатился обратно в долину. Пришлось мне спускаться за ним и

очередной раз брать перевал. На перевале каменный тур. Вид хороший, если тумана нет. Ида слегка оклемалась, и мы начали спуск в долину правого притока р. Уйараташ. Спуск длинный и утомительный. Идём на полусогнутых и скользим. Спустились стали бродить по долине Уйкараташ и, пройдя несколько бродов по небольшим, но многочисленным ручьям и непонятным болотам, начали подъём вверх. Вошли в кедровый лес. Взобрались



на площадку. Здесь кто-то обустроил место для лагеря. Мы этим воспользовались. Заночевали.

Перевал Штатив.

Утром пал туман. Сплошной туман. Ида, как обычно, шла впереди, и если расстояние было больше 10 м, то она исчезала из вида. Тем не менее, мы куда-то шли. Видимо на перевал Сынырлу. Кедровые деревья уменьшились в росте, а потом вообще исчезли. Продирались сквозь заросли карликовый берёзки с грибами –

надберёзовиками. Туман, однако, не рассеивался. Поднялись на очередной горб перевала. Начали спуск, переходим какие-то речки, кругом, вроде, луга, но ни черта не видно.



Очередной брод и мы начинаем подъём. Перевалили, спустились, опять поднялись и опять спустились. Что-то много у нас сегодня перевалов. Вроде должен быть один – Кызылташ. Но тропа хорошая, набитая, почти дорога. Лезем по ней. Вылезаем на полонину, и тропа-дорога исчезает. Полностью. Куда это мы попали? Вопрос, конечно, интересный!

Палатку пришлось поставить прямо на снежник.

Туман начал рассеиваться, занавес стал приподниматься, появились окрестности. Оказалось, что находимся мы на высокогорном альпийском лугу. Кругом горы, дальше идти некуда. Тропа-дорога, которая нас сманила в тумане, вовсе не туристская тропа. Здесь пастухи прогнали на выпасы табун лошадей и пару отар овец. Теперь они тут проведут лето.

Нам же пастись не надо. Посмотрел я вдаль и увидел прямо по курсу горную страну, мрачную цепь гор с белыми шапками. Вот туда нам точно не надо. Явно забрели куда-то не туда. Надо сдать назад. Проблема в том, что у меня само собой, у Иды само собой плохо с задним ходом. Не любим мы сворачивать с выбранного пути. Достал я свой навороченный компас, которым пока не выдался случай воспользоваться, и сказал со значением:

– У нас был курс 180°, меняем на курс 0!

Ну, ноль, так ноль. Со штурманом не поспоришь. Ида согласна. Развернулись мы, и пошли назад.

Но совсем назад идти было глупо. Я бросил тропу и пошёл по-чёрному, в попытке пересечь 77 маршрут. Случилась тайга. Самая настоящая тайга, в классическом понимании. Большие деревья – ели, кедровые, пихты, густой подлесок. Крутые склоны, но главное – буреломы. Поваленные деревья с вывороченными корнями. Очень удобно для

создания медвежьих берлог. Того и гляди на шею мишки свалишься. То-то он обрадуется! Преодолев очередной завал, сели отдохнуть.



Когда туман рассеялся, я оглянулся вокруг себя, посмотрел, куда ведёт наш путь, то осознал, что нам туда не надо. Пришлось изменить курс на противоположный (сдать назад).

– Ты хуже Серго! – заявила мне Ида, намекая на бездарно исполненную мною роль Ивана Сусанина.

Я удивился. Всегда считал, что хуже моего племянника (Кургиняна) быть невозможно, я в этом плане даже не мыслил с ним соревноваться. Оказывается, я его превзошёл. Учту!

Слегка переругиваясь, прошли километров десять и уперлись в дерево, на которое была прибита табличка с цифрой 77, 77ой маршрут! Вот это точность: на расстоянии 10 км ошибка 30 см. Всё же я не хуже Серго, я лучше! Много лучше...



Водопад на реке Ачелман.

По проторённой плановыми туристами тропе полезли на последний серьёзный перевал Таныс (*одинокий*, 2044 м). На шаман-дерево привязали свою ленточку. Начали спуск в долину Ачелмана. Через речку переброшено два брёвнышка. Я довольно бодро перебрался по ним, собрался вернуться за идиным рюкзаком и обнаружил, что моя супруга весит над пропастью вниз головой. Ноги её застряли в брёвнах, рюкзак съехал ей на голову и теперь она машет руками, пытаюсь вернуться обратно. Ситуация меня озадачила: если ноги соскользнут, то лететь в пропасть ей долго. И последствия будут безрадостными. Улёгся я на брёвнышки и пополз к Иде. Ещё неизвестно выдержат ли лесины нас двоих, да ещё рюкзак. К тому же, они в стороны расходятся, приходится их



сжимать. Всё же руки у меня длинные, сначала за полы штормовки, потом за пояс, я подтянул её к мосту вместе с рюкзаком, и, как божие коровки, мы преодолели препятствие. Решили, что на сегодня приключений хватит. Заночевали на месте.

Бывали у нас и весёлые денёчки.

Утром начали спуск по долине Ачелмана в долину Чулышмана. Сверху прекрасный вид на Телецкое озеро и на Чулышман. Вид как с самолёта, внизу, на плоскости всё мелкое: люди, коровы. Жаль парашюта нет. В полной мере мы извели, что такое спуск в один из самых больших в мире каньонов: 1800 м – не шутка. Бодрым шагом спускались 11 часов. Конная тропа обозначена хорошо, не заблудишься. Серпантин, но очень крутой, местами – почти отвесный. Кругом лес – высокие кедры с огромными стволами. Поражают корни, толстыми извилистыми змеями овивающие

огромные камни и препятствующие нашему движению. Имеем занятие – перелезать через корни и скалы. Рядом – высокий водопад. Можно искупаться, но не хочется. Всю дорогу – на полусогнутых, ноги устают. Опять же груз, хоть за две недели, мы многое съели, ещё много осталось. Запасливые мы.

К Чулышману вышли на полусогнутых. Зашли в Балыкчу. Магазин был закрыт, но мы постучали в соседний дом и продавщица нам открыла. Попили молока. Купили стеклянную банку украинского борща и бутылку Вермута с осадком в палец толщиной. Встали в зарослях на берегу Чулышмана и устроили пир. Самое страшное позади. От души предались сексу и завалились спать.



Транспорт на Телецком озере. Мы выбрали пароход.

Утром собрали шмотки, прошли 7 км до турбазы на Кырсае, погрузились на теплоход Пионер Алтая и пошли через всё Телецкое озеро в Артыбаш. Озеро нам знакомо, плавали, знаем. На пароходе до того не были, а он тоже по-своему интересен. Он построен в Москве в 1964 и использовался как речной трамвайчик. Но неожиданно для себя отправился в дальний путь на Телецкое озеро. Путь далёкий, сначала по Каналу имени Москвы, Волго-Балтийскому водному пути и Беломоро-Балтийскому каналу в Белое море, откуда Северным морским путём в Обскую губу. Поднялся по Оби, перезимовал в Барнауле и по весеннему паводку поднялся по Бие в Телецкое озеро. Представляю, как они проходили пороги. Мы сверху вниз на байдарке ели спустились, а уж об обратном направлении вообще речи не было. Молодец, пароход, долго жить будет.

На турбазе выяснилось, что из Артыбаша просто так не выбраться. Автобусов нет, грузовиков с туристами их Бийска тоже нет. Решили сплавляться по Бие на огромной лодке с туристами. В большую лодку, ялик, или как её точно назвать не знаю, уселось 15 туристов, девица-инструктор на носу и лоцман-алтаец на корме, ну и мы с Идой и с рюкзаками. Поплыли. Я сидел на вёслах пока шли по озеру и потом на первых порогах. Затем уселся на корме и смотрел вперёд. Сплав решительно отличался от того, что испытывали мы четыре года назад, сплавляясь на байдарке. Теперь нашу лодку ни пороги, ни волны не волновали – она лишь качалась и подпрыгивала. Девушки для порядка взвизгивали. Туристам было нехорошо, ночь не спали, плясали и квасили. Все были заторможены и постепенно приходили в себя. Большую часть порогов преодолели. Впереди показался Кузенский и паром перед ним. Паром с двумя грузовиками отделился от левого берега и с хорошей скоростью пересекал нам путь. Надо бы подождать, пока он пройдёт. Но нас несло быстрое течение. Лоцман направил лодку к правому берегу, надеясь проскочить между пристанью и паромом. Ошибочное решение. Я встал и попытался вырвать руль у лоцмана. Но не успел.

– Сейчас разобьёмся! – констатировал я вслух.

Причаливающий паром прижал нас к пристани. Лодка стала подниматься вертикально вверх, борта затрещали и стали сжиматься. Народ кинулся вверх по лодке, работая кулаками, пихаясь, хватаясь за свисающие с парома канаты. Один парень впрыгнул на плечи жены, оттолкнул её и вскарабкался на паром. Инстинкт обезумевшей толпы во всей красе. Наш "Титаник".

Мне пихаться не захотелось. Я схватил штормовку, на которой сидел, и в которой были все наши деньги, вскочил на борт и рыбкай нырнул в реку в надежде оплыть паром. Куда там! Вода как ртуть, я даже не смог расправить тело. В какой позе нырнул, в такой поток меня и поволок. Понесло между двумя понтонами парома. Сильно било какими-то железными рёбрами по спине, я занырнул. Сквозь слой воды увидел свет в конце туннеля. Вынырнул и обнаружил, что я в кипятке порога. Из кармана выплыл паспорт, из него – фотокарточка и поплыли в Бийск. Я поймал то и другое и засунул обратно. Приподнял голову, чтобы не треснуться о какой камень, и мощно (мешала зажатая в руке штормовка) погрёб к берегу. На глубине выше колена встал. Несмотря на сильное течение стоять было можно. Посмотрел на паром. Оттуда с большой скоростью вылетали рюкзаки и спассредства, на которых мы сидели и даже не пытались их как-то применить в деле. По порогу выстроилась цепочка наших шмоток. Из-под парома вылетела какая-то девица, её было пронесло мимо меня, но я быстро пошёл к центру реки, схватил её за куртку и потащил к берегу. Тут появилась вторая, но её до меня не донесло. Она сама встала на ноги и вышла на берег. Там упала и умерла – разрыв сердца на нервной почве. Тут я вспомнил, что у меня есть жена. Не дурно было бы поинтересоваться, что с ней стало. Не успел я сосредоточиться, как из-под парома опять что-то вынырнуло. Вроде Ида и не Ида, у супруги стиль плавания – пароход колёсный, а тут какая-то подводная лодка. Я пошёл на перехват. Это была Ида. Она встала предо мной, и протянула мой очечник с очками. Когда она увидела, что я стою на борту и прыгаю в воду, она тоже встала с теми же намерениями. Но стрингера разошлись и она, как гвоздь, ушла в воду. Затянуло её на

глубину, так что она в отличие от меня все рёбра понтона пересчитывать не стала. Странно, но запасов воздуха ей хватило на всё подводное путешествие. Когда она вынырнула, то увидела плывущий знакомый очечник. Всё, что осталось от мужа. Она его взяла и теперь вернула мне. Сама отделалась лёгким испугом.

Появились лодки-моторки, стали вылавливать наши вещи и складировать их на берегу. Группа туристов подчитывала убытки. Погибли две девицы, одна, которую я видел, на берегу, вторая под понтоном. Она схватилась за свисающую с понтона верёвку, схватилась мертвой хваткой. Её уволокло под понтон, но она верёвку так и не выпустила (говорят, боялась, т.к. плавать совсем не умела). С огромным трудом её вытащили на палобу, но было поздно, она захлебнулась. Ещё несколько человек сильно повредились. Нам порекомендовали отойти подальше: мы в лодке были незаконно. Нас и не было, мы ушли метров за 100. За туристами пришла машина и всех увезла. А мы остались. Мы, вроде, как не причём.

Сели мы среди развала брёвен и стали горевать. Как мокрые курицы. В буквальном смысле. Всё мокрое: и одежда, и спальные. Тяжесть неподъёмная. Но главное – у меня располосована спина. Кровоточит. Шрам потом остался на всю жизнь. Врачи интересуются: откуда? Я даже на Алтай обиделся, ну опасности, трудности пути, скалы, пороги – это понятно. Меня пугают, мне не страшно. Но калечить-то зачем?! Приключения должны быть, но они должны кончаться благополучно, без увечий. А раны – это ни к чему, это неправильно.

Помощи нам оказать никто не подумал: дикари они и в Африке дикари.

Стали мы ставить палатку, развесили на брёвнах шмотки на просушку. Но, как иногда бывает, появился спаситель. В лице молоковоза. Мужик тормознул возле нас и предложил подкинуть до Турочака. Погрузились и поехали. Последовательно посетили несколько ферм, там в кузов нам грузили большие бидоны с молоком. Привёз нас домой, покормил, снабдил йодом и чем-то вроде бинта. Мы у него переночевали. Денег он не взял. Мир не без добрых людей! На том и держится...

В Турочаке погрузились на "Ракету" с подводными крыльями и полетели в Бийск. На Кипятке и шиверах пассажиров просили пройти то на нос, то на корму: вывешивали корабль, чтобы не разбиться. В Бийске пошли на вокзал, там билетов на Москву не оказалось. Надо лететь. Это дорого. Полагали, что деньги есть. Посчитали – не хватает. Видать, Бия вымыла. Перетрясли все вещи несколько раз. Нет их! Придётся всё-таки выбираться поездом. Привыкли к мысли. Палатка ещё мокрая и дуже тяжёлая. Развесили на верёвке сушить. Из неё выпали две двадцатипятирублёвки! Теперь можно лететь. Но жаба нас замучила (*жадность фрайера сгубила*). Решили сэкономить и тратить нечаянно свалившееся богатство в Москве. Сели в поезд на Новосибирск, а там пересели на проходящий поезд до Москвы. Ехали в общем вагоне, сушили шмотки, и лечили мне спину.

Ида читала "Новый мир".

1974 Катунь-Тюнгур – Кучерлинское озеро – подножие Белухи – Аккемское озеро – Катунь

Раз очередной чемпионат мира по футболу, значит, нам с Идой надо отправляться на Алтай. Традиция! Тем более, что прошло 10 лет после моей первой экспедиции в эти края, после образования общества ЗК (1964 г.). Юбилей! Это моё четвёртое посещение Алтая (экспедиция+2 похода с Идой (всегда, когда имеет место первенство мира по футболу): в 1966 г. – байдарочный поход по Телецкому озеру и в 1970 г. – от Катунь (Чемала) до Бии и Телецкого озера. Теперь я собрался на Алтай в четвёртый раз. Ида – будет третий раз на Алтае. Компания привычная, нас двое: я и Ида. Чисто горный туризм, без примесей чего-то водного. Маршрут: Катунь (Тюнгур) – р. Кучерла – Кучерлинское озеро – безымянные перевалы (возможно, Рижские) – подножие Белухи – Аккемское озеро – р. Аккем – перевал Кузюк – р. Кучерла – Катунь – Тюнгур – Бийск – Новосибирск – Москва. Пешком километров 200.

Разбогатели, до Барнаула летели на ТУ-104, затем до Горно-Алтайска на ЯК-40 (очень хороший самолёт). В Майме забуксовали. Никаких билетов до Усть Коксы нет. Проданы вперёд на неделю, а то и больше. Пришлось проявлять инициативу: подошёл к шофёру и договорился, что он нас подхватит на выезде из города и погрузит без билета (и за меньшую сумму). Пошли с грузом пешком, нас догнали, сели в небольшой автобус старинного вида, свалили сзади рюкзаки и улеглись на них. Ехать долго.

Сначала по Чуйскому тракту вдоль Катунь мимо Манжерока. Пообедали в придорожном кафе у моста через Катунь, выпили алтайского пива. Неплохое. Проехали Шебалино (125 км от Горно-Алтайска, там совхоз, разводящий маралов, есть краеведческий музей; село большое ~4000 жителей). Тракт сначала довольно прямой, но потом начались повороты и серпантины; на крутых зигзагах дверь у водителя распахивалась и чиркала по асфальту, водитель за ней не следовал, но высовывался и захлопывал. Так всю дорогу.



Усть-Канская пещера.

Добрались до Усть Кана (1010 м над уровнем моря, 260 км от Горно-Алтайска, 360 от Бийска; ~2500 жителей). Издали (в бинокль) посмотрели на знаменитую Усть-Канскую пещеру, что в 3,5 км восточнее села, на правом берегу реки Чарыш, на горе Белый камень. Говорят, пещера имеет 17 м в длину и 12 м в высоту. Входное отверстие

расположено в 50 м над землей, к нему ведёт деревянная лестница. Здесь обнаружена палеологическая стоянка - много чего интересного нашли. Занимательно, что в ночь на полнолуние стены пещеры расходятся, и в мир людей выходят алмысы — полулюди-полузвери. Вокруг села много родников. Из одного попили водички. Пересекли Уйменскую степь, межгорную котловину. Высота 1000 м, простирается вплоть до Катуня, на нашем маршруте — последняя довольно населённая местность. Кругом высокие горы со снежниками, много заимок (староверов-раскольников?) и пасек. Мёд здесь ценный, лечебный.



Степь вблизи Усть Кана.



Подвесной мост через Коксу слева – после ремонта, справа – в то время: многие половицы отсутствовали, бортов не было вообще)..



Это – мост, а не качели.

Через 120 км от Усть Кана (400 км от Горно-Алтайска) достигли села Усть Кокса (~2300 чел), что на левом берегу Катуня. Здесь база учёта туристов. В принципе, мы должны здесь заявить о себе, зарегистрироваться, сообщить контрольные сроки возвращения (это чтобы в случае чего нас спасали). Но мы это дело проигнорировали. Как-нибудь спасём себя сами. Здесь бывал Рерих и писал свои картины, искал Алтайскую Шамбалу. На другом берегу Катуня в Верхнем Уймоне есть его музей. Река Кокса впадает

в Катунь, реку здесь уже довольно широкую. Хорошо виден процесс смешения вод: чистой, прозрачной Коксы и молочной Катунь. Перешли Коксу по частично разрушенному и сильно шатающемуся подвесному мосту. Так себе удовольствие, особенно с учётом сверхтяжёлых рюкзаков. На другом берегу в березняке разбили палатку, попили молока, попробовали местный сыр (очень даже ничего) и переночевали.

Дальше постоянного транспорта нет. Однако периодически до Тюнгурского (64 км) ходит небольшой автобус. Утром попытались в него сесть. Не тут-то было. В небольшой и вполне потрепанный жизнью транспорт ломанулась толпа активных пассажиров. Иду я пропихнул внутрь, но пока возился с рюкзаками, оказалось, что для меня (и дюжины других жаждущих) места нет. Мотор завёлся. Я как-то зацепился за косяк и возопил:

– Жену увозят!

Помогло. Народ врубился в драматизм происходящего и потеснился. Дверь почти закрылась и мы поехали. Дорога грунтовая с зигзагами, трясёт, качает, груз то идёт вперёд, то осаждают назад. Утряска и усушка. Смог даже встать на обе ноги и вдохнуть. Местами транспорт застревал, мы вылезали, толкали его. Благодаря биодвигателю мы благополучно достигли Тюнгурского. Места примечательного и широко известного. А я о нём ещё в детстве слышал.

Тюнгурское – шаманский бубен по-алтайски. Село (человек 300, старое, заселено в последней четверти 19-го века). Расположено на левом берегу реки Катунь, напротив устья реки Кучерлы. Турбаз никаких нет – остановиться негде. Говорят, теперь (в 2017) через Катунь есть подвесной мост, причём – автомобильный. В наше время ничего такого не было. Был паром.

Об этих местах слышал с детства, тут случилась засада крестьян, восставших против большевиков. Именно здесь был полностью вырезан отряд красноармейцев под командованием Сухова. Это в каком-то смысле наша семейная история. Мне об этих местах много рассказывал отец, прививая любовь к Алтаю. Так что я тут оказался во многом из-за его баек. Он – вольноопределяющийся и царский офицер, перешёл на сторону большевиков (на сторону народа, как он полагал), стал красным бароном и с тяжёлой артиллерией отправился бить Колчака (о чём потом жалел всю оставшуюся (85 лет) жизнь). Наступление шло хорошо, Колчак бежал, но крестьяне, не поняв своего счастья, подняли восстание, и красную армию хорошо прошерстили. Включая тот самый отряд, в который входил мой отец

Победоносный отряд Красной гвардии, состоявший в основном из бывших шахтёров Кузбасса, с народом справиться не смог, ушёл в бега, дёрнул к Чуйскому тракту, чтобы по нему свалить в Монголию и там отсидеться. Отец со своей артиллерией перемещался по Иртышу: Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Зыряновск. С Суховым он не пошёл (в воинский талант шахтёра он не верил, с народом воевать не хотел, да и в Монголию не стремился). Он из Чёрного Ануя перебрался на реку Бухтарму, где просидел всё восстание в бане предводителя староверов, под крылышком его дочери, исполнявшей обязанности любовницы красного командира (коса у ней была ниже попои, в руку толщиной). Потом я не особо удивился, когда узнал, что в Сибири много людей с фамилией Бекман! Кстати, предводитель о шалостях дочери ничего не знал (гонялся за большевиками по всей округе), но когда его повязали, то оказалось, что он не так прост: спас красного командира у себя в бане (расстреляли его уже в 30-х годах).

Движению отряда Петра Фёдоровича Сухова (фамилия, как у героя фильма Белое солнце пустыни: случайно или нет?), местные крестьяне оказывали пассивное сопротивление: угоняли скот – преимущественно лошадей. Сам Сухов в своё время был исключён из гимназии за политическую неблагонадёжность, повоевал на фронте с немцами, где вступил в большевистскую партию. В предгорьях Алтая он оказался командиром сводного двухтысячного красногвардейского отряда, который в течение двух месяцев вёл борьбу с кулаками и белогвардейцами. Надо полагать, не слишком удачно.

Отбиваясь от нападавших, красногвардейцы Петра Сухова продвигались по Уймонскому тракту. За неделю преодолели 250 км. Но белогвардейский отряд под командой поручика Любимцева, поддерживаемый местным населением, в 7 километрах ниже с. Тюнгур на обоих берегах Катуня устроил две засады. 10.08.1918 отряд в составе 253 бойцов вышел Тюнгурского и двинулся по единственно возможной дороге к Чуйскому тракту. Сухову, конечно, не пришло в голову выслать вперёд разведку. А дорожка была настолько узкой, что красногвардейцы двигались цепочкой, ехали друг за другом по узкой горной тропе. Справа от нее несла свои бурные волны Катунь, слева – нависали скалы горы Бай-Туу. Когда весь отряд въехал в узкое катунское ущелье, спереди и с противоположного правого берега реки обе засады открыли сильный огонь из винтовок и пулеметов. Сжатый со всех сторон отряд Красной гвардии не имел возможности укрыться от губительного огня противника. Отряд понес большие потери. Те, кто повернул назад в Тюнгур, были встречены огнем местных казаков. Красногвардейский отряд Петра Сухова был разбит. Оставшиеся в живых бойцы с наступлением сумерек в одиночку и небольшими группами взбирались на крутые скалистые склоны горы Байтуу. Однако спастись удалось немногим. Небольшая группа красногвардейцев с помощью пастухов-алтайцев прорвалась к пос. Усть-Иня на Чуйском тракте, но была встречена отрядом Малкина – выходца из нижеуимонских купцов. На четвертые сутки местные жители выловили две группы красногвардейцев, потерявших ориентировку в горах. В одной из них находился Сухов. Все красногвардейцы были сданы казакам и немедленно ими расстреляны. Сейчас П.Ф. Сухову и 144 красногвардейцам его отряда в Тюнгуре установлен памятник. Это самая большая братская могила в Горном Алтае.



Река Катунь и Тюнгур.



Кучерла - правый приток Катуня.

Дело шло к вечеру, пора было начинать маршрут, для чего следовало преодолеть Катунь. Река тут не слишком бурная, но широкая и с сильным течением. Подошли к парому и пообщались с паромщиком. Тот сообщил нам интересную новость: на Алтае жарко, сухо, дождей нет, тайга горит, туристов запрещено переправлять через реку, особо – диких. А вы, похоже, таковы и есть. Вот тебе бабушка Юрьев день! Надо было срочно принимать меры. Я дал взятку! Первый и последний раз в своей довольно долгой жизни. Сначала хотел отдать ему фляжку с медицинским спиртом. Но пожалел: мало ли что! В

тайге деньги мне не нужны, а спирт пригодится, да ещё как! Достал сотню и отдал мужику. Этой суммы должно хватить на пол-литра и небольшую закуску. Подобный поступок прославил меня, если не на всю жизнь, то на много лет. Гуляя по Алтаю я не раз слышал легенду, как один чудаковатый москвич дал взятку в тысячу рублей за принципиально бесплатную операцию – переправу на пароме. Если её когда услышите, так знайте – это был я. Правда, выше пол-литра водки мы с паромщиком подняться не смогли.

Теперь пожарную угрозу мы не представляли. Быстро и без потерь мы были переправлены через Катунь. Паром – катамаран с железными гондолами и деревянным настилом. Бодро ходит между берегами без всякого двигателя. Прошли по правому берегу немного вперёд, разбили палатку, развели костёр, и Ида занялась ужином. Я же прогулялся на пару километров вниз и полюбовался рекой. Где-то там километров 15 отсюда (на 5 км ниже Аккема) много лет назад в экспедиции я сидел на камне и фотографировал спуск туристов на плоту по Аккемскому сужению.



Карта маршрута. Красным выделен наш путь (примерно: петляли мы славно).

Здесь долина широкая, Катунь уже преодолела первые 260 км, теперь монотонно катит свои воды, можно спокойно плыть на лодке и, кажется, ничего тебе не угрожает. Однако, угрожает и ещё как! Ибо там, за поворотом есть каньон, русло сжимается между Катунским и Теректинскими хребтами, река бушует, вода вскипает. Называется порог "Аккемский прорыв" или "Аккемская труба", пятая категория сложности. Тихо-спокойно на байдарке минуете устье Аккема справа и тюркских каменных баб слева, проходите два острова и внимательно (не прозевать!) ищите взглядом избушку-летник с полуразрушенным овином. Всё! Дальше байдарке пути нет. Там крутой поворот реки налево и начало порога. Немедленно к берегу, вытаскивайте лодки, пакуйте, вызывайте лошадей и отправляйтесь домой. Кто советов не слушает, или вообще ворон считает, не обращая внимания на приметы, тот преимущественно гибнет. Много здесь таких умных было... Теперь нет.

Но если плоты десантные, то можно попытаться пройти. При хорошем опыте таких приключений, естественно. Идти приходится сразу, разведка невозможна, на крутой берег не только высадиться трудно, к нему вообще приближаться нельзя – разобьёт. Это порог каньонного типа, с большим уровнем падения воды и валами до трёх метров. Русло сужается до 15 метров. Имеет место пять мощных сливов и на выходе из порога три слива

поменьше. Протяженность порога пять километров. На входе в порог, при левом повороте реки, течение наваливается на правый берег, а затем переходит к левому берегу чередой валов высотой 2-3 метра. На переходе – зубы скал при большой глубине (не встать!). Затем участок спокойной воды. На следующем пологом левом повороте почти по середине реки стоит большой камень и делит русло реки на два потока. Основной поток левый. За камнем вдоль левого берега валы высотой до трёх метров. Затем идёт серия валов, пересекающих русло реки справа налево. После этого основная струя с валами до двух метров идёт под левым берегом. Порог заканчивается перед устьем притока.

Обычно тут хоронят незадачливых водников.



Аккемский порог

Говорят, если срубить ёлку и направить её в Аккемское сужение, то она вылетит без веток и даже без коры. Не знаю, я таких экспериментов не проводил.

Так вот. В давние времена сидел я недалеко от входа в сужение на камне в виде трона, болтал ногами, размышлял о смысле жизни и своём месте в нём. Возник спасательный плот. Многосекционный. Оборудован он был хорошо. Все вещи в клеёнчатых мешках, крепко привязаны канатами, крест-накрест перекрывающими плот. На нём сидели четыре мужика со спас-жилетами и в касках, и активно махали короткими однолопастными вёслами. Мужики довольно старые, лет по сорок; зубы выбиты, опытные, видать. Возле меня они тормознули и протянули мне киноаппарат, чтобы я снял их мастерский проход через порог. Я согласился и побежал вниз по-над речкой, как заправский оператор. Занял позицию и включил камеру. Плот бодро вошёл в порог. Он осмысленно держал путь. Но не долго. Его завертело, треснуло о камень (одна секция лопнула, но остальные устояли) и понесло на скалы. Одна скала имела неизмеримую высоту, и к тому же отрицательный уклон. На неё и кинуло плот. Он сжался, как мячик, застрял было в щели, но отскочил и перевернулся. Спортсмены, мелькнув в воде, исчезли. Плот запрыгал по волнам, как яркий поплавоч. Со всех ног побежал я за ним. После порога, на очередном повороте, песчаная коса. На неё вынесло плот.

Ещё в воде плот зашевелился и оторвался от воды. На берег вышел мужик, шатаясь из стороны в сторону и спотыкаясь. На голове у него, как тюрбан, красовался плот. Плот подскакивал и бил его по каске, которая так низко спустилась на лоб, что казалось – кости сплющились. Когда плот перевернулся, всех снесло, а он остался под плотом, схватился за канаты, и поднимая плот на волны, глотал воздух. Так и прошёл порог.

Я помог ему освободиться от транспортного средства. Постепенно подтянулись пловцы. Некоторых унесло на десяток километров. Все живы и, в каком-то смысле, здоровы. Труден сухопутный маршрут по камням, кустам и осыпям. Обсудили актуальную тему: дадут мастера спорта СССР за проход Аккемского порога или зажмут? Порог пройден? Пройден! Не все остались на плоту, но один с ним. А на плоту или под плотом, о том ничего в спортивных законах не сказано. Моряк и под крейсером моряк! Я уверил их, что зачтут. Если кино получится.

Вернулся к палатке, поужинали и завалились спать. Днём было жарко, но к ночи

сильно похолодало. Утром вышло солнышко, палатка прогрелась, мы занялись сексом (путь далёк и труден, неизвестно, что нас ждёт), собрали вещи, согнулись и побрали по тропе по долине Кучерлы к горам. Высоким и снежным. Мираж манил.

Начало пути – почти дорога.

На том берегу Кучерлы было селение, несколько домов. Мы туда не пошли.

Дорога перешла в конную тропу.

Идти нужно километров пятьдесят. Это по прямой, а так – вверх-вниз, вправо-влево, серпантин, сосчитать километры невозможно. Главное – высоту набирать надо. Сейчас мы на высоте 830 м, а нужно достичь отметки 1830 м (чуть выше верхнего Кучерлинского озера), т.е. почти километр по вертикали. Не просто, поскольку без тренировок и акклиматизации. Рюкзаки тяжелы. Даже очень. У

меня чуть больше 40 кг. Оторвать его от земли и забросить за плечи я не могу. Устанавливаю на камень, подползаю, впрягаюсь в лямки, встаю и бреду, шатаюсь. Огромный яровский рюкзак бьёт по попе. Ида тоже бредёт, шатаюсь, низко опустив руки к земле. Те ещё туристы: Лиса Алиса и Кот Базилио вступили на тропу.

Тропа неплохая, сначала почти дорога, трактора, видимо, здесь бывают – сено возят, до Кучерлинского озера трактор, поди, не дойдёт, а вот до Аккемского озера вполне может. Дорога переходит в конную тропу, которая вполне наезженная. Потом, при преодолении прижимов, скал и осыпей она вырождается, однако заметна везде, проблем с ней нет. В низовьях долина довольно широкая, Кучерла даже образует несколько русел, много дресвы. О переходе с берега на берег речи не идёт – снесёт. Поднимаемся правым берегом.





Ида стойчески несла на себе "Запорожец".



Всё чаще и чаще тропа идёт лесом.

Вскоре становится очевидным, что река скована теснинами. Мощные пороги образуют цепи, следующие один за другим. Средний уклон порядка 23 м на км, но в районах основных препятствий уклон достигает величины 100 м/км и выше. Грохот – разговаривать нельзя. Мощностъ и первозданная сила. Вода в реке красивого зеленоватого оттенка. Местность живописная, кругом горки, леса, хвойные и смешанные, впереди – снежные горы.

Бредём по жаре. Спасает северный ветерок, дующий в спину. Но пот градом. Каждые 200 м останавливаемся, заваливаемся на рюкзаки и дрыгаем ногами. Один раз устроили перекус, съели по шоколадке, попили водицы из речки, побрели дальше. Долго ли, коротко, но достигли ручья (похоже – речка Громотуха). Здесь уже кто-то останавливался. Было кострище и даже немного дров. Кто-то постарался. Разбили палатку, плотно поужинали и заночевали.



В конце концов мы достигли Большого Кучерлинского озера.



Мы продолжили поход.



Кучерла - река довольно бурная. Просто так её не перейдёшь.



На Кучерле встречаются крупные пороги.



Большое Кучерлинское озеро.



Из Большого Кучерлинского озера вытекает река Кучерла.

Утром возникла была идея отвлечься от маршрута и поискать доисторическую пещеру, грот Куйлю называется. Там писаница. Мы слышали о её существовании, но точно не знали, где она. Шум по её поводу поднялся много позже. Решили не отвлекаться, хотя жаль. Пещера интересная. Ручей там из-под земли возникает, зимой не замерзает и вода в нём целебная. На стенах – сотни рисунков древних людей (петроглифы). Есть очень древние. В основном – маралы, козлы, косули, пушного зверя нет. Присутствует и древнейшее божество Азии, хозяин верхнего мира – громовник. В гроте живут сверхъестественные существа, духи.

Утром продолжили подъём. Шли ещё медленнее, ибо сбили ноги, но всё же достигли нижнего озера. Оно так же называется Качинек ("маленький, крохотный, малюсенький"). Озеро образовано продвижением древнего ледника. Берега округлые моренные валы и холмы. Длина озера — 532 м., ширина — 280 м, глубина 17 м.



Наши маршруты по Кучерле и Кучерлинскому озеру. Слева показан и путь назад, справа – погоды к Голубому озеру и на перевал.

Заночевали. Пробудились поздно, побрели дальше. Каждый раз, взбираясь на очередной холм, надеялись: он последний, но нет, спуск и снова подъём. Озеро открылось неожиданно: рывок вверх – вот оно перед нами. Полдень, можно отдохнуть.

Название Кучерлинского озера происходит от южноалтайского Каджур-лы, (с солонцами). Не понятно: никаких признаков солонцов мы не обнаружили. Озеро расположено на северном склоне Катунского хребта, на высоте 1790 м. Озеро очень красивое, причём, в любую погоду, в любое время, особенно на восходе и закате. Матовая бюрюзово-серая вода, отражает небо, крутые скалы, водопады, кругом высокие горы, высотой за 3000 м., некоторые со снежными шапками, лиственница и кедр, много ярких цветов. Озеро вытянулось с юга на север, его длина 5220 м., средняя ширина – 575 м. В северной части озеро расширяется и здесь максимальная его ширина – 900 м. Котловина озера образована продвижением древнего ледника, она имеет корытообразную форму, полого-вогнутое дно и крутые склоны к нему. Максимальная глубина озера – 55 м., а средняя – 30 м. Северную часть озера запруживает мощная конечная морена отступившего, растаявшего ледника – это весь рыхлый несортированный материал, который нёс ледник (глина, щебень, галька, валуны). В озере живёт Коль-ээзи, ("Хозяин озера"), который может кричать по-бычьи. Однако с нами он связываться не стал и никак себя не проявил. В воде изредка всплывала рыба – возможно хариус. Ловить его нечем.

Тропа по правому берегу (орографически, озеро по правую руку) вполне плохая: валежник, брёвна, большой боковой уклон, выходы на крутые курумники. Иногда тропа раздваивается и расстраивается. Прошли мимо нескольких хороших стоянок. Ну их. Толпы набегут, шумно будет. Наконец, нашли что-то более менее подходящее. Здесь даже была ловочка. Под ней сидел дикообраз. Ни какой-то ёж, а настоящий дикообраз. Во! А я думал, что дикообразы лишь в Австралии живут. Но оказалось, что и в Горном Алтае они себя неплохо чувствуют. Дикообраз пошевелил длинными иголками, громко фыркнул и исчез. Больше мы его не видели. Разбили лагерь, поставили палатку, натянули тент – столовая при случае дождя. Палатка у нас лёгкая, тонкостенная (тяжёлую нам не поднять), но довольно просторная. Так что вещи разместили внутри палатки.



Пошли на экскурсию вокруг озера.



В лесу созревала смородина.

Разбили лагерь.



Ночь оказалась холодная — заморозки, почти зима. Спальники наши на такой климат не рассчитаны. Пришлось ночевать в свитере. Однако утром солнце пригрело и жизнь стала веселей. Отправились в лес поискать грибы-ягоды. Жимолости везде много, но она — на любителя. Есть брусника, но она ещё не поспела. Набрали немного прошлогодней. Всё же попался куст чёрной смородины, почти спелой.

Особо ходить было лень, да и ноги лечить надо было: попарили, наложили пластыри и кое-что перевязали. Во-время, а то без ног можно остаться. Да и мышцы всего тела напрялись, надо дать им отдохнуть. Решили сделать днёвку, Ида её интерпретировала как банный день. Несколько неожиданно для меня. Лично я мыться не собирался. Пришлось костром заняться основательно. Это вам не котелок разогреть. Добыл несколько брёвен (в основном — плавник) и организовал нодью, и не одну, а две — под прямым углом друг к другу. Ещё одну сторону составлял большой костёр, на котором кипятились два ведра воды. Так что получилась комната из трёх стен дыма и огня и одним входом. Ида разделась и принялась мыться. Я следил за кострами, подносил воду, отговаривал от прыжков в воду (вода в озере холодная), потёр спинку. Добром это кончиться не могло. Мы вытащили спальник и под полуденным Алтайским солнцем занялись сексом. Я был сильно увлечен этим, пока

мне в спину не уперся острый сук. Осмотрелся и подивился. Мы на спальниках продвинулись от палатки метров на 20, оставив чёткий след на примятой траве. Остановил нас кустарник. Как-то сразу стало холодно. Разгар дня, а температура никак не выше +12°C.

На следующий день налегке пошли на экскурсию на верхнее озеро. Тропа плохая, иногда исчезает и приходится идти прямо по озеру, благо глубина тут небольшая. Лишь через два часа похода достигли мы южной оконечности Большого Озера и стали вдоль речки подниматься на верхнее озеро. Оно небольшое: где-то 0,5 км в длину и 0,2 км



в ширину, не глубже 5 м. Южный берег – начинающееся болото. Вода скатывается с ледника бурным потоком. Сначала водяной поток несется среди хаотического нагромождения каменных обломков и мягких известняковых пород, размывая которые, Кучерла приобретает молочный цвет с бирюзовым отливом. Через 5 км ниже слияния истоков река впадает в Большое Кучерлинское озеро.

Ида бодро стремилась к Голубому озеру. Я едва поспевал за ней.

Ничего интересного. Решили поискать цветные озёра. На нашем склоне на высоте 2300 м. расположено Голубое озеро, длина его – 1,2 км., ширина 0,3 км. В непосредственной близости к Голубому находится Зеленое озеро. И далее, на высоте 2817 метров – Бирюзовое озеро. Примерно на середине Большого Кучерлинского озера нашли тропу, уходящей вверх, прошли по ней 2 км и поднялись на 500 метров по вертикали. По дороге попался водопад, высотой метров 80. Говорят, субальпийские и альпийские луга, находящиеся в

окрестностях озёр, нередко посещают сибирские горные козлы. Также сюда заходят снежные барсы (ирбисы). Мы никого не встретили. Вернулись в лагерь. Вечером долго сидели у костра. Любовались звёздным небом. Прекрасный млечный путь. Мало где такой увидишь.

Утром лежал в палатке и размышлял. Всё же странно: мы тут гуляем почти неделю. А не встретили пока ни одного двуногого и ни одного четвероногого. Какая-то абсолютная безлюдка. Всё же я не первый раз на Алтае, можно сказать перечеркнул его во всех направлениях, но так, чтобы никого не встречал несколько дней – такого не было. Тут – заповедник, егеря, лесники должны наведываться, тем более сухо, гореть может всё. Пограницы должны документы проверять у всех здесь шатающихся. Всё же Китай и Монголия рядом. Пастухи овец туда-сюда гоняют. Всадники по своим делам куда-то мчатся. Но главное – туристы. Место здесь бойкое, места красивые, довольно доступные. И серьёзные восхождения начинаются отсюда. И никого! С одной стороны это хорошо, можно отдохнуть от шума-суеты и быть естественным на естественной природе. А с другой стороны как-то беспокойно: случись что – никто не поможет.

Не успел я додумать эти мудрые мысли, как раздался шум, смех, свист и на нашу поляну ворвалась группа туристов-альпинистов. Пришлось вылезать и общаться. Они из Свердловска, встали на большой стоянке на севере озера. Собираются на перевал Титова и далее на Белуху. Обменялись картами-схемами. У меня с этим делом плохо, а у них ещё хуже. Куда идут, смутно себе представляют. Тащат они много груза, один – на плечах даже выучник (роль мерина исполняет, интересно долго он так продержится, на вершину этот ящик ему не поднять). Было у них и ещё много чего. На мой взгляд –

лишнего. Например, три мешка воблы. Ценная вещь, деликатес, давно не пробовал. Даже с пивом.

Альпинисты умаялись. Поняли, что с грузом у них перебор. Радостно подарили они нам полмешка воблы. Можно сказать, она на нас с неба вобла упала. Не знаю, как мы её погрём. Бросить, однако, жалко. Пригласили нас отобедать. К вечеру собрались и ушли. Мы опять уселись у костра. Солились воблой. Налетел ветер, вскоре с севера прибыли чёрные тучи. Пошёл дождь, а затем гроза. Классная гроза. Яркие молнии сверкали в ночи, ударяя, иногда горизонтально в скалы. Обрушился ливень, прямо потоп какой-то. Хорошо тент натянул над палаткой. Но всё равно крыша протекла. Под нами хвоя и песок, так что сразу наш дом не снесёт. Ночью, перекрывая гром, раздался мощный грохот. При свете молний увидел, как с противоположного берега сошла лавина (сель?). Вода в озере закипела. Наш берег довольно плоский, такого катаклизма не ожидается.



Утро на озере.



На озере можно загорать (иногда). На Алтае комаров нет.



Днёвка при хорошей погоде.



Пора в дальний путь.

Утром дождь продолжался, мелкий и противный. Довольно холодно. Вылезать из спальника не хотелось, но нужда заставила. Собирались в этот день на Аккем, но отложили. Сырость кругом, тропы размыло, камни скользкие. Устроили ещё одну днёвку. Воблой забавлялись. По погоде, нужно было бы ещё один день посидеть, но время уже поджимало. Продукты, в принципе, ещё есть, но окончание их наметилось. На следующий день собрали вещи и тронулись в путь. В принципе, можно было бы спуститься вниз по Кучерле, потом через перевал Кара-Тюрек перебраться в долину р.Аккем, подняться к озеру Аккем и далее к Аккемской стене Белухи. Но мы решили рвануть прямо по горам. По азимуту, на восток.

Встали довольно рано. Для нас рано: мы встаём довольно поздно, когда палатка прогреется. Но тут ждать тепла не стали. Позавтракали, навьючились и побрели. Погода: переменная облачность и кратковременные дожди. Пространство мокро, ноги скользят, идём в резиновых сапогах. Вошли в лес. Ориентироваться просто – выбирайся из долины стоя к озеру задом. Какие-то тропы попадались, при случае мы ими пользовались, но без ажиотажа – поднимались по ручьям и распадкам. Тропы сильно забирали к северу, видимо на перевал Кара-Тюрек. Нам туда не надо. Мы – по прямой (в реальности – ломанная кривая).



На берегу много открытых площадок, с которых удобно стартовать.



Мы начали набирать высоту и выбираться из долины Кучерлы.



По мере подъёма Кучерла удалялась.



Прощай Кучерла!

Лес довольно густой, кедры и лиственница. Захламлён упавшими деревьями, но не сильно. Двигаться можно, местами даже приятно. Хотя, в принципе, тропы Алтая, есть тропы Алтая, без них невозможно. Альпенштоков у нас нет, тростью служил кол от палатки, вещь во всех смыслах полезная. У Иды он имел вид царственного жезла. Иногда нам путь преграждали потоки воды, стремящиеся в долину. Мы шли в резиновых сапогах, от воды это не всегда спасало, но ноги скользили и мозоли на них натирались. Вдали мелькали водопады, но мы их обходили стороной.



Постепенно, постепенно, кряхтя и охая, потев и отдуваясь, выбрались мы на водораздел. Лес кончился, началась берёзка, кедровый стланик, курумники и осыпи. Иногда скалы – останцы. Идти не стало легче, но дорожное покрытие сильно поменялось, потому хромать мы стали по-другому.

В долине Кучерлы лес густой, тайга.

Оказавшись на оперативном просторе, я огляделся. Кругом были горы. Реальная горная страна, не хуже страны Черского в Якутии, по которой я долго бродил. Горы высокие, все в снежных шапках, с ледниками и трещинами, а ещё, поди, с ледовыми стенками. С

них станется. Встал вопрос: куда нам плыть? Куда конкретно мы движемся?

Тут по Визбору:

*Снова нас ведут куда-то
И не ясен нам маршрут
Видно, горы виноваты -
Снова в гору и по тропам
С рюкзаками за спиной.
Груз под силу лишь циклопам!
— Мама, я хочу домой!*

Всё правильно, только когда тебя кто-то ведёт куда-то и знает точно куда – это одно, а когда ведёшь ты сам и не знаешь точно куда – совсем другое. Тем более, что ведёшь ни кого-то, а собственную жену: боевую подругу и критика.

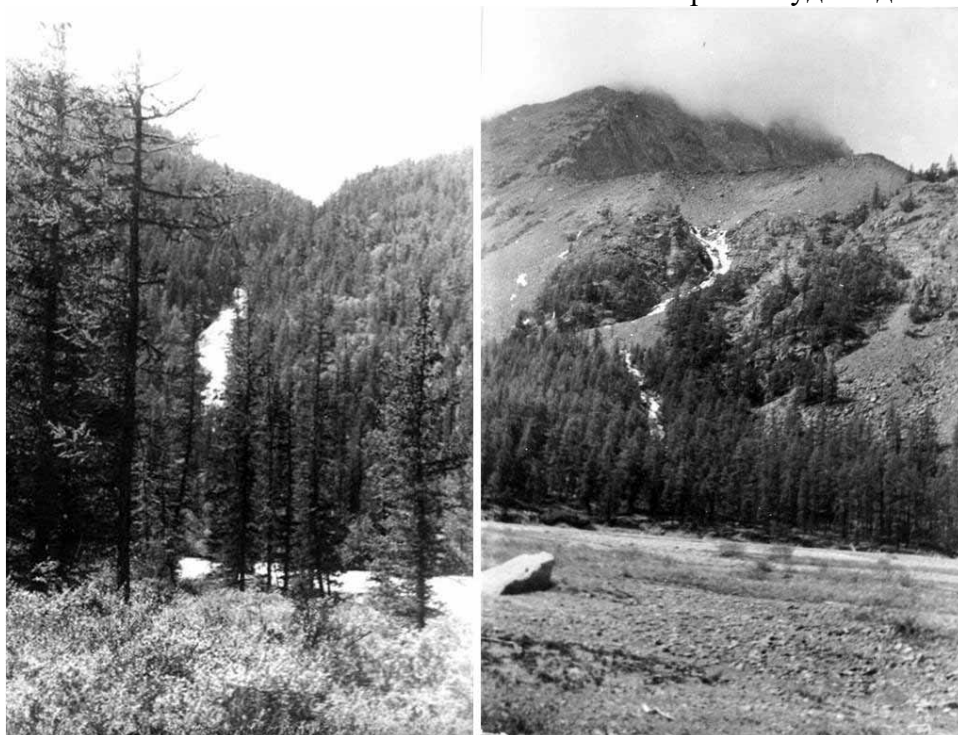


По Алтаю без троп гулять трудно, порой невозможно.

В экспедициях я водил отряды, по сложным и длинным маршрутам. Но там у меня были карты любых масштабов и аэрофотоснимки (стереоскопические, у некоторых кружилась голова и тошнило, когда они их рассматривали). Был, наконец, компас и не простой, а с отсчётом азимутальных углов. Здесь у меня ничего такого не было.

*Если бы у бабушки колёса,
то это была бы не бабушка, а дилижанс.*

Если бы у меня были карты и система ориентировки на местности, то я бы был профессионалом, а сейчас я путешественник-любитель. Даже не турист. Туристы регистрируются и идут на разряд: третий, второй или даже первый. Мы и Идой свободные люди – летим, куда хотим. Осталось выяснить, куда конкретно. Понятно, что на восток, только где этот восток? Компаса у меня нет. Есть твёрдые знания, что утром солнце на востоке, днём на юге, а вечером на западе. Первое время это помогало. Поскольку были часы, и они шли. Но потом я с ними искупался и они встали. Страны света определял по высоте солнца над горизонтом (когда оно выглядывало из-за туч): если оно низко, и я, выползая из палатки, не могу глаза продрать, значит оно на востоке, если стало жарко, а моя тень укоротилась – значит оно на юге, а если низко, а я устал и спать хочется – значит на западе. Такие знания позволили мне вести свой небольшой караван куда надо.



Кое-где блестели водопады, но мы на них не отвлекались. Вдали виднелись и озера, синие и зелёные. К ним мы не приближались.

Я, конечно, в Москве провёл два дня в турклубе. Читал отчёты туристских спортивных групп, что-то выписывал, и переводил схемы на кальку. Сведения были

отрывочными, зарисовки туристы делали примерные, часто они забредали куда-то не туда, а куда – сами не знали. Теперь я разглядывал какие-то чёрточки, изображавшие хребты, точки вершин и пунктир проходов (их проходов, а не тех, по которым надо идти по оптимальному маршруту). Хуже всего, что зарисовки одного и того же района в разных отчётах противоречили друг другу. Решительно противоречили. Ориентация по странам света у них произвольная, нигде не указанная. Ни кому и ни чему верить нельзя. Это – пособие для шпионов – заманить их сюда на верную гибель.



Привал.

Устроили привал. Перекусили шоколадкой и воблой. Попили горячего чая. Обычно так не делаем, но лес кончается, примуса у нас нет, неизвестно, когда костёр удастся развести.

Теперь я знаю, что в здешних краях есть перевалы: Кара-Тюрек, Рижский, Буревестник, Рига-турист. Но тогда я только предполагал, что они есть, но где они и в каком порядке их следует преодолевать и каким категориям они относятся не имел ни малейшего понятия. Тем более не знал, как они называются. Всё же мы в конце концов перевалили через Катунский хребет, но по каким перевалам?!

Ой, где был я вчера, не найду, хоть убей,

Только помню, что стены с обоями,

Думаю, что места, где мы переваливали нужно назвать перевалами Бекмана. Знать бы только, где они есть.



Лес постепенно отступал, появились луга, но местность оставалась сильно пересечённой: крутые спуски чередовались с крутыми подъёмами.

Где восток я примерно представлял; нельзя валиться ни на север, ни на юг. Особенно на юг. Но туда и не попадёшь: горы под 4000 м. сплошной стеной, ледники. Они нас не пустят. И не пустили. Я говорю об общем маршруте. В реальности всё сложнее – не по степи на коне скачешь. Всё определяли распадки, ручьи-речки, отроги хребта и сам хребет. Мы сильно петляли, но держали курс на восток. Другое дело, что, не зная где перевалы, часто переваливали, где придётся, штурмом беря преграды (бывало – и через вершины).

Хоть мы и петляли (*бешеной корове семь вёрст - не крюк!*), но добрались до Аккема.

Вы, ребята, так не делайте. Собирайтесь гулять по алтайским краям – обзаведитесь картами и компасом. Даже не смотря на то, что теперь там тропы и дороги.

Лес ещё попадался, но на выходе из ущелий (часто, выбравшись из одного, мы проваливались в очередное, теряли высоту и долго выбирались из него, чтобы провалиться в следующее) начались луга. Пастбищ, однако, было мало – заросли кедрового стланика и карликовой берёзки. То и другое – большая гадость. Резко тормозит движение. В полукедах не пойдёшь – все ноги ниже колен будут побиты и поцарапаны. Приходится идти в резиновых сапогах, хотя болот мало и ручьи редко встречаются. Скользишь и ноги преют.



Аэрофотосъёмка туристу лёгкого пути не сулит (красное - наш маршрут (примерно)).

Периодически наш путь пересекали каменные реки – курумники, иногда из небольшого камня, иногда из огромных глыб. Приходилось прыгать с одной на другую. Дело опасное – с тяжёлым рюкзаком можно хорошо навернуться. Однажды резко поднял рюкзак на плечи, а нога застряла меж камней, чудом её не сломал, но она покрылась синяками, пришлось хромать. (Хороши мы были, если бы я сломал себе ногу!).



На Похоже, что наш перевал теперь зовётся Рига-Турист (высота 2600 м). К Аккему мы спустились по долине реки Ахоюк.



Как я теперь (2018) знаю, в регионе нашего путешествия можно насчитать шесть перевалов, которые могли бы встретиться нам по пути. Пять из них представлены на этой карте: 54. пер. Кара-Тюрк, 1А, 3060; 57. пер. Аккем через вершину; 58. пер. Рига турист, 1Б, 2850; 59. пер. Буревестник, 2А, 3340. С Кучерлы на Аккем мы, видимо, перевалили через Рига турист (хотя, поскольку сильно петляли, то не исключено, что нас занесло на Буревестник; с Аккема на Кучерлу перевалили через пер. Кузюяк, НК, 1513 (на карте не уместился, он севернее).



Схемы подъёма (слева) и спуска (справа) с перевала.



Я посмотрел на хребтик, нашёл самое низкое место, мы взобрались по сыпучей осыпи и перевалили (за перевалом осыпь оказалась ещё хуже, к тому же выпал довольно глубокий снег, так что спуск выглядел совсем не так, как на фото).



Скалы и осыпи пытались преградить нам путь. Но не на таких напали!



Не хотелось мне лезть в этот скальный проход, но пришлось: другого пути не было.

Мы не столько пересекали курумники, сколько поднимались по ним, набирая высоту. Курумники чередовались с осыпями, местами очень противными: катишься с них и ждёшь лавины – с них станется. На многие локальные перевалы взбираешься именно по таким осыпям. Ну и, естественно, скалы, скалы кругом, чтоб им пусто... Стоят, как драконовы зубы. Щели между ними иной раз такие узкие, что рюкзак застревает.

Высота начала сказываться: что-то около 3000 м. Дышать тяжело, хватаешь воздух ртом, как рыба на суше, сердце бьётся где-то в горле, иногда кажется, что теряешь сознание. Не просто гуляешь, а тяжёлый груз тащишь, как тот грузовик. Растренировался в московской химической жизни, да и акклиматизации не было ни какой. Проблема с

Идой, точнее – с её астмой. Перед перевалом она глотает горсть таблеток-порошков и – вперёд. Иногда я взбираюсь наверх, бросаю свой рюкзак, и спускаюсь вниз за рюкзаком подруги. В исключительных случаях переносу Иду через ручки на руках.



Кедровый стланик и карликовая берёзка.



Кажется, что по курумнику идти легко, но это не так. А под дождём и в резиновых сапогах лучше вообще этого не делать.



Куда идти я точно не знал, поэтому уверенно шёл вперёд.



Затащить груз на перевал трудно, но можно.



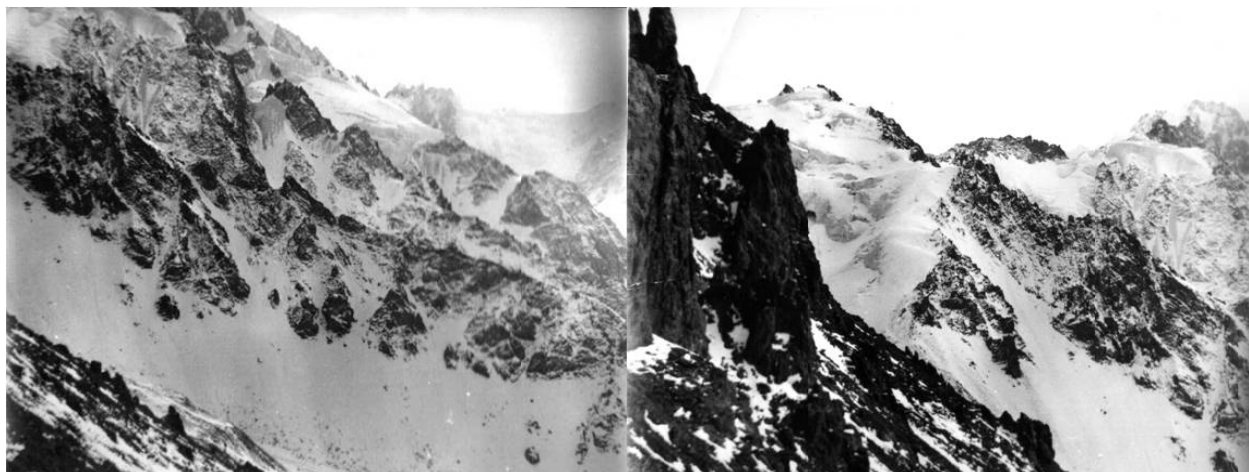
Часто мы переваливали там, где придётся: взлет понятен, а спуститься можно всегда.



На некоторые перевалы взбираться приходилось по живым осыпям.



Наконец, где-то вдали выглянула стена Белухи.



Скалы покрыты снегом и льдом. Лезть на них не хотелось.



Лёд здесь какой-то слоистый.

Всю дорогу шёл мелкий дождь, налетал туман, а то и облака-тучи. С ориентацией в пространстве и так было туго, а тут вообще завал. Надо было бы бросить рюкзаки,

посадить на них Иду и сходить в разные стороны в разведку. Но так делать нельзя. Категорически нельзя! Опыт предыдущих походов-экспедиций мне это экспериментально доказал. Бросишь что-то у заметного дерева или камня, отойдёшь на километр и всё! Вернёшься и ничего не найдешь, в 10 м пройдёшь и не заметишь. Местность рельефная, не просматривается, а деревьев целый лес и камней полно, где твоё сокровище не определишь. Расставаться категорически запрещено. Даже по нужде. Всегда должен быть видовой или звуковой контакт. На ледниках лучше вообще связаться верёвкой (если она есть) или навесить перила (если есть из чего и есть настроение этим заняться). Как опытный путешественник отходил я от Иды (она весь маршрут шла впереди меня, чтобы я видел, что она ещё не потерялась) недалеко и оптимальный маршрут проложить не мог.



Лезли и лезли мы вверх, где получится, казалось – вот он перевал, но нет – снова подъём (*эх раз, ещё раз, ещё много, много раз*). Это ещё хорошо, если подъём всё время, это перспективно, а то – как по гладильной доске, поставленной под хорошим углом к полу. То, что преодолел перевал, узнаёшь по крутому спуску, по которому скользишь на полусогнутых, или просто катишься, а потом снова лезь куда-нибудь.

Не знаю, кто и как берёт такие перевалы, лично я – на четвереньках.

Пошли снежники. По ним идти легко, правда, лучше сменить резиновые сапоги на горные ботинки (Увы! У нас их нет). Хуже, что пошли ледники с трещинами в неожиданных местах. В них падать не хотелось (я уже в ледниковых щелях бывал, мне там не уютно). Лезть по леднику круто вверх

тоже неприятно. Однажды врубился в какой-то кулуар. Сели отдохнуть. Пора идти. Я протянул руку и сдёрнул Иду с камня. Тут же на этот камень свалился крупный булыжник. Хотел попасть, но промахнулся. Нам повезло! Когда шли по этому извилистому кулуару с ледяными стенками всё время то впереди, то сзади падали камни, иногда случались осыпи. Опасный проход сквозь ледопад. Когда-нибудь какую-нибудь зазевавшуюся группу здесь засыплет и кого-то побьет. Лучше сюда не соваться, хотя, в принципе, кулуар ведёт куда надо.

Перевалы, что мы преодолевали, технически не очень сложные. В экспедициях встречались много сложнее, но там была экипировка и хоть и не полное, но всё же альпинистское оборудование. Без него дома сидеть надо.

*Дома все же как-то лучше,
Ну а здесь придется нам
Целый день бродить по кручам,
По ужасным ледникам.
Будем ползать постоянно
По веревке основной
И питаться кашей манной,
– Мама, я хочу домой!
Не хочу я каши манной,
– Мама, я хочу домой!*

Манной каши у нас не было – Ида ей объелась в своём военном детстве. Верёвки ни основной, ни какой-либо другой не было, хотя целый день бродили по кручам и ужасным ледникам. Домой пока было рано.

О! Если бы у нас были верёвки, карабины, горные ботинки с кошками, шлемы, альпенштоки, ледорубы, примус с бензином, толстые перчатки (для передвижения по льду на четвереньках)... Мы бы показали класс! *Если бы у бабушки были колеса...*, кажется, я об этом уже вспоминал. Ничего у нас не было. В руках – палки от палатки (при случае – топливо до костра). У Иды – тёмные очки, защита от палящего солнца и альбеда от снежников. Жаль только, что на перевалах всё время дождь шёл, переходящий в снегопад. Солнца нет. Из горного оборудования – это всё. Зато на мне висел фотоаппарат Зенит с мощным объективом, киноаппарат в футляре (фильм склеил, один раз посмотрел, теперь бабины с плёнкой валяются где-то на балконе). Всё это болталось, билось друг о друга и об меня. Мешало идти. Плёнки отсырели, слиплись; фотографий потом получились плохими.

Итак, настало время главного перевала (или перевалов – мы не знали, сколько их впереди, но высота и нехватка воздуха предсказывали что-то серьёзное). Заночевали на грани кержача. Набрал что-то горючее, развёл костерок. Заварили бульонный кубик, вскрыли банку тушёнки, с чаем употребили банку сгущёнки. Груз уменьшился. Тут надо не перестараться: кто знает, сколько дней займёт преодоление Катунского хребта. Тем более – дождь всё время, скользко, палатка мокрая и тяжёлая.

Встали с рассветом и попёрли. Полезли по сыпучей насыпи на провал в хребтике. Ничего особенного, но каждые десять метров приходится останавливаться и отдуваться, рюкзаков не снимая. Ида идёт впереди, сыпучка сыплется, камни, выбитые её ногами, проносятся мимо. Да они и мелкие. На перевал взобрались и рухнули. Устали: всё же набор высоты с 1200 до 3000 м. После такой тренировки сбегать налегке по ГЗ МГУ с подвала до шпилья и обратно – детский лепет (правда, за 60 лет я так и не собрался это сделать).

Основная неприятность – дождь с порывами ветра, периодически сменяющийся снежными зарядами, клубы облаков и тумана. Катунский хребет возвышается на 1000 м над соседними хребтами, поэтому притягивает тучи со всего Алтая. Дождь – обычное дело, но снег и мороз летом, это – перебор, мы на это не рассчитывали. Нам даже прикрыться нечем.

Мы не просто устали – мы выбились из сил. Рухнули, где стояли. Чуть отдышались, закусили шоколадом с воблой. Задерживаться здесь и приходиться в себя здесь невозможно. Погибнем во цвете лет. Пора валить!

Посмотрел на спуск. Думал – культурно слезем. Ага! Как же... Спуск оказался под снегом. Покров 5-10 см, местами глубже. Вот бы где перила не помешали!

Сделал шаг – полетел, почти как на крыльях любви. Хотя и не совсем. Сначала кубарем, потом на рюкзаке, потом на заднице. Тело моё пострадало, копчик месяц болел. Плохо, что меня не просто снесло вниз, но с сильным загибом вправо, так что Иду я не видел и не мог её предупредить, что бы она так не делала. Как-то затормозив палкой, сбросил рюкзак, пошёл по склону, чтоб увидеть подругу. Правильно сделал. Сверху послышался шум и писк, и возникла подруга с рюкзаком в качестве санок. Она бы пролетела мимо, но я в мощном броске ухватил её за полы штормовки и удержал. Вроде она не сильно побилась, главное – голова цела и переломов нет.

Перевал мы технично взяли. Не каждому такой стиль удастся.

Нужно продолжать спуск дальше, до леса ещё далеко. Видимости почти никакой, но понятно, что везде обрывы. Где спуститься, чтобы остаться в живых не ясно. Забились под нависшую над склоном скалу. Надо подождать, не прояснится ли что, хотя надежды мало: дело, поди, идёт уже к вечеру. Нарубил наши палки-альпинштоки на щепки и соорудил небольшой костерок. Поджёг их таблетками сухого спирта. Палки для палатки из сырого дерева, горят плохо, но всё же горят. Растопили снег и довели воду почти до

кипения. Закусили последней шоколадкой и галетой. Воблы уже не было. А дальше что? Никаких перспектив...

Промокли мы полностью. Что-то не припомню, что бы ещё когда так промокал. Даже с трусов вода течёт. Судя по весу, в рюкзаках тоже всё мокро. Уже это не хорошо,



но хуже, что стало холодать и мы постепенно покрывались льдом. Последствия ожидаемы. Два варианта: двинуться вперед и полететь вниз, переломав по дороге кости, или сидеть на месте, ожидая, что представление кончится, и ещё до темноты мы увидим свой оптимальный путь. А где гарантия, что не умрём?!

Издали мы увидели какой-то пик. Лезть на него не было никакого желания.

Сегодня мы так наломались,

что даже по степи далеко бы не ушли.

Сели мы на рюкзаки, прижались спинами друг к другу и стали ждать решение Судьбы. Шансы погибнуть здесь велики. Зато тогда может кто поставит в нашу память тут крест, или установит дощечку какую, с посвящённой нам надписью. Слава будет. Как всегда надежда на Авось, знаменитое русское авось, хотя и не понятно, на что тут надеяться. Похоже, к утру мы превратимся в ледяные столпы.

Авось живы будем, авось помрем.

Авось кривая вывезет.

Авось Бог поможет.

Авось — вся надежда наша.

И что ещё такого умного припомнить можно?

Раздался лай собаки. Возникла где-то внизу в снежной пыли. В просветах видно, что лохматая, пастушья овчарка крутится вокруг себя и лает то на нас вверх, то вниз. Через некоторое время чуть ниже её нарисовался человек, алтаец. Он поприветствовал нас и жестами руководил нашим спуском. Мы спускались по осыпям, защищённым скалами от снегопада. Кстати, и осадки здесь уменьшились и порывы ветра ослабли. Шли мы на полусогнутых, приседая и падая, но успешно теряли высоту. Поравнялись сначала с собакой (настоящая альпинистка), а потом и с мужиком. Он пригласил нас следовать за ним. Мы последовали за спасителем.

Преодолели метров 200 по серпантину и обнаружили лошадь на аркане. Парень (при ближайшем рассмотрении это оказался парень призывного возраста) отвязал мерина и уселся на него

— Рюкзак давай, — крикнул он мне.

Поскольку о моём не могло быть и речи, то я схватил Идин и метнул. Парень не ожидал такого подарка, он и представить себе не мог, что дама может таскать такую тяжесть, да ещё по местным горам. Рюкзак, как ядро, ударил парня в грудь и его, с коня, как ветром сдуло. Он закувыркался по карельской берёзке, которая здесь уже появилась. Хорошо, что он ехал без седла и ноги были не в стремях. А то бы он своим телом пересчитал бы все окрестные камни и кочки. Как я в Якутии, да и здесь на Алтае. Лошадь оказалась спокойной, не понесла, продвинулась вперёд и встала. Парень взгромоздился на неё, обняв Идин рюкзак. Мы двинулись дальше. Собака впереди. Где-то через километр появилась тропа и по ней мы пересекали зону курумников. Появились кусты кедрача, и, наконец, небольшие деревья, среди мелкой травы. Погода то ли начала налаживаться, то ли в местной в долине она всегда лучше, но осадки кончились. Темнело, появилась луна,

большая и мощная, как прожектор. Она изредка выглядывала из-за туч. Слева по ходу возникла высокая пирамидальная гора с висячим ледником. Её высота по моим оценкам где-то 4000 м. Потом исчезла в облаках.



Долину со всех сторон окружали горы, некоторые из которых мы уже преодолели. Вдали маячила часть Аккемской стены горы Белуха.

Была уже ночь, когда мы достигли стойбища пастухов: лошади и овцы, возможно, есть маралы и коровы, но сразу не видно. Круглые войлочные юрты. Довольно большие. Алтаец представился:

— Авраам!

— Линкольн?! — поинтересовались мы.

— Да! А откуда вы знаете? Вот какой я известный человек, — похвастался он подошедшим колхозникам, — даже в Москве обо мне знают!

Он ввёл нас в свою семейную юрту, там хлопотали две его жены, одна существенно моложе другой. Вдоль стены — навалы тюфяков и одеял, есть невысокие столы и подушки при них. В центре ярко горел костёр, дыма было мало, он поднимался вертикально вверх и уходил в отверстие юрты. Было тепло. Мы разделись до уровня приличия (никто на нас не обращал внимания, могли бы разоблачиться полностью, что было бы полезно, ибо мы истинно промокли до нитки и сильно озябли). Раскидали спальные, развесили часть шмоток, а что-то актуальное держали в руках, махая над костром, следя, чтобы они не сгорели.

Для начала нас угостили айраном, а потом плотно накормили мясом и толстыми вкусными лепёшками, напоили чаем из местных трав и листьев.

Тут мы обнаружили, что мы больны. Оба! Слабосильная команда.

И у меня и у неё высокая температура (градусника, естественно, нет), трясёт, насморк и кашель. У Иды ещё астма и что-то женское, случающееся регулярно, но всегда не вовремя, мешая семейному сексу. У меня ещё и ухо надуло.

То понос, то золотуха.

Проглотили пол-аптечки, выпили горячего молока с мёдом и какими-то травами, запили спиртом, и остатками его натёрли груди-спины. Завалились спать на хозяйские ложа.

Утром проверил, не отвалился ли часом во вчерашних передрыгах мой член. А то он перед сном был исчезающее малым. Нет, стоит себе во всю мощь, даже на живот лечь нельзя. Это уже кое-что, значит я жив. Секса сегодня не обломится, надо вставать. Кости болят, мышцы страдают. И синяков на теле немеренно. Вывихов и переломов не обнаружено и это замечательно! Шатает и температура ещё есть. Посмотрели мы друг на друга и решили — никуда не пойдём. Днёвку заслужили.

В юрте никого нет. Попили лекарства, раскочегарили костёр, Ида приготовила основательный завтрак, поели заодно и то, что оставили нам гостеприимные хозяева. Запили айраном из местной бочки. Снова завалились спать. К обеду вернулись хозяйки с ведрами: кобылье и коровье молоко. Парное и с пенкой.

После обеда пошли прогуляться. Травы не слишком много, но есть. Много озёр: и выше нас и ниже. Цвет воды в них разный (зависит от подстилающих пород, но и от неба

тоже). Некоторые красивые, можно цветные открытки делать. Разноцветные луга украшают цветы: горечанки, жарки, лютики, чабрец, бадан, нечто, похожее на одуванчики и даже венерины башмачки (орхидеи!). Нашёл золотой корень (родиола розовая, алтайский корень). Тут же топором



накопал кучу бронзовых корней с перловутовым блеском. Дома настою на спирте – будет лекарство от всех болезней (например, повышает давление, что для меня важно) и от полового бессилия поможет (если такое когда-то случится).

Всё вокруг цветет.

Кто-то из пастухов отвёл нас к зарослям высоких кустов, в среднем высотой в 1 м. Мелкие листочки, белые, жёлтые, оранжевые небольшие цветочки. Аборигены заваривают чай листьями с этих кустов. Мы было решили, что это от того, что у них нет традиционного чая. Оказалось – не так. Местный чай полезен и к тому же довольно вкусный. Мы заинтересовались и уже в Москве узнали, что растение называется могучка (значасшее название!), лапчатка кустарниковая, пятилистник. А чай – это курильский чай. Поскольку в Москве Ида занималась поиском иммунорегуляторов, обеспечивающих оптимальный иммунный статус человека, то обнаружила, что курильский чай не просто антибиотик, исцеляющий, например, кишечные инфекции, но и неплохой иммуномодулятор. Кто-то с Байкала прислал ей мешок листьев, она разработала метод экстракции и получила пакет коричневого порошка. Мы долго пили такой чай.

Так что поход оказался полезен и с научной, и с оздоровительной точек зрения.

Посмотрели, как пастухи и собаки скот гоняют. Тут, видимо, раньше был овин, загон для скота, и ограда. Теперь всё разрушилось. Но ворота остались. В виде буквы П. Передняя собака направила барана-предводителя точно в них. Огромное стадо овец ринулось за ним. Они толкались в этих воротах, бились друг о друга и о столбы. Ворота стояли посреди луга, беги куда хочешь, ни что не мешает. Они же все стремились пройти между столбов, ни одна не посмела пробежать мимо. Чем-то это мне напомнило привычки жителей Центральной России.



Река Ак-Юкок начинается как ручеёк, но потом обрушивается водопадом.



На спуске перед нами, наконец, предстала гора Белуха.

Полужинали, не торопясь побеседовали с аборигенами-мужчинами, проглотили оставшиеся лекарства и завалились спать.

Вскоре появилась и метеостанция на Аккемском озере.

Утром определили, что здоровыми нас признать нельзя, но двигаться вперёд можно и нужно. Собрали вещи, поблагодарили гостеприимных хозяев и Авраама, возможно, спасшего нам жизнь, и отправились в поход. Минуя верхние



озера, спустились к нижнему, длиной метров 150, обошли его и по долине реки Ак-Юок начали основной спуск. Речка начиналась, как небольшой ручеёк, но потом превратилась в бурный горный поток, с сорокаметровым водопадом. Часа два шли на полусогнутых, тормозя на склонах. Активно теряли высоту. Спустились к верховью реки Аккем, вытекающей из-под ледника. Пошли по течению по левому берегу, по мосту из двух брёвен преодолели Ак-Юок, миновали Верхнее Аккемское озеро, напоминавшее скорее



болото, достигли основного Аккемского озера (лежит на высоте 2050 м, имеет неправильную эллипсоидную форму и вытянуто по долине на 700 м. ширина местами 560 м.), прошли его, достигли метеостанции. Она старая, работает с тридцатых годов. Поздоровались, никто особо не отреагировал и нам не обрадовался. Предположение, что здесь есть погранзаства и всех проходящих регистрируют, не оправдалось. Журнала с записями почётных посетителей тоже не

оказалось. Банька есть, но только для своих: нет дров и с гигиеной проблемы.

Ида форсирует реку Аккем.

Продвинулись дальше. На берегу реки Аккем, вытекающей из озера, стоял столб с надписью «Стоянка запрещена». Мы ему обрадовались, так как у нас был всего один кол для палатки. Столб я использовал в качестве второго кола. Мы живём в свободной стране: одни размещают плакаты с запретами (имеют право), другие на их плюют (имеют право). Кто закон принял, тот пусть его и выполняет.

Разбили палатку, организовали небольшой костёр, поужинали и легли спать.

Конечную цель путешествия мы достигли.

Если идёшь на экскурсию по леднику – вставай рано. Солнце пригреет, снег таять начнёт, пойдут камнепады, речки переполнятся, их не перейдёшь. Вставать надо затемно. Что-то, а это нам не под силу (невпотяг). Рассвет мы проспали. Вышли уже в разгар утра (хорошо, что ни дня). Идём налегке, палатку и вещи бросили. Легко, как бег вприпрыжку

(вприскочку). Здорово, если рюкзаков нет. Тепло, небо ясное. Прошли метеостанцию и всё озеро, по мостику (паралелей с ветками) переправились через Аккем и уже по его правому берегу стали набирать высоту. Сначала забрались на морену, а потом уже пошли по леднику.

Преодолевая морену.

Пейзаж, конечно, замечательный. Не с чем даже сравнить, а я гулял по

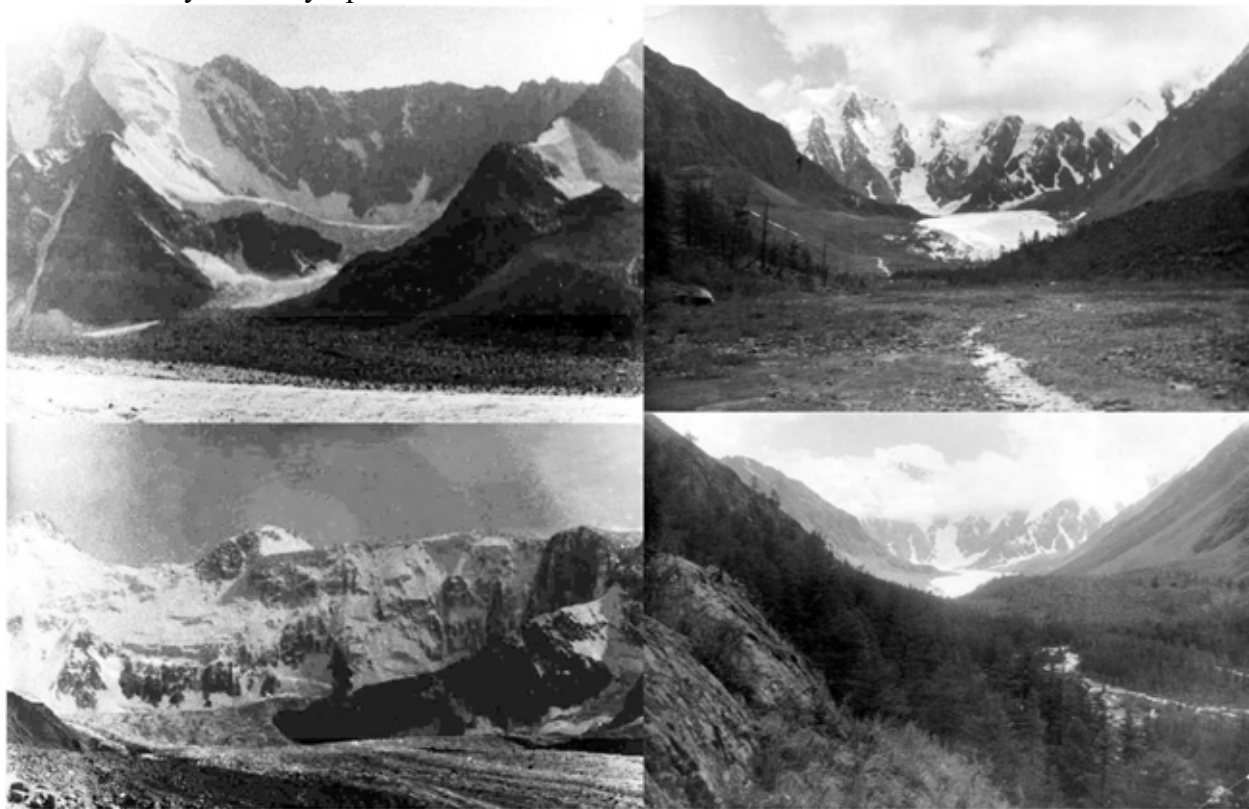
Верхоянскому хребту, по горной Стране Черского, по Камчатке, Кавказу (включая Казбек и Эльбрус), по Тибету, по Альпам, Татрам, Драконовым горам в ЮАР, но такой красоты и мощи не встречал.



Гора Белуха и Аккемская стена (из Интернета).

Перед нами предстала гора Белуха. Две вершины в виде неправильных пирамид – остроконечная Восточная Белуха (4509 м – высшая точка Сибири) и Западная Белуха (4435 м), почти отвесно падающие на север к Аккемскому леднику. Понижение между вершинами, (Седло Белухи, 4000 м), также круто обрывается на север к Аккемскому леднику (Аккемская стена). Кто-то скажет: Подумаешь, 4,5 км! Семитысячники есть, не говоря уж об Эвересте. Да, с юга и со стороны Казахстана на Белуху забраться можно без особых проблем. Но не с севера! Аккемскую стену (высота ледовой части 2 км) ещё никто не взял (категория сложности 5Б), уже за частичный её траверс становишься чемпионом СССР по альпинизму. А это что-то значит...

По Аккемскому леднику продвигались мы к Аккемской стене.



Снимки может и не совсем удачные, зато мои.

Аккемский ледник открытый – его трещины видны, ходить по нему также можно без специального снаряжения. Хотя, лучше не в полукедах, как мы (переобулись из резиновых сапог, и то хорошо). Длина ледника 7,8 км, площадь – 10,4 км². Язык ледника



заканчивается на высоте 2200 м. на расстоянии более чем двух километров от Верхнего Аккемского озера. Здесь выходит из-под ледника река Аккем, которая собрала свои воды из множества ручейков, текущих по леднику и под ледником. Один поток реки вытекает из большой ледниковой пещеры. До неё не всегда можно добраться — преграждают путь другие бурлящие потоки, бегущие на встречу друг другу. Мы, однако, добрались.

Лезть по такой стенке, конечно, стрёмно.

Я шёл, как обычно, в свитере и штормовке. Ида – в открытом купальном костюме. Представляла себя на пляже. В одном из водопадов искупалась. Меня аж в дрожь бросило

от такого представления. Ей казалось, что солнце припекает; у меня сложилось другое мнение. Каждую калорию надо беречь.

Шли мы без особых проблем, хотя временами скользили и падали. Ноги были мокрыми. Аккемская стена вблизи впечатляла ещё больше. Ледяной карниз, нависал по её центру и грозил обрушиться. Я всё же мастер спорта СССР, правда, не по альпинизму, а по горному туризму. Смотрел профессионально. Тем более, что в студенческие времена, в экспедиции пересёк Горный Алтай во всех направлениях, а экспедиция и была посвящена описанию ледников. Мне показалось, что, если и не подняться, то пересечь Стену справа налево можно.



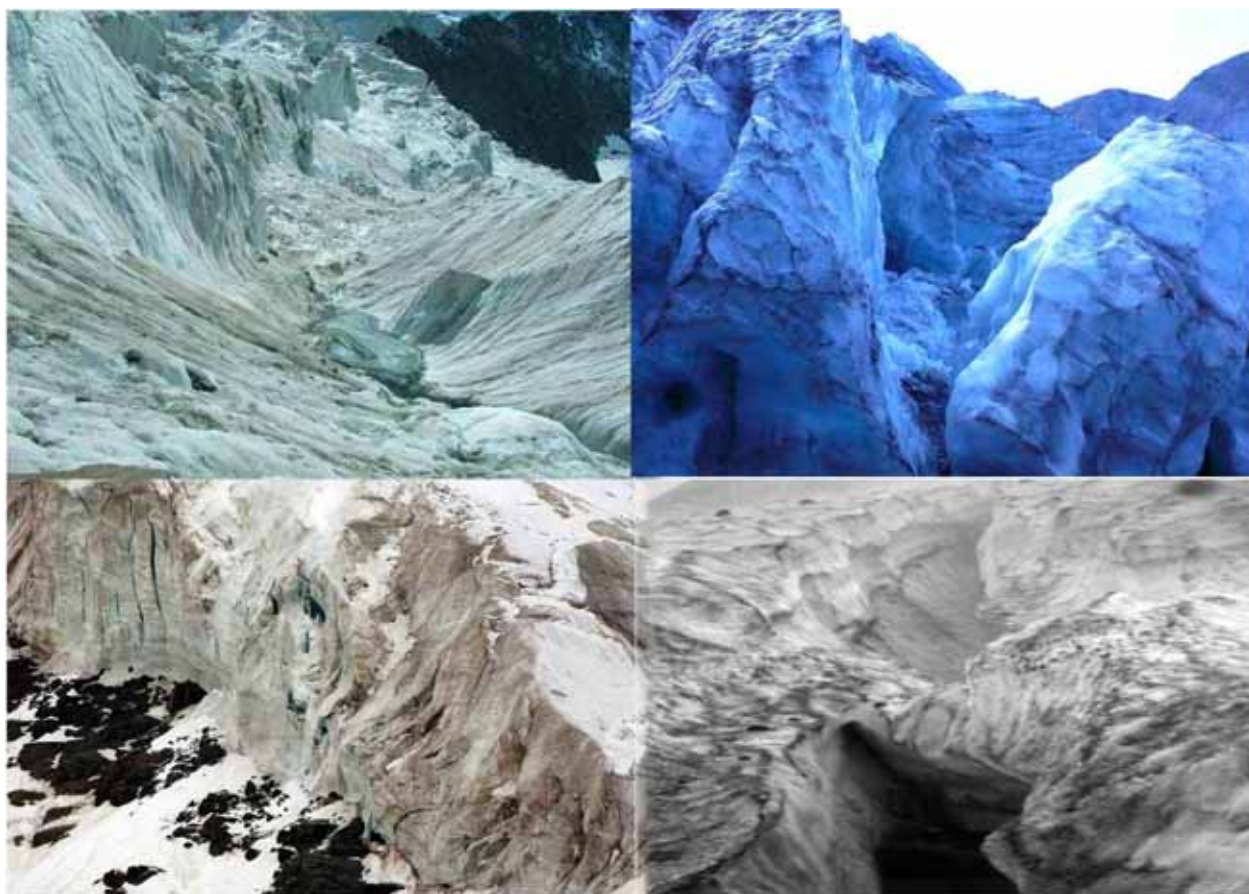
К Аккемской стене мы подошли близко и смогли её хорошо рассмотреть.

Ледник заметно отступает – потепление климата сказывается.

Посидели, отдохнули, пошли назад. День был прекрасным – белый снег, синее небо, зелёное озеро.

Ещё утром, при переправе через Аккем мы встретили отряд из Свердловска, что одарил нас мешком воблы на Кучерле. Они свалились с Аккемского перевала. Теперь, только мы пошли вниз, как нам на встречу попались два знакомца. Повезло: они нас сфотографировали на леднике. Теперь есть доказательства, что мы тут были.

Спускались мы галсами, разглядывая достопримечательности. Обратно через Аккем переправились с трудом: воды заметно прибывало, она хлестала через мост. Ни на что не отвлекаясь, спустились к палатке. Всё в порядке, никто на наше добро не покусился.



Льда тут наворочено много.



Хотели сделать днёвку и отдохнуть перед финишным рывком, но время поджимало. Видимо, лететь придётся. Не торопясь собрались и пошли по левому берегу вниз, по направлению, к Катуні. Последний раз глянули на озеро. Само оно красотой не блещет, то отражение Аккемской стены в мутно-белых его водах придаёт ему сказочный вид. Из озера, сужающегося к северному краю, река вытекает широким перекатом и далее прокладывает дорогу в широкой заросшей долине. Через 1 км справа в Ак-Кем впадает река Ярлу, через 10 км тоже справа – река Текелю. На ней 60-метровый водопад, который слегка виден с нашей тропы. От устья Текелю долина Ак-Кема становится уже, крутизна берегов возрастает, река надолго погружается в узкий скалистый провал. Тут важно успеть её покинуть и начать забираться на кручу, стремясь к перевалу Кузуюк (1513 м). До него надо набрать по высоте метров 500.

Дальше мы лезть не стали.

Шли мы медленно, на подъёме нас нагнала знакомая группа свердловчан. Вид к ним был уже не такой бойкий, как на Кучерле. Кого-то побил камнями, кто-то что-то отморозил. Некоторые сильно хромали и быстро идти не могли. Один сломал себе ногу. Стоял в щели между камней, вскинул на плечи тяжёлый рюкзак, неловко повернулся и нога треснула (я тоже чуть было не совершил такой подвиг). С ледника его пришлось



нести на руках. На метеостанции ему экстренно помогли. Не знаю, был ли там фельдшер-спасатель (надо бы, чтоб был, альпинисты-туристы в здешних краях ломаются часто) или кто из метеорологов помог. Теперь он сидел на лошади, которую вёл пожилой алтаец.

Из ледяного грота вытекал ручей.

Отряд уже не выглядел таким дружным, как раньше. Устали, недовольны друг-другом, огрызаются и ругаются. Такое я часто наблюдал в походах-экспедициях. Нервы, нервы. На маршруте готовы пожертвовать собой для спасения друга, за поход пут соль съели (буквально), а приедут домой, разойдутся и друг с другом больше никогда не встретятся



Так покоряют Сибирь.



От чего не позагорать, если можно.



В лесах при Аккеме есть грибы. Почти все с красными головками. Немного собрали и кинули в суп. Хорошо бы поджарить, да сковороды нет. На подъёме встречается смородина, малина, ежевика. Не всё созрело, но покушать можно. Путь не сложный, но какой-то нудный: за ухабом ухаб. Рюкзаки полегчали, но ноги устали и потёрлись. Выбрались на луга с высокотравьем. Здесь косят сено. На перевал ведёт тракторная колея. Видимо при желании трактор с прицепом через перевал пройти может.

Купаться готова!

Переправились через ручей, попили. Правильно сделали, далее долго воды не будет. Седловина перевала поросла кедрово-лиственным лесом. На лиственнице — ленточки: благодарность богам за безопасный путь. С перевала открывается хороший вид, как на Аккем, так и Кучурлу. Спуск долгий, километров шесть, противный.

Наконец, спустились. Достигли родную Кучерлу, прошли по ней вниз, перешли мостик и расположились на берегу Катуня. Ребята из Свердловска разбили лагерь рядом. Костёр развели один на всех, устроили общий ужин.

Я тоже здесь был



Цель достигнута!



Метеостанция.



Стена Белухи придаёт Аккемскому озеру особую красоту.

Как я уже упоминал, альпинисты сильно переругались. Дурные примеры заразительны: мы с Идой тоже разпоругались. В своей семейной жизни сотый раз наверно. Но на этот раз из-за какого-то пустяка и с удивительной силой. Так – впервые. Нервы сдали. Залезли в палатку, долго ворочались, как турбины, в спальниках. Не могли заснуть. Злоба наполняла палатку. Наконец, бросились друг на друга и сплелись в каком-то диком сексе. Обвалили столб палатки. Так и заснули.

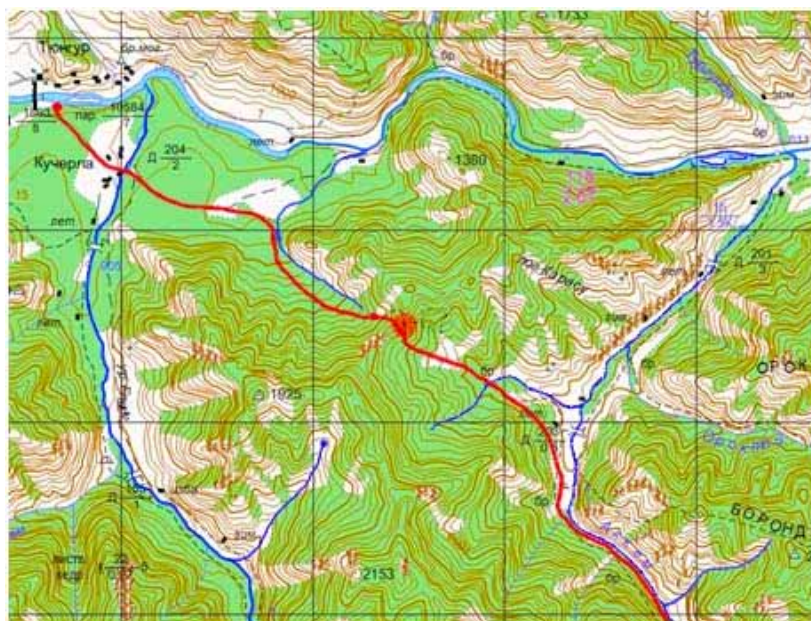
Помогло! Не сразу, но помирились.

Утром переправились через Катунь на пароме. Это оказалось бесплатно. Легенда, что какой-то чувак дал взятку гуляла по округе. Я не сознавался. Паромщик же встретил

меня, как родного, и долго тряс руку. В Тюнгуре Свердловчане зафрактовали крытый грузовичок с лавками. Прихватили нас, и мы с ветерком промчались до самого Бийска. Там билетов на Москву не оказалось ни на поезд, ни на самолёт. Отправились все вместе в Новосибирск. В вагоне альпинисты зажгли примус (впервые такое вижу, всё же игры с бензином опасны), сварили суп, кашу, вскипятили чай. Покормили и нас.



Перевал Кучурла



Наш маршрут через перевал Кучурла.

Хорошо, когда рюкзак пустой.

В Новосибирске мы с Идой взяли такси и отправились через Обь в аэропорт Толмачово. Там, после трёх часов дежурства у кассы, добыли билеты. Прибыли в Москву вечером и успели домой на ужин.

Хорошо отдохнули!



1978 Горно-Алтайск – Чибит – Орой – река Шавла – озеро Шавло – Катунь – Аргут – Бийск

Поход по Алтаю (Я, Ида и Наташа): Горно-Алтай – Онгудай (ночевка под кроватью, попутка – газик с пьяным шофером, рюкзаки – отдельно на прицепе грузовика с кирпичом) – Чибит (а вещи где?), мост через Чую – Орой – Шабала – р.Шавла – оз. Шавло (идолы, снежная лавина, поход на ледник, подъём на перевал, снежная буря, холодная ночёвка в засыпанной снегом палатке, спуск обратно к Шавло). Самультинский перевал взять не удалось. Река и ущелье Аргут. Цветное фото, слайды, кино бмм. От моста через Чую до Акташа на открытом грузовике. Ночёвка в Акташе в палатке на берегу речки. Горно-Алтайск – гостиница – Бийск, в Москву билетов нет. Штурм поезда, ночь на третьих полках, Новосибирск – поезд до Москвы.

Игорь Н. фон Бекман

ЗАПИСКИ ДРЯХЛОГО СУПЕРМЕНА

Том 2. ПРИКЛЮЧЕНИЯ РУССКОГО БАРОНА

Часть 5. ЦЕЛИНА

Приключенческая повесть

*Целина – это бездорожье,
нераспаханные поля,
неизведанная земля,
испытанья и милость божья.*

*Вечных странствий моих безбрежность
вдаль зовёт меня всё сильнее.
Целина – это неизбежность.
Я всё время живу на ней.
Я.Климанов*

1. В целом монотонный ход истории периодически нарушается всплесками активной деятельности. Народ, осевший было по городам-столицам, вдруг поднимается на крыло и устремляется куда-то в даль, не очень понимая, зачем и почему. Долго, долго стоит пыль столбом. Долго, долго расхлебывают последствия.

Но бывает, что события были бурными, а последствий – никаких. Вроде как ничего и не было. Вспоминается какая-то деятельность тебя самого и всех вокруг, но... как сон.

То бред или реальность?!

Для меня таким событием стал подъем целины. Шума было! Страна позвала на подвиг. Ударили колокола, зазвучали стихи-песни. Люди, машины, эшелоны, партработники, крестьяне, эки, недобитые интеллигенты – все рванули в Казахстан.

Сняв портки (с энтузиазмом)...

Казенный порыв совпал с индивидуальным. Из сталинских тисков – на простор. Дашь Землю и Волну! От голода к изобилию. Догоним и перегоним Америку. Построим Коммунизм.

Конечно, тут же возникли диссиденты. Кто-то вспомнил, что попытки освоения целины уже предпринимались, причем неоднократно и всегда кончались крахом, по силе пропорциональным величине исходного импульса. Говорили, что пахать целину – создавать пустыню с пыльными бурями. Говорили, что вложение тех же денег в развитие центральных областей России принесет экономический эффект и быстрее, и, главное, надежнее в долговременном плане. Но кто и когда слушал доморощенных Кассандр?!!

Странно, но сейчас через полвека после целинных событий я, например, не знаю, прошла ли эта эпопея под знаком плюс или минус. Столько шума и – ничего. Целина осталась где-то в чужом государстве. Что там делается? Сохранила ли почва плодородие, родятся ли там тучные хлеба, или поля давно заброшены и имеют вид полупустыни? Что стало с теми поселками городского типа, что мы строили? Превратились ли они в настоящие процветающие поселения,

или по их развалинам бродят кочевники? Остались в тех краях русские, или разбежались? Есть ли там совхозы, или везде фермеры-латифундисты? Какова, наконец, динамика производства пшеницы на целинных землях? Выпуск хлеба растет, стоит или падает? Кто, в конце концов, оказался прав: скептики или оптимисты? Ответа нет! Даже в Интернете информация отсутствует. Так, отрывки воспоминаний, да целинные песни...

Хоть сам подводи итоги.

Яростный стройотряд....

2. Для меня подъем целины не стал каким-то эпохальным событием. Когда все началось, я еще в школе учился. Но я был в первом отряде Московского Университета, который выехал на Целину не с уборочными, а со строительными целями. Как ни странно, но сумел принять активное участие в организации того, что потом получило название студенческого строительного движения. Сейчас 50-ти летний юбилей строительных студенческих отрядов (ССО) – пора что-то вспомнить. Лавры ветеранов Куликовской битвы покоя не дают. Надо же как-то объяснить какого черта тратили мы летние каникулы на тяжелую работу у черта на куличках, хором песни распевая.

В обществе случаются эпидемии (и даже пандемии) идей – то борьба с раскольниками, то за храм Господня, то за независимость, то за глобализм. Мимо не пройдешь – заразишься.

Вот и наше поколение болело ССО. Лет двадцать. Срок не малый. В те годы студенты не столько учились, сколько заготавливали весь год цемент-древесину, а летом гнали все это добро на юг. Активно осваивали строительные специальности, сколачивали бригады, сначала – любительские, а затем – профессиональные, мало чем отличающиеся от бригад кочующих шабашников. Сначала на Целину возили книги для библиотек, оборудование для химических практикумов школ, развлекали аборигенов спектаклями и просто отсебятиной. Потом с этим завязали. Девуц и хилых романтиков старались не брать, в некоторые стройотряды зачисляли по конкурсу, и конкурс был не ниже, чем в МГУ! Расширилась география: от Целины перебрались на Сахалин, Камчатку, Соловки, Кизи, и почти докатились до Подмосквья. Зарабатывали не плохо, многие приобрели кооперативные квартиры. Навыки пригодились при строительстве дач и ремонте собственных квартир. И если теперь видишь старичка интеллигентного вида, умело размахивающего топором, знай – пред тобой бывший боец ССО. Да, в конце концов, может ты сам, дорогой читатель, или твой приятель (подруга) появились на свет, потому, что предки встретились и подружились где-то под Белой могилой (Акмолинск, Астана по-вашему), строя там что-то зачем-то.

Я тоже болел. Остро, но не долго.

Все позади: придется обернуться!

3. Важные события нужно описывать сразу: в дневниках, летописях, письмах. Иначе все забывается. Детали (а именно они и интересны) стираются, последовательности путаются, места свершений восстановить невозможно. С кем я пил, что и сколько, в какой подворотне, с кем потом дрался, и с какой стати, хоть убей – не помню. Да и пил ли вообще? Как мы тогда говорили – не ясно. Конечно, это – не большая беда. Что забыли – дофантазируем по смыслу. «Врут, как очевидцы!» - сказал Сталин, посмотрев фильм «Чапаев». Это просто, это мы можем...

Проблема в другом. Я знаю судьбы тех, кого вспоминаю. Законченные судьбы, ибо большинства уже нет на свете.

Я знаю, кто из бодрых мальчиков превратился в бандитов, воров в законе, академиков, бичей, бомжей, снабженцев, ученых, профессоров, монахов, невозвращенцев и извращенцев. Я знаю, кто сошел с ума, а кто получил Госпремию (кое-кто это совместил). Кто стал инвалидом, кто спился, кто – повесился, кто кончил жизнь матерью-героиней, а кто проституткой. И теперь, вспоминая индивида Z, я невольно ищу в его прошлом задатки алкоголика, политического деятеля, менеджера или дачного мужа. А может, тогда их еще не было, этих задатков! Экстраполяция настоящего на прошлое – опасная вещь, запросто исказишь картину, причем, до неузнаваемости.

Это я все к тому, что не стану я писать мощную эпопею о Целине и ССО, а ограничусь зарисовками. Глядишь, вранья будет меньше! Хотя и без него нельзя....

*Едем мы, друзья, в дальние края
Станем новоселами и ты и я!*

4. Песня бодрила и звала в даль. Она непрерывно звучала по радио, создавая настроение подъема, но нас (я имею ввиду студентов 1-курса химфака МГУ) она не трогала. С трудом поступив (конкурс для школьников – 18 человек на место!), мы воевали с практикумами, семинарами, зачетами-экзаменами. Коллектив наш таял на глазах. А надо было еще за дамами ухаживать, участвовать в самодеятельности, да в различных соревнованиях, бегать в противогазах вокруг ГЗ МГУ, проводить политзачеты и пропивать стипендию. А мне еще и тратить время на дорогу, ибо жил я тогда в Подмоскowie. Короче, официальная пропаганда и жизнь страны была сама по себе, а моя жизнь, и жизнь коллег-приятелей – сама по себе. Ощущался настрой общего подъема, и хорошо. Можно и бодрые песни послушать. А то и попеть при случае.

Однако приближалось лето, и его надо было прожить, чтоб не было мучительно больно....

Тут-то и забрезжила идея целины, но не в плане землепашества или там сбора урожая, а в плане строительства. Не помахать ли нам мастерками, на свежем воздухе? А то засиделись мы в зловонном химфаке...

Обычно история ССО излагается так.

«Летом 1959 г. 320 студентов-физиков Московского государственного университета приехали в Ждановский, Булаевский и Узункольский совхозы Североказахстанской области. В октябре они рапортовали: построено 12 жилых домов, телятник, два птичника и крольчатник. Произведен капитальный ремонт двух животноводческих помещений. С этого рапорта начинается история студенческих строительных отрядов. На следующий год на освоение Казахской целины выехали 500 студентов-москвичей. В 1961 году к москвичам присоединились ленинградцы. Численность бойцов сводного ССО составила 1200 человек. В 1963 году на целине "вкалывали" 16 тыс. студентов из 13 городов Советского Союза, а в 1964 году — 30 тыс. студентов из 39 городов работали в 480 хозяйствах Северо-Западного Казахстана. За пять лет почин студентов МГУ превратился в массовое стройотрядовское движение — в "яростный стройотряд", в увлекательную "деловую игру" великолепно организованную на государственном уровне. Всесоюзный студенческий стройотряд возглавлял Центральный штаб ССО, ему подчинялись республиканские штабы. Затем шли областные, районные и вузовские штабы. Базовой структурой стали линейные студенческие отряды численностью около 50 студентов. Каждому штабу активно помогали администрации соответствующих уровней от правительства СССР до директоров колхозов и совхозов. Сформировались "правила игры", которые включали в себя униформу, символику (знамена, флаги, значки, эмблемы...), стройотрядовские песни, систему поощрений от правительственных наград (была учреждена даже специальная медаль "За освоение целинных и залежных земель"), до грамот всех уровней. Разработан Устав ССО, который вводил понятие "командир" отряда, "комиссар" отряда, "боец" отряда, определял единоначалие командира и его ответственность за выполнение производственного задания и безопасность жизнедеятельности отряда, устанавливал добровольность записи в ССО. Сформировались традиции ССО: сухой закон с момента посадки в эшелон и до возвращения в родной вуз, система внеочередных нарядов за нарушение дисциплины, посвящение новичков в бойцы ССО, карнавал в день строителей, концерты агитбригады для местных жителей, спортивные мероприятия, шефская помощь местным школам (ремонтные работы, подарки в библиотеки, учебные лаборатории, руководство кружками для школьников) и, конечно же, песни у костра до утра.»

Все так. И не так!

Физики сыграли свою роль, спорить не буду. Но кто думает, что до них на целину никто не ездил, тот ошибается. Ездили и еще как! Песни мы действительно пели, хором, при каждом удобном и неудобном случае. Для удовольствия и протеста. И конечно не у костра: степь - не тайга, дров не наломашь. Разве что подожжешь какой овин или стог соломы. Песни орали весь день, а к ночи затихали – удалялись в степь с дамой сердца и любовались полной луной. А то на базе плохо видно. Про сухой закон – первый раз слышу: пили мы всегда и везде, и пили по-черному. В том-то и состояла трудность нашей жизни, что деньги, взятые из дома, мы пропили

еще до Петропавловска, облевав все сортиры, а кое-где и купе. А заработанные на целине деньги, кончились где-то на перегоне Челябинск-Сарапул, так что в метро прорывался без билета - купить его было не на что. Ни тебе посвящения новичков в бойцы, ни тебе нарядов за нарушение дисциплины, ни формы-униформы. Да и не ощущали мы себя никакими бойцами. Мы были свободными людьми, и плевать хотели на всех начальников вместе взятых... и по отдельности тоже. Особенно – на своих.

Оттепель была на дворе, ребята. Оттепель!

Теперь о романтизме.

Снова – к тексту бывшего в наши времена салагой, а теперь ветерана ССО В.Е. Гантмахера. «По романтической привлекательности поездка в стройотряд соизмерима со штурмом горной вершины.» Не знаю, не знаю... Лично я на вершины гор предпочитал (и предпочитаю) забираться в гордом одиночестве. Никого брать с собой и тем более выяснять, кто он такой (как это предлагал делать Высоцкий) не собираюсь. Для меня альпинизм и толпа оголтелых студентов, месящих бетон, вещи разные. На перевалах я наряды не заполняю, шифер не ворую и денег из местных начальников не выбиваю. И свою страховку какому-то мудаку никогда не доверю. Как-нибудь без сопливых мастеров спорта на пик заберусь. Штурм горных вершин (особенно семитысячников) – удел одиночек. Так что сравнивать романтизированную шабашку с траверсом ледника никак не могу, уж извините...

Далее: «В студенческие годы желание испытать себя, свою судьбу, друзей было настолько сильным, что в ССО были конкурсы до 5 человек на место. Не всем, кто выдержал столь высокий конкурс, работа в ССО оказывалась по силам. Кто-то не выдерживал испытание сухим законом, кого-то подводило здоровье, кто-то просто переоценил свои возможности».

Конечно, кто-то, каких-то испытаний не выдерживал, но мы – отцы-основатели бросили это дело совсем по другим причинам, можно даже сказать, по прямо противоположным. Обстановка в стране менялась, оттепель заканчивалась, начался возврат к сталинизму, настала пора закручивать гайки. И ССО оказался удобным инструментом. Где ты внедришь единоначалие, да еще среди студентов? Кого ты еще оденешь в форму и заставишь строиться? Где в наше время может развернуться институт комиссаров? В обычной жизни – нигде, а в ССО – пожалуйста! Конечно, страна полна мазохистов. Кому-то приятно принадлежать стае (банде, тейпу, партии), приятно единство душ, приятен порядок, («Все, как один... В едином порыве...» и т.д. и т.п.). «Наши» - со значками-эмблемами и надписью на спине, и «не наши» (с надписью на груди или вообще без нее). Приятно, что кто-то другой (отец народов, командир отряда, бригадир, которого ты сам себе посадил на шею) думает о тебе, решает, как жить, что, как и где возводить (или ломать), и даже как тебя поощрять-наказывать. Да и садисты всегда найдутся, чтоб выйти в начальники.

Только не все в популяции мазохисты. Далеко не все....

Супермены с быдлом не водятся, даже в стройотрядах. Им воля нужна.

С познанием мира тоже как-то туговато. Какое познание, когда весь срок мотаешь в одном сельце и если и общаешься с каким аборигеном, так и тот – местный прораб. А после 12-ти часов коммунистического (синоним рабского) труда, тебе уже дела нет ни до окружающей среды, ни до внутренней.

Вышеупомянутый ветеран захлебывается восторгом:

«... испытания действительно были суровыми. В июле – зной до пятидесяти градусов в тени, в сентябре – заморозки. "Казахстанский дождик" – ветер, обжигающий и забивающий песком глаза, уши, рот. Воду возили только для пищеблока и приготовления раствора. Рабочий день 10-12 часов, никакой механизации, все вручную. Как на праздник, раз в две недели возили в баню, в ближайший райцентр за 30-50 км. Ночные дежурства, т.к. некоторые из "аборигенов" активно выступали против освоения целины, поджигали новостройки, вырезали бойцов ССО целыми палатками.»

Страшно, аж жуть!

Здесь самый смак – отсутствие механизации. А как же! Мы ж не немцы какие... У нас свой менталитет! Крепостное право в стране, правда, отменили, так ведь недавно – не привыкли еще...

А теперь о главном: о пропорции деньги-романтика.

«Нас часто спрашивают: "Неужели единственным мотивом для поездки в ССО была романтика?" Нет, конечно. Многие ехали заработать денег. Некоторые ребята жили на одну стипендию. На заработанные деньги они покупали одежду, обувь, предметы первой необходимости, книги. Но даже у них романтическая составляющая мотивации была основной (деньги можно было заработать не только в ССО). Первый раз я выехал в ССО в 1961 году. Все заработанные деньги мы перечислили на строительство памятника героям-комсомольцам, погибшим во время Великой Отечественной войны. Что заставило нас добровольно подать заявления в ССО, если с условиями поездки мы были ознакомлены заранее?!»

Ну, с отчислением в пользу бедных у нас в МГУ было просто: фиг вам! Самим на пропой не хватает. Романтическая составляющая если и была главной, то только – первые годы. «Звездные мальчишки», мы вырывались из тухлой Москвы на простор, чтоб хлебнуть адреналина. Ехали все – от дочек министров до студентов мехмата (Вы математика с бензопилой когда видели? Я однажды встретил – впечатлений на всю жизнь). Но потом дело к рукам прибрали «деловые люди». Загнали стихию в барак. Маминых сынков-дочек, очкариков-шахматистов, певцов-романтиков из отрядов выкинули. Серьезные ребята набирали крепких мужиков (ну и их боевых подруг, естественно), владеющих строительными специальностями, способных вкалывать сутки напролет, а главное – неукоснительно соблюдать принцип – начальник всегда прав. Именно он – бригадир-благодетель раздаст нам блага. Теперь во главе отряда не мог стоять какой-то задрипанный первокурсник, только – аспирант, с.н.с., а то и зав.лаб, полысевший на трудовой ниве. Из этих крепких братков-командиров (даром, что с высшим образованием) вышли потом знатные фирмачи-олигархи. (Дерипаска, к примеру, окончил физфак МГУ). Еще в нежной юности научились они заполнять липовые наряды, обманывать местное начальство, воровать стройматериалы, приписывать объемы, давить конкурентов, умирять бунты в родном коллективе, не платить налоги. Пригодились эти навыки, когда началась Перестройка, ох как пригодились! Больше, чем навык бетонщика, а уж тем более физика-лирика...

Юношеская романтика полезной штукой оказалась.

Последний аккорд: «Стройотряды — это не только романтика. Стройотряды – великолепная школа воспитания характера, трудолюбия, ответственности, организаторских способностей. Через эту школу прошли многие нынешние руководители предприятий, учреждений и администраций...»

Да, но что вышло из этого воспитания характера-трудолюбия-ответственности и других полезных черт? Что удалось свершить этим поздним шестидесятникам? Много чего. Это поколение уничтожило коммунизм (идейную основу ССО), развалило страну, отправив целинные земли целиком за границу, уничтожило армию, индустрию, сельское хозяйство, в принципе, все - до чего сумело дотянуться.

Грубо говоря, бодрые детки, командиры-комиссары, повзрослев, ПРОСРАЛИ СТРАНУ. Именно вы создали новую форму бандитского капитализма, прибрали все богатство страны, потом, прихватив чад и домочадцев, рванули за бугор. Внедрять навыки бойцов ССО в американскую среду. Что стало с построенными вами объектами? Все разворовано-сожжено-сгнило. Осчастливленные вами люди, в результате вашей же активности, брызнули в стороны, бросив все, включая продукты вашей деятельности. Так что не можете вы теперь водить потомков на экскурсии, небрежно замечая: «эту улицу, между прочим, построил я!» Нет этой улицы. И поселка нет – одна полупустыня, да обвалившийся гипсовый памятник колхознице со снопом, к грудям прижатым...

Борьба за возрождение крепостного права, за круглосуточный труд без механизмов, за насильственное внедрение своих идей, за единоначалие и униформу, равно как оболванивание молодежи романтическими лозунгами (Пахмутовой – отдельный привет) – не бывает безнаказанной. Дураки с инициативой к добру не приведут. Не веришь? Оглянись с холодным вниманием вокруг...

Простой совет: помалкивали бы вы, ребята, о своей комсомольской стройотрядовской юности, а то, поди, накажет вас народившееся поколение, как тех господ за гусекрадство.

А я вот, положивший начало этому безобразию, сижу здесь и каюсь.
Присоединяйтесь!

*В нашу гавань заходили корабли,
Большие корабли из океана.
В таверне веселились моряки (Ой ли!)
И пили за здоровье атамана*

5. Вернемся, однако, к истории. Без роли личности не обойтись (как нам – без атамана, без батьки жить нельзя на свете, нет!).

Как я уже упоминал, в конце пятидесятых студенты, добровольно-принудительно, почти регулярно ездили на целину. Не только МГУ - отряды с ФИЗТЕХа и МИФИ были там уже в 1957. Участвовали в том, что потом одни назовут преступлением, другие – большой ошибкой, третьи – школой жизни.

Они направлялись на уборку урожая. Студенты университета ехали в теплушках, причем поезда грузились на территории МГУ под пристальным взглядом гранитного Ломоносова привыкшего смотреть на тюремный лагерь строителей (сейчас на месте того лагеря и железнодорожных путей – фундаментальная библиотека; прошлое – лишь в памяти свидетелей). Но уборка – она в сентябре, т.е. в учебное время. Это не нравилась ни воякам, ни марксистам-философам. Стали думать, как быть: студенческий труд (малооплатный, или совсем бесплатный) нельзя упустить, но и использовать так нельзя. Осенью на целине дел неувпроворот, но учебный план не позволяет, езжай летом, но что там на полях делать? Васильки выдирать?!

Наиболее активно поиск вели физики. Ничего удивительного – тогда физика вбирала в себя ушлых и сообразительных. Уже в первых отрядах не все трудились на комбайнах-сенокосилках. Некоторых аборигены привлекали себе в помощь при строительстве усадеб, были случаи и совхозных заказов. Ребятам скоро стало ясно, что на строительстве можно заработать хоть не большие, но все же деньги (за работу в поле вообще гроши начисляли). Так что положительный опыт постепенно накапливался. Вот тогда-то наши физики и реализовали критическую массу – завязали с уборкой и махнули на целину не в сентябре, а в июле-августе 1959 года. Уже, как строители. Эксперимент удался и в 1960-ом году (а я о нем и говорю) решило туда податься все МГУ, ну и химики, естественно, тоже.

По тогдашней привычке можно было сразу послать туда всех, ничего никому особо не объясняя, все бы, как миленькие, поехали (за исключением больных, беременных, да блатных). Но объявили вольную – езжай, коль хочешь, а не хочешь – сиди в Москве, в библиотеке клей журналы, или поли картошку на ближайших полях. Оттруби срок и вали в Сочи, или еще куда – твои проблемы.

Агитация, однако, велась. Возник даже аспирант – куратор радиохимиков, о существовании которого до того мы не подозревали. Собрал нашу группу и сделал доклад. Ничего более скучного в жизни не слышал. Он был однажды на целине, но, видать, восторга не испытал. Степь он как-то не заметил – внедрял дисциплину в массы. Масса сопротивлялась и однажды подбила ему глаз. Он не поленился перечислить все наши возможные преступления (игра в карты, выпивка, отращивание бороды, траханье местных дам, отлынивание от работы, несанкционированные уходы в поля) и конкретные кары за них. Напирал он на то, что мы должны... Мы, оказывается, всем чего-то должны. «Пошел ты..., – подумали мы в итоге, – сам езжай, тебе там место» (он однако не поехал и скоро стал директором спецшколы).

Тогда нашим первым курсом занялась ветераны-целинники (уже тогда такие были). Провели пиар-акцию.

Собрали человек 300 в БХА, развесили по стенам свои стенгазеты со смешными фотками и карикатурами, немного выступили с воспоминаниями. Мы катались от хохота. Нам то же хотелось так... Потом они пошли в массы, расселись группками меж нас, достали гитары и стали петь. Да

не «Подмосковные вечера» или там «Не кочегары мы не плотники», не казенно-добровольные и не специально–химические, типа

Мы отравим весь мир меркаптаном,
Будут трупами морги полны,
Мрачный запах пойдет к марсианам,
К обитателям холодной луны

Или типа

Мы рождены, чтобы пролить, что может литься,
Рассыпать то, чего нельзя пролить.
Наш факультет химическим зовется –
Мы вечно будем химию зубрить.

Или общестуденческую

Раскинулось поле по модулю пять,
В углу интегралы стояли,
Студент не сумел производную взять,
Ему в деканате сказали:...

Или гимн:

Бей профессоров – они гадюки
Они нам замутили все науки
Эти мы и сами знали. Нет! Они пели собственные целинные песни.
В кабачке московском мы сидели
Фюрер наш Горшков туда попал
И когда порядком окосели (Драга!)
Всех он в Казахстан завербовал.
В края далекие, поля широкие,
На тропы те, где бродят ишаки.
Без вин, без курева, житья культурного
Куда завез, начальник, отпусти!

Начальник, он же фюрер-атаман – спортивного типа малый – встал и церемонно раскланялся. Он не был тогда ни завлабом, ни председателем докторского совета, ни даже секретарем партбюро факультета, но все равно в наших глазах стоял высоко: как никак – дипломник.
Но целинники не хотели быть серьезными:

Цветет казахстанская рожь
Ползет под рубашкою вошь
А вот разъедемся мы,
А вот разъедемся мы,
А вот тогда ты ее не убьешь!

Затем перешли на девичью-лирическую, можно сказать - романс

Виновата ли я, что на силосной я,
И ласкает меня зерноплуи.

Но не в этом она виновата, а в том, что говорила ему – не целуй! А, может, не виновата, никак не поймет.

А кто из нас виноват –
Разберет деканат,
Если сами мы не разберем.

Во времена были! Деканат разбирал личные конфликты студентов. Сейчас, даже трудно представить....

Для гармонии юмор должен переходить в ужас. Мрачные ритмы:
По ночам там совы кружат
Спят могилы в тишине

Мертвецы одни не тужат
 На проклятой целине.
 А тумба-тумба раса
 Тумба-тумба раса
 А-а, а-а.
 А-а, а-а

Ночью выйдешь из палатки
 Тень метнется в стороне
 И душа уходит в пятки
 На проклятой целине

Там чучмеки роют ямы
 Все хотят спалить в огне
 Не останемся ни дня мы
 На проклятой целине

Но все кончается благополучно, в стиле оптимистичного хэппи-энда
 Но не раз еще мы будем
 На проклятой целине
 А тумба-тумба раса.....



Бригантина.

Импровизированный концерт продолжался не долго, но интенсивно и эффективно. Под конец староцелинники сконцентрировались в центре амфитеатра и грянули коронную:

Надоело говорить и спорить,
 И любить усталые глаза
 В флибустьерском дальнем синем море
 Бригантина поднимает паруса.

Капитан, обветренный как скалы,
 Вышел в море, не дождавшись дня,
 На прощанье поднимай бокалы
 Золотого, терпкого вина.

Пьем за яростных, за непохожих,
За презревших грошевой уют,
Вьется по ветру Веселый Роджерс,
Люди Флинта песенку поют.

И в труде, и в радости, и в горе,
Только – чуточку прищурь глаза –
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса.

Песня, написанная, видимо, до войны, совершенно в иную эпоху, удивительно точно легла на наши души. Мне, к примеру, тоже хотелось стать флибустьером- конкистадором или там капитаном с рожей красной. Так сильно, что я им и стал, не на целине, естественно, – в других краях. И позже, много позже....

Сейчас же мы поняли одно: комсомольский порыв..., польза Родине..., патриотизм..., труд во благо – все это – херня. Из мира «Пролетарии всех стран – соединяйтесь!». Ребята, смотавшись кой куда, хорошо оттянулись. Пора и нам.

Судьба, оскалив зубы, улыбнулась...

6. Курс в массовом порядке стал записываться на целину. Глянул наш комсорг на итог, и заколдобился: в списке значились 200 девиц и 3 парня. В глазах встало виденье: встречают его совхозные мужики, а он им: «Принимайте отряд строителей» и показывает широким жестом на женский полк. Каждая из строительниц, конечно, держала хоть раз пилку для ногтей или даже стакан с газировкой. Но не более того. «Ни кочегары мы, ни плотники..». И не каменщики и не кровельщики, кстати, тоже. Эффект гарантирован...

Понял комсорг, что что-то тут не так. Что со строительством возможны проблемы, в том числе - на социально-сексуальном фронте. Ответственность большая, вплоть до уголовной. Кто-то должен охранять наше достояние. Это, как минимум. Не говоря о том, что хотелось бы иметь в команде товарища, способного при ошкуливании бревна промазать топором мимо ноги.

Короче, нужны мужчины. А где их взять? У нас, конечно, не биофак. Но и не физфак. Это точно.

Половой состав на курсе прост: соотношение леди/джентельмены 4:1. Это полбеда. Хуже, что практически все группы были женскими (по 2-3 мужика там, правда, обитало). А остальные представители сильного пола сосредоточены (их и набирали по отдельному конкурсу) в двух группах радиохимиков. В этих группах ни одной дамы нет – чистая казарма, списать не у кого! Потенциал не малый – 54 человека. Правда так было на старте, в марте ситуация изменилась. Среди радиохимиков было много ребят со стажем, в том числе – после армии, подготовка у них была слабая и первая же сессия ополовинила нашу группу, а параллельную - вообще обнулила. Всех выгнали. И весной радиохимики сосредоточились в одной группе, старостой которой я и был.

Понятна наша (и моя!) ценность?

Радиохимики были здоровыми мужиками – их отбирала строгая мед.комиссия, может быть самыми здоровыми в МГУ – работа с радиоактивными изотопами в ту пору считалась вредной. Тогда не знали, что радиация – лишь на пользу. Ребята высокие, видные (мой рост 1.86 м, но в строю я был лишь четвертым). Спортсмены. Много иногородних, из сельской местности. Привыкли печи топить, дрова рубить и кое-что строить. Армию прошли. Вот таких и надо в ССО. Только они не идут. У них свои заботы. И голыми руками их не возьмешь – пошлют тут же. Группа радиохимиков – считай банда разбойников. Или махновцев. («Группа товарищей, т.е. воров»). Анархисты на занятия не ходят, время проводят в пивной по имени «Тайвань», регулярно тратя по 15 суток на общественные работы за активный мордобой в общественном месте. Всю романтику, вместе с коммунистическим порывом, они в гробу видали. Как и я, кстати.

Идея отправки курса на целину, как стройотряда, дала трещину. Реально оказалась под угрозой срыва. По объективным причинам. Операций по перемене пола тогда не было. А

строительство, как не крути, дело профессиональное – не колоски собирать и даже не кукурузу полоть. Рухнет на студенток стена из бута, ими же возведенная, кто ответит? А студентки-то не простые – дочери членов ЦК, секретарей обкомов, генералов КГБ, министров да академиков. И вообще МГУ – это Пажеский корпус: наши студенты - детки наших же сотрудников, включая профессоров, деканов и ректора. Кто им позволит самопадающие стенки возводить?!

Тут уж не до волонтаризма, модного в те времена.

Опять возросла роль личности в истории.

Ситуацию спас я. Единственный случай, когда мои личные интересы совпали с общественными. В следующей жизни я всегда вредил простому народу, а народ вредил мне. Не нравится мне ни демос, ни его демократия...

Я был старостой, и я был согласен строить. Даже хотел. В принципе, этого достаточно.

Сначала я переговорил с верхушкой: комсоргом, профоргом и скрытыми лидерами (основным лидером – формальным и неформальным одновременно – я был сам). На остальных напустил дам. Дамы стали проявлять интерес к нам с первых дней учебы. Вскоре образовался альянс 19-22: женская группа (№19) и мужская (№22). Мы более или менее регулярно встречались, выезжали на картошку, строили (таскали мусор) китайское посольство, участвовали в самодеятельности, ну и танцевали по праздникам. Нельзя сказать, что контакты были тесными, но все же...

Дамы первыми записались на целину. Вот я им и объявил: «Они могут, но не хотят!». Дамы кивнули.

Через две недели весь личный состав группы радиохимиков превратился в энтузиастов-строителей-целинников. А вы говорите: мужской гонор, самолюбие, упрямство; анархия-воля-свобода.

Ха!

*Сиреневый туман над нами проплывает.
Над тамбуром горит полночная звезда.
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,
Что с девушкою я прощаюсь навсегда.
Ты смотришь мне в глаза и руку пожимаешь,
В глазах твоих больших - тревога и печаль...
Еще один звонок - и смолкнет шум вокзала,
И поезд улетит в сиреневую даль.*

7. Как только выяснилось, что мужики-радиохимики с высоким строительным потенциалом (не только со строительным, кстати) поддержали почин, было решено отправлять первый курс на целину. К первому курсу присоединили малочисленный второй и кое-кого со старших курсов. Целиком старшие курсы ехать не могли – у них были лагеря и технологическая практика. Аналогичная работа шла и на других факультетах. Где биологи нашли мужиков – ума не приложу. А были ли математики, вообще не припомню – на целине я их не встречал.

Весенняя сессия еще раз ополовинила группу радиохимиков. Но кто остался, как один, подались на целину (В отличие от дружеской 19-ой группы, в которой некоторые девицы забрали заявления назад. Правильно сделали: в степи воды нет, аборигены лошадиную мочу пьют. От таких аргументов родителей не каждая устоит).

Нас мало, но мы – в тельняшках!

Я же оседлал велосипед с моторчиком и покатил в Загорянку. На дачу к Ольге – бывшее обширное поместье ее предков, ныне разделенное на множество кусков. Барский дом превращен в коммуналку. Места нам там не оказалось, и мы всю ночь провели под сиреневым кустом пытаясь заняться сексом. Поскольку и я и она до этого ничем подобным не занимались, порнофильмов и Интернета тогда не было, поучиться было негде, то, что получилось в результате продолжительных усилий, вряд ли можно назвать сексом. Но тем не менее.

С Ольгой мы были знакомы давно – вместе занимались в химическом кружке МГУ, участвовали во Всесоюзной олимпиаде школьников, увлекались научной работой в одной лаборатории. На целину она хотела ехать, но не могла по медицинским причинам. И отпустить просто так не могла. Все же я уезжаю в таинственную даль. Кто знает, может, не вернусь, или вернусь другим или с другой. Ей хотелось, что б я запомнил ее не только, как коллегу-химика. А я не мог отправляться в опасное путешествие девственником. Вот и согрелили...

Настало утро отъезда.

Мы собрались на Казанском вокзале. Короткий митинг и нас повели по перрону. Там стоял пассажирский поезд, возглавляемый мощнейшим паровозом ИС. Увы, никаких теплушек (и никаких купе) – обычные спальные вагоны. Поцелуи-прощанья. Ольга обещала хранить верность, я помалкивал. Меня провожали мои старики, но у других родители были молодыми, прямо – юноши и девушки. Многим тоже хотелось хлебнуть романтики. Кому войны мало показалось.

Мы разбились по факультетам-курсам и быстро погрузились в вагоны. И тут из репродукторов (на перроне и в вагоне) грянула музыка. Марш славянки. Тогда он не был таким заезженным, я его услышал впервые. Впечатлило! Особенно, когда старшекурсники выдали хором:

Отгремела весенняя сессия,
Нам в поход собираться пора.
Что ж ты, милая, смотришь не весело,
Провожая ребят в лагерь.

Прощай, родимый край,
Труба зовет в поход.
Смотри, не забывай,
Наш боевой хим. службы взвод.

Не плачь, не горюй,
Напрасно слез не лей
Лишь крепче поцелуй,
Когда вернусь из лагерей

Там, там, там-пам,
Там- пам-пам-пам,
Пам- пам-пам-пам

Не совсем по теме, но все равно – хорошо.

Поезд тронулся и понес нас на Восток.

*И мелькают города и страны,
Параллели и меридианы.*

8. В вагоне стояла кутерьма – шла борьба за полки. И за «купе» по интересам (а кое-где и по полу – были девицы категорически не желавшие находиться в прямом контакте с парнями). Никто не хотел на боковые полки, а все почему-то на вторую – подветренную. Чтоб ветерок обдувал. Жара ж будет Я, как опытный путешественник этого мнения не разделял: уши продует, угольный аэрозоль в глаза попадет, а главное – через пол-дня примешь негритянский вид, и подушка будет черной. Пользуясь силой и авторитетом, я захватил верхнюю полку: ту, что по ходу движения. И в окно можно высовываться и грязи меньше.

Полку застолбил, но расположиться не успел. Из соседнего купе донеслось нестройное пение. Слов не разобрать, но темп хорошо ложился на стук колес:

Цыц вы, шкеты, под вагоны,
Кондуктор сцапает вас враз,
Узнаю по пыли черной –
Прет экспресс Москва-Донбасс
Чух- чух-чух-чух.

Именно из-за этого чух-чух-чух-чух песня и пелась, совпадая с ритмами поезда и нашими собственными. Хотя, прислушавшись, я понял, что здесь – целая баллада: компашка пацанов путешествует в ящике под вагоном («Ляжь на оси колеса») и содержит даже трагические нотки:

Ну, а где твоя сестренка?

Скорый поезд раздавил!

Так я приобщился к песенному фольклору, который оказался необычайно разнообразен (Это – без Визбора, Анчарова, Галича, Высоцкого, Окуджавы! Которые тогда еще под стол ходили) и о котором ранее я ничего не знал. И песни на время стали формой моего существования. И всех вокруг. Это было какое-то наваждение. Как говорить, ни до ни после...

Так что в этом повествовании без песен не обойтись. Еще раз извиняюсь.

Стали мы устраиваться. И сразу захотелось есть. Факт, широко отраженный в мировой литературе. Времена были не сказать, чтоб очень сытые, но предки расстарались. В нашем мужском купе (включая боковые полки) стол буквально ломился от снеди. Пришлось даже ограничить поставки. Откуда-то возникли тонкие (огнеупорные!) химические стаканы с оттянутыми носиками. Невольно вспомнился химфак. А где химфак, там и химия, а химия – это – спирт. Этиловый, C_2H_5OH , как вы помните. Подарок Шефа в дальнюю дорогу. Хороший спирт, чистый. Не просто чистый, и даже не «химически чистый», а «чистый для анализа»! Вы такой, небось, и не пробовали. «Дымился разведенный спирт в химическом стекле» – сморозил же поэт такую глупость. С какой стати разведенный спирт станет дымиться? И какой мудак разводит спирт? Не иначе, как поэт физиком был...

Мы же были химиками и тренировались в употреблении спирта второй семестр. А что еще пить прикажете? На водку никаких денег не хватит. А спирт бесплатный – отдела снабженья головная боль. («На протирку оптических осей» – это у техников-физиков, у нас – на перекристаллизацию чего-нибудь, да на оргсинтез). Проблема только, как его дотащить от склада до лаборатории, не разбив и не расплескав, ибо поставлялся он почему-то исключительно в 10 литровых бутылках, которые не знаешь как и хватать-то. Так что если вы думаете, что Шеф оторвал последнее от сердца – ошибаетесь – у него еще литров сто осталось. Ему вредно...

Пить спирт надо умеючи, а то глотку обожжешь. Начинаешь с того, что берешь кружку и заполняешь ее водой, желательно холодной. В другой руке держишь химстакан со 100 граммами ректификата, а потом резко так в горло Раз! и не вдыхая, ни в коем случае не вдыхая, запиваешь водой из кружки. Пиво не пей, не надо. После первой, как грамотно рекомендовал классик, не закусывай. А потом да, потом что-нибудь жирненькое, желательно кусок сливочного масла.

Мы так и сделали. Кайф! Выпивки, хоть залейся, закуси навалом, колеса стучат, вагон качается, что еще надо? Посидели мы, немного песни по орали и поняли, чего нам не хватает. Не хватало дам! Во, совсем о девчонках забыли. Катили, катили и докатились. До старческого маразма...

Пошел приглашать лично, такое дело никому не доверишь. Договариваться надо с Наташей, как староста со старостой. Хорошо ходить далеко не надо – соседний вагон. Девицы тоже расположились, рассупонились, обложились снедью, по-богаче нашей, кстати. Спиртик у них, конечно, был. Но мало, небольшая колба с притертой пробкой. Да много и не надо. Они и без него веселились.

Переговоры с Наташей-старостой и возглавляемым ею коллективом №19 прошли успешно, и я с пятью дамами вернулся свое купе.

Там было тихо. Семь мужиков смотрели на меня с благоговейным ужасом и уважением. Я даже смутился.

– Кастыль! – сказал Пашка, слегка заикаясь от волнения – у тебя курица с четырьмя ногами!!!

– Пить меньше надо, – констатировал я, пробираясь на свое место.

– Да нет! Сам смотри!

Я глянул и прибалдел. На столе валялась моя авоська с родительскими дарами, один кулек был разорван, и из него торчала куриная тушка. Действительно, с четырьмя ногами! Чудеса генетики – продажной девки империализма. Пары спирта стали выходить из ушей. Сознание, однако, не возвращалось. Пришлось хлебнуть воды. Помогло!

– Идиоты! Это не курица, а кролик! Млекопитающее! А они, как правило, на четырех лапах ходят.

Кролик! – в свою очередь удивился народ, разглядывая освежеванного и закопченного зверя, – Заяц.

Кролик, Кролик, – успокоила всех Ляля, – у меня мама на них опыты ставит. Очень вкусный!

А вот это она зря. Двадцать рук метнулись вперед, и кролика не стало. Я не успел отведать.

Прибытие дам оживило наш хор. Тема появилась. Диалог начинает она, тихо пискнув:

– А я не пью!

Он (басом):

– Врешь – пьешь!

– Ей-богу нет!

– А бога нет!

Так наливай студент - студентке
Не пьющие студентки редки
Они повымерли давно

Вино! Вино! Вино! Вино!

Оно на радость нам дано.

Непьющих студенток в реальности не оказалось. Пил я, пил и устал. Кто послабже – тот не выдерживает. Залез на третью полку, сбросил чьи-то рюкзаки и отключился.

Когда проснулся, было уже светло. Поезд стоял. Я свалился вниз и глянул в окно.

Широкая река плавно катила темные воды. Волга! – понял я. Поезд располагался вдоль реки, собираясь повернуть налево, почти под прямым углом. На мост. Саратов, – дошло до меня (что-то соображалось, хотя головка бо-бо) – Саратовский мост через Волгу. Он был прекрасно виден. Изящный и мощный одновременно. Красивый и функциональный. Двести лет простоит, как нечего делать. Идеальный пример сочетания техники и искусства.



Саратовский мост.

Спроектировал и построил его Ай-Болит. Так у нас в семье звали старинного друга отца. Я застал уже маленького, дряхлого, суетного старикашку. Ничего в нем не напоминало знаменитого архитектора-путейца, автора чуть ли не всех мостов на Транссибе, министра путей сообщения в правительстве Колчака. Теперь, после трех арестов, тюрем и лагерей, у него появился бзик – он всех лечил. Всех и от всех болезней. Причем – гомеопатией, т.е. практически запрещенными средствами. Где он брал эти мелкие сладкие шарики, которые мы глотали из вежливости (не сам же он их изготавливал, надеюсь) – для меня осталось тайной. Но где-то он их доставал – его карманы, а их было множество – всегда были набиты картонными трубочками, похожими на патроны. Раскрывались они со звуком Чмок! Оттуда высыпались на ладонь белые горошинки. Нужно было отсчитать пять (почему пять?) и отправить в рот. Помогло ли кому? Не знаю. Может и помогло.

И вот я смотрел на его творенье. Замерший в камне-бетоне экстаз мысли. Впечатлило...

Почему ж человечество в целом и Россия, в частности, так обходится с носителями интеллекта? Зачем превращать Инженера (с большой буквы) в гомеопата (с маленькой). Мало у нас шарлатанов?

Паровоз загудел, дал залп дыма и пара, и затащил нас на мост. Мост Ай-Болита, назвал бы я. Хороший мост – под нами не обвалился.

Начиналась Великая Транссибирская Магистраль. Как не вспомнить что-то эмигрантское:

Быстро-быстро донельзя
Дни пройдут как часы
Лягут быстрые рельсы
От Москвы до Шанси
И мелькнет на перроне
Белокрылый платок
Поезд вихрем зеленым
Унесет на восток.
Будут рельсы двоиться
Убегая вперед
От китайской границы
До покровских ворот

Много наших проследовало этим путем в Монголию, Китай и далее.

Буду помнить я вновь
За кордоном Россия
За кордоном любовь

А мы остались. И получили свое....

*Бегут вагончики по перегончикам,
За перегонном перегон.
И с песней движется и чуть не рушится
От нашей песенки вагон.*

9. Пейзаж поменялся: пошли степи-буераки. Некоторое время я смотрел в окно. Интересно, но не очень. Spaciren geep по вагону. В соседнем купе радиохимики играли в очко на носы. Валера наотмаш (как мне показалось – всей колодой) наносил удары по носу Боба. Пашка считал. Нос Боба пламенел, на глазах приобретая сизый оттенок. Тоже интересно, но тоже – не очень.

В соседнем купе, комсомольский актив исполнял песню Соляникова – нашего факультетского поэта:

Эту песню, песню свободы
Часто слышали горы Балканы
Джунгли Явы, реки Китая
И широкое небо Вьетнама

Хорошая, кстати, песня. Бодрая. В духе времени – борьба за независимость колоний.

Что свобода так не дается

Ее крови ценой добывают

Крови пролили не мало. Только удалось ли достичь Свободы – большой вопрос. Я, как стихийный империалист, ответ знаю, но промолчу. Пойду себе дальше.

В очередном купе народ был занят делом – играл в карты на компот, точнее – на сухофрукты. Большой раскрытый мешок стоял на полу. Мальчики и девочки играли в Кинга. Возглавлял все это дело представительный, можно сказать – корпулентный, мужчина слегка за сорок – единственный взрослый в нашем составе. Доцент Ограновский с органики. Он старался быть как все, ничем не выделяться. Более народным, чем народ. Вот даже карты затеял, чтоб кто не подумал, что он держиморда какой и ратует за запрет в ССО азартных игр, или там пьянок-дебошей. Идея сыграть на компот многих вдохновила, и студенты сюда тянулись. Карт на всех не хватало и многие кучковались вокруг, дожидаясь очереди.

Глянул я на это дело, и прозрел: кагебист-сексот-провокактор. Худшая разновидность – свой среди чужих.

Интересно, как иногда одного взгляда достаточно, чтоб поставить верный диагноз.

Впоследствии я неоднократно сталкивался с этим товарищем. Он очень гордился своим братом, погибшим на войне. На войне с фашизмом, между прочим. Но юмор в том, что сам он и был фашистом-нацистом, причем в самом оголтелом виде – каждая его клетка организма была фашисткой. Евреев он ненавидел до потери пульса. Может поэтому избежал фронта – чтоб не мешать немцам давить жидов? Имел я сомнительное счастье наблюдать потом, как он боролся за чистоту рядов студентов МГУ. Возглавляя приемную комиссию факультета. Он, конечно, выполнял это по поручению партии. Но не только – по душевной склонности тоже.

Понял я – предо мною враг. И мне еще придется его уничтожить. Но – потом. Пока – держись подальше.

Подальше – это следующий вагон. Как минимум. Его я проскочил, остановившись на момент послушать песнь про электричество (и наше счастливое будущее):

Не будет стариков - мы все омолодимся,

Не будет пап и мам - мы будем так родиться,

Не будет акушеров, не будет докторов,

Нажал на кнопку- чик-чирик - и человек готов:

Нам электричество ночную тьму разбудит,

Нам электричество пахать и сеять будет,

Нам электричество заменит тяжкий труд,

Нажал на кнопку – чик-чирик – все будет тут, как тут.

Тогда еще верили в науку:

Да здравствует наука! Ура XX век,

Скорее нарождайся электрочеловек.

Верили, что прогресс совместим с наукой, а личное счастье – с прогрессом.

Мы за прогресс, и мы же за науку

Нам электричество развеет мрак и скуку

Нам электричество любой заменит труд,

Нажал на кнопку, чик-чирик – и тут как тут!

Увы! Увы! Увы!

Еще один вагон – и я у физиков. Ребята серьезные – всё на хорошем, профессиональном уровне. В том числе – пение. Пели они не акапелла, как химики недорезанные, а под гитары. Под несколько хорошо настроенных гитар. Очень породистых. 7 классов музыкальной школы, как минимум, а то и все 10. И пели не просто случайные люди, а хор – обученный и настроенный. Как ни странно, возглавлял это дело ни какой-нибудь седой старшекурсник, а молодой пацан, лет 16-ти, только что сдавший экзамены на физфак МГУ, но уже напросившийся в целинники.

Опять же одного взгляда на него было достаточно, чтоб оценить его потенциал. Большой потенциал. Да, это был, ставший вскоре знаменитым, бард-физик Микитин. Тогда еще без своей противной жены. И песни он пел пока не свои:

Есть в Батавии маленький дом,
Он стоит на утесе крутом,
В этом доме танцуют и пьют,
И о чем-то тоскливо поют

Один раз в жизни живешь,
Что можешь от жизни берешь,
Но девушек пылких и рома бутылку
С собой на тот свет не возьмешь.

Дорога в жизни одна,
Всех к смерти приводит она,
Днем раньше, днем позже умрешь,
С собой ничего не возьмешь!

Из-за пары распущенных кос,
Что пленили своей красотой,
С оборванцем подрался матрос,
Подстрекаемый шумной толпой.

Оборванец был молод, силен,
В нем играла и пела любовь
А матрос был совсем изнурен,
Нож вонзился, и брызнула кровь.

Оборванец нагнулся слегка,
Чтоб лицо у врага увидеть,
В нем родного он брата узнал,
И не мог больше слова сказать.

Дико выла, ревела толпа,
И рыдал оборванец босой.
Только молча стояла она,
Белокурой играя косой...

Один раз в жизни живешь....

Прекрасная баллада! Прямо кино. Один раз услышал, а помню 50 лет каждое слово. Потому как сюжет есть, и мораль справедлива. Ведь действительно – один раз в жизни живешь, действительно – что можешь от жизни берешь. А самое главное – ни девушек пылких, ни рому бутылку с собой на тот свет не возьмешь. Так чего копить-жадничать. Дорога в жизни одна – всех к смерти приводит она...

Аминь!

*Стройные пихты летят за окном,
Все так безумно красиво.
В тамбуре вместе стоим и поем,
Поезд идет торопливо.*

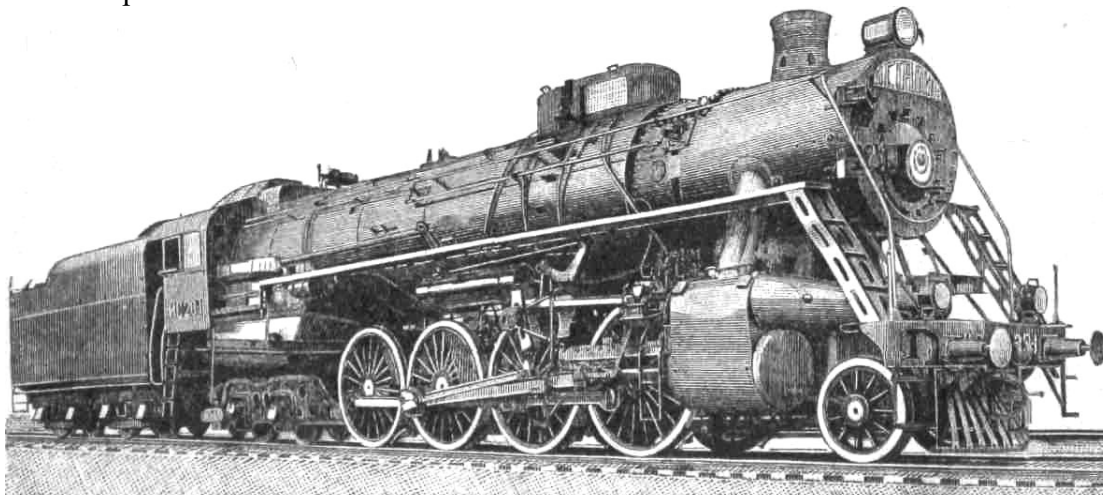
Пошли холмы-горки, поросшие соснами, овраги-обрывы. Уфа! Большая станция. Пора прошвырнуться. Людей посмотреть, да себя показать.

Вечереет, но было жарко. Народ гулял по перрону. Работали киоски, можно затариться папиросами и даже купить московскую газету. Не очень свежую, но все же. Пива не было, только Буратино. Зато имелся настоящий ресторан, с люстрой под потолком и столами с белыми скатертями. В углу – фикус. На стене – выгоревший прямоугольник – след портрета вождя. Поезд стоит достаточно долго, запросто можно пообедать. Супчика, к примеру, похлебать. Тут-то Ленка

Фишман впервые обидела Валеру, заявив, что немытых в ресторан не пускают. Во-первых, какое твое дело? Во-вторых, ты – из дружественной группы, так и веди себя соответственно. А в-третьих, почему это он – не мытый, когда он вчера мылся, а сегодня чуть было не почистил зубы, да вода кончилась.

Мы обиделись (полюби нас грязненькими, а чистыми нас каждая полюбит), и пошли смотреть паровоз.

Его как раз меняли.



Паровоз Иосиф Сталин (ИС, потом ФД)

Усталый, весь в мыле, локомотив отдувался, выпуская в стороны и под себя струи пара. Изредка он начинал стучать колесами---тук-тук-тук, как рвану – узнаете. Пугал он. Но сил уже не было. От столба к нему повернули верхушку буквы Г, и сквозь брезентовый шланг ударила струя воды. Паровоз с удовольствием пил. За процессом с высоты одинокой каменной водокачки псевдоготической архитектуры внимательно наблюдал мужик с гуцульскими усами.

Паровоз нравился сам себе, и справедливо – он был красив. Стремительные обводы, какие-то щитки, рассекающие встречные потоки, какой-то мудреный кривошипно-шатунный механизм. Все было идеально. Впечатление совершенства. Ясно, что инженерная мысль здесь достигла предела. Андрей Ефимыч – автор этой железяки - прожил жизнь не зря, искупил грехи молодости (Гражданскую был большевистским комиссаром Сибири и кровушки пролил не мало). ИС (Иосиф Сталин, естественно) как стал, так и остался вершиной отечественного паровозостроения. Его облик даже не портила дыра в передней решетке с рваными краями – вырванный профиль Сталина.

Кстати, интересный пример из теории катастроф – плавное восходящее развитие, сменяющееся крутым обрывом. Несколько десятилетий паровозы совершенствовались и совершенствовались. Достигли пределов своих возможностей. Казалось бы – хорошо, используй их теперь, хотя бы столетие. Ни тут-то было! Через год паровозы исчезли, полностью – как класс капиталистов. Если на целину нас вез паровоз, и кругом были паровозы, вон, напротив стоит мощный ФД (Феликс Дзержинский), далеко ходить не надо, то через год, направляясь в Иркутск, я ни одного паровика не встретил. Вообще ни одного! Тепловозы и электровозы. Скучища...

Так что ты, паровоз, молод и красив, но в твоей красоте заложен конец. Пора на свалку.

Сейчас его меняли на СО (Серго Орджоникидзе). С этим типом я знаком – неоднократно падал с верхней полки, когда он дергал состав или тормозил.

А всё же! Почему природа пошла по пути создания такой сложной структуры, как биологическая клетка, а не сотворила сначала такую простую вещь, как паровоз?!!

Пошли вдоль состава обратно. Бетонная стенка с надписью «КИПЯТОК». Несколько подтекающих кранов. Как в бане. Точно - кипятик, когда кто-то подносил бидон и открывал кран,

из него сначала с шипением шел пар, а уж потом вода, даже на вид горячая. Нужно иметь рефлекс, чтоб вовремя отскочить. А в целом – удобно. Теперь такого нет... Да и не надо.

За низким забором процветала частная инициатива – бабки торговали снедью, молоком, медом, цветами и сигаретами. На вокзал их не пускали, и обмен товар-деньги осуществлялся через забор. Марксу надо провести коррекцию Капитала, включив забор, как высшую стадию. Я купил теплой молодой картошки, политой русским, топленным маслом, банку топленого молока с аппетитной коричневой коркой и кулек вишни.

Тут-то мы и обнаружили, что состав наш идет. И уже довольно давно, так что набрал приличную скорость. И наша перспектива – успеть влететь в последнюю дверь последнего вагона. Эту самую дверь осаждала молодежь, галантно пропуская дам вперед. Естественно, произошло неизбежное – Ляля застряла! Наружу торчала немалая попа, эту попу попеременно снизу толкали семь мужиков, подпрыгивая на ходу. Но без толку. Бедняжку заклинило. Кончилась платформа, мы уже бежали по гравиям, перескакивая стрелки, а Лялькины бедра мешали нам жить. Коротать свой век в Башкирии, нам, однако, не хотелось.

Кто-то сорвал стоп-кран. Взвизгнули тормоза, состав остановился. Тут выяснилось, что никаких препятствий нет – пожалуйста, проходите. Ляля призывно махала нам рукой – что ж вы на поезд не садитесь?!

Поезд нас уносит на Восток...

11. В предгорьях Урала движение замедлилось. Дорога стала однопутной, мы долго стояли на полустанках, пропуская встречные составы. Успевали даже сбегать в поля за неспелой кукурузой (в целях безопасности заперев Лялю в купе). Да и паровоз был слабоват, с трудом затаскивая нас на подъемы.

В согласии с новым тактом стука колес, Микитин, теперь пел:

А поезд тихо ехал на Бердичев
А поезд тихо ехал на Бердичев
А поезд тихо "Е", а поезд тихо "ХАЛ"
А поезд тихо ехал на Бердичев

Начало задумчивое, но дальше пошло с ускорением:

А у окна стоял мой чемоданчик,

А ну-ка уברי свой чемоданчик....

Вокруг мешавшего кому-то чемоданчика началась возня, в результате которой чемоданчик был выброшен в окно. На что пацан радостно возопил:

А это был не мой чемоданчик!!

Комичная ситуация. Но есть какая-то недосказанность, а чей же это был чемоданчик? И как его истинный владелец прореагировал на события?

Потребовалось сорок лет, чтоб я, наконец, узнал, в чем тут дело. Героем оказался вовсе не задиристый пацан, а вполне взрослый товарищ. Чемодан же был тещин (что само по себе приятно) и в нем (главное!) находилось его брачное свидетельство. Так что решительный жест нервного соседа сделал его свободным. Было от чего радоваться.

Приближалась граница Европы и Азии - пропустить никак нельзя.

На какой-то беспричинной остановке мы с Валерой вылезли из вагона и, слегка подсадив друг друга, перебрались на вагонную сцепку, да так и поехали.

Пейзаж стал виден лучше, да и подобный способ перемещения в пространстве романтичнее. На кадры из ковбойского фильма похоже. Только стенки вагонов мешают.

Цепляясь за цепи-скобы перебрались мы на крышу вагона. Вот здесь уже был настоящий кайф. Сильный ветер бил в лицо, клубы дыма изредка окутывали нас, обдавая серным духом (почему серным?), опоры скрипели, повизгивали, шатались, пытаясь сбросить нас с себя. Зато было видно на все четыре стороны. Поезд извивался ужом, лавируя меж сопков. Вверх-вниз, вправо-влево. Туннели: один, второй, третий. Влетаешь, как в ад – внутри дышать абсолютно

нечем, паровоз своим дыханием портит атмосферу. Кажется, не доживешь до вылета из бездны. А потом открытым ртом хватаешь чистый воздух. Волосы полощутся на ветру, а морда все чернеет, чернеет, чернеет. Теперь Ленка точно в ресторан не пустит.

Эффектны пролеты мостов: под тобой широкая река, мост, изогнутый дугой, и фермы вибрируют вокруг.

Начались Уральские горы, пусть по понятиям некоторых и небольшие, но красивые. Кругом тайга, настоящая хвойная тайга, вплоть до макушек округлых холмов. Вот где побродить было бы приятно. Но – мимо...



Обелиск Европа-Азия на Транссибе.

Вот и столб пролетел. Белый каменный. С хорошо видимыми надписями. С одной стороны надпись ЕВРОПА на другой АЗИЯ. Появился и исчез. А мы стали жить в Азии, важной части нашей родной АЗЕОПЫ.

Поезд шел быстро. Начало темнеть, резко похолодало. Пошел мелкий дождь. Стало как-то неуютно. Чтобы согреться решили пробежать по крыше вагона к другому концу. В кино так часто делают. Но ничего не вышло. Крыша вагона оказалась полукруглой, без какой-либо дорожки по центру, или хотя бы серии скоб. Сейчас – скользкая от дождя. Да и встречный поток не слаб, с ног сбивает. Даже холодно как-то.

Поезд, который еще недавно останавливался у каждого столба, теперь мчался вперед. Пришлось нам сползти вниз и усесться на сцепку меж вагонов, тесно прижавшись друг к другу. Здесь хоть не так дуло. Но и не заснешь – вагоны бились друг о друга и дико скрипели на поворотах. Хорошо еще, что привычка к сельской местности приучила меня часами сидеть на корточках. Но все равно утомился.

Глубокой ночью поезд, наконец, тормознул, и мы перебрались в теплый вагон.

А обзор был хорошим. При случае попробуйте. Рекомендую....

*Родины просторы, горы и долины,
В серебро одетый зимний лес грустит.
Едут новоселы по земле целинной,*

12. Целинные земли преподнесли нам сюрприз: мы въехали в аварию. К счастью – в чужую. Утром я проснулся поздно, пошел умыться-бриться, благо туалет был свободен (второй, естественно был закрыт проводниками – чего двойную работу делать?). Блюсти мурло надо? Надо! Вымыл лицо, вытер казенным полотенцем – оно перешло в разряд половой тряпки. А я, было, хотел и шею помыть. Не судьба, однако.

Поезд стоял на узловой станции. Виднелись опрокинутые вагоны, возникали всполохи сварки, визжали бензопилы. На соседнем пути рельсы были вздыблены и скручены, шпалы выдраны и разбросаны. Суетились люди.

История рассказывается так:

...На узловую станцию прибыл эшелон и встал на второй путь. Его машинист рассеянно слушал по радиотелефону переговоры диспетчера с встречным составом. И тут он понял, что диспетчер пропускает скорый по второму пути. Он немедленно включился и закричал диспетчеру. – Как по второму пути? Я – товарный – стою на нём!

– Не мешайте работать! – отвечал женский голос. – Я отлично вижу, где вы стоите. Не слепая!

Тогда обеспокоенный машинист эшелона сам связался с коллегой.

– Слушай, что-то не так! Я, товарный, стою на втором. Сбавь скорость и готовься встать.

Машинист встречного послушал совета, затормозил и поезда встали на одном пути, упершись лоб в лоб локомотивами. Возник скандал. Набежали начальники. Стали ахать, охать и ругаться. Наконец, развели составы в разные стороны. Диспетчера сняли, хотя она и кричала, что виноваты машинисты, которые сами все перепутали и не выполнили ее команды.

Через месяц её восстановили в должности. Работать, ведь, кому-то надо!

А ещё через месяц на этой Узловой произошла железнодорожная катастрофа: проходной поезд врезался в стоячий. Дежурила та же тетя-диспетчер. От спеца не защитишься. От дурака можно, от специалиста нет. Он всегда найдет способ, как желанную пакость сотворить.

Особой задержки, однако, не случилось – мы продолжали путь.

Жизнь продолжалась. Вернулся Валера, кроя последними словами Ленку, которая его опять куда-то не пустила. Чуть ли не в собственный вагон. Это, конечно, безобразие, как тут не выпить? Увы! Спирт кончился. Вроде много было, а поди ж ты...

Мало того, что выпивка кончилась, так и деньги как-то растаяли. А мы еще и до места не добрались. Положение спас Боб. Широким жестом он извлек бутылку в блестящей оболочке. Советское виски. Пили когда такое? Нет? Правильно делали. Поймать бы изобретателя и яйца отрезать. Никогда в жизни так не блевалось, как от этого пойла с благородным названием. До туалета не добежишь.

Проснулся я в полдень с тяжелой головой. Опохмелился малосольным огурцом. Боб принял одеколон Сирень, а я не стал. Цветочный одеколон не употребляю, тройной – другое дело. Пашка еще был на взводе от Виски (Советского, крутого). По этой причине драл глотку:

Что же мне делать, девушек нету

Файдули-файдули - фай

Эх полечу на другую планету

Файдули - файдули - фай

Вставлю перо я в пятую точку

Файдули- файдули - фай

Эх, проведу на Венере я ночь.

Файдули- файдули - фай

Водку возьму я в спутницы странствий

Файдули- файдули - фай

Эх, чтобы не скучно мне было в пространстве

Файдули- файдули - фай

Лучше возьму я деву земную

Файдули - Файдули - фай
Эх, а не то пролетаю в пустую
Файдули - файдули - фай

Ну и дальше в том же духе. Песня длинная.

Понял я, что надо что-то делать, а то общество загниет на корню. Тут вовремя вспомнил, что наши вожди рекомендовали запретить в стройотрядах карточные игры. Самый момент хоть что-то сделать назло. Отправили Пашку спать (пусть во сне вставляет себе перо в пятую точку или в любую другую), а сами вчетвером сели писать пулю.

Мы не были, конечно, начинающими преферансистами, но и профи тоже не были. В неофициальном первенстве ВУЗов Москвы по преферансу мы стали участвовать уже после целины, на втором курсе. А сейчас просто тренировались, благо у Фридмана деньги еще были, и был шанс их у него отобрать. Все забавы с тезисами типа «злейшие враги преферанса – жена, скатерть и шум», «от игрокка – с семачка, а от вистуза – с туза», «хода нет – ходи с бубен», «кто играет шесть бубен – тот бывает наебен» и т.п. были позади. Мы серьезные люди и игра серьезная. Требуется интеллект и внимания. Ну, и везения тоже. Тем более – на деньги. Азартные игры для тонуса вещь полезная...

И увлекательная.

Трудились мы часов семь, ни на что не отвлекаясь, даже на обед и песни. Деньги у Фридмана отобрали (а не играй мизер в темную!), дав ему немного взаймы.

За окном между тем простиралась степь. Час: один, второй, третий; сутки одни, вторые, третьи нес нас курьерский сквозь открытое пространство. Ни деревца, ни кустика. Земля раскинулась до горизонта, что тарелка ровная. Только станции-полустанки выглядели некими оазисами, клочками зелени с пирамидальными тополями. А так – необитаемое пространство, ночью – ни огонька. Было тут чего осваивать.

Проехали Петропавловск (не какой-нибудь Камчатский, а наш, коренной). Приказ – скоро Булаево, готовьтесь к десантированию.

Состав остановился.

Мы вступили на Казахстанскую землю.

Надо было начинать новое дело, которое потом разгорелось ясным пламенем по всей стране. С энтузиазмом первопроходцев рвались мы к вершинам, к Городу Солнца. Мы думали, что строим Вавилонскую башню, но на самом деле рыли Котлован, куда потом рухнуло все: и страна, и целина, и наши постройки, и наши мечты-идеи. Мы думали: котлован – начало великой стройки, а он оказался братской могилой. Реальность, как в повести «Вверх по лестнице, ведущей вниз». Мы изо всех сил бежали по эскалатору вверх, но эскалатор шел вниз. И чем быстрее мы бежали вверх, тем активнее спускались вниз. Да, самые ушлые достигли верха и перелетев через океан осели там на вечное жительство. Мы же рухнули в яму. Сначала, как мыльный пузырь, лопнула идея целины, затем – идея социализма-коммунизма. А идея ССО? Что идея ССО? Она не пережила своих создателей. Тихо сдохла...

Пора, однако, начинать.

Пьяный ветер свободы – покати нас шаром.

13. Вышел я аккурат напротив здания вокзала - белого, каменного домика, с позывами на классицизм. Неизменные тополя, но не пирамидальные, а вполне раскидистые. Клумба в оформлении побеленных кирпичей. В центре белая же гипсовая скульптура первоцелинников: мужик и баба бережно прижимают к себе снопа пшеницы.

На стене – выцветший лозунг:

«КПСС – БАЛДЫРМА! ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН – БАЛБУЧОК!

Однако! – подумал я. – Выразителен казахский язык. Ленин-то действительно Балбучок, а компартия – Балдырма. Точнее не скажешь.

Но особо философствовать некогда – надо рвать когти. Поезд стоит не долго. Выкинув свой рюкзак на перрон, я побежал в хвост состава разгружать лабораторию. А то все стекло перебьют, и все кислоты-щелочи разольют активисты малограмотные. Это все пригодится – чувствовал я. Нужна ли она школьникам – не факт, а мне точно нужна: взорвать чего, самогонку отогнать, наркотик какой сварганить, яд сварить, лекарство... Мало ли забот у химика?!

Пашка-комсорг рванул в другую сторону – туда, где выгружали-делили продукты. Тоже дело важное. Бросок был своевременен – удалось из-под носа физиков утащить два ящика колбасы и мешок сухофруктов. Долго-долго мы этим питались.

Кухарка Эля мутным пойлом нас поит,
Уверяя при этом, что это пойло – компот.

За нами были поданы открытые грузовики с лавками. Мы быстро погрузились и рванули на волю в пампасы.

Как пишут в романах – окрест простиралась широкая (бескрайняя) плоскость малой кривизны. Час летит машина, второй, третий – пейзаж тот же. Земля и небо, как вода и небо в море. Ни кустика, ни деревца, ни холмика, ни оврага, ни водоема, ни зверя, ни человека. Пустота! Хотя кругом – пшеница. Откуда взялась?

Машины поднимали пыль, густую и чёрную. Дышать мешает. А мы и не дышали – мы пели. Точнее орали, разложенную на мужскую и женскую партии, Голубку:

А когда помрешь ты, милый мой дедочек,
А когда помрешь ты, сизый голубочек,
Во середу, бабка, во середу, Любка,
Во середу ты моя сизая голубка.

На кого покинешь, милый мой дедочек,
На кого покинешь, сизый голубочек,
На деверя, бабка, на деверя, Любка,
На деверя, ты моя, сизая голубка.

Деверь будет драться, милый мой дедочек?
Деверь будет драться, сизый голубочек,
Боронися, бабка, боронися, Любка,
Боронися, ты моя сизая голубка.

Сначала мы все ехали вместе. Химики – часть в Ждановский совхоз (в тот в котором в прошлом году были физики), а другие две части – в новые хозяйства – Чистовский и Советский. Вскоре пути наши разошлись и мы, повинаясь неведомым ориентирам (на дороге указателей не было), повернули в сторону совхоза Советский. Самый добровольно-сознательный, надо полагать.

Нашу скачущую по кочкам машину вёл молодой парень. Он не сидел в кабине, а, открыв дверь, стоял на подножке, повернувшись задом к дороге и заглядывая в кузов, в попытке привлечь к себе внимание девчат. Те же с энтузиазмом продолжали

Чем же борониться, милый мой дедочек,
Чем же борониться, сизый голубочек,
Ледорубом бабка, ледорубом Любка,
Ледорубом ты моя сизая голубка.

Машина сделала рекордный скачок, борта разошлись, и скамья рухнула вниз. Раздался дружный вопль сзади сидящих – передние седоки придавили им ноги.

(Продолжение возможно)